Ю
Д 29
Дельбрюк Г.
Истор. военн.
иск-ва.
т 6
1939

Г. Дельбрюк

ВОЕНИЗДАТ

Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

SECHSTER TEIL

NEUZEIT

(FORTSETZUNG)

VON EMIL DANIELS

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1920

I-O
D19

Ганс Делюбрюк

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ШЕСТОЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

В ИЗЛОЖЕНИИ Э. ДАНИЭЛЬСА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1939

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ШЕСТОЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Перевод с немецкого

VI том, как и предыдущий, написан не самим Гансом Дельбрюком, а, с его согласия, Эмилем Даниэльсом. История германо-французской войны 1870—1871 гг., которой целиком посвящен настоящий том, излагается автором главным образом с точки зрения развития военных событий, причем более подробно характеризуются планы и действия немецкой стороны. Эволюции военного искусства и политической истории Даниэльс уделяет мало внимания.

Схематические карты, иллюстрирующие изложение, воспроизведены с немецкого издания. Можно рекомендовать читателю пользоваться также картами и схемами, приложенными к книге Мольтке „Германо-французская война 1870—1871 гг." (Воениздат, 1938 г.).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
531808

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий VI том сочинений Дельбрюка написан его учеником и подражателем — немецким буржуазным историком Э. Даниэльсом. Том целиком посвящен франко-прусской войне 1870—1871 гг.

Когда на франко-прусской границе раздались в 1870 г. первые выстрелы, К. Маркс с присущей ему прозорливостью 23 июля писал, что эта война для Германии «потеряет свой чисто оборонительный характер и выразится в войну против французского народа».

Так и получилось. «Когда полная гнилость бонапартистского милитаризма выплыла наружу, прусская военная камарилья решилась превратить войну в завоевательную» (Маркс).

В пространном и интересном исследовании франко-прусской войны у Даниэльса вот этого-то своеобразного развития франко-прусской войны 1870—1871 гг., а равно вскрытия социально-экономических и политических причин, породивших это своеобразие развития войны, как раз и нет. Даниэльс этого не мог дать, так как он — реакционный историк и враг марксизма. Историческое оправдание хода войны и поражения Франции Даниэльс усматривает в одном: Пруссия располагала лучшей, совершенной военной организацией, возглавляемой к тому же непревзойденным военным мыслителем Мольтке, — перед которой не могла устоять реакционная бонапартистская военная машина.

Это — старый, избитый, любимый конек немецких историков и военных писателей. На этом коньке — на прославлении «мощи» и «несокрушимости» германского военного оружия — пытались ездить различные всадники. Различна была и судьба этих всадников. Их роднило только одно: все они очень удивлялись, когда оказывалось, что любимый конек не в состоянии выдерживать те аллюры, которых хотел бы всадник.

Что же касается широких завоевательных планов обнаглевшей «прусской военной камарильи», сводившихся к захвату и порабоще-

нию Франции, то Даниэльс преподносит это как нечто само собой разумеющееся и вытекающее из необходимости оградить «невинную» Германию, которая «окружена тайными противниками и ненадежными друзьями».

Легко было «осмысливать» программы захватов, когда бонапартистская военная машина перестала существовать, но не легко было «прусской военной камарилье» осуществить их, когда против прусских поработителей встал французский народ. Французский народ сорвал программу захватов прусских завоевателей.

«...Усилия, — писал Фридрих Энгельс, — сделанные Францией после Седана для реорганизации своей национальной обороны, беспримерны в истории». Даниэльс при всей своей антипатии ко всякому народному движению признает те огромные «неприятности», которые доставляли немцам и вновь созданные регулярные формирования, и отряды национальной гвардии, и, наконец, многочисленные партизанские и полупартизанские отряды «вольных стрелков».

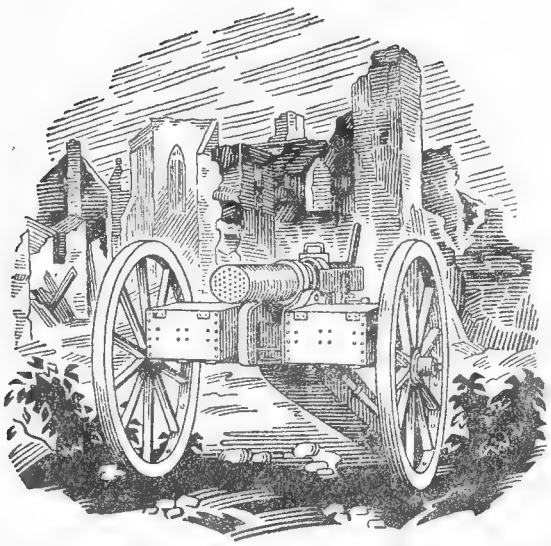
Имеющийся в труде Даниэльса довольно обширный фактический материал, рисующий организованное французами сопротивление и развитие народной войны, представляет значительную ценность для советского читателя. Необходимо, однако, иметь в виду, что Даниэльс сплошь и рядом сознательно принижает военную ценность формирований национальной гвардии и в то же время совершенно ничего не говорит о гнусной предательской роли, которую играли Трошю, Жюль Фавр и другие вожди «республиканского» правительства. Хорошо известно, что условия перемирия, заключенного после капитуляции Парижа, были небывало почетны, как указывал Маркс, именно потому, что пруссаки боялись парижских пролетариев. Не менее хорошо известно, что через короткий срок после этого палачи Коммуны, расправляясь с героическими коммунарами, призвали на помощь прусские штыки. Даниэльс как будто «забывает» обо всех этих фактах; капитуляцию Парижа он склонен объяснять только голодом и военной неполноценностью формирований национальных гвардейцев-мобилей.

Знаменательно признание автора, что, по мере развития событий, в армии победителей «развивалось... состояние внутренней и внешней слабости». Это заставляет Даниэльса притти к заключению о силе сопротивления французского народа, не желавшего покориться иноземным завоевателям.

Чрезвычайно характерно, что Даниэльс в заключительных строках своей книги под давлением фактов приходит к выводу, что «пренебрежение историческим опытом и реальными условиями народной жизни» является грубейшей ошибкой. Об этом забывают нынешние заправилы фашистской Германии, опьяненные своими империалистическими захватническими проектами.

Труд Даниэльса тенденциозен. Толкование Даниэльсом «политических рамок» истории и причин возникновения франко-прусской войны 1870—1871 гг. чуждо марксизму. Иначе не могло и быть: Даниэльс — типичный немецкий буржуазный историк.

Однако, ценность обширного исследования Даниэльса, посвященного франко-прусской войне 1870—1871 гг., для советского читателя несомненна. Даниэльс дал подробную картину хода войны и интересный разбор боевых действий. А это принесет безусловную пользу советскому читателю — и в особенности командиру РККА.



НОВОЕ ВРЕМЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

Глава I

Операционные планы и стратегическое развертывание армий противников. Бой у Вейсенбурга (4 августа 1870 г.)

ВЫШЕДШЕЙ из-под пера Мольтке «Военной корреспонденции» («Militärische Korrespondenz») помещен его мемуар, относящийся к зиме 1868/69 г., в котором рассматривается вопрос о стратегическом развертывании германских вооруженных сил в случае войны с Францией. В течение 1869 и 1870 гг. этот мемуар неоднократно подвергался переработке, в последний раз — в июле 1870 г., в том самом месяце, в котором началась война. Будучи сам по себе первоклассным военно-историческим документом, этот мемуар получил соответствующее дополнение в виде записки прусского генерального штаба от 6 мая 1870 г. Она предназначалась для начальников отделов в Большом генеральном штабе и излагала прусский план операций на первый период войны.

В своем мемуаре Мольтке исходит из одного из важнейших вопросов, возникающих в подобных случаях, а именно — численности неприятельских сил. Он считает во французской армии под знаменами 336 000 чел. Отсюда он сбрасывает 35 000 на Алжир и 5 000 чел., находившихся в Папской области для поддержания власти папы.

Далее, по мнению Мольтке, безусловно необходимо было считать 50 000 чел. в качестве гарнизонов Парижа, Лиона, Страсбурга, Меца и Диденгофена. Это — минимум. Затем, чем энергичнее было бы германское наступление, тем большее количество войск французы должны были бы оставить в пограничных крепостях. Быстрота действий была бы необходима еще и потому, что Наполеон хотел использовать 93 000 чел. своих резервов не по прусскому способу, усилив ими численность батальонов с 800 до 1 000 чел., а предполагал выставить резервную армию, что потребовало бы продолжительных новых формирований.

Направление немецкого наступления намечается, в общем, на Париж,— не столько ради самого города, сколько «потому, что там немцы вероятнее всего должны ожидать достижения цели наступления — встречи с неприятельской армией... Операционный план состоит единственно лишь в том, чтобы разыскать главные силы противника и атаковать их там, где они будут найдены».

Как можно видеть, все это — еще мысли Наполеона I, которыми, в соответствии с обстановкой, были воодушевлены стратеги той эпохи.

В то время как из-за неизбежных отвлечений части сил, — говорится далее в мемуаре Мольтке,— в поле могут быть выставлены едва лишь 250 000 французов, Северогерманский союз сможет противопоставить им 10 германских корпусов общей численностью в 314 000 чел. Союзная армия насчитывает, кроме ландвера, 13 корпусов и гессенскую дивизию. Однако, 3 корпуса из них должны быть вначале оставлены внутри страны, так как поведение Австрии ненадежно, а 1 дивизия с несколькими ландверными батальонами необходима для прикрытия побережья против французского флота, а также ввиду враждебного настроения Дании. Остаются 10 корпусов численностью в 314 000 чел. К ним, по всей вероятности, присоединятся южногерманские контингенты: баденская и вюртембергская дивизии в составе 30 000 чел. и 40 000 баварцев в 2 армейских корпусах; таким образом, против 250 000 французов будут наступать 384 000 немцев.

В начале войны побережье было занято сильнее, чем обычно считают: шлезвиг-гольштинская дивизия 9-го корпуса, 3 ландверных дивизии (больше пока не было сформировано) и 30 000 чел. гарнизонных и запасных войск в укрепленных пунктах, особенно в Зондербурге. Всего на охране побережья было 70 000 чел. Взамен оставленных в тылу частей 9-й корпус получил гессенцев, так что он вновь стал иметь в своем составе две дивизии: 18-ю и 25-ю.

Мольтке был того мнения, что если французский десант и предполагается, то он должен произойти в самый начальный период войны. Мольтке был вполне уверен, что в скором времени германские войска вторгнутся во Францию и тогда в ее распоряжении не останется войск, которые она могла бы использовать для диверсий. Прусский генеральный штаб мог смотреть на предстоявший поход с большей уверенностью в победе, чем в 1866 г. В то время силы сторон были приблизительно равными по численности, теперь же готовились к столкновению 350 000 немцев [1] и всего-навсего 250 000 французов. И этот перевес в силах должен был бы еще более возрасти, если бы впоследствии могли быть присоединены войска, оставлен-

[1] Приведенные на предыдущей странице расчеты Мольтке несколько преувеличены. Я считаю в составе корпуса только 28 000 бойцов.

ные против Австрии. В 1866 г. австрийцам потребовалось свыше 7 недель, чтобы закончить свое стратегическое развертывание. Теперь они находились к тому же еще в состоянии реорганизации армии, вызванной введением всеобщей воинской повинности. Это переходное положение ни в коем случае не могло увеличить их подвижности. Предположение, что они могли предпринять нападение, осуществив мобилизацию лишь наполовину, не соответствовало тяжеловесному способу действий австрийцев. Во всяком случае нужно было обеспечить себя, но это следовало выполнить так, чтобы этим не было замедлено наступление против Франции, ибо Мольтке, который в 1869 г. предполагал численность австрийского батальона только в 100 чел.[1], чувствовал себя при возникновении войны 1870 г. достаточно уверенным в том, что он сможет действовать, не считаясь с австрийцами, по крайней мере 6—8 недель. По причинам технического, железнодорожного, характера и без того должно было пройти около 20 дней, прежде чем могла бы начаться перевозка к французской границе оставленных против Австрии корпусов — 6-го силезского, 2-го померанского и 1-го восточнопрусского. Для того чтобы можно было спокойно ждать прибытия этих войск, Мольтке со своими 350 000 чел. против 250 000 французов чувствовал себя достаточно сильным. Он заранее рассчитывал на то, что с 384 000 чел. сможет сломить сопротивление неприятеля. Тем не менее, во Франции, кроме регулярной (линейной) армии, имелось еще 150 000—180 000 чел. подвижной национальной гвардии (garde mobile)[2]. Но в то же время Мольтке знал, что личный состав этой гвардии привлекался к учебным сборам лишь на 15 дней в году, да и то каждый раз на один день, включая сюда и переезды туда и обратно, так что это удивительное войско было для него cura posterior[3]. К тому же оно в полной мере компенсировалось 170 000 чел., находившихся в германских депо запасных войск, обеспеченных солидными кадрами, и 140 000 чел. гарнизонных войск, не говоря уже о том, что, вероятно, в ближайшее время представилось бы возможным притянуть к французской границе часть войск, охранявших побережье.

Численный перевес немцев при этом наступлении против французской армии, которой во всем мире, в том числе и в Пруссии, побаивались, значительно уменьшился, когда Наполеон — вместо того, чтобы сформировать из своих резервистов резервную армию,— влил их в ряды действующей армии. Тогда против 350 000 немцев оказалось уже 343 000 французов. Тем не менее, опасность того, что германский перевес в силах столь значительно понизился, была невелика. Во Франции так же мало, как и в Австрии, использовалась применявшаяся в прусской армии территориальная система, при которой границы корпусных округов в общем совпадали с границами провинций, вследствие чего полки укомплектовывались

[1] Очевидно, численность роты. — *Ред.*

[2] Национальная гвардия (garde nationale) возникла во Франции в 1789 г. В 1868 г. она была преобразована в подвижную национальную гвардию (garde nationale mobile) с целью создать из нее вспомогательную армию; в «мобили» зачислялись на 5 лет все способные носить оружие и почему-либо не зачисленные в армию. Однако, прежде чем успели создать подвижную гвардию, вспыхнула война 1870—1871 гг., а когда армии были разбиты и пленены, мобили пошли на сформирование новых армий. Законом 1872 г. о воинской повинности подвижная национальная гвардия была упразднена. — *Ред.*

[3] Забота будущего. — *Ред.*

земляками. Наоборот, во французских полках, в силу осуществления идеи, что Франция «едина и неделима» («France une et indivisible»), личный состав комплектовался из различных частей государства: «так что... полк, расположенный в Лионе,— говорит майор Руссе в своей «Истории франко-германской войны» («Histoire générale de la guerre franco-allemande»),— мог иметь резервистов... в Северном департаменте, в Жиронде, в департаменте Финистер и еще во многих других департаментах. Таким образом, резервисты и отпускники должны были совершать большие путешествия для того, чтобы прибыть в свои полки или в соответствующие склады, где они получали обмундирование и снаряжение. На таком же значительном удалении от полков, как и их округа пополнения, находились полковые склады. Так, склад 87-го полка, расположенного в Лионе, находился в Бретани, в Сен-Мало. Местом расквартирования 98-го полка был Дюнкирхен, а склад этого полка был в Лионе. Представим себе случай, что какой-нибудь отпускник или резервист призывается под знамена на основании распоряжения о мобилизации. Его родина Мец, а его полк—87-й — в Лионе. Тогда из Меца он поедет не в Лион, а сначала в Сен-Мало, где он должен быть экипирован, и лишь после этого он отправляется в Лион или туда, куда за это время его полк успеет передвинуться».

Понятно, что на французских железных дорогах царил сильнейший беспорядок. К этому еще присоединялось множество других организационных недочетов, которые можно было объяснить только самодовольной приверженностью к традициям и которые еще больше замедляли мобилизацию. Мольтке в праве был рассчитывать на то, что чем бо́льшие массы Наполеон стянет к границе до открытия военных действий, тем менее смогут французы быть готовыми начать операции одновременно с немцами. «Наша мобилизация подготовлена до последних деталей», — говорится в памятной записке Мольтке. Та деловитость, которая отличала прусского военнослужащего от других его современников [1], со времени войны 1866 г. еще более возросла во многих отношениях, в том числе и в смысле использования железных дорог для стратегического развертывания. В полном сознании, что германские войска будут раньше противника готовы к нанесению ударов, Мольтке разработал смелый план — произвести стратегическое развертывание германских сил в Саарской области и на р. Лаутер, т. е. у самой французской границы, хотя там имелись лишь незначительные крепости вроде Саарлуи и Гермерсгейма. На 20-й день мобилизации 350 000 чел. почти со всеми своими обозами должны были быть готовы ко вступлению во Францию.

Зимой 1865/66 г. Мольтке разрабатывал план, сводившийся к тому, чтобы немобилизованные части 4-го (саксонского) корпуса и гвардии, а также несколько полков 2-го (померанского) корпуса, доведенные еще перед мобилизацией до штатов военного времени, вторглись в пределы королевства Саксонии и захватили саксонскую армию в ее гарнизонах мирного времени [2]. Не исключена

[1] Ср. т. I, стр. 432 (Даниэльс ссылается здесь на I том своего труда, являющийся V томом сочинения Г. Дельбрюка и Э. Даниэльса «История военного искусства в рамках политической истории» (русск. пер. — V т., Воениздат, 1937 г. Соответствующее место читатель найдет на стр. 299. — *Ред.*).

[2] Ср. т. I, стр. 428 (русск. пер. — т. V, стр. 297).

была возможность того, что нечто подобное входило в планы Австрии, намечавшиеся графом Бейстом, а потому Мольтке в 1870 г. воздержался оставить неприкрытыми Саксонию и Силезию. А со стороны французов он определенно ожидал нападения: «Столь быстрое проявление инициативы соответствовало бы их национальному характеру и уже обсуждалось в военных кругах». Как раз в северо-восточной Франции было сосредоточено большое число гарнизонов, а целесообразно проложенные железные дороги располагали богатым подвижным составом. Поэтому можно было предполагать, что в течение 5 дней в окрестностях Меца будет сосредоточено 150 000 чел., которые на 8-й день, перейдя границу у Саарлуи и сделав шесть переходов, подойдут к Рейну. Однако, в этой возможности Мольтке не усматривал основания для того, чтобы отказаться от развертывания германских сил на рр. Саар и Лаутер. Не было основания опасаться, что немецкая армия опоздает с развертыванием. В таком случае можно было бы своевременно задержать железнодорожные перевозки и высадить войска на Рейне под прикрытием крепости Майнц, где французы натолкнулись бы вначале на «боевые части двух армейских корпусов» (56 000 чел.). А через несколько дней немцы могли бы нанести французам ответный удар, располагая армией в 300 000 чел., т. е. двойным численным превосходством.

При этом южногерманские войска в расчет не принимались, так как общая численность немецких войск, которыми можно было располагать на западе, определялась Мольтке в 384 000 чел.[1] Лишь после открытия военных действий выяснилось, что южногерманские государства целиком и полностью выполнят свои союзные обязательства по отношению к Северогерманскому союзу. Первоначально Мольтке предполагал, что южногерманцы не будут развертывать своих сил вместе с северогерманцами на левом берегу Рейна, но что они «предпочтут непосредственную защиту своих областей позади Шварцвальда или близ Ульма». Такое решение, по мнению прусского генерального штаба, не достигало бы цели, так как сосредоточение германских сил на левом берегу Рейна, возможно ближе к неприятельской границе, сделало бы, по всей вероятности, невозможным какое бы то ни было вторжение в пределы южной Германии. Но если бы даже южногерманцы так поступили и французская армия двинулась против них, чтобы через Штутгарт и Мюнхен приблизиться к Австрии, то можно было бы Баварию, Вюртемберг и Баден на первое время «предоставить их судьбе». Противник, и без того слабый, таким выделением сил еще более ослабил бы себя и потерпел бы решительные поражения на фронте, прежде чем ему удалось бы достичь решительных результатов действиями в тылу северогерманцев.

«Мы можем... с вероятностью принять,— говорит Мольтке,— что французы свое первое сосредоточение произведут на линии Мец — Страсбург, чтобы продвинуться к Майну в обход нашего сильного рейнского фронта, отделить северную Германию от южной, заключить с последней соглашение и на основе этого соглашения наступать к Эльбе». От Меца до Рейна Мольтке считал 6 дневных переходов, но французская железнодорожная система допускала, при

[1] В действительности было только 350 000 чел.

желании быстро произвести стратегическое развертывание, перевозку части войск до Страсбурга. Таким образом, можно было предполагать, что вблизи этой крепости французы перейдут через Рейн. Если бы они затем продолжили наступление к востоку и если бы южногерманцы отказались от непосредственного сотрудничества с силами Северогерманского союза, то, как мы видели, Мольтке думал предоставить французскому продвижению свободно развиваться. В то же время он имел в виду и операции германцев во фланг неприятельского наступления, а именно в том вероятном случае, если баденцы и вюртембержцы смогут быть привлечены к совместным действиям для непосредственной обороны их родины. В этом случае Мольтке предусматривал возможность сражения вблизи Раштата, причем он надеялся провести это сражение при таком перевесе в силах, что противник будет прижат к Рейну и уничтожен. Само собою понятно, что германские вооруженные силы численностью в 250 000 чел. только в том случае были бы способны вести операции, если бы они, как это подчеркивает Мольтке, были разделены на несколько армий. Их должно было быть три. 1-й армией в составе 7-го (вестфальского) и 8-го (рейнского) корпусов командовал Штейнмец; 2-й — из 3-го (бранденбургского), 4-го (саксонского), 10-го (ганноверского) корпусов, а также гвардии у Гамбурга, в Пфальце, на левом берегу Рейна, командовал принц Фридрих Карл. Ему же были подчинены и резервы, образованные из частей 9-го [1] и 12-го королевского саксонского корпусов, сосредоточившихся в Гессене на левом берегу Рейна.

1-я и 2-я армии предназначались для действий против французских главных сил, которые предполагались впереди Меца, а против французов в Северном Эльзасе намечалась 3-я армия под командованием наследного принца Фридриха Вильгельма. 5-й (познанский) корпус, с которым Штейнмец одержал победу у Находа и Скалицы, и 11-й корпус (прусско-гессенский) объединялись для образования 3-й армии с баденско-вюртембергским корпусом и в случае надобности, как осторожно предусматривал Мольтке, с обоими баварскими корпусами. Итак, 3-я армия насчитывала 5 корпусов. Район ее стратегического развертывания находился позади Клингбаха у Ландау и был, кроме того, прикрыт обеими баварскими крепостями — Ландау и Гермерсгеймом, а также течением р. Рейна. Если бы находившийся в Эльзасе противник произвел стратегическое нападение на правобережную Германию прежде, чем 3-я армия успела бы закончить свое стратегическое развертывание, то 5-й и 11-й корпуса должны были бы переправиться на другой берег, чтобы совместно с баденцами и вюртембержцами принять участие в сражении при Раштате, или, если бы французы повели наступление на Штутгарт, занять в их тылу позицию, может быть, между Пфорцгеймом и Кальвом.

Больше всего была выдвинута вперед 2-я армия, численностью в 115 000 чел. Она могла не бояться нападения, так как часть 150 000 французов, которые могли бы это нападение предпринять, должна была быть высажена у Страсбурга и могла быть притянута к главным силам лишь после требовавших продолжительного

[1] Как уже было упомянуто, одна дивизия из шлезвиг-гольштинских частей, другая — из войск герцогства Гессенского.

времени передвижений походным порядком, совершенно несовместимых с планом. Менее благоприятно было бы положение 2-й армии в том случае, если бы противник начал наступление всеми своими силами, т. е. 250 000 чел., за вычетом части войск, находившихся у Страсбурга. Тогда принц Фридрих Карл должен был отступать на свой резерв в 56 000 чел., и Мольтке рассчитывал подготовиться приблизительно с 170 000 чел. к оборонительно-наступательному сражению (defensiv-offensive Schlacht) [1] на очень выгодной позиции у Мангейма, западнее Вормса. «В этом случае, — пишет он, — со стороны французов не могли бы быть предприняты какие-либо крупные операции против Верхнего Рейна или Нижнего Мозеля, а потому было бы вполне удобно усилить нашу главную группу за счет 3-й армии, а 1-ю армию через р. Наэ направить во фланг и в тыл неприятельского наступления. При сколько-нибудь удачном выполнении этого предприятия 300 000 чел. могли бы тогда совместно добиваться решения».

Так как немцы, включая баварцев, достигали численности в 350 000 чел., то Мольтке строил свои расчеты очень осторожно. В каждом случае он мог предпринять сражение со значительным перевесом в силах. Он предусмотрел и взвесил все возможности. Его операционные планы были безупречны и основаны на конкретных данных. В этом трезвом уме не было места для самовнушения. Хотя он и знал, что война была и остается областью дерзаний, тем не менее он действовал так уверенно, как только было возможно. Уже было упомянуто, что его операционные планы были составлены зимой 1869/70 г. и до июля 1870 г. несколько раз подвергались переработке. После опубликования 14 июля Эмсской депеши Мольтке обратил внимание на то, что французы не оттягивали начала войны путем дипломатических ухищрений, но уже 19 июля передали в Берлин формальное объявление войны. Он увидел в этом подтверждение своего предположения, что французы предпримут наступление, не вливая резервов в действующую армию. По словам Руссе, «в случае привлечения резервов нужно было ожидать больших затруднений; отсутствие какого бы то ни было урегулирования в деталях делало исход весьма ненадежным». Мольтке знал это; тем более вероятным считал он выступление Наполеона с одной лишь действующей армией. Он уже едва допускал возможность того, что французы переправятся через Рейн у Страсбурга, так так без резервов они были для этого слишком слабы, а южногерманские государства несомненно стали бы на сторону пруссаков. Продвижение в левобережный Пфальц представляло для французов уже меньшую опасность в смысле вероятности отступления. Мольтке настроился на то, что французы предпримут это продвижение; именно из поспешного объявления войны он сделал вывод, что вместо 8-го дня мобилизации они уже на 6-й день перейдут через р. Саар, как он это и предполагал раньше: «В первый момент мы будем иметь против себя армию, состоящую из слабых, но многочисленных батальонов, полностью обеспеченную офицерским и унтерофицерским составом и обильно оснащенную конницей и артиллерией, общей численностью от 130 000 до 150 000 бойцов». Теперь Мольтке уже больше не рассчитывает на возможность занять позицию у Мангейма своевре-

[1] Это выражение примерно соответствует термину «активная оборона».— *Ред.*

531808

менно и достаточными силами. Французы атаковали бы ее на 11-й день от начала германской мобилизации, а до тех пор могли бы быть выставлены только 60 000 чел. с незначительной артиллерией. Лишь на 13-й день германской мобилизации впереди Майнца могло бы быть сосредоточено 150 000 немцев. Мольтке считает необходимым предусмотреть здесь возможность дать немедленно же сражение, даже не имея перевеса в силах, так как иначе можно рисковать тем, что французам удастся подтянуть свои резервы и, как выражается Мольтке, произвести развертывание своей армии вместо линии Мец — Страсбург вблизи левого берега Рейна. Он, однако, надеялся, что наступление французов будет тормозиться какими-нибудь обстоятельствами, что вполне естественно при передвижениях больших масс, и в результате к Майнцу они прибудут не на 13-й день от начала германской мобилизации, а только на 15-й и даже, может быть, только на 17-й [1]. Тогда получилась бы совершенно иная картина. На 15-й день германской мобилизации столкнулись бы 142 000 французов (с такой точностью Мольтке мог уже установить их численность) со 170 000 немцев: «так что даже в благоприятном для противника случае движение его было бы полностью застопорено». На 17-й же день от начала германской мобилизации можно было в ответ на стратегическое наступление французов полностью использовать численный перевес в силах со стороны немцев и, по всей вероятности, привести противника к катастрофе. Немцы имели тогда у Майнца, Вормса и Крейцнаха, не считая несколько запоздавших со своей мобилизацией баварцев, 250 000 чел., и в то же время 7-й корпус мог действовать со стороны Виттлиха на сообщения противника.

Так как даже в самом неблагоприятном случае, — если бы пришлось 150 000 немцев столкнуться со 142 000 французов, — все же имелась возможность вполне обеспеченного отступления под защиту артиллерии Майнца, то начальнику прусского генерального штаба представлялось весьма желательным стратегическое наступление французов. Упомянутый выше неблагоприятный случай вряд ли имел бы место, так как если даже и было возможно быстрое вторжение французов через границу, то едва ли можно было ожидать быстрого прибытия резервов; таким образом, после того как французское наступление остановилось бы перед Майнцем, немцам не было бы необходимости спешить с контрударом. В памятных записках Мольтке чувствуется то удовольствие, которое ему доставляло представление о возможности французского наступления. «Такое проявление быстрой инициативы пришлось бы по вкусу национальному характеру», — говорит он и добавляет: «Мы столь же мало могли бы вначале помешать вторжению в левобережные области, как французы воспрепятствовать гарнизону Саарлуи в 1-й день мобилизации двинуться к Мецу и там испытать свою судьбу».

Однако, никогда Мольтке не оказывался в плену своих любимых представлений. Мольтке получал сведения, на основании которых можно было заключить, что французы, вопреки его первоначальному предположению, не используют своих резервов в качестве кадров для новых формирований, но включат их в действующую армию;

---

[1] В настоящее время считают, что Мольтке имел в виду закончить стратегическое развертывание германских армий на границе только на 20-й день от начала мобилизации.

что они сделают это не после стратегического наступления к Майнцу, а при сосредоточении на границе и что эта процедура будет закончена 28 июля (на 3-й день германской мобилизации). В соответствии с этим Наполеон мог на 14-й день перейти границу не только с действующей армией, пополненной отпускниками, но также и с резервистами, т. е. почти в полном составе своих сил [1]. Если бы он поступил так, то своими действиями на границе свел бы на-нет расчеты Мольтке, который надеялся захватить врасплох преждевременно прорвавшегося противника перевесом сил на Рейне. Более того, на 13-й день германской мобилизации свыше 200 000 французов [2] находились бы уже в готовности вступить в левобережный Пфальц, в то время как германские железные дороги, как мы это видели, только на 15-й день мобилизации могли доставить в Рейнскую область 170 000 чел. Следовательно, было бы легкомыслием развернуть армию принца Фридриха Карла у Гомбурга близ самой границы; нужно было развертывание перенести назад из Саарской области на Рейн. Такое решение было довольно тяжелым, так как баварский Пфальц частично представлял собою труднопроходимую лесистую местность с небольшим числом дорог, а передвигаться по ней нужно было главным образом пешком. 6 корпусов, из которых состояла 2-я армия, включая и резервный корпус, были общей численностью в 170 000 чел., т. е. представляли значительно бо́льшую силу, чем та, которую имел под своим командованием Фридрих Карл в 1866 г. Все же тогда 1-я и Эльбская армии двигались вперед с такой медлительностью, которая приводила Мольтке в отчаяние [3]. Теперь 2-я армия, чтобы достичь, после развертывания, неприятельской границы, должна была проделать значительно больший путь, чем в 1866 г. от саксонско-богемской границы до Гичина. Даже в том случае, если бы медлительность принца не повторилась, все же от Рейна до Гомбурга нужно было сделать 4 дневных перехода.

Однако, решительность начальника прусского генерального штаба, — в соответствии с тем, как он оценивал обстановку, — являлась необходимостью. Правда, в действительности известие о том, что на стороне противника резервисты будут включены в действующую армию не позднее 28 июля, оказалось ложным. День 28 июля был примечательной датой лишь постольку, поскольку в этот день Наполеон прибыл в Мец. Все же сведения Мольтке оказались правильными в том отношении, что французы в сравнительно большем числе и, может быть, скорее, чем немцы, смогут развернуться на р. Саар и будут переброшены на границу баварского Пфальца. В какой степени готовности вести операции будут французские войска, немцы не смогли сказать с достоверностью. Поэтому в действительности казалось целесообразным отвести назад германское развертывание. Мольтке — первый стратег в Европе, который использовал железные дороги для ведения операций в 1866 г. против ганноверцев. Поэтому в 1870 г. он думал, как мы видели выше, повернуть войсковые транспорты от р. Саар назад, если бы французы, вопреки ожи-

[1] Мольтке было также известно, что один из французских корпусов — 6-й — под командой Канробера еще не прибыл на фронт.

[2] Но Мольтке знал теперь также, что во Франции имелось резервистов не 93 000 (см. выше, стр. 12), а только 60 000 чел.

[3] Ср. т. I, стр. 447 и 520 (русск. пер.— т V, стр. 310—311 и 362).

даниям, рано предприняли наступление. Однако, в конце концов, он решил произвести развертывание вблизи Майнца; иначе, как он сказал королю, могли бы иметь место отступательные бои. В этом исключительном уме уживались рядом и осторожность и смелость. Мольтке не видел оснований уже в этот период войны ставить что-либо на карту, чтобы сэкономить несколько переходов. В отношении численности положение немцев становилось все более и более благоприятным. После того как можно было убедиться, что Австрия еще не приступила к мобилизации (она произвела лишь такие подготовительные мероприятия, которые допускались расходом в 20 миллионов гульденов), — на театр военных действий были переброшены и те три прусских корпуса, которых временно задержали на родине. Попрежнему не принимали участия в операциях против Франции лишь одна дивизия 9-го корпуса и ландвер, охранявшие побережье.

Таким образом, 28 июля, когда император Наполеон принял на себя главное командование Рейнской армией (Armée du Rhin), положение было следующее. Непосредственно на р. Саар наступление французов не натолкнулось бы ни на какое сопротивление; французские войска, собранные перед Мецом, тем более могли пройти через весь баварский Пфальц. Лишь на границе Пфальца и рейнского Гессена, при выходе из гор на линии Альзенц — Гельгейм — Грюнштадт, они натолкнулись бы на силы немцев. Даже при чрезвычайно больших переходах французы, по расчетам Мольтке, не в состоянии были подойти к позиции у Гельгейма раньше 5 августа. А до тех пор могли подойти части германских войск, освободившихся вследствие осторожного поведения Австрии, так что в этот день у Гельгейма могли быть сосредоточены 194 000 чел. пехоты, считая и подошедшие туда войска 2-й армии. Мольтке, который никогда не впадал в недооценку своих противников, определял численность французской пехоты, дебушировавшей из Пфальцских гор на глазах имевших численный перевес немцев, самое большое в 133 000 чел. При этом он принимал во внимание, что 27 000 чел. пехоты Наполеон выделил из своих главных сил, чтобы прикрыть свое левое крыло со стороны 1-й армии, которая должна была под командованием Штейнмеца развернуться между Вадерном и Триром. Так как этот немецкий командующий армией имел в своем распоряжении 50 000 чел. пехоты, то французские главные силы представлялись прикрытыми слева совершенно недостаточно. Но еще бóльшая опасность грозила им со стороны правого крыла. Здесь численность другого корпуса, прикрывавшего развернувшиеся у Страсбурга силы французов, Мольтке оценивал в 44 000 чел. пехоты, против которых могла быть выставлена в полном составе 3-я армия, насчитывавшая не менее 125 000 чел. пехоты. В конце концов представлялась следующая картина: 133 000 чел. французской пехоты прорываются в левобережную Германию и занимают без сопротивления значительный кусок германской территории, но должны будут тогда перед лицом 194 000 чел. германской пехоты выбираться из трудной местности. В это же время приходят в движение 175 000 чел. пехоты из состава фланговых германских армий и сокрушают в своих железных объятиях 71 000 чел. французских корпусов прикрытия. Сколько же человек из 204 000 пехотинцев французских главных сил перешли бы назад через р. Саар, будучи атакованы с трех сторон 369 000 германских винтовок?

Как же обстояло дело со стратегическими предположениями на другой стороне? После того как события 1866 г. повлекли за собой совершенно новое распределение сил на европейском континенте, Наполеон назначил военным министром своего лучшего генерала — Ниэля[1], чтобы путем реорганизации устранить слабость французской армии в сравнении с прусской армией. Ниэль вскоре умер, но он успел провести февральский закон 1868 г., который хотя и не дал стране неприемлемой, по соображениям внутренней политики, всеобщей воинской повинности, но все же создал резерв. После этого численность полевой армии определялась в 800 000 чел. Но так как призванное к жизни тем же законом 1868 г. ополчение (garde mobile) пока оставалось на бумаге, то 320 000 чел. из состава полевой армии должны были быть оставлены для службы внутри страны[2]. В конечном итоге против немцев оставалось 480 000 чел., — это против тех 430 000 чел., которые Северогерманский союз совместно с южногерманскими государствами был в состоянии выставить летом 1870 г. Отсюда ясно, что французский резерв мог формироваться лишь постепенно. Только в 1875 г. французская армия могла достичь численности в 480 000 чел.; 4-го же августа 1870 г., когда немцы начали наступление с 350 000 чел., на Сааре и в Эльзасе было всего лишь 180 000 французов, а позади них еще 40 000 чел. в Шалонском лагере и в других местах на таких расстояниях от границы, которые были слишком велики для того, чтобы можно было привлечь эти силы к участию в первых боях. Таким образом, численность французской армии составляла в общем 220 000 чел. против 350 000 немцев[3]. Следовательно, она не достигала еще и половины численности того постоянного состава, которого стремились достичь в 1875 г. До этого срока немцы едва ли сделались бы значительно сильнее, чем в 1870 г. (австрийцы же усилились бы наверняка), так что в этом году пруссаки не были заинтересованы в том, чтобы отложить войну на более поздний срок. Поэтому Бисмарк обсуждал кандидатуру принца из фамилии Гогенцоллернов на испанский престол, не обращая внимания на французскую обидчивость. Наоборот, руководящие круги Франции трепетали при мысли, что, располагая всего лишь 26 слабыми пехотными дивизиями против 33 сильных немецких, они должны были бы в случае франко-германской войны, может быть, выделить еще 3 дивизии на испанскую границу. То обстоятельство, что тогда 23 слабых французских пехотных дивизии должны были бы бороться с 33 сильными германскими дивизиями, вызывало у французов чувство неуверенности, которое выражалось мыслью: «Лучше конец с ужасом, чем ужас без конца!». Отказ принца Гогенцоллерна — эта крупная победа французской дипломатии над Бисмарком — не успокоила Парижа, ибо кто мог

---

[1] См. о нем во 2-й части, т. I настоящего труда (русск. пер. — т. V).

[2] Ср. Руссе, стр. 39.

[3] Хотя в труде французского генерального штаба (т. V, стр. 300) общая численность всех 8 корпусов и определялась в 270 000 чел., но отсюда надо отнять офицеров всех родов войск и рядовых артиллерии, так как они и немцами не принимались в расчет, равно как и ожидавшуюся из Папской области бригаду 7-го корпуса, которая должна была принять на себя несение полицейской службы в волновавшемся Лионе. Нестроевой элемент также не принимался во внимание ни для той, ни для другой стороны. Относительно этих не слишком простых расчетов сил французов и немцев см. сочинение майора Г. Кунца «Мог ли маршал Базен в 1870 г. спасти Францию» (H. Kunz, Konnte Marschall Bazaine im Jahre 1870 Frankreich retten?), 1896 г., раздел 2, стр. 28 и 33.

знать, какие опасные интриги мог еще подстроить этот Макиавелли из Варцина до наступления спасительного 1875 года.

Итак, Наполеон III объявил войну в полном сознании численного превосходства противника, что грозило ему несчастьем; но все же он не отчаивался в счастливом исходе, так как надеялся иметь на руках еще несколько крупных козырей. Недостаточная численность французских вооруженных сил компенсировалась, по французским представлениям, их высокой доброкачественностью. Военная служба во Франции до 1868 г. продолжалась 7 лет и даже после реформ Ниэля — 5 лет против 3 лет в Северогерманском союзе и в Бадене и всего лишь 2 лет в Вюртемберге. В Баварии после 1866 г. срок службы в пехоте не претерпел значительного увеличения, так что, в среднем, он длился всего лишь 1½ года. Понятно, что во французских военных кругах была уверенность в превосходстве французского пехотинца над немецким. Все, что делалось в Пруссии для образования солдата: муштровка на учебных плацах, гимнастика, полевые учения для выработки дисциплины огня, методически организованные часы обучения, — все это расценивалось во Франции как педантизм и считалось достижимым путем долголетнего пребывания людей под знаменами, хотя предоставляемые по финансовым соображениям отпуска пробивали в этой системе широкие бреши. Конечно, во Франции должны были так думать, потому что соединение дисциплины с подвижностью являлось существенной характерной чертой прусской пехоты. Французская пехотная тактика была основана не на ротной колонне, как в Пруссии, а на батальонной колонне, так как у французов, несмотря на их весьма многочисленный офицерский корпус, было сравнительно мало таких младших офицеров, которые могли бы самостоятельно вести бой. Поэтому они должны были довольствоваться маневрированием на поле сражения тактических единиц в 600 чел., которые были тяжеловеснее прусских единиц в составе 250 ружей[1]. Столь же мало, как младшие офицеры, могли равняться с немцами и старшие французские офицеры. Французские военные специалисты думали научиться всему только из практики, но не на основе теории. В то же время в Германии проводили маневры в поле со всей серьезностью, словно они были не игрой, а настоящей войной, а по ту сторону Рейна насмехались над столь бесплодными стараниями и занимались во всемирно известном Шалонском учебном лагере только упражнениями в сомкнутых строях и фронтальными боями без противника, так что мало занятые солдаты заполняли свой досуг садоводством и другими развлечениями. Меньше всего французские офицеры были склонны учиться по книгам. Если в предыдущем томе своего труда (стр. 415[2]) я выразился об австрийцах 1866 г.: «Чем более аристократическим был полк, тем менее умным был его офицерский корпус», то у французских офицеров этой умственной ограниченности, конечно, не было, но все же образование и профессия этих господ были вещами совершенно различного порядка. Что-либо подобное военной академии в Берлине совершенно выходило за пределы их горизонта. Французский военный представитель в Берлине, полковник Стоффель, осенью 1866 г. писал в своем донесении, что в Пруссии за 8 недель

[1] Т. I, стр. 435 (русск. пер.— т. V, стр. 302).
[2] Русск. пер.— т. V, стр. 287.

своего пребывания он встретил большее число офицеров, изучавших мемуары Наполеона, чем в течение 25 лет во Франции. В этой стране было, вероятно, много, очень много генералов, которые едва ли знали, что Наполеон оставил после себя нечто подобное.

История привила германской армии стремление поставить науку на службу военной практике; это стремление особенно проявилось в прусском генеральном штабе и создало в его лице новый страшный военный механизм. Этот механизм существовал еще задолго до Мольтке, и его техника не имела себе равной во всем мире. Отсталость австрийского генерального штаба с его никудышными грансеньерами [1] и закостенелой рутиной менее аристократических элементов я уже изобразил [2]. Вместо последних во французском генеральном штабе выступали бюрократы, которые в большинстве своем были такими же дельными людьми, как в золотой век Бертье; первым, т. е. корпусу австрийских адъютантов, соответствовали адъютанты командиров корпусов, «которые обычно выбирались по соображениям, чуждым интересам армии, и играли свою роль втайне от всех...; они направляли свои происки против собственных штабов и их начальников, иногда полностью их парализуя» [3]. Это облегчалось для них тем, что эпигоны Бертье так же, как и австрийские офицеры генерального штаба, отставали от современности. Едва ли они сознавали, что новейшая кардинальная стратегическая проблема заключается в вопросе: в какой мере при возросших массах войск, но также и при усовершенствованных сообщениях, следует вести операции иначе, чем в дни Наполеона I? Недостатки генерального штаба во Франции, как и в Австрии, отчасти лежали в самой организации этого института. Так, в обеих этих странах не было ни независимости генерального штаба от военного министерства, ни того освежающего чередования службы генерального штаба и строевой службы, которое так благотворно действовало на формирование прусского генерального штаба. Но я уже указывал, касаясь этих организационных вопросов по поводу войны 1866 г., что при всей их важности дело идет не столько о формах, сколько о проникающем эти формы духе. К тому же сам Мольтке не испытал смены службы генерального штаба строевой службой, и все же его деятельность не страдала отсутствием свежести. Но приверженцам традиций во французском генеральном штабе этой свежести во всяком случае нехватало. Поэтому строевые войска видели во французском генеральном штабе только рыцарей зеленого стола, отказывая ему в авторитете и устраняя его сотрудничество при ведении операции. «Это — только писаря и курьеры», — так отзывались об офицерах генерального штаба. Взятый из строя начальник генерального штаба (major général) Лебеф думал так же, как и его товарищи. «За всю эту кампанию генеральный штаб ничего не сделал», — так гласит высказанное после событий суждение одного человека, который был в курсе дела. «Неспособный начальник полностью парализовал генеральный штаб. Офицеров генерального штаба постоянно держали взаперти в их бюро, чтобы они были постоянно готовыми изложить на

[1] Большими господами. — *Ред.*

[2] Т. I, стр. 415, 419, 453, 508 (русск. пер. — т. V, стр. 287, 290, 315, 353).

[3] Revue d'Histoire redigée à l'état-major de l'armée. Janvier 1906, цитировано по работе Эрнеста Пикар «1870 год. Потеря Эльзаса» (Ernest Picard, 1870, La perte d'Alsace), 1907 г., стр. 37.

бумаге то, что пожелает продиктовать ему начальник. 30 лучших офицеров из корпуса генерального штаба специально изучали германскую военную организацию, но они были потеряны для службы. В лучшем случае их по временам можно было видеть у сторожевых постов, и то они никогда не бывали там по служебным надобностям, а всегда лишь в качестве простых любопытных» [1].

Таким образом, претензия французов на более высокое военное качество развеялась как дым, за исключением, пожалуй, полков, сформированных из африканских туземцев, ибо стихийная сила тюркосов превратилась под французским командованием в военное качество. В качественном отношении была особенно малоценной французская артиллерия. Это должно вызвать удивление у читателя, ибо мы видели, что именно французская артиллерия, превосходившая австрийскую, в значительной мере содействовала победе Наполеона III при Сольферино [2]. Личной заслугой французского императора было то, что его артиллерия при Сольферино имела уже нарезные пушки, тогда как австрийцы пользовались гладкостенными. Французские артиллеристы не особенно охотно склонялись к перевооружению, и после похода 1859 г. они снова погрязли в традиционности. Однажды навязанное орудие являлось для французов уже незаменимым. Между тем австрийцы после поражений 1859 г. ввели у себя подобное орудие и в 1866 г. наносили им поражения прусской артиллерии, которая почти наполовину была вооружена гладкостенными пушками. Таким образом, войны 1859 и 1866 гг. сопровождались одинаковыми явлениями: нарезная пушка «одерживала триумф» над гладкостенной. Между тем техника после 1866 г. не стояла на одном месте. Нарезные пушки, побеждавшие в 1859 г. во французских руках и в 1866 г. в руках австрийцев, заряжались с дула. Между тем в Пруссии были повсюду введены нарезные орудия, заряжавшиеся с казенной части. Поэтому германские батареи стреляли быстрее французских. К тому же дальность их действия достигала 3 500 *м* против 2 800 *м* у противника. Кроме того, генерал-инспектор артиллерии фон-Хиндерсин после тяжелых переживаний 1866 г. основательно воспитал артиллерийскую прислугу. Уже во время Семилетней войны те характерные качества, которые отличали Хиндерсина, расценивались во французской армии как деспотизм и вызывали в ответ неподчинение приказам [3].

Мы видели уже в предыдущем томе настоящего труда, что Наполеона нельзя считать незначительным ни в военном, ни в политическом отношениях. Его стратегические идеи во время Крымской войны и проведенная им кампания в Ломбардии подняли его выше среднего уровня полководцев, а введение нарезных пушек добавляет к этому выгодному портрету еще один заметный мазок кисти [4]. После 1866 г. он дал еще французской армии, опять-таки наперекор оппозиции приверженцев традиции, митральезу — предшественницу пулемета. Это новое орудие должно было иметь колоссальное будущее, и оно проявило себя уже в 1870 г., производя при обороне убийственное

---

[1] Général de Gissey, Souvenirs inédits; цитировано по Пикару, стр. 33.

[2] Т. I, стр. 350 (русск. пер.— т. V, стр. 246).

[3] Ср. мои статьи «Ferdinand von Braunschweig» в книгах 77—82 журнала «Preussiche Jahrbücher».

[4] Автор все время преувеличивает «таланты» Наполеона III, этого политического фигляра и более чем посредственного полководца, закончившего свою «карьеру» капитуляцией под Седаном. — *Ред.*

действие на атакующего и оказывая вследствие этого, как выражается Руссе, волшебное влияние на дух обороняющегося. Но пока еще французы не были вынуждены обороняться; они хотели, как Мольтке правильно оценивал, захватить инициативу в свои руки. Спрашивается: какие же качественные и количественные силы были для этого в их распоряжении по сравнению с их противником?

Французская кавалерия, безусловно, тоже не была лучше немецкой, ибо у немцев Мольтке, на основании опыта ломбардской и богемской кампаний[1], по крайней мере, пришел к выводу, что в современной войне менее нужна боевая кавалерия (Schlachtenkavallerie), чем крупные, далеко выдвигаемые вперед для разведки конные массы, подобные тем, какие были приведены в действие в 1866 г. австрийцами, хотя и далеко не в полной мере.

Таким образом, французские военные, поскольку их не встряхивал Наполеон III, оставляли все в том виде, как было при Наполеоне I, и даже шли еще больше назад, ибо дух, создавший и оживлявший систему великого императора, уже исчез. Напротив, в прусской армии действовал тот самый стимул, который дал ей реформы 1807 г.

Конечно, был также традиционный «Потсдам»[2], воплощенный в самом короле, меньше в Рооне, который следил за военно-техническими успехами, как бы консервативно он ни был настроен в других отношениях. От Роона не ускользнуло, что французская пехота, введя у себя тотчас после Кениггреца ружье Шаспо, приобрела в этом отношении неоспоримый перевес над прусской пехотой. Новое французское заряжавшееся с казны ружье обладало значительно большей дальнобойностью, чем игольчатое ружье Дрейзе. Роон хотел вернуть потерянное качественное превосходство прусской пехоты над французской путем введения нового образца ружья и путем тактических реформ, которые еще более повысили бы искусство действий пруссаков в рассыпном и все же управляемом пехотном бою путем более интенсивного применения принципа рассредоточения. Но комиссия по испытанию ружей не могла принять решения якобы потому, что изобретения следовали одно за другим, а в действительности под влиянием того ветра, который дул из королевского дворца. Во всяком случае, провалилась переработка устава, которую Роон предпринял уже с июня 1862 г.,— с этого момента и до июля 1870 г., опять-таки из-за противодействия короля. Наконец, Вильгельм уступил, но было уже слишком поздно проводить в жизнь перед войной реформу, которая должна была быть объявлена 3 августа[3].

Таким образом, Наполеону III удалось в действительности выставить в поле пехоту, которая в основном превосходила немецкую. Конечно, те формы, в которых она вела бой, были несколько более отсталыми, чем наши, а также и офицерский корпус по своим способностям едва ли был подобен немецкому. Однако, идейные и моральные основы обеих армий были сходны, так что можно было на самом деле сказать, что ружье Шаспо уравновесило вновь чашу весов или, как полагал Наполеон, перетянуло ее в пользу французской пехоты. Пехота была главным родом войск и в 1866 г. решила исход

[1] Ср. т. I, стр. 365, 422, 457 (русск. пер.— т. V, стр. 256, 292, 318).

[2] Ср. т. I, стр. 434 (русск. пер.— т. V, стр. 301).

[3] О реакционности короля Вильгельма в вопросах вооружения и тактики сказано более подробно в главе X.— *Ред.*

войны. Все же 4 августа, когда события стали разворачиваться, Наполеон не имел еще и 200 000 чел. пехоты против 380 000 штыков в Германии. Если даже французы и имели лучшее, чем немцы, заряжавшееся с казны ружье и если те успехи, которые они себе еще приписывали, были действительно обоснованы, все же эта разница в численности является мерой вещей. Поэтому на первый взгляд кажется непростительным легкомыслием то, что при столь большой разнице в численности французы все-таки объявили войну, хотя она свободно могла бы быть оттянута. Однако, такой строгий приговор мог бы оставить без внимания то соображение, которое являлось решающим для Наполеона III и его окружения и которое в действительности хотя и было ложным, но все же не превосходило масштаба тех правительственных ошибок, которые часто встречаются в мировой истории. К числу качественных преимуществ, которые французская армия приписывала себе, принадлежала также быстрота мобилизации и стратегического развертывания. Во времена Наполеона I французская армия блистала этими качествами, и в Париже не допускали, что с тех пор она в этом отношении могла быть превзойдена. Австрийцы, улучшившие с 1859 г. свою армию [1], начали, тем не менее, в 1866 г. свое стратегическое развертывание у Ольмюца лишь через 7 недель. Что были в состоянии сделать в этом отношении пруссаки, было не вполне ясно. В 1866 г. от начала прусской мобилизации до начала операций против Австрии также прошло 7 недель, и тогда через богемскую границу перешло 207 000 чел. пехоты. Однако, голая цифра в 7 недель мало что говорила о затяжках прусского правительства, имевших политические основания и вызывавших задержку не только в ходе мобилизации, но также и в открытии военных действий. Можно было предполагать, что пруссаки в 1866 г. могли бы начать войну значительно раньше. Но во Франции считалось догмой, что немцы — тяжеловесная раса и что те задержки, которые мешали французской мобилизации, должны еще более замедлить мобилизацию немцев. Когда эрцгерцог Альбрехт, победитель при Кустоцце, который ратовал за австро-французский наступательный союз против Пруссии, высказал генералам Наполеона предположение, что через три недели от начала прусской мобилизации против Франции на р. Саар будет выставлено лишь около 75 000 чел. мобилизованной северогерманской пехоты [2], то в этой неправильной оценке французы усматривали не столько средство подбодрить их к войне, сколько отражение истинного положения соответствующих прусских условий.

Во 2-м бюро генерального штаба (Depôt de la guerre) службой разведки в Германии ведал полковник Леваль вместе со своим помощником капитаном Самюэлем, офицером из евреев, родом из Эльзаса, превосходно говорившим по-немецки. Самюэль в своих расчетах шел еще дальше, чем эрцгерцог, утверждая, что немецкие войска смогут начать железнодорожные перевозки лишь через 30 дней по объявлении мобилизации. Леваль оспаривал это; в согласии с Альбрехтом он полагал, что пруссаки будут готовы для отправки на театр военных действий на 21-й или 22-й день мобилизации, но относительно продолжительности перевозки масс и окончательного

[1] Ср. т. I, стр. 422 (русск. пер — т. V, стр. 292).
[2] К моменту 4 августа прошло около трех недель с начала войны.

срока их стратегического развертывания, повидимому, не было никакого определенного представления. Таким образом, Наполеон, объявив расчеты Леваля неточными (inexactes), должен был держаться донесения Стоффеля от 12 августа 1869 г., в котором значилось, что в Париже следует считаться с невозможностью перегнать Пруссию; военная организация последней позволяет ей в течение 20—25 дней сосредоточить на французской границе несколько армий по 100 000 чел. Наполеон, поддавшись национальным предрассудкам, изложил донесение Стоффеля таким образом, что Пруссии потребуются минимум 25 дней для того, чтобы развернуть 200 000 чел. на р. Саар. Следовательно, это составляло около 160 000 чел. пехоты. К этому нужно было добавить еще 60 000—70 000 чел. южногерманской пехоты, и тогда немцы имели бы, может быть, 200 000 чел. пехоты, т. е. столько же, сколько и Наполеон III, а германские силы могли бы быть готовы не ранее 10 августа. В таком случае, как полагал император, при несравнимой внутренней ценности и при превосходившем противника вооружении его собственных войск, ему в первый период войны едва ли нужно было чего-либо опасаться,— напротив, он мог быть так же уверен в победе, как и в последней войне. 207 000 чел. прусской пехоты были уверены в победе над 211 000 австро-саксонских войск. Но продолжать кампанию после ее первого периода Наполеон III вообще не хотел. Он предполагал «после нескольких рыцарских сражений»[1] в таком роде, как при Мадженте и Сольферино, вместо союза с австрийским «трупом» протянуть руку Пруссии и посредством оборонительно-наступательного союза с этой державой, которой он предоставил бы руководящую роль в южной Германии, выиграть для Франции Люксембург и Бельгию. Если бы это удалось, то, по мнению императора, соглашение с Германией было бы для Франции компенсировано, и даже более чем компенсировано. Это были умные мысли, так как они считались с фактом, что в эпоху национальных идей германский Рейн не представляет более для Франции в какой-либо мере достижимого приобретения. К тому же военно-оперативный план Наполеона был понятен. Император намеревался сделать базисом своего наступления не Мец, а Страсбург; он имел в виду перейти не через Саар, но через Рейн, а именно от юго-восточной оконечности баварского Пфальца в непосредственной близости от эльзасской границы, между баварским Максимилиансау и баденским Максау, так что после перехода через реку французы оказались бы перед Карлсруэ. Французы сосредоточивались с целью использования своих железных дорог, как это правильно предусматривал Мольтке, в двух далеко разъединенных между собою массах на границе: одна — у Меца, другая — у Страсбурга. Первая, составлявшая главные силы, при которых находился Наполеон, должна была выполнить марш продолжительностью в пять-шесть дней, чтобы соединиться со второй у Вейсенбурга[2] в нижнем течении р. Лаутер. Вейсенбург был пунктом, которому французы придавали большое значение с точки зрения

[1] Выражение французского министра иностранных дел, герцога Грамон, в разговоре с одним из членов прусского посольства, когда последнее с началом войны покидало Париж. Ср. H. Delbrück, Erinnerungen, Aufsätze und Reden (Г. Дельбрюк, Воспоминания, статьи и речи), 3-е изд., Предисловие.

[2] Вейсенбург на прилагаемой общей схеме (см. стр. 36) не обозначен. Он находится в 17 *км* к северо-востоку от Верта близ границы. — *Ред.*

перехода через Рейн. Генерал Дюкро, который командовал в Эльзасе несколькими дивизиями, писал подчиненному ему генералу Абелю Дуэ, что он должен проверить в Вейсенбурге положение продовольственных заведений, пополнить их запасы и организовать выпечку хлеба; все это — не теряя ни одной минуты: «Мы должны быть в состоянии рассчитывать на Вейсенбург, чтобы получать оттуда большую часть наших продовольственных припасов» [1]. Так же, как в Вейсенбурге, были заложены магазины и в Сент-Авольде, впереди Меца, в Нижнем Эльзасе. Французские главные силы были расположены между Буле (Больхен) и Бичем, с гвардией позади в Меце. Такова была группировка войск главных сил в последние дни июля. Все стояли, следовательно, на путях по направлению к Вейсенбургу и Максимилиансау. И в Форбахе было также сосредоточено много военных припасов и построено большое количество хлебопекарен. Этот пункт расположен севернее железной дороги из Меца в Нижний Эльзас, вдоль которой должно было быть предпринято продвижение сил вправо в обход Меца к Максимилиансау. По соседству с Форбахом лежал прусский пограничный город Саарбрюкен на р. Саар. Саарбрюкен был важнейшей переправой через реку при германском наступлении в направлении на Мец. Чтобы прикрыть Форбах и пути в Нижний Эльзас, французы заняли 2 августа высоты к югу и юго-западу от Саарбрюкена, командовавшие над городом. Они были весьма разочарованы, столкнувшись здесь с единственным батальоном, который после короткого боя отступил. Французы двинули здесь в наступление 4 дивизии, а все главные силы, за исключением гвардии, т. е. 13 дивизий, были подготовлены к сражению. Гвардия также посредством железной дороги могла бы быть подтянута довольно быстро. Французская разведка полагала, что она выявила у расположенного по соседству Дутвейлера по крайней мере 40 000 пруссаков. По мемуарам генерала Лебрена, первого помощника начальника генерального штаба маршала Лебефа, Наполеон льстил себя надеждой, что пруссаки будут защищать позицию у Саарбрюкена и, таким образом, доставят французам случай провести первое из «рыцарских сражений» при столь благоприятных в отношении численности условиях.

После выигрыша такого сражения опасность продвижения вправо вдоль немецкого фронта весьма значительно уменьшилась бы. Но император и так не боялся выполнять маневр, при котором он подставлял свой фланг неприятелю: это доказывает его операционный план, приведший к сражению при Мадженте [2]. В 1859 г. марш в обход неприятельского расположения прикрывали р. По и р. Сезия, а в 1870 г. ту же роль должны были сыграть р. Саар и Вогезы. Внутри горной местности к востоку от Бича (в этой крепости также был создан магазин) начинался район развертывавшихся в Эльзасе сил, которыми командовал Мак-Магон. Это был 1-й корпус в составе четырех и 7-й в составе трех дивизий [3]. Но из 7-го корпуса для наступательных действий имелась в распоряжении лишь одна дивизия, присоединившаяся к 1-му корпусу в Нижнем

[1] Записка от 3 августа. Из французского военного архива (по Пикару, «1870 год», стр. 146).

[2] Ср. т. I, стр. 241 (русск. пер.— т. V, стр. 172—173).

[3] В то время как каждый германский корпус состоял из 2 дивизий, во Франции лишь гвардия имела 2, а остальные корпуса по 3 и даже по 4 дивизии.

Эльзасе, ибо вторая дивизия лишь прибывала одной бригадой из Папской области. Как я указал выше, Франция обороняла эту область против итальянцев, в то время как другую бригаду задерживал революционный пролетариат города Лиона. Для таких второстепенных задач должны были быть выделены части полевой армии, так как организация армии по проекту Ниэля еще не была закончена. 3-я дивизия 7-го корпуса была расположена в Верхнем Эльзасе в Мюльгаузене, чтобы прикрывать против находившихся в Брейсгау немцев жизненную артерию армии — железную дорогу из Страсбурга в Лион. Здесь находился только один баденский пехотный полк с подразделениями вспомогательных родов войск, составлявший едва половину противостоявших ему французов, но подобные ошибки являются неизбежными, так как сведения о неприятеле оказываются во всех войнах мало надежными. Мы ведь видели, что Мольтке, если бы он был достаточно осведомлен о положении противной стороны, спокойно мог бы осуществлять свою первоначальную мысль, произведя стратегическое развертывание, вместо Рейна, на р. Саар. К тому же упрек, будто Наполеон прибег к системе пограничных постов, характерной для XVIII столетия, заставив развернуться Рейнскую армию по большой дуге, простиравшейся от Буле до Страсбурга, является несправедливым. Так как войска были брошены на границу немобилизованными и здесь должны были стоять в течение недель, чтобы сделаться способными к ведению операций и подтянуть свои резервы, то условия подвоза продовольствия не допускали возможности тесного расположения. С другой стороны, немцы, хотя и в более многочисленных массах, продвигались также не сосредоточенно, а в виде большой дуги, которая тянулась от Вадерна у Трира, в юго-восточной Рейнской провинции, где сосредоточивалась 1-я армия Штейнмеца, к позиции 2-й армии под командованием Фридриха Карла впереди Майнца у Гельгейма и шла дальше к 3-й армии под командованием прусского наследного принца. Эти боевые силы сосредоточивались у Ландау и Гермерсгейма, баварской крепости на левом берегу Рейна, а вюртембержцы стояли 3 августа, в день начала операций, даже еще на правом берегу.

Мольтке в своем труде о кампании 1859 г. называет крупным стратегическим делом передвижение Наполеона влево на р. Сезия; при этом д о л ж н а б ы л а быть одержана победа. Наполеон хотел теперь своим движением вправо перед фронтом противника обойти левый фланг северогерманцев, как тогда правый фланг австрийцев. Почти все люди в своих планах, когда они что-либо предпринимают, находятся в большой зависимости от того опыта, который они получили раньше при решении подобных же задач. То же случилось в 1870 г. и с Наполеоном. Мнение, господствующее у историков, как французских, так и немецких, во всяком случае значительно менее благоприятно для императора. Наполеону III не только ставится в упрек разброска сил, но утверждают даже, что он вообще не имел никакого операционного плана. После сделанного им наблюдения, что стратегическое развертывание не может быть выполнено с желаемой точностью и быстротой, император якобы без дальнейших размышлений ударился в чистую оборону, т. е. перешел к самой опасной стратегии. Документального доказательства этого положения привести нельзя. Оно основывается лишь на плохом состоянии

здоровья Наполеона, которое якобы надломило его энергию. Но каменная болезнь императора всегда принимается во внимание, когда критики находятся в затруднении, как им обосновать свои предвзятые мнения. Во всяком случае в Париже носились уже однажды с мыслью вести войну против Пруссии чисто оборонительно. Это было в 1867 г., во время вопроса о Люксембурге, после того как годом раньше мощь прусского государства внезапно проявилась на богемских полях сражения, а направленное против этого средство — военные реформы Ниэля — еще не было осуществлено. В то время генерал Фроссар, которому Наполеон приписывал стратегический талант, разработал план кампании на чисто оборонительной основе [1]: проводимое с боем отступление с позиции у Сааргемюнда до Лангрского плато, прославившегося в войну 1814 г., затем продолжение борьбы, с опорой, с одной стороны, на Париж, а с другой — на последующую военную организацию народных сил. Таким образом, Фроссар предугадал ход событий, действительно наступивших во второй половине войны 1870 г., с той лишь разницей, что посредством своевременных и последовательных отступательных движений генерал хотел избежать уничтожения наличного ядра регулярных боевых сил.

Ясно, что операционный план Фроссара был лишь отчаянным выходом из положения; это говорит сам его создатель со слегка завуалированной откровенностью. После усиления армии уже не возвращались к мысли о чистой обороне, и ничто не говорит о том, что в 1870 г. Наполеон не думал серьезно о переходе через Рейн у Максау. Он хотел протиснуться здесь между северогерманцами и южногерманцами, а хорошо известно, и в военной истории часто с успехом применялось, направление удара, при наступлении против коалиции, в пункт стыка союзных армий. Так поступили не без успеха русские под Севастополем [2], так же вел операцию Людендорф весною 1918 г. и уничтожил армию Гофа. Мы уже видели, что Мольтке считался с возможностью уклонения южногерманцев в Шварцвальд. Представление, что у Наполеона не было никакого серьезного операционного плана, исходит, как уже сказано, не из каких-либо документов, но выводится из течения событий, которые, однако, неправильно истолковываются. Во всяком случае, французы уже долгое время оставались бездеятельными на границе, когда, наконец, были атакованы превосходными силами. Но эта бездеятельность проистекала не из беспомощности французов, а из системы производить мобилизацию только на границе. То, что они могли быть так скоро атакованы превосходными силами, они не считали нужным принимать во внимание, и в своей беспечности они могли с некоторым правом сослаться на Кассандру [3] — Стоффеля. Развертывание 350 000 способных к ведению операций бойцов в сравнительно узком пространстве между Триром и Гермерсгеймом в течение трех недель было новым военно-историческим явлением. Французское верховное командование так же мало предвидело это, как и эрцгерцог Альбрехт. Такая слепота к изменению соотношения сил во всех областях общественной жизни, а не только в области войны,—

[1] Напечатано в труде французского генерального штаба о войне 1870 г., т. I, стр. 79. Приложение.

[2] Ср. т. I, стр. 96 (русск. пер.— т. V, стр. 74).

[3] Кассандра выступает в «Илиаде» Гомера как предсказательница.— *Ред.*

не редкое явление в истории, и французы не заслуживают особого упрека в том, что 4 августа 1870 года они надеялись быть в состоянии начать наступление с 200 000 чел. пехоты против немецких сил, которые не превышали этой численности. Заслуженная резкая критика должна быть направлена на другой пункт. Маршал Лебеф и подчиненные ему офицеры не мыслили себе, что они могут ошибаться, не допуская для немцев возможности перейти в наступление раньше их. Действительно, французский генеральный штаб ни в коем случае не был лучше австрийского. Он едва ли даже находился на том уровне, как при знаменитом Бертье, про которого Наполеон сказал, что тот был вороной, из которого он сделал орла. Что руководимый Мольтке генеральный штаб подготовился ко всякого рода возможностям, даже и к той, что он может ошибаться, мы могли убедиться на примере решения начальника прусского генерального штаба закрыть глаза перед соблазнительными перспективами стратегического развертывания на р. Саар и из предосторожности начать поход дальше позади, на Рейне. В 1914 г. немцы не имели гения во главе своих войск: тогда господствовало самовнушение, будто в несколько недель мы можем и должны низвергнуть такое военное государство, как Франция, по той причине, что она является не только военным, но и демократическим государством с неустойчивым правительством. Совершенно в том же духе поддался самовнушению и Лебеф в 1870 г., считавший, что французы далеко не так медлительны, как немцы, и поэтому, несмотря на всякого рода несогласованности при мобилизации, могут быть раньше готовы к операции, чем немцы: «Мы должны спешить, — писал начальник французского генерального штаба 1 августа военному министру, — ибо сведения, которые я получаю, позволяют сделать заключение о наступательных тенденциях противника, хотя он далеко еще не готов...»

Это было роковой ошибкой. В тот же самый день германская главная квартира в Майнце уведомила принца Фридриха Карла, штаб-квартира которого была в Альцее, что нет больше необходимости заканчивать железнодорожные перевозки на Рейне, но что можно выгружать войска по ту сторону Хаардта, в Биркенфельде и Кайзерслаутерне. Войска, которые уже направлялись туда походным порядком, выбивались из сил, чтобы возможно скорее достигнуть границы. Так, бранденбургская дивизия сделала один за другим четыре перехода в три мили[1] каждый, хотя стояла нестерпимая жара и местность была крайне тяжелая. А впереди от Кайзерслаутерна начиналась гористая и лесистая полоса, которая ставила перед этими громадными массами[2] еще бо́льшие задачи в отношении техники марша. Четыре корпуса, а именно: гвардия, ганноверцы и войска из провинции и из королевства Саксонии, были направлены по е д и н с т в е н н о й, протяжением в 5 миль, дороге между Кайзерслаутерном и Цвейбрюкеном[2]. Так как корпус без обоза на о д н о й дороге занимает в глубину 3 мили, а с обозом — 5 миль, то часть обозов была оставлена позади, и все же оставалась еще змея протяжением

[1] Миля = 7 420 *м.*—*Ред.*

[2] 2-я армия (главные силы немцев) состояла теперь из 7 корпусов. Она возрастала так сильно потому, что медлительный темп австрийских вооружений позволил вызвать на театр военных действий оставленных вначале позади силезцев, померанцев и пруссаков из Восточной Пруссии. Силезцы были присоединены к 3-й армии, померанцы ко 2-й и пруссаки к 1-й.

в 15 миль, которая должна была пройти через дефиле между Кайзерслаутерном и Цвейбрюкеном. Вообще такой маневр, как прохождение шести корпусов (померанцы находились еще позади) через узкое пространство баварского Пфальца, требует времени. Ведь Фридрих Карл в 1866 г. с 4½ корпусами едва продвигался вперед [1]. Вследствие этого Мольтке рассчитывал, что 2-я армия достигнет р. Саар и устья Блиса 7 августа, после чего должна будет иметь дневку, так что наступление могло бы начаться на 25-й день по объявлении мобилизации. Затем он надеялся нанести на том же месте очень сильный удар. Он хотел вновь, как при Кениггреце, вести наступление на двух фронтах. 2-я и 1-я армии должны были выйти на фронт французских главных сил, а 3-я армия, обладая превосходством в силах, отбросить находившиеся в Эльзасе меньшие силы французов, после чего повернуть из этого положения вправо и наступать через Вогезы против правого фланга Наполеона [2]. Так как 3-я армия должна была совершить самый долгий путь, то Мольтке настаивал перед начальником штаба прусского кронпринца Блюменталем на том, чтобы начать операции в первые дни августа, хотя баварские корпуса тогда еще не вполне закончили свою подготовку. Если бы французы держались стойко, то план Мольтке обещал наступающему тотчас после начала похода такую же победу, как при Кениггреце, или даже значительно бо́льшую, ибо под Кениггрецом действовали 8½ прусских корпусов против 8 австрийских, а 9 августа 1870 г. немцы имели бы колоссальный перевес в силах. По мнению Мольтке, нужно было ожидать, что Наполеон будет держаться стойко. И по памятной записке Фроссара, относившейся к 1867 г., первое оборонительное сражение должно было произойти, если бы численное соотношение сил это допустило, у Сааргемюнда, второе же — на р. Сейль впереди Меца: «Сегодня французская армия может менее чем когда-либо допустить, чтобы вторжение в Лотарингию произошло без предварительного сражения... Это было бы для императорского правительства морально невозможно».

В телеграмме, которую верховное командование отправило 3 августа Фридриху Карлу и Штейнмецу, говорилось: «Завтра 3-я армия перейдет границу у Вейсенбурга. Намечается общее наступление». Но при отправке телеграммы Штейнмецу, который стоял почти на р. Саар, ему было приказано отойти на один переход назад. Он выдвинулся вперед из Лосгейма и Вадерна к Лебаху, а частично его войска бивакировали еще много дальше к югу в направлении на Саарбрюкен, так что они были удалены от этого критического пункта, в котором армии противника соприкасались одна с другой, всего лишь на 11 *км*. Продвижение Штейнмеца вперед было произведено им самовольно. Он не хотел подчиниться распоряжению верховного командования о том, что он и Фридрих Карл должны перейти через Саар лишь 9 августа и только кронпринц должен атаковать 4 августа. Так как в главной квартире 1-й армии создалось правильное впечатление об уходе французов из Лотарингии (войска,

[1] Ср. т. I, стр. 444, 458 и 520 (русск. пер.— т. V, стр. 308, 318—319, 361—362).

[2] Наполеон I писал 9 мая 1815 г. военному министру: «Бывают случаи, когда Вогезы являются линией отступления Рейнской армии, и бывают другие случаи, когда Вогезы угрожают тылу Мозельской армии» (Цитировано по труду французского генерального штаба о войне 1870 г., т. I, стр. 92.) Фроссар отмечает, что с 1815 г. дороги через Вогезы значительно улучшились.

которые должны были совершить марш в Эльзас, начали медленно приходить в движение), Штейнмец хотел остановить их и с этой целью перейти через Саар уже 5 августа вместо 9-го. Так как 1-й (восточно-прусский) корпус еще не весь подошел, то Штейнмец имел в своем распоряжении лишь рейнцев и вестфальцев, т. е. около 56 000 чел. Французы же, которые чувствовали, что в 1-й германской армии что-то делается, 4 августа притянули гвардию из Меца: «Открылась бы счастливая перспектива, — писал Лебеф Фроссару, командовавшему корпусом у Саарбрюкена,— если бы противник дал нам сражение с 40 000 чел., тогда как мы могли бы противопоставить ему 70 000, не считая вас». Гвардия также не входила в расчет, но начальник генерального штаба принимал во внимание лишь корпуса генералов Базена и Лямиро, в которых наличный состав определялся 4 августа в 60 000 чел.[1]. Следовательно, Штейнмец попал бы впросак, если бы он на самом деле переправился через реку у Саарлуи, так как направлявшаяся к Саарбрюкену 2-я армия находилась еще слишком далеко, чтобы оказать ему какую-либо помощь. Он преподнес бы противнику на блюде столь желанное ему «рыцарское сражение». Превосходный военный писатель, полковник Георг Кардинал-фон-Виддерн, правильно говорит[2]: «Поражение немцев было бы... в этот момент не только невыгодно в стратегическом отношении, но могло бы иметь также и в политическом отношении в высшей степени серьезные последствия. Австрия и Италия... ожидали лишь успеха французской армии для того, чтобы стать на сторону Франции».

В богемском походе 1866 г. на стороне пруссаков из 8½ корпусов 2 находились под командой умственно ненормальных генералов: 2-й корпус, которым командовал сошедший с ума после войны фон-Шмидт, хотевший вывести этот корпус из линии огня в самый опасный момент сражения при Кениггреце, и 5-й корпус под командованием Штейнмеца[3]. Этого последнего его семья еще задолго до 1866 г. хотела поместить в лечебное заведение, и он в течение всей жизни стоял на краю умопомешательства. В 1870 г. Мольтке противился тому, чтобы Штейнмец был поставлен во главе армии, но король последовал настоянию общественного мнения, которое доверяло Штейнмецу. Германские генералы не всегда были Блюхерами. Штейнмец был человеком волевым, благодаря чему сделался «львом Находа», но его характеру ни в какой мере не соответствовал его разум, и уже поэтому не следовало испытанному корпусному командиру давать армию: «Блистает на втором месте тот, кто затмевается на первом», — такую цитату приводит Кардинал-фон-Виддерн по поводу назначения Штейнмеца.

Кроме того, 74-летний Штейнмец оглох, так что его штаб едва имел возможность воздействовать на заблуждавшегося своенравного старца в духе благоразумного командования войсками. Штейнмец был одержим навязчивой идеей, будто Фридрих Карл желает пролезть вперед со 2-й армией, чтобы 1-я армия не начала похода с победы, которую принц считал принадлежащей по праву ему.

[1] По поводу указанного Лебефом числа (70 000) следует напомнить, что французы включают в него офицеров, артиллерию и нестроевых.

[2] «Критические дни» («Kritische Tage»), т. III, ч. 1, стр. 181.

[3] О Шмидте и Штейнмеце ср. т. I, стр. 492, 501, 542 (русск. пер. — т. V, стр. 342—343, 349, 377).

В действительности же здравому уму принца Фридриха Карла было совершенно чуждо это болезненное тщеславие, и он в своем продвижении вперед точно руководился инструкцией верховного командования. Но Штейнмец самовольно придвинул свои войска на р. Саар с намерением перейти через реку изолированно и на свой страх: «Первая армия подверглась бы поражению», — написал Мольтке на полях письма, в котором Штейнмец пытался оправдать свою стратегию. Чтобы помешать ему итти вперед, Мольтке считал недостаточным дать указание стоять на месте, но признавал необходимым удалить Штейнмеца от Магнитной горы на р. Саар на значительное расстояние. Поэтому он убедил короля приказать командующему 1-й армией отойти из Лебаха и с биваков между Лебахом и Саарбрюкеном назад до района Толея. Штейнмец должен был повиноваться, и 4 августа, в тот день, когда в Эльзасе начался бой у Вейсенбурга, 7-й и 8-й корпуса двигались, согласно приказу, от границы: «По дьявольским дорогам, — писал командир 8-го корпуса Гебен своему отцу, — по высоким горам, через которые эти дороги упорно идут наперерез». Но Штейнмец не последовал в точности указаниям верховного командования, так как лишь одна дивизия дошла до Толея, а три других сосредоточились у Лебаха. Тем не менее непосредственное соприкосновение между 1-й армией и пограничной рекой было прервано. Пока Штейнмец оставался 5 августа у Толея и Лебаха, в то время как Фридрих Карл 4 и 5 августа продвигался вперед, верховному командованию удалось достичь того, что центр и правый фланг немецкой армии подравнялись. Но Мольтке хотел, чтобы 2-я армия уже развернулась прежде, чем 1-я вновь двинется вперед, и в соответствии с этим дал указания Штейнмецу оставаться 6 августа в прежнем положении. Хотя предписание начальника генерального штаба прибыло своевременно, все же Штейнмец в чреватый событиями день 6 августа снова двинулся к р. Саар. Мотив этого своевольного решения, сообщенный Штейнмецом в Майнц, был смехотворен. Оттуда ему было энергично предложено освободить часть квартир, в которых он, в нарушение приказа, разместил свои войска при выполнении отступления к Толею, так как этот район был верховным командованием уже предоставлен 2-й армии, вследствие чего возник беспорядок. Теперь Штейнмец утверждал, что он был в состоянии найти другие квартиры для своих войск лишь в том направлении, в котором Мольтке запретил ему продвигаться. Об истинной причине непослушания сообщает нам личный дневник оберквартирмейстера 1-й армии, графа фон-Вартенслебена: «Мы решили наступать на р. Саар, так как иначе армия принца Фридриха Карла обогнала бы нас слева».

Далее Мольтке писал Штейнмецу, что 1-я армия должна вновь начать свое наступление, причем для перехода через Саар ей назначен участок Саарлуи — Фельклинген, т. е. местность ниже Саарбрюкена. Штейнмец нарушил и это предписание. На Саарлуи он направил только свою кавалерийскую дивизию, на Фельклинген — одну пехотную дивизию, а три остальные пехотные дивизии он выдвинул против Саарбрюкена, который Мольтке предполагал предоставить 2-й армии в качестве пункта переправы. Таким образом, перед обоими мостами этого города 7 августа должны были скопиться огромные массы войск из состава армий Штейнмеца и Фридриха Карла. «Теперь мы в густых массах наступаем на Саарбрюкен, — пи-

сал Гебен,— так что 7-й, 8-й, 3-й и 10-й корпуса завтра (6-го) с нашими авангардами будут стоять вплотную, с интервалами в ¼ мили и на расстоянии едва лишь в ¾ мили от Саарбрюкена». Сам Штейнмец писал о «гипертрофии» и «приливе крови» масс, что он ставил в вину верховному командованию: «войска 1-й и 2-й армий стоят теперь в полном смысле слова локтем к локтю...» Уже 6 августа, когда лишь авангарды четырех корпусов приближались к Саарбрюкену, на путях в этот город возникло гибельное перемешивание обозов. Разгневанный принц Фридрих Карл высказал угрозу, что в случае необходимости 2-я армия употребит силу оружия против 1-й армии, чтобы расчистить себе дорогу. Почему Штейнмец не боялся устроить всю эту неразбериху, видно из его письма к Мольтке, в котором он говорит о своем предположении, что операции 2-й армии будут направлены на Нанси для того, чтобы 1-я армия не была оттеснена к мозельским крепостям. Пункты переправы, которые Мольтке ему назначил, вели к мозельским крепостям Диденгофену и Мецу. У Штейнмеца возникло теперь подозрение, что верховное командование хочет его, именно его, вынудить к неподвижности перед крепостями, чтобы Фридрих Карл тем временем мог выиграть сражение в открытом поле. Поэтому он требовал, чтобы 2-я армия предоставила ему переходы через реку у Саарбрюкена, дабы он имел возможность выйти на простор к югу от мозельских крепостей. Фридрих Карл мог бы перейти через пограничную реку выше Саарбрюкена, откуда пути направлялись на Нанси. Однако, в это время неприятельские главные силы находились не там, но впереди Меца. Разыскать и разбить их,— так рассуждал Мольтке,— было оперативной целью, которую немцы должны были неуклонно преследовать. Все передвижения войск должны были направляться на Мец, как мы видели это также в отношении 3-й армии на эльзасской границе. Только в том случае, если немецкое правое крыло будет простираться от Фельклингена до Саарлуи, можно было надеяться притти к операции против неприятеля, растянувшегося до Больхена и Бузендорфа. «Вместо того, чтобы обойти противника, она (1-я армия) при продвижении из Саарбрюкена — Фельклингена сама будет обойдена со стороны Больхена»,— такую пометку сделал Мольтке на полях письма, в котором Штейнмец ему разъяснял, почему он во второй раз нарушил приказ (протанцовал не в такт).

Неурядица на путях движения еще не была худшим последствием того, что Мольтке на правом крыле армий выпустил вожжи из рук. Гораздо опаснее было воздействие этого на состояние духа двух подчиненных Штейнмецу начальников — командира 7-го корпуса фон-Цастрова и командира 8-го корпуса фон-Гебена, а также командиров дивизий. Со времен Блюхера во всех прусских генералах жило стремление двигаться вперед, соответствовавшее духу стратегии века и еще более возросшее в результате семидневного богемского похода. Несмотря на то, что между не умевшим рационально мыслить Штейнмецом и подчиненными ему генералами накоплялись разногласия,— им все-таки импонировало стремление командующего армией итти напролом, тем более, что они не были в курсе планов верховного командования. Столь же мало, как и Штейнмеца, если не еще меньше, Мольтке был в состоянии, находясь в Майнце, держать в узде Цастрова и Гебена. Он отдал распоряжение, чтобы с началом наступления 1-й армии они лишь прибли-

зились к р. Саар, но не примыкали к этой реке и вообще избегали без надобности привлекать к себе внимание. То же указание было дано и 2-й армии. Фридрих Карл следовал этому указанию, развернув на р. Саар лишь завесу из двух кавалерийских дивизий. Напротив, Цастров не только плотно придвинул к реке у Фельклингена пехотный авангард, но приказал даже занять по ту сторону Фельклингенского моста м. Верден (6 августа).

Как я уже сказал, до французов давно уже донеслись слухи о том, что 1-я армия что-то против них замышляет. 4 августа, в тот самый день, когда Штейнмец, одернутый Мольтке, очистил местность между Саарбрюкеном и Лебахом и отступал на Толей, мар-

ОБЩАЯ КАРТА К НАЧАЛЬНОМУ ПЕРИОДУ ВОЙНЫ

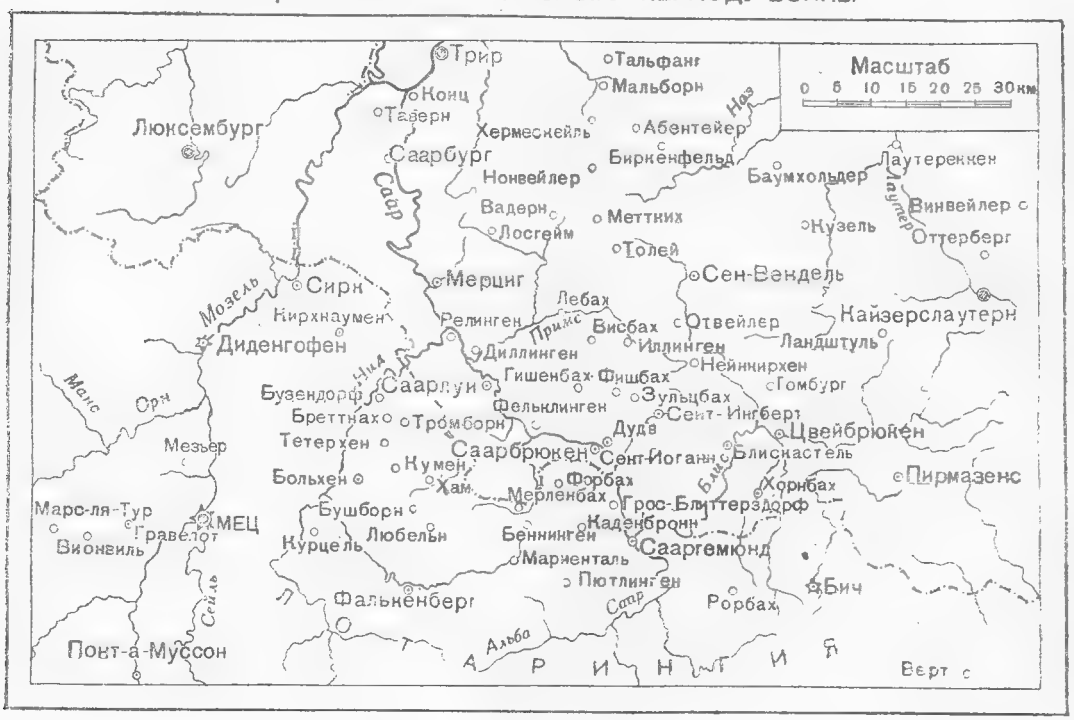


Схема 1.

шал Лебеф не только притянул гвардию из Меца к Курцелю, но передвинул из центра Мозельской армии одну дивизию на переход влево, поручив ей наблюдение за дорогой на Саарлуи. Лебеф был бы обрадован, если бы Штейнмец подошел. Иначе обстояло дело с генералом Лямиро, корпус которого составлял левое крыло французского расположения и которому Лебеф рекомендовал быть бдительным в отношении 1-й армии. Вследствие этого Лямиро приказал одной из своих дивизий сделать переход до Сирка, пограничного французского местечка против Трира, так как он полагал необходимым обеспечить себя от наступления противника не только со стороны Саарлуи, но также и со стороны Трира. В этом последнем направлении он передвинул и остальные две дивизии своего корпуса. Хотя Лебеф не признавал, что Лямиро разбросал свои войска и хотел оставить распоряжения генерала без изменений, но Наполеон вмешался и приказал, чтобы корпус Лямиро, если выполнение рас-

поряжений этого генерала уже не может быть приостановлено, на следующий день (5 августа) вернулся на свои старые позиции[1]. Будучи далек от того, чтобы следовать осуждаемой им кордонной системе, император имел намерение 5 августа тесно сосредоточить четыре корпуса между Сааром и Мозелем[2]. С этой целью Фроссар со своим корпусом должен был быть оттянут назад с Саарбрюкенских высот. Новая позиция была ему назначена в районе Бушборна. Влево от корпуса Фроссара должен был расположиться Лямиро у Тетерхена. Позади его, во второй линии, император думал поставить корпус Базена у Больхена и в третьей линии — гвардию у Курцель — Фольмеринген. Это составило бы для 12 пехотных дивизий и кавалерии около 100 000 чел.[3], которые, будучи массированы на путях в Саарлуи и Саарбрюкен, должны были бы встретиться с 1-й германской армией для рыцарского сражения, даже если бы Штейнмец пришел не с 40 000, а со 100 000 чел.[3]. Что он будет вести наступление с армией такой силы, об этом Наполеон прочел в английских газетах, но при этом он не разделял радостного ожидания Лебефа, что Штейнмец будет атаковать изолированно, так как во французской главной квартире ничего не было известно об умственном состоянии этого генерала. Нужно всегда предполагать у своих противников самый разумный план,— говорилось в императорском приказе от 4 августа. Неприятель будет наступать на Нанси. Таким образом, перед нами поразительный факт: и умный Наполеон и помешанный Штейнмец оба считают правильным один и тот же немецкий план. Но ...si duo faciunt idem, non est idem[4]. Мы уже познакомились с теми неделовыми мотивами, в силу которых Штейнмец хотел направить на Нанси главную массу германских сил. Напротив, Наполеон путем весьма вразумительных соображений решил, что для германцев было бы бесконечно опасно направить свой удар непосредственно против французской Мозельской армии. Император не думал, чтобы его противник отважился перейти Мозель на виду у французской армии, которая могла опереться на такую крепость, как Мец. Мольтке все же это сделал, будучи верен своему основному принципу — следует разыскать неприятельские главные силы, чтобы атаковать их там, где они будут найдены. Но Наполеон был постольку прав, поскольку, в противоположность Кениггрецу, сражение на Мозеле у Вионвиль — Марс-ля-Тур явилось сильнейшим кризисом. Несмотря на свой перевес в силах, которые они не смогли достаточно быстро перебросить в решающее место, немцы могли бы быть по ту сторону Мозеля серьезно разбиты, после чего едва ли еще что-нибудь было нужно для того, чтобы вызвать мобилизацию и вооруженное вмешательство Австрии и Италии. И, однако же, Мольтке на это решается. Но Наполеон III, при всех его счастливых задатках, все же не был достаточно силен в стратегии, чтобы предугадать это.

Важно уяснить себе, какие силы, по представлению Наполеона, находились в распоряжении немцев для маневра против Нанси. Из

---

[1] Превосходные схемы менявшегося расположения Мозельской армии см. в книге Р. Мор, Саарбрюкен — Шпихерн (R. Mohr, Saarbrücken — Spichern), 1912.

[2] Пятый был уже направлен в Нижний Эльзас, в Саргемюнд и Бич.

[3] Труд французского генерального штаба «La guerre de 1870—71», т. V, стр. 296, Париж, 1901 г.

[4] Если двое делают одно и то же, результат не один и тот же.— *Ред.*

английских газет и из тех сведений, которые могли добыть военно-информационные бюро из других источников, император составил себе следующую картину: Штейнмец с 7-м и 8-м корпусами, с вестфальцами и рейнцами, т. е. с северогерманскими войсками, которые скорее других могут быть использованы для развертывания на французской границе[1], расположился между Саарбрюкеном и Цвейбрюкеном; за ним следует «один корпус» принца Фридриха Карла, а затем простирается до Рейна армия кронпринца Прусского. Как Наполеон считал у принца Фридриха Карла только «один корпус», так же недооценивал он и 3-ю армию. Французская разведка полагала, что на левом берегу Рейна находится только один из двух баварских корпусов и что армия наследного принца состоит из этого корпуса и двух прусских корпусов. Второй баварский и вюртембергско-баденский корпуса французы предполагали между Гейдельбергом и Вюрцбургом. Получалось, что перед французским фронтом находилось 6 немецких корпусов, тогда как у немцев их было 16. Где же остальные? Относительно местонахождения части этих корпусов Наполеон полагал, что он осведомлен. По заметкам, появившимся в британской прессе, 12-й (саксонский) корпус проходил через Гамбург, торжественно приветствуемый населением, имея задачей прикрыть эльбские герцогства против французского флота и Дании. Командир 7-го французского корпуса Феликс Дуэ[2] телеграфировал из Бельфора в главную квартиру, что неприятель в значительных силах сосредоточивается южнее Бадена. Созданное себе Наполеоном на основании полученных сведений представление об отсутствии остальных 10½ корпусов было неправильно и неполно, но это не имело значения; решающим моментом для его стратегии было то, что все эти массы противника он считал неспособными вести операции. Так как его собственная полевая армия была уже достаточно мобилизована, то император полагал необходимым ускорить выступление. Генерал Феликс Дуэ, охранявший железную дорогу из Страсбурга в Лион, считал недостаточной одну дивизию, которой он располагал, для решения возложенной на него задачи, и выражал настоятельное желание скорее увидеть в Мюльгаузене или в Кольмаре дивизию, оставленную им в Лионе; на третью дивизию 7-го корпуса предъявлял претензию Мак-Магон для расположения ее на северной границе Эльзаса. Французское верховное командование делало все, что было в его силах, чтобы исполнить желание Дуэ. Так как бригада, которая должна была сменить дивизию в Лионе, 5 августа должна была быть посажена на суда в Чивита-Веккия, то через несколько дней весь 7-й корпус должен был быть в распоряжении полевой армии. И маршал Канробер в Шалоне также должен был 5 августа произвести погрузку пехоты своего корпуса на железнодорожные поезда, а остальные роды войск должны были выступить походным порядком. Пунктом сосредоточения этого корпуса (6-го) был Нанси, расположенный на путях как в Мец, так и в Нижний Эльзас, так что силы Канробера могли быть или направлены за Рейн или же оставлены позади для прикрытия сообщений с Мецом армии, предназначенной для вторжения. По

[1] В действительности 8-й корпус, оставивший бо́льшую часть своих пехотных полков в рейнских крепостях, состоял преимущественно из среднегерманской и восточноэльбской пехоты. 7-й корпус состоял наполовину из ганноверцев.

[2] См. выше, стр. 28—29.

списочному составу на 4 августа в полевой армии числилось — в 7 корпусах и в гвардии — 220 000 чел. Германскую действующую армию Наполеон оценивал в 6 готовых к действиям корпусов, общей численностью в 170 000 чел. боевого состава. Таким образом, он полагал, что Стоффель был приблизительно прав [1]. Тезис эрцгерцога Альбрехта, что пруссаки по истечении трех недель будут иметь на Сааре только один готовый к действиям корпус, он считал не заслуживающим внимания. Вообще преднамеренные советы австрийцев не оказывали влияния на его стратегию, хотя в мемуарах Лебрена и можно прочесть обратное. Правда, с прибытием многочисленных резервистов его положение с каждым днем улучшалось, но на германской стороне резервуар, наполненный вооруженным народом, был больше; этого император не забывал. Что время работало на другую сторону, Наполеон осознал с особенной живостью, когда 4 августа в 5 час. 15 мин. пополудни ему было доложено об атаке кронпринца Прусского у Вейсенбурга. Сначала императору не были известны какие-либо подробности об этом бое, а получено было лишь известие, что Бич — небольшая, но трудно одолимая крепость в Вогезах — была атакована. Император был до такой степени целый день «préoccupé de l'ensemble des opérations» (озабочен совокупностью операций), что временно потерял интерес к деталям и отменил встречу с Базеном в Больхене, где он хотел переговорить с ним о подробностях. Впрочем, этот якобы смертельно больной монарх касался всех наиболее важных второстепенных вещей; как в 1859 г. Вальян [2], так и в 1870 г. Лебеф были только его первыми приказчиками, а Лебрен и Жаррас ничего сказать не могли. Также и маршалы Базен и Мак-Магон, которым были подчинены корпуса, находившиеся в Эльзасе и Лотарингии, должны были в стратегическом отношении следовать указаниям императора.

Известие о налете немцев на Бич было вечером опровергнуто, но в 9 час. 10 мин. вечера в Меце узнали, что бой под Вейсенбургом закончился для выставленной там дивизии чувствительным поражением. Общая картина вследствие этого не изменилась для Наполеона. Чтобы атаковать на границе одну французскую дивизию, немцам, конечно, нужно было не более 170 000 чел. боеспособных войск. Что немцы были таким противником, с предприимчивостью которого нужно было серьезнейшим образом считаться, это Наполеон самым решительным образом подчеркнул в своем манифесте об объявлении войны. Событие у Вейсенбурга заставило императора с еще большей энергией приступить на следующий день к выполнению решения, принятого еще после полудня, а именно к фланговому маршу Лотарингской армии перед фронтом германцев в рейнскую Баварию. 5 августа корпусу де-Фальи, стоявшему между Саргемюндом и Бичем, предписывалось перейти полностью в Бич, а вся Лотарингская армия должна была сообразоваться с этим передвижением таким образом, чтобы 8 августа она была у Рорбаха, вблизи Бича и у Саргемюнда, имея гвардию позади, в Пютлингене. Корпус Канробера был назначен для обеспечения сообщения с Мецом после того, как все остальные войска — «Рейнская армия» — перейдут через реку у Максау. 6 августа в 1 час дня, когда уже шел горячий бой у Шпихерна, начальник генерального штаба писал Базену: «Намерение императора — соединиться

[1] См. выше, стр. 27.
[2] См. т. I, стр. 197, 234 (русск. пер.— т. V, стр. 141—142, 168).

с Мак-Магоном и в то же время плотно массировать корпуса». Лебеф предпочел бы непосредственное наступление в рейнскую Баварию. Там, согласно оценке обстановки французами, находилось под командованием Штейнмеца и Фридриха Карла 80 000 чел. Если даже Наполеон оставил бы маршалу Мак-Магону корпус Фальи и направил бы 6-й корпус из Нанси в Мец, то все же он имел бы в своем распоряжении для вторжения в рейнскую Баварию 100 000 чел. Однако, стратегический замысел Наполеона отделить северогерманцев от южногерманцев и охватить первых с тыла был крупнее и правильнее; нужно было только, чтобы оправдалось то предположение, на котором этот замысел был построен, а именно — 220 000 французов против 170 000 немцев. В труде французского генерального штаба высказано мнение, что император был склонен принять предложение своего начальника штаба — наступать по левому берегу вместо правого, но принял другое решение вследствие представлений генерал-интенданта армии. Последний будто бы доложил, что германцы уже «высосали» Пфальц, а сам он еще не был в состоянии создать там магазины, а потому в случае наступления против Штейнмеца и Фридриха Карла он может гарантировать продовольствие армии самое большое в течение 48 часов. Марш вдоль фронта Штейнмеца и Фридриха Карла,— говорится в труде французского генерального штаба,— был бы чересчур рискован, чтобы предлагать его императору вполне серьезно. Но при обсуждении стратегии Наполеона III надо исходить не из того, каково было действительное положение, но из того, как смотрел на него император. А он в 1870 г. думал выполнить фланговый марш со 100 000 чел. против 80 000, следовательно, при таком же численном соотношении сил, как некогда против Гиулая [1].

Так как кронпринц Прусский уже отважился атаковать выдвинутую вперед дивизию маршала Мак-Магона, то для французов было невозможно предпринять переход через Рейн, пока они не разбили германской 3-й армии. Поэтому корпус Фальи был предоставлен в распоряжение Мак-Магона, а этот последний вытребовал его в Верт, к пункту своего сосредоточения. Он имел тогда 54 000 чел. пехоты, а численность пехоты у кронпринца Прусского он оценивал в 55 000 чел., преимущественно баварцев. В действительности у немцев было 5 корпусов, но Мак-Магон недооценивал противника, оставаясь целиком в рамках мышления французского верховного командования. Позиция под Вертом была сильна; Мак-Магон хотел задержаться на ней пока не подойдет из Бича 5-й корпус. В течение 6 августа он рассчитывал на прибытие по меньшей мере головной дивизии; тогда он все же имел бы 41 000 чел., а так как он не ожидал атаки кронпринца ранее 7 августа, то численное соотношение сил представлялось ему сносным и 8-го же августа он мог иметь все 3 дивизии 5-го корпуса, 4 дивизии своего и 1-го корпусов и 1 дивизию 7-го корпуса. Этим было бы достигнуто равновесие в силах, и для маршала открылась бы возможность отказаться от обороны. Учитывая качество своих войск, он не сомневался в том, что при наступлении на р. Лаутер он будет в состоянии выиграть сражение. Не говоря уже о том, что тогда была бы заглажена неудача под Вейсенбургом, были бы выполнены и те предпосылки, с которыми был связан переход Наполеона III через Рейн. Император хотел начать операции 7 августа передвиже-

[1] Ср. т. I, стр. 219 (русск. пер. — т. V, стр. 157—158).

нием своих лотарингских сил вправо. 6 августа в 1 час 20 мин. пополудни была послана телеграмма гвардии, чтобы она выступила из Курцеля в Нижний Эльзас. Но уже через 5 минут после этого Фроссар телеграфировал Базену: «Я веду крупный бой как на шоссе (Форбах — Саарбрюкен), так равно в лесах и на Шпихернских высотах. Это — сражение...».

Глава II

Сражение при Шпихерне (6 августа 1870 г.)

В ночь с 5-го на 6 августа Фроссар отошел немного назад, заменив позиции на Саарбрюкенских высотах позицией на высотах Шпихерна[1]. Таким образом, он маневрировал в духе Наполеона III: когда император еще считался с изолированным наступлением Штейнмеца, он хотел всю Лотарингскую армию иметь тесно сосредоточенной. Мы знаем, что Наполеон не верил, что 1-я армия может действительно предпринять наступление, так как считал это противоречащим здравому смыслу. Это ему было до того на-руку, что он даже запретил Фроссару обстрел Саарбрюкенского вокзала, чтобы не вызвать там пожара. Мосты в самом городе, которые французы имели полную возможность разрушить после того, как пруссаки очистили Саарбрюкен, остались нетронутыми: золотые мосты для Штейнмеца, только не для отступления, а для наступления! В самом деле, весьма примечательно то, что как раз тот самый шахматный ход, который, вследствие его ошибочности, Наполеон не решался предположить со стороны немцев, был сделан Мольтке. Он перестал препятствовать изолированному переходу 1-й армии через Саар и из Майнца, где находилась главная квартира, телеграфировал Штейнмецу: «Противник повидимому отступает от р. Саар. Его величество разрешает переход границы». А принцу Фридриху Карлу было телеграфировано: «Завтра 1-я армия переходит через р. Саар ниже Саарбрюкена, чтобы следовать за противником. Желательно, чтобы, кроме кавалерии, на противника наседала также и пехота 2-й армии». В Майнце было известно из разведки, произведенной конницей 2-й армии на левом берегу этой реки, что противник, видимо, отступил от р. Саар. Из провала прусской разведывательной службы, выявившегося за время кампании 1866 г.[2], Мольтке извлек для себя урок и потому требовал от кавалерии больших достижений. Если вследствие этого он узнал теперь, что французы в районе своего сосредоточения против Саарбрюкена и Саарлуи не остаются больше на месте, причем не было констатировано их отступление через Нид и Мозель, то германское верховное командование должно было считаться с возможностью передвижения противника вправо; это требовало прикрытия фронта 2-й армии, еще не закончившей своего развертывания. Поэтому, при

[1] Шпихерн на прилагаемой общей схеме не обозначен. Он находится в 70 *км* к востоку от Меца близ границы. — *Ред.*

[2] Ср. т. I, стр. 458 и 530 (русск. пер. — т. V, стр. 318 и 368).

изменившихся обстоятельствах, Мольтке поступил в высшей степени целесообразно, когда он одновременно с началом французского передвижения вправо снял со Штейнмеца обязательство оставаться на правом берегу р. Саар, чтобы он совместно с соседними частями 2-й армии наседал на Наполеона. Во всяком случае, обе приведенные телеграммы Мольтке датированы 6 августа, 5 час. 45 мин. вечера[1], тогда как головная дивизия 1-й армии еще до полудня перешла через Саар и напала на корпус Фроссара. Страстность своих подчиненных командиров Штейнмец освободил от оков потому, что он находился ближе к противнику, чем Мольтке, и потому раньше узнал о продвижении французов вправо. В военной истории часто случалось, что непосредственное соприкосновение с противником давало возможность генералам лучше оценивать определенную обстановку, чем находившемуся далеко позади главнокомандующему. То же случилось тогда и со Штейнмецом. Но от этого суждение об его стратегии не становится благоприятнее. Подгоняемый болезненно-эгоцентричными инстинктами, он хотел перейти через Саар уже 5 августа. Какое в результате этого получилось несчастье, наглядно показывает происшедшее 6 августа сражение.

Крутые Шпихернские высоты были в 12 час. 30 мин. атакованы только 14-й дивизией, которой командовал фон-Камеке, впоследствии прусский военный министр. Камеке перешел через Саар и занял Саарбрюкен хотя и по собственной инициативе, но в соответствии с намерениями своего корпусного командира ген. фон-Цастрова, а также и Штейнмеца; тем не менее ответственность за легкомысленную атаку корпуса Фроссара несет только Камеке. Когда один лейтенант его дивизионной кавалерии доложил ему, что численность противника около 7 батальонов (3 500 бойцов), то Камеке спросил командира авангарда фон-Франсуа: «Как вы думаете, милый Франсуа, что нам делать?» — «Мы должны атаковать, ваше превосходительство». — «Я тоже пришел к такому заключению еще полчаса назад. Ну, хорошо, — развернем знамена».

Остальные прусские войска, кроме находившихся под командой Камеке, были далеко. Даже 12 батальонов его дивизии еще не все были на месте; один пришел только к вечеру. Боевой состав других 11 батальонов едва превышал 10 000 штыков. Корпус Фроссара можно было считать численностью в 19 000 чел. пехоты[2]. У Камеке было 24 орудия против 90 на другой стороне. Пруссаки прошли через Саарбрюкен и бросились на сеявшие смерть и разрушение стрелковые окопы. Хотя Фроссар и был атакован только одной единственной дивизией, тем не менее, как мы видели, у него создалось впечатление целого сражения, и он забросал Базена в Сент-Авольде требованиями прислать ему подкрепления. Но малочисленные прусские пушки не смогли справиться с французской артиллерией, имевшей преимущество в занятой на высотах позиции, и когда пехота Камеке стала

[1] Труд германского генерального штаба (стр. 300) цитирует телеграмму в 1-ю армию (телеграмма во 2-ю армию не приведена) неполностью и неправильно датирует ее вечером 5 августа. Более полный и правильный текст обеих телеграмм см. «Moltkes militärische Korrespondenz», изд. Большого генерального штаба, т. III, стр. 201 и 202.

[2] Численность прусских войск взята из выпуска военно-исторических монографий Большого генерального штаба. Точную численность французских войск установить нельзя. В труде французского генерального штаба, в разделе 2, т. VIII, стр. 20, указана наличная численность корпуса.

теснить защитников Шпихернских высот как с фронта на Рыжей горе, так равно на их левом фланге у Штиринген — Венделя, то для удержания завоеванной скромной полосы местности должен был быть введен в дело последний батальон 14-й дивизии. Фроссар же после 3—4-часового кровавого боя располагал еще сильным резервом. Таково было положение в 3 часа 30 мин. Со своей растянутой более чем на 5 *км* дивизией, имея лишь 2 ружья на метр, Камеке рисковал быть прижатым к р. Саар. На помощь другой дивизии корпуса, 13-й, он рассчитывать не мог. Ее командир фон-Глюмер расположил ее на довольно широко разбросанных квартирах на расстоянии нескольких часов от р. Саар. Против такого мероприятия ничего нельзя возразить, ибо, хотя Штейнмец и одобрил занятие Саарбрюкена 14-й дивизией, но с главной массой армии он хотел перейти через Саар только 7 августа. Лишь авангард 13-й дивизии, состоявший из 4 батальонов и вспомогательных родов войск, стоял уже на р. Саар, у Фельклингена — Вердена. К находившемуся при авангарде ген. Глюмеру прибыл в 2 часа дня ротмистр фон-Кнобельсдорф, принадлежавший к составу одной из двух высланных принцем Фридрихом Карлом вперед кавалерийских дивизий. Во время разведки он приблизился к Шпихернскому полю сражения и доложил Глюмеру свои наблюдения. Этот последний, хотя и не слыхал грохота пушечных выстрелов, но с высоты у бивака авангарда видел разрывавшиеся в воздухе французские гранаты и приказал своим главным силам сняться с квартир, сосредоточиться и двигаться к Фельклингену. Поборов отрицательное отношение к дроблению дивизий, он направил авангард немедленно на Грос-Россельн с целью обойти левый фланг Фроссара. Эти войска командир дивизии вел лично. Во время почти 2-часового марша авангарда была слышна сильная канонада в направлении Саарбрюкена, которая, однако, затихла, когда в 4 часа войска подошли к Грос-Россельну. Глюмер вместе с командиром авангарда генерал-майором фондер-Гольцем направился на одну высоту, с которой позади Форбаха он заметил большой французский палаточный лагерь. Этот лагерь был пуст, так как Фроссар притянул на поле сражения все свои войска, но этого не могли узнать оба прусских генерала. По своим характерам они были весьма различны; Гольц был более смелым, но в данный момент они оба сошлись на одном — что было слишком опасно продолжать марш, так как не только Фроссар находился у Штиринген — Шпихерна, но и Базен у Сент-Авольда. Таким образом, авангард дивизии Глюмера у Грос-Россельна и ее главные силы у Фельклингена сделали остановку, в результате которой Камеке лишился поддержки. Зато между 3 и 4 час. от 8-го корпуса, принадлежавшего к составу 1-й армии, прибыли 3 батальона и, кроме того, 4 батальона из 3-го корпуса. Последний был одним из 2 головных корпусов 2-й армии. Теперь у пруссаков было 16 000—17 000 чел. пехоты против 19 000 и 54 орудия против 72 [1], так что опасность уничтожения была устранена. Во всяком случае, подкрепления, как прибывали по каплям, так по каплям и вводились в линию огня и использовались для отражения сильных французских контрударов. После полудня и вечером прибыло на поле сражения столько войск 3-го корпуса, что, в конце концов, у немцев было 25 000 штыков и 108 орудий. Но, даже обладая

[1] Здесь не приняты в расчет три батареи митральез, которые были пригодны лишь для обороны.

значительным превосходством в силах, немцы не смогли взять фронтальной атакой почти подготовленную к штурму позицию. Первый батальон 8-го лейбгвардейского полка 3-го (бранденбургского) корпуса атаковал в 6 час. Рыжую гору, пройдя при нестерпимой жаре форсированным маршем 29 *км*, причем лишь часть войск имела возможность пообедать. «На четвереньках взобрались на край оврага, — говорилось в одном донесении, — и он казался как бы усеянным бойцами... Поднявшись из оврага, роты вышли на плоскогорье приблизительно в составе 100—120 чел., остальные продолжали еще форсированный марш... и остались на склонах гор... Мы бросились вперед, но, прежде чем успели сделать несколько шагов, были охвачены огнем митральез и пехоты, который в несколько секунд положил войска на месте частью убитыми, частью ранеными... 25 человек — вот что осталось налицо в моей роте... До тех пор мы не видели ни одного француза». В этот момент три роты потеряли каждая, в среднем, 98 человек из 115. Так как у немцев все еще не было достаточно пехоты, чтобы продолжать натиск, был притянут к Рыжей горе гусарский полк подполковника фон-Рауха. «Мой командир, — рассказывает один гусарский офицер, — получил приказ атаковать... Кого же? Мы не видели ни одного француза». Раух поставил этот вопрос и получил ответ: «Если вы не хотите и не можете, то я назначу другого». После того как высланные вперед офицеры не были в состоянии найти ни одной подходящей дороги на возвышенность, была сделана попытка вскарабкаться на крутые, частью скалистые склоны. Это не удалось, и тогда возобновилась попытка пробраться по узкой тропинке, которая вела на высоту. Действительно, головной эскадрон взошел наверх и продвигался между грудами камней, гальки и стрелковыми окопами. Отсюда он должен был бы попасть непосредственно под огонь митральез и ружей Шаспо, так как уклониться влево через леса или вправо через крутые, частично лесистые склоны было невозможно. Таким образом, пришлось отказаться от атаки. Построившись по-два, эскадрон отступал. Чтобы избежать неприятельского артиллерийского огня, он плотно прижимался к скалистым склонам ущелья. Командиры потрясенной пехоты просили подполковника Рауха не отступать, чтобы их бойцы не пали духом. Поэтому гусары остались на склоне Рыжей горы, хотя там они ничем не могли помочь, но были подвержены неприятельскому огню.

В тактическом отношении было бы правильно, если бы Цастров, который прибыл в Саарбрюкен в 4 часа 30 мин. и вскоре после этого принял общее командование, использовал немецкое превосходство в силах для того, чтобы охватить французский фланг у Штиринген — Венделя. Вместо этого французы смогли здесь в 6 час. 50 мин. произвести весьма успешный контрудар, равно как несколько позднее на другом фланге против войск, атаковавших с большими потерями Шпихерн. Присутствовавший на поле сражения командир 3-го корпуса Константин фон-Альвенслебен незадолго до захода солнца (в этот день это было в 7 час. 44 мин.) приказал произвести атаку шестью свежими батальонами против центра французской позиции — Форбахской горы. «Производило поистине огромное впечатление, поднимавшее настроение, — говорится в донесении штаба 3-го корпуса, — когда батальоны с началом наступления... и под гром орудий и трескотню пехотного огня бодро пошли на свое... огневое крещение. С величайшим напряжением командование корпуса следило за

продвижением батальона»[1], тем не менее результат едва ли был более благоприятным, чем при других фронтальных атаках. Повсюду до захода солнца наступление прусской пехоты было отражено или остановлено с потерей 17%, а в одном из полков 3-го корпуса даже 27½% боевого состава. Отказавшись от управления боем по всем правилам искусства, Цастров положился на 13-ю дивизию, которая уже обходила фланг французов и благодаря этому могла решить участь сражения. Около 2 час. из Дильсбурга (где находился тогда Цастров, не зная еще о столкновении у Шпихерна) 13-й дивизии было приказано двинуться главными силами в направлении на Фельклинген — Верден, где авангард стоял уже с утра, и продвинуть последний в направлении на Форбах. Дивизия должна была «при помощи дозоров добыть сведения о силе и намерениях неприятеля», — так сформулировал приказ по корпусу задачу, данную на этот день ген.-лейтенанту Глюмеру. Мы знаем, что Глюмер уже исполнял предписанное ему движение, прежде чем до него дошел приказ по корпусу, так как он находился при своем авангарде в Фелькинген — Вердене и здесь получил через ротмистра Кнобельсдорфа сообщение о бое у Шпихерна. Приказ по корпусу дошел до Глюмера лишь в 4 часа в Грос-Россельне, куда он поспешил, потому что этот пункт имел для него значение, тогда как Цастров, Альвенслебен, Гебен и, наконец, также и Штейнмец направились к Шпихерну. Но если бы даже Глюмер оставался в своей дивизионной штабквартире в Пютлингене и получил поэтому приказ по корпусу вместо 4 час. уже вскоре после 2 час. (Пютлинген отстоит от Дильсбурга по прямой на 6 *км*), все же главные силы 13-й дивизии могли бы выступить лишь около 3 час. из Пютлингена, куда, благодаря инициативе командира дивизии, собирались из своего квартирного района еще с 1 часа дня, когда Глюмер услышал о бое у Шпихерна. Во всяком случае, командир 13-й дивизии предупредил выполнение приказа по корпусу, тем не менее главные силы смогли достичь р. Саар лишь в 5 час., пройдя от Пютлингена до Фельклинген — Вердена при большой жаре расстояние в 6 *км* (считая по прямой). Войска оставили позади себя много отсталых: ведь с 5 час. утра они были на ногах и, не принимая горячей пищи, прошли 4½ мили (около 31 *км*). Они остановились у Верден — Фельклингена, авангард — у Грос-Россельна. Мы убедились уже в достаточных основаниях для этого: боялись неосмотрительно сунуться в волны неприятельских масс. Но теперь Глюмер, решившись итти с авангардом из Фельклинген — Вердена в Грос-Россельн, в 2 часа 15 мин. доносит Цастрову: «Получив известие о бое между Форбахом и Штирингеном, авангард тотчас же двинулся дальше к Форбаху. Дивизия (главные силы) начала наступление из Пютлингена в 3 часа и следует за авангардом. Ген. Глюмер находится при авангарде». Это донесение было передано Цастрову в 5 час. на поле сражения, и теперь он не сомневался уже в том, что 13-я дивизия прибудет. Что ее командир упустил сообщить своему корпусному командиру о приостановке наступления, на которую он решился в 4 часа в Грос-Россельне, должно быть признано его тяжелой ошибкой. Однако, нужно принять во внимание, что в то время служба донесений, даже при правильно налаженной работе прусского генерального штаба, еще была мало развита, и штабам дивизий недоста-

[1] Военно-исторические монографии генерального штаба, вып. 18.

вало офицеров. Больше, чем посылка штабного офицера, было в духе времени то, что авангард 13-й дивизии продвинул роту егерей с гусарами в том направлении, в котором слышалась канонада. Но от этого отряда в тыл не поступало никаких донесений. В 5 час. 30 мин. к Глюмеру в Вердене, куда он перешел из Грос-Россельна, явился майор фон-Левинский из штаба 1-й армии. После того как Штейнмец узнал о бое у Саарбрюкена, оберквартирмейстер граф Вартенслебен отправился из главной квартиры (из Эйвейлера) к 14-й дивизии, а майор генерального штаба Левинский к 13-й дивизии. Оба должны были ориентировать командующего армией о положении 7-го корпуса. Левинский нашел Глюмера озабоченным, хорошо ли он сделал, прервав движение вперед через Грос-Россельн. Майор успокоил его: бой у Саарбрюкена является, якобы, незначительным, и Штейнмец хочет лишь на следующий день предпринять крупные операции по ту сторону р. Саар. «Мы слезли с лошадей, — рассказывает Левинский, — и легли на землю, так как в этом положении можно было лучше слышать раскаты орудийного огня; ничего нельзя было заметить».

Кроме высылки реквизиционных команд, Глюмер считал деятельность главных сил на текущий день законченной и приказал расположиться биваком. Но вскоре после Левинского прибыл капитан фон-Вестернхаген из штаба Цастрова. По дороге к полю сражения Цастров послал капитана из Саарбрюкена к Глюмеру, чтобы сообщить ему, что 14-я дивизия находится в горячем бою, не сомневаясь, однако, в том же и относительно 13-й дивизии [1]. Выслушав Вестернхагена, Глюмер выказал мало готовности возобновить наступление. Лишь авангард мог еще до темноты дойти до противника, но не главные силы. А если эти 4 батальона натолкнутся на всю французскую армию? Когда Вестернхаген уехал из Саарбрюкена, в Грос-Россельне уже не был больше слышен шум боя. Сражались ли еще немецкие войска, подошедшие на выручку 13-й дивизии? Майор Левинский сообщил, что командующий 1-й армией пока не намеревался вести бой в этот день. Тяжким грузом лежали на Глюмере эти вполне понятные заботы, и нужно было самовольное решение ген.-майора фон-дер-Гольца, к которому направился Вестернхаген, чтобы вызвать дальнейшее продвижение авангарда. Но тогда Глюмер одобрил смелый шаг своего подчиненного и сам выехал к Форбаху. Отсюда Фроссар вывел почти все свои войска, хотя ему было известно о приближении неприятельских сил. Он применял с чрезвычайной энергией оборонительно-наступательную тактику (defensiv-offensive Taktik) и доказал, что он не является тем непрактичным теоретиком, над которым насмехались его товарищи, и что Наполеон по праву выказывал ему доверие. На дороге из Грос-Россельна в Форбах гору Канинхенберг занимал пестрый по составу отряд французов численностью около 500 чел.: одна рота сапер, один эскадрон спешенных драгун и 200 резервистов, которые были доставлены по железной дороге в Форбах во время самого боя и частью даже еще не держали никогда в руках ружья Шаспо. Так как Фроссар не мог доверить защиту своего тыла этим слабым силам, а их подкрепление представлялось невозможным, то, как только голова авангарда 13-й дивизии была заме-

[1] Саарбрюкен отстоит от Вердена на 11 *км* по прямой. От ближайших батарей на поле сражения до Вердена 9—10 *км*.

чена впереди Форбаха, он приказал начать общее отступление. Было 7 час. 30 мин., когда приказ был отдан, но отступавшие войска отрывались от одержавших победу немцев до 9 часов. После этого пошли по дороге на Сааргемюнд, согласно распоряжению французского верховного командования о том, что до 8 августа армия должна быть продвинута вправо в Бич и Пютлинген. Так как Фроссар имел в резерве всего-навсего один единственный батальон и одну единственную батарею, когда отдал приказ об очищении позиции Штиринген — Шпихерн, то для французов было счастьем, что они отходили без преследования. Со стороны немцев не принимали участия в бою 3 батальона и 5 батарей, из которых 4 конные, и сверх того 3 батальона и 4 батареи прибыли свежими на поле сражения в 9 час. или немного позднее. Если, однако, энергичное использование победы путем преследования вообще встречается редко в военной истории, то при Шпихерне этому преследованию препятствовало самое стратегическое положение, не говоря уже об утомлении победителей и других причинах, связанных с душевными особенностями Штейнмеца. Головные части 1-й и 2-й армий, которые дали сражение, насчитывали, включая авангард 13-й дивизии, только 35 000 чел., а потому не могли вслепую проникнуть внутрь расположения неприятельских войск. Вообще было уже достаточно необдуманно начинать бой. Его результаты были довольно хороши, но во всяком случае дорого куплены. Немецкие батальоны потеряли в бою 4 200 чел. Мы видели, что 17% пехоты, введенной в бой под Шпихерном и Штиринген — Венделем, легли на поле сражения[1]. Особенно тяжелые испытания перенес офицерский корпус, потери которого, однако, не включены в приведенное выше число. В соответствии с общими потерями он должен был бы потерять около 100 чел., но на самом деле насчитывал 231 чел. убитыми и ранеными, так что полки потеряли половину своих офицеров. Потери убитыми и ранеными в пехоте корпуса Фроссара, численность которой определялась в 19 000 чел., выражались цифрой в 1 700 чел., т. е. не достигали $^1/_{10}$ части общей численности французской пехоты. Из 756 офицеров выбыли из строя 249, т. е. $^1/_3$. Но если кровавые потери французов были, таким образом, во всех отношениях меньше, зато они имели 2 100 чел. пропавшими без вести, из которых 1 200 чел. нераненными попали в плен. В числе остальных были большею частью отвыкшие от дисциплины резервисты, которые затем вновь были разысканы. Пока что все же отсутствовала $^1/_5$ пехоты, а из соотношения 1 700 чел. убитых и раненых и 2 100 чел. пропавших видно, что французы, хотя и сохранили все свои знамена и орудия (потеряв в то же время ранцы, палатки, котлы, миски и прочие военные предметы, принадлежавшие двум из трех пехотных дивизий), тем не менее совершили отступление по немощеным путям и полям не без деморализации.

Сражение при Шпихерне не было нерешительным: французы сознавали свое поражение. В 8 час. 30 мин. вечера Базен телеграфировал Бурбаки, командиру гвардии, находившемуся у Курцеля, что он должен спешно выступить в Сент-Авольд, так как на правом фланге дела обстоят нехорошо. Депеша императора подкрепила инструкцию Базена. Она заканчивалась необычным образом торжествен-

[1] Кардинал-фон-Виддерн считает 15% (стр. 262), включая в дивизии батальоны, не участвовавшие в бою.

ной формулой: «Sur ce, que Dieu vous ait en sa sainte garde!» (затем да примет вас бог под свою святую защиту). Бурбаки знал теперь, насколько угнетенным было настроение главной квартиры и что он в самом деле должен спешить. В 11 час. 10 мин. Наполеон еще раз телеграфировал ему в таком тоне, который выражал боязнь и заботу, а именно, что он имеет успокоительные сведения от маршала Базена: «Вы будете крепкой опорой всех войск... я рассчитываю на вашу преданность и на преданность войск, которыми вы командуете. Император будет в Сент-Авольде посреди своих войск».

Участники сражения при Шпихерне обвиняли Базена, что он, якобы, из личной несимпатии к Фроссару, не поддержал 2-го корпуса и потому несет ответственность за несчастный исход дня, который по праву должен был бы окончиться блестящей французской победой. Самочувствие и состояние духа храбрых побежденных благодаря такому течению мыслей были вновь восстановлены, но суждение о Базене было совершенно ложно. Тем не менее французская историография до сегодняшнего дня разделяет это мнение в своем враждебном отношении к памяти Базена. Труд французского генерального штаба утверждает, что, после того как в 1 час 25 мин. раздался призыв Фроссара о помощи, между 5 час. 15 мин. и 6 час. 30 мин. все 4 дивизии Базена могли бы достичь Штиринген — Венделя и Шпихерна[1]. Однако, здесь не приняты во внимание те трения, которые могли помешать такому сосредоточению. Во всяком случае, Сааргемюнд, которого достигла дивизия Монтодона на пути в Максау, находится от Шпихерна на расстоянии всего лишь 14 *км* по прямой. Но после того как телеграмма, которой Фроссар просил о помощи, прибыла в Мец, Лебеф телеграфировал в 2 часа ген. Монтодону: «Генерал Фроссар атакован, равно как и маршал Базен. Вы можете ожидать того же». Таким образом, Лебеф представлял себе изолированную атаку 1-й армии и одного корпуса 2-й армии, всего 80 000 чел., — ту атаку, на которую Наполеон III не осмеливался надеяться, — теперь все-таки наступившей и охватывавшей полукругом 100 000 французов между Бузендорфом и Сааргемюндом. Само собой очевидно, что Монтодон, получив это сообщение начальника генерального штаба, не мог думать о том, чтобы оставить на произвол судьбы важный переход через реку у Сааргемюнда и итти в направлении канонады, которая была отчетливо слышна. Наконец, безотлагательный подъем дивизии также был невозможен. Как и дивизия Глюмера при Пютлингене, дивизия Монтодона не была готова к выступлению, хотя и по другим причинам. Не было надобности в предупреждении из Меца для того, чтобы преисполнить Монтодона беспокойством относительно намерений неприятеля. В Сааргемюнде находился еще арьергард корпуса Фалы, который Мак-Магон притянул к себе. Он состоял из пехотной бригады Ляпассэ, которой был придан полк улан и немного артиллерии. Уланский полковник, который произвел разведку вправо от р. Саар, сообщил в Сааргемюнд, что он установил присутствие немецкого отряда из всех родов войск. В действительности это был всего лишь один эскадрон улан, который за день перед тем обрезал телеграфную проволоку у соседней железнодорожной станции. Немецкая конница проявляла в мелких предприятиях большую подвижность. Смелые действия немецких

[1] Труд французского генерального штаба, т. VIII, стр. 233.

кавалеристов привели французских генералов к ложным заключениям. Так, и Монтодон думал, что противник «массируется» перед Саргемюндом. Вследствие этого он задержал бригаду Ляпассэ в Саргемюнде, что было одобрено телеграммой Лебефа, и приказал главным силам своей дивизии, а также и войскам Ляпассэ развернуться на правом берегу р. Саар. Таково было положение в Саргемюнде, когда туда в 3 часа 30 мин. прибыла телеграмма Базена о том, что Фроссар ведет горячий бой в направлении Шпихерна. Монтодон должен был предоставить наблюдение за Саргемюндом войскам Ляпассэ, а сам без своего «impedimenta»[1] направиться на Гросблиттерсдорф на р. Саар и Рюлинген и поступить в распоряжение Фроссара. Рюлинген лежит у укрепленной позиции Каденбронн, которую Фроссар, в качестве стратегического советника императора, избрал уже в мирное время на тот случай, если когда-нибудь придется в этой местности вести оборонительные действия. Всей армии было известно, что Каденбронн, в случае необходимости, явится пунктом сосредоточения войск (Каденбронн отстоял от Шпихерна на добрую милю по прямой).

Монтодону ставили в упрек, что он замедлил выполнением этой директивы. Но для того чтобы собрать сторожевое охранение и реквизиционные команды, а затем с 3 бригадами пехоты, 2 полками кавалерии и 2 батареями перейти реку, требовалось значительное время, а потому было вполне в порядке вещей, что дивизия Монтодона выступила лишь в 5 час. В это время была получена телеграмма от Фальи, которая требовала, чтобы рано утром на следующий день Ляпассэ направил свою бригаду в Лемберг, по дороге в Верт. Телеграмма Фальи была отправлена бригаде Ляпассэ от имени Мак-Магона.

Таким образом, в отношении этой бригады приказы Мак-Магона и Базена противоречили друг другу. Мак-Магон имел больше прав. Имелись 2 армии, из которых одна была подчинена Базену, а другая Мак-Магону. 5-й корпус (Фальи), который первоначально принадлежал к составу Лотарингской армии, был затем передан в Эльзасскую армию[2]. Таким образом, Базен не имел права отдавать Фальи какие-либо приказы. Подобные трения на войне являются иногда неизбежными, и это было причиной той задержки, которую устроил себе Монтодон, решив тащить с собой все обозы, так как он не мог положиться на то, что бригада Ляпассэ обеспечит их в Саргемюнде. Не доверяя надежности этого прикрытия тыла, он двинулся также не по большой дороге в долине р. Саар, но по плохим второстепенным дорогам, на которых обозы доставили ему много крупных затруднений. Тем не менее, подгоняемый непрерывно раздававшейся канонадой, он употребил только 20 минут на прохождение 1 *км* (по прямой), когда в 7 час. 45 мин. натолкнулся на одного из адъютантов Фроссара, который настаивал на необходимости поспешить, и направил его на Форбах. Адъютант не знал, что в 7 час. 45 мин.

[1] На языке Базена это означало trains auxiliaires, т. е. реквизированные частные повозки, в противоположность trains des équipages, т. е. организованному обозу. Этот последний был у немцев гораздо более развитым, чем у французов. Вследствие этого немецкий корпус имел едоков 38 000 чел., а бойцов только 28 000; таким образом, нестроевой элемент, включая саперный батальон, составлял 26% боевого состава, тогда как во французском корпусе процент нестроевых по отношению к бойцам был только 16½. Ср. Kunz, стр. 33.

[2] См. выше, стр. 40.

2-й корпус уже начал отступление. Об этом Монтодон узнал только в 9 час., когда его войска приближались к Форбаху, и должен был повернуть назад и отойти к Сааргемюнду. Если принять во внимание тот страх, который был вызван во французских войсках внезапным нападением у Вейсенбурга, то в дивизии Монтодона все происходило согласно установленному порядку, и если не 6 августа в 6 час. вечера, как это утверждает труд французского генерального штаба, то все же 7 августа к восходу солнца эта дивизия была готова к вступлению в бой. В отношении распоряжения этой дивизией ту же корректность, как и Монтодон, проявил и его начальник Базен.

Второй командир дивизии у Базена, де-Кастаньи, находившийся в Пютлингене, двинулся в Шпихерн еще в полдень, как только начался гром орудийной стрельбы. В пути один из штабофицеров Базена передал генералу указание направиться в Тединген, находившийся в 6 *км* по прямой линии от поля сражения, там в окрестностях Каденбронна занять позицию для приема отступающих войск и войти в связь с ген. Фроссаром. Де-Кастаньи направился туда по собственной инициативе, не ожидая известий от своего корпусного командира; поэтому он взял направление, не вполне точно соответствовавшее желательному, но так как он в 2 часа вместо Тедингена остановился в 3 *км* юго-восточнее его — у Диблингена, то все же в основном ответил пожеланиям Базена. Нужно было еще войти в связь с Фроссаром. Это выполнила французская дивизия в Диблингене совершенно так же, как немецкая в Грос-Россельне: в направлении канонады был выдвинут сводный отряд пехоты и конницы. Результат был отрицательный также и для французов, хотя они производили разведку в собственной стране. Так как в это время орудийные выстрелы затихли, то Кастаньи двигался назад к Пютлингену согласно представлению Лебефа, что атаке может подвергнуться вся линия Сент-Авольд — Пютлинген — Сааргемюнд, но не в соответствии с указанием Базена. Что осторожность есть мать мудрости, об этом напомнил всем французским генералам Вейсенбург. Только что войска успели пообедать в Пютлингене, как вновь послышались пушечные выстрелы. Кастаньи тотчас приказал войскам подняться и вновь выступил на север, но на этот раз не на Диблинген, но, в соответствии с указанием Базена, на Тединген. Немного севернее этого пункта, у Фельклингена, дивизия в 8 час. вечера заняла указанную Базеном позицию для приема отступающих войск. Соприкосновение с Фроссаром было установлено здесь, приблизительно в 4½ *км* от Форбаха, само собою, поскольку отступавшие части 2-го корпуса сообщили о поражении. Заслуживающие сожаления войска Кастаньи должны были в четвертый раз проделать путь к северу от Пютлингена; на этот раз они достигли Пютлингена в результате ночного марша.

Так как Пютлинген отстоит от Форбаха в 15 *км* по прямой, а Кастаньи начал движение в 12 час., то он на самом деле смог бы вступить в сражение в 6 час. Базену нельзя поставить в вину указанные передвижения вдоль и поперек, стоившие, в конце концов, Кастаньи его дивизии. Маршал направил две свои дивизии, Монтодона и Кастаньи, на Каденбронн и Шпихерн, дав в то же время остальным двум дивизиям вполне целесообразное применение. Дивизию Метмана он назначил, в ожидании обходного немецкого наступления, для занятия путей восточнее Сент-Авольда, которыми противник мог воспользоваться для своего движения. Эта дивизия находилась тут

на расстоянии лишь немногих часов от Каденбронна. Остается дивизия Декаэна, стоявшая в Сент-Авольде. Она была там необходима в предположении, что надо было считаться с возможностью охватывающего немецкого наступления. Неприятельское наступление могло последовать, и это Базен, на основании собственных переживаний и в противоположность Наполеону, не считал невероятным. А именно — в 8 час. 30 мин. утра, когда он инспектировал сторожевое охранение у Сент-Авольда, он натолкнулся на немецких драгун, и это произвело на него такое же сильное впечатление, как уланы на Монтодона перед Сааргемюндом. Что кавалерийские разъезды были высланы так далеко только потому, что за ними «массировались» силы всех родов войск, это все французские генералы считали почти само собою понятным. Поскольку Базену рядом с неприятельскими драгунами представлялся ужасный призрак Вейсенбурга, он совершенно не думал о том, чтобы перебросить дивизию Декаэна в Штиринген — Шпихерн и, таким образом, оголить центр расположения армии — Сент-Авольд. Даже то обстоятельство, что Базен задержал дивизию Метмана, можно отчасти приписать страху перед немецкой кавалерией, так как телеграмма супрефекта Сааргемюнда на имя командующего Лотарингской армией сообщала, что противник намеревается сделать с железнодорожной станцией Сент-Авольд то же, что он сделал с телеграфом у Сааргемюнда. Лишь после того как Фроссар в 1 час 25 мин. пополудни телеграфировал в Сент-Авольд, что при Шпихерне завязалось настоящее сражение, Базен переменил мнение. Он хотел выслать на поле сражения одну бригаду Декаэна [1] не потому, что считал целесообразным ослабить себя у Сент-Авольда, а в предположении, что взамен можно будет притянуть пополнение из корпуса Лямиро. Этот корпус находился 5 августа у Бузендорфа и Тетерхена и должен был 6 августа передвинуться вправо до Больхена и Бушборна. Мы знаем Бушборн, как пункт, где Наполеон III хотел сосредоточить все свои расположенные в Лотарингии силы, когда он на один момент позволил Лебефу обольстить себя мыслью, что 1-я армия выйдет ему навстречу через Саар. От Бушборна, куда дивизия Гренье должна была прибыть после полудня, до Сент-Авольда было по прямой ровно 10 *км*, и Базен поручил передать генералу Гренье, что тот должен тотчас же сообщить ему, когда его дивизия прибудет в Бушборн. Возможно, что еще в тот же день он должен будет двинуться дальше на Сент-Авольд, причем для ускорения марша может подвезти ранцы на реквизированных повозках. Однако, прибытие дивизии Гренье в Бушборн чрезвычайно замедлилось. Лямиро был так же осторожен, как Монтодон и Кастаньи, и 6 августа боялся атаки Штейнмеца через Саарлуи совершенно так же, как он боялся ее 4 августа, когда ввиду этого, наперекор полученным указаниям, раздробил свои силы [2], — и даже теперь, после случая у Вейсенбурга, он боялся еще больше. Он снова действовал вопреки полученным инструкциям, заняв помимо Больхена и Бушборна еще Кумен с целью обеспечить себя при помощи этой выдвинутой позиции от внезапного нападения. В Кумене должна была занять позицию дивизия Лоренсеза, стоявшая 5 августа в Бузен-

[1] От Сент-Авольда до Штиринген — Венделя 19 *км* по прямой; до Форбаха (16 *км*) могла быть использована железная дорога.

[2] См. выше, стр. 47.

дорфе, но до ее прибытия обеспечивать Кумен должна была дивизия Гренье, так как на марше из Тетерхена в Бушборн она и без того должна была проходить через это местечко. Однако, дивизия Гренье должна была целых 4 часа ожидать в Кумене, пока ее сменят войска генерала Лоренсеза. В этом заключалась первая задержка. Вторая была вызвана состоянием дорог, совершенно размытых грозою, так что прямой дорогой из Кумена в Бушборн невозможно было воспользоваться. Третья задержка произошла опять-таки из-за прусских кавалеристов, которые у Ам-су-Варсберг обволокли дивизию Гренье и напомнили о Вейсенбурге ее временному командиру де-Белькуру (Гренье должен был вступить в командование дивизией только в Бушборне). Как значится в труде французского генерального штаба, де-Белькур установил присутствие одного неприятельского эскадрона «et aperçut ou crût apercevoir quelques fractions d'infanterie» (и заметил, или ему казалось, что заметил, несколько пехотных частей). В действительности пехоты там не было, а был лишь один эскадрон ольденбургских драгун. Но так как о подобных кавалерийских разъездах ничего нельзя было прочесть во французском полевом уставе, то этого было достаточно, чтобы вызвать величайшее беспокойство не только в Больхене у Лямиро, но и в Сент-Авольде у Базена. Ибо все французские генералы были вполне убеждены, что непосредственно за ведущей разведку кавалерией следует предполагать в значительном количестве также и пехоту и артиллерию. Для того чтобы и Белькур, имевший у себя лишь один взвод кавалерии, располагал всеми родами войск, Базен и Лямиро выслали ему 4 кавалерийских полка и 2 конных батареи, — и все это против о д н о г о эскадрона. Лямиро лично тотчас же отправился в критический пункт, а Белькур, не имевший возможности узнать, что кроется в лесах, чувствовал себя до прибытия указанных подкреплений настолько неуверенно, что при дальнейшем продвижении в Бушборн он на целых три часа оставил при Ам-су-Варсберг для прикрытия своего тыла одну из своих пехотных бригад с батареей.

«Cette demonstration a suffi» (этой демонстрации было достаточно), — писал он с удовлетворением Базену о принятых им там мерах, но зато его дивизии потребовалось на прохождение 11 км по прямой от Тетерхена до Бушборна целых 13 часов. Когда она около 6 час. здесь соединилась, ей пришлось бы, не говоря уже об утомлении войск, затратить время до 9 час. 30 мин. для выдвижения одной бригады дальше, в направлении Сент-Авольда. Вследствие этого Базен должен был отказаться от того, чтобы путем привлечения частей дивизии Гренье освободить силы дивизии Декаэна для Форбаха. Когда в 6 час. Бушборн был обеспечен, он решил отправить один из пехотных полков из Сент-Авольда по железной дороге в Форбах. Оба отправленных поезда двигались медленно, ибо, как мы видели, страх перед налетом прусской кавалерии на железную дорогу был велик. Когда в 8 час. первый поезд приблизился к Форбаху, он был встречен ружейными выстрелами авангарда ген. Глюмера, который только что завладел решающим пунктом в тылу Фроссара, — горой Канинхенберг, после того как французский командир корпуса приступил к маневру для отрыва от противника. Если бы дивизия Гренье не затянула на 7 часов своего марша и не сделала бы тем невозможным для Базена своевременно закупорить дыру на Канинхенберге, то сражение у Шпихерна осталось бы нерешительным.

Что касается распоряжений Базена, то, чтобы высказать объективное суждение, нужно ясно представить себе общее положение. Лотарингская армия была силой в 100 000 чел, а противостоявшие ей немецкие силы Наполеон оценивал в 80 000 чел. На Базене, как командующем Лотарингской армией, лежала ответственность за фланговый марш мимо фронта противника, который показал свои когти у Вейсенбурга. Мольтке, который хотя и не имел ясного представления о предположенном французами передвижении вправо, но знал, что противник все же находится в движении, приказал его остановить. То обстоятельство, что телеграмма Мольтке на имя Штейнмеца и Фридриха Карла датирована только 6 августа 5 час. 45 мин., когда в Шпихерне приближался момент, в который авангард 13-й дивизии своим наступлением через Грос-Росселын решил участь дня, не имеет значения для оценки вождения армии Базеном.

Ибо мы хотим только установить, что Базен имел в лице Штейнмеца и Мольтке двух противников, одинаково стремившихся осуществить немецкое наступление, которое уже в течение нескольких дней принималось в расчет французами. Французы взвешивали возможность выждать нападение немцев в Лотарингии, но это намерение было оставлено. Не следовало гоняться одновременно за двумя зайцами. Если уже нужно было выполнить опасный фланговый марш, нужно было полностью делать ставку на него. Понятно, что Фроссар был бы очень доволен, если бы все 7 дивизий корпусов Базена [1] и Лямиро двинулись на канонаду, но Базен не имел права отбросить императорский план. 6 августа, в 1 час 25 мин., когда Фроссар телеграфировал в Сент-Авольд, что у Шпихерна сражение в полном разгаре, 3-й корпус (Базена) находился в полной готовности для марша к Рейну, 4-й же корпус (Лямиро), которому предстоял наиболее длинный путь, уже начал этот марш, причем присоединился у Бушборна к 3-му корпусу. 7 августа должен был начаться фланговый марш всей Лотарингской армии, в том числе и 2-го корпуса (Фроссара). Но, так же как Лебеф и Наполеон, Базен 6 августа не упускал из виду возможность того, что немцы предпримут наступление через Саар. Поэтому Базен с полным правом считал необходимым иметь дивизии в важнейших узловых пунктах дорожной сети в направлении к р. Саар [2]. Это не было бы разбросом сил, так же как не разбрасывал сил и Мольтке в 1866 г., когда он их делил на части. В 1 час 25 мин. Фроссар донес, что у Шпихерна разыгралось сражение. Если

[1] Что Базен был одновременно командиром корпуса и командующим Лотарингской армией, должно удивить читателя. Но точно так же и Мак-Магон был одновременно командующим Эльзасской армией и командиром 1-го корпуса. Оба эти корпуса были в составе 4 дивизий, остальные — в составе 3 дивизий. 2 дивизии, как у немцев, имела только гвардия. Такую организацию французы приняли вследствие недостатка высшего командного состава. На том же основании австрийцы после 1859 г. упразднили пехотные дивизии, так что армия Бенедека вела войну только корпусами и бригадами. Количественный и качественный перевес в отношении высшего командного состава в рассматриваемую эпоху прусской истории является заслуживающим внимания моментом.

[2] Ср. труд французского генерального штаба, вып. I, стр. 95. Базен настолько неохотно оттянул дивизию Монтодона из Сааргемюнда, что заклинал Фроссара вернуть ее туда, как только это будет возможно, так же как и подвезенный в Сент-Авольд по железной дороге полк дивизии Декаэна. Что Базен ни в коем случае не переоценивал значения Сааргемюнда (это был пункт сосредоточения большого числа складов), видно из того, что в 1867 г. Фроссар, когда он еще был способен рассуждать объективно, держался такого же мнения.

это донесение имело смысл, то Фроссар должен был считать, что 2-й корпус атакован по крайней мере одним немецким корпусом. Но на самом деле этого не было. В это время на месте была только дивизия Камеке в составе 10 000 штыков против 19 000 французов. В таком виде положение оставалось до 3 час. 50 мин. Лишь после этого немцы постепенно в течение дня и вечера приобрели перевес в силах. Тем временем Фроссар мог бы не разбитым отойти на позицию у Каденбронна; находившуюся от Шпихерн — Штирингена на расстоянии 8—9 *км* по прямой. Он сам в 1867 г. для защиты флангов этой позиции потребовал расположения дивизий в Тедингене, Сент-Авольде и Сааргемюнде, избрав центральным пунктом Рулинген рядом с Каденбронном, т. е. совершенно так же, как это сделал Базен 6 августа 1870 г. Находясь в Каденбронне, Фроссар имел бы вправо от себя—у Рулингена — дивизию Монтодона, а слева— у Диблингена (Тедингена) и Беттингена — дивизии Кастаньи и Метмана. Это составило бы в распоряжении Фроссара 42 000 чел. пехоты против 30 000 немцев у Шпихерна и Грос-Россельна. В Каденбронне Фроссар нашел бы не только безопасность, но и возможность произвести наступательный контрудар, который предусматривался его памятной запиской и являлся любимой мыслью Лебефа. Наполеон считал надежды своего начальника штаба утопией, Фроссар же, отрываясь от Камеке и направляясь в Каденбронн, взял направление на Рейн, куда его корпус и без того должен был двинуться на следующий день. Зачем же он в таком случае при Шпихерне оборонялся до последней крайности? Из Крымской войны и из войны 1866 г. мы знаем, какое влияние на ход событий оказывают обозы. Севастополь, который не был крепостью и мог бы быть взят в течение нескольких недель, держался почти целый год потому, что английский обоз не функционировал. В значительной мере из-за неподвижности австрийского обоза потерпел чувствительное поражение на р. Зоор Габленц, вместо того чтобы разбить прусскую гвардию. После этого несчастья и других проигранных сражений для Австрии было бы спасением, если бы Бенедек отвел армию на Ольмюц, но у него висел на шее обоз, как у Габленца, и вынудил его дать сражение у Кениггреца на невыгодной позиции[1]. Точно так же положение с обозом помешало и Фроссару своевременно отойти от Штирингена — Шпихерна к Каденбронну. Мы видели, что французы, в расчете на медленность немецкой мобилизации, создали магазины как в Лотарингии, так и в Эльзасе, у самой границы. Это вызвало для них контрудары у Вейсенбурга и Шпихерна. Насколько важен был для французского командования в Эльзасе магазин в Вейсенбурге, мы уже видели[2]. Именно поэтому ген. Абель Дуэ не отвел своей дивизии своевременно назад, вследствие чего она 4 августа была жестоко побита превосходными силами двинувшихся против нее немцев. Точно так же и поражение при Шпихерне следует приписать стремлению французского командующего прикрыть свои запасы. Когда 6 августа в 12 час. 30 мин. началось сражение при Шпихерне, 350 повозок с продовольственными припасами и разными военными материалами заполнили у Форбаха несколько километров пути. Прежде чем отошел с Форбахского вокзала первый поезд, чтобы отвезти припасы

[1] См. т. I, стр. 506 и сл. и стр. 532 (русск. пер. — т. V, стр. 352 и сл. и стр. 370).
[2] См. выше, стр. 28.

назад в Сент-Авольд, под защиту дивизии Декаэна, было уже 4 часа, а транспорты продолжали итти еще в течение всей второй половины дня, весь вечер и всю ночь. Однако, то, что было уже сгружено и сложено в магазины, не могло быть снова нагружено, так что, когда немцы на следующий день заняли Форбах, им досталась богатая добыча, в том числе мостовой парк. Фроссару ставили в упрек, почему он не отдал всего этого без боя, ибо запасы должны быть для войск, а не войска для запасов, — но это было бы в моральном отношении невозможно. Какому осуждению подвергались бы его действия, как командира, если бы он бежал, оставив противнику накопленные с таким трудом военные материалы! И Габленц пожертвовал одной пехотной бригадой, чтобы спасти обоз, а Бенедек связал с обозами судьбу целой армии.

Фроссар выставил положение, что если бы его поддержали, то Шпихерн был бы блестящей французской победой. Имелись ли здесь в самом деле виды на «рыцарское сражение»? Головные части 1-й и 2-й германских армий отважились перейти через Саар и к 6 час. вечера представляли собой силу в 30 000 штыков, включая сюда авангард 13-й дивизии, который, впрочем, лишь приближался к Вальштату. Против них Фроссар мог выставить в это же время вместе с дивизиями Метмана и Кастаньи 34 000 чел. В таком случае бой, по всей вероятности, остался бы нерешенным, причем пруссаки не имели бы возможности произвести ночное отступление через перейденную легкомысленно р. Саар. Ибо, после того как 1-я армия продвинулась впереди 2-й, дороги из Саарбрюкена и Сент-Иоганна были закупорены. Прибывшие по окончании сражения войска 8-го корпуса, которым Штейнмец, несмотря на их утомление, неразумно приказал вновь отойти за Саар, употребили для переправы на другой берег одного пехотного полка и одной батареи и затем для прохождения города целых 3 часа. И наоборот — 2 батальона и 4 батареи 3-го корпуса, достигшие северного края Сент-Иоганна между 9 и 10 час. вечера, прибыли на поле сражения из-за закупорки дороги лишь в 3 часа утра 7 августа. Таким образом, у французов была возможность остановить немцев у Шпихерна. Равным образом они смогли бы сосредоточить там 7 августа целых 80 000 штыков [1]. Какое же количество сил смогли бы притянуть в этот день пруссаки, чтобы продолжать сражение? Полностью 7-й и 8-й корпуса, а также и 3-й, что составило бы 70 000 штыков. Кроме того, нужно было принять в расчет и другие 4 корпуса, общей численностью в 90 000 штыков [2], но совершенно неизвестно, какие именно части их могли бы своевременно прибыть на место. Ясно только то, что французы ни в коем случае не одержали бы победы, если бы бои у Шпихерна переросли в многодневное большое сражение. Во всяком случае, и Наполеон не имел безусловной надобности в победе; несколько крупных нерешительных сражений (и именно таким французы могли бы 7 августа сделать сра-

[1] Наиболее удаленная от поля сражения дивизия 4-го корпуса (Лямиро) находилась вечером 6 августа у Тетерхена, в 26 *км* по прямой от Штирингена. Гвардия передвигалась 7 августа из Курцеля в Сент-Авольд (21 *км* по прямой). Это было сделано в связи с событиями у Шпихерна, но в то же время совпадало с направлением к Рейну. Выступить туда Лотарингская армия должна была и без того 7 августа. От Сент-Авольда до Штирингена 19 *км* по прямой.

[2] 4-й корпус вечером 6 августа стоял в Цвейбрюкене (28 *км* по прямой от Шпихерна), 10-й в Вальдморе (34 *км*), гвардия в Гомбурге (29 *км*), 1-й корпус в Толее (30 *км*).

жение у Шпихерна) было бы для него в политическом отношении достаточно, как для Австрии в 1866 г. Мы уже видели, что Бенедек сделал огромную ошибку, когда он 28 августа у Скалицы не хотел дать сражения[1]. Он смог бы там вступить в бой с 6 корпусами против, самое большее, 4 прусских корпусов. Это было более благоприятное соотношение сил, чем то, которое имелось в виду на Изере, где, согласно его операционному плану, должно было произойти решающее сражение. Для того же, чтобы не отступать от раз установленного операционного плана и вместо преднамеренного сражения на Изере принять импровизированное сражение на Аупе, Бенедек приказал выдвинутому вперед корпусу отступать непосредственно перед неприятельским фронтом по деревянному мосту шириною в 8 шагов через реку, через которую не было никаких других мостов или бродов и которая для сомкнутых войсковых частей была непроходима. Так не поступает командующий, обладающий подвижным умом и твердой волей великого полководца. Никогда, за исключением случая, когда он уже разбит и желает спасти то, что можно еще спасти, он не уклоняется от введения в дело своих главных сил для спасения от верного поражения значительной части своих войск. У Скалицы тяжелое поражение имело место, так сказать, автоматически, и компенсацией за это отнюдь не явился последовательно выполняемый операционный план. Шпихерн был постольку похож на Скалицу, поскольку и там на французской стороне для выполнения операционного плана заставили выдвинутый вперед корпус отойти назад вместо того, чтобы примкнуть к нему для большого сражения. По словам Фроссара, Наполеон при Шпихерне проявил такое же упрямство, как Бенедек при Скалице. Почему было не отменить марш к Рейну, если можно было добиться победы у Шпихерна? Ведь Мольтке говорит: «Это самообман, когда думают, что план кампании можно установить на долгое время вперед и быть в состоянии выполнить его до конца. Первое столкновение с неприятельскими главными силами создает, в зависимости от его исхода, новую обстановку... Перед действительной тактической победой исчезают все стратегические соображения». Политическое положение Наполеона было таково, что даже, ради этого, при надежде на успех, который не легко мог обратиться в поражение, должны были быть оставлены без внимания все стратегические соображения. Но Мольтке говорит также: «Однако, отклонение (от операционного плана) не должно быть ударом по воздуху». Наполеон должен был опасаться произвести такой удар, если бы он приказал всем двигаться на Шпихерн после того, как Фроссар 6 августа в 1 час 25 мин. дня преждевременно донес ему, что немцы в больших массах перешли через Саар. Мы знаем, что император предполагал их движение на Нанси. Так как ввиду местных условий у Шпихерна и благодаря положению, которое Базен предписал занять своим корпусам, отступление Фроссара ни в коем случае не было подвержено опасности, то Наполеон, непреклонно выполняя дальше свой операционный план, несмотря на кризис у Шпихерна, действовал не доктринерски, как Бенедек, а с безукоризненной последовательностью. Другое дело, что французский операционный план, с его недооценкой результатов работы германских мобилизационных органов, был ошибочен в решающем

[1] Ср. т. I, стр. 498 (русск. пер.— т. V, стр. 346—347).

пункте. Я уже обращал внимание на то, что лишь величайшие умы в состоянии своевременно следить за эволюцией государственных условий в военной и политической области и в состоянии действовать, в соответствии с ними, с продуманной сознательностью. Немцы также не были на это способны ни в 1806, ни в 1914 г.

Глава III

Сражение при Верте (6 августа 1870 г.)

Если Наполеон III хотел переместить центр тяжести своей стратегии из Лотарингии в Эльзас, то Мольтке намеревался сделать противоположное: 3-я армия должна была, после того как она выбьет Мак-Магона с поля сражения, повернуть направо и двигаться через гребень Вогезов в Лотарингию. Таким образом, прусский начальник генерального штаба предполагал атаковать Наполеона с двух фронтов и уготовать ему участь Бенедека при Кениггреце. То, что Наполеон остановится впереди (восточнее) Меца, Мольтке считал возможным принять. «Как кажется,— писал он Блюменталю о намерениях неприятеля,— судя по перерывам сообщений по железным дорогам, устройству укреплений и т. д., намечается оборона на крепкой позиции за р. Саар всеми имеющимися в распоряжении силами». Движение германской главной армии (2-й) к этой реке, при котором 6 корпусов должны были следовать по горному, сравнительно бедному дорогами Пфальцу, было маневром, требовавшим продолжительного времени, но это относилось в такой же мере, и даже больше, к походу 5 корпусов 3-й армии через Вогезы. «Нам ничего не остается другого,— писал Блюменталь в своем дневнике,— как разбиться на 4 колонны, что во всяком случае вызывает некоторое сомнение, так как отдельные колонны будут удалены друг от друга на расстояние от 1 до 2 миль. Но иначе итти невозможно, так как в противном случае мы не имели бы никакой пользы от нашего перевеса в силах». Мольтке рассчитывал 9 августа (сражение при Шпихерне, которого он не хотел, произошло 6 августа) зажать Наполеона между двумя фронтами на р. Саар и в этот день его атаковать [1]. После победоносного боя, который он дал 4 августа застигнутой врасплох дивизии Дуэ, кронпринц Прусский двинулся на следующий день дальше к югу. 6 августа он предполагал со своими 110 000 пехоты и вспомогательными родами войск сделать поворот направо, что поставило бы его непосредственно против Вогезов. Впереди гор у Верта были расположены Эльзасская армия французов, 1-й корпус и одна дивизия 7-го корпуса, всего около 35 000 французов [2]. Об этом невыгодном

[1] 9 августа седьмой корпус Фридриха Карла, а именно: 2-й померанский, был выгружен в Нейнкирхене на расстоянии одного перехода от Саарбрюкена. О том, что 1-я армия была давно расположена в готовности вдоль р. Саар, мы уже знаем.

[2] Труд французского генерального штаба, вып. 6, стр. 174 и 180, Situations sommaires d'effectif au 5. août». Здесь включены в общее число офицеры, личный состав дивизионной артиллерии и часть личного состава обоза, так что для по-

соотношении сил Мак-Магон не имел никакого представления. Он полагал, что будет иметь дело с двумя, самое большое с тремя, но не с пятью корпусами [1], т. е. с 43 000 или, самое большое, с 66 000 чел. пехоты. Во всяком случае, маршал считался с возможностью, что перед ним стоял вдвое сильнейший противник, но он имел в своем распоряжении еще корпус Фальи, расположенный между Бичем и Саарге-мюндом, численностью в 19 000 чел. пехоты. Таким образом, всего он имел 54 000 штыков, а так как он полагал, что численность противника от 43 000 до 66 000,— скажем, в среднем 55 000,— то маршалу, по сосредоточении его сил, не казались неблагоприятными виды для наступления Эльзасской армии. Мак-Магон имел у себя отборные французские войска, зуавов и тюркосов [2], а против себя — большей частью южногерманцев, которые в походе на Майн в 1866 г. не особенно отличились и относительно которых являлось даже сомнение, были ли они в политическом отношении солидарны с пруссаками. После полудня 5 августа Фальи получил в Биче следующую телеграмму от Мак-Магона: «Сообщите мне немедленно, как, в какой день и каким путем вы хотите ко мне присоединиться. Настоятельно необходимо спешно согласовать наши действия» [3]. Почти одновременно Фальи получил вторую телеграмму Мак-Магона: «Если для вас возможно, займите немедленно позицию у Лемберга; дело это в высшей степени спешное». На первую телеграмму Фальи ответил: «В Биче находится только дивизия Лепара; она выступит в 6 час. утра (7 августа), чтобы присоединиться к вам. Остальные (2) дивизии, по мере прибытия их в Бич, будут продолжать движение по Нидербронскому шоссе». Этот ответ примечателен в том отношении, что дивизия Гозе стояла хотя и не у Бича, как дивизия Лепара, но лишь в 3 *км* к западу от нее по прямой линии, у Фрейденбергер-Гофа. Она прибыла в 4 часа пополудни от мызы Визинг, к востоку от Саарге-мюнда, а телеграмма Фальи помечена 6 час. Не подлежит сомнению, что этим сообщением Фальи Мак-Магон был введен в заблуждение. Мак-Магон мог бы приказать дивизии Лепара и одной бригаде дивизии Гозе ночным маршем прибыть в Верт. Дивизия Лепара в течение 12 дней находилась на отдыхе у Бича, а дивизия Гозе — в течение двух дней у Сааргемюнда и мызы Визинг. Правда, последняя дивизия проделала в большую жару переход в 23 *км* (по прямой), но в этом нет ничего необыкновенного; ведь после поражения при Верте французские войска должны были принять на себя другие тяготы. Но Мак-Магон вовсе не думал о ночном марше бывших у Бича войск. Из донесений своей кавалерии он вывел заключение, что немцы не намереваются атаковать 6 августа. Его предположение было

лучения численности боевого состава нужно отбросить почти пятую часть. Тогда получится приведенное выше число (там, где во французских таблицах офицеры не включены, нужно отбросить 16—17%).

[1] Ср. труд французского генерального штаба, вып. 5, стр. 234. Донесение Мак-Магона императору из Рейхсгофена 4 августа в 10 час. вечера.

[2] Зуавы — вид легкой пехоты, созданной в Алжире в 1831 г. из туземцев. В эпоху франко-прусской войны они комплектовались уже французами и носили лишь арабский костюм. Тюркосы — прозвище алжирских стрелков, набранных из туземцев Алжира.— *Ред.*

[3] Телеграмма находится в военном архиве, но без даты. Она должна была прибыть раньше 5 час. 30 мин., потому что телеграмма Фальи на имя Монтодона в Сааргемюнде (см. выше, стр. 49), сообщавшая этому генералу содержание телеграммы Мак-Магона, помечена 5 час. 30 мин.

правильно. Мы уже знаем, что кронпринц собирался произвести 6 августа поворот направо. Лишь 7-го он намечал открыть себе путь через горы атакой Мак-Магона. Но этим не оправдывается ложное донесение Фальи Мак-Магону, так же как оно не оправдывается и теми объяснениями, которые изложил Фальи в свою защиту в Journal de marche du 5-e corps d'armée (походном дневнике 5-го армейского корпуса). Там говорится, что хотя он и должен был сообразоваться с инструкциями Мак-Магона, но обязан был также позаботиться и о безопасности Бича, где ежеминутно опасался нападения; судить о положении мог только он один. С дивизией Гозе у Бича осталось лишь безусловно необходимое. Здесь правильно то, что нужно было поддерживать связь между Эльзасской и Лотарингской армиями. Бич имел не меньшее значение, чем Сааргемюнд, из которого Базен лишь неохотно отправил Фроссару дивизию Монтодона, чтобы помочь ему при Шпихерне, хотя Сааргемюнд все еще был занят бригадой Ляпассэ 5-го корпуса (Фальи). При этом Базен телеграфировал Фроссару, что, когда ему больше не будут нужны войска Монтодона, он должен немедленно вернуть их в Сааргемюнд. Если, таким образом, Фальи имел полное основание удерживать за собой Бич, то он обязан был сообщить маршалу Мак-Магону правильные сведения о положении дивизии Лепара. И тогда Мак-Магон должен был сам принять соответствующее решение.

Большую головоломку доставила Фальи вторая телеграмма Мак-Магона, предписывавшая, не теряя времени, занять Лемберг. Последний расположен в Вогезах, в 7 *км* к юго-западу от Бича. Так как Фальи не мог представить себе, какую цель могло иметь занятие названного пункта, то он выслал своего второго штабофицера с эскадроном гусар осмотреть окрестности Лемберга. Но когда и донесение штабофицера не разъяснило вопроса, то Фальи в 9 час. вечера телеграфировал Мак-Магону, что последний несомненно перепутал названия и что, по его мнению, речь идет не о Лемберге у Бича, а о Лембахе у Верта (там вечером 5 августа находился 2-й баварский корпус, о чем Фальи, естественно, не знал). И он запросил, сколько войск ему следует двинуть в этот удаленный от Бича на 32 *км* Лембах. В том, что Фальи впал в эту ошибку, виновен Мак-Магон. Он обязан был сообщить Фальи, зачем он хотел занять Лемберг. По его представлению, Лембергское дефиле запирало важнейшие пути с севера на юг через Вогезы [1]. Если бы 5-й корпус очистил Бич, то для поддержания

[1] Этот взгляд маршала следует приписать советам ген. Дюкро, имевшего стратегическую жилку. По этому поводу нужно заметить следующее. Существует книга: «La vie du général Ducrot d'après sa correspondence» (Жизнь генерала Дюкро по его переписке»), во втором томе которой можно прочесть многое об участии Дюкро в развитии сражения при Верте. Кроме того, труд французского генерального штаба приводит выдержки из неопубликованных мемуаров маршала Мак-Магона, а также из продиктованных им заметок, касающихся его операций и относящихся к январю 1871 г. В это время Мак-Магон в качестве пленного жил в Висбадене. Наконец, труд французского генерального штаба помещает выдержки из неопубликованных воспоминаний графа Лейсе, мэра Рейхсгофена и члена законодательного корпуса, собиравшего сведения для Эльзасской армии. Все писавшие до сих пор о сражении при Верте при пользовании перечисленными выше документами упускали из виду основное положение научной методологии, что мемуары — сомнительные источники. Мое описание основано почти исключительно на официальных документах в том виде, в каком их приводит труд французского генерального штаба. Из упомянутых второстепенных источников заимствовано лишь то, что подтверждается официальными документами.

связи Эльзасской армии с Лотарингской Лемберг должен был бы быть занят приблизительно одной бригадой. Таковы были основания Мак-Магона, которые он упустил сообщить Фальи. Наконец, последний в своей телеграмме на имя маршала добавлял, что дивизия Лепара сможет выступить на следующее утро не в 6, а только в 10 час.: «...par suite du mouvement de concentration qui s'opère sur Bitsch» (по случаю сосредоточения, производящегося к Бичу). При этом речь шла о 3-й дивизии 5-го корпуса, командиром которой был де-л'Абади. Она состояла, не считая дивизионной кавалерии, из бригад Моссиона и Ляпассэ и имела при себе корпусную артиллерию. Ген. Ляпассэ, как мы знаем, стоял со своими войсками в Сааргемюнде. Он уже не мог выступить оттуда 5 августа, так как дивизия Монтодона прибывала в город только вечером. Ген. Моссион перешел 5 августа с остатком дивизии из района Сааргемюнда в Рорбах. Там он находился с 1 часа дня на расстоянии несколько более 8 *км* от Бича по прямой. Как гласит Journal de marche (походный дневник) дивизии де-л'Абади, — она шла по удобной дороге и в хорошую погоду, после того как войска провели два дня на биваке в районе Сааргемюнда. Из этого можно видеть, что весь 5-й корпус хорошо отдохнул. Правда, как дивизия де-л'Абади, так и дивизия Гозе, которая, как уже упоминалось, в 4 часа пополудни достигла Фрейденбергер-Гофа, должны были двигаться «militairement» (по-военному), ибо совершался ведь фланговый марш вдоль неприятельского фронта. Предприимчивость германской конницы, в особенности же зловредное нападение у Вейсенбурга, воздействие которого на психику французов выходило далеко за пределы материального ущерба вследствие уничтожения четырех батальонов, вынудили передвигавшиеся войсковые части принимать строжайшие и напряженнейшие меры предосторожности. Мы уже видели это в корпусе Лямиро, когда дивизия Гренье переходила из Бузендорфа в Бушборн. То же самое было и в корпусе Фальи. Последний был настолько сильно удручен утомлением своих войск, что хотел предоставить 6 августа бригаде Моссиона отдых до 10 час. утра, прежде чем притянуть ее из Рорбаха к Фрейденбергер-Гофу и к Бичу [1]. К выполнению каких походных движений была способна пехота 5-го корпуса, выявилось после сражения при Верте, когда 5-й корпус стремился уклониться от последствий поражения 1-го корпуса. Тогда дивизия Лепара за 37 часов прошла 100 *км*. Причиной чрезмерной боязливости было также то, что Фальи не хотел двигать дивизии Лепара, пока дивизия Гозе не прибыла к Фрейденбергер-Гофу и не заняла довольно широко разбросанные позиции, которые до этого занимали войска Лепара. Бич — очень сильная крепость, расположенная на скалах, — не мог быть взят открытой атакой. Хотя в качестве препятствия, преграждавшего путь, он и был довольно неприятен для немцев, тем не менее в течение всей кампании немцы не могли овладеть им и должны были ограничиться блокированием его гарнизона. Этот опорный пункт не получил со стороны Фальи той высокой оценки, какой он заслуживал. Поэтому дивизия Лепара должна была лишь тогда оставить Бич, когда дивизия Гозе сменит ее, а бригада Моссиона вступит в Рорбах, чтобы сменить войска на позиции у Фрейденбергер-Гофа.

[1] Генерал Моссион фактически выступил лишь в этот час. Труд французского генерального штаба, вып. 7, «Documents annexes», стр. 159.

Прежде чем Мак-Магон между 6 и 9 час. вечера (5 августа) получил от Фальи телеграммы, согласно которым он мог рассчитывать на следующий день только на о д н у дивизию, маршал телеграфировал в 8 час. 10 мин. в Бич: «Прибудьте возможно скорее со всем вашим корпусом в Рейхсгофен... Ваши войска должны следовать по большой дороге, и я надеюсь, что завтра в течение дня вы присоединитесь ко мне». Одновременно Мак-Магон в телеграмме, отправленной в 8 час., еще раз подтвердил Фальи, что он занял Лемберг. Эта телеграмма прибыла по назначению в 8 час. 45 мин., а другая, посланная почти одновременно, прибыла, согласно пометкам 5-го корпуса, лишь в 11 час. Это весьма примечательно, так же как и то, что Фальи лишь в 3 часа утра 6 августа ответил по телеграфу, повторив свою прежнюю телеграмму, что он может послать только о д н у дивизию. Как бы к этому ни относиться, во всяком случае, это было новым введением Мак-Магона в заблуждение, когда Фальи в ответ на его вторую телеграмму телеграфировал, что он не знает, какие войска он должен послать в Лемоерг; в данный момент он имеет в распоряжении лишь один единственный пехотный полк. На самом деле у него было 2 полка в Рорбахе. Правда, ген. Моссион, прибыв туда в 1 час дня, не телеграфировал ему о своем прибытии, но ведь телеграфный провод из Бича в Рорбах не был длиннее, чем из Рорбаха в Бич. Во всяком случае, установлено, что Фальи 5 августа в 9 час. 30 мин. вечера был поставлен в известность, что бригада Моссиона находилась в Рорбахе [1]. Он мог бы 6 августа с рассветом двинуть ее в Лемберг, а сам выступить с дивизиями Лепара и Гозе в Верт. Мак-Магон будто бы прислал ему в это утро, в 5 час. 14 мин., телеграмму, которая гласила: «Сообщите мне немедленно, как, в какой день и каким путем вы хотите ко мне присоединиться. Настоятельно необходимо спешно согласовать наши действия». Читатель вспомнит, что он уже знает эту телеграмму. Она была отправлена совершенно в тех же выражениях после полудня 5 августа Мак-Магоном на имя Фальи и прибыла в 5 час. 30 мин. в Бич. Фальи утверждает, что он получил ее 6 августа утром, также в 5 час. 30 мин. Я не верю в этот дубликат и предполагаю, что в Journal de marche du 5-e corps d'armée (походный дневник 5-го корпуса) этот документ является подделкой, которую совершили окружавшие Фальи лица для его оправдания. Цель этого — доказать то положение, что маршал, получив донесение, будто он может рассчитывать 6 августа только на одну дивизию, больше не требовал выступления всего корпуса. Даже если бы двойник телеграммы в ее втором виде и был подлинным, это все же не освобождает Фальи от упрека, так как утром 6 августа в 5 час. 30 мин. он давно должен был бы находиться на марше в Верт во главе дивизий Лепара и Гозе, а также подтянутой из Рорбаха корпусной артиллерии. От Бича до Рейхсгофена, главной квартиры Мак-Магона, 21 *км* (по прямой), которые по большой дороге могли быть вполне пройдены в 7 часов, — так что голова 5-го корпуса, если бы движение было начато в 3 часа утра, в 10 час. находилась бы уже в Рейхсгофене [2].

[1] Труд французского генерального штаба, вып. 6, стр. 403. Телеграмма Фальи к л'Абади.

[2] 7 августа гвардейская пехота (2 дивизии) двигалась из Курцеля в Сент-Авольд (см. выше, стр. 55, примечание 1). Расстояние там то же — 21 *км*. Марш производился «militairement», т. е. с учетом урока Вейсенбурга. Выступление воль-

Тогда сражение при Верте приняло бы совсем другой оборот, так же как и сражение при Шпихерне при менее нерешительном командовании дивизией Гренье — Белькура.

Между бумагами Дюкро находится копия одного письма из Бича, датированного 6 августа без указания адресата, часа отправления и подписи. Дюкро отметил на полях телеграммы карандашом имя отправителя: Фальи. Это бесспорно соответствует истине, и данное письмо составлено, несомненно, раньше приказа Фальи ген. Ляпассэ от 12 час. дня [1]. В письме Фальи, адресатом которого может быть только Мак-

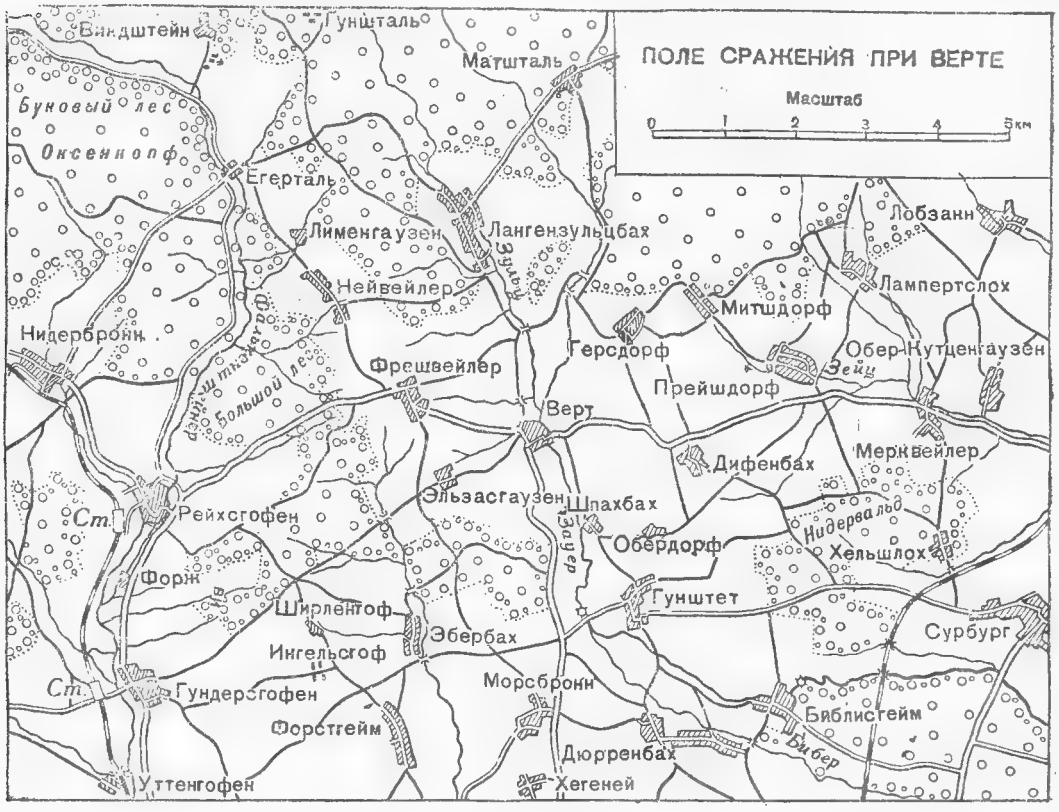


Схема 2.

Магон, говорится о том, что он не может направить корпусную артиллерию в узкое дефиле большой дороги из Бича в Рейсгофен, но вынужден послать ее к маршалу через Лемберг под прикрытием бригады Моссиона. Но так как он приказал находящейся в Сааргемюнде бригаде Ляпассэ не двигаться вслед, потому что сообщение по дороге прервано (Фальи имеет в виду небольшой перерыв телеграфного сообщения у Блисбрюкена и другие германские налеты того же масштаба против шоссе Сааргемюнд — Бич) [2], то у него, к сожалению, для занятий Лемберга больше сил не имеется. Фальи не запретил Ляпассэ дви-

тижеров было назначено на 3 часа 30 мин. утра, выступление гренадер — на 5 час. 30 мин. и корпусной артиллерии — на 8 час. 30 мин. Согласно указаниям Бурбаки, вольтижеры должны были прибыть в Сент-Авольд в 9 или в 10 час. утра, т. е. самое большее через 6½ часов, а гренадеры — вслед за ними.

[1] Ср. труд французского генерального штаба, вып. 7, стр. 169.

[2] См. выше, стр. 48.

гаться вслед, но дивизионному генералу Монтодону, как высшему в чине, предоставил разрешение вопроса о том, допускает ли безопасность шоссе выступление войсковых частей в направлении на Бич. Он надеялся, что бригада Ляпассэ 6 августа прибудет в Рорбах, — чтобы 7-го между 8 и 9 час. утра достичь Бича. Вследствие этого, по мнению Фальи, не оставалось сил для Лемберга. Он противодействовал, как и прежде, занятию Лемберга; зато гораздо больше соответствовало его взглядам удержание Бича, который Мак-Магон приказал ему эвакуировать. Если понимать правильно, то он не должен был эвакуировать крепость Бич, но лишь вывести оттуда 5-й корпус. Выдвижение войск к расположенному по соседству, но лежащему несколько позади и потому менее подверженному опасности Лембергу должно было, по мнению Мак-Магона, заменить расположение войск у Бича. Это было выше понимания Фальи. Он, вероятно, был, осведомлен об оперативном плане Наполеона, согласно которому Лотарингская армия должна была быть выдвинута 8 августа к востоку до Саргемюнда и Рорбаха, имея позади себя гвардию у Пютлингена. У Рорбаха должен был быть расположен 2-й корпус (Фроссара). «Для того чтобы оставаться возможно больше в соприкосновении со 2-м корпусом, — говорится в походном дневнике 5-го корпуса, — относительно чего ген. Фальи получил категорический приказ, он, при всем желании выполнить указания маршала Мак-Магона, все-таки считает своей обязанностью оставаться в обладании Бичем, где он может ежеминутно ждать нападения противника». Если вызванное Вейсенбургом душевное состояние Фальи и его понимание общего положения были таковы, то понятно (хотя этого и нельзя одобрить), что он на определенное указание Мак-Магона от 5 августа, отправленное в 8 час. 10 мин. вечера,— тотчас же со всем своим корпусом прибыть в Рейхсгофен, занять большую дорогу Бич — Рейхсгофен и еще 6 августа присоединиться к нему, ответил отрицательно. 7 августа, при движении корпуса Фроссара на Рорбах Фальи якобы предполагал с дивизиями Гозе и де л'Абади, включая бригаду Ляпассэ, двинуться из Бича к Мак-Магону.

Когда около 5 час. телеграмма Фальи, отправленная в 3 часа, прибыла к маршалу, последний получил донесение от своей кавалерии, что неприятеля не видно. На самом деле германская армия в составе 110 000 чел. пехоты находилась непосредственно перед французской армией, состоявшей из 35 000 штыков. Противников разделял лишь ручей Зауер, сильно вздувшийся от ночной грозы с дождем. Одновременно к Мак-Магону поступило второе ложное донесение от графа Лейсе, который через свои связи с населением получил известие, будто кронпринц Прусский повел свою армию из эльзасской равнины в Вогезы. Тогда Мак-Магон создал себе следующую картину обстановки. 3-я армия намеревается приблизиться ко 2-й и с этой целью хочет предпринять движение вдоль северной окраины Вогезов — от Вейсенбурга через Оберштейнбах и Штюрцельбронн. Что Мольтке ожидал появления кронпринца Прусского в Лотарингии, это Мак-Магон угадал вполне правильно, но только (и в этом ошибся французский полководец) он должен был сначала атаковать и разбить его в эльзасской равнине. «Было бы весьма желательно, — писал Мольтке Блюменталю,— чтобы его королевское высочество возможно раньше столкнулся с корпусом Мак-Магона или, возможно, Фальи. Самое позднее в Гагенау должно выявиться, подтянуты ли также эти части

французской армии к линии Сент-Авольд — Сааргемюнд. Дальнейшее продвижение к югу было бы в таком случае ударом по воздуху, а потому рекомендуется движение вправо к Верхнему Саару... Одновременное вступление всех 3 армий в решающее сражение является целью, к которой нужно стремиться...»

Поскольку Мак-Магон начал считаться с такой возможностью, что немцы будут двигаться мимо его левого фланга, медлительность Фальи ему не казалась более выгодной. Если бы противник двигался «Sur les crêtes des Vosges» (по гребням Вогезов), а французы находились бы в это время в Рейхсгофене и Биче, то можно было бы атаковать его со всех сторон в то время, когда он втянулся бы в дефиле. Поэтому Мак-Магон в 5 час. 30 мин. по трем различным дорогам направил Фальи записку, в которой указывал ему послать дивизию Лепара не в Рейхсгофен, но только до Филипсбурга. Здесь она должна была вечером 6 августа расположиться биваком и ожидать распоряжения, наступать ли ей через Нейгофен на Оберштейнбах. Этот последний должен быть тогда атакован одновременно двумя дивизиями, которые подошли бы из Рейхсгофена различными дорогами [1]: «Если вы будете поставлены в известность о выполнении этого движения, то вышлите немедленно по большой дороге на Вейсенбург другую дивизию (Гозе) из Бича в Штюрцельбронн. Если она встретит противника, то должна будет гнать его перед собою; он будет, таким образом, пойман на месте преступления и окружен». Если эти мысли покажутся читателю безумно фантастическими, то пусть он вспомнит, что Мак-Магон исходил из предположения о равенстве сил в отношении численности. В духе тех же мыслей он в письме на имя Фальи распоряжался также и дивизией де-л'Абади. Бригада Ляпассэ должна была бы временно остаться в Биче, чтобы затем, в зависимости от событий, направиться на Штюрцельбронн или на Филипсбург. Бригада Моссиона (этого маршал держался твердо) должна быть в Лемберге: «Это — ключ к Вогезам с нашей стороны. Бригада должна иметь при себе одну батарею... Осторожность требует, чтобы она укрепилась. В Лихтенберге и Лютцельштейне [2] находится шанцевый инструмент — по 1 500 штук в каждом из этих пунктов». Если бы кронпринц не двинулся вправо, но оставался бы в Рейнской долине, то дивизия Лепара должна была бы итти через Филипсбург в Рейхсгофен. Следом за ней по той же дороге должны двигаться дивизия Гозе и первая бригада (Моссиона) из дивизии де-л'Абади, тогда как вторая бригада должна быть передвинута в Лемберг. К этому письму была сделана приписка (постскриптум): «Коротко говоря, вышлите как можно скорее вашу первую дивизию (Лепара) в Филипсбург и держите остальные в готовности к выступлению» [3].

Предположение Мак-Магона, что если немцы вообще будут его атаковать, то, во всяком случае, 6 августа этого еще не сделают, подтверждается, повидимому, приказом по армии, отданным в 5 час. 30 мин.

---

[1] Мак-Магон имел в общей сложности 5 пехотных дивизий.

[2] Небольшие крепости в Вогезах.

[3] Полезным пособием для углубления в эти подробности является исследование баварского подполковника Г. Шоха, Die Tätigkeit des Marschalls Mac-Mahon vor der Schlacht von Wörth, 1904 («Деятельность маршала Мак-Магона перед сражением у Верта»). Но этот труд не делает излишним обращение к подлинным документам.

вечера 5 августа кронпринцем Фридрихом Вильгельмом. 2 корпуса из 5 и 1 кавалерийская дивизия должны были, согласно этому приказу, оставаться на своих биваках, а 2 других корпуса должны были продвинуться в западном направлении на расстояние около 7 *км* по прямой; последний корпус должен был сделать захождение вправо. «Завтра армия останется сосредоточенной вокруг Зульца (главная квартира), но произведем перемену фронта», — так излагал приказ по армии сущность операций, подлежавших выполнению 6 августа. Этот документ был отправлен во все 5 корпусов, а письмо Блюменталя, в котором стояло совсем другое, было послано только 2-му баварскому корпусу на правом фланге. Начальник штаба кронпринца Прусского сообщал командиру корпуса фон-Гартману, что корпус Мак-Магона и, может быть, также часть корпуса Фальи находятся, «согласно совпадающим между собою сведениям и правдоподобным предположениям», за ручьем Зауер (следовательно, германская конница более успешно вела разведку, чем французская). «Необходимо поэтому этот корпус если не разбить, то все же тревожить непрерывными боями и задерживать его, чтобы он не отошел незаметно к главным силам армии, к Мецу... Если бы со стороны Верта послышалась канонада (возможно, что завтра рано утром), то выступайте с одной дивизией и атакуйте противника во фланг. Это движение, может быть, будет иметь решающее значение».

Когда неприятельские армии стоят одна против другой, будучи разделены лишь ручьем и имея в общей сложности более 600 орудий, тогда едва ли можно обойтись без того, чтобы на каком-либо участке фронта не заговорили пушки. Генерал Гартман настолько хорошо это понял, что в 5 час. утра 6 августа, прежде чем он услыхал хотя бы единый выстрел, он двинул вперед против левого французского фланга ту дивизию, которая при случае могла бы повести атаку, а именно — 4-ю. Командир дивизии ген. фон-Ботмер издал приказ, в котором было сказано, что неприятеля следует непрерывно тревожить и удерживать боями, чтобы он не мог незамеченным отойти к Мецу. Что баварцы должны были лишь тогда вступить в бой, когда борьба завяжется на каком-либо другом участке фронта, это ген. Ботмер, как и следовало, обошел молчанием. Все хорошо понимали друг друга. Зачем Блюменталь предпринял такой дипломатический шаг [1], чтобы вызвать сражение уже 6 августа, это и по сей день точно неизвестно. Повидимому, расхождение во мнениях внутри верховного командования грозило замедлить ход операций. Для кронпринца Блюменталь не был безусловным авторитетом [2]. У крон-

[1] Труд германского генерального штаба рассказывает (т. I, стр. 664), что Мольтке, который хотел 18 августа атаковать Базена у Гравелота, но 17 августа еще не хотел давать сражения, предупредил немецких генералов, чтобы они не дали противнику вовлечь себя в серьезный бой в этот день. «Генерал фон-Война (из армии Штейнмеца), который доезжал верхом до Гравелота и оттуда открыл стоявший еще в районе Верневиля бивак, намеревался обстрелять последний артиллерийским огнем. Но так как уже в это время опыт показал, что как-раз введение в дело немецких орудий вынуждало французов принимать бой (разрядка моя.—*Э. Д.*), то генерал Штейнмец, строго держась полученного приказа, запретил выполнение указанного выше предположения. Чтобы, по возможности, избежать всякого повода к открытию артиллерийской дуэли, он приказал батарее, которая по дороге в долине Арса приближалась уже к верхнему выходу из леса, тотчас же вернуться назад».

[2] Kaiser Friedrich III, Das Kriegstagebuch von 1870/71 (Император Фридрих III, Военный дневник 1870— 1871 гг.), изд. H. O. Meisner, 1926 г., стр. 30.

принца не было твердого взгляда относительно порядка и способов, какими следует атаковать Эльзасскую армию. В предположенных им мероприятиях он, подобно Наполеону III, руководствовался своим прежним опытом. Чем для Наполеона был поход 1859 г., тем для кронпринца было сражение при Кениггреце. «С фронта, — так записал он накануне сражения при Верте в свой дневник, — завязывать бой нужно только артиллерией, на флангах возможную атаку облегчает лес... При таких обстоятельствах я, естественно (!), не хочу ни атаковать, ни штурмовать позицию Мак-Магона, столь хорошо приспособленную к обороне, но намерен принудить противника к отступлению обходом его флангов...». Кто в первом томе настоящего труда[1] читал мое описание сражения при Кениггреце, тот будет в состоянии понять, как глубоко запечатлелось воспоминание об этом драматическом событии в душе кронпринца. Когда перед его внутренним взором вставала картина Кениггреца, то Фридрих Вильгельм не замечал разницы, состоявшей в том, что Бенедек, имея в тылу Эльбу и будучи перегружен обозами, не был в состоянии отступить, между тем как никто на прусской стороне не мог утверждать, что Мак-Магон не сделает этого. И если бы он сделал это, то вполне угодил бы тем кронприцу Прусскому. При помощи фантазии кронпринц рисовал себе невыразимо кровавую картину штурма высоты Липа и Лангенгофа, для выполнения которого его двоюродный брат Фридрих Карл уже дал сигнал, когда его собственное наступление против фланга Бенедека сделало этот штурм излишним. Дойти до таких ужасов под Вертом не следовало. Лучше вытеснить противника из его позиции путем маневра, чем такой ценой добиться победы! Будучи противопоставлен принцу, Блюменталь счел необходимым разыграть некоторое подобие эмсской депеши[2]. Начальник штаба вел командующего армией уверенной и притом настолько мягкой рукой, что последний после победы почти не заметил, что было выполнено нечто почти противоположное его намерениям, между тем, как он был уверен, что руководил всем сам[3].

Дивизия Ботмера от места расположения 2-го баварского корпуса у Лембаха, который Фальи смешал с Лембергом, продвинулась до Лангензульцбаха и Матшталя и в 7 час. утра 6 августа вошла в соприкосновение с левым крылом Мак-Магона, когда влево от войск Ботмера, в 5-м прусском корпусе, командиру авангарда ген.-майору фон-Вальтеру показалось, что в неприятельском лагере позади Верта происходит отступательное движение. «Следует этот корпус (Мак-Магона) если не разбить, то путем непрерывных боев беспокоить и задерживать», — говорилось в предписании, данном дивизии Ботмера. Это предписание не было сообщено другим корпусам, но ген. Вальтер

[1] Т. е. в т. V труда Дельбрюка — Даниэльса. — *Ред.*

[2] В телеграмме Вильгельма, отправленной из Эмса в Берлин, Бисмарк произвел сокращения, придавшие ей резкий характер. Эту телеграмму он разослал всем прусским посольствам, а также сообщил ее содержание в прессу, что ускорило объявление войны со стороны Франции. — *Ред.*

[3] Таким образом, командующий армией кронпринц Фридрих хотел избежать сражения при Верте, а начальник штаба Блюменталь, по внешности исполняя его приказания, втайне старался это сражение вызвать. Факты подобной двойной игры начальников штабов, ставленников Мольтке, мы будем наблюдать и дальше. Это ненормальное явление объясняется желанием Мольтке обезвредить некоторых влиятельных высших начальников, не соответствовавших своему назначению, а между тем желавших действовать по-своему. — *Ред.*

знал о нем. Он направил к Верту один батальон с батареей (взвод пехоты перешел вброд через вздувшийся ручей Зауер рядом с мостом), и пруссаки в целях «боевой разведки» открыли огонь против зуавов, которые виднелись на шоссе из Верта в Фрешвейлер. К последним подоспели на помощь две батареи и ответили на огонь прусской батареи, обнаружившей большой качественный перевес и принудившей французские батареи к молчанию. На эту канонаду Блюменталь выслал из Зульца офицера-ординарца с распоряжением Вальтеру о прекращении боя. В 8 час. 15 мин. Вальтер отвел батальон и батарею назад. Но канонада уже сделала свое дело. Когда она была услышана в Лангензульцбахе, где ген. Гартман находился при своем авангарде, то командир 2-го баварского корпуса, в отступление от имевшихся в предписании Блюменталя указаний, выдвинул против французского фронта резервный артиллерийский дивизион и приданную корпусу уланскую бригаду. Всего со стороны баварцев были готовы к бою 12 батальонов, 7 батарей и 1 700 улан и шеволежеров[1], причем пехота направилась для атаки к Фрешвейлеру и Зегемюле. «Наступайте с одной дивизией в направлении на Лангензульцбах и атакуйте противника во фланг, — писал Блюменталь Гартману. — Это движение, может быть, сделается решающим». В соответствии с этим офицеру генерального штаба 4-й дивизии было приказано бригаду, наступавшую впереди, так провести через лес, чтобы ее правый фланг вышел в открытое поле между Фрешвейлером и Нейвейлером. Гартман предполагал, что севернее и западнее Фрешвейлера уже нет более французов. Движение 6 батальонов через Лангензульцбахский лес, хотя дело шло лишь о прохождении небольшого участка пути, потребовало очень много времени из-за густой поросли. К тому же и офицер генерального штаба, повидимому, был не особенно опытным. Уже в лесу баварцы попали под неприятельский огонь, и их тактический порядок был настолько расстроен, что даже на опушке его не удалось восстановить. Ружья системы Подевиль, переделанные из заряжавшихся с дула, оказались совершенно малоценными по сравнению с ружьями Шаспо, которыми мастерски владели засевшие в кустарнике тюркосы. Баварцы бесполезно растрачивали свои боевые припасы, стреляя по кустам, а также обстреливая друг друга. Карманы их ранцев были, якобы, слишком узки, так что они, израсходовав патроны из сумки, с трудом доставали новые. Баварцы утверждали также, что их лежавшие на земле стрелки были стеснены в наблюдении за противником и прицеливании длинными козырьками своих шлемов. Морально еще сильнее, чем ружье Шаспо, действовал фланговый огонь французских батарей, против которого баварская батарея едва могла произвести один выстрел, так как она не смогла найти подходящего места для развертывания. Таким образом, введенной вначале в бой 7-й пехотной бригаде не удалось, — впрочем, при сравнительно умеренных потерях, — пройти через луговую долину Шлеттербах, хотя 3 600 баварцев имели дело лишь с 1 600 тюркосами.

Значит, у Фрешвейлера завязался лишь небольшой, временами замиравший бой, тогда как у Верта по одному мановению Блюменталя бой был прерван. Вальтер, слышавший гром французских орудий у Фрешвейлера, донес Гартману, что он должен отказаться от атаки

[1] Шеволежеры — части легкой кавалерии. — *Ред.*

и, таким образом, Мак-Магон имел, казалось, основание сообщить в приказе по армии своим войскам, что 6 августа будет днем отдыха, как вдруг в другом месте прусского фронта раздался гром орудий. Близ Гунштета у мельницы через Заузр вел каменный мост, который за день перед тем Мак-Магон хотел взорвать; но это не было исполнено, потому что у французов, вообще еще не вполне готовых к операции, недоставало также взрывчатых веществ. Находившийся в сторожевом охранении батальон 5-го корпуса выдвинул одну роту на ту сторону моста, и мельница была занята. По этим войскам после 8 час. французы открыли ружейный и артиллерийский огонь. Находившаяся впереди других дивизия 11-го корпуса, закончившая назначенное на этот день захождение вправо, двинулась на канонаду и выслала на помощь подвергшемуся обстрелу батальону соседнего корпуса не только небольшую часть пехоты, но также и всю свою артиллерию в составе 4 батарей. Французы развернули 3 батареи, и гром 42 орудий донесся до начальника штаба 5-го корпуса полковника фон-дер-Эша, когда он наблюдал за прекращением боя у Верта. В то же время он услышал с другого фланга разрывы снарядов 2 французских батарей, которые вели бой с баварцами. При Эше находился майор фон-Ганке, которого Блюменталь, после того как отправил другого офицера с приказом о прекращении боя, выслал вслед, «чтобы выяснить подробности обстановки». Эш и Ганке, повидимому, оба пользовались доверием Блюменталя, который хотел уже 6 августа вызвать сражение, но не хотел прямо отдать приказ о нем. Орудийный огонь справа и слева привел Эша к решению немедленно ввести в бой 5-й корпус, чтобы облегчить положение немецких войск на флангах. Без предварительного уведомления все еще отсутствовавшего командира корпуса (последнему в его главной квартире в Прейшдорфе делали перевязку раны, полученной у Вейсенбурга) Эш приказал сосредоточить всю корпусную артиллерию на высотах в 800 *м* восточнее Верта. Между 9 и 10 час. здесь было собрано 84 орудия, и «большая батарея», развернувшаяся на фронте 1 800 *м*, открыла огонь по французам. За нею Эш приказал развернуться для боя всей пехоте корпуса — 3 бригадам, не считая авангарда. «Майор Ганке выслушал эти в высшей степени важные приказы и отправился с донесением о них в Зульц в штабквартиру 3-й армии»[1]. Командиром 5-го корпуса был фон-Кирхбах, который при Находе, Скалице и Швейншеделе доказал, что может принимать самостоятельные решения[2]. Прибыв к ручью Заузр, он после некоторого колебания одобрил распоряжение своего начальника штаба и приказал в 10 час. 15 мин. находившейся в авангарде бригаде взять Верт. Наступление 5-го корпуса было сообщено командирам 2-го баварского и 11-го корпусов с просьбой о помощи с их стороны. Также и 2-я дивизия 11-го корпуса, выполнив захождение вправо, двинулась на гром орудий через назначенное корпусу место для бивака, отстоявшее от

---

[1] Hermann Giehrl, Hauptmann im bayerischen Generals Weissenburg und Wörth, 1913. (Герман Гирль, капитан баварского генерального штаба «Вейсенбург и Верт»), 1913 г. Исследование, которое действительно близко достигает поставленной в предисловии цели: показать внутреннюю взаимозависимость с устранением всего второстепенного. Гирль опирается на труд майора Германа Кунца (обработанный после его смерти подполковником Балком) «Сражение при Верте», 1909 г.

[2] Т. I, стр. 489, 499 и 518 (русск. пер.— т. V, стр. 340, 347, 360).

Зауера приблизительно на полмили к востоку. От пехоты, которая пришла на помощь обстрелянным у мельницы близ моста сторожевым постам 5-го корпуса, пять выставленных в Шпахбахе рот, не будучи в состоянии пассивно переносить неприятельский артиллерийский огонь, перешли через ручей Зауер и бросились на французов, находившихся в Нидервальде. Другие роты были увлечены этим, так что, в общем, около полубригады перешли самовольно через ручей. Командир 11-го корпуса фон-Бозе никак не думал пустить свои остальные войска вслед за «вырвавшимися вперед», он хотел только перевести увлекшиеся части назад через ручей по возможности без потерь. Но последние были уже со всех сторон атакованы и отброшены внезапными фланговыми ударами отдельных рот тюркосов и зуавов. «Атака тюркосов была произведена со всеми театральными аксессуарами, как это обычно имеет место у французов. Пруссаки должны были сначала привыкнуть к тому, что эти атлетические коричневые фигуры бросались с неистовым ревом и дикими прыжками, как настоящие черти, и нужно отметить, что эта бешеная стремительность тюркосов производила сильное впечатление даже на те прусские войска, которые находились еще на восточном берегу Зауера. Тюркосы и зуавы, а также стрелки бросались за отступавшими пруссаками в ручей. Бозе должен был ввести в бой вторую половину бригады, чтобы спасти первую, и даже еще новые войсковые части. К Зауеру приблизился привлеченный канонадой весь 11-й корпус. Как 5-й корпус выставил восточнее Верта большую батарею в 84 орудия, так и 11-й корпус развернул на Гунштетской высоте вторую батарею в 72 орудия. Она взяла под действительный огонь весь правый фланг Мак-Магона вплоть до самых резервов, но обстреливала, главным образом, прорвавшиеся через Зауер передовые части африканских войск. Прусская пехота настоятельно нуждалась в артиллерийской помощи. Совокупность всех этих столкновений, — германских войск, двигавшихся вперед, германских войск, откатывавшихся назад, и французских войск, атаковавших с чувством победы, — создала в Гунштете панику... Кое-где слышались команды: «Назад! Бегом! Марш-марш!»... Поднялся дикий шум... Майор фон-Белов... зарубил саблей наибольшего крикуна»[1]. Приведенная таким способом в порядок прусская пехота вновь повернула лицом к противнику. Большая батарея помешала тому, чтобы французские линейные батальоны, которые пытались продвинуться вперед для содействия тюркосам и зуавам, серьезно решились на это. «Таким образом, тюркосы попали в настоящий котел ведьмы. На дальнейшее продвижение нельзя было рассчитывать, но и назад они также не могли отступить. Тюркосы заняли... сухой ров на лугу и хмельник юго-восточнее шоссейного моста. Здесь они по крайней мере нашли некоторое прикрытие. Но в том же сухом рве залегли также части 11-го егерского батальона (из 11-го германского корпуса), которые не смогли отступить на другую сторону Зауера. Эти части... направили теперь действительный фланговый огонь против... тюркосов. Приблизительно с ¼ часа продолжался дикий огневой бой на очень близком расстоянии, после чего тюркосы начали постепенно с удивительной ловкостью, пригибаясь к земле, как кошки, исчезать, уходя назад один за другим, не понеся при этом тяжелых потерь».

[1] Гирль, стр. 82 и Кунц-Балк, стр. 64.

Бозе уже не держал более в руках своего корпуса: 6—7 батальонов, в том числе и состоявший под командой Белова, вновь перешли на правый берег Зауера и в час дня вырвали у французов горевший Альбрехтсхейзер-Гоф. Однако, нельзя было рассчитывать, чтобы собравшиеся теперь на Зауере 22 000 штыков 11-го корпуса произвели по требованию командира 5-го корпуса массовую контратаку против 7 000 пехотинцев, составлявших французский правый фланг. Бозе не был в курсе намерений Блюменталя и на просьбу ген. Кирхбаха о содействии ответил, что он не в состоянии оказать его, так как приказ по армии воспрещает ему переход через Зауер.

Тем не менее психологический расчет Блюменталя, что его легкого толчка при помощи одной единственной баварской дивизии, правильно понятого несколькими начальниками, будет достаточно, чтобы превратить в сражение орудийный огонь, который не мог не быть в разных местах на фронте, оказался верным. Как уже сказано, Бозе выпустил из рук свой корпус. Когда подошла 2-я дивизия и ее командир хотел развернуть ее у Гунштета, упомянутый выше майор Белов, принадлежавший к составу 1-й дивизии, сообщил командиру полка 2-й дивизии, что ему следует двигаться не к западу в направлении на Гунштет, но к югу: «на Морсбронн..., направление, которое должно оказаться пагубным для французов». И не только этот полк в действительности направился на Морсбронн, но также и части другой бригады 2-й дивизии, так что в результате развертывания событий, носившего почти автоматический характер, начат был охват правого французского фланга 11-м корпусом.

В то время как здесь немецкие войска продвигались вперед, на другом немецком фланге они подавались назад. У баварцев между 8 и 10 час. 30 мин. Ботмер ввел в дело всю свою дивизию. 11 000 баварцев, как и прежде, сражались лишь с 1 600 чел. 2-го полка тюркосов, к которым справа и слева подошло на помощь несколько частей других полков. По прибытии резервного артиллерийского дивизиона Ботмер имел в своем распоряжении 7 батарей, которым французы могли противопоставить только 3. Но подобно тому, как прежде пехота обстреливала друг друга, так теперь артиллерия «при плохой видимости цели» также боялась нанести потери своей пехоте и вскоре прекратила огонь, вследствие чего вызванная отсутствием артиллерийской поддержки моральная депрессия немецких батальонов, страдавших от французского орудийного огня, становилась все больше и больше. Впрочем, указанная в письме Блюменталя диспозиция для боя и не требовала от баварцев исключительно фронтальных атак, а предписывала им в качестве маневра, решающего исход сражения, обход левого французского фланга. Это было, однако, несколько труднее, чем предполагал Ботмер. Он считал, что левый фланг французов находится у Фрешвейлера, тогда как в действительности он простирался до Нейвейлера, но на левом крыле Мак-Магона было всего лишь 16 000 чел. пехоты, тогда как дивизия Ботмера вместе с 5-м корпусом имела вдвое больше пехоты. К этому надо прибавить еще 3-ю дивизию 2-го баварского корпуса силою в 12 000 штыков, находившуюся в резерве у Лембаха[1]. Тем не менее баварцы не продвигались энергично вправо, чтобы охватить фланг противника, но, наоборот, — 7 батальонов из 10 введенных в бой (2 батальона

[1] Другая остановилась для наблюдения за Бичем.

ген. Ботмер оставил в резерве) скучились на крайнем левом фланге длинной боевой линии. Тут они, находясь у лесопилки, были расположены вблизи пруссаков, а также и поблизости от трудно переходимых ручьев Зульца и Зауера, так что могли предприниматься лишь безнадежные фронтальные атаки, в частности офицеры генерального штаба отнюдь не показали себя на высоте тех трудностей, какие представлял бой в лесу, — они не смогли двинуть вперед ни оба рода войск, ни вообще все войска. Таким образом, генералы Гартман и Ботмер должны были почувствовать несказанное облегчение, когда между 10 час. 30 мин. и 11 час. утра прибыл сначала устный, а затем и письменный приказ Блюменталя немедленно прекратить бой. Авангардная бригада 5-го корпуса это уже выполнила. Медленно отрывались баварцы от противника, который как раз скоплял крупные массы, чтобы сменить проводившуюся до сих пор против дивизии Ботмера оборону на наступление, но он должен был затем эти силы передвинуть к востоку, где чувствовался нажим продвигавшейся вперед бригады 5-го корпуса. Между тем баварские генералы получили просьбу Кирхбаха поддержать его атаку. Гартман и Ботмер обещали «возможно скорее» вновь перейти в наступление. «Возможно скорее» — растяжимое понятие. Батальоны, питание которых огнеприпасами остановилось, «должны были по необходимости сначала немного отдохнуть» [1]. Наконец выяснилось, что из двенадцати батальонов Ботмера только пять оказались еще боеспособными: два находившихся в резерве, два других, бывших в бою, и один, который «принимал не особенно напряженное участие в бою». Но также и эти войсковые части ничего не сделали. Четыре батальона, находившиеся в отступлении, вновь повернулись к лесопилке и «вели огневой бой, стоя». 5-й егерский батальон, находившийся под командой офицера генерального штаба 4-й дивизии, был направлен в качестве новой обходной колонны против Нейвейлера, но оказался, повидимому, для этой задачи слишком слабым, и потому понятно, что он в бездействии застрял в лесу. Когда Гартман вызвал вперед одну бригаду 3-й дивизии, он не мог создать этим 5-му корпусу непосредственного облегчения, ибо трудная лесная дорога между Лембахом и Ревейлером, протяжением по прямой в 1 милю, ставила перед баварской техникой марша такие задачи, которые она разрешила с трудом лишь в течение $2\frac{3}{4}$ часа [2].

Таким образом, около полудня генерал Кирхбах получил от фланговых корпусов известия, которые не были способны его ободрить. Гартман хотел помочь ему «возможно скорее», а Бозе — только артиллерией. Уже были отбиты атаки 20-й (авангардной) и 19-й бригады (той же дивизии) на высотах к западу от Верта. При этом прусская пехота болезненно чувствовала превосходство дальности боя ружья Шаспо, и при энергичных контратаках неприятельской пехоты ей пришлось бы туго, если бы она не смогла уклониться под защиту своей артиллерии, которая занимала значительно лучшие позиции, чем неприятельская артиллерия, и притом превосходила последнюю во всех отношениях. Теперь командование 5-го корпуса получило также ответ на сообщение, которое оно послало через майора Ганке Блюменталю. Начальник штаба сообщал, что 5-й корпус не должен возобновлять

[1] Гирль, стр. 109. По полевому дневнику корпуса.
[2] Ср. марш 12-го корпуса у Гравелота.

боя и обязан избегать всего, что может причинить дальнейшие потери. Но теперь возобновление боя 5-м корпусом вообще не являлось вопросом. Бой шел уже полным ходом и велся французами так же горячо, как и пруссаками. Только что перед тем зуавы сбросили с вертских высот гренадеров 6-го западно-прусского полка и при помощи штыковой атаки проникли в Верт. Повидимому, предстояла крупная французская атака, и для противодействия ей была притянута к Зауеру другая дивизия 5-го корпуса. Оторваться от противника для Кирхбаха было едва ли уже возможно. Впрочем, если более точно рассмотреть ответ Блюменталя, то он вовсе не содержал положительного приказания о прекращении боя. Вследствие этого Кирхбах продолжал вести бой. Для этого требовалось моральное мужество, которое прусские историки должны признать у ген. Кирхбаха и его начальника штаба. Ибо неясное поведение Блюменталя не оправдывало бы полностью обоих этих лиц, если бы намерение Бозе оставаться на месте и отступление Гартмана привели бы к неудовлетворительному исходу сражения. На самом деле при превосходстве немецких сил, конечно, нечего было опасаться неудачи, и решение командира 5-го корпуса не отразилось на намерении Блюменталя, которое едва ли когда-нибудь подвергалось колебаниям. Ибо Блюменталь приказал теперь (в 12 час. и 12 час. 15 мин.) корпусу Вердера, в составе вюртембергской и баденской дивизий, двигаться в Гунштет и Дифенбах. Еще до 1 часу дня командованием 3-й армии вызваны были к Прейшдорфу и Верту по одной дивизии от 1-го баварского и 11-го корпусов для атаки. Во всяком случае, офицер-ординарец передал ген. Кирхбаху указание задержать продвижение 5-го корпуса до прибытия означенных войск, но этим самым решение дать сражение было одобрено. В 1 час. 30 мин. кронпринц и Блюменталь появились перед Дифенбахом на поле сражения, и в то же время головная бригада 1-го баварского корпуса прибыла к Герсдорфу[1]. Блюменталь издал теперь следующую дышавшую победой диспозицию: «2-й баварский корпус должен, таким образом, производить давление на позицию левого фланга противника, чтобы выйти позади нее в направлении на Рейхсгофен. 1-й баварский корпус, оставив одну дивизию в резерве, вдвигается... между 2-м баварским и 5-м корпусами. 11-й корпус энергично наступает через Эльзасгаузен и мимо Нидервальда на Фрешвейлер. За 11-м корпусом следует вюртембергская дивизия из корпуса Вердера».

[1] Утверждение баварцев, что авангардная бригада, достигнув в 10 час. назначенного корпусу места ночлега — Лампертслоха, «после кратковременной остановки» выступила в направлении канонады, до некоторой степени сомнительно, ибо Лампертслох находится на расстоянии только 3 *км* от Герсдорфа по прямой линии. 1-й баварский корпус прошел 9 *км* (по прямой) из Ингольсгейма в Лампертслох за 4 часа, т. е. сделал 1 *км* в 27 минут. Дорога из Лампертслоха в Герсдорф была столь же плоха, как и дорога из Ингольсгейма в Лампертслох, которую баварцы оценивали почти как непроходимую. Но если бы прибывший в 10 час. в Лампертслох авангард после короткой остановки двинулся дальше, то он должен был бы прибыть в Герсдорф около 12 час., а не в 1 час. 30 мин. Впрочем, баварцы сообщают, что их авангард уже в 12 час «приблизился» к Герсдорфу, но баварец Гирль рассказывает: «Ген. фон-дер-Танн, который в 1 час 30 мин. прибыл к Кирхбаху, мог сообщить, что его авангард прибыл к Герсдорфу и весь корпус будет прибывать постепенно, настолько быстро, насколько это допустят плохие дороги». Так как теперь ближайшая к авангарду бригада, следовавшая за ним на расстоянии «нескольких километров» (Гирль, стр. 84), прибыла в Герсдорф в 2 часа 15 мин., то представляется более вероятным, что авангард прибыл к Герсдорфу скорее в 1 час 30 мин., чем в 12 час

О том, чтобы охватить левый фланг Мак-Магона, Блюменталь строил планы уже с полудня прошедшего дня. Теперь, в 1 час 30 мин. дня, находясь на высоте Дифенбаха, он приказал то, чего он еще в 1 час дня не имел в виду, а именно — обход обоих флангов неприятельской армии. Это приводило, прежде всего, к определенному результату на французском правом фланге, который был охвачен еще раньше, чем Блюменталь сделал распоряжение о производстве этой операции. Уже в 1 час ген. де-Лартиг признал, что его дивизия, численностью в 7 000 штыков, не может больше держаться против 11-го корпуса. Он донес об этом Мак-Магону, который потребовал, чтобы он держался, так как следовало ожидать прибытия дивизии Лепара из корпуса Фальи. Мы знаем, что Мак-Магон, согласно телеграмме Фальи, мог ожидать выступления дивизии из Бича только в 8 час. утра. От Бича до Морсбронна 28 *км* по прямой. Следовательно, Лепар мог оказать помощь дивизии Лартига самое раннее в 3 часа, тогда как 11-й корпус уже в 1 час угрожал пути отступления Лартига. Читатель знает из предыдущего тома, что Мак-Магон не оправдал ожиданий ни в стратегическом, ни в тактическом отношениях в сражениях у Маджженты и Сольферино и в бою у Меленьяно[1]. То обстоятельство, что под Вертом он начал отступление не в 1 час дня, превратило неизбежное поражение в катастрофу. Но на этот раз говорить об ошибке значило бы не признавать природы героизма. Ибо в то время, когда 11-й корпус угрожал дивизии Лартига уничтожением, по ту сторону трудно обозреваемого леса Нидервальда 5-й германский корпус, против которого был наблюдательный пункт маршала (начальник его штаба здесь же рядом с ним был убит пулей), почти-что был выбит с поля сражения дивизиями Рауля и Дюмениля. По данным французского верховного командования, маршал полагал, что против его 35 000 штыков находится самое большее 55 000 немцев. Оборонительно-наступательная тактика (defensiv-offensive Taktik), которую наблюдали французы, является наиболее действительным из всех способов боя. Недостатки французской мирной подготовки были если и не вполне, то все же в высокой степени компенсированы боевым опытом, полученным в Крыму, в Ломбардии, в Мексике и в Алжире. Описывая сражение при Альме, я отметил, с каким удивлением французское крыло союзных армий наблюдало атаку англичан против русских. Длинные линии, оставшиеся сомкнутыми под картечным огнем неприятеля, неуклонно продвигались вперед, не ища прикрытия. На равнинной местности, — говорили французские офицеры, — линейная тактика XVIII столетия, которой держались англичане, была лучше, чем рассыпной способ ведения боя французами, и потому во Франции следует опять заняться старой тактикой[2]. Инструкция о тактике пехоты, изданная Наполеоном III после сражения при Сольферино, также относилась весьма критически к бою в рассыпном строю, хотя этот прием борьбы возник из духа 1792 г. и много содействовал успеху французского оружия в эпоху первой республики и Наполеона I. В указанной инструкции Наполеона III говорится, что многочисленные стрелки являются бесполезными и что там, где это позволяет местность, должны быть выставляемы попеременно батальоны в линиях и в колоннах. Залповый огонь линий и штыковые атаки колонн — вот

[1] Т. I, стр. 277, 295, 368 и 375 (русск. пер. — т. V, стр. 197, 209, 258, 262—263).
[2] Там же, стр. 33 (русск. пер. — т. V, стр. 29).

от чего следует ожидать победы [1]. Хотя опыты, проделанные в 1866 г. австрийской пехотой с колонной тактикой, были способны дискредитировать этот метод боя, но французы никак не поддались подобному впечатлению. Это является тем более примечательным, что французская пехота была вооружена ружьем, отвечавшим наиболее строгим требованиям. Однако, она не вполне эмансипировалась от правила Суворова: «пуля — дура, штык — молодец» [2]. Но от национальной тактики боя в рассыпном строю — «bataille des soldats» [3] (сражение солдат) все же нельзя было совершенно отказаться, так как она соответствовала духу времени и современному вооружению, а потому представляла величайшие выгоды в определенных условиях обстановки. Мы видели, насколько действительны были удары во фланг небольших частей зуавов на правом крыле французов. Но это были все же батальоны численностью, в среднем, около 600 чел. боевого состава, в то время как самая малая тактическая единица прусской пехоты — ротная колонна — насчитывала всего 240 штыков [4]. Боевой порядок французов был более сомкнутым, чем у пруссаков, они старались сохранить многое из линейной тактики XVIII столетия и даже остаток прежнего способа боя копьем. Это было тактической отсталостью, но французы умели использовать многообразные формы, которые их пехота могла принимать в бою, в соответствии с местностью и другими условиями. Их многочисленные, обладавшие боевым опытом сверхсрочнослужащие делали это возможным. Этому содействовало также наличие в кадрах большого числа профессиональных офицеров. На 35 ружей приходился один кадровый офицер, тогда как во многих прусских полках один офицер приходился на 93 рядовых. Эта разница к невыгоде немцев не была компенсирована резервными офицерами ни в количественном, ни в качественном отношениях. Так, например, в одном из полков 5-го корпуса было: 31 кадровый, 6 ландверных и 5 резервных офицеров и сверх того 20 вице-фельдфебелей резерва [5]. Лишь путем включения в армию этих сравнительно неопытных офицеров явилось возможным иметь на 50 штыков одну шпагу. После длинного периода мира, который был прерван лишь короткими походами 1864 и 1866 гг., прусская пехота была сравнительно бедна ветеранами. В общем она применяла только тактику боя в рассыпном строю, которому, правда, принадлежала будущность, но который имеет также присущую ему слабость, перемешивая и разлагая войсковые части, вследствие чего бойцы ускользают от контроля офицеров. Таким образом, под Вертом столкнулись две системы и два метода пехотного боя, которые в основе своей не были различны, так как оба происходили из Великой революции, но каждый из которых развивался из собственного корня. Что обе пехоты были превосходны, это является общепризнанным, но объективный историк хотел бы предоставить пальму первенства французской пехоте.

Пока пруссаки являлись атакующей стороной, большим препятствием для них был сильно вздувшийся Зауер: при переходе этого ручья вброд многие утонули. За ним поднималась густо засаженная виноградниками и фруктовыми деревьями местность, которую оборо-

[1] Т. I, стр. 404 (русс. пер. — т. V, стр. 282).
[2] Там же, стр. 26 (русск. пер. — т. V, стр. 24).
[3] Там же, стр. 25 (русск. пер. — т. V, стр. 23).
[4] Там же, стр. 435 (русск. пер. — т. V, стр. 302).
[5] Нечто вроде подпрапорщиков. — *Ред.*

няющиеся искусно использовали. Правда, закрытый характер ее часто уничтожал преимущества ружья Шаспо, а «для артиллерии, — говорит Гирль, — как для остова оборонительного расположения, недоставало места. С небольшого числа позиций неприятельская атака не могла быть успешно отбита». Тем не менее, 5-й корпус, атакуя высоты Верта, был потрясен и понес большие потери как от огня батарей противника, так в особенности от ружейного залпового и беглого огня пехоты. После этого французы от обороны перешли к наступлению. Совершенно так, как Наполеон требовал в своем поучении, явившемся плодом опыта 1859 г., французская пехота вела атаки с высот Верта вниз отчасти в линиях, отчасти в колоннах. Но к английской и к русско-австрийской тактике примешивалась тактика, рожденная Великой революцией: линии бросались на землю, чтобы искать прикрытия. Отдельные кучки людей, в конце концов, больше доверяли пуле, чем штыку, и при наступлении делали остановки для открытия огня. Все вместе представляло собой здание, в котором были перемешаны различные стили, но которое все же являлось одним целым и производило импонирующее впечатление. Пруссаки, превращённые в «стрелковую кашу», подвергались опасности потерять Верт и увидеть проникновение неприятельских масс на восточный берег Зауера, вплоть до большой батареи 5-го корпуса с ее относительно слабым прикрытием. Кирхбах бросил свою последнюю бригаду на западный берег. Но вид победоносных vieilles bandes (старых банд) [1] привел ее в ужас, и она вернулась назад. На мосту в Верте, разрушенном французами, — впрочем, лишь частично, так как вследствие отсталости их мобилизации у них недоставало подрывных материалов, — работала рота прусских сапер. В донесении о бое говорится: «Внезапно наша пехота была отброшена назад; один штабофицер спросил капитана..., не может ли он выслать вперед от 10 до 20 смелых людей, чтобы подбодрить отступавших пехотинцев». Капитан взял с собою 64 чел. и поспешил с ними к поколебавшимся войскам. «Вскоре после выступления капитана... оставшемуся на мосту саперному офицеру какой-то офицер генерального штаба сказал, что впереди в бою в высшей степени желательна всякая хотя бы и незначительная поддержка [2].

Не говоря уже о победе 11-го корпуса по ту сторону Нидервальда, положение 5-го корпуса, если на него посмотреть объективно, ни в коем случае не было отчаянным. Его превосходство в численности пехоты было слишком значительно, а за пехотой стояла большая батарея, вместе с которою обстреливал французскую пехоту правый фланг другой большой батареи (11-го корпуса). Против 138 орудий, сеявших здесь смерть и разрушение, боролись только 42 французских. Таким образом, французские батальоны, несмотря на большую свою сплоченность, также превратились в кашу стрелков, хотя здесь процесс растворения мог происходить несколько медленнее, чем в прусских ротных колоннах [3]. Это спокойствие ретроспективного суждения кронпринц Прусский не был в состоянии проявить, когда он с Дифенбахской высоты наблюдал колебания боя и затруднительное положение своих войск. Кронпринц с нетерпением спрашивал, где застрял

[1] О происхождении этого названия французских пехотинцев — см. Дельбрюк, т. IV, стр. 259 (русск. пер., изд. 1938 г.— стр. 199).— *Ред.*

[2] Ср. Кунц-Балк, стр. 89.

[3] О прусских ротных колоннах см. т. I, стр. 432 (русск. пер.— т. V, стр. 299).

1-й баварский корпус, из состава которого по крайней мере авангардная бригада, развернувшаяся с 2 час., находилась юго-восточнее Герсдорфа. Пунктом, указанным ген. фон-дер-Танну для атаки, была восточная опушка Фрешвейлерского леса, удаленного от Герсдорфа на расстояние всего лишь 2 *км*. «Но, — говорит Гирль, — место наступления этой бригады имело столь ярко выраженный равнинный характер, что можно понять намерение ген. фон-дер-Танна избежать этой местности посредством обхода через Альтмюле». Поэтому саперы 1-го баварского корпуса были посланы в Альтмюле и навели там через ручей Зауер 3 пешеходных мостика. За ними авангардная бригада следовала на север вместо того, чтобы обратиться против неприятеля прямо на запад. В это время к ген. фон-дер-Танну прибыл приказ кронпринца: «1-му корпусу немедленно начать атаку, чтобы выбить противника из его позиции у Фрешвейлера». В силу психологии, которая стремилась поставить на службу национальной цели южногерманское племенное соперничество, приказ на имя фон-дер-Танна выражал яснее, чем «дышавший победой» приказ по армии, что вюртембергская дивизия должна отрезать неприятелю путь отступления через Эбербах и Рейхсгофен. Однако, ни это добавление, ни самый приказ не заставили баварского полководца «пойти на удочку». Фон-дер-Танн истолковал приказ так, что авангардная бригада могла продолжать свое обходное движение, а непосредственную атаку должна была произвести другая бригада дивизии. «Справедливо, — говорится у Гирля, — командир корпуса боялся, что при противоположном использовании бригад охват дал бы почувствовать себя слишком поздно». Но как-раз производя фронтальную атаку, фон-дер-Танн приковывал противника к его месту. Отступление армии, начатое уже дивизией де-Лартига, является маневром, продолжающимся часами; значит, бригада фон-дер-Танна, следовавшая за авангардной бригадой и приближавшаяся в 2 часа к Герсдорфу, имела достаточно времени, чтобы охватить французов. Это должен был знать фон-дер-Танн, как старый вояка. Его опасение, что Мак-Магон, который оборонялся «comme un sanglier» (как вепрь), уйдет от него, было чистым предлогом. На самом деле он боялся атаки против ружей Шаспо и митральез. Будучи далек от того, чтобы опасаться отступления противника, он надеялся вызвать это отступление демонстрацией на французском левом фланге и тем самым спасти свои войска от кровавой бойни. Фон-дер-Танн все еще хотел того, чего желал кронпринц перед сражением: вытеснить французов маневрированием из их позиций, не атакуя их. Французские историографы сражения при Верте, которые вообще относились с уважением к прусскому противнику, неоднократно осыпали баварцев градом едких насмешек. Но баварцы были храбры и хорошо дисциплинированы. Правда, за ними не было великих традиций прусских и французских войск, и им тем более могло недоставать наступательного порыва, что штатный состав мирного времени был в Баварии невелик и что офицерский корпус (лишь с 1868 г. существовала военная академия) состоял отчасти из тяжелых на подъем людей. В столь же малой степени существовал и генеральный штаб, как его понимали в Пруссии, но его не было также ни в Австрии, ни во Франции, ни вообще где бы то ни было. Что баварцы, будучи разбиты в 1866 г. пруссаками, не стремились немедленно со всем пылом подражать во всех областях примеру пруссаков, это понятно. Несмотря на заключенный между Пруссией и южногерман-

скими государствами оборонительный и наступательный союз, приведший к совместной войне против Франции, отнюдь нельзя было делать вывода, что под прусской гегемонией разовьется главенствующее над отдельными государствами имперское государственное образование. Тем менее мог быть склонен баварский полководец в первом же сражении войны по приказу Прусского кронпринца подвергнуть уничтожающей пробе сил единственную армию своей страны, единственный имевшийся в распоряжении мюнхенского кабинета фактор мощи. Подобные задние мысли и чувства не один раз возникали на Дифенбахской высоте у баварского военно-уполномоченного района фон-Фрейберг-Эйзенберга. Здесь каждый присутствующий переживал напряженный момент и великий час; все хотели видеть свои войска освобожденными, а неприятельские войска разбитыми. Нужно было самым энергичным образом изменить уклончивую тактику фон-дер-Танна. Кронпринц Фридрих Вильгельм послал к нему одного за другим трех офицеров с приказанием: «тотчас же перейти к немедленной атаке». Напрасно! Наконец, Фрейберг поехал сам в Герсдорф и передал приказ в такой форме, что распоряжение это отдается хотя и кронпринцем Прусским, но именем баварского короля [1]. Лишь после этого фон-дер-Танн уступил, приказав 4 батальонам из 6 бывших в составе авангардной бригады, еще не перешедшей по мосткам у Альтмюле, свернуть влево для фронтальной атаки. Было уже 3 часа 15 мин., а первый приказ кронпринца был отдан в 2 часа; целый час с четвертью был совершенно зря потрачен на прусско-баварские переговоры.

Между тем дивизия Лартига пыталась выйти из боя с 11-м прусским корпусом; 7 000 штыков против 22 000 и 18 орудий против 72! Так как Лартиг вообще не имел больше в распоряжении свежих войск, то он задумал применить отчаянное средство, чтобы выполнить свое отступление. Он попросил ген. Дюгема, чья кавалерийская дивизия не была ему подчинена, наступать на неудобной для конных атак местности у Морсбронна. Вследствие этого 1 030 кирасир и улан бросились на прусскую пехоту у Морсбронна и в то же время пестрая смесь в 1 000 тюркосов, зуавов, егерей и линейных пехотинцев двинулась против также перемешавшихся немецких батальонов у Альбрехтсхейзер-Гофа. Хотя с французской стороны и были введены в дело лишь весьма незначительные силы, все же оба контрудара достигли цели, замедлив продвижение 11-го корпуса. 1 000 французов у Альбрехтсхейзер-Гофа гнали перед собой до самого Зауера 4 000 пруссаков, и лишь после того, как атакующие почувствовали на себе действие артиллерии с Гунштетской высоты, а с немецкой стороны вступило в дело несколько свежих батальонов, названный опорный пункт вновь перешел в руки немцев. Артиллерия обстреляла также кавалерийскую бригаду Мишеля, попавшую вместе с тем под частый фронтальный и фланговый огонь прусской пехоты и лишенную возможности произвести в установленном порядке свое развертывание из-за мешавших атаке рощ, виноградников и фруктовых садов. Бригада была уничтожена. Из 1 030 всадников 180 рассеялись по всем направлениям, а остальные, если не попали в руки победителей, погибли. Немцам же эта бурная конная атака не нанесла почти никакого

[1] Kaiser Friedrich, Kriegstagebuch (Император Фридрих III, Военный дневник), стр. 36. Fred Graf Fraekenberg, Kriegstagebücher, 1866 и 1870/71 (Граф Фред Франкенберг, Военные дневники 1866 и 1870/1871 гг.).

сколько-нибудь чувствительного ущерба, хотя имела следствием некоторую моральную подавленность, устранение которой потребовало времени.

Один французский капитан бежал с горнистом вдоль западной опушки Нидервальда и непрерывно приказывал повторять сигнал отступления, тем не менее большая часть дивизии Лартига стала отходить в северном направлении вместо западного. В бою с этими рассеянными частями, засевшими в густых зарослях Нидервальда и продолжавшими оказывать упорное сопротивление, пехота 11-го корпуса, получив приказ кронпринца двинуться на Фрешвейлер, медленно пробивала себе дорогу. Большая часть артиллерии, занявшей позицию у Гунштета, в 2 часа дня перешла через Зауер и продвигалась на Фрешвейлер. Такова была картина к 3 час. дня, когда фон-дер-Танн еще выполнял у Альтмюле свой ложный маневр, а Мак-Магон был атакован в правый фланг 11-м корпусом, а с фронта — 5-м корпусом. Еще раньше, чем батареи 11-го корпуса приняли участие в наступательном бою у Верта, одно их приближение произвело столь сильное моральное впечатление на войска правого французского крыла, что они, ввиду наступления 5-го корпуса, переправлявшегося с пехотой и артиллерией через Зауер, очистили свои позиции и отошли к Эльзасгаузену и Фрешвейлеру. Лишь крайний левый фланг французов на восточной опушке Фрешвейлерского леса не видел пока основания к отступлению, так как в это время фон-дер-Танн еще только обходил Альтмюле, чтобы направить атаку на указанный пункт.

Мак-Магон счел сражение проигранным после того, как утратил всякую надежду на своевременное прибытие дивизии Лепара. Эта последняя в 8 час. утра выступила из Бича[1] и, следовательно, могла уже к 3 час. дня пройти по прекрасному шоссе все расстояние до Фрешвейлера, не превышавшее по прямой линии 24 *км*, но, будучи напугана Вейсенбургом, она двигалась «militairement», т. е. так, как в 1866 г. при Траутенау двигался Бонин[2], а именно: каждая выходившая на шоссе с севера дорога тщательно освещалась, прежде чем дивизия решалась миновать перекресток. В результате столь медлительной техники марша, конечно, едва ли целесообразной, так как гористая местность на левом фланге дивизии была мало пригодна для неожиданного нападения, было уже 4 часа 15 мин., когда голова дивизии достигла лишь Нидербронна, а в это время сражение уже было проиграно для Франции. Впрочем, одна единственная дивизия едва ли и могла дать другое направление течению событий; чтобы исход сражения сделать менее катастрофическим, к ней, по меньшей мере, должна была бы присоединиться еще дивизия Гозе.

Подобно тому, как Лартиг обеспечивал отступление правого фланга, так же и Мак-Магон думал облегчить отход левого фланга комбинированными пехотными и кавалерийскими атаками. Последние у Фрешвейлера и Эльзасгаузена происходили в более крупных размерах, чем у Морсбронна и Альбрехтсхейзер-Гофа. 2½ бригады кирасир и 5—6 батальонов пехоты многочисленными атаками прикрывали отход французских войск. Наносившая удары французская пехота состояла большей частью из тюркосов. Они вновь блестяще проявили себя в тактическом отношении, опрокинув фланговой ата-

[1] Т. е. двумя часами раньше, чем Фальи обещал Мак-Магону (см. выше, стр. 59—60).

[2] Т. I, стр. 468 (русск. пер.— т. V, стр. 325).

кой батальоны 11-го корпуса, которые ранее заняли Эльзасгаузен и затем беспорядочно вели наступление. Линейные батальоны дивизии Дюкро, лежа на земле и ведя беглый огонь, обратили в дикое бегство остальную прусскую пехоту, лишь с большим трудом успевшую спасти свое знамя. Само собою понятно, что все это вскоре замерло под давлением немецкого перевеса в силах. Какая судьба постигла кирасир дивизии Боннемена, оказавшихся под беглым огнем прусских стрелков, расположенных по отношению к ним полукругом, это наглядно и ярко изображает Кунц-Балк: «Полоса атаки переднего эшелона очень скоро покрылась массой убитых лошадей и еще большей массой раненых кирасир и коней. Дико катавшиеся по земле в борьбе со смертью лошади лягались во все стороны и представляли ужасное зрелище. Среди этого хаоса людей и лошадей кругом галопировали целые вереницы коней без всадников, распространявшие повсюду беспорядок, в то время как потерявшие коней нераненые кирасиры пытались спастись от гибели». Но не все эти спешенные кавалеристы думали только о спасении собственной жизни. Многие из них, к удивлению прусских офицеров, хватали валявшиеся на земле ружья, чтобы принять участие в пехотном бою. В своих неопубликованных воспоминаниях Мак-Магон следующим образом отзывается о французской коннице под Вертом: «Она, по крайней мере, показала неприятелю, что наши кавалеристы были достойными подражателями кавалеристов 1-й империи и все еще продолжали заслуживать похвалу Веллингтона: «Французская конница — первая в мире, она атакует с силой». Нам известно, что Мак-Магон был видный генерал, но не великий ум. То, что со времени Ватерлоо, с его гладкоствольными ружьями, оружие претерпело значительное техническое развитие, прошедшее через нарезные ружья эпохи Инкермана и Сольферино и завершившееся под Вертом заряжавшимися с казны винтовками, — развитие, которое развенчало боевую роль конницы и обратило последнюю лишь в подсобное средство пехоты[1], — это, повидимому, никогда не было вполне ясно Мак-Магону. Но хотя маршал Мак-Магон на основании опыта Верта и не осознал этого, все же можно понять, что новое огнестрельное оружие отняло у кавалерии ее способность достигать крупных тактических результатов. Те комбинированные пехотные и кавалерийские атаки, которые Мак-Магон приказывал в непрерывной последовательности производить между 3 час. 15 мин. и 4 час. 15 мин., принудили 11-й и 5-й корпуса ввести в дело последние резервы. Мак-Магон принял сражение потому, что с 35 000 чел. высококачественной пехоты, к которой после полудня должны были еще прибыть 7 000 чел. дивизии Лепара, он считал себя способным выдержать бой с противником, численность которого оценивалась в 43 000—55 000 штыков. До начала отступления французов кронпринц Фридрих Вильгельм действительно ввел в дело лишь около 55 000 чел. пехоты — два прусских корпуса и баварскую дивизию Ботмера. Так как Мак-Магон держался стойко, как вепрь, то все эти войска в течение продолжавшегося несколько часов боя перемешались между собою и вследствие жары, жажды и голода потеряли свою ударную силу. Последний остаток порыва был истрачен даром при отражении

[1] Совершенно неправильное утверждение. Как известно, конница вовсе не превратилась в «подсобное средство пехоты», а, оснащенная новой техникой, продолжает решать крупные тактические и оперативные задачи на полях сражений. — *Ред.*

атак Бонне́мена. Если бы немцы действительно имели только эти 55 000 штыков, то Мак-Магон смог бы отступить от Верта так же, как Фроссар от Шпихерна, т. е. не потерпев сколько-нибудь чувствительного поражения. И даже для Мак-Магона общий результат был бы благоприятнее, чем для Фроссара, ибо исход сражения следует оценивать по его моральному воздействию на армии, которые мерялись силами между собою. Под Шпихерном наступательный дух французов был заторможен тем обстоятельством, что Фроссар не принял боя добровольно, но был втянут в него необходимостью прикрыть отход обоза. Напротив, в сражение при Верте Мак-Магон вступил по собственному побуждению. Оборона была для него лишь прелюдией к наступлению против неприятеля, относительно которого он опасался, что тот уйдет от него к р. Саар. Это бодрое настроение полководца вызвало у его отборных частей тот порыв, о котором мы можем судить по их наступательным контрударам.

Но Мак-Магон находился в заблуждении по поводу численного соотношения сил обеих армий. В распоряжении Прусского кронпринца было не 55 000, но 110 000 штыков. В то время как Мак-Магон у Эльзасгаузена вел борьбу за беспрепятственное отступление, в 3 часа 45 мин. фон-дер-Танн решился, наконец, атаковать дивизией фон-Стефана восточную опушку Фрешвейлерского леса. Бригада 1-го баварского корпуса, которая должна была повести фронтальную атаку, достигла уже места своего назначения, равно как и та бригада, которой было приказано произвести обход восточной опушки Фрешвейлерского леса. К ним присоединились 4 батальона 2-го баварского корпуса, которые не приняли участия в отступлении дивизии Ботмера к Лангензульцбаху, но вели у лесопилки «неподвижный огневой бой». В общем 15 000 баварцев атаковали вдвое меньшее число французов, которые осыпались гранатами оставшихся у Герсдорфа прусских и баварских батарей, тогда как эти французы никакой артиллерией не располагали. «При таких условиях, — говорит Кунц-Балк, — потери имели сравнительно мало значения; они большей частью были не очень велики, так как артиллерия противника не могла видеть своего неприятеля и должна была стрелять наудачу, но непрерывный вой гранат, их громоподобные разрывы, свист осколков и треск падавших сучьев производили одуряющее впечатление. В подобном громе и реве могли оставаться хладнокровными лишь люди с крепкими нервами. Французская дивизия Рауля находилась здесь в таком же положении, в каком была под Кениггрецем дивизия Горна в лесу Холла»[1]. Но эта последняя лишь обстреливалась артиллерийским огнем, а не подвергалась атаке пехоты, как дивизия Рауля со стороны баварцев. Душой французского сопротивления снова был полк тюркосов. Последние умели, ложась на землю, так искусно применяться к местности, что баварцы не замечали их. Когда баварцы приближались вплотную, тюркосы внезапно поднимались и осыпали их беглым огнем. Баварцы откатывались назад, но храбрые баварские офицеры преграждали путь волнам отступавших. Особенно в лейбполку временами была большая паника. После того как солдаты этого полка, задыхаясь, вскарабкались на склоны, началась перестрелка между собою его отдельных рот, продвинувшихся вперед по разным дорогам. Но, в конце концов, он снова двинулся вперед с криками «ура»

[1] Т. I, стр. 540 (русск. пер.— т. V, стр. 376).

и с барабанным боем. Баварец Гирль также рассказывает, что лесной бой действовал на баварскую пехоту еще более разлагающе, чем на прусскую, которая в числе 5 000 чел. из 5-го корпуса принимала участие в атаке Фрешвейлерского леса. 5-й прусский егерский батальон сделал даже еще более обширное обходное движение, чем любая из баварских войсковых частей, и приблизился к Нейвейлеру по тому же самому Лангензульцбахскому лесу, в котором штабной офицер дивизии Ботмера застрял со своим егерским батальоном уже за 4—5 часов перед тем. Свыше часа 7 500 чел. защитников Фрешвейлерского леса противостояли напору 20 000 баварцев и пруссаков. Около 5 час. наступила катастрофа: энергично атакованная с востока, т. е. с фронта, и с севера и юга, т. е. с флангов, дивизия Рауля вышла из боя всего лишь в составе 2 500 чел. — остальные пали мертвыми или были захвачены в плен. Это была предпоследняя сцена трагедии, финалом которой явился штурм селения Фрешвейлер. Впереди его зуавы и линейная пехота произвели последний из многочисленных ударов, в которых за этот кровавый день проявила такой блеск французская пехота. Однако, попав в сферу огня 86 орудий 11-го и 5-го корпусов, обратились в бегство сначала атаковавшие толпы линейных войск, а затем и наступавшие линиями зуавы. Самое селение упорно оборонялось одним свежим батальоном и осколками всевозможных полков. Взятие его было в значительной мере заслугой единственной оказавшейся на месте немецкой войсковой части — вюртембергской бригады, которая уже и перед Фрешвейлером энергично действовала против зуавов. Эта южногерманская часть, которая столь же мало, как и баварцы, проявила себя способной к совершению походных движений, прибыла, наконец, хотя лишь с третьей частью своей пехоты, на поле сражения. Эти 7 батальонов в течение получаса потеряли 8% своего состава, большей частью от французской батареи, которая до последнего момента не бросила позиции и, наконец, была захвачена. Если здесь неоднократно отмечается техническая отсталость, проявлявшаяся в 1870 г. южногерманскими войсками по сравнению с прусскими, то это делается не вследствие прусского партикуляризма, а ради правильности военно-исторического понимания. Мак-Магон недооценивал не только численность своих противников, но и их качество. Он полагал, что имеет перед собой, по меньшей мере, на $^2/_3$ южногерманцев, которые, будучи скреплены несколькими прусскими частями, стремились присоединиться к главным немецким силам на северном склоне Вогезов. В действительности из 5 корпусов кронпринца Фридриха Вильгельма 3 корпуса были южногерманские, но 35 000 чел. французской пехоты все же столкнулись с 47 000 прусских штыков, которым в течение первой фазы сражения помогали только 10 000 баварцев. Мы видели, как мало проявила себя дивизия Ботмера из состава 2-го баварского корпуса. Французскую армию удержали именно пруссаки благодаря сопровождавшимся тяжкими потерями фронтальным атакам 5-го корпуса, вследствие чего войска 11-го корпуса смогли разбить дивизию Лартига и сделали невозможным для Мак-Магона удержание позиции. Поражение французов было уже решено, когда фланговый удар дивизии Стефана из состава 1-го баварского корпуса превратил это поражение в катастрофу. Мак-Магон уже израсходовал тогда все свои 5 дивизий: Лартига, Рауля, Конселль-Дюмениля, Дюкро и Пелле. Если бы Фальи, имевший для этого полную возможность,

появился на поле сражения в 11 час. с дивизиями Лепара и Гозе [1], то ни дивизия Лартига не начала бы своего отступления в 1 час дня, ни главные силы французов не подверглись бы разгрому в 5 час. вечера. В этот час пруссаки 5-го и 11-го корпусов были до такой степени на исходе своих сил, что они едва ли были бы еще в состоянии выполнить наступательные удары крупного масштаба. Со стороны баварцев дивизии Ботмера и Стефана были еще более обесценены в тактическом отношении: дивизия Ботмера отошла даже к Лембаху, совершенно за пределы поля сражения. Но зато к последнему приближались в 5 час. все остальные части 3-й армии [2], так что вечером было бы в распоряжении 105 000 чел. немецкой пехоты против 50 000 штыков Мак-Магона и Фальи. При таком численном соотношении сил французская победа была бы исключена. 3½ свежих южногерманских дивизии, численностью в 43 000 штыков, против 14 000 штыков дивизии Фальи, задержали бы последнюю, а кроме того, следует принять во внимание качественное превосходство прусской артиллерии, наряду с количественным неравенством обеих сторон в этом роде войск, так как Мак-Магон и Фальи вместе располагали бы только 203 орудиями и митральезами против 450 немецких [3]. Но Фальи смог бы долгое время сопротивляться южногерманцам, которые были совершенно измотаны усиленными переходами, к тому же своевременное прибытие Фальи значительно уменьшило бы значение победы Блюменталя. В этом смысле можно отважиться на парадокс, что Верт был выигран под Вейсенбургом.

«На шоссе между Фрешвейлером — Рейхсгофеном, — говорит Кунц-Балк, изображая участь, постигшую боевые силы Мак-Магона, — уже в 4 часа 45 мин. царила дикая суматоха. На нем теснились стремившиеся в тыл группы всадников и беспорядочно отходившие массы пехоты и артиллерии, перемешанные с разного рода повозками. Если вначале та или иная войсковая часть еще и находилась в относительном порядке, то уже вскоре он нарушался массами конницы, артиллерии и обозов, отходивших по тому же шоссе крупными аллюрами. Это печальное состояние было пока еще неизвестно немцам, так как лес скрывал от их взоров картину разгрома. Наоборот, между Фрешвейлером и Большим лесом они продолжали наблюдать густые цепи стрелков, которые благодаря поддержке сильной артиллерии оказывали решительное сопротивление. Но как раз на решительном участке поля сражения, к западу от Эльзасгаузена, немцы не были в состоянии энергичным ударом заткнуть дыру, сквозь которую ускользала французская армия, потому что их собственные силы были здесь весьма истощены, а, сверх того, открытая местность не позволяла произвести фронтальную атаку. Поэтому левый фланг немцев совершенно правильно [4] пытался, наступая укрыто в Большом лесу, достиг-

[1] От Бича до Фрешвейлера 24 *км* по прямой. Выступление — в 3 часа, в час. 3 *км*.

[2] За исключением пехотной бригады 2-го баварского корпуса, которая вместе с батареями наблюдала со стороны Бича.

[3] Мак-Магон имел под Вертом 131 орудие и митральезы, пруссаки 168 орудий, южногерманцы 282 орудия.

[4] Естественно, только потому, что войска были очень сильно истощены. Что обход пожал только то, что было посеяно до этого в фронтальном наступлении, об этом говорит и сам Кунц-Балк при описании боя за обладание Фрешвейлерским лесом (стр. 156). Ср. также Гирль, стр. 123.

нуть своей цели, но наступление лесом шло медленно и потерянное из-за этого время сыграло на-руку французам».

Из пехотных дивизий Мак-Магона больше всех понесла потерь дивизия Рауля (сам он был убит в Фрешвейлере), которая составляла ядро защитников Фрешвейлерского леса [1]. Из полка тюркосов Рауля, в составе которого утром в день сражения числилось, приблизительно, 1 900 бойцов, спаслись только 400 чел., но, — повествует с гордостью история полка, — сержант Абд-эль-Кадер доставил по крайней мере знамя в Страсбург, куда прибыло 175 спасшихся солдат из числа отставших. Из егерского батальона дивизии спаслась едва $^1/_5$ бойцов, в то время как егеря из дивизий Дюкро и Консейля-Дюмениля потеряли 75% и 63%. 4 пехотных дивизии, которые не были полностью уничтожены, как войска Рауля, все же поплатились четвертью своего состава, а отдельные подразделения пострадали почти так же ужасно, как тюркосы и егеря дивизии Рауля. Полк зуавов из состава дивизии Лартига, с которым сражался у Гунштета доблестный майор Белов, потерял даже 92% своего состава. Обе кавалерийские дивизии пожертвовали более чем третьей частью своих людей. Но не только отборные полки — кавалерия, тюркосы, зуавы и егеря, но также и части линейной пехоты дрались с самоотвержением, которое произвело сильнейшее впечатление на победителей, — так что германская военная литература до сегодняшнего дня преисполнена похвал по адресу бывших противником под Вертом.

Два линейных полка — один из дивизии Дюмениля, другой из дивизии Пелле — сократились на 63% своего боевого состава. Слава, которая связана с этими грандиозными потерями, не меркнет от того, что из 15 000 чел., убывших из состава французской армии, 6 000 чел. попали нераненными в плен. Этого не могла бы избежать самая лучшая армия, если бы она была охвачена превосходными силами с фронта и обоих флангов и разбита. Мак-Магон мог бы сказать о своих войсках то же, что сказал на острове Св. Елены Наполеон I о той армии ветеранов, которая проливала за него кровь при Ватерлоо: «Земля гордилась тем, что она нашла на себе столько храбрых...»

У победителей главная тяжесть боя легла на 5-й корпус: пехота этого корпуса понесла наибольшие потери. Одна дивизия 5-го корпуса поплатилась 16%, а другая 30% своего состава. Эта последняя (10-я дивизия 5-го корпуса) из всех пехотных дивизий обеих сторон проявила наибольшее геройство, так как она имела лишь потери убитыми и ранеными, в то время как 4 французские дивизии [2], потерявшие $^1/_4$ своего состава, имели среди убывших также нераненых пленных. В общем прусская пехота уменьшилась на 19% убитыми и ранеными, тогда как другие роды войск почти не пострадали. По сравнению с этим потери баварцев были ничтожны: 2-й баварский корпус сократился на 4%, а 1-й — на 6% введенной в дело пехоты. Незначи-

[1] При подсчете французских потерь нельзя оставлять без внимания, что из официальной численности французской пехоты нужно сбросить более 15%, чтобы получить численность боеспособных пехотных бойцов (ср. выше, стр. 58). Во французском эскадроне только 100 бойцов.

[2] Обойденная дивизия Рауля с ее многочисленными пленными, о которых нет сведений, были ли они ранены или нет, при этих подсчетах не принимается во внимание. Следует также заметить, что во французских данных о численности пехотных дивизий рядовые дивизионной артиллерии также входят в общий счет, без выделения их из числа вооруженных винтовкой.

тельное количество потерь баварцы 2-го корпуса объясняли трудностью, с которой корпусу пришлось подводить войска к противнику в надлежащем порядке. «Их приходилось вести через громадный лес», — говорит Гирль. 1-й баварский корпус ссылается на то, что его полки несли потери в течение 1½ часов, тогда как пруссаки находились под огнем большую часть дня. Такое объяснение звучит более правдоподобно, чем ссылка на громадный лес. Во всяком случае, баварцы имели бы лучшее соотношение своих потерь и потерь пруссаков, если бы они энергичнее вели наступление, ибо тогда цифра прусских потерь сделалась бы значительно ниже. Она составляла 8 400 чел., т. е. почти столько же, сколько потери убитыми и ранеными на стороне потерпевших поражение.

Уже выше было отмечено, что у южногерманских войск — баварцев и вюртембержцев — не было недостатка в храбрости. Один из батальонов дивизии Стефана, принимавший участие во фронтальной атаке на Фрешвейлерский лес, потерял половину своих офицеров и почти четверть рядового состава. Правда, один из батальонов 5-го корпуса, который сражался плечом к плечу с упомянутыми баварцами, потерял 83% офицеров и 29% рядовых бойцов. Однако, наиболее характерным является не эта разница в цифрах потерь, но то обстоятельство, что из 80 патронов, которые носил на себе каждый пехотинец, баварец израсходовал 69, а пруссак едва лишь 15, причем баварец — в течение о д н о г о часа, тогда как пруссак в течение 1¼ часа. Таким образом, на прусской стороне мы видим лучшую дисциплину огня, как продукт тщательного обучения в мирное время. Это касается также и французов. Под Вертом и в сражениях на Мозеле у них встречались затруднения с питанием боевыми припасами; эти затруднения должны быть приписаны не только спешной мобилизации и недостаткам и организации обозов, но также и неудовлетворительной технике огня.

Ни при Альме и Инкермане, ни при Мадженте и Сольферино, ни при Кениггреце и Шпихерне — нигде не имело места преследование, ибо во всех этих сражениях победители были почти так же потрясены, как и побежденные. Под Сольферино и Кениггрецом для преследования имелись в распоряжении нетронутые части всех родов войск. «Не нужно искусственно разъяснять, — писал я в I томе [1], — что Мольтке после Кениггреца совершенно израсходовал свои нервы, так же как и Наполеон III после Мадженты и Сольферино; вообще же Мольтке сделал достаточно». Это относится и к Блюменталю, которому также был сделан упрек, что он под Вертом упустил возможность увеличить результаты победы путем настойчивого преследования отходившего противника [2]. Для этого могли бы быть использованы еще 43 000 чел. свежей южногерманской пехоты. К этому надо добавить не менее 12 000 чел. конницы, представлявших собою колоссальный перевес в силах по сравнению с конницей Мак-Магона, численность которой перед сражением была только 3 700 всадников [3]. В результате поражения сила французской армии уменьшилась на 20 000 чел., так как к 15 000 чел. потерь, исчисленных нами выше, нужно

[1] Т. е. в т. V труда Дельбрюка — Даниэльса. — *Ред.*

[2] Ср. К у н ц-Б а л к, стр. 228.

[3] При энергичном преследовании корпус Мак-Магона был бы несомненно уничтожен, но автор дальнейшими рассуждениями все-таки пытается оправдать бездействие германского командования. — *Ред.*

прибавить еще 5 000 отставших, которые лишь постепенно присоединялись к армии или же остались в Страсбурге и небольших вогезских крепостцах. Таким образом, армия Мак-Магона с 39 000 чел. сократилась до 19 000, так что вечером 6 августа она, несомненно, являла собой картину полного разгрома. Ее перемешавшиеся между собой части были подобны грудам развалин. И вот возникает вопрос, почему Блюменталь не потребовал от своих свежих масс последнего усилия коня и человека? «Относительно размеров французского поражения не было никаких сомнений, — говорит Кунц-Балк, — отступление французов началось у Эбербаха уже в 2 часа 30 мин. пополудни, а на левом фланге в 5 час. 15 мин.; так как солнце зашло только в 7 час. 48 мин., а ночью в течение нескольких часов светила луна, то было еще в распоряжении 5—6 часов для использования победы». Но с этой целью Блюменталь принял меры еще до своей победы. Мы видели, что в 1 час 30 мин. он приказал: «2-й баварский корпус производит нажим на левый фланг неприятельской позиции таким образом, чтобы остановиться позади последней в направлении на Рейхсгофен». В добавление к этому приказу на имя Гартмана начальник штаба кронпринца в 2 часа дня приказал корпусу Вердера (вюртембержцы и баденцы) также итти на Рейхсгофен в обход правого французского фланга. Напротив, Блюменталь категорически отказался притянуть прусскую кавалерийскую дивизию принца Альбрехта, стоявшую биваком между Гунсбахом и Шененбургом приблизительно в 13 *км* (по прямой) от Верта, пока сражение не будет решено. Ибо для конницы поле сражения было неудобным, как это и показали атаки дивизий Дюгема и Боннемэна; даже конные части принца Альбрехта, если бы они были на месте в момент высшего напряжения боевых действий, являлись бы для немцев только лишним грузом. Лишь после того, как была достигнута победа, в 6 час. вечера принц Альбрехт получил приказ — направиться в Гунштет и на следующее утро преследовать противника. В Гунштет дивизия прибыла только в 9 час. 30 мин., а в Эбербах, куда принц двинулся дальше по собственной инициативе, она вступила в глубокой темноте, так что эта войсковая часть во всяком случае не могла быть использована для преследования непосредственно после победы. Правильно также, что по окончании боя Блюменталь направился не вперед, а назад, так как в 9 час. вечера он снова прибыл в Зульц, в место расположения главной квартиры. В-третьих, правильно, что начальник штаба кронпринца не интересовался тем, осталась ли в контакте с противником вся дивизионная конница обоих прусских корпусов. Из 16 эскадронов только 5, стоявших у Гунштета, получили в 5 час. дня приказ армейского командования энергично наступать на Рейхсгофен. Этого было достаточно, так как начальник штаба не может проявлять заботу обо всем вообще и о каждой детали, особенно когда он считает необходимым оставить поле сражения. Пока Блюменталь находился там, все его внимание было направлено на нажим против фланга отходившего противника, который должны были произвести южногерманцы. Еще в то время, когда сражение было в полном разгаре, вюртембергская кавалерия получила от него приказ: «Все через Гунштет и Эбербах на Рейхсгофен, но поскорее». В общем, для непосредственного преследования имелись в распоряжении 25 вюртембергских, прусских и баварских эскадронов силой не менее 3 000 коней против 2 400 у Мак-Магона. Французская конница после двух губительных конных

атак и в результате обстрела артиллерийским огнем пруссаков, которому она подверглась в начале своего отступления, была до такой степени выбита из колеи, что французы могли, собственно, рассчитывать лишь на 1 400 кавалеристов Мак-Магона и на 500 конных егерей и гусар дивизии Лепара. Таким образом, дивизия принца Альбрехта вовсе не являлась абсолютно необходимой для преследования. Вюртембергские и прусские кавалеристы взяли около 1 000 чел. в плен и захватили трофеи, — а если бригада улан 2-го баварского корпуса не сделала того же, так как прибыла к Нидербронну лишь в 8 час. вечера, когда уже французы давно очистили это селение, то вина в этом не Блюменталя, а Гартмана. Означенные уланы следовали вместе с пехотной бригадой, выступившей из Лембаха в 12 час. 45 мин., чтобы прибыть в 3 часа 30 мин. в Нейвейлер, проходя, таким образом, одну милю в 2¾ часа. Обе бригады — уланская и пехотная — были единственными войсковыми частями 2-го баварского корпуса, которые имелись в распоряжении для выполнения приказа Блюменталя о том, что Гартман должен остановиться за левым флангом французов в направлении на Рейхсгофен. Ибо другая бригада 3-й пехотной дивизии прикрывала немецкие войска со стороны Бича, а 4-я дивизия, потрясенная в бою, должна была быть отведена назад. Пехотная бригада, пройдя Нейвейлер, двинулась и далее на Рейхсгофен, но уланская бригада за ней не последовала, так как у Нейвейлера она была «задержана по приказанию и расположилась на отдых». Только чересчур поздно — в 6 час. 30 мин. — Гартман двинул улан для преследования. Их командира Гартман упрекнул в том, что он не нарушил приказания остановиться у Нейвейлера и не пошел дальше вперед; однако, пассивное послушание подчиненного едва ли может извинить самого Гартмана.

Впрочем, преследование разбитой армии не должно основываться ни исключительно, ни даже предпочтительно на одной кавалерии. Другие роды войск также должны принимать в этом участие. Когда после Сольферино Наполеон хотел вести преследование конницей, Мак-Магон отговорил его, указав, что без пехоты этого делать нельзя, а пехота слишком утомлена и голодна[1]. Точно так же и знаменитое преследование Гнейзенау после Бель-Альянса (Ватерлоо) было проведено при участии пехоты. Сколь малого можно достичь с одной только кавалерией, показали события, сопровождающие преследование на следующий день после сражения под Вертом[2]. Тогда были двинуты: прусская дивизия принца Альбрехта, баварская уланская бригада, баварская кирасирская бригада и, наконец, вюртембергская конная бригада. Вследствие ложного донесения их авангардов, что в направлении на Цаберн французы не отступали, прусские кавалеристы прекратили приказанное им наступление и направились к Бичу. У Нидербронна они соединились с баварскими кирасирами, которые обнаружили, что часть противника отступила к Бичу, но дальше итти не отважились, так как входы в Вогезы были заняты французской пехотой. Вследствие этого пруссаки и баварцы повернули назад, а принц Альбрехт все же направился на Цаберн. Было найдено множество застрявшего и брошенного военного имущества, — следы, оставляемые

[1] Т. I, стр. 384 (русск. пер. — т. V, стр. 268).

[2] Эти события показали лишь, что самое дорогое время было упущено, и германская кавалерия действовала чрезвычайно неискусно и нерешительно. — *Ред.*

бегущей армией позади себя по дороге,— и тем не менее принц Альбрехт послал Блюменталю неправильное донесение, что хотя здесь и преследовала значительная часть неприятельской армии, но ее главные силы отошли на Бич. Вечером преследовавшие войска достигли района Цаберна, где и вступили в соприкосновение с армией Мак-Магона, которая с 11 час. утра отдыхала здесь после сражения и ночного марша. Пруссаки и баварцы представляли массу в 30 эскадронов с тремя конными батареями, но, и располагая всем этим, Альбрехт не был преисполнен стремления к бою. Напротив, он вновь повернул назад, оставив между собой и французами значительную полосу местности, так как опасался атаки противника, имевшего в своем распоряжении все роды войск. Как Альбрехт боялся Мак-Магона, так и Мак-Магон боялся Альбрехта; ведь за прусской конницей могли следовать также пехота и артиллерия. Подвергнуть подобному столкновению свою раздробленную на куски армию маршал не хотел. Как Альбрехт от него, так и он отступил от Альбрехта. Свою армию, уже проделавшую от Верта до Цаберна переход в 36 *км* по прямой, Мак-Магон направил вторым ночным маршем в Лотарингию через проход, открывающийся через Вогезы у Цаберна. Без дважды полученного прусскими кавалерийскими дивизиями ложного впечатления, что Мак-Магона нет у Цаберна, французская пехота не воспользовалась бы для своей реорганизации бесконечно ценным для нее днем отдыха у Цаберна, ибо убежденный, что ничего решительного сделать не в состоянии, принц Альбрехт во время марша из Нидербронна в Цаберн устроил 6-часовой привал. Столь же мало, как прусская дивизия и баварские кирасиры, сделали 7 августа и вюртембергские кавалеристы. В противоположность кирасирам, баварские уланы хотя и вошли в горы, но тем не менее из районов Филипсбурга и Штюрцельбронна посылали лишь неверные сведения. Поэтому нельзя порицать Блюменталя за то, что после полудня 6 августа он удовольствовался отдачей кавалерии нескольких директив, а остальное предоставил подчиненным ему генералам. Он ожидал главного результата от зажатия противника в клещи южногерманской пехотой — 2-м баварским корпусом и корпусом Вердера. К сожалению, лишь одна баварская пехотная бригада направлялась на Рейхсгофен, который она и заняла в 6 час. вечера. Ей досталось много пленных, несколько орудий и железнодорожное имущество. Но это и было все, что сделал 2-й баварский корпус во исполнение отданного в 1 час 30 мин. приказа Блюменталя, имевшего целью уничтожение противника. Ибо когда баварцы из Рейхсгофена двинулись дальше на Нидербронн, то перед ними в лучах заходившего солнца сверкали штыки дивизии Лепара, а чтобы предпринять против нее что-либо серьезное, они были слишком слабы. Что касается корпуса Вердера, то мы видели, что не только вюртембергская кавалерийская дивизия появилась своевременно на левом фланге противника, но также и головные части пехоты этого контингента приняли участие в штурме Фрешвейлера. Но для широкого охватывающего движения, которого требовал Блюменталь, у вюртембергской пехоты нехватило сил. При своем наступлении она застряла западнее Эбербаха, пройдя всего лишь около 19 *км*, если считать по прямой. Баденцы же прошли только 17 *км*, остановившись уже в Гунштете. Выше мы видели, что баварский корпус при подходе к Верту на каждый километр (по прямой) расходовал 27 минут. Если к той медлительности, с которой двигались вюртембержцы, приложить

прусский масштаб, то характерно, что головная пехотная бригада прибыла к востоку от Гунштета в 2 часа 30 мин., а в 4 часа перешла через ручей Зауер лишь $^2/_3$ этой бригады. 4 и 5 августа 3-я армия должна была преодолеть много трудностей; тем меньше смогли южногерманцы выполнить задачу, поставленную им Блюменталем. Но его тактика была безусловно правильной, и столь же хорошо взвешено было его раннее возвращение в Зульц. Здесь ему предстояло еще многое. В хвосте 3-й армии двигался 6-й (силезский) корпус[1]. Голова одной из его дивизий достигла 6 августа Дана у Пирмазенса, приблизительно в 27 *км* от Бича. И вот Блюменталь посылает из Зульца командиру 6-го корпуса следующую телеграмму: «Отправлено из Зульца 6 августа, 11 час. 20 мин. вечера. Мак-Магон, совершенно разбитый, отступил на Бич, преследуемый кавалерией. Поэтому наступайте на Бич с вашей дивизией вместе с артиллерией и кавалерией, чтобы встретить бегущих или же помешать им собраться. Вы сможете достичь больших результатов». Итак, будучи далек от того, чтобы вести вялое преследование, Блюменталь стремился добиться окружения разбитых частей противника. Два прусских корпуса и один южногерманский должны были сдерживать их с фронта, два южногерманских корпуса — охватить французов с фланга, а одна прусская дивизия должна была направиться в тыл Мак-Магону. В то время как Мольтке у Кениггреца (это говорится без малейшего намека на критику) совершенно не преследовал австрийцев, Блюменталь под Вертом исходил из того, чтобы подготовить французам Канны. В Зульце находился офицер службы связи 6-го корпуса; именно для того чтобы договориться с ним об ударе на Бич, Блюменталь покинул так рано поле сражения и возвратился в главную квартиру. «В 9 час. мы прибыли смертельно усталые, — пишет он в своем дневнике, — и в полночь легли спать».

Дивизия 6-го корпуса должна была бы вести бой у Бича не изолированно. Когда Мольтке получил известие о победе у Верта и донесение о том, что Мак-Магон отступает через Бич, он отдал распоряжение принцу Фридриху Карлу направить левое крыло 2-й армии на Рорбах. Фридрих Карл приказал 2½ корпусам и 4 кавалерийским бригадам наступать на Рорбах, чтобы загородить путь Мак-Магону, но все это оказалось ударом по воздуху, так как предположение, что Мак-Макон отступает на Бич, оказалось ошибочным. Он не решился двигаться по проходившему в котловине шоссе непосредственно вблизи германской границы, но предпочел направление Цаберн — Саарбург. На Бич двигалось только несколько батальонов Мак-Магона и одна бригада Лепара, в то время как другая примкнула к разбитой под Вертом армии. Но и эти осколки еще той же ночью направились через вогезскую крепость Лютцельштейн на Саарбург. Такой же ночной марш выполнил и Фальи с дивизией Гозе, бригадой Моссиона и корпусной артиллерией, после того как в 7 час. вечера до него дошло печальное известие относительно Верта. Таким образом, когда немецкие массы приблизились к Бичу, то нашли там лишь запертые ворота и поднятые мосты неприступной крепости. Вечером 8 августа Фальи соединился с Мак-Магоном у Саарбурга. Это было возможно уже утром 6 августа и, хотя, по человеческому разумению, не предотвратило бы поражения, но могло бы сильно уменьшить его размеры.

[1] См. выше, стр. 13 и 31.

Глава IV

Отступление французов на Мец. Сражение при Коломбей—Нуйльи (14 августа 1870 г.)

Исходя из предположения, что Мак-Магон отступил на Бич, Мольтке указал Блюменталю самое правильное из того, что мог бы сделать Наполеон: «Возможно было общее наступление против 2-й армии, которая, непрерывно продвигаясь вперед своими головными частями, еще не успела подтянуть все свои корпуса. Тем не менее французы натолкнулись бы на превосходные силы». Наполеон имел в своем распоряжении, — если, с одной стороны, сбросить потери, понесенные им под Шпихерном и Вертом, а с другой — принять в расчет прирост его сил вследствие прибытия корпуса Фальи,— около 115 000 штыков (боевого состава). Численность 9 корпусов 2-й и 1-й немецких армий, за вычетом понесенной ими на походе убыли, можно определить в 180 000 штыков. Но Наполеон не мог все эти силы бросить на Саар, оставив без внимания 110 000 штыков кронпринца. Письмо Мольтке Блюменталю отправлено из главной квартиры в Майнце и помечено 7 августа, 9 час. 30 мин. утра. В это время еще ничего не было сообщено о наступательном движении Наполеона. Но даже если бы еще в этот день дело дошло до атаки французами победителей под Шпихерном, то столкновение и в этом случае, который являлся для Наполеона наиболее благоприятным, осталось бы нерешительным [1]. 8 августа 2-я армия подтянула бы хвосты и, как сказано, вместе с 1-й армией могла бы развернуть между Шпихерном и Бичем 180 000 штыков против 115 000 французов. А в тылу Наполеона двигались бы 110 000 штыков Фридриха Вильгельма. Наполеон мог бы 9 августа и позднее иметь еще в своем распоряжении 28 000 французов Канробера [2], но так как, с другой стороны, 16 000 штыков, оставшихся у Мак-Магона из 35 000, в это время были пригодны для использования лишь в качестве резерва, то совершенно ясно, что 130 000 французских штыков, если бы они 7 и 8 августа предприняли наступление к р. Саар посреди 290 000 немцев, погибли бы. Таким образом, замечание Мольтке, что сравнительно наиболее правильным для Наполеона было бы броситься на Фридриха Карла, звучит злой иронией. Конечно, он не мог совершенно серьезно ожидать от противника такого отчаянного прыжка; скорее он предполагал, что Наполеон будет стремиться соединить у Саарбурга Лотарингскую армию с Эльзасской, «куда, — писал он Блюменталю, — в случае нужды, еще можно прибыть своевременно». В этом случае путь отступления Мак-Магона шел не через Бич, но через Цаберн, а потому у Мольтке возникали сомнения, правильно ли донесение Блюменталя, что Эльзасская армия отступила в том направлении. Из этого, однако, нельзя сейчас же сделать вывод, что Мольтке проявил себя в рассуждениях выше Блюменталя. На далеком расстоянии от суматохи и волнений сражения суждение само по себе приобретает большую свободу. «Во время нашей поездки верхом, — пишет Блюменталь в своем дневнике, — мы проезжали сегодня (8 августа) одну

[1] Ср. выше, стр. 55—56.
[2] См. выше, стр. 38 и 39.

часть поля сражения, которая представляла ужасную картину: все покрыто могилами и еще не погребенными трупами, мертвыми лошадьми, частями одежды, оружием и кирасами, так как в селении Морсбронне один из кирасирских полков был полностью уничтожен. Число раненых и убитых поистине возбуждает ужас. Я совершенно не в состоянии думать об этом». Отступил ли Мак-Магон на запад или на юго-запад, во всяком случае 3-я армия должна была следовать за ним возможно быстрее. Уже перед боем у Вейсенбурга ее продвижение к р. Саар несколько замедлилось. При качественном различии между прусскими и южногерманскими военными это было понятно, но столь же основательно было нетерпение Мольтке, который 1 августа послал офицера генерального штаба в главную квартиру кронпринца Фридриха Вильгельма, чтобы поторопить его. Ранним утром 8 августа прибыл второй офицер. «Опять старая история, — говорится в заметках Блюменталя, — поздравления по случаю победы, со всем согласен, но... вновь проглядывает некоторое нетерпение, как будто дело может итти еще скорее, хотя мы, собственно, и без того уже слишком многого потребовали от войск...»

Если бы 3-я армия, как это намечал Блюменталь, выступила в поход через Вогезы утром 8 августа, то она смогла бы достигнуть Саарбурга лишь через 4 дня, т. е. вечером 11 августа. В соответствии с операционным планом, выработанным Мольтке перед сражением у Верта, 3-я армия должна была прибыть на Саар уже вечером 8 августа. В это время 1-я и 2-я армии тоже закончили бы уже свое развертывание на этой пограничной реке, так что Лотарингская армия могла бы подвергнуться нападению с двух сторон. После Верта Мольтке твердо держался мысли атаковать Наполеона с двух сторон, надеясь, что последний или бросится у Саарбрюкена на среднее течение Саара, или же на верхнем течении этой реки у Саарбурга попадет в руки трех соединенных армий короля Вильгельма. Мы можем, не стесняясь, высказаться в том смысле, что мысль атаковать Наполеона на р. Саар с двух сторон с самого начала была довольно утопичной и химеричность этого безусловно заманчивого проекта после Верта еще более возросла. Мольтке также находился под глубочайшим впечатлением своего личного опыта. Он снова хотел достигнуть победы наступлением с двух сторон, как под Кениггрецом, но упустил из виду, что подход в течение нескольких часов представляет собою нечто иное, чем подход в течение 4 дней. К тому же Наполеон, имея в тылу большую крепость Мец, располагал совсем другими возможностями, чтобы уклониться от сражения, чем Бенедек при Кениггреце. Всего этого не принял во внимание начальник германского генерального штаба, когда он предавался своим мечтаниям. Следует, однако, заметить, что гениальный реалист, позволяя разыграться своей фантазии несколько дальше того предела, который отделяет ее от фантастичности, все-таки не совершил ни малейшей ошибки. То, что он развернул германские армии на двух фронтах — одну массу на лотарингской границе фронтом на запад и другую массу на эльзасской границе фронтом на юг, было целесообразным при всяких обстоятельствах, ибо представление Наполеона о вторжении немцев через Нанси, при котором Лотарингская армия у Меца находилась бы в их тылу, было неправильно. И если Мольтке после сражений у Шпихерна и Верта все еще имел перед своими глазами мираж второго, еще более крупного Кениггреца, то он считался

также и с вероятностью того, что его противник отказался от решительного сражения на р. Саар и близ Меца отступал через Мозель или к Мозелю. Утром 7 августа Мольтке имел уже в руках известия об обеих победах — при Шпихерне и при Верте. До вечера 9-го, т. е. на 24 часа дольше, чем было предположено, продолжалось развертывание 2-й армии на границе. Таким образом, кавалерия имела в распоряжении три дня, чтобы установить, повернул ли неприятель к Мецу или к Саарбургу, раз он не наступал к среднему течению р. Саар. Следовательно, ничего не было упущено, когда Мольтке, при своей предварительной оценке обстановки, предавался той ошибочной любимой мысли и написал Блюменталю: «Поскольку позволяют судить обстоятельства, мне кажется правильным, чтобы 1-я и 2-я армии в настоящее время повели наступление не к Мозелю выше Меца, но сначала южнее, чтобы восстановить связь с вами; однако, ближайшие намерения французских главных сил должны быть предварительно выяснены». Французы ни одной минуты не думали о том, чтобы вступить в сражение на р. Саар. Войска, сражавшиеся под Шпихерном и Вертом, определяли перевес немецких сил еще много выше, чем он был в действительности. Завеса, скрывавшая от глаз французских полководцев соотношение сил, разорвалась сверху донизу. Ни один из французских генералов не сомневался больше в необходимости отойти к Мозелю, и уже в 5 час. утра 7 августа император Наполеон телеграфировал Лямиро, чтобы он возможно скорее отвел 4-й корпус к Мецу, и Базену,— чтобы он поступил так же с 3-м корпусом. Корпус Фроссара и гвардия, которые в ночь на 7 августа совершали марш [1], были направлены к Мозелю лишь 8 августа.

Было ли, однако, достаточно примкнуть армию к Мецу, чтобы отважиться на третье сражение против такого превосходства сил? Наполеон отвечал на этот вопрос отрицательно,— в духе плана Фроссара он хотел отойти вглубь Франции. Одна пехотная дивизия вытребованного в Мец корпуса Канробера, подвезенная по железной дороге к Нанси, получила в 4 часа 50 мин. утра 7 августа приказание вернуться в Шалон. Еще утром того же дня император сообщил совету министров в Париже, что Эльзасская и Лотарингская армии должны соединиться за Мецом. Телеграмма Лебефа добавила к этому, что Лотарингская армия будет в Шалоне 14 августа. Такую далеко рассчитанную стратегию, уступавшую без боя значительную территорию, можно проводить лишь тогда, когда правительство сильно и армия послушно следует за своим верховным вождем. Во Франции обе предпосылки отсутствовали. Председатель совета министров Оливье протестовал против намерений императора в телеграмме, которую составители труда французского генерального штаба не могли найти, но тон ее был настолько резок, что Оливье счел нужным послать вторую несколько более мягкую телеграмму. Однако, и она заключала в себе непочтительную фразу, что если его величество не уволит коменданта Парижа и не назначит вместо него генерала Трошю, то палата (которая должна была собраться 9 августа) его «уберет». Как видно, после Шпихерна и Верта страна не имела уже твердого правительства. Армия также роптала. Она не сознавала страшной опасности, угрожавшей Франции в случае, если бы небольшая французская армия непосредственно бросилась навстречу втор-

[1] О ночном марше гвардии см. стр. 61—62.

гавшемуся потоку; Наполеон III яснее понимал эту опасность, но историк должен все-таки признать, что недовольство военных имело некоторые основания. Мы увидим, что форсирование Мозеля представляло большие опасности также и для немцев, и их численного превосходства было недостаточно, чтобы все эти опасности парализовать. Уже после полудня 7 августа Наполеон должен был уступить настойчивым советам. Он телеграфировал императрице Евгении, которую оставил регентшей: «Отступление на Шалон становится слишком опасным». Угроза исходила не от противника, который 7 августа не двигался ни на Сааре, ни на Зауере, а из глубины собственного народа. Император продолжал: «Итак, два больших центра сопротивления — Париж и Мец, — таково заключение, к которому мы пришли; сообщи это совету министров; больше ничего нового». У центра сопротивления, Парижа, должны были стать корпус Канробера и войска Мак-Магона и Фальи, поспешно отходившие на Шалон. В телеграмме Лебефа к Фальи сказано: «Позади Марны должна быть выставлена армия Мак-Магона». Она насчитывала, после отдыха и пополнения разбитых под Вертом войск, 12 первоклассных пехотных дивизий. Столько же было направлено от Саара на Мец. Император был недоволен этим разделением сил на части, между которыми — от Меца до Шалона — зияла брешь шириной в семь переходов. Подавленное настроение чувствуется в следующей фразе упоминавшейся уже телеграммы его к императрице: «Я принесу больше пользы, если (вместо Шалона и Парижа) останусь со 100 000 чел. в Меце». Полководец в затруднительном положении скорее склонен (такова человеческая природа) преувеличивать, чем уменьшать находящиеся в его распоряжении силы. В этой телеграмме Наполеон поступает иначе. Он имел на своем фронте, куда еще непрерывно прибывали в большом числе резервы, не 100 000, а 150 000 чел.

Вечером 7 августа расстояние от стоянок Лотарингской армии до Меца для большинства частей было невелико. На левом крыле находился 4-й корпус Лямиро у Больхена, где он сосредоточился в течение дня (23 *км* от Меца). Центр составляли, после сосредоточения 7 августа у Сент-Авольда (38 *км* от Меца): Базен с 3-м корпусом, затем гвардия и, наконец, та дивизия 4-го корпуса, которая вследствие осторожных распоряжений своего начальника и Лямиро медленностью своего подхода вызвала проигрыш сражения при Шпихерне. Правому крылу Лотарингской армии предстоял самый дальний путь. Оно находилось у Пютлингена (53 *км* от Меца) и состояло, в основе своей, из 2-го корпуса Фроссара и дивизии Монтодона 3-го корпуса, которая в день Шпихерна шла на помощь своим атакованным товарищам и затем присоединилась к ним во время их отступления. По взглядам прусского генерального штаба отвести эти 150 000 чел. к Мецу было нетрудным маневром, но французский генеральный штаб был не на высоте. Лебеф рассчитывал, что 9 августа армия будет сосредоточена под Мецом, но офицеры штаба Базена, которым было поручено проведение отступательного маневра, не сумели распределить массы по дорогам. В распоряжении 3-го корпуса и гвардии были две дороги. Базен направил по одной из них две дивизии пехоты, а по другой — пять пехотных дивизий, две кавалерийские дивизии и корпусную артиллерию обоих корпусов. Дорога, по которой двигались две дивизии, могла быть использована и для бо́льших масс. Таким способом загрузка путей была бы уравнена и

движение армии ускорено и облегчено. В корпусе Фроссара, на первом переходе, офицеры штаба распределили обозы между войсками. Найдя эту систему неудобной, они на втором переходе поставили весь обоз во главе колонны, а вместе с ним и корпусную артиллерию, которую тем менее можно было отождествлять с обозами, что в каждый момент ожидалось наступление пруссаков. По этой причине вся армия отступала «militairement» (военным порядком). Мы знаем, какое замедление означал этот термин. Интендантство, подобно генеральному штабу, успешно освободилось от своих обязанностей, и войска терпели нужду. Впрочем, разница заключалась в том, что интендантство было невиновно, а причиной была потеря магазинов в Сааргемюнде и Форбахе. Эти магазины, заложенные для наступления справа на Максау, были столь богаты, что 2-я германская армия, имевшая 240 000 едоков, могла жить их запасами в продолжение четырех или пяти дней. Того, что увеличило запасы немцев, недоставало французам. Природа словно вступила в заговор с немцами против французов, чтобы подавить и изнурить последних: днем и ночью шел холодный дождь, поливавший утомленных и голодавших французов. При таких условиях 9 августа французы не дошли до Меца, а достигли только реки Французский Нид. Для роптавших войск и этого было много; один командир дивизии телеграфировал Базену, чтобы тот, бога ради, уменьшил переход, так как с грустью приходится сообщить, что дух войск поколебался. Настроение не поднялось оттого, что солдатам пришлось еще усиленно окапываться, так как 10 августа, как и в предшествовавшие дни, опасались атаки. Когда этого не случилось (10 августа немцы только начали движение от р. Саар к Мецу), Лотарингская армия воспользовалась желанной дневкой, после которой, оставив только что выстроенные полевые укрепления, 11 августа закончила свое отступление к Мецу. Тут генерал Ляпассэ [1] записал в свой дневник: «Сегодня (11 августа) пятый день этой трудной операции (отступление от Сааргемюнда к Мецу); мы под стенами Меца или, вернее, его укрепленного лагеря. Мы окапываемся здесь, ежеминутно ожидая, что нас атакуют. Как переменились роли! Прежде мы наступали, а теперь должны обороняться. Пруссаки ведут войну, как дикари, они тащат весь скот, всех лошадей в Пруссию, также и молодых людей! Перед отступающей армией движется вереница повозок и беженцев. Женщины плачут, дети в отчаянии; раздирающая сердце картина. Страна разорена, урожай съеден или затоптан конскими и людскими массами. Наши солдаты, которым уже четыре дня ничего не выдается, грабят и склонны разойтись».

Канробер прибыл из Шалона в Мец и, видимо, вместе с другими генералами, доложил императору, что разделение сил на две армии, не имевшие никакой связи между собой, опасно. Нужно все, что только возможно, стянуть к Мецу для сражения. Вероятно, того же мнения был и Наполеон, который не мог убаюкивать себя иллюзией, чтобы даже при обеспечении тыла Мецом ему удалось со 100 000 чел. пехотных бойцов устоять против 180 000 чел. пехоты 1-й и 2-й армий немцев. Если Наполеон до сих пор не вызвал в Мец корпуса Канробера и Фальи (войска Мак-Магона, бесспорно, нужно было сначала реорганизовать в Шалоне), то это происхо-

[1] Вследствие поспешного отступления, предпринятого Фальи в ночь с 6 на 7 августа от Бича к Саарбургу, бригада Ляпассэ (см. выше, стр. 60) отделилась от 5-го корпуса и присоединилась к Фроссару.

дило оттого, что и с остальными силами он оставался в Меце лишь вследствие морального давления. Не видя пока возможности избавиться от этого давления, Наполеон во время отступления Лотарингской армии к Мецу, в конце концов, все-таки призвал сюда 5-й и 6-й корпуса. Четыре пехотные дивизии 6-го корпуса были подвезены от Шалона и Парижа по железной дороге, но Фальи делал затруднения. На марше в Шалон, составляя арьергард войск Мак-Магона, он 10 августа достиг Люневиля, не преследуемый 3-й немецкой армией. Через Нанси и Туль вела железная дорога, по которой еще двигался 6-й корпус. Лебеф сообщил Фальи через посланного офицера, что 3-я армия немцев может быть в Нанси самое раннее 14 августа и потому 5-й корпус может спокойно пройти через город. Расчет Лебефа был достаточно осторожен: в действительности 14 августа до Нанси дошла лишь немецкая кавалерия, а головной корпус кронпринца Прусского вступил в город только 16 августа. Но Фальи был еще гораздо осторожнее Лебефа; он не двинулся от Люневиля в Нанси[1], как раньше не пошел от Бича к Верту. В отчете, который посланный к нему офицер написал после своего возвращения в главную квартиру, сказано: «Генерал Фальи не пойдет на Нанси из опасения прибыть в этот город только за пять-шесть часов до противника» (11 числа!). Ознакомившись с этим отчетом в полдень 10 августа, Лебеф тотчас же по телеграфу приказал Фальи двигаться к Мецу, а офицера отправил обратно, чтобы устно предложить командиру 5-го корпуса выбор дороги через Нанси или через Туль! Офицер прибыл в Люневиль ночью с 10 на 11 августа, и Фальи выслал другого офицера на паровозе по направлению к Диэзу для разведки наступательного движения 3-й немецкой армии. При этом выяснилось, что неприятеля еще не было видно. Только два дня спустя один прусский эскадрон проник до этой местности. Несмотря на это, Фальи поверил слуху, будто у Нанси пруссаки уже разобрали рельсы, и объявил, что простое благоразумие требует отказаться от движения на Мец, иначе произойдет то же, что случилось под Вертом, где один корпус был раздавлен 140 000 немцев. Так повлиял на осторожного командира 5-го корпуса страх, внушаемый видом обломков 1-го корпуса. Фальи упорно следовал за Мак-Магоном при марше в Шалон даже тогда, когда ему Лебеф еще раз телеграфировал: «Приказ императора... Идите прямо на Туль, и как можно скорее. Вам никто не угрожает. Железная дорога у Нанси не прервана».

Припомним, что после того как кронпринц Фридрих Вильгельм достиг Саарбурга на р. Саар, Мольтке 12 августа хотел с двумя другими армиями наступать не против Меца, а гораздо южнее, чтобы прежде всего восстановить связь с кронпринцем и потом атаковать Наполеона с двух фронтов, с востока и с юга. Предпосылкой этого было то обстоятельство, что французы стоят между Сааром и Мозелем. Вечером 9 августа начальник германского генерального штаба узнал из донесений кавалерии, что его надежда — устроить второй Кениггрец непосредственно на границе — является неосуществимой. Отказавшись от этого плана, Мольтке тотчас же заменил его другим, еще более крупным. В начале похода 1-я и 2-я армии, с одной стороны, и 3-я армия, с другой — т а к т и ч е с к и не действовали совместно; две первые наступали в Лотарингии, последняя же в Эльзасе, причем опера-

[1] От Люневиля до Нанси 3¼ германских мили.

ции были связаны лишь стратегически; такой порядок должен был сохраниться и при дальнейшем вторжении во Францию. 11 августа, в день, когда французская армия прибыла к Мецу, 1-я и 2-я германские армии двигались не южнее Меца, а были направлены прямо на крепость. 3-я германская армия по прибытии в Саарбург должна была итти дальше — через Люневиль и Нанси на Шалон и Париж. Она угрожала Наполеону с тыла, но это обходилось немцам не дешево. Находясь со 120 000 штыков на обоих берегах Мозеля у большой крепости Мец, Наполеон разделял 200 000 чел. пехоты 1-й и 2-й армий[1] и 110 000 штыков 3-й армии, двигавшейся в большом отдалении. Раздробление немцев увеличивалось еще тем, что хотя и не было совместных тактических действий, но все-таки 2-й армии для поддержания связи между двумя войсковыми массами пришлось израсходовать значительные силы. Третья причина, вызывавшая необходимость разделения, заключалась в том, что немцы должны были переходить Мозель, не зная, на каком берегу находится неприятель. Только опыт мог показать, имеем ли мы достаточно сил (несмотря на огромное численное превосходство) для форсирования Мозеля на виду у этого страшного противника[2]. Ибо дух французской армии, упавший под влиянием поражений, лишений, голода и непогоды, быстро поднялся на прежнюю высоту, как только 11 августа настал отдых под стенами Меца. Лишь в этот день, т. е. пять дней спустя после Шпихерна и Верта, Фридрих Карл и Штейнмец начали свое наступление. В этом наступлении должна была быть переправлена через Мозель выше Меца почти вся масса в 200 000 чел. пехоты. В результате, 14 августа на немецкой стороне создалось следующее положение: Мольтке, по имевшимся у него сведениям, не мог составить себе представления, отступил ли уже неприятель через Верден в Шалон или он еще стоит на правом или левом берегу реки, через которую немцы должны были переходить. При таких условиях Мольтке сделал 1-ю армию, составлявшую правое крыло всех сил, осью захождения при переходе через Мозель. 1-я армия заняла позицию: 1-й и 7-й корпуса между Этанжем и Панжем на р. Французский Нид, позади — 8-й корпус на р. Немецкий Нид. Вместе это составляло 58 000 штыков. Верховное командование писало в штабы 1-й и 2-й армий: «Его величество приказывает, чтобы 1-я армия завтра, 14 августа, оставалась на своей позиции на р. Французский Нид и наблюдала выдвинутыми авангардами, не отступает ли неприятель или, может быть, переходит в наступление».

Мы видели, что в распоряжении Наполеона было 120 000 чел. пехоты. Если бы подошел форсированными маршами корпус Фальи и прибыли еще другие возможные подкрепления, о чем я еще скажу, то император имел бы 150 000 бойцов пехоты — более чем вдвое против Штейнмеца. На какие подкрепления мог рассчитывать последний в случае наступления французов? К югу от Панжа, на расстоянии около 14 *км* от него, стояли между Лувиньи и Беши 3-й и 9-й корпуса, позади у Сольга — 12-й корпус. Эти войска, принадлежавшие к армии принца Фридриха Карла, насчитывали, примерно, как и армия Штейнмеца, 60 000 штыков. Если бы неприятель перешел в наступление на восток, то три корпуса Фридриха Карла атаковали бы его во фланг;

[1] Считая и померанские части (ср. стр. 31, прим. 2).

[2] Французы, которые были слабее немцев и успели уже понести поражения при Шпихерне и Верте, почему-то сделались для автора страшными (furchtbar). — *Ред.*

при направлении же его атаки на юг то же самое сделали бы три корпуса Штейнмеца. Померанские части, которые 14 августа достигли Фалькенберга, в 18 *км* от Панжа, также можно было еще своевременно притянуть в бой. Этого нельзя было сделать с тремя остальными корпусами Фридриха Карла, потому что они ушли слишком далеко на запад. Ведь 4-й корпус стоял у Аврикура к западу от р. Сейль, тогда как гвардия у Дьелуара и 10-й корпус (ганноверцы) у Понт-а-Муссона достигли Мозеля. Речь шла о расстояниях в 30—33 *км* (по прямой), которые нужно было пройти обратно до Панжа. Что касается германской кавалерии, то 14 августа она уже целыми дивизиями распространилась по левому берегу Мозеля. Один эскадрон драгун дошел до Туля, через который корпус Фальи мог без затруднений пройти еще за день до этого. Один эскадрон улан натолкнулся на Мозеле, в 1½ немецких милях южнее Меца, на французскую пехоту; наоборот, два гусарских эскадрона, производивших разведку столь энергично, что они проникли далеко на север и достигли дороги Мец — Вионвиль — Верден, не обнаружили никаких следов французов.

Без малейшей вины со стороны германского верховного командования, исключительно вследствие неизбежного развития операционного плана, который был единственно возможным, боевые силы немцев 14 августа были значительно раздроблены. Если бы Наполеон атаковал со 120 000 штыков, то он натолкнулся бы на 138 000, следовательно численное превосходство немцев не было уже подавляющим, как тогда, когда они начали движение на Мец. Кроме того, эти 138 000 чел. распадались на три группы, которые были удалены друг от друга на небольшой переход. Если, продолжая бой 7 августа, французы могли бы обратить Шпихерн в нерешительное сражение, что смягчило бы катастрофическое влияние сражения при Верте во внешней политике, то 14 августа у Меца давало им надежду положительной победы. Такого мнения был и маршал Базен, которому принадлежал теперь решающий голос во французском лагере. После поражений при Шпихерне и Верте, в результате несправедливой критики Фроссара, возбуждавшего подозрение в качестве доверенного лица Наполеона по стратегическим вопросам, волна общего доверия вынесла наверх Базена, подобно Бенедеку перед войной 1866 г.[1]. Для такой блестящей личности, как Бенедек, едва ли нашлось бы место рядом с самодержавным Наполеоном. Базен был лишен вдохновения, но достаточно умен, чтобы понять императора, когда последний хотел отходить на Шалон. Не имея достаточного авторитета для того, чтобы просто отдать приказ об отступлении от Мозеля, Наполеон воспользовался новым, еще нетронутым престижем Базена. Прежний приказ, на основании которого Мак-Магон командовал Эльзасской армией, Базен — Лотарингской армией, а все это, под общим названием Рейнской армии, состояло под начальством императора, был отменен 13 августа. Лотарингская армия, к которой присоединился корпус Канробера, теперь называлась Рейнской армией. Ею командовал Базен, получивший теперь также свой штаб[2]. Начальник штаба назывался chef d'état-major général, а не major général, как Лебеф. Функции major général, который по положению выше, чем chef d'état-major général, были отменены. Лебеф приобрел право на

[1] Т. I, стр. 413 и сл. (русск. пер. — т. V, стр. 285 и сл.).
[2] См. выше, стр. 53, прим. 1.

командование могущим освободиться корпусом. Однако, 3-й корпус после Базена получил генерал Декаэн. Второй помощник Базена, ген. Жарра, сделался начальником штаба у Базена. Первый помощник, ген. Лебрен, должен был сопровождать императора, пожелавшего уехать из Рейнской армии. Очевидно, Лебрен был техническим посредником, через которого Наполеон хотел опять взять в свои руки общее управление операциями, после того как Рейнская армия, отведенная от Мозеля внутрь страны, соединится там с Шалонской (прежней Эльзасской) армией. В тот момент, когда император передал маршалу Базену высшее командование Рейнской армией, переход ее на другой берег Мозеля был еще невозможен. Трех постоянных мостов, существовавших в Меце, для этого было недостаточно; инженерные войска должны были добавить временные мосты выше и ниже крепости. Работы по устройству этих переправ начались еще с 8 августа, и 11 августа водные пространства [1] выше и ниже города должны были быть снабжены тремя системами мостов каждое, но скверная погода, о которой я уже говорил, вызвала половодье. Вследствие этого были окончены не шесть систем мостов, а лишь три, и притом не 11-го, а только 14 августа в 11 час. 30 мин. утра. Следовательно, Базен был в продолжение одного дня (13 августа) главнокомандующим Рейнской армией, не имея возможности отойти за Мозель. В эти часы он размышлял о положении, которое немцы должны были занять 14 августа. Он представлял себе обстановку примерно так, как я ее набросал выше: два германских корпуса на Мозеле и третий непосредственно позади [2], 63 000 чел. пехоты, намеревающейся перейти реку, по ту сторону которой уже оперировали дивизии германской кавалерии, поддержанной конной артиллерией и пехотой [3]. Представлялось весьма сомнительным, чтобы при таких условиях удалось без нанесения удара теснившему противнику отвести к Маасу французские массы (180 000 едоков, не считая людей при обывательских повозках) со всеми обозами. Удар следовало направить на ось захождения немцев — 1-ю армию, так как против нее Рейнская армия располагала массированными силами. Согласно оправдательной записке Базена, которая в этом пункте согласуется с документами труда французского генерального штаба, он 13 августа был поглощен следующим наступательным планом: «Я хотел захватить противника врасплох во время его флангового марша и отбросить его за оба Нида (Французский и Немецкий). Если успех отвечал бы моим ожиданиям, я мог бы отрезать германскую армию в долине Верхнего Мозеля... я соединился бы тогда с маршалом Мак-Магоном и с 7-м корпусом» [4].

---

[1] Мозель у Меца имеет несколько рукавов, и, кроме того, нужно было еще устраивать переправу через р. Сейль.

[2] Гвардия у Дьелуара, 10-й корпус у Понт-а-Муссона, 4-й корпус у Армокура.

[3] Для этой цели 14 августа были выдвинуты на левый берег Мозеля 8 батальонов 10-го корпуса.

[4] Из 7-го корпуса дивизия Консейля-Дюмениля была у Мак-Магона, две другие пехотные дивизии стояли в Бельфоре, после того как дивизия в Лионе (см. выше, стр. 38) могла быть оттуда выведена. После Верта медлили с отозванием обеих дивизий из Бельфора, потому что недооценка числа боеспособных немцев уступила место переоценке их и сверх того стали опасаться вторжения неприятельских масс из Южного Бадена. Только 14 августа военный министр сообщил Мак-Магону, что 7-й корпус из Бельфора отправится в Шалон.

Атаковать по частям катившиеся вперед на широком фронте численно превосходные неприятельские силы так, чтобы слабейший оказался в решительном при данной обстановке пункте более сильным, — это действительно замысел, достойный великого полководца! Наполеон I пытался его осуществить в 1814 г., и знатоки считают этот поход самым гениальным из его походов. Однако, в конце концов, он все-таки был побежден превосходством сил. Понятно, что его племянник, который не был великим, противился этому плану Базена. После только что совершившейся стратегической реорганизации им-

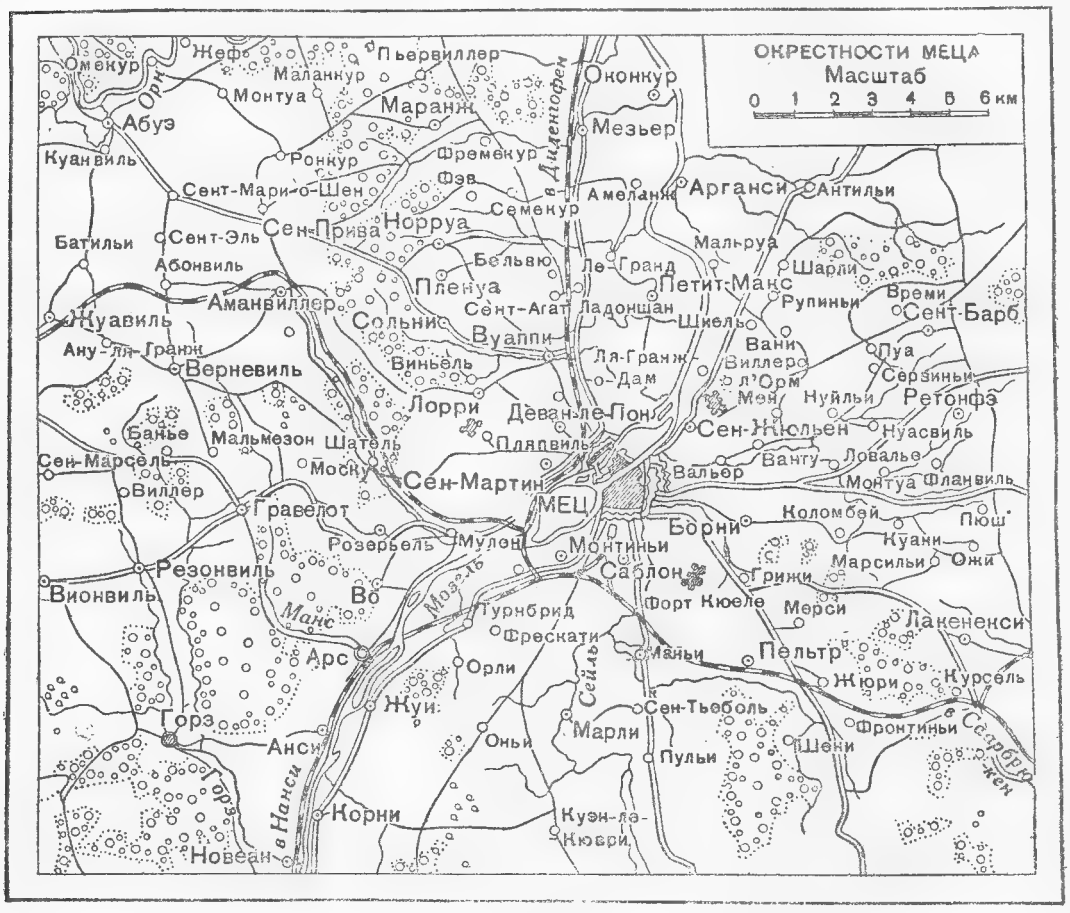


Схема 3.

ператор формально ничего не мог приказывать маршалу, но последний, который не домогался этого тернистого поста, чувствовал себя лойяльным солдатом и не желал поступать против воли императора. Впрочем, мы никогда не получим ответа на вопрос: был ли прыжок пантеры на Штейнмеца решением или только желанием? Итак, на 14 августа Базен отдал приказ о марше на Верден. В 7 час. утра обозы начали движение и, вытянувшись длинной змеей, перешли два постоянных моста из трех, находившихся внутри города, после чего стали на левом берегу реки по широкой и неровной дуге между Муленом и Мезон-де-Планш. Около полудня, когда были выстроены временные мосты, начали переходить через реку войска: сначала 2-й корпус

Фроссара, затем 4-й корпус Лямиро и одна кавалерийская дивизия. Последняя соединилась с другой кавалерийской дивизией, которая с двумя конными батареями уже стояла на левом берегу, и вся эта кавалерия еще 14 августа продвинулась до Гравелота. Тут французские разведчики вошли в соприкосновение с прусскими, принадлежавшими к тем двум гусарским эскадронам, которые произвели удар в направлении на дорогу Мец — Верден. При таком большом маневре, каким являлся переход по шести мостовым системам почти 180 000 чел. вместе с обозами, нельзя, как это делает труд французского генерального штаба, ставить в вину Базену многочисленные задержки. Столь же ошибочно утверждение, будто Базену следовало для разгрузки мостов перевести кавалерию и обозы на левый берег Мозеля уже 13 августа; ведь маршал еще до 9 час. вечера [1] колебался, следует ли ему вообще отступать. Кавалерия была ему нужна для замышляемого сражения, а без нее и без прикрытия другими родами войск положение обозов на левом берегу не могло представляться безопасным. Уже в ночь с 11 на 12 августа прусские гусары и драгуны находились на левом берегу Мозеля и пытались в трех различных пунктах прервать Восточную железную дорогу, ведшую из Шалона через Нанси в Мец, по которой подвозился 6-й корпус. Хотя тогдашняя кавалерия была плохо оснащена для подобных операций, но 13 августа нескольким эскадронам без артиллерии удалось посредством разрушения станции так напугать одного командира дивизии 6-го корпуса, что он приказал своим 9 батальонам, которые почти достигли Меца, повернуть и ехать обратно в Шалон. С вечера 13 августа в Меце пришлось отказаться от этих войск. К этому нужно добавить, что Рейнская армия потеряла еще другую дивизию, на которую она рассчитывала для сражения при Меце. Военный министр телеграфировал 10 августа Лебефу: «У нас есть целая дивизия морской пехоты, не хотите ли ее получить? Она в наилучшем состоянии». Лебеф жадно ухватился за это, но, к его огорчению, военный министр телеграфировал: «Палата объявила, что она не разойдется; считайте шифрованную депешу, которую я Вам отправил час назад, как бы неполученной». Таково было внутреннее состояние Франции!

Вернемся теперь к обвинению Базена в том, что он своевременно не отодвинул обозов: путаница в донесениях, получаемых полководцем, так велика, что трудно бывает ее разъяснить. Столь же мало, как тот командир дивизии, который приказал повернуть за несколько станций от Меца, Базен знал действительные силы неприятеля на левом берегу Мозеля 13 августа; он не знал, что сначала была лишь горсть всадников и что только после полудня дивизия 10-го корпуса заняла Понт-а-Муссон. Базен не мог безусловно положиться на прикрытие обозов левобережными фортами, потому что Мец был в то время не особенно сильной крепостью; даже труд генерального штаба говорит о фортах правого берега, что под их пушками французская армия не была обеспечена от германской артиллерии [2]. Что могло произойти на левом берегу, если бы прусская конная артиллерия, имея сильную поддержку в других родах войск, взяла под обстрел колоссальное нагромождение обозов? Ведь на французской стороне 13 августа не было даже временных мостов, чтобы быстро подать помощь.

[1] Труд французского генерального штаба, раздел 3, вып. 1, стр. 27.
[2] Там же, раздел 3, вып. 1, стр. 109.

Более основательно высказанное в труде французского генерального штаба порицание Базену за то, что он не затруднил наступление пруссаков порчей мостов. До 13 августа включительно образ действий маршала был безусловно верен, потому что чем дальше неприятель растягивался, тем это было лучше в случае его атаки. Но 14 августа, когда мосты у Марбаха, Дьелуара и Понт-а-Муссона были уже в руках пруссаков, штаб Базена в суматохе перехода через реку, кажется, забыл распорядиться о необходимом теперь взрыве находившегося в сфере влияния французов шоссейного моста у Арса на Мозеле, хотя инженерными войсками все приготовления для этого были уже сделаны. Точно так же остались неповрежденными висячий мост через Мозель у Корни и важный мост у Силеньи на верхнем течении р. Сейль.

Около 4 час. утра 14 августа, после перехода через Мозель, продолжавшегося 9 часов, на левом берегу реки, кроме обозов, 3 кавалерийских дивизий[1] и 6 батарей корпусной артиллерии Лямиро, находились только одна пехотная бригада этого генерала и одна пехотная дивизия Фроссара. Почти вся артиллерия и бо́льшая половина конницы, а также 26½ пехотных дивизий из 29½ [2] должны были еще переходить реку. В таком положении Рейнская армия подверглась нападению 1-й германской армии, и началось сражение при Коломбей — Нуйльи.

Я уже говорил, что 1-й и 7-й корпуса стояли на р. Французский Нид, а за ними 8-й корпус — на Немецком Ниде. Мольтке не соглашался с этим распоряжением Штейнмеца; он приказал, чтобы Гебен 15 августа перевел 8-й корпус из Бионвиля и Вариза (Вайбельскирхен) в Базанкур и Альбен. Три корпуса 1-й армии образовали бы тогда одну линию, находясь в соприкосновении с 9-м корпусом 2-й армии, стоявшим у Бюши и Беши. Так как между 9-м и 7-м корпусами зиял разрыв в один небольшой переход, то Мольтке считал правое крыло 2-й армии угрожаемым. Наоборот, расположение 1-й армии объясняется опасением Штейнмеца за ее правое крыло. Оно висело в воздухе, и в случае атаки Базена его предполагалось прикрыть выдвижением корпуса Гебена с правого фланга. Тот факт, что Штейнмец расположил свою главную квартиру посреди этого корпуса, также объясняется тем, что он считал правое крыло самой чувствительной частью своей армии. Мольтке имел более тонкое чутье; это видно из оправдательной записки Базена, в которой сказано, что маршал предполагал, разделавшись с пруссаками на р. Нид, броситься на германские корпуса на Мозеле. И Мольтке и Штейнмец оба очень считались с возможностью наступления французов против 1-й армии. Ввиду этого несправедливо упрекать Штейнмеца в том, что он поставил 1-й и 7-й корпуса слишком далеко от противника; говорят, что 1-й армии следовало занять оборонительную позицию впереди Нида, а не позади его, потому что только при таких условиях можно было своевременно вступить в дело (сначала артиллерией) в случае, если бы Базен двинулся на юг с целью обрушиться на 9-й и 7-й корпуса между

[1] Обе упомянутые выше дивизии, составлявшие резервную кавалерию Рейнской армии, и кавалерийская дивизия корпуса Лямиро.

[2] Корпус Фроссара уменьшился на одну дивизию, оставленную в качестве гарнизона в Меце. Зато с Фроссаром двигалась бригада Ляпассэ из корпуса Фальи (ср. стр. 93). Из дивизии Канробера, которая отправилась обратно в Шалон, один полк прошел в Мец.

Беши и Лувиньи[1]. Но Мольтке, который отнюдь не хотел легкомысленно подставлять 58 000 штыков 1-й армии под удар 120 000 штыков Базена, сам, посредством высочайшего приказа, указал главным силам Штейнмеца «линию Лез-Этан — Панж» в качестве оборонительной позиции. Труд германского генерального штаба замечает по этому поводу: «Так как этот приказ предписывал 1-й армии итти прямо на Мец, то генерал Штейнмец должен был ожидать, что неприятель, находившийся всего в двух милях впереди, атакует его, может быть, превосходными силами. Между тем, р. Нид представляла бы тогда удобный оборонительный рубеж. Другой высочайший приказ, помеченный 9 час. вечера 13 августа, предлагал Штейнмецу наблюдать за противником «выдвинутыми авангардами». Соответственно этому из 50 батальонов обоих корпусов первой линии 18 батальонов стояли слева, т. е. впереди Нида; с ними были и вспомогательные войска. Едва ли можно порицать такое разделение сил. Более основателен делаемый Штейнмецу упрек, что он не бросил свою кавалерию на левый берег Мозеля, тогда как кавалерия 2-й армии достигла там важных результатов посредством разрушения железных дорог и выдвижения до шоссе Мец — Вионвиль. В своем упрямстве Штейнмец был совершенно неподатлив на усилия Мольтке приспособить отжившую боевую кавалерию к достижению новых целей. Но развитие этого рода войск вообще происходило медленно. Тот факт, что смелыми ударами против Восточной железной дороги (при одном из этих налетов группа в 40 всадников была в большей своей части уничтожена африканскими стрелками) боевые силы Базена были уменьшены почти на целую дивизию, являлся, конечно, успехом, но успехом единичным, случайным. Главная задача конницы — разведка — удавалась недостаточно. Мольтке писал в 4 часа 30 мин. пополудни 12 августа в штабы трех армий: «Насколько можно судить по полученным сведениям, главные неприятельские силы находятся в отступлении через Мец и Мозель». Мы знаем, что это было заблуждением. Почти вся французская армия стояла на правом берегу Мозеля, и Базен еще колебался, нужно ли ему вообще отступать или, напротив, атаковать Штейнмеца. В 9 час. вечера 13 августа Мольтке сообщил в штабы 1-й и 2-й армий, что утром «крупные неприятельские отряды еще держались... по эту сторону Меца». Утром там держались не только крупные отряды, но и все силы Наполеона III; в 9 час. вечера Базен все еще не решил вопроса о переходе на тот берег. В 1 час пополудни 14 августа Мольтке получил донесения тех 2 эскадронов, которые на левом берегу Мозеля доходили до фортов Меца. Эти донесения вызвали в нем убеждение, что французы, если только они отступают на Верден, еще не вышли из долины Мозеля влево от Меца. Что же касается вопроса, хотят ли они вообще отдать линию Мозеля или вместо этого готовятся нанести удар на правом берегу реки, то тут неясность у Мольтке 14 августа была больше, чем раньше. Он не отважился продолжать форсирование Мозеля и назначил на 15 августа дневку, для чего имелось тем более оснований, что, по донесениям кавалерии 2-й армии, к западу от Меца не наблюдалось никакого движения французских войск на Верден. Королевский приказ от 6 час. вечера 14 августа, отданный раньше, чем в главной квартире

[1] Ср. Cardinal von Widdern, Kritische Tage (Кардинал-фон-Виддерн, Критические дни, т. I, ч. 1, стр. 77).

в Херлингене (Херни) было получено известие о сражении при Коломбей — Нуйльи, предписывал, чтобы часть корпусов использовала дневку для лучшего обеспечения на случай наступления французов. Это относилось к 3-му, 9-му и 12-му корпусам, которые должны были сосредоточить свои части, а также к 8-му корпусу. Последний, как уже сказано, должен был оставить свою позицию во второй линии и стать рядом с 7-м корпусом, теперь уже в качестве левого крыла 1-й армии. Согласно распоряжениям на 15 августа, 4-й корпус сделал небольшой переход от Армокура до Марбаша на Мозеле, гвардия лишь подтянула свои части к Дьелуару на Мозеле, 10-й корпус также остался у Понт-а-Муссона на реке. Вперед должна была двинуться 15 августа только кавалерия: «Дальнейшему выдвижению кавалерии, особенно 3-й кавалерийской дивизии, не ставится ограничений,— говорилось в приказе короля трем армиям с явной иронией по адресу Штейнмеца, потому что 3-я дивизия принадлежала ему. Однако, и результаты, добытые разведчиками 2-й армии, по мнению Мольтке, не давали твердой почвы для его дальнейших стратегических распоряжений. В королевском приказе было сказано: «Для полного выяснения обстановки безусловно необходимо наступать большими силами на левом берегу Мозеля против неприятельских коммуникационных линий Мец — Верден. Для этого 2-я армия назначит всю кавалерию, имеющуюся в распоряжении на левом берегу Мозеля... и поддержит ее теми корпусами, которые раньше перейдут Мозель».

Так гласил королевский приказ от вечера 14 августа. Вернемся теперь к утру этого дня, когда разыгралось сражение при Коломбей — Нуйльи. Вскоре после 9 час. в штаб 1-го корпуса, в Курсель-Шосси, прибыл начальник отделения генерального штаба, подполковник фон-Бранденштейн, который на рассвете выехал верхом из Херлингена. При особенно напряженной обстановке Мольтке имел обыкновение посылать офицеров генерального штаба, чтобы не нарушалась связь главной квартиры с армиями. Бранденштейн сообщил начальнику штаба 1-го корпуса подполковнику фон-Бургу королевский приказ от 9 час. вечера 13 августа[1], в котором говорилось, что в случае атаки французов на 1-ю армию 3-й и 9-й корпуса, находившиеся вблизи, окажут ей помощь: «С другой стороны, 1-я армия имеет возможность посредством флангового удара помешать всякому наступлению неприятеля на юг». Штейнмец не ознакомил с этим приказом ни одного из своих трех корпусных командиров: по его спутанному образу мыслей такие вещи касались только его самого. Командиру 1-го корпуса Мантейфелю он сообщил лишь, что пока предполагает оставаться в строго оборонительном положении. Командиру 7-го корпуса Цастрову, которого мы знаем по Шпихерну, не было сказано даже и этого. Из королевского приказа Бург заключил, что задача 1-й армии, конечно, оборонительная, но что в каждый данный момент армия должна быть готова перейти в наступление[2]. Сам Мантейфель думал совер-

[1] В это время Базен еще обсуждал, не следует ли ему, вместо отступления, напасть на Штейнмеца.

[2] От Мантейфеля Бранденштейн поехал к Штейнмецу и тщетно старался склонить его к перемещению 8-го корпуса в Базанкур и Альбен, а также (при непонимании стратегии своего начальника) к наступлению на французов. По этому поводу Кардинал-фон-Виддерн говорит: «Из разговора с представителем главной квартиры Штейнмец должен был еще лучше понять, какое важное зна-

шенно так же, как его начальник штаба, и отдал обоим командирам дивизий приказание, чтобы войска до полудня пообедали и чтобы вообще все было готово для возможного наступления. Кроме того, Мантейфель велел усилить авангард одной из своих дивизий настолько, что теперь были выдвинуты за Нид всего 21 батальон из 50 батальонов Мантейфеля и Цастрова. Из них 7 батальонов, принадлежавших 7-му корпусу, состояли под командованием ген.-майора барона фон-дер-Гольца, который и под Шпихерном командовал авангардом своей дивизии и решил сражение взятием Канинхенберга. Утром Гольц говорил с начальником той кавалерийской дивизии Штейнмеца, которая должна была поддерживать связь со 2-й армией. Он был ориентирован Штейнмецом несколько лучше, чем корпусные командиры, и Гольц узнал от него, что правое крыло Фридриха Карла не пошло вместе с левым крылом к Мозелю, а осталось вблизи 7-го корпуса, чтобы при надобности поддержать 1-ю армию в случае наступления противника, подобно тому как эта армия должна прикрыть 9-й и 3-й корпуса. Около часу пополудни Гольц встретился с одним офицером, которого Бранденштейн послал из главной квартиры Штейнмеца[1] к Мольтке, чтобы передать последнему письменный доклад о действиях 1-й армии. Посланец Бранденштейна осведомил Гольца о подготовке к вечернему бою в корпусе Мантейфеля. После этого около 1 часа 45 мин. войска Гольца также изготовились к бою. Около 3 час. пополудни, когда сторожевое охранение Гольца, стоявшее в 2—3 *км* от французского, донесло, что неприятель отступает, и гусарский лейтенант Штумм, отличный разведчик, полностью подтвердил это донесение, Гольц принял важное решение, хотя признаков наступления 1-го корпуса пока еще не было. При Шпихерне Гольц, против воли своего командира дивизии, вступил в сражение, бывшее уже в ходу; теперь он сам вызвал сражение. Около 3 час. 30 мин. Гольц выступил с 7 батальонами, 3 эскадронами и 2 батареями, причем из своей стоянки Лякенекси он послал тому командиру дивизии, который своей кавалерией поддерживал связь с 9-м корпусом, следующую записку: «Авангард 7-го армейского корпуса наступает через Марсильи на Мец». Одновременно к Мантейфелю был отправлен офицер-ординарец с поручением сообщить ему и всем встреченным на пути частям 1-го корпуса, что командир авангарда 7-го корпуса «завязал бой с отступающим неприятелем и рассчитывает на поддержку». Мантейфель тотчас же обещал помощь. Разумеется, Гольц известил о своем наступлении и собственного командира корпуса, Цастрова, прося о содействии остальных войск. Прошло всего восемь дней с тех пор, как Цастров другим подчиненным ему генералом был необдуманно вовлечен в сражение, но теперь, как и при

чение король придает наблюдению за тем, не отступают ли французы за Мозель, а также тому, чтобы 1-я армия была наготове в этом случае задержать их, создав для 2-й армии возможность найти на той стороне реки благоприятные условия для дальнейшего столкновения с противником». Выделенные мною слова, на мой взгляд, не выдерживают критики. 14 августа Мольтке не думал ни о каком наступлении немцев ни по эту, ни по ту сторону реки. Все его мысли были направлены лишь на обнаружение местонахождения неприятеля, чтобы можно было беспрепятственно перевести обе армии через Мозель. Только после этого Мольтке предполагал перейти в наступление; но где и как, это 14 августа ускользало еще от его суждения.

[1] Ср. примечание на предыдущей странице.

Шпихерне, для него не было выбора. Считая невозможным добровольный отход назад введенных в дело сил, командир корпуса приказал всем войскам наступать. Следовательно, 1-я армия атаковала, вопреки намерениям Мольтке и против воли Штейнмеца, по той причине, что у одного бригадного командира возникло опасение, как бы в противном случае отступающий неприятель в этот вечер или на следующее утро не атаковал 2-ю армию[1].

Рейнская армия находилась в непосредственной близости трех фортов, прикрывавших Мец на правом берегу Мозеля: Сен-Жюльен, Белькруа и Кюеле. При их тогдашнем состоянии форты еще не могли сопротивляться правильной осаде, но 83 тяжелых орудия Сен-Жюльена и Кюеле (Белькруа имел ничтожное значение) было достаточно, чтобы затормозить наступление неприятельской армии. Для немцев это не было основанием для отказа от продвижения, так как их наступление не имело целью победу и преследование (для этого они были численно слишком слабы: 38 000 штыков против 120 000), а 1-я армия хотела лишь принудить неприятеля к развертыванию возможно бо́льших масс, чтобы отвлечь их от 2-й армии. Действительно, против 4 прусских дивизий развернулись 7 французских: генерал Декаэн с 3-м корпусом и Лямиро, который вернул перешедшую уже через Мозель часть 4-го корпуса. Базен дал обоим генералам директиву, что этот бой — бесцельная перестрелка, что они не должны подаваться вперед ни на одну пядь земли, а отходить за форты, но отходить медленно, энергично защищаясь. Такой боевой план был хорошо проведен Лямиро и Декаэном, причем последний был убит. Сражались с 4 час. пополудни до захода солнца, наступившего в 7 час. 32 мин., и французы во время упорной, ожесточенной борьбы потеряли 3 400 чел.[2] — около десятой части введенных в дело сил, а пруссаки — 4 600 чел., что равнялось одной пятой, причем этот избыток потерь не вознаграждался моральным потрясением противника, медленно отходившего за форты. Все же пруссаки удержали за собой поле сражения, и полковые оркестры играли гимны. Это только усилило дурное расположение духа Штейнмеца. Получив донесение, что 1-й корпус атакует, так как

[1] Кардинал-фон-Виддерн приводит следующую выдержку из отчета 13-й дивизии о Коломбей — Нуйльи, составленного после сражения при Гравелоте: «Ввиду того, что к такому отступлению с выгодной позиции противник мог быть вынужден только серьезными причинами, — вероятно, переходом 2-й армии через Мозель у Понт-а-Мусона, — и так как вследствие этого дальнейшее пребывание на правом берегу Мозеля было не в его интересах, то начальник авангарда решил перейти в наступление, сохранить соприкосновение с неприятелем, насколько возможно его задержать и, по возможности, принудить всю его армию развернуться».

К этому месту Кардинал-фон-Виддерн относится более критически, чем к вышеприведенному объяснению Бранденштейна со Штейнмецом. Он не совсем верит в связь между решением Гольца (от 14 августа) атаковать и позднейшими планами главной квартиры — отрезать и окружить. «Невозможно судить, действительно ли стратегический замысел... уже во время первого наступления... достиг той высоты, о которой говорится в отчете. Может быть, представления о стратегическом значении действий... назревали лишь постепенно».

Труд германского генерального штаба о войне 1870—1871 гг., который не склонен критиковать традиции армии, присоединяется к отчету 13-й дивизии относительно мотивов наступления Гольца.

[2] Я не придерживаюсь исчисления Кунца (стр. 40), который насчитывает 4 000 чел., а основываюсь на труде французского генерального штаба, раздел 3, вып. I, стр. 246. Тут имеется таблица потерь в сражении при Борни, составленная в сентябре 1870 г. В ней сказано: «Мы не прибегали к помощи списков, составленных на другой день после сражения, часто второпях».

неприятель отступает «в южном направлении» и 7-й корпус находится уже в бою, Штейнмец выехал из своей главной квартиры в Варизе и в 9 час. встретился с Мантейфелем. Одному офицеру, который в Варизе ему сказал, что впереди, кажется, разгорается сражение, Штейнмец с раздражением ответил: «Что такое сражение? Никакого сражения не произойдет, потому что я этого не приказывал!» Трудно составить себе заключение, действительно ли Мантейфель из своей стоянки в Куанси наблюдал отступление французов «в южном направлении». Во всяком случае, Мантейфель мог указать на то, что он не имел возможности запросить Вариз, которое удалено на 13 *км* по прямой от Куанси, разрешается ли ему помочь 7-му корпусу или нет. Последний, недолго думая, донес командующему армией (получившему это донесение в пути к полю сражения), что его передовые посты были атакованы и что он со всеми силами перешел в наступление против неприятеля, который уже отходит к Мецу. Когда из этого развилось сражение, Штейнмец с полным правом говорил, что его командная власть была сознательно обойдена обоими подчиненными там впереди. Если генералы при известных условиях берут на себя нечто подобное, то это принадлежит к самым тяжелым обязанностям их ответственного призвания, но Штейнмец был столь же самовластен с низшими, как упорен со старшими. Все-таки было бы несправедливо объяснять только оскорбленным самолюбием тот сильный гнев, с которым Штейнмец выступил против Мантейфеля у горящего пивоваренного завода в Нуасвиле. У него ведь создалось отнюдь не ложное впечатление об отбитой с чувствительными потерями прусской атаке. Корпусные командиры предприняли эту атаку, не запросив предварительно командование армии, даже вопреки его категорическому приказанию; еще рано утром он отдал приказ, в котором говорилось, что войска 1-й армии должны 14 августа оставаться на своих позициях, а Мантейфель был специально осведомлен о намерениях командующего армией держаться оборонительно. Образ действий Штейнмеца был совершенно в духе верховного командования. В директиве королевской главной квартиры 1-й и 2-й армиям, от 9 час. 13 августа, говорилось: «Его величество приказывает, чтобы 1-я армия завтра, 14 августа, оставалась на своей позиции на р. Французский Нид». Мольтке считался с опасностью нападения на 1-ю армию превосходных сил противника и желал использовать Нид в качестве оборонительной позиции.

Теперь Штейнмец видел свои войска, после самовольного перехода их через реку, в беспорядке, который обычно сопровождает тяжелые изменчивые боевые дни. Что, если завтра утром неприятель в превосходных силах будет продолжать сражение! Тогда придется при весьма неблагоприятных условиях доводить до конца нежелательные для короля наступательные действия. Во избежание этого Штейнмец счел нужным приказать отступление за прикрывающий Нид. Это решение командующего армией не представляло ничего нового для Мантейфеля и Цастрова, потому что еще по пути к полю сражения он послал к ним офицеров с приказанием о немедленном прекращении боя. Оба генерала должны были оставить неприятелю купленное ценою крови поле сражения со всеми ранеными пруссаками. Они даже не знали, что этот противник сам находится в отступлении; предполагали, что, может быть, он совершил небольшое движение за форты только для того, чтобы, показав зубы 1-й армии, на следующий

день броситься на правофланговые корпуса 2-й армии. Мантейфель высказал Штейнмецу свои серьезные сомнения, но успех был ничтожный; остался в силе приказ: «немедленно отойти на позицию, которую занимали утром», лишь с той уступкой, что отступление 1-го корпуса могло быть отсрочено на один час для сбора раненых. Последнее удалось сделать, причем были назначены воинские части на помощь санитарам-носильщикам. Затем произошло 4-часовое ночное отступление усталых восточнопрусских солдат, причем бо́льшая часть бывших в бою батальонов потеряла от 25 до 30%. Настроение войск было довольно плохое, несмотря на то, что полковые командиры все еще приказывали играть гимн. Вестфальцы избегли этого упадка духа благодаря подполковнику Бранденштейну. Он находился у пивоваренного завода в Нуасвиле, когда Штейнмец отдал Мантейфелю приказ об очищении поля сражения. Понятно, Бранденштейн не рискнул на прямое возражение Штейнмецу; он смог лишь отправиться в Панж на Ниде в штаб Цастрова и побудить его к удержанию поля сражения. Цастров имел моральное мужество последовать совету Бранденштейна. Последний, по рассказу Кардинал-фон-Виддерна, «тотчас же выехал для доклада Мольтке. Ему нужно было сделать еще 20 *км*, а между тем конь и всадник находились уже в пути с 3½ час. утра. При этом Бранденштейн в течение всего дня работал без отдыха и пережил различные волнения. Наверное, ему не легко далась долгая ночная поездка верхом».

Уже в 5 час. утра 15 августа Мольтке телеграфировал Штейнмецу: «Его величество приказывает, чтобы 1-я армия сегодня удерживала завоеванную во вчерашнем сражении местность». Впрочем, Штейнмец этого тоже желал, но предполагал обеспечить это посредством совершенно недостаточного мероприятия. По возвращении в свою главную квартиру в Вариз он отдал одной из своих кавалерийских дивизий, которые Мольтке хотел использовать для разведки по ту сторону Мозеля, приказ: «Выдвинуться к Коломбей — Нуйльи, чтобы господствовать над всем полем сражения». Кардинал-фон-Виддерн замечает по этому поводу: «В 4 часа утра 15 августа дивизия (16 эскадронов и 6 орудий) действительно пошла вперед, но только до Сен-Барба... Непостижимо, как она оттуда могла выполнить свою задачу — господствовать над полем сражения. Правда, с колокольни в Сен-Барбе, самого возвышенного пункта, можно господствовать над большей частью поля сражения, но только глазами». Для того чтобы действительно господствовать над полем борьбы вчерашнего дня, нужно было выставить там целую армию. Мольтке дал такую директиву, хотя он, подобно Штейнмецу, ожидал, что французы 15 августа будут продолжать сражение при Коломбей — Нуйльи. Но так как 1-й и 7-й корпуса оказались, повидимому, достаточно сильными, чтобы отбросить французов за форты (Мольтке не знал, что французы отступили добровольно), то начальник германского генерального штаба находил тяжелую в моральном отношении отдачу поля сражения ненужной. Бранденштейн мог укрепить своего начальника в этом убеждении указанием на многочисленные войска, которые вечером 14 августа Цастров и Мантейфель еще не ввели в дело. Ведь из 50 прусских батальонов сражались только 32 (между прочим, и на противоположной стороне в этой бесцельной перестрелке, употребляя выражение Базена, приняло участие, примерно, такое же число пехоты). Мольтке в Херлингене видел довольно ясно, что 1-й и 7-й корпуса, будучи

утром 15 августа предоставлены собственным силам, могут в течение нескольких часов не опасаться французских атак, даже находясь впереди Нида. После этого в продолжение дня они могли получить поддержку от 8-го корпуса, который Мольтке тотчас же приказал Штейнмецу подтянуть не к Альбен — Базанкуру, так как это движение по обстановке сражения уже запоздало, а в окрестности Коломбей — Нуйльи [1]. Сверх того 9-й корпус, из состава которого несколько батарей уже 14 августа приняли участие в сражении, получил приказание «немедленно всеми силами» наступать на Пельтр — Жюри. Тут этот корпус в случае, если бы французы 15 августа возобновили сражение, стоял бы против их правого фланга. Принцу Фридриху Карлу было сообщено, что пока он не может располагать ни этим корпусом, ни 3-м. Это ограничение распространялось также и на 12-й корпус, который стоял позади 3-го и 9-го корпусов. В конце концов, для нового большого сражения при Коломбей — Нуйльи Мольтке рассчитывал и на 2-й корпус, который 15 августа должен был подойти к Хану на р. Нид в 18 *км* по прямой от Коломбея, ибо кто мог знать, не будет ли достигнуто решение только 16 августа после трехдневной борьбы? Ведь французская императорская гвардия была еще на правом берегу реки; это стало известно пруссакам в ходе сражения [2], потому что, хотя в их руки попало нераненых пленных столь же мало, как и трофеев, но все-таки труд французского генерального штаба отмечает 679 чел. без вести пропавших. Кое-кто из них был найден пруссаками ранеными и ими опрошен. Следовательно, если было возможно, что еще вся армия Наполеона стоит на правом берегу Мозеля, то 118 000 прусских и саксонских штыков, конечно, не представляли избытка сил, достаточного для обеспечения победы над 120 000 чел. французской пехоты. Даже с померанскими частями пруссаки имели бы всего 138 000 чел. пехоты, следовательно, были в решительном пункте относительно слабее, чем на всем театре войны [3]. То обстоятельство, что Мольтке смело смотрел в глаза этому невыгодному обстоятельству, неразлучному с форсированием Мозеля близ Меца, доказывает его стратегический гений. Ожидая наступления главной германской армии через Нанси, Наполеон не подозревал, на что способен его противник. Последний, признавая, подобно Наполеону, принцип, что неприятелю нужно приписывать самое разумное решение, отнюдь не рассчитывал с уверенностью на присутствие всей Рейнской армии к востоку от Меца, а видел в этом только возможность. Вследствие этого в телеграмме, которую он рано утром 15 августа отправил в главную квартиру Фридриха Карла с сообщением, что 9-й и 3-й корпуса временно изымаются из-под его власти, в конце было сказано: «Преследование по дороге Мец — Верден важно».

[1] В день сражения, даже независимо от сопротивления Штейнмеца, нельзя было думать о выдвижении 8-го корпуса. От штаба Гебена в Бингене (Бионвиле) до поля сражения было 15 *км* по прямой, а сторожевые посты Гебена услышали первые пушечные выстрелы в 5 час. 30 мин. пополудни. Значит, 8-й корпус мог достигнуть места боя только ночью и там оказался бы излишним, так как резервов было еще достаточно. Если Мантейфель во время боя несколько раз спрашивал: «Где же Гебен?», то эти возгласы характеризуют силу французских ударов, но не отражают фактического положения дела.

[2] Wolfgang Förster, Prinz Friedrich Karl von Preussen. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben (Вольфганг Ферстер, Принц Фридрих Карл Прусский. Памятные события из его жизни), т. II, стр. 167.

[3] Для 15 августа можно принять общую силу германской пехоты в 320 000 чел. против 180 000 французской, включая войска Мак-Магона, Фальи и 7-го корпуса.

Уже в 5 час. утра король вместе с Мольтке и генеральным штабом отправился (ввиду дальности расстояния сначала в экипаже) на поле сражения, куда Штейнмец, согласно королевскому приказу, заставил вернуться восточнопрусских солдат. Ровно в одной миле впереди Нида лежат высоты Флавиньи, с которых открывается широкий вид до Меца. Выяснилось осуществление того, что Мольтке считал вероятным с самого начала: правый берег Мозеля был совершенно очищен Рейнской армией. В 10 час. 45 мин. утра был отдан следующий приказ Штейнмецу: «После того как его величество лично убедился в том, что сегодня неприятель более не стоит впереди Меца, наступление 1-й армии становится ненужным. 1-му и 7-му корпусам [1] непосредственно дано знать, чтобы они остановились... 8-й корпус, поскольку он уже находится на марше, должен направиться на Орни (в направлении к Мозелю)...» Четверть часа позже была послана телеграмма в Понт-а-Муссон: «Французы совершенно отброшены к Мецу и, вероятно, теперь уже в полном отступлении на Верден. Все 3 корпуса правого крыла — 3-й, 12-й и 9-й находятся отныне в полном распоряжении командования армии; 12-й корпус уже двигается на Номени».

Вечером 15-го и утром 16 августа было приказано 1-му корпусу остаться на правом берегу Мозеля, у Курселя на Ниде, пока он не будет сменен двигающимся позади ландвером (идущая из Германии железная дорога должна быть прикрыта со стороны Меца). Оба других корпуса 1-й армии должны были 16 августа приблизиться к переходу через Мозель у Арри, но пропустить сперва 9-й корпус 2-й армии. В приказе армиям от 6 час. 30 мин. 15 августа было сказано: «2-й армии возвращается свободное распоряжение всеми ее корпусами... Обстановка, при которой 1-й и 7-й корпуса, а также части 18-й дивизии [2] одержали вчера вечером победу, исключала всякое преследование. Плоды победы можно пожать только энергичным наступлением 2-й армии к дорогам из Меца... в Верден. Командованию 2-й армии предоставляется провести такое наступление всеми наличными средствами по собственному усмотрению... Головные части 3-й армии сегодня достигли линии Нанси — Домбаль — Байон, их кавалерия ведет разведку в направлении на Туль и южнее [3]. Главная квартира его величества короля с 5 час. пополудни 16 августа в Понт-а-Муссоне».

В этом документе впервые появляется замысел атаковать отступавшую Рейнскую армию с юга в левый фланг и предполагается, что эту операцию сделало возможной или облегчило удачное сражение при Коломбей — Нуйльи, замедлившее отступление французов. Чтобы проверить эту оценку сражения при Коломбей — Нуйльи, мы должны ясно представить себе ритм французского отступления. Движения армии Базена происходили под влиянием тех несогласий между офицерами генерального штаба и строевыми офицерами [4], которые существовали во Франции 1870 г. подобно Австрии 1866 г. Бенедек систематически унижал генеральный штаб и терпел во главе его только

---

[1] Цастров не успел с восходом солнца, когда отмена приказа из Херлингена еще не была получена, двинуть свои войска назад.

[2] Батареи 9-го корпуса (ср. выше, стр. 107).

[3] Напомним, что Фальи, со своими 20 000 чел. пехоты и вспомогательными войсками уже 10 и 11 августа не рассчитывал более пройти у Нанси и Туля, несмотря на убеждения правильно информированного Лебефа.

[4] Ср. стр. 19.

безусловно преданного ему Геникштейна[1]; Базен игнорировал Жарра в оскорбительной форме и все, что мог, делал сам при помощи своих адъютантов. К сожалению, строевые офицеры были такими же приверженцами традиций, как и офицеры генерального штаба, и, таким образом, совершались те тяжеловесные движения армии, которые мы наблюдали при отступлении от Саара к Мозелю и которые походили на «поход Ксеркса» в кампанию 1859 г.[2].

Когда понадобилось выполнить марш от Мозеля к Маасу, началось в точности то же самое. Из Меца в Верден вели два больших шоссе: одно шло через Вионвиль и Марс-ля-Тур, другое, северное, у Конфлана пересекало р. Орн. Железнодорожная линия Мец — Верден была в постройке, но еще не окончена. Оба названные шоссе начинались не от самого Меца, а у Гравелота, лежащего в 10 *км* западнее Меца. От Гравелота до Меца существовало только о д н о шоссе. Адъютанты Базена и офицеры генерального штаба направили по этому шоссе 8 пехотных дивизий с их обозами. У французов обозы были гораздо неповоротливее, чем у пруссаков; последние имели хорошо организованные обозные войска, тогда как первые тащили с собой массу неуправляемых обывательских подвод, взятых по реквизиции[3]. 7 пехотных дивизий было направлено не по Гравелотскому шоссе, а по двум худшим дорогам, которые вели через Верневиль и Аманвиллер на Конфлан. Эти войска, корпуса Лямиро и Лебефа[4], должны были выйти на северное Верденское шоссе. Таким образом, было предусмотрено использование трех дорог. Постоянно повторяемое утверждение, будто Базен двинул всю армию по о д н о й дороге, неверно. Правда, оно снова выплывает также и в труде французского генерального штаба в странном противоречии с другими руководящими местами этого труда, по которым Лебеф и Лямиро стремились через Пляпвиль и Шатель-Сен-Жермен на Верневиль и через Лорри на Аманвиллер. Распределение сил, при котором 7 пехотных дивизий должны были воспользоваться Гравелотским шоссе[5] и продолжением его через Вионвиль и Марс-ля-Тур, а 4 и 3 дивизии — обеими вспомогательными дорогами, представляется разумным. Ошибка в технике марша, сделанная, или, вернее, допущенная Базеном, заключалась в том, что одно большое шоссе, а именно — через Брие, осталось неиспользованным. Положим, оно не могло дать сквозного пути из Меца в Верден, так как выходило у Этена на шоссе Мец — Конфлан — Верден, но все-таки, чем более широким фронтом отступала армия, тем скорее она удалялась от опасного Мозеля. Впрочем, ошибочная французская диспозиция для марша не могла причинить значительного

[1] Т. I, стр. 420 (русск. пер.—т. V, стр. 291).

[2] Там же, стр. 314 (русск. пер. — т. V, стр. 222).

[3] Впрочем, вследствие этого прусский корпус имел на довольствии 38 000 чел. при 28 000 бойцов, так что нестроевой элемент составлял около 29% довольствовавшихся; у французов же — только 16½%.

В I томе настоящего труда, в ч. I «Первая позиционная война мировой истории» (в русск. пер. — т. V, ч. I. — *Ред.*) подробно разобрано, что англичане до Крымской войны включительно вообще не имели никакого обоза и что это обстоятельство имело роковое влияние на операции союзников под Севастополем. Обозная часть, этот жизненный элемент всякого ведения войны в любое время и у всех народов, развивалась очень медленно. В прусской армии в 1870 г. она была налажена хорошо.

[4] Последний заместил убитого Декаэна.

[5] Автор только что сказал, что по этому шоссе было направлено 8 дивизий. — *Ред.*

вреда, так как Лямиро, заметив, что вместе с Лебефом они плохо подвигаются вперед по обеим плохим боковым дорогам, свернул по собственной инициативе на строго воспрещенное шоссе, ведшее в Брие. Итак, отступление Рейнской армии, в конце концов, протекало в сносном порядке: 7 пехотных дивизий по южному шоссе, обращенному к линиям подхода противника; затем 4 дивизии, разделенные по обеим средним дорогам; наконец, три дивизии по северному шоссе на Брие. Если Базен противился маршу на Брие, то это едва ли отвечало принципам современной техники марша, выработанной прусским генеральным штабом при Мольтке [1]. Опыт сражения при Вионвиле, в которое Лямиро вступил своевременно, показал, что Базен был неправ; однако, понятно, что последний боялся раздробить свои силы, позволив одной части их слишком далеко свернуть на север. Ведь между Брие и Марс-ля-Туром, — правда, самыми удаленными пунктами южного и северного шоссе,— расстояние составляло 15 *км* по прямой, т. е. один небольшой переход. Далее мы увидим, что Базен имел еще особую причину сосредоточивать свои войска.

Глубина походной колонны 70 000 чел. пехоты (число довольствовавшихся), двигавшейся к Гравелоту, составляла по меньшей мере 80 *км* [2]. К этому нужно прибавить 2 кавалерийские дивизии, принадлежавшие этой пехоте (гвардии, корпусу Фроссара и корпусу Канробера) [3]. Вместе с конной артиллерией им требовалась глубина в 10 *км*. Это — очень умеренная на походе растяжка колонны. Дорога пролегала по гористой местности, французская маршевая дисциплина отнюдь не была прусской, применительно к которой сделано данное вычисление. Но и при прусской дисциплине марша неизбежны задержки, которые могут удваивать и утраивать длину колонн. Походные колонны на обеих средних дорогах, через Верневиль и Аманвиллер, где шли к Маасу четыре пехотные дивизии корпуса Лебефа с дивизией корпусной кавалерии, были, конечно, значительно короче, но все-таки имели по меньшей мере длину в 25 *км*, а на шоссе через Брие двигались колонны войск глубиной свыше 40 *км*. Если представить себе эту глубину колонн: 10, 3, 5 германских миль (все это теоретически вычисленные минимальные протяжения, которые на практике должны были еще значительно увеличиться), тогда не нужно обладать особенно живой фантазией, чтобы нарисовать себе картину затора к западу от Меца, пока Рейнская армия не вытянулась по дорогам. Вернемся теперь к вопросу: замедлило ли сражение при Коломбей — Нуйльи отступление Рейнской армии? Я полагаю, что на этот вопрос нужно безусловно дать отрицательный ответ. При Коломбей — Нуйльи сражались с 4 час. пополудни до 9 час. вечера 3-й корпус (Декаэн) и 4-й корпус (Лямиро). Действия не затронули 2-го корпуса (Фроссар) и 6-го корпуса (Канробер), но гвардия приостановила свой отход. Гвардия и сражавшиеся войска перешли ночью через Мозель. Местность перед тремя назначенными для дальнейшего движения дорогами была до такой степени переполнена войсками, что нельзя было ни двинуться, ни шевельнуться. Первый этап по ту сторону Меца —

[1] Ср. т. I, стр. 445 (русск. пер. — т. V, стр. 308—309).

[2] Ср. Кунц, стр. 89 и сл.

[3] В состав каждого корпуса входила одна кавалерийская дивизия, но дивизия корпуса Канробера осталась в Шалонском лагере. Выдвинутые уже 14 августа к Гравелоту кавалерийские дивизии (см. стр. 99) составляли кавалерийский корпус армейского резерва и здесь не приняты во внимание.

окрестности Вионвиля — был удален, примерно, на 15 *км* по прямой; колонны 2-го и 6-го корпусов имели, вместе с кавалерией, длину по меньшей мере в 80 *км*; значит, в течение 14 августа эти войска не могли отхлынуть. Перед сражением при Коломбей — Нуйльи Лямиро назначил своему 4-му корпусу биваки, которые простирались на левом берегу реки до ворот Меца. Именно тут стал 4-й корпус после сражения, простоял все 15-е число и выступил только утром 16 августа. Он двинулся самовольно на Брие, так как дороги через Пляпвиль и Лорри были непоправимо запружены не только 3-м корпусом, но и частями 6-го и 2-го корпусов, которые свернули с закупоренного большого шоссе, чтобы кружным путем достигнуть Гравелота. Около 9 час. утра 15 августа 3-й корпус Лебефа стоял уступами между Диденгофенскими воротами Меца и Пляпвилем. От Меца до Пляпвиля 3 *км* по прямой; 5 дивизий пехоты и кавалерия Лебефа имели глубину на походе значительно более 50 *км*. Следовательно, если Лебефу развертывание представляло большие затруднения, то Лямиро тем менее мог тут пройти, так как вдобавок и дороги были плохи, а между Лесси и Шатель-Сен-Жермен, на протяжении 1 *км*, даже настолько сомнительны, что только практика удостоверила их проходимость[1]. При таких условиях Лямиро, простояв все 15-е число на месте, утром 16 августа вышел из колонны; для 3-го корпуса отступление развилось так, что половина пехоты вечером 15 августа достигла местности у Верневиля; точно так же и артиллерийский резерв, который вышел из колонны на юг (как Лямиро на север) и через большое шоссе Мец — Гравелот приблизился к непосредственной цели своего марша — Конфлану[2]. Наоборот, другая половина пехоты, вместе с кавалерийской дивизией, должна была весь день 15 августа топтаться между Мецом и Пляпвилем. В истории одной дивизии 3-го корпуса сказано: «Обоз не переставал проезжать мимо, и в известный момент дорога была совершенно закупорена, так что движение обозных колонн попросту прекратилось... 3-я пехотная дивизия в своем лагере была осуждена на неподвижность, так как дорога через Шатель-Сен-Жермен, по которой ей приходилось итти[3], пролегает в глубокой выемке и едва допускает прохода одной повозки. В общем, после того как 3-й и 4-й корпуса вечером 14 августа разыграли сражение восточнее Меца, главные силы их 15 августа стали к западу от города. Усталость не могла затормозить их движения, потому что 12-го, 13-го и до полудня 14 августа они отдыхали. Впрочем, 15 августа половина пехоты 3-го корпуса была еще достаточно свежа, чтобы двинуться в Верневиль. То же можно сказать и о гвардии. В 3 часа утра 15 августа она находилась на левом берегу Мозеля. Затем для дивизии вольтижеров потребовалось 8 часов, а для гренадерской дивизии целых 13 часов, пока стало, наконец, возможным начать отступление от Мозеля. Препятствия марша, на которые теперь натолкнулся гвардейский корпус, сделались непреодолимыми, когда у Лонжо пехотная дивизия 6-го корпуса, захватившая дорогу Лебефа, свернула обратно на шоссе

[1] Труд французского генерального штаба, раздел 3, вып. 1, стр. 64.

[2] Относительно артиллерии в тексте говорится: «Ebenso die Artillerieresерve, die südwärts ausbrach, wie Ladmirault nordwärts, und sich über die grosse Chaussee Metz — Gravelotte ihrem unmittelbaren Marschziel Conflans näherte...». При рассмотрении карты это непонятно, и вообще марш Рейнской армии описан автором многословно и путано. — *Ред.*

[3] Между прочим, этот достоверный источник показывает, что Базен отнюдь не направил всю Рейнскую армию по одной большой дороге.

Мец — Гравелот. К счастью, в этой местности имелась еще одна дорога — запущенное древнее римское шоссе, на которое могла перейти дивизия вольтижеров. Пока весь гвардейский корпус, арьергард которого составляли гренадеры, достиг Гравелота, прошла большая часть ночи с 15 августа на богатое событиями кровавое 16 августа.

Сражение при Коломбей — Нуйльи ни на одну минуту не замедлило движения Рейнской армии. Тем самым для историка возникает вопрос: как следует оценить наступательные решения Гольца, Цастрова и Мантейфеля, а также влияние, оказанное на последнего офицером генерального штаба Бранденштейном. На другой день после сражения король категорически выразил командирам 1-го и 7-го корпусов свое одобрение за их наступательные решения и сказал Гольцу, что тому опять повезло: вот уже второй раз он выступает самостоятельно и решающим образом. Едва ли может подлежать сомнению, что высказанное королем в основном совпадало с мнением Мольтке. Последний в своей «Истории германо-французской войны»[1] говорит: «Разумеется, верховное командование могло быть довольно достигнутым результатом, так как отступление неприятеля было прервано и выигран день для перехода через Мозель 2-й и 1-й армий» (надо было, конечно, сказать: 1-й армии). В глазах как короля, так и Мольтке сражение при Коломбей — Нуйльи было победой. Однако, историк отнесся бы к своему призванию недостаточно серьезно, если бы он просто подчинил собственное суждение авторитету Мольтке. Критика нападала на меня за то, что в моем описании войны 1866 г. я успехи армии относил, главным образом, за счет гения Мольтке. Этот упрек я признаю несправедливым, так как далек от того, чтобы каждое мнение Мольтке делать своим. Но я могу вполне понять, почему он морально прикрыл зачинщиков сражения при Коломбей — Нуйльи не только непосредственно после боевых действий, когда причины и результаты еще нельзя было видеть ясно, но также и позже. Военные на фронте знали болезненный склад ума Штейнмеца; они знали, что инструкции, полученные им от Мольтке, хотя и были в первую очередь оборонительного характера, но имели также и наступательный характер, которого командующий 1-й армией не мог понять, тем более, что он ошибся в выборе своей личной стоянки. Вопрос о том, когда именно инициатива частных начальников имеет право нарушить приказы полководца, находящегося вдали и не наблюдающего собственными глазами, теоретически неразрешим. При Коломбей — Нуйльи он был практически разрешен верно, поскольку ни Гольц, ни Бранденштейн, ни Мантейфель, ни Цастров не могли судить, куда направится замеченное у противника большое движение — на запад или на юг. Если бы вторая возможность оправдалась, командование 1-й армии должно было бы проникнуться тем же духом, как телеграмма Мольтке Фридриху Карлу от 6 августа, когда начальник германского генерального штаба угадал движение Наполеона на восток против кронпринца Прусского: «Завтра 1-я армия переходит реку ниже Саарбрюкена, чтобы последовать за неприятелем. Желательно, чтобы, кроме кавалерии, также и пехота 2-й армии вошла в тесное соприкосновение с неприятелем». Находясь вблизи р. Саар, Штейнмец раньше, чем Мольтке, который находился позади в Майнце, предчувствовал движение Лотарингской армии на восток. Вследствие

[1] Вышел русский перевод, Воениздат, 1938 г. — *Ред.*

этого, вопреки точным и очень разумным инструкциям, он еще до 6 августа хотел войти в соприкосновение с неприятелем, и результатом этого наступательного стремления армии Штейнмеца, не обуздываемого разумом, явилась легкомысленная атака ген. Камеке под Шпихерном. В «Истории германо-французской войны» Мольтке оправдывает также и Шпихерн, но дает понять между строк, что он не хочет повредить престижу прусской армии. Коломбей — Нуйльи Мольтке оправдывает безусловно и поступает правильно, хотя это была действительно бесцельная перестрелка и бойня. Соображения, на основании которых военные на прусском фронте вызвали это сражение, были разумны, хотя объективно необоснованы, и если на этот раз Штейнмец желал объективно разумного, то это произошло случайно, и он от этого не стал умнее, чем раньше.

Объективно же (честная критика не может об этом умолчать) сражение при Коломбей — Нуйльи было не только бесполезно, но и положительно вредно для дела немцев. Без этого сражения и без очищения левого берега Нида 1-м корпусом,— чему, впрочем, фронтовые генералы препятствовали, но не могли помешать,— было бы уже рано утром 15 августа установлено, что правый берег Мозеля очищен неприятелем. Тогда не пришлось бы вызывать 9-й корпус на поле сражения предыдущего дня. Эта мера не только потребовала от корпуса после четырех усиленных переходов еще пятого бесцельного, но и отдалила его от направления марша к Мозелю. Пришлось 16 августа опять исправлять это неудобное передвижение сил, пока 9-й корпус смог перейти через Мозель. Сражение при Коломбей — Нуйльи замедлило на один день не отступление французов, а наступление 9-го корпуса, который вследствие этого мог принять участие в сражении при Вионвиле лишь своими головными частями.

Глава V

Сражение при Вионвиле (16 августа 1870 г.)

После того как Мольтке убедился в очищении правого берега Мозеля Рейнской армией, ближе всего к пути ее отступления стояли 10-й и 3-й корпуса немцев. Одна дивизия 10-го корпуса была в Понт-а-Муссоне, на обоих берегах Мозеля: другая дивизия, бóльшая часть которой находилась в Тиокуре, а меньшая — в Новеане, должна была служить поддержкой для кавалерийской дивизии, разведывавшей в направлении к обоим путям отступления Рейнской армии. В 7 час. утра 15 августа тусарский лейтенант фон-Салис был обстрелян неприятельской пехотой из Резонвиля; по его предположению, на дороге Мец — Марс-ля-Тур находились пехотные части. В действительности в Резонвиле могли быть тогда лишь квартирьеры и т. п., потому что корпус Фроссара, составлявший голову двигавшейся по этому шоссе колонны, приблизился в Резонвилю только в 10 час.[1]. Также и на другом большом шоссе Мец — Конфлан в 7 час утра не могло быть сколько-нибудь значительных сил. По этому пути должны были дви-

[1] Труд французского генерального штаба, раздел 3, вып. II, стр. 24.

гаться корпуса Лебефа и Лямиро. Но Лебеф покинул свой бивак на левом берегу Мозеля у ворот Меца только около полудня, а Лямиро 15 августа вообще еще не трогался [1]. Таким образом, весьма спорное донесение Салиса [2], которое было доставлено в Понт-а-Муссон старшим лейтенантом фон-Подбельским, будущим статс-секретарем почтового ведомства, имело действительно ничтожную цену. Однако, тогдашний начальник штаба 10-го корпуса подполковник фон-Каприви, будучи уже рейхсканцлером, рассказывал: «Подбельский был одним из лучших моих офицеров... он сам был на дороге Мец — Марс-ля-Тур и натолкнулся у Вионвиля на гораздо более сильную неприятельскую кавалерию, которая его, в конце концов, преследовала. Подбельский доложил мне, что внимательно осмотрел вышеупомянутую дорогу; по ней не могли пройти войска, потому что на ней не было ни малейших следов движения. Он убежден, что французы еще в Меце и что встреченная кавалерия составляет не арьергард, а авангард, так как массы войск шли позади фланкеров [3] в направлении от Меца, а не со стороны Мааса. Подбельский высказал это с таким убеждением, что я был еще более усилен в моем мнении, что французы должны находиться у Меца». Кроме донесения Салиса — Подбельского, было получено еще донесение начальника кавалерийской дивизии фон-Рейнбабена от 3 час. пополудни: «6 полков кавалерии с 3 батареями только что стояли на фронте и оттеснены по направлению к Мецу». Рейнбабен и Подбельский наткнулись на большие кавалерийские массы, которые Базен после полудня 14 августа одновременно со сражением при Коломбей — Нуйльи выдвинул на Гравелот [4] и которые 15-го были еще усилены кавалерийской дивизией корпуса Фроссара. То, что эти конные массы, атакованные во фланг, отошли не на Верден, а на Мец, было действительно достойно внимания. То же относится и к донесению, посланному в 10 час. вечера отрядом у Новеана (при нем находился в качестве наблюдателя от штаба 10-го корпуса капитан барон фон-Гюне, будущий вождь центра и отец закона Гюне): «Только что прибывший по шоссе из Меца школьный учитель показывает, что французская армия вчера (14 августа) в 6 час. вечера, в количестве 50 000 чел., выступила из Меца и именно по императорской дороге через Гравелот, Резонвиль, Вионвиль, Марс-ля-Тур». Это — так называемое донесение Линкера, получившее свое имя от начальника отряда, стоявшего в Новеане. Оно соответствовало действительности, с той, однако, поправкой, что по указанной дороге двигалось не 50 000, а 90 000 чел. Но и походная колонна в 50 000 чел., занимавшая в глубину не менее 60 *км*, могла вытянуться по шоссе только очень медленно. Последний пункт, упомянутый школьным учителем, был Марс-ля-Тур, отстоящий от Коломбея по прямой на 25 *км*, т. е. на добрый переход. Если даже французы шли ночь и день, то вечером 15 августа они вряд ли могли дойти до Марс-ля-Тура. То, что французские войска действи-

[1] Труд французского генерального штаба, раздел 3, вып. II, стр. 46 и 52.

[2] Я отмечаю из литературы: 1) Fritz Hönig, «Dokumentarisch-Kritische Darstellung der Strategie für die Schlacht von Vionville — Mars la Tour», 1899 г., 2) Того же автора: «Die Wahrheit über die Schlacht von Vionville — Mars la Tour», 1899, 3) Cardinal von Widdern, Kritische Tage. Erster Teil, Band II. «Die Krisis von Vionville», 1897, 4) Von Lessing, «Die Tätigkeit des Generalkommandos X. Armeekorps am 15. und 16. August 1870», 1902.

[3] Дозорных. — *Ред.*

[4] См. выше, стр. 100.

тельно двигались по этому шоссе, было установлено отрядом Линкера утром 15 числа из лежащего вблизи селения Во на Мозеле. Старший лейтенант фон-Виллих донес в 6 час. утра 15 августа из Корни на Мозеле: «Сегодня ночью с 11 час. сильный грохот повозок. Сегодня около 2 час. утра офицерский разъезд, дошедший почти до Гравелота, наткнулся там на неприятельские передовые посты, и офицер слышал шум двигающихся по направлению на Верден войск». Со всем этим вполне совпадал установленный факт, переданный в 5 час. утра ротмистром фон-Хейстером, офицером из штаба ген.-лейтенанта Рейнбабена, в штаб 10-го корпуса[1]: «Рекогносцировка выяснила, что ведеты[2] противника стоят у Вионвиля и, примерно, около Резонвиля находится большой палаточный лагерь всех родов войск». Этот результат разведки соответствовал фактам. У Резонвиля, в котором маршал Канробер расположил свою главную квартиру рядом с Фроссаром, стояли, кроме 2-го корпуса, также и главные силы 6-го корпуса.

Таково было развитие разведывательной деятельности в 10-м корпусе и его передовых частях в течение 15 августа; утром в этот день 3-й (бранденбургский) корпус стоял к востоку от Мозеля у Лувиньи; Мольтке воспретил ему переход через реку при общем наступлении 2-й армии. Командир 3-го корпуса Константин фон-Альвенслебен держался того мнения, что немцы, хотя и умеют побеждать, но не обладают искусством использовать свои победы; в противном случае они начали бы непосредственно после Шпихерна и Верта преследование в широких размерах. Получив известие о новой победе при Коломбей — Нуйльи, он не пожелал повторять эту ошибку. В те же самые утренние часы, когда Мольтке, считая возможным возобновление сражения у Коломбей — Нуйльи, еще раз воспретил принцу Фридриху Карлу переводить 3-й корпус через Мозель, Альвенслебен двинулся к реке. По его выражению, он считал невозможным «в этот решающий момент подарить неприятелю день, который впоследствии нельзя было бы наверстать». Готовность взять на себя ответственность, которая породила инициативу Альвенслебена, является высокой военной добродетелью. Прусской армии делает честь, что она имела таких, готовых брать на себя ответственность, генералов, как Гольц при Шпихерне, как тот же Гольц, Мантейфель и Цастров при Коломбей — Нуйльи, как Альвенслебен в критический момент у Вионвиля. Но подобно тому как Альвенслебен заблуждался, упрекая в бездеятельности Штейнмеца после Шпихерна и Блюменталя после Верта, он и тут снова сделал чересчур поспешное стратегическое заключение, учитывая уже рано утром после сражения при Коломбей — Нуйльи отступление французов с правого берега Мозеля. Находясь в центре событий, Мольтке охватывал их лучше, чем Альвенслебен, который действовал на периферии и в обязанность которого не входило обсуждение всех опасностей, угрожавших армии в целом, и принятие мер против них. Объективно наступление Альвенслебена было, конечно, правильным, и, после приостановки его Фридрихом Карлом, оно было опять возобновлено, как только верховное командование освободило правофланговые корпуса 2-й армии. Войска перешли вечером 15 августа по уцелевшему канатному мосту у Си-

[1] Дивизия Рейнбабена подчинялась 10-му корпусу.
[2] Парные кавалерийские посты.— *Ред.*

леньи[1], и в ночь на 16 августа 3-й корпус, совершивший в этот день очень трудный переход, переправился через Мозель в трех местах: по висячему мосту у Корни, по мосту из подручного материала близ Шампей и конными частями по солидному, на семи арках, мосту у Понт-а-Муссона[2]. Таким образом, колебания Базена в продолжение 13 августа относительно того, следует ли ему броситься на Штейнмеца или оставить линию Мозеля, построили немцам золотые мосты, но не для отступления, а для наступления. Как мосты у Понт-а-Муссона, Корни и Силеньи пошли на пользу правому крылу Фридриха Карла, так же точно мосты у Дьелуара и Марбаша пригодились его левому крылу. В течение 15 августа гвардия перешла Мозель у Дьелуара и направила часть своей кавалерии на Тиокур к расположенным там 10 батальонам 10-го корпуса. В тот же день 15 августа 4-й корпус занял еще выше по Мозелю Марбаш. Но этот корпус и гвардия наступали в значительном расстоянии от дорог, связывавших Мец с Верденом[3], и принц Фридрих Карл сомневался в том, чтобы даже 3-му и 10-му корпусам удалось настигнуть арьергард Рейнской армии раньше, чем последняя скроется за Маасом. Еще меньше принца надеялся на это его начальник штаба фон-Штиле, и не только командир 10-го корпуса фон-Фойхтс-Рец разделял этот скептицизм командования армией, но им был охвачен и Альвенслебен, хотя последний со своим корпусом страстно стремился на север, чтобы перехватить хоть что-нибудь из откатывающихся неприятельских масс.

Господство подобных взглядов во 2-й армии является психологически понятным последствием того запрета, который Мольтке наложил на ее правое крыло. Фридрих Карл не был стратегом[4]. Когда Мольтке в 11 час. утра 15 августа вернул ему право распоряжаться правофланговыми корпусами 2-й армии, принц, под влиянием недовольства верховным командованием, составил себе мнение, что французы слишком умны, чтобы дать себя дважды разбить на Мозеле[5]. Тем самым он впал в противоречие с директивой в телеграмме Мольтке, посланной в 11 час.: «Французы... в е р о я т н о (подчеркнуто мною.— Э. Д.) теперь уже в полном отступлении на Верден». Хотя, по сведениям Фридриха Карла, «4 французских дивизии, в том числе гвардия, в бою в открытом поле не могли более нам противостоять» (запись в дневнике 15 августа), он из этой страницы сражения при Коломбей — Нуйльи отнюдь не сделал верных стратегических выводов. Гвардия и по своей исторической роли и по своей организации была сердцем армии Наполеона III. Там, где находилась гвардия, была армия или, во всяком случае, значительная часть последней. Едва ли можно было допустить, что Наполеон или Базен назначат гвардию для использования в одних арьергардных боях.

---

[1] Через реку Сейль.— *Ред.*

[2] Французские обозы перешли Мозель по каменным мостам, а войска по временным. Если понадобилось более четырех дней на то, чтобы навести последние, то это объясняется, кроме высокого уровня воды, еще тем, что по временным мостам должны были также двигаться и конные войска.

[3] Напомним, что прусский корпус с обозами имел на походе глубину по меньшей мере в 6½ немецких миль. Вследствие этого избегают, по возможности, пускать несколько корпусов по одной дороге.

[4] Ср. т. I, стр. 458, 496, 519, 523, 530, 541, 560 (русск. пер.—т. V, стр. 318—329, 345, 361, 363, 368, 377, 390).

[5] F ö r s t e r, т. II, стр. 171.

Выше было рассчитано, что глубина походной колонны французских войск, следовавших по шоссе через Гравелот, с которой другие колонны должны были, естественно, сообразоваться, составляла по меньшей мере 10 миль. Если мы примем, что во время сражения при Коломбей — Нуйльи только половина армии Наполеона была еще в Меце, то 15 августа (мы уже затронули этот вопрос в связи с донесением Линкера) едва ли можно было продвинуться дальше Марс-ля-Тура, лежащего не далее 4 миль по прямой от Коломбея. Результаты разведок передовых войск могли бы до некоторой степени освободить Фридриха Карла от его предвзятых мнений. Правда, 15 августа он получил только донесения Виллиха и Салиса, а донесения Рейнбабена и Линкера пришли в Тиокур лишь в 1 час ночи 16 августа, куда после полудня передвинулся из Понт-а-Муссона штаб 10-го корпуса и откуда эти последние донесения были пересланы дальше в штаб 2-й армии. Донесение Хейстера было доставлено в штаб корпуса в Тиокур в 5 час. 30 мин. вечера, и ген.-майор фон-Лессинг, бывший 15 августа 1870 г. адъютантом корпусного штаба, доказывает в своем труде, что бесспорно оно было тотчас же препровождено в Понт-а-Муссон. Лессинг говорит: «Незадолго до этого было получено (в штабе армии) еще несколько донесений, преимущественно... от 10-го корпуса, как вдруг, именно в то время, когда принц Фридрих Карл покинул Понт-а-Муссон и отправился к 3-му корпусу (между Лувиньи и Шампей), они прекратились! Тут имеются пробелы, как я уже доказывал выше: возможно, что ординарцы с донесениями поехали вслед, и донесения не дошли по назначению; например, известно, что принца после полудня и вечером 15 августа искали в районе 3-го корпуса, но не нашли... Вопрос о получении в штабе армии донесения Хейстера приобретает дальнейшее освещение благодаря тому, что 22 августа 1870 г. штаб корпуса сообщил штабу армии вместе с отчетом о бое 16 августа и свою диспозицию на этот день, а 26 сентября представил особую записку о донесениях 5-й кавалерийской дивизии от 15 августа. В обоих документах упоминается лагерь у Резонвиля и со стороны штаба армии не сделано штабу корпуса никаких запросов относительно пропущенного донесения о лагере».

Вместо того, чтобы дать веру этим известиям, Фридрих Карл объявил «весьма важным» одно неверное донесение своей кавалерии, пришедшее в 2 часа пополудни из Сен-Монтиньи, лежащего перед Мецом, на правом берегу Мозеля (разведывательный район полковника графа Гребена). Согласно этому донесению, французы пользовались для своего отступления частично железной дорогой, шедшей через Диденгофен и Седан, т. е. близ прусской границы в направлении мимо Трира и потом близ люксембургской и бельгийской границ. Базен столь же мало думал о таких опасных железнодорожных перевозках, как и Наполеон III, которому не пришло в голову использовать для передвижения Лотарингской армии вправо к Максау железнодорожный путь, ведущий из Меца через Сааргемюнд, по краю Саарской области и баварского Пфальца к Мак-Магону. Следует также припомнить, что 13 августа несколько прусских эскадронов, разрушив всего одну станцию на Восточной дороге, остановили подвоз корпуса Канробера. Такое же малое значение имела для Базена и большая дорога через Диденгофен. Как могло ему притти в голову сделать такой крюк со своими отступающими 180 000 чел., которые должны были иметь обозы впереди или посредине походной ко-

лонны и, следовательно, были более стеснены в своих движениях, чем преследующий их противник? И все-таки в штабе 2-й армии маршалу как будто приписывали это намерение. В 6 час. вечера 15 августа Штиле писал верховному командованию: «Кажется, противник удерживает дорогу Мец — Этен — Верден как южную границу своего района отступления». Боковая дорога через Брие выходила на северное из двух шоссе у Этена. Если это служило южной границей района отступления, то он, по представлению Штиле, должен был включить в себя и дороги через Тионвиль. Мольтке был другого мнения; как мы знаем, он полагал, что Рейнская армия отступает лишь по двум большим шоссе.

Принца Фридриха Карла порицали за то, что во время кризиса 15 августа он после полудня покинул свою главную квартиру и из центра отправился на периферию. Этот упрек можно отбросить, так как принц оставил в Понт-а-Муссоне в качестве своего заместителя ген. Штиле. Все-таки последний не сумел сопоставить полученные донесения с расчетом марша, согласно которому голова французской походной колонны едва ли могла пройти Вионвиль. Для характеристики нестратегического образа мышления принца интересно то, что он записал в дневник относительно поездки к своим бранденбуржцам: «С Штиле и Герцбергом (оберквартирмейстер)... разрабатывали таблицу маршрутов (16 августа) для участка Мозель — Маас (следовательно, взгляд только на Верден, а не на Мец). Впереди 10-й корпус, позади головы 4 корпусов — 3-го, 12-го, гвардейского и 4-го, из которых 3-й, собственно говоря, иллюзорно (illusorisch); 3-й корпус подойдет к Маасу на два дня позже других корпусов, но потом должен пойти вперед... С этими предложениями, которые я после дебатов утвердил, я не вполне согласен, так как 3-му корпусу придется на самой удаленной дороге Мец — Верден совершить захождение влево. Штиле обещает на Маасе снова выдвинуть 3-й корпус вперед».

Фридрих Карл был начальник крупного масштаба (Befehlshaber von Format), в чем мы еще будем иметь случай убедиться; в тактике пехоты он стремился доставить полное господство прогрессивным идеям, которые сильно оспаривались в прусском офицерском корпусе, пока благодаря им (в значительной степени) не была выиграна война 1866 г.[1]. Он также не принадлежал к числу тех августейших полководцев, о которых поэт в насмешку сказал: «Предоставь заботы генеральному штабу — и фельдмаршал спасен» (Lass du den Generalstab sorgen, und der Feldmarschall ist geborgen).

Гебен, который в 1864 г. наблюдал его вблизи, как полководца, правильно говорит, что он имел внешне-ослепительные, а также и некоторые действительно хорошие качества. Напрасно только люди, желающие в наше время сохранить высокую память об этом Гогенцоллерне, пытаются приписывать ему большие стратегические таланты, невзирая на то, что ему, волевому человеку, добрая фея не положила в колыбель обязательно необходимой для стратега меры одухотворенности[2]. У принца не было недостатка в разуме, но кругозор его был

[1] Т. I, стр. 434 (русск. пер.— т. V, стр. 301).

[2] Эта аттестация Фридриха Карла, как человека сильной воли, совершенно противоречит следующим словам того же Гебена: «Принц .. колеблющаяся, нерешительная натура; его трудно заставить принять твердое решение, причем он готов слушать и того, и другого, и третьего».— *Ред.*

ограничен. Во время тяжелого стратегического кризиса главной заботой его было выдвинуть вперед свой 3-й корпус, которым он так гордился. Между тем 10-й корпус, который должен был следовать к Маасу по тому же пути (императорская дорога через Вионвиль), находился впереди 3-го корпуса. Кажется, Фридрих Карл потребовал от своего начальника штаба и оберквартирмейстера, чтобы 10-й и 3-й корпуса сделали «chassez — croisez», т. е. поменялись местами. От этого бесполезного и вызывающего потерю времени маневра он был удержан лишь элегантным оборотом Штиле, предложившего обозначить 3-й корпус головным, «собственно говоря, иллюзорно», оставляя его пока позади 10-го (!), а также обещанием начальника штаба «на Маасе снова выдвинуть 3-й корпус вперед». Когда мы дойдем до сражения при Гравелоте, то обнаружится, что принц действительно осуществил такую легкомысленную перестановку войсковых масс.

Вернувшись поздно вечером 15 августа, после смотра бранденбуржцев, в Понт-а-Муссон, Фридрих Карл получил в 10 час. 20 мин. вечера инструкцию Мольтке от 6 час. 30 мин. вечера того же дня, в которой говорилось, что плоды победы 14 августа нельзя пожать непосредственным преследованием. Для разрешения этой задачи 2-й армии нужно всеми наличными силами, в остальном — по собственному усмотрению, произвести сильное наступление в северном направлении к обеим дорогам, связывающим Мец с Верденом. Итак, только в о д н о м пункте Мольтке не давал принцу свободы действий: он должен был вести все наличные силы на север, против обоих путей отступления Рейнской армии. Фридрих Карл, который лишь на следующее утро ознакомился с запиской Мольтке, не последовал его указанию. Для 16 числа осталась в силе известная нам плановая таблица марша со странной двойной головой. Только эти два корпуса, 3-й и 10-й, были двинуты в северном направлении к дорогам из Меца в Верден. Подошедшие же пока к Мозелю войска — 12-й корпус, гвардия и 4-й корпус — должны были неукоснительно продолжать движение на запад. Для 4-го корпуса, находившегося у Марбаша, это расположение было правильно, так как ему была поставлена особая задача — произвести внезапное нападение на Туль, запиравший немцам единственную железнодорожную линию внутрь Франции. Следовательно, по идее Мольтке, 4-й корпус не принадлежал к тем «наличным силам», которые должны были совершить захождение на север, но 12-й корпус и гвардия несомненно к ним принадлежали. Эти войска нужно было задержать на Мозеле, пока не выяснится, к каким пунктам на обоих шоссе они должны быть направлены. Диспозиции Фридриха Карла для 3-го и 10-го корпусов показывают, насколько мало он рассчитывал на то, что между Мецом и Верденом придется разрешать крупные задачи. Он приказал Альвенслебену двигаться 16 августа на Марс-ля-Тур, а фон-Фойхтс-Рецу—на Сент-Илер. Расстояние между этими пунктами составляет по прямой почти 2 мили. Биограф принца говорит: «Он... не ожидал серьезного столкновения с крупными неприятельскими силами, которое потребовало бы совместных действий 3-го и 10-го корпусов». Фридрих Карл держался того мнения, что по шоссе через Марс-ля-Тур и Конфлан, т. е. по прямым сообщениям между Мецом и Верденом, двигается лишь боковой охраняющий отряд Рейнской

армии, а главные силы ее направляются к Маасу кружным путем через Диденгофен; атаковать можно было единственно лишь этот боковой охраняющий отряд. Вследствие этого 10-й и 3-й корпуса получили приказание: «Оставаться перед неприятелем, оттеснить его к бельгийской границе, точнее в Тионвиль, и там за ним наблюдать». Принц полагал, что таким способом он выполняет директиву Мольтке: «Произвести сильное наступление 2-й армии к дорогам из Меца... в Верден... всеми наличными силами, по собственному усмотрению».

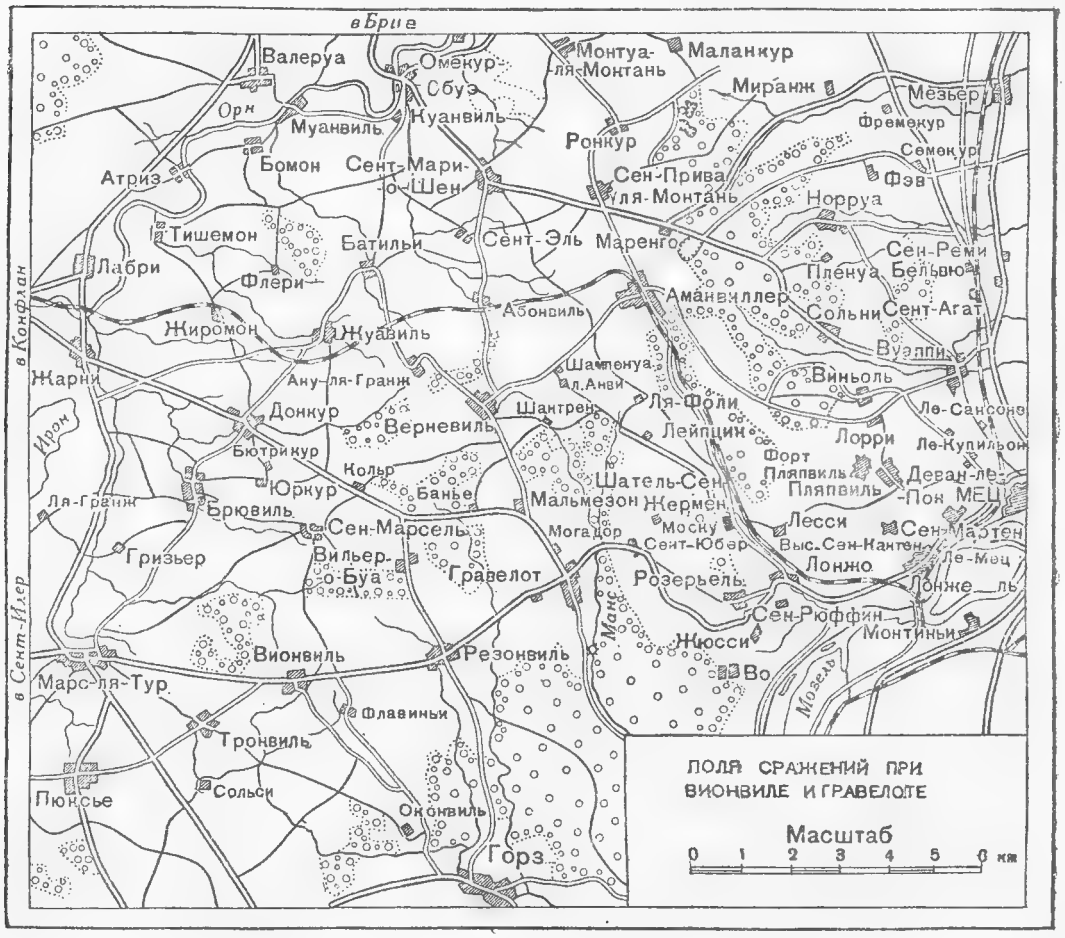


Схема 4.

В дневнике Фридриха Карла 16 августа записано: «Дорога Мец — Этэн передана мне для преследования; я приказываю, чтобы 10-й корпус послал туда кавалерию». Во второй части этой фразы заключается выпад, направленный против Штиле. Последний ожидал от наступления в северном направлении еще меньших результатов, чем принц. Правда, он желал, согласно приказу по армии от 15 августа, оставшегося неизменным и после получения директивы Мольтке, двинуть на север 10-й, 3-й и 9-й корпуса (последний — по его прибытии), но не с целью атаковать (по идее принца) французские боковые отряды, а единственно лишь потому, что тут проходили лучшие пути к Маасу. Ввиду этого три корпуса из семи корпусов 2-й армии

должны были двигаться через Сент-Илер и Этэн[1]. Однако, передовой 10-й корпус, по мысли Штиле, должен был выдвинуть свою кавалерию (1½ дивизии)[2] не на север к шоссе из Меца через Конфлан и Верден, а тотчас же на запад, чтобы захватить переходы через Маас. Фридрих Карл не решился настолько уклониться от распоряжений верховного командования. Он исправил действия своего начальника штаба и двинул кавалерийские массы, разведывавшие у Марс-ля-Тура, не на Сент-Илер (цель марша пехоты 12-го корпуса) и оттуда к Маасу, а, напротив, по направлению к р. Орн на дорогу через Конфлан, «по которой, согласно сведениям, преимущественно происходит отступление противника». В редакции этой фразы чувствуется, что принц ни в коем случае не разделял мнения Мольтке, будто тут можно пожать плоды победы у Коломбей — Нуйльи. Предписания относительно использования кавалерийских дивизий 16 августа являются дополнением к приказу по армии на тот же день. Он был отдан в 8 час. утра, и приблизительно в это же время штаб 2-й армии составил приказ на 17 августа. В этом последнем документе 10-му корпусу, головные пехотные части которого должны были дойти до Эйкса (9 *км* по прямой к востоку от Вердена), предписывается перейти через Маас ниже крепости, тогда как в приказе по армии на 16 августа ген. Фойхтс-Рецу были указаны переправы выше Вердена. Основанием для такой перемены, вероятно, послужило донесение Гребена[3], согласно которому Рейнская армия направляется к Маасу по такому кружному пути, что правофланговые корпуса 2-й армии могут рискнуть переправиться ниже Вердена. В приказе по армии было сказано, что 17 августа нельзя ожидать крупного столкновения с противником. Действительным намерением Фридриха Карла было, чтобы не все три правофланговые корпуса перешли Маас ниже Вердена, а лишь один 10-й корпус: «Фойхтс-Реца следовало тогда считать в отделе, и он должен был присоединиться ко мне, смотря по обстоятельствам, через Клермон (в Аргоннах)». Что касается 3-го корпуса, который 17 августа должен был своими головными частями дойти до Этэна, и 9-го корпуса, которому надлежало передвинуться в Марс-ля-Тур, то кронпринц предполагал перевести их через Маас, вместе с тремя левофланговыми корпусами выше Вердена: «Кавалерийская дивизия Рейнбабена остается у него (у Фойхтс-Реца)»; возможно, что в его распоряжение будут также даны 3-й и 9-й корпуса, но *лишь в случае крайней нужды*. Он должен следовать по пятам за бегущим неприятелем и сообразно с этим принимать те или иные меры и отдавать свои директивы».

Таким образом, энергичное наступление всеми наличными средствами, чего требовало верховное командование, в руках исполнителя, командующего 2-й армией, почти совершенно улетучилось. Кронпринц не освободился от теории, — которая сама по себе была бесспорно верна, — что нужно итти прямо на столицу неприятельской страны. На пути туда, за Марной, он ожидал найти главные силы противника. В 1 час дня 16 августа у него обедал кронпринц Саксонский Альберт. Кавалерийская дивизия саксонского корпуса в это

[1] 12-й корпус должен был из Понт-а-Муссона направиться прямо на запад, гвардия и 2-й корпус в том же направлении из Дьелуара и 4-й корпус из Марбаша.

[2] 5-я кавалерийская дивизия и бригада гвардейской конницы.

[3] См. выше, стр. 117.

время уже приближалась к Маасу по направлению на Сен-Миэль, выше Вердена, тогда как большая часть пехоты вскоре после полудня достигла Реньевиль-ан-Хей, в 9 *км* по прямой к западу от Понт-а-Муссона, остальные же саксонские войска прибыли к этому городу вечером, сильно утомленные. Один из участников обеда говорит: «Принц был весел, он рассказывал о Шалонском лагере, где он однажды был, и об окружающей местности, на которой, вероятно, произойдет главное сражение войны». Следовательно, кронпринц не понял мыслей Мольтке. Они исходили из правильного расчета походного движения французских масс, которые еще вечером 14 августа должны были вместе с императорской гвардией находиться у Меца. Уничтожение этой живой силы представлялось Мольтке более важным, чем поход на Париж. Если немцы предпринимали перемену фронта — от западного направления, которое вело к Парижу, переходили на северное,— то упомянутые выше французские массы могли быть оттеснены в Люксембург. Однако, сделать захождение шестью корпусами — это для командования армией отнюдь не простая перестановка шахматных фигур, для этого нужно все заново передумать. Фридрих Карл сопротивлялся такому маневру тем энергичнее, что он сам в 1866 г. дважды отклонялся от предписанного маршрута с целью атаки неприятеля, предполагаемого на фланге, причем в обоих случаях, не будь вмешательства Мольтке, получился бы удар по воздуху[1]. Если тогда он не захотел итти прямо на Гичин, то теперь с тем большей страстностью желал итти прямо на Париж. Как Бисмарк играл на чувстве офицерской чести короля (am Port d'Epée), так Мольтке имел обыкновение действовать на сильно повышенную военную самонадеянность Фридриха Карла. В 1866 г., чтобы побудить колеблющегося принца к быстрому и прямому наступлению на Гичин, Мольтке писал ему: «100 000 чел. с принцем Фридрихом Карлом во главе и резерв в 50 000 чел. в одном переходе позади имеют величайшие шансы на победу». В директивах 15 августа 1870 г. выражение, что Фридрих Карл должен произвести энергичное наступление всеми наличными силами «по собственному усмотрению», было психологически хорошо обдумано. На характер принца была рассчитана, отчасти, и фраза: «Если от перемены фронта 2-я армия временами окажется впереди 1-й, то для дальнейшего наступления на запад следует озаботиться принятием требуемых мер, которые заранее предусмотреть нельзя, а также предоставлением войскам, и притом в достаточной мере, необходимого им отдыха». Мы знаем, как Штейнмец бесновался, когда при стратегическом развертывании германских армий его охватило подозрение, что 2-я армия хочет выдвинуться впереди 1-й, чтобы скорее войти в соприкосновение с противником. Положим, Штейнмец был ненормален, но ведь и Фридрих Карл, когда войска Штейнмеца незаконно воспользовались его дорогами, будто бы говорил об очищении этих дорог силой оружия. Мы уже увидели, что он был способен в острый кризисный момент войны менять места целых корпусов единственно из-за чисто внешнего представления о point d'honneur (вопрос чести). Житейски умный Мольтке поступал чрезвычайно тонко, когда в своих директивах, идя навстречу опасениям Фридриха Карла относительно техники марша, как бы неумышленно внушал ему, что 2-я армия теперь идет впереди 1-й.

[1] Т. I, стр. 447, 458, 520 (русск. пер. — т. V, стр. 310—311, 319, 362).

От обеденного стола двух германских принцев в Понт-а-Муссоне обратим наш взгляд на север к Гравелоту, где между 4 и 5 часами утра Наполеон III расставался с Базеном. Император отправился через Этэн и Верден в Шалон, к которому приближался Мак-Магон с головными частями Эльзасской армии. Наполеон III не обладал умственными и моральными силами своего великого дяди. Последний, потерпев поражение в 1812 и 1813 гг., вел в 1814 г. с недостаточными средствами стратегически оборонительную, тактически наступательную кампанию, которая почти спасла ему корону. В материальном отношении Наполеон III далеко не был столь ослаблен, как Наполеон I после Лейпцигского сражения; он не был также столь беден войсками, как во время люксембургского кризиса, когда Фроссар хотел ограничиться строгой обороной до тех пор, пока военный потенциал Франции (potentiel de guerre) не будет превращен в пригодные для действий в поле вооруженные силы. Но непрерывно заседающая палата стоила Наполеону больше, чем о д н а хорошая пехотная дивизия, как ни тяжело сказалось отсутствие последней при Гравелоте: он потерял веру в свою звезду. В качестве второстепенной, но только второстепенной, причины можно теперь притянуть еще и мучительные физические страдания императора, чтобы объяснить, почему, прощаясь с Базеном, Наполеон возложил на него самую тяжелую моральную ответственность, какой только может быть обременена в эпоху стратегии сокрушения должность полководца: «Отнюдь не рискуйте»,— сказал ему император. Базена все еще тянуло к наступлению. Чтобы располагать для этого всеми своими силами, он запретил Лямиро двигаться за Брие. Однако, этого нельзя было осуществить; 3-й корпус (Лебефа) на своих боковых дорогах тоже продвинулся вперед. В 9 час. утра 16 августа вблизи Меца оставалось еще по одной пехотной дивизии из состава 3-го и 4-го корпусов. Расстояние этих дивизий до головных частей армии, находившихся между Сен-Марселем и Флавиньи, составляло всего полперехода, но так как дороги попрежнему кишели обозами, то быстрое подтягивание отставших воиск было затруднительным. В 4 часа утра Базен сказал ген.-интенданту Вольфу: «Имей я все мои войска сосредоточенными, я был бы склонен броситься на неприятеля и оттеснить его по направлению на Понт-а-Муссон; в противном случае нам придется итти на Верден». Принятие решения — наступать или отходить — Базен отложил. Во всяком случае, дальнейшее движение было отсрочено до полудня, чтобы дать двум отставшим дивизиям возможность подойти. Если не принимать их в расчет, то в 9 час. утра, когда 3-й германский корпус совершал марш от Мозеля к Марс-ля-Туру, французы были хорошо сосредоточены. Корпуса Фроссара, Канробера и гвардия вместе с артиллерийским резервом армии стояли близко друг от друга у Флавиньи, Сен-Марселя и до Гравелота. К полкам Канробера у Сен-Марселя, вблизи фермы Кольр, примыкал корпус Лебефа. Он растянулся до Аманвиллера близ шоссе на Брие. Тут находился Лямиро с 2 пехотными дивизиями и корпусной артиллерией, приблизительно в 3—4 часах движения от Вионвиля. Нужно сказать, что 3-й корпус, атаковавший между 10 и 11 час. утра, был плохо руководим своим командиром ген. Альвенслебен и особенно командованием 2-й армии. Ведь он бросился на всю Рейнскую армию. Он мог рассчитывать лишь на поддержку 10-го корпуса, да и то не наверняка. Правильная стратегия требовала, чтобы принц Фридрих

Карл направил оба корпуса в район Вионвиля и, находясь лично на фронте, отложил сражение до прибытия подкреплений. В труде германского генерального штаба так говорится о следующем дне: «В полдень 17 августа 7 армейских корпусов... 1-й и 2-й армий находились на месте». Это составляло 138 000 штыков [1], Базен имел около 125 000. Для последнего было невозможно ускользнуть к Вердену. Маас протекает в 50 *км* по прямой от Гравелота. Французские колонны на южном шоссе имели глубину не менее 90 *км*. Даже при отсутствии угрозы со стороны неприятеля они могли достигнуть Вердена, применяя ночные марши, самое раннее после полудня 18 августа. Между тем, против левого фланга французов стояли 2 прусских корпуса «с принцем Фридрихом Карлом во главе». Последние слова не следует принимать за иронию, так как я уже подчеркнул, что Фридрих Карл был военачальник крупного масштаба. Рейнская армия, которая должна была двигаться, имея обозы впереди и посредине колонны, могла быть задержана немцами и без того, чтобы 3-й корпус, сломя голову, бросился в сражение.

Альвенслебену было приказано, тесня противника перед собой, наступать в направлении с юга на север. Но едва начался бой, как командир 3-го корпуса увидел, что почти необозримая ширина расположения французов исключала мысль о возможности пройти вдоль их фронта с южного шоссе на северное. Направление германского наступления с юга на север, отвечавшее намерению Мольтке оттеснить французов к границам Люксембурга и Бельгии, пришлось оставить. В то время, как 5-я дивизия 3-го корпуса, которая атаковала раньше, сражалась у леса Вионвиль, 6-я дивизия совершила захождение на восток, так что она дралась фронтом к Германии, стараясь взять деревню Вионвиль. При встрече Альвенслебена с Рейнбабеном начальник разведывательной кавалерии сказал, что он всегда предполагал перед собою всю французскую армию; теперь же он в этом уверен. Альвенслебен едва ли мог судить иначе. В своих мемуарах он утверждает, что продолжал бой по собственному решению с целью задержать противника. В действительности он и не мог отойти, его самого удерживали, по крайней мере, если бы противник использовал свою силу.

Заслуга Альвенслебена не в стратегическом понимании, а в тактической решительности. Правда, противник, непосредственно находившийся перед ним — Фроссар, был не сильнее его: он имел 20 000 штыков против 20 000 германских и 14 батарей против 19. Корпус Канробера вступил в бой после 11 час. 30 мин., но уже в перерыве Альвенслебен составил себе представление о массах, которые угрожали задавить его корпус, хотя сам он морально не был подавлен. Под его начальством 6-я дивизия (Будденброк) взяла Вионвиль и вместе с 5-й дивизией (Штюльпнагель) — деревушку Флавиньи (12 час. 15 мин.). Тогда корпус Фроссара и две дивизии Канробера, в общем около 37 000 штыков, действовали против 23 000 Альвенслебена [2], и французская артиллерия, участвовавшая в боях, приобрела значительное численное превосходство. Несмотря на это, французы в бою, продолжавшемся несколько часов, не смогли отбросить противника. Тактика Базена была чисто оборонительной. Его наступательные

[1] Конечно, потери при Вионвиле не приняты в расчет.

[2] Об усилении 3-го корпуса с 18 000 сначала до 20 000 и потом до 23 000 чел. будет сказано дальше.

порывы быстро выдохлись, хотя военное счастье подставило под удары его пяти корпусов один изолированный германский корпус. Французы производили атаки только ротами и батальонами, а не более крупными тактическими соединениями. В Крымскую войну сражение на Черной было выиграно чисто оборонительными действиями [1], но такие случаи редки; в общем опыт истории показывает, что такая тактика обещает мало успеха. Базен лично руководил сражением. Он посвятил особое внимание артиллерии, качественные недостатки которой, по сравнению с прусской, нам уже известны. Труд французского генерального штаба, хотя и сильно пристрастный к Базену, признает, что там, где он был и собственными руками наводил орудия, батареи держались, тогда как другие уже после незначительных потерь, под мнимым предлогом недостатка снарядов, отъезжали на тыловые позиции, с которых они, по свидетельству одной из полковых историй, «в продолжение большей части этого боевого дня могли наблюдать различные фазы его». Страха Базен не знал. Контуженный уже при Коломбей — Нуйльи, он опять под градом пуль делал то, что считал своей работой. В 5 час. 15 мин. утра он писал маршалу Лебефу, что опасность угрожает со стороны Горза. После этого из теснины выступил 3-й корпус, и Базен опасался, что еще бо́льшие неприятельские силы подымутся из долины Мозеля, чтобы отрезать Рейнскую армию от Меца. Вследствие этого его внимание было в такой же мере обращено на левое крыло, как и на правое, где следовало охватить 3-й корпус. В остальном, занявшись всецело своей артиллерией, Базен настолько потерял взгляд на общее положение армии, что даже при чистой обороне, несмотря на подавляющее численное превосходство французов, дела принимали временами неблагоприятный для них оборот. Когда после взятия Флавиньи несколько прусских батальонов продолжали атаку дальше на Резонвиль, Базен на один момент впал в беспомощное состояние. Вид корпуса Фроссара, который вследствие чисто оборонительной тактики был разбит, подействовал на его нервы.

Несмотря на мифическое войско Ксеркса, бывшее в его распоряжении, Базен не мог найти пехоты для противодействия неприятелю и обратился, подобно французам при Верте, к отчаянному средству кавалерийской атаки. Были вызваны 2 полка кавалерии, в первую очередь — уланский полк, приданный бригаде Ляпассэ. При движении к противнику через живые изгороди он пришел в такой беспорядок, что атаку пришлось прервать. После того как уланы были снова пущены, лошади благополучно преодолели все препятствия: «Выставленные вперед пики образовали великолепную прямую линию. Все указывало на то, что этому дисциплинированному урагану ничто не в силах будет противостоять». Однако, атака была ведена так неискусно, что дисциплинированный ураган задел только левый фланг прусской пехоты: «en fait charge avait donné dans le vide» [2]. Уланы должны были уходить назад под огнем пруссаков, но понесли небольшие потери. Затем атаковали гвардейские кирасиры, и для них идея самопожертвования превратилась в действительность: они отхлынули с потерей 40%. Во всяком случае, благодаря атакам кавалерии Базен выиграл время для приведения в порядок корпуса Фрос-

[1] Ср. т. I, стр. 153 (русск. пер. — т. V, стр. 113).
[2] «Фактически атака была произведена в пустое пространство». — *Ред.*

сара. Пехота последнего устроила 3 эскадронам брауншвейгских гусар, преследовавших гвардейских кирасир и подскакавших так близко, что Базен должен был обнажить оружие, судьбу не лучше той, какая постигла кирасир. Брауншвейгские гусары потеряли четверть своего состава. Теперь положение 3-го прусского корпуса стало серьезным. Вследствие того, что большие массы не обладают такой маневроспособностью, как сравнительно малые, в первое время 20 000 прусских штыков сражалось против 20 000 французских; когда же французы начали развертывание, они ввели в бой сначала только 37 000 чел. пехоты против 23 000 пруссаков. Но между 1 и 2 час. у Резонвиля сосредоточились 3-я дивизия корпуса Канробера[1] и вызванная из Гравелота дивизия гвардейских гренадер: 20 000 штыков. Теперь уже 57 000 чел. французской пехоты действовали против 23 000 чел. германской. Еще резче была несоразмерность артиллерии. Труд французского генерального штаба сам говорит о подавляющем превосходстве числа орудий обороны, считая, что на позициях стояло 68 французских батарей против 21 германской. Несмотря на пассивность Базена, 3-му корпусу угрожала катастрофа.

Во всяком случае, 10-й корпус находился в близком расстоянии, а милость судьбы обеспечила и ускорила его подход. Отряд в Новеане[2] должен был итти на Сент-Илер вначале по одной дороге с двигавшимся на Марс-ля-Тур 3-м корпусом; когда головные части последнего натолкнулись на неприятеля, полковник Линкер не уклонился от совместных действий. Он мог дать лишь 2 батальона, но при соотношении сил у Вионвиля и они имели большое значение.

Из шести лиц, которые во 2-й армии 15 и 16 августа имели значение для стратегических решений (кронпринц, командиры 3-го и 10-го корпусов и три начальника штабов), случайно только о д н о стояло на высоте положения. Это был начальник штаба 10-го корпуса подполковник Каприви, будущий рейхсканцлер. Употребляя выражение Бенедека, он имел «искру» и потому правильно истолковывал донесения передовых войск. После полудня 15 августа 10-й корпус был расположен следующим образом: отряд Линкера в Новеане, остальные 10 батальонов 19-й дивизии (фон-Шварцкоппен) в Тиокуре, 20-я дивизия (фон-Краац) у Понт-а-Муссона. Согласно приказу по армии на 16 августа, Шварцкоппен должен был из Тиокура передвинуться в Сент-Илер, в то время как войска в Новеане и Понт-а-Муссоне, удаленные от Сент-Илера на усиленный переход, должны были по меньшей мере приблизиться к этой цели марша. Приказ по армии был получен в штабе 10-го корпуса, находившемся в Тиокуре (при дивизии Шварцкоппена), 13 августа в 11 час. вечера. Каприви настойчиво советовал своему корпусному командиру приноровить исполнение этого приказа к его, Каприви, убеждению, что главные силы Рейнской армии не имели возможности продвинуться далее Марс-ля-Тура; из этого следовало, что 10-й корпус нужно держать возможно ближе к 3-му корпусу. Исходя из этой мысли, начальник штаба предложил двинуть в Сент-Илер только одну 38-ю пехотную бригаду из дивизии Шварцкоппена вместе с бригадой гвардейских дра-

[1] Собственно, этот корпус имел 4 дивизии, но от одной из них лишь один полк прошел в Мец (см. выше, стр. 99). Корпус уже вступил в сражение двумя первыми дивизиями.

[2] См. выше, стр. 113.

гун [1]. Другую пехотную бригаду Шварцкоппена, 37-ю (четыре батальона за вычетом отряда Линкера), Каприви хотел, вместо северо-западного направления на Сент-Илер, выдвинуть на север к Шамблею. Линкер должен был пройти через последний пункт, чтобы попасть в Сент-Илер. Таким образом, по диспозиции Каприви соединение 37-й бригады (командир бригады — полковник Леман) должно было совершиться раньше, чем если бы встреча произошла в Сент-Илере. Кружное движение четырех батальонов через Шамблей этим мотивом не оправдывалось, но Каприви воспользовался им при составлении своей диспозиции, чтобы иметь правдоподобный предлог для своих отклонений от распоряжений Фридриха Карла. В Шамблее Леман находился всего часах в двух южнее 3-го корпуса. Оставалась дивизия Крааца. В диспозиции Каприви цель ее марша также была изменена соответственно сознанию, что центр тяжести войны лежит у Марс-ля-Тура. Правда, во исполнение приказа по армии, подполковник назначил дивизии Крааца и корпусной артиллерии дорогу в Сент-Илер, но при этом указал: по прохождении менее половины пути расположиться на биваке у Тиокура. Краац стоял тут не так близко от 3-го корпуса, как Леман, но все-таки пехота 20-й дивизии могла через 4—5 часов (артиллерия скорее) прибыть на поле сражения. Несмотря на некоторые фразы, прикрывающие самоуправство, ясно, что в своей диспозиции начальник штаба 10-го корпуса позволил себе изменить в основе приказ по армии, причем из четырех пехотных бригад и корпусной артиллерии только одна бригада была направлена туда, куда желало командование 2-й армии [2]. Фойхтс-Рец, про которого я в своем описании похода 1866 г. (тогда он был начальником штаба у Фридриха Карла) сказал, что его считают умным человеком [3], долго колебался, пока уступил своему умному советнику. Последний был не совсем доволен результатом, достигнутым у своего начальника; если бы он распоряжался сам, то у него хватило бы гражданского мужества совершенно не исполнить приказа по армии и вообще никаких войск в Сент-Илер не послать. Рейхсканцлер Каприви позднее рассказывал капитану Хенигу: «Мы договорились на компромиссном приказе, который по форме отвечал приказу по армии, но все-таки давал возможность сосредоточить 10-й корпус приблизительно к 2 час. пополудни 16 августа в окрестностях Тронвиля [4] (за исключением пехотной бригады в Сент-Илере).

Не только духовно, но и материально командир корпуса и его начальник штаба искали противника в различных направлениях, так как рано утром 16 августа Фойхтс-Рец с гвардейскими драгунами и 38-й бригадой отправился на запад, а Каприви — на север. Последний привел к дивизии Рейнбабена еще две конные батареи, которые оказались весьма полезными, когда оправдалось предвидение Каприви и 3-й корпус натолкнулся на всю Рейнскую армию. Кроме того, Каприви взял с собой к шоссе почти половину офицеров своего штаба. Вследствие этого он мог после начала сражения послать не менее шести офицеров генерального штаба, ординарцев и адъютантов,

---

[1] О них см. выше, стр. 121, прим. 2. Остальная кавалерия, подчиненная Фойхтс-Рецу, была уже близ шоссе.

[2] Приказ и диспозиция приведены у Лессинга, стр. 21 и 24.

[3] Т. I, стр. 458 (русск. пер.— т. V, стр. 319). Несколько ироническая характеристика Фойхтс-Реца, сделанная со слов Каприви,— у Хенига, стр. 72.

[4] Более 2 *км* по прямой к юго-западу от Вионвиля.

чтобы «от имени командования корпуса» вытребовать различные части 10-го корпуса из Шамблея, Тиокура и Сент-Илера, а также передать донесения генералу Фойхтс-Рецу и кронпринцу Фридриху Карлу. Фойхтс-Рец ехал верхом между гвардейскими драгунами и 38-й бригадой на Сент-Илер, когда услышал орудийную стрельбу на северо-востоке. Он был чрезвычайно недоволен сам собой за то, что одобрил диспозицию «à deux mains» (на две руки), как выразился Каприви [1]. Фридрих Великий сказал, что генерал должен быть хорошим актером; он должен быть также и хорошим дипломатом, но дипломатическая стратегия, какую применяли генерал Блюменталь под Вертом и подполковник Каприви при Вионвиле, требует от военного человека необычайной готовности брать на себя ответственность. При мысли об отчете, который нужно было дать весьма ревнивому к своей власти кронпринцу Фридриху Карлу, Фойхтс-Рец чувствовал себя весьма неприятно. От «навязчивой идеи», как называл ее Каприви, о том, что французы уже находятся на Маасе, Фойхтс-Рец и теперь еще, слыша раздававшуюся слабую канонаду, не отказался. Он полагал, что происходит разведывательный бой дивизии Рейнбабена и потому не остановил движения войск на Сент-Илер. Однако, сам Фойхтс-Рец у Веля свернул с шоссе и поехал с эскортом драгун к Жонвилю, где с высоты открывался широкий вид на местность близ шоссе. Уже на пути туда он встретил двух посланцев Каприви, а у Жонвиля в 10 час. 30 мин. утра [2] получил донесение Лемана, которое, собственно, было адресовано его командиру дивизии Шварцкоппену и сообщало, что 37-я бригада идет на помощь 3-му корпусу. Донесения Каприви еще не совсем убедили командира корпуса, и только донесение Лемана заставило Фойхтс-Реца отдать подобное же приказание гвардейским драгунам и 38-й бригаде, «чтобы по возможности оказать помощь 3-му корпусу», как сказано в указании Шварцкоппену. После этого Фойхтс-Рец отправился в Тронвиль, где встретился с Альвенслебеном, к которому уже прибыли войска 10-го корпуса не только из Новеана, но также из Шамблея. Как я говорил выше, 37-я бригада увеличила силу находившейся на месте германской пехоты до 23 000 чел., но что это значило против всей Рейнской армии? Мы видели, что к 2 час. пополудни из ее состава находились в бою корпуса Фроссара и Канробера и одна гвардейская дивизия, — всего 57 000 штыков; 68 французских батарей угрожали подавить 21 германскую. В то же время Базен держал в качестве резерва «на дистанции действительного огня от боевой линии» 31 батальон и около 19 000 штыков корпуса Лебефа; кроме того, к полю сражения подходили головные части корпуса Лямиро, направлявшиеся против левого фланга Альвенслебена. Каприви прислал к ген. Краацу обер-лейтенанта Подбельского, который скакал так быстро, что упал вместе с лошадью и вывихнул себе плечо. Несмотря на то, что 20-я дивизия, сделавшая от Понт-а-Муссона до Тиокура переход более чем в 3 мили, была утомлена жарой и пылью, она тотчас же прекратила только что начатый привал и двинулась к полю сражения. Но она могла подойти лишь около

[1] Труд французского генерального штаба делает из этого «disposition à deux fins» (на два случая). Это ошибка в чтении, но она не наносит ущерба ясности того, что должно быть сказано.

[2] При определении времени я основываюсь на сочинении Hönig, Dokumentarisch-kritische Darstellung..., стр. 143.

4 час. пополудни и позднее, а так как Сент-Илер был, примерно, в таком же расстоянии от поля сражения, как Тиокур, то и 38-я бригада не могла явиться раньше. Расчет Каприви, что 10-й корпус (без 38-й бригады) к 2 час. пополудни сосредоточится у Тронвиля, оказался чересчур оптимистическим; в это время только 37-я бригада помогала 3-му корпусу, которому предстояли еще долгие часы несоразмерной численной слабости.

В этом кризисе Альвенслебен также обратился к последнему средству — отвлекающей кавалерийской атаке. По направлению к Резонвилю (центр неприятельской позиции), вокруг которого по широкой дуге был расположен боевой порядок Базена, произвели атаку севернее Вионвиля главные силы бригады Бредова — 700 кирасир и улан. Половина атакующих осталась на месте, скошенная картечью и ружейными пулями корпуса Канробера, но тактический результат атаки был опять столь же незначителен, как под Вертом, хотя под Вионвилем немцы ввели в бой меньшую конную массу, чем французы в первом случае. Во французском расположении впереди Резонвиля, на участке, атакованном кирасирами и уланами, образовалась брешь шириной в 1 *км*, причем 5 батальонов и 10 батарей очистили поле. Последние будто бы сделали это для пополнения снарядов, но все эти войска в течение следующего дня не приняли никакого участия в бою. Бегство артиллерии распространилось также и на батареи, выехавшие на позиции южнее большого шоссе Мец — Марс-ля-Тур. Труд французского генерального штаба говорит: «Между 2 и 3 час., на участке поля сражения между Римской дорогой и лесом Оньон, произошел настоящий переполох среди французских батарей». Против правого крыла Альвенслебена (5-я дивизия и примыкающая часть 6-й) между 3 и 4 час. бой вообще затих, так что с немецкой стороны пехота и артиллерия могли пополнить свои боевые запасы, а артиллерия сверх того получить свежих лошадей и личный состав. Каприви рассуждал: «Возбуждал опасения недостаток снарядов в артиллерии 3-го корпуса. Это была главная опасность». Теперь эту опасность удалось преодолеть. Наступление французов было парализовано не только действием кавалерийской атаки, но в такой же мере и чисто оборонительной тактикой Базена. Маршал считал, что цель сражения уже достигнута. Как бы относительно слабы ни были пруссаки, они все-таки располагали такими силами, что Рейнская армия могла проложить себе путь к Маасу не иначе, как посредством наступления крупного масштаба. И потом, действительно ли немцы были так слабы, как это обнаружилось в бою? Это предположение о слабости их отвечало первоначальному мнению Базена, который в утренние часы носился с наступательными мыслями. Но маршал Лебеф, исполнявший до отъезда императора (утром этого дня) обязанности начальника генерального штаба, верил другим сведениям и ожидал прибытия к неприятелю многих корпусов. Базен вскоре согласился с этой оценкой. Действуя в духе намерений Наполеона III, чтобы отнюдь не рисковать, маршал отказался от перехода в наступление, а следовательно, и от движения к Вердену. Он хотел лишь принять меры, чтобы не быть отрезанным от своей базы — Меца — и оттесненным к люксембургской и бельгийской границам.

Таким образом, 3-й корпус перед своим фронтом (мы знаем, что на левом фланге он стоял фронтом на восток) был фактически обес-

печен, хотя Альвенслебен попрежнему должен был испытывать сильнейшее беспокойство, так как он не знал намерений своего противника. Но пруссаки стояли не только фронтом на восток, но частью своего загнутого левого крыла и на север. Когда на остальном поле сражения напряженность боев уже выдохлась, тут, где боевой порядок немцев висел в воздухе, дела приняли особенно угрожающий оборот. После заключения мира Лямиро показал на военном суде, что он ясно понял слабость прусского левого крыла. В его отчете о бое, от 3 сентября 1870 г., сказано: «Наше правое крыло далеко выходило за левое крыло неприятеля, и мы могли надеяться его отбросить». Лямиро имел 2 дивизии [1], из которых одна в 2 часа 45 мин. была на месте, другая же в 5 час. могла войти в соприкосновение с противником [2]. Кроме того, тут стояли против северной опушки Тронвильского кустарника, по которой пруссаки образовали свой загиб, одна дивизия корпуса Канробера и две дивизии корпуса Лебефа. Около 3 час. 32 000 чел. французской пехоты атаковало 6 000 чел. прусской, а именно: полковника Лемана, который с главными силами 37-й бригады прибыл из Шамблея и сражался в кустарнике, и к востоку от него четыре батальона 3-го корпуса. Частая поросль затрудняла продвижение французов в Тронвильском кустарнике, и прошло более часа, прежде чем им удалось овладеть рощей и лощиной восточнее ее. Сражавшийся там 24-й полк из 3-го корпуса потерял в сражении при Вионвиле около 50% рядового состава. В прусском полку насчитывалось, примерно, 64 офицера и заместителя офицера; 24-й полк потерял из них 47! Бригада Лемана понесла в кустарнике меньшую убыль. Она потеряла 22% рядового состава и 45% офицеров и заместителей. Все-таки, вследствие особенностей лесного боя, люди ускользали из рук начальников. В журнале военных действий 10-го корпуса, составленном Каприви, сказано: «Бригада Лемана... вернулась из леска севернее Тронвиля... довольно сильно разложившейся и потрепанной. Старались собрать ее в Тронвиле; полуэскадрон Иона 2-го гвардейского драгунского полка был поставлен позади Тронвиля поперек шоссе» [2]. Лямиро не атаковал Тронвиль и Вионвиль, потому что он еще поджидал свою вторую дивизию, а с прусской стороны теперь показались 20-я дивизия и 38-я бригада. Должны ли они были предупредить Лямиро и попытаться отнять у него Тронвильский кустарник? Ни Фойхтс-Рец, ни Каприви не держались этого мнения. Напротив, начальник штаба Альвенслебена, полковник фон-Фойхтс-Рец, брат генерала, полагал, что французы одновременно с фронтальной атакой могли атаковать левое крыло 3-го корпуса во фланг, со стороны Тронвильского кустарника; с ним соглашался и его корпусный командир. Принимая во внимание пассивность, обнаруженную Базеном под Вионвилем, Каприви, будучи уже рейхсканцлером, сказал Хенигу: «Опасность была не так велика, как думал полковник Фойхтс». Труд германского генерального штаба описывает тогдашнее положение на фронте Альвенслебена в следующих словах: «Прусские войска на Резонвильском плато удерживали... ту же позицию между Вионвилем и лесом

[1] О местонахождении третьей — см. выше, стр. 123.

[2] Их подход к полю сражения, задержанный, главным образом, обозами, совершался со скоростью 25 мин. на 1 *км* (по прямой).

[3] В Инкерманском сражении отступавшая французская пехота была задержана африканскими конными егерями. См. т. I, стр. 67 (русск. пер.— т. V, стр. 54).

Сент-Арнуль, которая была взята ими в полдень. Против них стояли французы на полого подымающихся высотах Резонвиля. Обе позиции, защищаемые пехотой, вооруженной заряжаемыми с казны винтовками, были настолько сильны, что фронтальные атаки их, по всем вероятиям, должны были потерпеть крушение». Но что могло произойти, если бы, согласно опасениям начальника штаба 3-го корпуса, Базен связал с фронтальной атакой наступление своего правого крыла на Тронвиль? Тут 37-я бригада укрепляла деревню, тогда как к востоку от нее стояли открыто под артиллерийским огнем остатки бранденбуржцев. Могли ли эти сильно пострадавшие войска обеспечить ценную артиллерийскую позицию к западу от Вионвиля? Каприви допускал эту возможность; он старался склонить ген. Фойхтс-Реца к оборонительной тактике, предлагая ему, прежде всего, сосредоточить разбросанные части 10-го корпуса. Действительно, корпус расползся. При подходе 20-й дивизии генерал Краац отдал 5-й дивизии один полк и почти половину дивизионной корпусной артиллерии. Непосредственно 5-й дивизии никто не угрожал, так как в бою наступило затишье, прерываемое лишь отдельными орудийными выстрелами; но около 4 час. пополудни с французской стороны вслед за гренадерами подошла из Гравелота дивизия вольтижеров, так что для возобновления боя между Резонвилем и лесом Оньон собралась вся гвардия. Пункт, где Краац ввел в дело отданный полк, отстоял на целых 6 *км* от цели марша его главных сил — Тронвильского кустарника. Отряд Линкера из состава 19-й дивизии уже с начала сражения вел бой вместе с 5-й дивизией (Штюльпнагель). О введении 10-го корпуса в дело по частям Каприви сказал: «Представления младшего брата (полковника Фойхтс-Реца) послужили поводом для оставления Линкера у Штюльпнагеля... По крайней мере нам не следовало раздроблять 20-ю дивизию. Однако, ген. Краац донес генералу Фойхтсу, что Штюльпнагель неоднократно просил его о помощи. Там, якобы, была в этом большая нужда. Я против этого возражал, Фойхтс ничего не сказал и Краац поступал по собственному усмотрению... Следовательно, 10-й корпус пригодился лишь для затыкания дыр в 3-м корпусе; он, так сказать, по частям растворился в 3-м корпусе, которому и досталась вся честь этого дня». В подобном духе Каприви, будучи рейхсканцлером, высказывался капитану Хенигу; кажется, и во время сражения он также отстаивал перед корпусным командиром этот принцип чести своего корпуса. Однако, Каприви был очень дельный человек, и всякий поверит его искренности, когда он высказал Хенигу свое удовлетворение тем, что 16 августа 3-й и 10-й корпуса достигли своих общих целей; дележ лавров был для него не столь важен. Фойхтс-Рец не отличался такой объективностью, и его начальник штаба, дипломатическую жилку которого мы знаем, старался это использовать, чтобы подорвать влияние начальника штаба 3-го корпуса и провести собственные тактические взгляды.

«Согласно моей диспозиции от 15 августа, — сказал он Хенигу, — первоначально весь корпус (за исключением Шварцкоппена) должен был собраться у Тронвиля и занять Марс-ля-Тур. Тогда он стоял бы в готовности для выполнения всякой задачи. По этой причине я хотел непременно подтянуть отряд Линкера... Если бы Шварцкоппен подошел своевременно, то занятие Марс-ля-Тура следовало предоставить ему... Только после занятия Шварцкоппеном Марс-ля-Тура мы

имели бы хорошее обеспечение фланга для наступления, если бы оно понадобилось (подчеркнуто мною. — Э. Д.)». К сожалению, Каприви не имел успеха. Тысячам храбрых прусских солдат прозвучал уже похоронный звон, когда ген. Фойхтс-Рец, долго колебавшийся между советами обоих начальников штабов, присоединился к мнению полковника Фойхтс-Реца. Каприви рассказывает: «Этот брат благодаря своей живости, способности убеждать и красноречию пользовался влиянием на своего старшего брата. Он это знал. Мой генерал совсем не имел намерения уступить призыву Альвенслебена к наступлению. Он сделал это лишь после энергичных настояний своего младшего брата. При обычных условиях начальник штаба едва ли мог это предпринять, но то, что воспрещали военные отношения, позволило родство. Ген. Фойхтс-Рец хотел использовать 20-ю дивизию за центром 3-го корпуса в качестве резерва; 19-ю дивизию (из которой части Лемана были уже отброшены) вместе с корпусной артиллерией держать против Брювиля (корпус Лямиро), но в оборонительном положении; далее влево — 5-ю кавалерийскую дивизию. Брат убедил его отказаться от этих намерений». В общем ген. Фойхтс-Рецу во время похода 1870 г. уже нехватало здоровья. Нельзя упускать из виду замечание Каприви, что его корпусный командир «в этот день» обладал полной умственной свежестью, — мнение, которое, может быть, было несколько оптимистично. Во всяком случае, вскоре после войны Фойхтс-Рец заболел душевной болезнью, как после 1866 г. ген. фон-Шмидт, который во главе 2-го корпуса чуть не привел к проигрышу Кениггрецкого сражения[1]. Штейнмец, как мы знаем, был ненормален. При Шпихерне, Кениггреце, Находе, Скалице это жуткое замещение важнейших мест выравнивалось численным и качественным превосходством прусской армии; у Вионвиля судьба пришла на помощь немцам, поставив рядом с ген. Фойхтс-Рецом подполковника Каприви. Если при Вионвиле последний старался затормозить наступление, то он делал это по разумным причинам, а не потому, что по своему характеру был принципиально сторонником вялой тактики. Наоборот, именно он подал мысль после отражения атаки французских кирасир послать для преследования их прусскую кавалерию.

Итак, главные силы дивизии Крааца были выдвинуты против Тронвильского кустарника и снова заняли его почти без сопротивления со стороны неприятеля. Этот неожиданный поворот событий был вызван впечатлением, которое произвел на Лямиро подход 38-й бригады из Сент-Илера. По его показанию на суде, он вдруг заметил «армию пехотинцев», которая спускалась к Марс-ля-Туру. На самом деле их было только 4 000 чел. Если подсчитать все, что тут имелось с немецкой стороны, не принимая во внимание потерь, понесенных в Тронвильском кустарнике и восточнее его, то получится 22 батальона силой около 18 000 штыков. На другой стороне, где в это время подошла дивизия Сессея, французское командование располагало более чем 65 батальонами, с боевой численностью, приблизительно, в 39 000 чел. Но это более чем двойное численное превосходство не могло быть использовано для достижения решительных успехов вследствие того, что Базен отказался от мысли о наступлении. Он старался лишь так маневрировать, чтобы не быть отрезан-

[1] Т. I, стр. 542 (русск. пер. — т. V, стр. 377—378).

ным от Меца и оттесненным к северной границе. Вследствие этого он мало интересовался тем, что происходило на его правом крыле, и все более сосредоточивал свое внимание на левом, где теперь с другого берега Мозеля начали прибывать головные части 9-го корпуса и 1-й армии. Около 5 час. Базен послал Лямиро приказание, чтобы он вместе с 6-м корпусом Канробера энергично удерживал свою позицию, т. е. все-таки держался лишь оборонительно. Лямиро имел в непосредственном своем подчинении около 15 000 штыков против 18 000, которые с прусской стороны, после прибытия Шварцкоппена, были сосредоточены у Марс-ля-Тура и Тронвиля. Генералу Лямиро, которого мы знаем как очень осторожного человека [1], представлялось сомнительным, чтобы он мог рассчитывать на содействие Канробера и Лебефа. Ввиду этого, заметив против своего правого фланга облака пыли, подымаемой колонной Шварцкоппена, он решил с занимаемой им позиции к западу от Тронвильского кустарника отойти за расположенную севернее очень удобную для обороны лощину. Дивизия Канробера в Тронвильском кустарнике и дивизия Лебефа восточнее его должны были последовать за ним [2], и, таким образом, Тронвильский кустарник опять попал в руки пруссаков. Не желая безапелляционно критиковать решения, принятые в волнениях боя, в трудно распознаваемой обстановке, мы все-таки должны сказать, что продолжение наступления Фойхтс-Рецом было необдуманным [3]. Прибывшие на поле сражения после 10-часового изнурительного марша «скорее бегом, чем шагом» 4 000 чел. 38-й бригады Веделя были двинуты для атаки с фронта обеих дивизий Лямиро, силой в 16 000 штыков. Последовала катастрофа опустошительнее той, которую испытали австрийские бригады в 1866 г., потому что Шаспо при обороне являлось еще более опасным оружием, чем игольчатое ружье. Это было как бы последним отголоском боев на пиках, когда 38-я бригада пошла «в штыки», причем она выпустила всего по четыре патрона на человека, тогда как на французского пехотинца приходилось около 80 патронов [4]: «Солдаты дивизии Гренье утверждали, что они расстреляли до 150 патронов на человека. Винтовки настолько нагрелись, что их едва можно было держать в руках».

[1] Ср. выше, стр. 40 и 63.

[2] Вторая дивизия Лебефа стояла в резерве.

[3] Хениг в «Документально-критической стратегии», стр. 127, высказывает мысль, что не Фойхтс-Рец, а Каприви подал повод к атаке 38-й бригады, но он не приводит решающих доказательств в пользу своего утверждения. Действительно, оно совершенно выпадает из рамок его описания и документально совсем плохо обосновано. Хениг ссылается на свидетельство ген.-лейт. Хейстера, который в 1897 г. рассказывал, что 16 августа 1870 г. он в чине ротмистра (см. о нем выше, стр. 115) находился в непосредственной близости от Фойхтс-Реца и Каприви, и слышал, как они спорили об использовании 38-й бригады. Ничто ни в малейшей степени не гарантирует, что Хейстер в своем подчиненном положении понял то, о чем шла речь.

Во всяком случае, с другой стороны, нужно обратить внимание на то, что мы не располагаем никакими данными для проверки показаний Каприви о его деятельности на левом крыле прусского боевого порядка. Тут источники нам изменяют. Однако, нет внутренней причины не доверять Каприви. Я чувствую к нему безусловное доверие, хотя в смысле критической оценки источников всегда рискованно верить деятелю, приводящему мотивы своих прежних решений тогда, когда обстановка уже разъяснилась.

[4] Давая эти цифры, как цифры, приводимые ниже, Хениг исходит из предпосылки, что у Лямиро было 20 000 активных бойцов. Я считаю боевой состав равным только 16 000 чел. Однако, Хениг хочет признать только минимальное количество патронов, выпущенных с французской стороны.

Кроме огня из орудий и митральез, бригада Веделя была осыпана 1 600 000 пуль Шаспо. Из 763 таких пуль попадала только одна, и все-таки бойня была ужасная: «Отступление 38-й бригады, — пишет Хениг, — представляет бесспорно самую ужасную драму великой войны». Она потеряла 68% своего состава, причем пропорция убитых и раненых была 3 : 4. «Где ваши офицеры?» — спрашивали у проходящей пехоты артиллеристы стоявших на позиции батарей. «У нас их больше нет», — был печальный ответ.

Оба Фойхтс-Реца и Альвенслебен хотели наступлением обеспечить левое крыло; теперь, за исключением нескольких задержанных батальонов дивизии Крааца, они израсходовали последний пехотный резерв, и левое крыло было обеспечено меньше чем когда-либо. Каприви говорит: «Безутешная катастрофа 38-й бригады побудила меня отдать приказ о том, чтобы офицеры штаба уничтожили имевшиеся при них документы. Я и теперь вижу, как летели клочья бумаги. Вечером я раскаивался в этом приказе». По поводу организации атаки Шварцкоппена военно-научная критика может в частностях сделать серьезные замечания, но в общем нельзя утверждать, что она могла быть ведена иначе. Все-таки главная ответственность за поражение ложится не на Шварцкоппена, а на генерала Фойхтс-Реца. Впрочем, и последнему сделали упрек, который вряд ли может быть признан справедливым. Говорят, будто наступление пруссаков приняло бы более благоприятный оборот, если бы Фойхтс-Рец позаботился о взаимодействии дивизии Крааца с бригадой Веделя. При этом забывают только, что как бригада Веделя к северо-западу от Тронвильского кустарника имела против себя две дивизии Лямиро, точно так же три другие французские дивизии из состава корпуса Канробера и Лебефа с 39 батареями стояли к северо-востоку от рощи в готовности встретить 9 батальонов Крааца в случае, если бы они отважились выйти в поле. Разгром 38-й бригады был неизбежным последствием того, что прусское левое крыло, на котором 18 000 прусских штыков противостояло 39 000 французских, произвело всего лишь с 4 000 чел. фронтальную атаку; вероятно, неудача была бы еще больше, если бы все пруссаки двинулись вперед в ту лощину между Вионвилем и Сен-Марселем, в которой был уничтожен 24-й полк.

После своего сокрушительного частого огня дивизии Лямиро не нанесли немцам энергичного контрудара. Несмотря на это, у пруссаков произошла паника. Уничтожение бумаг штаба ясно показывает, каково было настроение, когда пришлось преградить дорогу на Тиокур уланами, чтобы остановить бегство остатков разбитой бригады. Один майор с распущенным знаменем и музыкантами стал на окраине Тронвиля и приказал бить сбор. Все офицеры штаба занялись задержанием беглецов, уходивших в Тиокур, и направлением их в сильно обстреливаемый гранатами Тронвиль. Вследствие этого Фойхтс-Рец, стоявший к юго-востоку от Марс-ля-Тура, долго не имел в своем личном распоряжении ни одного офицера. Все-таки через прибывшего к нему ординарца ген. Крааца он успел послать приказание 20-й дивизии очистить Тронвильский кустарник и отойти к Тронвилю [1]. Краац в это время был в очень странном положении.

[1] Кажется, ген. Фойхтс-Рец отдал этот приказ в согласии с Каприви. Так как Альвенслебен и полковник Фойхтс-Рец, придерживаясь наступательной тактики, весьма плохо отзывались об очищении Тронвильского кустарника, то журнал военных действий 10-го корпуса, составленный Каприви, старается это проти-

Кронпринц Фридрих Карл, извещенный о сражении, сделал форсированный переезд в три мили и прибыл к западной опушке леса Вионвиль, а затем в 5 час. на высоту у Флавиньи. Поздно поняв свою стратегическую ошибку, он воскликнул: «Мы думали, что имеем дело с бегущей, разложившейся армией, а натолкнулись на людей, которые дерутся, как отчаянные». Но, будучи подавлен видом своих растаявших бранденбуржцев и едва обращая внимание на густо падавшие рядом с ним митральезные пули, кронпринц тотчас же сделал новую ошибку. С высоты у Флавиньи ему показалось, что 10-й корпус может атаковать французский боевой порядок. Он послал ген. Краацу, о прибытии которого на поле сражения его известили, приказ: «Со всеми наличными силами, с барабанным боем наступать против неприятельского правого крыла». Звук выстрелов и дым со стороны Марс-ля-Тура показывали, что 19-я дивизия вступила в дело. Ей также было послано приказание «энергично наступать», которое было получено как раз в тот момент, когда свершилась судьба бригады Веделя. Офицер из штаба 19-й дивизии пишет: «В то время как я стараюсь собрать наши обломки, мимо мчится адъютант с возгласом: «Его королевское высочество приказывает произвести общее наступление по всей линии». В первый момент я пришел в бешенство и крикнул в свою очередь: «Доложите, что это у нас уже исполнено. Здесь вы видите результаты». Ошибка, которую кронпринц приказывал совершить, была уже сделана выдающимся генералом Альвенслебеном и навязана сопротивлявшемуся Фойхтс-Рецу. Последний сопротивлялся под влиянием Каприви, который из всех начальников, участвовавших в бою у Вионвиля, один имел «искру». В военной профессии, да и во всех других, подобные люди редки. Но в первой особенно большое значение принадлежит моральному элементу, и тут обнаружился характер принца. Что касается оперативных способностей Фридриха Карла, то в сражении при Вионвиле он проявил их столь же мало, как в войну 1866 г. или при Гравелоте.

Если от полководца в высшем смысле этого слова требуют, чтобы его ум стоял на одной высоте с энергией, чтобы в нем обручились Марс и Афина-Паллада, тогда неудивительно, что такие люди встречаются редко.

Что касается ген. Крааца, то взгляд, брошенный на кровопролитие к западу от Тронвильского кустарника, показал ему, что следует слушаться Фойхтс-Реца, а не Фридриха Карла. Он отвел свою 20-ю дивизию назад к Тронвилю, и там рядом с ней стояли бранденбуржцы, ольденбуржцы и солдаты Восточной Фрисландии, истекшие кровью в Тронвильском кустарнике, а также обломки бригады Веделя, всего около 11 000 штыков большей частью совершенно разгромленных войск; казалось, что 39 000 французских штыков, расстреляв бригаду Веделя, готовились нанести прусскому левому крылу смертельный удар[1]. Внешность обманывала, но нервы Фойхтс-

воречие замаскировать. Журнал утверждает, что Фойхтс-Рец и Каприви, правда, говорили о частичном отводе войск 20-й дивизии из кустарника в деревню Тронвиль, но приказа об отступлении они не отдавали. Если же, по утверждению ординарца ген. Крааца, такой приказ был ему отдан, тогда, вероятно, генерал Фойхтс-Рец и Каприви по ошибке приняли ординарца 20-й дивизии за ординарца 19-й. Это, конечно, неправдоподобно.

[1] В тексте употреблено охотничье выражение «den Genickfand geben», т. е. нанести удар ножом в затылок.— *Ред.*

Реца еще меньше, чем раньше, могли выдержать испытание выжидательной тактики. Израсходовав в атаке свою последнюю нетронутую пехотную бригаду, он приказал находившейся в его распоряжении кавалерии двинуться вперед. 1-й гвардейский драгунский полк натолкнулся на пехоту противника, 5-я кавалерийская дивизия — на его конницу. Командир гвардейских драгун противился тому, чтобы бросить свой полк в пропасть. Фойхтс-Рец настоял на атаке в следующих словах: «Пусть полк и не будет иметь удачи, но если он задержит неприятеля хотя бы на десять минут и при этом ляжет до последнего человека, то он уже выполнит свою задачу и свое назначение». В этой атаке, прозванной «Todesritt» (скачка за смертью), драгуны потеряли треть нижних чинов и почти всех офицеров. Из атак 5-й кавалерийской дивизии развился около 6 час. 45 мин. крупнейший в этой войне кавалерийский бой. С обеих сторон было введено в дело около 5 000 всадников; пруссаки имели некоторое превосходство в числе (2 600 против 2 100) и отбросили противника, но не извлекли из этого морального успеха ощутительной пользы. Французские конные массы могли раздавить дивизию Рейнбабена, если бы наличная кавалерия разных корпусов действовала вместе. Но Базен вообще мог раздавить пруссаков, если бы только он поставил себе эту цель и для достижения ее сосредоточил свои силы. Таким образом, кавалерийский бой у Виль-сюр-Ирон является изображением большой вионвильской драмы в миниатюре: пруссаки произвели излишнюю и безнадежную атаку, а французы ограничились простым отражением ее.

Насколько мало принц Фридрих Карл ожидал 16 августа крупного сражения, видно из его инструкций 9-му корпусу[1]. Последний должен был 16 августа по пути к Маасу (эта обманчивая цель была указана командиру корпуса Манштейну в приказе по армии от 7 час. вечера 15 августа) достигнуть Силеньи на р. Сейль. Для войск, которые после полудня 15 августа дошли уже до Верни, это означало всего несколько километров марша, так что день 16 августа первоначально рассматривался в 9-м корпусе почти как дневка. Но Мольтке, который иногда не стеснялся вмешиваться в распоряжения командующих армиями, в 7 час. 15 мин. утра 16 августа приказал ген. Манштейну по возможности еще в этот день перейти Мозель. В то же время Мольтке дал указания Штейнмецу, который, повидимому, опять, как на р. Саар, хотел со своей 1-й армией протиснуться вперед, что 9-му корпусу, т. е. арьергарду 2-й армии, уже находящейся на левом берегу Мозеля, должно быть предоставлено первое место на пути марша. Однако, Мольтке это не вполне удалось; вернее сказать, результат перекрещивания колонн, вызванного распоряжениями Штейнмеца, был следующий: во главе оказалась 16-я дивизия 8-го корпуса, принадлежавшего к 1-й армии, затем двигался 9-й корпус и, наконец, остаток 8-го корпуса, так что последний оказался разорванным. Впрочем, 16-я дивизия (Барнекова) имела только одну пехотную бригаду, так как другую Штейнмец выделил к Диденгофену, вообразив, что эту крепость можно взять внезапным нападением. Манштейн получил приказ Мольтке об ускорении марша около полудня в Силеньи. Так как этот пункт отстоит более чем на 17 *км* по прямой от поля сражения, то Манштейн, не подо-

[1] См. по этому поводу стр. 121.

зревавший, что после отдачи вышеупомянутого приказа дело дошло до сражения, и приказавший спокойно готовить пищу, вряд ли мог с главными силами своего корпуса подойти к полю сражения засветло. Но один из его пехотных полков вместе с головной бригадой 8-го корпуса (командир бригады Рекс) стоял на квартирах на берегу Мозеля. Двинувшись на выстрелы и подстегиваемые просьбами 3-го корпуса о помощи, эти войска в 2 часа пополудни перешли реку. Когда бригада Рекса подошла к северной опушке леса Сент-Арнуль, от нее были выдвинуты два батальона для штурма Мезон-Бланш. Эта фронтальная атака тюрингенской пехоты, как и атака 11-го (силезского) полка из 9-го корпуса, сошла на-нет ввиду действия частого огня Шаспо. Довести гогенцоллернский полк бригады Рекса по полю, усеянному трупами, до неприятеля оказалось невозможным. Насколько его офицеры старались продвинуть своих людей вперед, видно из списка потерь: 17 офицеров на 94 солдата. Описанная атака, произведенная приблизительно в одно время с атакой бригады Веделя на другом фланге (между 5 час. 30 мин. и 6 час. 30 мин.), была столь же бесцельна и причинила почти такие же тяжелые потери: около 50% рядового состава и 77% офицеров в 5 принесенных в жертву батальонах! Впечатление, произведенное катастрофой у Мезон-Бланш на старших начальников прусского боевого порядка, было не столь ужасно, как впечатление от бойни близ Марсля-Тура; это объясняется тем, что обширные, трудно проходимые леса скрывали 3-й корпус, тогда как левый фланг 10-го корпуса висел в воздухе.

Принц Фридрих Карл на своем командном пункте у Флавиньи вообще ничего не узнал о событиях у Мезон-Бланш. Но его приказы всем частям и родам войск, отданные между 7 час. и 7 час. 30 мин., показывают, что он так же упрямо, как и прочие, за исключением Каприви, держался за наступательную идею. Неприятеля, который все время оставался в пассивно-оборонительном положении, нужно было потрясти морально последним общим натиском. В 1877 г. Фридрих Карл писал начальнику 5-й дивизии Штюльпнагелю: «Я припоминаю, что на той высоте (у леса Вионвиль) я говорил вам в таком смысле, что всякое сражение, следовательно и Вионвильское, может быть только проиграно, если прекратить борьбу. Победителем остается тот, кто дольше сохранит спокойствие и волю к победе, и я надеялся оказаться более упорным, чем Базен». Претворение такого настроения в жизнь, — а Фридрих Карл был для этого соответствующим человеком, — представляет высокую военную ценность, но оно все-таки не может заменить стратегию и тактику.

Никто не желал столь страстно сражения под Мецом, как Мольтке, но утром 15 августа, установив отступление французов после сражения у Коломбей — Нуйльи, он сказал Гебену, что до 17 августа не ожидает ничего серьезного за Мозелем. Передавая это выражение начальника генерального штаба, Гебен добавил: «А завтра мы все будем на той стороне». Рассчитывая посредством большого сражения принудить французов к переходу через северную границу Франции, Мольтке хотел дать это сражение лишь после сосредоточения всех германских сил. Фридрих Карл не верил в возможность вызвать сражение с такой крупной стратегической целью. Его биограф, вообще настроенный в очень хвалебном тоне, говорит, что Вионвиль представляет операцию, которая вследствие оши-

бочной оценки обстановки Фридрихом Карлом едва не потерпела крушения. Однако, своими последующими приказами, вызвавшими на следующий день на поле сражения все наличные силы, принц будто бы еще ярче проявил талант полководца. Это замечание верно постольку, поскольку приказы освещают упорство Фридриха Карла, совсем не думавшего об отступлении. Но общая атака непосредственно перед наступлением ночи, по истечении которой должны были прибывать корпус за корпусом (пока, по словам Гебена, все не перейдут Мозель), разве это полководческое искусство? Предпринятое наступление, сразу же после своего начала, остановилось, потому что пехота и артиллерия от изнурения не могли действовать, а кавалерия попала под пехотный огонь, причинивший гусарам Цитена потери в размере одной трети их состава. Ген. Фойхтс-Рец, по совету Каприви, вообще отказался выполнить невозможный приказ. Мы остаемся при высказанном мнении: историк не должен смешивать понятия, различая генерала, умеющего проявить свою личность, и полководца в оперативном смысле этого слова. Фридрих Карл ни в коем случае не является полководцем в последнем смысле.

Пруссаки могли считать себя победителями, потому что они бивакировали на части поля сражения, завоеванной у неприятеля смелым наступлением, но стратегического значения эта местность не имела. Можно было 17 августа преградить Базену отступление на Верден и на какой-либо другой западнее расположенной местности, и притом в условиях, облегчавших его оттеснение на север. Цена, уплаченная за Вионвиль, Флавиньи, Тронвиль и леса к северу от Горза, была огромная. Пехота 3-го корпуса потеряла более трети рядового состава и более половины офицеров и зауряд-офицеров, 52-й Бранденбургский пехотный полк имел даже убыль в 1 202 чел., или 52%, 24-й полк не на много меньше — 1 099 чел. 10-й корпус, приведенный на бойню позже 3-го, потерял меньше — ¼ рядового состава пехоты, но и это — высокая цифра, а судьба 38-й бригады, так же как и принявших участие в бою частей 8-го и 9-го корпусов, была потрясающая. Славы было приобретено достаточно, и вполне уместен был жест сурового генерала Манштейна, когда 18 августа, идя в бой под Гравелотом, он снял шапку перед фронтом 11-го силезского полка, желая почтить его за поведение при Вионвиле, как это сделал однажды железный Йорк перед полком принца. Однако, в настоящее время история имеет право, не обращая внимания на невесомые приобретения, трезво установить факт, что если бы руководители 2-й армии имели гений Мольтке или «искру» Каприви, то храбрые войска были бы избавлены от этих испытаний. А какой опасности подвергалось германское дело вследствие преждевременного, предпринятого с недостаточными силами наступления! В полдень боевого дня, когда брауншвейгские гусары преследовали французских гвардейских кирасир и Базен лично находился в опасности, был взят в плен начальник конвоя его штаба. Каприви узнал от этого офицера, что маршал лично руководит сражением. Только теперь начальник штаба 10-го корпуса приобрел абсолютную уверенность в том, что на поле сражения находится вся Рейнская армия, и он послал последнего остававшегося у него адъютанта в Понт-а-Муссон с поручением ориентировать принца Фридриха Карла относительно обстановки. Он приказал добавить,

что положение дел неблагоприятно. Ввиду отъезда принца на поле сражения адъютант сделал этот доклад генералу Мольтке, который в 4 часа 30 мин. вместе с главной квартирой прибыл в Понт-а-Муссон, приказав 2-й армии оттеснить Рейнскую армию к северной границе Франции[1]. Мольтке велел перенести главную квартиру короля из Херлингена в Понт-а-Муссон, но не особенно спеша переездом. Рассуждая разумно, он не ожидал 16 августа большого сражения на левом берегу Мааса. Теперь он услышал, что это сражение все-таки было вызвано и что оно приняло неблагоприятный оборот. Он сохранил свое спокойствие. Это невозмутимое поведение начальника генерального штаба отвечало обстоятельствам, существовавшим в действительности. Вследствие своей относительной малочисленности французы с начала кампании не проявляли инициативы, и Мольтке имел некоторое основание рассчитывать, что 16 и 17 августа произойдет то же самое. Он мог не слишком опасаться того, что Базен 16 августа разгромит 3-й и 10-й корпуса, а также другие немецкие части у Вионвиля, после чего на следующий день сделает попытку обрушиться своей сосредоточенной армией на остальные разбросанные силы немцев. Само по себе такое применение военного искусства было не совсем безнадежно, но Мольтке в Понт-а-Муссоне знал те духовные препятствия, которые делали его применение со стороны французского полководца невероятным. Он понимал, что, несмотря на численное превосходство немцев, форсирование Мозеля представляет опасное предприятие, но при данной обстановке нельзя было применить другую стратегию, а смелость присуща военному искусству. Я полагаю, что мы не можем больше почтить гений Мольтке, как представив себе те опасности, которым он подвергался при переходе через Мозель.

Часто приходится слышать, будто историк не должен изображать то, что могло бы произойти, если бы... Я думаю, что если бы он этого не делал, рассказывая лишь то, что действительно произошло, то история обнаружила бы опасную склонность упасть до уровня сухих средневековых хроник. В моем описании похода 1866 г. я подчеркивал, что история Германии могла принять совсем другое направление, если бы (предположение совершенно правдоподобное) победа пруссаков достигла лишь размеров французской победы в 1859 г. или даже осталась позади ее. Возможности, что Пруссия в 1866 г. вообще не добилась бы военного успеха, я в расчет не принимал, потому что метод «что произошло бы, если бы...» должен применяться с большой осторожностью. Он требует политического смысла; именно потому некоторые историки и не любят его. Теперь допустим, что Пруссия в 1866 г. одержала бы только сомнительную военную победу; можно ли было бы в этом случае поручиться за то, что Бисмарк будет занимать прочное положение при своем короле? Может быть, был бы назначен и другой начальник генерального штаба и вместе с тем в прусской стратегии восторжествовал бы тот дух посредственности, который в 1866 г. господствовал в других государствах и который в 1914 г. проник в нашу собственную стратегию.

Те же самые опасности снова угрожали германской национальной эволюции в день сражения при Вионвиле. Как обстояли дела? 2-я и

[1] См. выше, стр. 108.

1-я германские армии располагали 8 корпусами — 160 000 штыков [1]. Рейнская армия насчитывала пять корпусов, боевая сила которых должна быть определена в 125 000 штыков. Если бы французы обладали несколько большей инициативой (повторяю, что Мольтке имел право этого не ожидать), то близ Вионвиля находились бы еще: корпус Фальи, одна дивизия морской пехоты и три пехотных полка Канробера, так что Базен имел в своем распоряжении более 150 000 ружей. Если бы маршал, со всем порывом, которым хвалятся французы и на который они при соответствующих условиях действительно способны, перешел 16 августа в наступление, то он мог бы уничтожить 45 000 чел. прусской пехоты. В следующие дни ему могли противостоять лишь 116 000 чел. свежей пехоты, причем эти 6 корпусов подходили бы до полудня 18 августа постепенно [2]. Если мы представим себе второе победоносное сражение Базена против этих 116 000 штыков, то метод «что произошло бы, если бы...» был бы уже непригоден, выродившись в фантазирование. Кроме того, у немцев мы должны принять во внимание 4-й корпус и 3-ю армию. Последняя в составе 6 корпусов — 120 000 штыков — оперировала близ Нанси, следовательно, всего в одном большом переходе к югу от Понт-а-Муссона. 2-я и 1-я армии, будучи еще раз разбиты, могли бы отойти на 3-ю армию. Все же сокрушительная победа Базена у Вионвиля представила бы серьезнейшую опасность для дела немцев. Ни в коем случае нельзя поручиться, что на левом берегу Мозеля немцы вторично выступили бы против победоносного Базена. На германской стороне могли также обнаружиться препятствия психологического характера. В случае кризиса, когда речь шла бы о том, быть или не быть, мы не знаем, насколько Вильгельм I остался бы попрежнему верен своему начальнику генерального штаба. Последний по окончании войны говорил, что германское командование в 1870 г. было избавлено от самого тяжелого испытания — несчастья. Нельзя ответить на вопрос: каким оказался бы характер Вильгельма I при неудачном обороте дел. Этот вопрос относится к сфере того, «что произошло бы, если бы...» Тем не менее он должен быть поставлен для наглядного представления о том, что численное превосходство немцев, хотя и большое, все-таки было недостаточно для устранения опасностей, угрожавших им при вторжении во Францию. Если рассматривать вещи с чисто военной специальной точки зрения, то немцы были достаточно сильны, чтобы выдержать одно или два крупных поражения. Но области войны и политики в действительности не отделены друг от друга водонепроницаемыми переборками. Бисмарк никогда не понимал Мольтке: я об этом еще много раз буду говорить. Однако, король Вильгельм строго наблюдал за разделением дел по принадлежности. Это одно из его похвальных качеств; в этом отношении его внук мог бы многому у него поучиться. В 1866 г. начальник генерального штаба, который до тех пор подчинялся военному министру, сделался самостоятельной инстанцией, причем не вследствие какой-либо сознательной реорганизации, а просто по ходу вещей: король, желавший быть главнокомандующим и неспособный к оперативному мышлению, нуждался

[1] 4-й корпус (см. стр. 119) тут не принят в расчет, так же как и 1-й (см. стр. 108); зато принят в расчет 2-й (померанский) корпус.

[2] См. ниже, стр. 145.

в советнике[1]. Роон не мог им быть. Не говоря уже об административных делах, ему нужны были время и силы для наблюдения за королем, чтобы тот не свернул с бисмарковской линии внутренней политики. Все же военный министр имел и собственные стратегические взгляды и был виновником тех заблуждений в этой области, в которые впадал и тесно связанный с ним Бисмарк. Король никого так не слушался, как Роона, положившего конец старолиберальным экспериментам и создавшего новую организацию армии. Если бы счастье изменило Мольтке, то он мог пасть или быть оттесненным на задний план.

То обстоятельство, что Мольтке так спокойно принимал плохие известия с поля сражения, объясняется, помимо его знакомства с психологией противника, еще и особой причиной. Как показывают все документы, писанные его рукой, он не верил, чтобы вся Рейнская армия осталась в Меце. Подобно Фридриху Карлу, он полагал, что часть ее давно уже отступила к Маасу; только главные силы он надеялся (думая в этом отношении иначе, чем кронпринц) захватить близ Меца и оттеснить к границе. Итак, главные силы от 125 000 чел. пехоты — скажем, примерно, 80 000. Последствием такого преуменьшения сил противника было то, что Мольтке недооценил всей опасности у Вионвиля, хотя, с другой стороны, он оценивал силу сопротивления пруссаков, стоявших у шоссе Мец — Верден, слишком низко. Он не знал того, что сделал Каприви, и полагал, что 16 августа 3-й корпус будет по существу предоставлен собственным силам. Но он ожидал, что на другой день удар Базена будет встречен 118 000 немецких штыков. В 8 час. вечера Мольтке написал Штиле: «По нашим воззрениям решение кампании заключается в том, чтобы отступающие от Меца главные силы противника отбросить к северу. Чем больше неприятельских войск имеет перед собой 3-й корпус, тем крупнее будет успех завтра, когда против них можно будет использовать 10-й, 3-й, 9-й, 8-й и 7-й корпуса, а возможно также и 12-й»[2]. Как видно, Мольтке не особенно заботился о подтягивании саксонского корпуса, а о гвардии он вовсе не говорил, хотя она также находилась в пределах досягаемости и фактически в полдень 17 августа приблизилась к полю сражения. Эта беззаботность Мольтке исчезла, когда в ночь с 16 на 17 августа были получены донесения Фридриха Карла из Горза. Каково должно было быть положение у Вионвиля, если кронпринц не только вытребовал к себе гвардию и саксонцев, но и приказал последним совершить ночной марш в 4 мили! Он знал утомление этих войск, и, несмотря на это, они должны были при малейшей возможности «на рассвете» прибыть к Марс-ля-Туру. Кроме того, ночью приехал в Понт-а-Муссон подполковник генерального штаба Бронсар фон-Шеллендорф, будущий военный министр. Мольтке послал его из главной квартиры во 2-ю армию для информации, как перед Коломбей — Нуйльи был послан в 1-ю армию Брандштейн. Бронсар обрисовал начальнику генерального штаба положение 3-го и 10-го корпусов, близких к разложению. По его описанию, как и по сообщениям Фридриха Карла,

[1] Т. I, стр. 429, 541 (русск. пер. — т. V, стр. 297, 377).

[2] Одновременно было написано командованию 2-й армии: «Прежде всего, самое важное — возможно большую часть неприятельских сил оттеснить от Шалона и Парижа в северном направлении до границы, а при соответствующей обстановке также преследовать на люксембургской территории».

катастрофа была неминуема, если Базен 17-го перейдет в наступление, а немецкие подкрепления своевременно не будут на месте. В труде германского генерального штаба говорится: «Так как серьезность положения все более выяснялась, то король решил со всем своим штабом рано утром отправиться на поле сражения». Сверх того, в 2 часа утра 17 августа был послан следующий приказ Штейнмецу: «3-й и 10-й корпуса вчера удержали свою позицию. Но возможно более раннее — на рассвете (подчеркнуто Мольтке. — Э. Д.) — подкрепление настоятельно необходимо». Выражая в самой лаконической и захватывающей форме опасность создавшегося положения, великий мастер слова требовал от войск невозможного. Правда, 1-я армия была ближе к Вионвилю, чем саксонцы или гвардия, но все-таки от 15-й дивизии 8-го корпуса[1], расположенной у Лорри, расстояние до поля сражения составляло 13 *км* по прямой, а от 7-го корпуса, стоявшего у Силеньи, — около 17 *км*. Сверх того, нужно было перейти через Мозель[2]. Так как приказ Мольтке от 2 час. ночи 17 августа пришел в главную квартиру Штейнмеца в Куан-сюр-Сейль в 4 часа утра, то было невозможно, чтобы 1-я армия уже «на рассвете» пришла на помощь пруссакам на военной дороге Мец — Марс-ля-Тур. Только к полудню Альвенслебен и Фойхтс-Рец могли рассчитывать на помощь с этой стороны.

На войне все неопределенно. Все прусские генералы бродили в потемках, и даже Мольтке находил лишь приблизительно правильную линию. Базен также совершенно не понимал создавшейся обстановки. Под влиянием Лебефа он составил себе убеждение, будто при Вионвиле против него действовали значительно превосходящие неприятельские силы и в своей телеграмме военному министру не без самодовольства указывал, что он их отбросил, как и при Коломбей — Нуйльи. С левого крыла ему сообщили, что форма прусских раненых имела знаки различия 8-го и 9-го корпусов. Базен сделал из этого вывод, что сражался против соединенных сил 2-й и 1-й армий. Он полагал, что со своими пятью корпусами выдерживал натиск 8 корпусов. Рейнской армии сражение также обошлось не дешево. Она потеряла 14 000 офицеров и рядового состава против 16 000 на другой стороне. Но потери французов распределялись на 5 корпусов, тогда как у пруссаков едва два с половиной корпуса были в деле. Две французские пехотные дивизии потеряли ¼ своего состава, одна дивизия — $^1/_5$, а потери офицеров сравнительно с потерями рядового состава были у французов еще больше, чем у пруссаков. Однако, вследствие того, что французы имели большее число офицеров в тактической единице и применяли демократическую систему комплектования офицерского корпуса, потеря 834 офицеров для Рейнской армии была не столь ощутительна, как 711 офицеров для участвовавших в бою прусских войск. Кроме того, в Тронвильском кустарнике, при Марс-ля-Туре и у Мезон-Бланш были совершенно разгромлены пять прусских пехотных полков; в Рейнской армии эта судьба постигла лишь один полк 2-го корпуса, причем его потери достигли 44% боевого состава солдат.

[1] 16-я дивизия в составе имевшейся налицо одной бригады приняла участие в сражении (см. выше, стр. 136).

[2] Получив приказание Мольтке от 5 час. вечера 16 августа о наступлении, 1-я армия ночью устроила четыре переправы у Корнии и Арри (рядом с мостом 3-го корпуса, — см. выше, стр. 115—116.

Понятно поэтому, что дух Рейнской армии, поднятый уже сражением при Коломбей — Нуйльи, под влиянием Вионвиля поднялся еще выше. Армия, как и полководец, думала, что она оказала сопротивление большому превосходству сил и потому смотрела на день 16 августа как на свою бесспорную победу. Правда, дорога на Верден еще не была открыта, но в глазах Базена сражение при Вионвиле было первым сильным ударом, который должен был провести его дальше. Кронпринц Фридрих Карл отмечает в своем дневнике 17 августа, что 3-й и 10-й корпуса разгромлены. Базен правильно догадывался, что именно таково было положение на неприятельских биваках. Он считал мало вероятным, чтобы после тяжелых и бесцельных потерь 16 августа соединенные 1-я и 2-я армии предприняли еще раз наступление; напротив, он ожидал, что Фридрих Карл и Штейнмец теперь удовлетворятся оборонительной тактикой, что они передвинутся от поля происшедшего сражения к западу и займут хорошую позицию у Одиомона, на которой с перевернутым фронтом преградят французам путь к Маасу. Но тут, хотя они и запирали два больших шоссе Мец — Верден, Рейнская армия могла все-таки, без особой опасности, достигнуть Мааса ниже. Надеясь, что после Вионвиля немцы потеряли уже охоту к наступлению, Базен мог двигаться в обход позиции у Одиомона через Брие на север и вдоль бельгийской границы, не опасаясь быть оттесненным за нее. По его поручению ген.-интендант Вольф телеграфировал интендантам в Седан, Лонгви и Монмеди, чтобы они заготовили в Лонгюйоне (железнодорожная станция между крепостями Монмеди и Лонгви) возможно бо́льшие запасы хлеба, сухарей, рису, кофе, сахару, вина и водки.

Разумеется, Базен принимал в расчет и тот случай, что наступательная сила противника под Вионвилем не сломлена. Вследствие этого он и не думал двигаться на Лонгюйон тотчас же 17 августа, тем более, что он считал нужным отправить своих раненых в Мец, из складов крепости пополнить израсходованные боевые припасы и получить продовольствие. Он допускал возможность, что эта остановка ему повредит, так как германская главная квартира подтянет из соседнего Нанси армию кронпринца Прусского. Все же после опыта 16 августа он считал себя в силах при всяких обстоятельствах отразить новые атаки неприятеля, если последний будет встречен не на случайной позиции у Вионвиля, а на позиции, заблаговременно избранной и подготовленной. Итак, 17 августа маршал отвел свои войска, бивакировавшие, подобно пруссакам, на поле сражения, в среднем, на 11 *км* назад, по направлению к Мецу. Полный порядок, в котором совершился этот маневр 180 000 чел. со всеми обозами, наглядно показал, что дух армии со времени ее отступления от р. Саар к Мецу повысился. Базен допускал возможность, что пруссаки атакуют его армию на марше, и принял соответствующие меры, но столь быстрая инициатива противника, понесшего большие потери, представлялась ему маловероятной. В своей оправдательной записке он ясно и точно излагает те стратегические мысли, которые руководили им в этот день. Он говорит: «В моих интересах было сделать попытку к соединению с войсками маршала Мак-Магона, которого мне подчинили, потому что тогда я перешел бы в наступление во главе 250 000 чел. Но для этой цели нельзя было тратить понапрасну ни времени, ни людского материала; особенно нужно было избегать контрудара,

потому что он мог сильно повредить тем дипломатическим шагам, которые сделал император. Считаю нужным настойчиво повторить, что, когда я расположил армию между Розерьелем и Аманвиллером и отдал точнейшие приказы для самого солидного укрепления этих линий моей мыслью было ожидать там неприятеля. Предшествовавшие бои [1] показали мне, что оборонительное сражение,— может быть два сражения,— на позициях, которые я после их прикрытия полевыми укреплениями считал неприступными, поглотят силы моих противников. Они понесли бы значительные потери, которые при повторных ударах принудили бы их освободить мне дорогу...»

Глава VI

Сражение при Гравелоте (18 августа 1870 г.)

В 6 час. утра 17 августа король и Мольтке появились на той самой высоте близ Флавиньи, откуда накануне (в полдень и вечером) Фридрих Карл отдавал свои неосуществимые наступательные приказы. Рано утром 17 августа 9-й корпус стоял в готовности оказать в случае неприятельской атаки помощь 3-му и 10-му корпусам. Как упоминалось, 7-й и 8-й корпуса подошли лишь в полдень. Директива Фридриха Карла 12-му корпусу — «с восходом солнца» приблизиться к Марс-ля-Туру — была невыполнима, хотя кронпринц Альберт, получив ее в Понт-а-Муссоне в полночь, начал движение уже в 1 час 30 мин. Саксонцам нужно было пройти 4 мили [2], а, кроме того, командование 2-й армии упустило указать саксонцам и гвардии отдельные дороги. Вследствие этого неоднократно происходили скрещивания колонн, и войска часами не могли продвинуться вперед. В результате саксонская пехотная дивизия, бивакировавшая у Реньевиля, только после 2 час. пополудни достигла Марс-ля-Тура, а Альберт с другой дивизией после 4 час. стал биваком у Пюксье [3]. Одна гвардейская пехотная дивизия прибыла в 5 час., другая, левее саксонцев, в 6 час. вечера. Труд французского генерального штаба, уделяющий этим вопросам особое внимание, говорит не без основания: «Гвардия и половина саксонского корпуса прибыли только к концу дня... и после очень продолжительного и утомительного марша. Свыше не было отдано никаких приказов, и отсутствие согласованности между командирами обоих корпусов имело дурные последствия, которые могли бы сделаться гибельными в случае, если бы опасения верховного командования относительно наступления французов оправдались. Но французы в 11 час. утра очистили Резонвиль, а в 3 часа пополудни — Гравелот. Немцы не могли точно установить, отступили ли они в Мецу или по направлению на Верден».

[1] Кроме Вионвиля не следует забывать Коломбей—Нуйльи, где потери пруссаков были также значительно больше, чем у французов. Понятно, что Базен их еще преувеличивал.

[2] Бивакировавшим у Реньевиля по пути к Маасу (см. стр. 122) — несколько менее.

[3] Южнее Марс-ля-Тура.

Принимая во внимание раздробление германских сил, явившееся неизбежным последствием перехода через Мозель и продолжавшееся до вечера 17 августа, Мольтке не хотел в этот день наносить удар [1]. Он задерживал соприкосновение германских передовых частей с французскими арьергардами в той же мере, в какой Блюменталь вечером накануне сражения у Верта, желая дать на следующее утро сражение, поощрял такое установление соприкосновения с противником. Труд германского генерального штаба говорит: «Указание в этом смысле было послано в полдень генералу Штейнмецу, который... тотчас же пошел навстречу намерениям верховного командования (между прочим, он отзывал с опушки леса Во стрелявшую батарею [2]) и всячески стремился обеспечить выполнение приказа». Так же поступил и принц Фридрих Карл. В журнале военных действий штаба 2-й армии говорится: «До подхода ожидаемых корпусов, которые могли прибыть не ранее полудня,— вернее, после полудня,— представлялось целесообразным сосредоточить все наличные силы на случай хотя и ставшего маловероятным, но все-таки возможного неприятельского наступления. Вследствие этого первоначально не был отдан приказ о выделении одной из имевшихся в распоряжении кавалерийских дивизий к дороге на Донкур [3]. Находившаяся в сторожевом охранении дивизионная кавалерия должна была попрежнему продолжать наблюдение за неприятелем». Это продолжалось не только «первоначально», но и в течение всего дня. Биограф Фридриха Карла Ферстер находит задержание кавалерийских дивизий до полудня, пожалуй, приемлемым, после же этого времени — безусловно ошибочным; однако, мне кажется, что такая критика распоряжений принца неосновательна. Германские силы сосредоточились только к 6 час. вечера, а не в полдень. Если, примерно, до этого времени желали безусловно избежать мало-мальски крупных столкновений с противником, тогда в какой же момент должны были выступить кавалерийские массы? Ведь их разведывательная деятельность должна была распространиться очень далеко, если действительно желали добыть последние сведения. Впрочем, Мольтке полагал, что обстановка известна ему и без дальнейших разведок. Уже в 2 часа пополудни он сообщил Фридриху Карлу и Штейнмецу диспозиции на следующий день. 2-й армии было приказано в 5 час. утра 18 августа начать наступление на север уступами с левого фланга между Виль-сюр-Ирон и Резонвилем. Из 1-й армии 8-й корпус должен был примкнуть к правому крылу 2-й армии, а 7-й корпус — «сначала» обеспечить 2-ю армию со стороны Меца. «Связь с 8-м корпусом нужно искать только впереди»,— писал Мольтке Штейнмецу, с которым завязалась переписка относительно выполнения оперативного приказа. Итак, все должны были наступать в северном направлении. Эта диспозиция была неверная, так как Базен отступил не на север, а на восток. Штейнмец указал Мольтке на это. Выбирая наблюдательный пункт к югу от Гравелота, он сам видел, что французы были сосредоточены у Пуэн-дю-Жур и Моску, куда отошли корпуса Фроссара и Лебефа и где строились полевые укрепления. На это сообщение Мольтке ответил, что если неприятельская армия на самом

[1] Другие мнения, например у Ферстера («Friedrich Karl», т. II, стр. 224), основываются, очевидно, на недоразумении.

[2] Подробнее см. выше, стр. 65.

[3] Среднее из трех шоссе, ведущих из Меца в Верден. Южное было теперь в руках немцев.

деле повернула к Мецу, то с германской стороны будет сделано захождение вправо. Произвести такой маневр 8 корпусами (8-м был 2-й корпус, померанский, прибытие которого ожидалось в полдень 18 августа), представляло чрезвычайные трудности. Опыт сражения это подтвердил.

Как Мольтке впал в свою ошибку относительно оценки намерений Базена? Объяснение заключается, конечно, в том, что ему трудно было расстаться со своей излюбленной идеей — оттеснить Базена к бельгийской границе, находившейся всего в двух переходах. Из трех военных дорог, ведущих из Меца в Верден, южная — через Резонвиль, Вионвиль, Марс-ля-Тур — была заперта, на ней стояли немцы. Средняя — через Гравелот, Донкур, Жарни, Конфлан,— была в своем исходном пункте (Гравелот) также потеряна французами; кроме того, по мнению Мольтке, она находилась слишком близко от южного шоссе, чтобы Рейнская армия могла по ней двигаться[1]. Зато начальник германского генерального штаба считал вероятным, что Базен попробует отступить по северному шоссе через Брие. От этого пункта французы могли направиться к Маасу как через Этэн, так и через Лонгюйон. Брие лежит близ р. Орн, немного к северу от нее. Мольтке ожидал столкновения с неприятелем еще южнее этой реки. Вообще он придерживался принципа, что противнику следует приписывать разумные намерения, но теперь этому принципу не последовал. Базен, который уже 16 августа имел соприкосновение с германскими войсковыми массами, очевидно, не мог 18 августа надеяться на то, что при марше на север, с обозами впереди и посреди колонны, ему удастся уклониться от сражения. А если бы он принял сражение тылом к бельгийской границе, то при существовавшем соотношении сил это также было бы неразумно. Я предвижу возражение читателя: «А разве разумно дать себя отрезать от Франции, заняв позицию с перевернутым фронтом так, что базисом для Рейнской армии оставался один лишь город Мец? Вед мы знаем, что́ из этого вышло». На это можно ответить, что дальнейшее гибельное развитие событий отнюдь не являлось обязательным. Базен рассуждал вполне разумно. Если немцы были настолько ослаблены сражением при Вионвиле, что пока не могли ни двигаться, ни шевелиться, то он хотел совершить марш к Маасу в обход их расположения через Брие. Если же он переоценивал свой успех у Вионвиля или если бы немцы стянули большие подкрепления, тогда, вместо того чтобы в открытом поле, с бельгийской границей в тылу, подвергнуться опасности верного уничтожения, — он предпочел бы отказаться от марша к Маасу, остаться под Мецом и разыграть второй Вионвиль. Не нужно забывать, что Базен рассматривал сражение при Вионвиле как победу, полагая, что ему удалось отбросить 2 неприятельские армии (из 3), нанеся им самые тяжелые потери. Еще один или два Вионвиля, но со стрелковыми окопами и полевыми укреплениями, и тогда видно будет, что́ делать дальше!

В тот момент Мольтке не вполне понимал это военное искусство, но из этого отнюдь не следует, что если даже Мольтке оши-

[1] 17 августа разведывала одна саксонская кавалерийская дивизия, но далеко от обеих неприятельских армий — у Сент-Илера на южном и Сен-Жан-ле-Бюзи на среднем шоссе. Вечером в главную квартиру Фридриха Карла прибыл ординарец, который доложил, что дивизия послала разъезды по всем направлениям, но нигде не обнаружила сомкнутых неприятельских частей, а всего лишь несколько отсталых солдат.

бался, то тем более принц Фридрих Карл и другие прусские генералы должны быть совершенно оправданы за свое необдуманное стремление к Маасу. Вопреки инструкциям Мольтке, Фридрих Карл, в согласии со всеми своими генералами, начал «параллельный марш» к Маасу. Тогда 2-я немецкая армия и Рейнская армия французов достигли бы реки почти одновременно. Никто бы не радовался этому так, как Базен. Ведь он сказал: «В моих интересах было сделать попытку к соединению с войсками маршала Мак-Магона, которого мне подчинили, потому что тогда я перешел бы в наступление во главе 250 000 чел...» С немецкой стороны это уже нельзя было бы предотвратить, если бы «параллельный марш» тремя корпусами по дороге через Вионвиль вообще был выполним. Зато оперативный приказ Мольтке от 2 час. пополудни 17 августа был не только выполним, но и поправим в своих ошибочных частях. В 5 час. утра 18 августа при словесной отдаче приказов собранным командирам корпусов Фридрих Карл дал им живое представление об обстановке с прусской стороны, заметив: «Трудно сказать, где найти неприятеля. Полагают, что вчера вечером он находился в отступлении на обеих дорогах впереди нас через Конфлан. 3 дивизии, которые вчера можно было наблюдать на биваке у Гравелота, вероятно, также ушли. Если это не случилось, то генерал Штейнмец их атакует. При этом возможно, что 9-й корпус[1] прежде всего вступит в дело. Нельзя определить, получится ли из всего этого для 2-й армии захождение вправо или влево». Последняя фраза весьма предусмотрительна, но распоряжения принца для наступательного марша вызывают недоумение. Он приказал произвести этот марш не в обычных походных колоннах, а в широких массах, образуемых дивизиями[2]. Между обеими дивизиями корпуса должна была двигаться корпусная артиллерия. Это построение пехоты мотивировалось тем, что, вероятно, уже на расстоянии менее мили наступающие войска столкнутся с противником. Построение было столь же неповоротливо, как l'ordre de marche pour le combat,—порядок, в котором упражнялись на французских маневрах и который был применен Мак-Магоном при Мадженте, когда он наступал против австрийцев. Из-за этого Мак-Магон тогда едва не проиграл сражения[3]. При Гравелоте эта опасность была предотвращена тем, что командиры корпусов мало или даже совсем не заботились об этом распоряжении Фридриха Карла, которое не имело прецедента при мирном обучении прусской пехоты. Зато другое неправильное мероприятие принца пришлось выполнить. Как мы видели, саксонский корпус стоял биваками у Марс-ля-Тура, гвардия — влево от него. Теперь Фридрих Карл приказал, чтобы эти войсковые части поменялись местами. Напрасно оба корпусных командира указывали ему на то, что последствием будет скрещивание колонн: гвардия была вынуждена три часа топтаться у Марс-ля-Тура, пока 12-й корпус передвигался влево. Как мы уже слышали, принц предполагал, что сражение завяжется на правом крыле 2-й армии. Справа от нее действовал 8-й корпус 1-й армии, которым командовал ген. Гебен, один из лучших генералов прусской армии. Саксонский кронпринц Альберт был также выдающимся военачальником. Казалось бы, что при таких условиях Фридрих Карл мог считать свой 9-й корпус особенно хорошо обеспеченным с флангов, но он смотрел иначе.

[1] Правое крыло 2-й армии, примыкавшее к 8-му корпусу 1-й армии.
[2] Но не корпусами, как говорит Ферстер (стр. 230).
[3] Т. I, стр. 278 (русск. пер. — т. V, стр. 198).

Правда, в оперативном приказе Мольтке 8-му корпусу было указано следовать за 2-й армией, но Гебен, собственно говоря, подчинялся не принцу, а Штейнмецу. Альберт был его подчиненным, но Фридрих Карл, не говоря уже о недоверии к непрусским контингентам, никак не мог преодолеть мысли, что кронпринц Саксонский (рассматривая факты с чисто внешней стороны) покинул Бенедека под Кениггрецом [1]. «Вы не можете отрицать, что ваше крыло начало отступление первым».

В 6 час. утра 2-я армия вместе с 8-м корпусом, лишь слабо связанным с ней (так как он принадлежал, по существу, к 1-й армии), начала наступление на север; исключение составлял 3-й корпус, который, по настоянию Мольтке, был оставлен у Вионвиля, чтобы поддержать 7-й корпус на случай действий со стороны Меца. Принц Фридрих Карл занял командный пункт при 3-м корпусе. В 8 час. 30 мин. к нему прибыл посланный из главной квартиры [2], подполковник Верди-дю-Вернуа, будущий военный министр. Он доложил, что, по мнению Мольтке, главные силы противника стоят «еще» впереди Меца. Следовательно, Мольтке был убежден, что они предполагают отступать в северном направлении. Далее, Верди-дю-Вернуа сообщил, что неприятельское расположение простирается до Ля-Фоли [3]. Ввиду этого 2-й армии нужно пока сделать остановку, иначе гвардия и 12-й корпус (они были направлены на Донкур и Жарни) слишком далеко отклонятся влево. Если эти сведения относительно французской позиции подтвердятся, 7-й и 8-й корпуса должны атаковать неприятеля с фронта, тогда как 9-й корпус у Ля-Фоли обойдет его правое крыло. Относительно других корпусов — 3-го, 10-го, гвардейского и саксонского — инструкция Мольтке указывала лишь, что они должны пока остановиться.

Наряду с ложным предположением, что французы находятся на пути в Верден, представление об обстановке, составленное Мольтке, заключало в себе вторую, гораздо большую ошибку. Он оценивал численность неприятеля в 100 000—120 000 чел., следовательно, в 60 000—80 000 штыков. Это было вполне естественно, так как он всегда полагал, что против него не вся Рейнская армия, а только ее главные силы [4]. На самом деле Базен имел более 110 000 штыков, и его боевой порядок простирался от Сен-Рюффина близ Мозеля не на 6 *км* к северо-западу до Ля-Фоли, а на целые 11 *км* до Ронкура. Таким образом, Мольтке направлял 9-й корпус, назначенный для охвата правого крыла противника, в действительности против его центра. Однако, начальник германского генерального штаба отдал лишь предварительную директиву. Ее выполнение зависело от сведений, добытых кавалерией 2-й армии. Но как в 1866 г. при вступлении в Богемию [5], так и теперь Фридрих Карл опять держал свои кавалерийские дивизии позади фронта. Перед фронтом находились всего лишь 6 эскадронов дивизионной кавалерии: четыре саксонские, один

[1] Т. I, стр. 552 (русск. пер.— т. V, стр. 384).

[2] Король 17 августа после полудня вернулся из Флавиньи (см. выше, стр. 142) в Понт-а-Муссон, а 18-го в 6 час. утра опять появился у Флавиньи.

[3] У Верди («In grossen Hauptquartier, стр. 88) ошибочно сказано: Аманвиллер. Судя по приказам, которые принц отдал корпусам (ср. Ферстер, т. II, стр. 246), Верди должен был назвать принцу Ля-Фоли или Лейпцик. Разница значительная.

[4] Ср. стр. 101 и 107—108.

[5] Т. I, стр. 558 (русск. пер. — т. V, стр. 388).

гвардейский и один 9-го корпуса. Саксонский кавалерийский полк и гвардейские гусары могли только сообщить, что из двух шоссе, открытых еще для французов, южное—через Конфлан—свободно от неприятеля; о шоссе же через Брие они пока не прислали никаких сведений. На основании донесения гессенского эскадрона [1], который разведывал у Батильи, едва в 6 *км* от главной неприятельской позиции, ген. Манштейн донес принцу Фридриху Карлу: «Разъезды, высланные в северном и северо-восточном направлениях, никакого неприятеля не видели». Итак, хотя наступательный марш на север продолжался уже долго, Фридрих Карл не получил от своей кавалерии сведений, двигается ли неприятель или стоит на месте, а если стоит, то где его следует искать. От начальника штаба 1-й армии, который по пути к королю проезжал мимо командного пункта Фридриха Карла, принц узнал, что неприятель в больших массах стоит на высотах перед 7-м корпусом, не трогаясь с места. В противоположность этому Мольтке уведомил принца, что видимые на высотах перед Мецом французские войска, кажется, двигаются на Брие. Это уведомление начальника германского генерального штаба, полученное принцем в 10 час., не только нельзя было совместить с наблюдениями 7-го корпуса, но оно не согласовалось и с сообщением Верди, сделанным в 8 час. 30 мин.

Однако, стояли ли французы на месте или совершали походное движение, во всяком случае они были в достижимой близости именно перед Мецом. Ввиду этого в 10 час. принц Фридрих Карл решился отдать приказ ген. Манштейну, чтобы он наступал на Ля-Фоли и произвел атаку, «если неприятель стоит там своим правым крылом». Второе ограничение приказа об атаке гласило, что это прежде всего следует произвести посредством многочисленной артиллерии. Для главной атаки Фридрих Карл хотел сначала подтянуть гвардию и 9-й корпус; 12-й корпус вследствие продолжавшейся неизвестности о местонахождении неприятеля должен был пока удерживать свою позицию у Жанри; что касается 3-го корпуса, то принц предполагал вывести его в Ля-Фоли во второй линии. Верховное командование должно было озаботиться одновременностью атаки 2-й и 1-й армий. Из состава последней 8-й корпус стоял у Гравелота, 7-й корпус — у леса Во. Правильно ли поступил принц Фридрих Карл, когда, сообразно своим сведениям о намерениях и положении противника, приказал 9-му корпусу атаковать? Ответ на этот вопрос явствует из инструкции Мольтке, полученной принцем в 11 час. 30 мин. Мольтке попрежнему колебался относительно того, остаются ли французы у Меца или хотят отступить на Верден; но он полагал, что, так как они достаточно долго простояли между Сен-Рюффином и Монтиньи-ля-Гранж [2], то при всяких условиях их можно будет или обойти у последней фермы, или же, в случае отступления на Брие, атаковать во фланг у Сент-Мари-о-Шен. Для того чтобы в случае необходимости иметь возможность выполнить этот последний маневр, Мольтке приказал принцу Фридриху Карлу направить гвардию и 12-й корпус на Батильи: «Атака должна последовать одновременно —

[1] 9-й корпус состоял из 18-й (прусской) и 25-й (гессенской) пехотных дивизий с одной кавалерийской бригадой. См. выше, стр. 16.

[2] Так теперь сказано вместо Ля-Фоли или Лейпцика. Хотя Монтиньи-ля-Гранж расположено не так далеко к югу от Аманвиллера, как вышеназванные два пункта, но все же в расстоянии 1½ *км* по прямой.

1-й армией из леса Во и Гравелота, 9-м корпусом против леса Жениво и Верневиля, левым крылом 2-й армии с севера». Этот план сражения, составленный Мольтке неправильно вследствие плохой разведки Фридриха Карла, предусматривал, что если французская армия будет встречена у Сент-Мари-о-Шен, то ей не удастся занять тщательно избранную, крепкую позицию, и она будет застигнута посреди похода. Заблуждение Мольтке, а именно недооценка численности противника и незнание его позиции, могло бы при других условиях (историк должен это теоретически высказать) привести к катастрофе; практически же в этом прусском наступлении не было чрезмерного риска, так как, считая померанский корпус, 143 000 штыков сражались против 110 000.

Поставим вновь вопрос: правильно ли поступил Фридрих Карл, приказав в 10 час. утра 9-му корпусу произвести артиллерийскую атаку? Мы пока воздержимся от критики и лишь установим факт, что в разобранной выше инструкции Мольтке, полученной принцем в 11 час. 30 мин.[1], ничего не сказано о подготовке атаки 2-й армии 9-м корпусом, как единственным, находившимся в соприкосновении с неприятелем. Наоборот, Мольтке говорит: «Атака должна последовать одновременно — 1-й армией из леса Во и Гравелота, 9-м корпусом против леса Жениво и Верневиля, левым крылом 2-й армии с севера».

Одновременно с приказом Мольтке принц Фридрих Карл получил донесение разведывавшего у Батильи гессенского эскадрона о том, что на шоссе Гравелот — Брие замечено движение колонн и что у Сен-Прива находится лагерь. Если второе наблюдение гессенцев могло направить принца на верный след, то первое должно было сбить его с толку. Оно усилило его представление о том, что противник отступает. Принц всегда склонялся к этому и даже предполагал, что французы могут сделать попытку уйти к Маасу через Диденгофен[2]. Диспозиции Мольтке для сражения также принимали в расчет возможность отступления неприятеля. Тогда гвардия и 12-й корпус должны были атаковать его во время исполнения этого маневра у Сент-Мари-о-Шен. Это старая идея Мольтке — атаковать большую часть Рейнской армии с левого фланга и оттеснить ее на север к границе. Таким образом, донесение гессенской кавалерии вовсе не должно было удержать принца от исполнения указаний Мольтке. Для точного выполнения предписаний начальника генерального штаба Фридрих Карл приказал гвардии совершить марш от Донкура к Аманвиллеру не через Верневиль, как им было раньше (в 10 час. 15 мин.) приказано, а через Батильи — Абонвиль. 12-й корпус был направлен им на Сент-Мари-о-Шен, а 10-й корпус на соседний Сент-Эль. 3-му корпусу, при котором он находился и с которым лично хотел наступать, принц приказал итти на Верневиль для поддержки 9-го корпуса. Что касается этого последнего, то Фридрих Карл не понял Мольтке. Как мы знаем, 9-му корпусу было еще полтора часа назад приказано итти на Ля-Фоли и, если неприятельская позиция не протягивается далее этого пункта, произвести атаку, но первоначально лишь артиллерией, чтобы гвардия могла притти на помощь. Теперь эти инструкции были повторены ген. Манштейну с тем изменением, что

[1] Отправлена в 10 час. 30 мин.

[2] Насколько невероятно подобное предприятие Базена, было сказано на стр. 117.

если фронт противника окажется длиннее фронта 9-го корпуса, то «серьезное дело» нужно отложить до прибытия гвардии. Этим было отменено одно из двух ограничений, прибавленных прежде к приказу об атаке: какова бы ни была длина французской позиции, артиллерия должна была немедленно выступить. Кроме того, принц велел сообщить Манштейну, что сражение разовьется лишь постепенно и потому, вероятно, у него достаточно времени, чтобы разрешить войскам сварить кофе. Картина постепенно развивающегося сражения, как она представлялась принцу, выражена лаконически и наглядно в приказе 12-му корпусу. Там сказано: «7-й, 8-й, 9-й и гвардейские корпуса через два часа атакуют противника, стоящего на позиции на высотах от Лейпцика до леса Во, тылом к Мецу. Во второй линии следуют для поддержки 2-й, 3-й, 10-й и 12-й корпуса». Что последний корпус следует во второй линии, это было выражено не совсем точно [1]. Вернее сказать, он должен был оттеснить на север все те французские силы, которые не стояли на позиции, а совершали походное движение. В своих оперативных концепциях и Фридрих Карл и Мольтке исходили из предпосылок, что, с одной стороны, немецкие войска находятся против стоящих на позиции больших сил, а с другой стороны — необходимо принимать в расчет и возможность отступления неприятельских масс. Замысел сражения у принца был следующий: оценивая неприятельские силы в 60 000—80 000 штыков, которые, к тому же, предполагались разбросанными, он хотел в первой линии бросить на противника 74 000 штыков. На случай необходимости во второй линии должны были находиться в готовности к действию еще 32 000 немецких бойцов. Дальнейшие 37 000 назначались для того, чтобы у Сент-Мари-о-Шен и Сент-Эль [2] оттеснить французов от дороги на Брие и Верден.

Все это находилось в соответствии с намерениями Мольтке, но только не преждевременная атака 9-го корпуса. Она последовала уже на основании приказа принца (от 10 час.), ставившего условием для нее, чтобы позиции французов не протягивались далее Ля-Фоли. Ген. Манштейну при подходе его войск показалось, что это именно так. Он выдвинул авангард к Шантрену против Ля-Фоли и велел выехать на позицию позади его 9 батареям, которые около полудня начали обстреливать предполагаемый фланг французской позиции. Тут генерал вдруг заметил, что у Аманвиллера также стоят французские массы и что правое крыло противника простирается еще гораздо дальше на север. Тогда для прикрытия этих 9 батарей он выдвинул в поле, между лесом Ля-Кюсс и лесом Жениво, 18-ю дивизию; 25-й дивизии, которая, двигаясь к Ля-Фоли, дошла уже до Верневиля, он приказал повернуть назад, пройти в интервал между лесом Ля-Кюсс и лесом Дозейон и стать к востоку от Абонвиля. Тут 25-я дивизия прикрывала свои 5 батарей, которые открыли огонь с 1 часа пополудни.

[1] Ферстер говорит (т. II, стр. 242), что, согласно намерениям принца, 12-й корпус должен был действовать позади гвардейского. Но от Сент-Мари-о-Шен до Аманвиллера около 4 *км* (по прямой), которые саксонцы с этой целью должны были бы пройти обратно. Вряд ли Фридрих Карл имел в виду такое передвигание взад и вперед больших войсковых соединений, тем более что согласно диспозициям кронпринц Альберт должен был выполнять у Сент-Мари-о-Шен важную задачу. Только тогда, когда по условиям обстановки выяснилось бы, что предполагаемая задача отпадает, саксонцы могли быть приняты в расчет при Аманвиллере вместе с гвардией.

[2] Здесь 10-й корпус.

Эти 5 батарей стреляли на северо-восток по направлению на Сен-Прива, а те 9 батарей — на юго-восток против Ля-Фоли. Всего это составляло 84 орудия. К ним присоединились около 1 часа пополудни четыре батареи гвардии, авангард которой в это время достиг Абонвиля (весь корпус двигался через этот пункт)[1]. В то время как гвардейские батареи стали на позиции левее гессенских, по направлению на Сент-Эль, принц Фридрих Карл, приехавший на гул канонады в 9-й корпус, приказал корпусной артиллерии 3-го корпуса присоединиться к батареям 18-й дивизии. В момент получения этого приказа бранденбургские артиллеристы как раз принимали 171 лошадь, которые были присланы для пополнения части потерь, понесенных в сражении при Вионвиле. Это задержало выступление, и только к 4 час. 6 батарей прибыли на поле сражения. Теперь в центре действовали всего 144 прусских орудия. Им отвечали только 98 французских, по большей части корпуса Лямиро, некоторые батареи принадлежали корпусу Лебефа, стоявшему южнее Лямиро, несколько батарей — корпусу Канробера на севере. Понятно, что при таком соотношении сил французская артиллерия к 4 час. пополудни была совершенно подавлена.

Несмотря на это, Фридрих Карл сделал ошибку, предприняв свою артиллерийскую атаку. Если бы французы ограничились простой артиллерийской дуэлью, то, с германской точки зрения, все обстояло бы благополучно. Но генералы Лямиро и Лебеф рассуждали иначе, они двинули свою пехоту против немецких батарей и пехоты, которая их прикрывала: 30 000 штыков против 17 000. Согласно оперативному замыслу Базена, контратаки французов производились только на короткие расстояния, но пехота 9-го германского корпуса вообще не трогалась с места, так как по инструкции она должна была атаковать неприятельский фронт лишь тогда, когда гвардия будет готова охватить позицию французов с фланга. Гвардейская же пехота только в 5 час. 30 мин. атаковала Сен-Прива. Мольтке, находясь на высоте у Флавиньи, услышал канонаду со стороны леса Ля-Кюсс и, видимо, неприятно удивленный этим, послал в 1 час 45 мин. следующее сообщение командованию 2-й армии: «Перед лесом Дозейон 9-й корпус уже ведет артиллерийский бой. Серьезная общая атака по всей линии последует не раньше (подчеркнуто Мольтке), чем значительные силы будут в состоянии наступать от Аманвиллера». Позади 9-го корпуса пехота 3-го корпуса появилась у Верневиля только в 3 часа, и до 4 час. помощь ее не могла проявиться.

Такова была обстановка, при которой Манштейн, согласно инструкции Фридриха Карла, отказался от обычного способа ведения боя прусской пехоты При Шпихерне, Верте. Коломбей — Нуйльи и Вионвиле немцы старались уравнять недостатки своего худшего ружья тем, что, насколько возможно, оставались наступающими. Теперь 18-я и 25-я дивизии, стоя на месте, должны были терпеть, как пехота корпуса Лямиро и дивизии Монтодона из корпуса Лебефа, залегшая в лощинах, складках местности и бороздах, вне досягаемости игольчатого ружья. поливала их пулями Шаспо. Кроме того, французы подвезли четыре батареи митральез. По сравнению с пушками, митральезы имели лишь незначительную дальность, но дальности этой было достаточно для нанесения тяжелых потерь немцам, кото-

[1] См. выше, стр. 150.

рые не атаковали митральезных батарей[1]. Вообще при данных благоприятных условиях митральезы и ружья Шаспо действовали с отличным успехом не только против немецкой пехоты, но и против корпусной артиллерии 9-го корпуса, и батареи 18-й дивизии должны были до конечной победы пройти через тяжелые перипетии (батареи 25-й дивизии стояли более укрыто). Одна из 9 батарей 18-й дивизии испытала (повторяя выражение, часто употребляемое в труде германского генерального штаба) катастрофу, а другая была выведена из строя. Несколько контратак, предпринятых отдельными немецкими батальонами частью для прикрытия линии орудий, частью же из чистого отчаяния, не достигли положительных результатов.

Потери за этот день составили: в 18-й дивизии 20% рядового состава и почти половину офицеров и их заместителей, в 25-й дивизии — соответственно 18% и 40%. Артиллерия 18-й дивизии потеряла $^1/_5$ рядового состава и почти половину офицеров и их заместителей; корпусная артиллерия — около 30% нижних чинов. В последней части едва ли хоть один офицер вышел из боя нераненым. Пехота корпуса Лямиро также сильно пострадала в сражении при Гравелоте; вследствие превосходства немецкого артиллерийского огня эта пехота потеряла почти четверть своего рядового состава. Французская артиллерия, которая, в общем, как и всегда в 1870 г., мало делала, понесла потери только в 13%. Мы уже говорили, что потери французов в офицерах, хотя сравнительно высокие, были для них менее чувствительны. Преждевременная атака Фридриха Карла на Ля-Фоли и Монтиньиля-Гранж не достигла главных позиций Базена, приведя лишь к занятию передовых французских пунктов Шантрен, Л'Анви и Шампенуа, а около 4 час. 30 мин. пополудни она и совсем замерла. Тем не менее, эта атака не способствовала достижению стратегических целей французского полководца. Последний надеялся упорной обороной на неприступном гребне высот до такой степени ослабить немцев, чтобы исчезло их численное превосходство и вместе с тем улетучилась их стратегическая смелость. Однако, для этого потери, понесенные 9-м корпусом, были еще недостаточны. Превосходство огня, которое в конце концов приобрела германская артиллерия, даже подняло дух германских войск.

Описав действия в центре французов, перехожу к их правому крылу, которое должна была обойти гвардия у Аманвиллера, поскольку это крыло *стояло на месте*, тогда как 12-й корпус получил приказание атаковать с левого фланга *двигающиеся* французские массы, примерно, у Сент-Мари-о-Шен, и оттеснить их к бельгийской границе. При этом мог помочь 10-й корпус со стороны Сент-Эля. В 11 час. 30 мин. и в 12 час. гвардия послала принцу Фридриху Карлу донесение о том, что французская пехота стоит у Сент-Мари и в особенно большом числе у Сен-Прива; между этими пунктами находится палаточный лагерь, который, повидимому, снимается.

[1] Насколько мало иногда поддается оценке польза того или иного военно-технического изобретения, показывает следующее место из 3-го издания Энциклопедического словаря Мейера (Meyers Konversationslexikon) 1876 г. Там под заголовком «Орудия» сказано (стр. 725): «После германо-французской войны большинство государств... возобновило прерванные раньше опыты с митральезами.. В общем, вывод как будто сводится к тому, что... в крепостной войне они могут играть более видную роль, чем в полевой. При происходящем в настоящее время техническом усовершенствовании полевых орудий митральезы будут, вероятно, все более исчезать из полевой армии».

Сообщения гвардии были получены принцем после 1 часа пополудни у Сен-Марселя, когда он подъезжал к полю боя 9-го корпуса. Снимавшийся лагерь, как и сделанное за полтора часа до этого наблюдение гессенской кавалерии, что по шоссе на Брие двигаются французские колонны, должны были укрепить принца в его мнении, что большая часть неприятельской армии находится на пути к Маасу. Это убеждение укоренилось в нем еще крепче, когда около 1 часа 30 мин. перед самым Верневилем, где он хотел занять свой командный пункт против Аманвиллера для наблюдения за боем 9-го корпуса, он получил следующее донесение кронпринца Саксонского: «Место отправления — Жарни, 11 час. 45 мин. утра. Повидимому, противник стоит у Муанвиля и Сент-Мари-о-Шен. Ввиду этого 12-й корпус наступает на эти два пункта». Если смотреть от фронта, который германская армия занимала перед наступлением, Муанвиль лежит отнюдь не в направлении на Сен-Прива и Ронкур, т. е. на правый фланг французов, а, наоборот, в сторону от него к Маасу. Пробыв около часа сначала у Верневиля, потом у Абонвиля, Фридрих Карл установил, что оконечность неприятельского боевого порядка находится не у Лейпцика, Ля-Фоли или Монтиньи-ля-Гранж и даже не у Аманвиллера, а что французы занимают позицию до Сен-Прива включительно. От внимания принца ускользнуло, что эта позиция простирается даже еще дальше — до Ронкура. Однако, уже фронт между Сен-Рюффином и Сен-Прива был столь длинным, требовал так много войск для своего занятия, что едва ли можно было верить разделению противника на две части и движению значительных французских сил к Маасу. Итак, у Абонвиля принц убедился в том, что план, составленный Мольтке после Коломбей — Нуйльи и все время им проводимый в жизнь — оттеснить большую часть Рейнской армии к границе — потерпел крушение. Немцам приходилось сражаться не фронтом на север, а фронтом на восток, лицом к Германии. Диспозиции Мольтке были рассчитаны также и на эту возможность; вследствие этого Фридрих Карл увидел гвардию у Абонвиля. По инициативе своего корпусного командира, принца Августа Вюртембергского, она даже продвинулась до Сент-Эля по направлению на Сен-Прива[1]. С 1 часа 30 мин. 9 из 15 батарей гвардейской артиллерии обстреливали неприятельские батареи между Аманвиллером и Сен-Прива. Но Мольтке не предусмотрел, что придется иметь дело с неразделенной Рейнской

[1] Напомним, что вследствие ничем не оправдываемого вмешательства принца Фридриха Карла гвардия выступила со своего бивака западнее Марс-ля-Тура с опозданием на три часа. Далее, во время наступления ей было приказано, по директиве Мольтке, сделать остановку. Подполковник Верди-дю-Вернуа прибыл с этой директивой в 8 час. 30 мин. утра к командующему 2-й армией. Тогда 12-й корпус только что очистил дорогу для гвардии. Теперь Фридрих Карл приказал принцу Августу, согласно указанию Мольтке, продвинуться только до Донкура и там пока остановиться. Первая дивизия гвардии подошла к Донкуру в 11 час., голова 2-й дивизии в это время была еще южнее Брювиля. Что произошло бы, если бы эти войска достигли означенных пунктов вместо 11 в 8 час.? Вследствие приказа Мольтке пока остановиться они не пошли бы дальше Донкура, тем более, что Фридрих Карл и без этого приказа хотел остановить гвардию у Донкура, чтобы раньше ориентироваться относительно нахождения противника. Если бы войска гвардии уже в 8 час. прибыли в Донкур и Брювиль, им все-таки пришлось бы находиться тут до получения (незадолго до 11 час.) приказа Фридриха Карла, отправленного в 10 час. 15 мин., о продолжении марша по направлению на Верневиль. Таким образом, произведенная гвардией и 12-м корпусом перемена мест, кроме излишнего утомления войск, не имела других последствий (ср. стр. 252).

армией и обходить неприятельский фронт длиной (по прямой) в 11 *км*. Он определял длину французского фронта самое большее в 7 *км*, а силы Базена между Сен-Рюффином и Ронкуром вместо 110 000 штыков всего в 70 000. По мнению Мольтке, гвардия, наступая на Аманвиллер, охватывала правое крыло Базена.

Для принца Фридриха Карла выяснилось у Абонвиля, что план сражения, разработанный начальником германского генерального штаба, основывается на ложных предпосылках и что гвардия у Аманвиллера не может произвести охватывающего движения; ей предстоит фронтальная атака Сен-Прива. Принцу не пришло в голову, что обход французов, который должен был совершиться не у Аманвиллера, а севернее Сен-Прива, можно поручить 10-му корпусу. Встретив противника более сильного, чем ожидалось, Фридрих Карл считал нужным иметь резерв для гвардии; это понятно, так как он не мог предугадать пассивно-оборонительную тактику французов. Кроме того, 10-й корпус, подобно 3-му, вышел из сражения при Вионвиле столь сильно потрясенным, что его лучше было, по возможности, использовать в качестве резерва. Эта обстановка, из которой следовало, что обход противника выпадает на долю 12-го корпуса, раскрылась перед глазами командующего 2-й армией в 3 часа пополудни, когда он получил в двух экземплярах следующее сообщение кронпринца Саксонского: «Отправлено 18 августа, 2 часа 30 мин., из Батильи. Саксонский армейский корпус переходит 24-й пехотной дивизией в наступление на Сент-Мари-о-Шен, а 23-й пехотной дивизией обходит через Куанвиль и рощу, лежащую между этим пунктом и Ронкуром, правое крыло французов». После того как все сведения саксонских разведчиков о французах, которые будто бы у Муанвиля или еще где-то в долине р. Орн находятся на марше к Маасу, оказались ложными, для кронпринца Альберта на его командном пункте у Батильи выяснилась, по существу, истинная обстановка. С французами, совершающими походное движение, не предстояло иметь дела, они все стояли на местах. При таких условиях задача, которую Мольтке поставил 12-му корпусу — оттеснить двигающихся французов на север к границе, — рассеивалась как дым. Продвигаясь в северном направлении, Альберт мог лишь взять Сент-Мари-о-Шен, передовую позицию относительно Сен-Прива. Это он хотел выполнить одной дивизией, а другой дивизией совершить захождение на восток для обхода оконечности правого крыла противника.

Это было самостоятельным решением, делающим тем более чести своему автору, что он ведь имел в руках приказ Фридриха Карла о том, что 12-й корпус должен следовать во второй линии за гвардией в качестве ее поддержки. Альберт продолжал заблуждаться в том отношении, что считал Ронкур не занятым; подобно Фридриху Карлу он предполагал, что неприятельское правое крыло простирается до Сен-Прива.

Еще до получения принцем Фридрихом Карлом известия от кронпринца Саксонского к нему приехал в 2 часа 30 мин. из главной квартиры короля капитан генерального штаба фон-Винтерфельдт, привезший приведенное выше сообщение Мольтке: «Перед лесом Дозейон 9-й корпус уже ведет артиллерийский бой. Серьезная общая атака по всей линии последует не раньше, чем значительные силы будут в состоянии наступать от Аманвиллера. Высота у Флавиньи, 1 час 45 мин.». Значительные силы, которые Мольтке хотел направить через

Аманвиллер, состояли из гвардейских войск. Дорога через Аманвиллер была заперта и, чтобы прорвать заграждение, гвардия должна была взять Сен-Прива. Но овладеть этим селением только посредством штурма было трудно. После отъезда Винтерфельдта обратно к Мольтке было получено донесение кронпринца Саксонского о том, что он одной из своих дивизий произведет атаку во фланг. В 2 часа пополудни 23-я дивизия находилась у Батильи. Она должна была наступать через Куанвиль и рощу, лежащую между этим пунктом и Ронкуром. Расстояние от Батильи через Куанвиль до Ронкура составляет около 8 *км* по прямой. Труд генерального штаба говорит: «Рощи между Обоне (у Куанвиля) и Ронкуром имеют, как и большинство тамошних лесных пространств, густую поросль из низкого кустарника и потому трудно проходимы. Через них тянется глубокий овраг с крутыми склонами...» Одна баварская бригада, которая под Вертом двигалась по густому лесу, употребила на прохождение подобного же расстояния 2¾ часа при отсутствии такого препятствия, как названный овраг. О местности между Куанвилем и Ронкуром германские генералы не имели более точных сведений, но всегда нужно рассчитывать на препятствия. Стало быть, Фридрих Карл мог ожидать, что 23-я дивизия подойдет к Ронкуру (принц не знал, что этот пункт также занят неприятелем) самое раннее в 5 час.

Задолго до того как Мольтке (вследствие канонады в 9-м корпусе) сообщил принцу Фридриху Карлу, что «серьезная общая атака по всей линии последует не раньше, чем значительные силы будут в состоянии наступать от Аманвиллера», он послал Штейнмецу следующую директиву: «Слышимый теперь бой является лишь частным столкновением впереди Верневиля и не обусловливает (подчеркнуто Мольтке) общей атаки 1-й армии. Она не должна обнаруживать большие войсковые массы, а в случае необходимости — только артиллерию для завязки последующей атаки». Этот приказ Мольтке был столь же мало выполнен, как и инструкция Фридриха Карла о том, что 9-й корпус должен первоначально действовать одной артиллерией. Манштейн не мог поступить иначе по той причине, что продвижение французских стрелков и митральез против германских батарей вынудило его ввести в дело свою пехоту. Напротив, 1-я армия не имела никакой надобности нарушать полученную директиву. Ведь перед фронтом ее находились местные препятствия, затруднявшие приближение неприятельских стрелков: полоса густого леса, через которую с севера на юг протекал ручей Манс, в это время пересохший, но имевший высокие обрывистые берега. Следовательно, Мольтке поступал правильно, рекомендуя тут артиллерийскую атаку; наоборот, соответствующий приказ Фридриха Карла не принимал в расчет других условий местности у Верневиля. Правда, вообще нелегко было обуздать стремление генералов к наступлению в этом сражении, где левому немецкому крылу с 6 час. утра до 6 час. 30 мин. вечера приходилось маневрировать с целью создать предпосылки для одновременного наступления всех корпусов. В одно время с открытием артиллерийского огня на правом германском крыле, в 12 час. 45 мин., Гебен двинул одну из своих дивизий через лес и овраг Манс, чтобы атаковать французов между Моску и Пуэн-дю-Жур. Ему удалось вместе с соседом слева, Манштейном, овладеть несколькими французскими передовыми пунктами — в частности, лежавшей на шоссе Гравелот — Мец фермой Сент-Юбер, которая в 3 часа была взята

15-й дивизией и следовавшей за ней бригадой 16-й дивизии. Однако, эти войска находились еще в 350 *м* от главной позиции французов, усиленной полевыми укреплениями. Корпус Лебефа от Моску и корпус Фроссара от Пуэн-дю-Жур, недосягаемые для полков Гебена, хотя и лежавшие под сильным огнем прусской артиллерии, осыпали атакующих немцев пулями Шаспо. Потери 15-й дивизии 18 августа составили $^1/_5$ рядового состава, а из 250 офицеров и их заместителей не менее 125 было ранено.

Введенная в дело бригада 16-й дивизии имела, по крайней мере в одном из своих полков, такую же высокую убыль рядового состава, как и пехота 15-й дивизии, офицеры же обоих полков бригады оставили на поле сражения ⅓ своего состава. Напротив, корпуса Фроссара и Лебефа потеряли под Гравелотом всего около 6%. Следовательно, 8-й германский корпус провел Гравелотское сражение столь же плохо, как и 9-й корпус. Почему Штейнмец не воспретил своему подчиненному Гебену эту нецелесообразную и противоречившую приказу пехотную атаку? Это объясняли своеобразным неопределенным положением, в котором в это время находился 8-й корпус между 1-й и 2-й армиями. Хотя Гебен и продолжал оставаться в подчинении у Штейнмеца, но он должен был принять участие в наступательном марше Фридриха Карла на север. Однако, последнее распоряжение Мольтке само собой совершенно отпало, после того как выяснилось, что неприятель, по крайней мере большая часть его, стоит на позициях, а не отступает в северо-западном направлении. Таким образом, право Штейнмеца распоряжаться 8-м корпусом на практике опять восстановилось. И командующий 1-й армией и Гебен находились у Гравелота, всего в нескольких стах шагах друг от друга; во время сражения Штейнмец отдавал 8-му корпусу различные приказы, но он и не подумал о том, чтобы воспрепятствовать атаке пехоты Гебена.

За время кампании это было первой операцией, в которой командовал Штейнмец, потому что при Шпихерне и Коломбей — Нуйльи он прибыл на место боя уже после осуществления пруссаками их решительных планов; конечно, и после этого он причинял вред своими бессвязными приказами. Поскольку дело зависело от помешанного глухого старика, под Гравелотом все шло вверх дном. Своим болезненным упрямством Штейнмец парализовал начальника штаба армии, который не мог действовать уравновешивающим образом, как и Цастров, известный нам в качестве командира 8-го корпуса при Шпихерне и Коломбей — Нуйльи. От чистой случайности зависело, принимал ли Штейнмец верные или ошибочные меры. Правильно было то, что он задержал пехоту Цастрова, ограничившись лишь выставлением его артиллерии правее артиллерии Гебена, так что севернее и южнее Гравелота почти все орудия 1-й армии действовали, начиная с 2 час., против левого французского крыла. Мы знаем, что с 3 час. 30 мин. корпусная артиллерия 3-го и 9-го корпусов обстреливала центр французов у Ля-Фоли и Аманвиллера. Во втором часу гвардейская артиллерия выехала на позиции у Сент-Эля, и с 4 час. 30 мин. почти все ее батареи вели огонь по неприятельским позициям между Аманвиллером и Сен-Прива. После полудня и вечером артиллерия 12-го корпуса и большинство батарей 10-го корпуса приняли участие в действиях против правого французского крыла, которое составлял корпус Канробера. Несмотря на это, последний, который, подобно корпусам Лебефа и Фроссара, не предпринимал крупных контратак своей пехо-

той, понес под Гравелотом всего 9% потерь. Со стороны французов большую убыль убитыми и ранеными имел только корпус Лямиро, к которому прусская артиллерия в самом начале сражения подошла особенно близко, так что разгорелся большой артиллерийский бой. Немцы ввели в дело из 117 батарей около 90; около 6 час. вечера прибыла к Гравелоту еще корпусная артиллерия померанского корпуса. Французы имели 87 батарей, но, по сравнению с немцами, лишь незначительная часть их артиллерии приняла участие в бою, потому что для отражения ожидаемой одновременной атаки всех германских корпусов французское командование считало нужным держать в резерве артиллерийские силы [1]. Таким образом, в 1-й армии генералу Хиндерсину и в гвардии принцу Гогенлоэ (автору поучительных мемуаров), руководившим соответствующими линиями огня, удалось в несколько часов приобрести бесспорное превосходство над артиллерией Базена. В сочинении Germain Bapst, Le Maréchal Canrobert (Жермен Бапст, Маршал Канробер) изображена картина настроения дивизии ле-Вассор-Сорваля под огнем Гогенлоэ: «Разрыв гранат, особенно когда он происходил в рядах наших солдат, лежавших плашмя на земле, влиял на их дух; иногда какой-нибудь несчастный подбрасывался на 2—3 *м* в воздух и его окровавленные клочки, вместе с кочнами капусты и комьями земли, падали на его товарищей».

Батальонный командир Филибер пишет: «...В 25-м линейном полку люди лежали плашмя на животе, не стреляя. Среди барабанщиков был один негр Жозеф, который с другими барабанщиками лежал позади своего батальона. Граната разорвалась на нем, оборвала ему обе ноги и зажгла его одежду. Несчастный испускал ужасные крики, которые были слышны издали. Люди батальона оглядывались в ужасе, и я начал уже опасаться, что этот вой вызовет панику. Я подошел, причем задал себе вопрос: не лежит ли на мне обязанность нанести раненому последний удар, чтобы положить конец его крикам и тому ужасному зрелищу, которое он представлял. Тело, разорванное на две части, истекало кровью, и раненый тотчас же умер... После таких сцен даже стальные нервы долго не могут успокоиться...»

«...Филибер был первоклассный командир, со здравым смыслом, по характеру и сердцу незаурядный человек. Он знал войну, в которой участвовал в продолжение пятнадцати лет непрерывно. Хладнокровие оберегало его от помрачения взгляда даже во время самых тяжелых кризисов. Короче, это был один из самых замечательных офицеров Рейнской армии. Поистине, если такой человек почувствовал себя потрясенным, каково должно было быть моральное состояние других, менее закаленных бойцов!» [2].

Это описание относится к французским войскам, расположенным между Аманвиллером и Сен-Прива. Рассказ Хенига (Hönig, 24 Stunden Moltkescher Strategie) [3] о действительности орудийного огня Хиндерсина на другом французском крыле дополняет и углубляет картину: «После сражения почти не оказалось убитых и раненых ружейными пулями, а почти все были выведены из строя артиллерий-

[1] Жалобы генералов, особенно Канробера, на недостаток боевых припасов подвергнуты разбору в труде французского генерального штаба (т. III, стр. 771 и сл.) и признаны преувеличенными.

[2] «Le Maréchal Canrobert. Souvenirs d'un siècle par Germain Bapst», Париж, 1913, т. VI, стр. 409.

[3] «24 часа Мольтковской стратегии», Берлин, 1891 г., стр. 89.

ским огнем. В большой груде обломков, тянувшейся почти без перерыва от Моску до Пуэн-дю-Жур, кругом лежали защитники (особенно в Моску), ужасно искалеченные и разорванные германскими гранатами. Конечности и части тела были отброшены на 30—50 шагов, камни и песок местами сильно обрызганы кровью. В Моску и в Пуэн-дю-Жур на оборонительных позициях были найдены обуглившиеся французы, значительное число раненых носило следы огня, опалившего их одежду и тело. Вперемежку лежали... части взлетевших на воздух передков, расстрелянных лафетов и колес и... много страшно изувеченных и разорванных лошадей». Несмотря на то, что корпуса Лебефа и Фроссара с 12 час. 45 мин. пополудни до самой ночи подвергались этому огню и вели пехотный бой с правым немецким крылом, оставляя свои позиции для коротких контратак, они потеряли всего 6%. Потери корпуса Канробера были несколько больше, но ему пришлось выдержать штурм гвардии и 12-го корпуса против Сен-Прива. Хотя потери от 5 до 10% обычно не вынуждают хорошие войска к отступлению, но все-таки под неприятельским орудийным огнем французы чувствовали себя как в аду, и неудивительно, что с немецкой стороны то тут, то там видны были беспокойные передвижения в боевом порядке Базена. Из таких наблюдений Штейнмец уже в 3 часа заключил, что неприятельский фронт потрясен и что французы начали отступление. Он приказал кавалерии и артиллерии преследовать. 32 эскадрона и 11 батарей прошли лесную чащу и овраг по шоссе Гравелот — Мец. Хениг описывает это шоссе следующим образом: «Дорога от Гравелота сначала пролегает по открытому полю; затем, вступив в лесную полосу, она идет по выемке, пересекает овраг Манс по плотине вышиной в 20 футов, окаймленной по бокам каменными стенками высотой до колена... Эта дорога, в большей своей части обстреливаемая неприятелем, была плохим путем подхода для немцев, особенно по той причине, что восточный выход из нее находился под действительным ружейным огнем. Войска, раз вступившие на нее, уже не могли свернуть по своей воле вправо и влево; двигаясь по этой дороге в лесу, они могли только итти вперед или назад. К востоку от леса дорога выходила из выемки, но по обеим сторонам ее тянулись каменоломни, препятствовавшие кавалерии и артиллерии выйти в поле. На этом основании следует говорить не о дороге, а о длинном, шириной в 15 *м*, дефиле». В то время как названные кавалерийские и артиллерийские массы двигались против французов по этому дефиле, им же воспользовалась и бо́льшая часть бригады 16-й дивизии. Гебен послал эту бригаду через лес вслед за 15-й дивизией, так как, в полном противоречии со взглядами Штейнмеца, он опасался каждую минуту быть вытесненным из Сент-Юбера и опрокинутым в овраг Манс. Правда, Лебеф и Фроссар пока ограничивались обстрелом впереди лежащей местности из ружей Шасло; только небольшие пехотные части иногда переходили в наступление, но положение 8-го корпуса до 7 час. 30 мин. вечера, когда подошел к лесу Манс авангард 2-го (померанского) корпуса, становилось все труднее. Войска, выдвинутые Штейнмецом, должны были вернуться за Манс, что при загромождении шоссе могло быть выполнено лишь с суматохой, а в артиллерии и с чувствительными потерями; 6 батарей до конца дня утратили способность действовать. Войска Гебена также с трудом выдерживали ружейный огонь с неприступных неприятельских позиций, несмотря на то, что

между 3 час. 30 мин. и 6 час. 30 мин. перешла через овраг Манс последняя бригада корпуса и один полк 7-го корпуса также занял позицию восточнее леса. С 5 час. бой тут начал затихать, так же как в 9-м корпусе — около 4 час. У германских батарей снарядов оставалось в обрез, а нервы французской пехоты, вследствие большого напряжения, уже не выдерживали. Но и силы 8-го корпуса были для этого дня исчерпаны. Из его 25 батальонов неорганическая смесь 59 рот, эквивалент 15 батальонов, теснились у Сент-Юбера, где местность давала некоторое укрытие от Шаспо.

Военная критика резко порицала Штейнмеца за то, что он не двинул 7-й корпус на помощь 8-му. Мы знаем, что в этом отношении он лишь исполнял указания Мольтке. Правда, можно возразить, что раз Гебен ввязался в бой, то не оставить его в беде было сравнительно меньшим злом. Ведь и при Верте части 11-го корпуса поспешили на помощь 5-му корпусу; хотя ген. Бозе и опасался нарушить этим намерения армейского командования, но когда со стороны позиции ген. Кирхбаха послышалась канонада, он уже не мог сдержать свои войска. При Шпихерне командир 7-го корпуса Цастров и командир 3-го корпуса Альвенслебен, не задумываясь, вступили в дело, несмотря на то, что дивизия Камеке ввязалась в бой, который был нецелесообразен и противоречил объявленным планам верховного командования. У Коломбей — Нуйльи опять-таки Цастров, вопреки предписаниям Мольтке и Штейнмеца, бросился в сражение, вызванное самовольно одной из его бригад. Так же поступил там Мантейфель. При Вионвиле головной полк 9-го корпуса, перейдя через Мозель, двинулся на орудийные выстрелы к великому неудовольствию ген. Манштейна, которого об этом не спросили. Однако, самостоятельное решение командира полка фон-Шенинга, нашедшего здесь геройскую смерть, принесло пользу, потому что появление на поле сражения войск свежего корпуса обмануло Базена относительно сил противника. Штейнмец мог сослаться на эти прецеденты, вводя пехоту 7-го корпуса для выручки пехоты 8-го корпуса. Однако, в отличие от Альвенслебена и Цастрова при Шпихерне, Цастрова у Коломбей — Нуйльи, подобное решение затруднялось для Штейнмеца тем, что у него не было бы резерва, так как корпус Мантейфеля остался на правом берегу Мозеля для прикрытия железной дороги в Германию. Резервом для 1-й армии служил 2-й корпус, который, собственно, принадлежал ко 2-й армии и прибыл на поле сражения только в 8 час. вечера. Следовательно, вполне понятно, что командующий 1-й армией не поддержал пехоту Гебена пехотой Цастрова. Критики утверждают, что этим Штейнмец саботировал план сражения, составленный Мольтке, потому что последний хотел обойти французов на о б о и х флангах. Однако, для историка, методически исследующего источники, обстоятельства дела не так ясны, как они представляются при специально военном рассмотрении дела. Вечером 17-го августа 8-й корпус бивакировал у Горза, будучи отделен большим непроходимым лесом от 7-го корпуса, главные силы которого стояли на биваках у Арса, выдвинув отряды на северные опушки лесов Во и Оньон. Следовательно, линии подхода 1-й армии к полю сражения пролегали: для 8-го корпуса — через Резонвиль и Гравелот на Моску и Пуэн-дю-Жур, так что Гебену приходилось произвести фронтальную атаку, а для 7-го корпуса — через лес Во на Розерьель и Сен-Рюффин, конечные

пункты позиции Базена. Таким образом, на долю Цастрова выпадал обход фланга французов, если этот маневр был выполним.

Считал ли Мольтке его выполнимым? В 4 часа утра 18 августа он написал Штейнмецу: «7-му корпусу следует первое время держаться оборонительно. Связи с 8-м корпусом нужно искать только впереди». Итак, при наступлении 7-й корпус должен был двигаться через лес Во; определение момента и всех остальных условий наступления было оставлено до последующих распоряжений. Несколько указаний последовало в 10 час. 30 мин. утра: «По полученным донесениям можно заключить, что противник хочет держаться на плато между Пуэн-дю-Жур и Монтиньи-ля-Гранж... Атака должна последовать одновременно 1-й армией из леса Во и Гравелота, 9-м корпусом — против леса Жениво и Верневиля, левым крылом 2-й армии — с севера». Мольтке сознавал, что такая одновременная атака может произойти лишь поздно днем. В директиве от 4 час. утра он писал: «Непосредственная поддержка 1-й армии, если понадобится, последует из второй линии 2-й армии». Вторая линия 2-й армии состояла из 10-го, 3-го и 2-го корпусов. Из них 10-й корпус нельзя принимать в расчет в качестве резерва 1-й армии, так как, будучи расположен у Тронвиля, он должен был составить опору 2-й армии при ее наступлении в северном направлении. 2-й корпус выступил в 4 часа утра 18 августа из Понт-а-Муссона, и ему нужно было сделать до Гравелота 23 *км* (по прямой). Стало быть, только 3-й корпус, расположенный у Вионвиля, мог бы быть обещанным резервом для 1-й армии. Мольтке сначала имел в виду этот корпус для такого применения, но около 11 час. утра 18 августа отказался от своего намерения, потому что принц Фридрих Карл высказал ему желание иметь корпус Альвенслебена у Верневиля в качестве резерва для корпуса Манштейна. Таким образом, для Штейнмеца оставался лишь 2-й (померанский) корпус, и до 7 час. 30 мин. вечера 1-я армия не имела ни одного корпуса в резерве.

Тем рискованнее было самовольное наступление пехоты Гебена, и потому сдержанность Штейнмеца является в благоприятном свете. Нельзя сказать, чтобы его распоряжения относительно 7-го корпуса были безупречны. Этот корпус должен был действовать фронтом на север. Вместо этого в момент прибытия померанского корпуса 12 батальонов Цастрова стояли фронтом на восток и сражались вместе с 8-м корпусом или прикрывали линию артиллерии обоих корпусов, и только 11 батальонов на северной опушке леса Во были обращены фронтом на север. Но и они не составляли компактной массы; лишь половина их была на северной опушке леса Во, а другая — далеко оттуда в долине Мозеля, южнее Сен-Рюффина — вела бесцельный бой с бригадой Ляпассэ. Следовательно, Штейнмец раздробил свои силы и сделал для себя невозможным при общем наступлении поддерживать связь между 7-м и 8-м корпусами движением от леса Во. Очевидно, Штейнмец не понял данных ему директив. Ссылка командования 1-й армии на непроходимость леса Во не относится к делу, так как если прошли 11 батальонов, то могли пройти и все 24 батальона. Артиллерия также могла преодолеть препятствия [1]. Ведь накануне по направлению от Арса артиллерия 1-й армии приблизилась к северной опушке леса и была отозвана Штейнмецом. Бесспорно, что 18 ав-

[1] Ср. «Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik» («Исследования по военной истории и тактике»), изд. Большого генерального штаба, 1906 г., т. V, стр. 239.

густа Штейнмец управлял 7-м корпусом столь же плохо, как и 8-м; но все-таки утверждение, будто неправильным использованием корпуса Цастрова командующий 1-й армией свел в значительной степени на-нет составленный Мольтке план сражения, грешит преувеличением. Характерным является уже то, что Мольтке предоставил в распоряжение 1-й армии резервный корпус, прибывающий лишь в 8 час. вечера, тогда как он взял у нее корпус, находившийся под рукой. Очевидно, начальник германского генерального штаба не ожидал решительных ударов на своем правом крыле, хотя в виде высшего достижения он и ставил армиям задачу обойти неприятеля с о б о и х флангов. Однако, левое крыло французов было очень хорошо прикрыто местностью. Труд германского генерального штаба говорит: «Оно имело также особую опору в лежавшем близко позади форте Сен-Кантене... Кроме того, долина Мозеля доставляла ему надежное обеспечение». Базен, относительно которого французские историки неправильно утверждают, будто он уделил этому участку своего боевого порядка чрезмерное внимание, чувствовал себя тут в полной безопасности.

Утром 10 августа у Розерьеля и Сен-Рюффина стояла бригада Ляпассэ, а у фортов Сен-Кантен и Пляпвиль находилась гвардия. Однако, около 12 час., примерно в то время, когда сражение началось выездом на позиции артиллерии Манштейна, Базен передвинул из гвардии бригаду вольтижеров за соседний корпус Лебефа. Вольтижеры, прибывшие туда в 1 час дня, назначались не в качестве резерва этому корпусу для боя, а должны были лишь занять тыловую позицию для прикрытия, при необходимости его отступления через Шатель-Сен-Жермен. В 3 час. 45 мин. еще один полк другой бригады вольтижеров выступил в Шатель-Сен-Жермен (прибыл в 5 час.), так что только один полк вольтижеров остался у форта Пляпвиль, откуда маршал руководил сражением. В 3 час. 20 мин., после того как был установлен подход прусской гвардии к Сен-Прива, Базен направил и другую дивизию гвардии (гренадер) к ферме Сен-Винцент. Гренадеры также получили точную инструкцию не ввязываться в бой, предстоявший корпусу Канробера. Подобно вольтижерам у Шатель-Сен-Жермена, гренадеры у Сен-Винцента предназначались только для обеспечения, в случае надобности, центру и правому крылу французской армии отхода за форты Меца. Следовательно, из пехоты Базен оставил на своем крайнем левом фланге только один полк вольтижеров и бригаду Ляпассэ, но сверх этого имелись две кавалерийские дивизии и десять батарей главного артиллерийского резерва; корпус Фроссара у Пуэндю-Жур и южнее также придержал свежие батареи на случай попытки неприятеля произвести обход. Этих сил при благоприятных местных условиях было достаточно, чтобы помешать 7-му корпусу, в случае его наступления через лес Во, причинять вред Рейнской армии.

Мольтке мог ожидать решающего успеха не от 1-й, а только от 2-й армии. В 3 час. 30 мин. капитан Винтерфельдт вернулся в главную квартиру, которая из Фланвиля переехала в Резонвиль. «Исследования по военной истории и тактике», издаваемые Большим генеральным штабом, утверждают, что Винтерфельдт, несмотря на точную ориентировку со стороны принца Фридриха Карла, сделал генералу Мольтке ошибочный доклад о положении на левом крыле. Мольтке, будто бы, услышал от Винтерфельдта, что гвардейский корпус «оперирует уже у Аманвиллера..., тогда как в действительности он стоял к северу и югу от Абонвиля, имея направление на Сент-Мари-о-Шен. Таким спо-

собом Мольтке был утвержден в своем мнении, что правое неприятельское крыло стоит у Монтиньи-ля-Гранж, где гвардейский корпус ведет против него охватывающую атаку. Теперь нельзя уже установить, как могло случиться, что был сделан подобный вводящий в заблуждение доклад и почему капитан Винтерфельдт не сообщил те впечатления относительно неприятеля у Сен-Прива и южнее, которые он должен был получить во время своего пребывания в штабе 2-й армии и которые обнаружили бы неправдоподобность его донесения о нахождении гвардейского корпуса у Аманвиллера». Мне кажется, что Винтерфельдта, доклад которого дословно не сохранился, дискредитируют тут несправедливо, с целью выставить в более благоприятном свете неумелую тактику Фридриха Карла. Посылая капитана Винтерфельдта обратно в главную квартиру, Фридрих Карл еще не знал, что правое крыло французов простирается за Сен-Прива до Ронкура. Донесение кронпринца Саксонского о том, что он с 23-й дивизией хочет обойти правое крыло французов, не было еще получено. В то время и Альберт и Фридрих Карл видели в Сен-Прива конечный пункт неприятельского фронта. Кронпринц Саксонский со своим более высоким военным искусством считал нужным обойти французов у Ронкура, в 1,5 *км* по прямой к северу от Сен-Прива. Принц Фридрих Карл в пылу сражения не имел склонности к затяжным операциям; его натура требовала, чтобы бык был взят прямо за рога. При Кениггреце и Вионвиле он достаточно ясно обнаружил свое предрасположение к быстрым решениям. Также и 18 августа 1870 г. принц предполагал после подхода 12-го корпуса и взятия Сент-Мари-о-Шен произвести прямую атаку саксонцами и гвардией на Сен-Прива и Аманвиллер. Для наступления на Аманвиллер 2-я гвардейская дивизия занимала очень благоприятное исходное положение у Ану-ля-Гранж. Следовательно, Винтерфельдта ни в коем случае нельзя обвинять в том, что он превратно понял сделанные ему сообщения. Доклад его заставил Мольтке ожидать, что между 4 и 5 час. на левом крыле начнется серьезный бой.

В 5 час. верховное командование прибыло в свой последний за время этого сражения командный пункт — в Могадор, против Сент-Юбера. На пути туда король видел и слышал дурные вещи. У Гравелота он заметил большую часть кавалерии, которую то выдвигали вперед через Мане, то опять возвращали назад. В общем она понесла лишь незначительные потери, но вследствие бессмысленного ее использования и происходившего от этого беспорядка была, видимо, в подавленном настроении. Далее у Гравелота король наблюдал большое число пехотинцев 8-го корпуса, которые оставили свои части, лежавшие под сильным ружейным огнем, когда убыль столь многих офицеров ослабила дисциплину. Картина потрясения и разложения приняла еще большие размеры, чем те, которые привели короля в раздражение под Кениггрецом [1]. На несчастье, как будто для того, чтобы окончательно вывести его из себя, в один и тот же момент были получены два донесения от Штейнмеца: одно о том, что неприятель обратился в бегство и для преследования его выступила кавалерийская дивизия Гартмана, и другое (отправленное через час с четвертью), гласившее: «На высотах, подымающихся за лесами Во и Жениво, идет бой с переменным успехом. Для того чтобы энергично продвинуться вперед, необходимо наступление против правого фланга

[1] Т. I, стр. 541 (русск. пер.— т. V, стр. 377).

неприятеля». Когда Штейнмец прибыл в Могадор для личного доклада королю о положении дел, он был встречен весьма неприветливо. Ген.-полковник Клук [1], основываясь на сообщении графа Вартенслебена (оберквартирмейстера Штейнмеца) рассказывает: «Глуховатый генерал, полагая, что его хвалят, отвесил несколько поклонов... Вообще он был настолько глух, что не слышал шума боя. Офицер его штаба, в результате ранения в шею, мертвый упал с коня, ординарец позади его был тяжело ранен. Когда Вартенслебен доложил об этом, Штейнмец с изумлением спросил: «Но отчего же?» Обнаружилось, что он и не подозревал, что находится под ружейным огнем».

Даже труд германского генерального штаба не может вполне выгородить генерала Штейнмеца. Вообще же при чтении этого труда получается впечатление, будто в 1870 г. все места в немецкой армии, от самых высших и до низших, были заняты людьми, которые всегда умело и уверенно делали именно то, что требовалось. Было уже сказано, что некоторые сравнивали труд генерального штаба, по его тону, с героическим эпосом. Как Гомер всегда применяет для своих героев те же самые украшающие их эпитеты, так и труд генерального штаба, рассказывая о приказе, отданном каким-нибудь генералом подчиненному начальнику, неизменно добавляет, что последний уже готовился выполнить эту операцию по собственной инициативе. Если мы, современные люди, находим однообразными эти украшающие эпитеты, то нам претит также и равномерно распределяемая военным историком похвала.

Когда под Кениггрецом армия кронпринца запоздала, Фридрих Карл, по соглашению с королем, отдал приказ, чтобы 3-й корпус штурмовал высоты, на которых стоял Бенедек. Только вмешательство Мольтке предотвратило тогда несчастье. Короля это ничему не научило, так как никто не может вырваться за пределы своих умственных способностей. Вильгельм, который, подобно своему племяннику Фридриху Карлу, не принадлежал к числу оперативно одаренных военных, не понимал ни под Кениггрецом, ни при Гравелоте плана сражения, составленного Мольтке. Его кругозор ограничивался тем, что 1-я армия отхлынула от французских стрелковых окопов. Следовательно, как верховный вождь армии, он видел свою задачу в том, чтобы двинуть вперед поколебленные войска. Как раз в это время Мольтке получил отправленное в 4 часа пополудни донесение подполковника Бранденштейна, которого мы знаем по сражению у Коломбей—Нуйльи. Бранденштейн находился у принца Фридриха Карла и сообщал из окрестностей Абонвиля благоприятные сведения о ходе сражения на левом крыле. 9-й корпус, поддержанный 3-м, особенно его артиллерией, ведет тяжелый, но успешный бой с противником, имеющим только слабую артиллерийскую линию. «Бригада 2-й гвардейской пехотной дивизии примыкает к левому крылу 9-го корпуса». Сообщают, что 1-я гвардейская дивизия и часть саксонцев взяли Сент-Мари-о-Шен [2]. 12-й корпус двигается на Ронкур «для полного охвата фланга неприятеля». Если, как и было в действительности, одна гвар-

[1] «Wanderjahre», Берлин, 1929 г., стр. 46.

[2] Упорный бой за эту передовую позицию корпуса Канробера продолжался с 2 час. 30 мин. до 4 час. 30 мин. Следовательно, он начался, примерно, в тот момент, который был указан Фридрихом Карлом капитану Винтерфельдту. 7 000 французских штыков действовали против 10 000 прусских и саксонских, а в артиллерии немцы имели прямо-таки подавляющее превосходство, так что французская пехота у Сент-Мари-о-Шен особенно отличилась.

дейская бригада заняла позицию левее 9-го корпуса, следовательно против Аманвиллера, то доклад Винтерфельдта в этом пункте подтверждался. Из донесения Бранденштейна вытекало, что командование 2-й армии считало Сен-Прива конечным пунктом неприятельского фронта. Мольтке, основываясь на сообщении Бранденштейна о дальнем маневре 23-й дивизии (12-го корпуса), мог заключить, что выигрыш сражения в этот день представлялся сомнительным. В то, что оно вообще должно быть выиграно, он верил твердо и с полным правом. Многодневное колебание чашек весов — это испытание, которое его нервы были способны выдержать. К Вильгельму I это не относилось. Указание Мольтке на безнадежность фронтальной атаки (как и под Кениггрецом) не произвело на этот раз никакого впечатления на короля. Начальник генерального штаба отвернулся с неодобрительным жестом, когда король Вильгельм в 7 час. приказал генералу Штейнмецу двинуть все наличные силы для овладения высотами.

В распоряжении были еще 2½ бригады 7-го корпуса, но, как указано выше, они были раздроблены: около одной бригады находилось на северной опушке леса Во фронтом на север, тогда как 1½ бригады около Гравелота образовали фронт, обращенный на восток. Следовательно, желательное королю энергичное наступление не могло исходить от одного 7-го корпуса, а его нужно было предоставить главным образом 2-му корпусу. Между тем, было уже 9 час. вечера, пока 3-я дивизия могла быть введена в дело к востоку от оврага Манс, и 9 час. 30 мин. — пока 4-я дивизия прошла дефиле. К «Исследованиям по военной истории и тактике» приложена таблица времени на 18 августа. В ней под 10 час. вечера сказано о 2-м корпусе: «Бо́льшая часть... введена в дело восточнее оврага Манс и приблизилась к неприятельской позиции на 100 *м*. Войска совершенно перемешаны». Таким образом, не мудрость командования, а исключительно наступление темноты помешало тому, чтобы корпус понапрасну истек кровью. Все же наступление померанского корпуса через лес стоило гораздо больше жертв, чем произведенное за 6—7 часов перед этим, по распоряжению Штейнмеца, странное преследование. В общем, 2-й корпус, который в ночной темноте обстреливался, между прочим, и пехотой 8-го корпуса, потерял около 5% своего состава, а 2 полка 3-й дивизии оставили на поле сражения даже 10% своих людей. Свежие бригады 7-го корпуса, которые были введены в дело немного ранее померанского корпуса восточнее оврага Манс и к северу от леса Во, оставались столь же долго в бесполезной перестрелке. Она причинила этим войскам мало потерь, но относительно каждого человека, который был при этом ранен, можно сказать, что это слишком много. Кунц говорит о фронтальной атаке померанского корпуса[1]: «Кровопролитный ночной бой окончился, но каких жертв он стоил и как малы были достигнутые результаты! Правда, померанские войска... при ночных атаках подошли к неприятельским позициям несколько ближе, чем это удалось пруссакам в послеобеденное время. Этот... факт объясняется очень легко, — французы попросту ничего не видели и, вероятно, стреляли с прежней установкой прицела; понятно, что теперь, когда пруссаки лежали перед самыми позициями французов, огонь

[1] «Kriegsgeschichtliche Beispiele aus dem deutsch-französischen Kriege von 1870/71» («Военно-исторические примеры из германо-французской войны 1870—1871 гг.»). Вып. I. Ночной бой 18 августа 1870 г. Берлин, 1879 г.

последних давал перелеты... Несмотря на это, французская позиция нигде не была прорвана...» У Хенига сказано: «К этому присоединялось... кое-что другое, имевшее значение: при всех предшествовавших атаках на Пуэн-дю-Жур германская артиллерия оказывала длительное содействие..., потому что при дневном свете она могла хорошо наблюдать и метко стрелять... Во время отдачи Штейнмецом приказов генералам Цастрову и Франзецкому (командиру 2-го корпуса) можно было предвидеть, что до выполнения их наступит уже темнота... стало быть, германская артиллерия должна будет свой огонь сначала ограничить, а потом и совсем прекратить из опасения поражать собственную пехоту. Так как при существовавших расстояниях наша артиллерия около 8 час. утратила возможность различать германскую и французскую пехоту... наблюдение сделалось совершенно невозможным...; напротив, неприятельская артиллерия могла теперь использовать свой огонь, который до этого времени никак не мог развиться»[1].

Приблизиться к французским ружьям было еще труднее, чем к орудиям; еще Фридрих II, несмотря на несовершенство огнестрельного оружия, находящегося тогда в распоряжении защитников позиции, опасался фронтальной атаки, а в эпоху ружей, заряжаемых с казны, такая атака стала абсурдом. Историк обязан это выяснить читателю, так как два с лишком десятилетия спустя после выхода в свет труда генерального штаба о войне 1870—1871 гг. Большой генеральный штаб в своих «Исследованиях» (1906 г.) пишет: «Король придавал большое значение тому, чтобы не упустить ничего, могущего дать полный успех еще в последний час. В его распоряжениях, сделанных после принятия сражением неожиданного оборота, блещет сильная воля к победе... Сомнения Мольтке в успехе фронтальной атаки имели серьезные основания; но было бы ошибкой думать, будто по этому поводу проявилось какое-либо разногласие между королем и его начальником генерального штаба. (Действительно, оно не проявилось, так как Мольтке пришлось уступить.) Если спустя много лет после кампании Мольтке в своей истории войны 1870—1871 гг. ...пришел к выводу, что ему не следовало допускать упомянутое использование 2-го корпуса, то он в благородной форме осуждает себя самого. Правда, 18 августа 1870 г. он первоначально (!) имел сомнения, но, в конце концов, был убежден (??) в успехе 2-го корпуса». Метод сглаживания острых углов (die harmonistische Methode), посредством которого генеральный штаб не находит существенной разницы между оперативным мышлением недалекого Вильгельма I и гениального Мольтке, объясняется моральной атмосферой монархии. Ведь пыталось же перед революцией роялистское сверхусердие превратить этого короля в Вильгельма великого. В Большом генеральном штабе туман фимиама одурманил ум, который, пользуясь внутренней и внешней свободой, никогда не отважился бы в 1914 г. задаться целью в несколько недель поставить на колени противника, оказавшегося столь грозным в 1870 г., когда обстановка для Франции была неблагоприятна.

В сражении при Гравелоте на правом германском крыле 8-й, 7-й и 2-й корпуса до самой ночи тщетно старались ворваться в стрелковые окопы у Пуэн-дю-Жур и Моску. Столь же малых результатов достиг германский центр, 9-й и 3-й корпуса, против Ля-Фоли и Аман-

[1] То-есть подавлялся более могущественной германской артиллерией.— *Ред.*

виллера. Что касается левого германского крыла, то в 5 час. 30 мин. вечера гвардия бивакировала перед столь же неприступным Сен-Прива и частью также перед Аманвиллером. За ней подходил 10-й корпус от Батильи через Сент-Эль. Саксонская бригада, принимавшая участие во взятии Сент-Мари-о-Шен, также находилась тут. Другая бригада 24-й дивизии (кронпринц Саксонский ввел в дело против Сент-Мари-о-Шен всю 24-ю дивизию) после взятия этого пункта двигалась вслед за 23-й дивизией, совершавшей обходный марш. Как я уже говорил, принц Фридрих Карл мог ожидать, что между 5 и 6 час. 23-я дивизия пройдет Ронкур, но такие расчеты, о чем также было упомянуто, всегда заключают в себе значительный элемент неточности. После 3 час. пополудни, когда командование 2-й армии получило сообщение Альберта о его намерении обойти противника через Ронкур, дальнейшие донесения уже отсутствовали. Понятно, что в шестом часу, не замечая выступления 23-й дивизии у Ронкура и не получая в Абонвиле никаких известий от кронпринца Саксонского, Фридрих Карл остановился на мысли, что создалось новое положение. Может быть, перед кронпринцем Саксонским выплыли другие факты, и он собирался, согласно неотмененному еще двойному плану Мольтке, использовать 23-ю дивизию для оттеснения на север отступавших французских масс вместо того, чтобы произвести ею обход с востока неприятельских сил, стоявших на позиции. Как уже было сказано выше, никто не может вырваться за пределы своих умственных способностей. Не рассчитывая более на обход 23-й дивизией корпуса Канробера, Фридрих Карл, в соответствии с образом действий короля перед Пуэн-дю-Жур, приказал гвардии атаковать Сен-Прива с фронта. Поистине принцу лучше было бы пойти на единственный для немцев риск: дать Базену возможность ночью неразбитым отступить к Мецу! Но Фридрих Карл не имел начальника штаба, подобного Каприви, не было такого и у принца Августа Вюртембергского. Последний по отношению к командующему 2-й армией находился в гораздо менее благоприятном положении, чем Фойхтс-Рец, который вечером 16 августа, недолго думая, отказался выполнить предписанную Фридрихом Карлом атаку: ведь при Вионвиле 10-й корпус сильно пострадал; по собственному выражению Фридриха Карла, он был разгромлен; гвардия же под Гравелотом была еще свежая. Однако, если бы даже «братоубийца»[1], сопротивлявшийся чисто фронтальной атаке, говорил ангельским языком, он, вероятно, все-таки не смог бы преодолеть упрямства принца Фридриха Карла, как это не удалось и Мольтке в отношении короля. Все же слабость его оппозиции заслуживает более строгой критики, чем сдержанность Мольтке, потому что последний, вследствие позднего времени, предвидел лишь ограниченное несчастье.

Таким образом, определилась судьба гвардии. Между 5 час. 30 мин. и 7 час. была отражена ее фронтальная атака не только на Сен-Прива, но и на Аманвиллер, после того как командование корпуса приказало 3-й пехотной бригаде «поддержать наступление... на Сен-Прива выдвижением на правом крыле»[2]. Гвардия пострадала от огня еще сильнее, чем 3-й и 10-й корпуса. Что касается потерь отдельных войсковых частей, то гвардейский стрелковый батальон, действовав-

[1] О насмешливом прозвище командира гвардейского корпуса см. т. I, стр. 509 (русск. пер.— т. V, стр. 354).

[2] «Исследования», стр. 406. По документам прусского военного архива.

ший против Аманвиллера, потерял приблизительно столько, сколько при Вионвиле 38-я бригада: около половины рядового состава и всех офицеров и их заместителей, за исключением одного прапорщика. Полк Александра, также сражавшийся перед Аманвиллером, имел потери в 30% рядового состава и почти 50% офицеров и их заместителей. Елизаветинцы, введенные в дело тут же, потеряли 16% рядового состава и ⅓ офицеров и их заместителей. В общем, гвардия оставила на поле сражения 35% рядового состава пехоты и артиллерии, тогда как Вионвиль стоил 3-му корпусу 25%. Из состава офицеров и их заместителей оба корпуса потеряли более половины.

О положении гвардии в 7 час. вечера дает представление следующая картина, нарисованная в «Тактических исследованиях»: «Штаб гвардейского корпуса... остался у восточного выхода из Сент-Мари-о-Шен... Насколько хватал глаз, поле было покрыто убитыми и ранеными; бесконечная вереница солдат, отыскивавших перевязочные пункты, стремилась обратно по шоссе. Отовсюду шли... облитые кровью люди, которые... со стонами старались уйти от неприятельского огня... Чем дольше принц Август Вюртембергский смотрел на поле сражения с его ужасными картинами опустошения, тем сильнее в нем становилось убеждение..., что нужны значительные свежие силы..., а такую помощь могли оказать лишь саксонцы, прибытия которых он ожидал уже в продолжение двух часов... Исходя из этого настроения..., принц послал вперед приказ всем остановиться, пока саксонцы не вступят энергично в бой. Однако, для огромной массы сражавшейся впереди пехоты [1] этот приказ остался бессодержательным, так как она давно уже... остановилась».

Бросим взгляд назад на передвижения 12-го корпуса 18 августа. Рано утром он выступил со своего бивака у Марс-ля-Тура на север, достиг в 10 час. Жарни и был здесь остановлен командованием 2-й армии на основании директив Мольтке, так как еще не выяснилось, следует ли направить саксонцев дальше в северном или восточном направлении. Если бы не произошло скрещивания походных колонн, что задержало войска на 3 часа, то саксонцы все-таки оставались бы у Жарни до 12 час. Этот пункт лежит в 6 *км* по прямой к северу от Марс-ля-Тура, и при отдаче словесных приказов командирам корпусов Фридрих Карл сказал, что сначала нужно только сделать переход в одну малую милю [2]. Мольтке надеялся захватить отступающего противника еще южнее р. Орн (в районе Жарни), и Фридрих Карл всецело соглашался с этим взглядом. В случае прибытия 12-го корпуса в Жарни вместо 10 час. утра уже в 7 час., его там все равно остановили бы до тех пор, пока для верховного командования и для командующего 2-й армией не стала бы ясной обстановка. В 10 час., когда Фридрих Карл приказал 9-му корпусу и гвардии от Кольра и Донкура совершить захождение на восток, он не распространил этого приказа на саксонцев. Распоряжение о дальнейшем движении их было отдано командованием 2-й армии лишь в 11 час. 30 мин. [3], после того как

[1] Все сражались уже впереди, за исключением полка гвардейских фузилеров, который стоял у Сент-Мари-о-Шен в резерве.

[2] Ср. Ферстер, стр. 229.

[3] Этот час и час наступления саксонцев — по фон-Шимпфу: «Das XII Korps im Kriege 1870/71» («12-й корпус в войне 1870—71 гг.»), Дрезден, 1901 г., стр. 75. Даты в «Исследованиях» несколько расходятся с датами Шимпфа. Бросается в глаза, что, согласно «Исследованиям», приказ Фридриха Карла Альберту был доставлен в 15 минут (от Вионвиля до Жарни 9 *км* по прямой).

в 11 час. принц Фридрих Карл получил директиву Мольтке о направлении 12-го корпуса на Сент-Мари-о-Шен. В 12 час. кронпринц Саксонский выступил из Жарни, но выполнил полученную директиву лишь в отношении 24-й дивизии, а 23-ю дивизию (о чем упомянуто выше) направил на лес Понти, Тишемон, Бомон и Муанвиль, частью же выдвинул за р. Орн на Валеруа. По этому направлению, которое было совершенно противоположным пути на Сент-Мари-о-Шен, шла половина пехоты 12-го корпуса, после того как разъезды 12-й (саксонской) кавалерийской дивизии были обстреляны из Муанвиля. Во всех населенных пунктах этой местности бродили отдельные солдаты Рейнской армии. Неприятель в Муанвиле состоял из подобных же индивидуумов, но так как этот пункт расположен близ дороги на Брие, то нельзя порицать самостоятельное решение командования саксонцев — выдвинуть части сил вместо Сент-Мари-о-Шен к переходам через р. Орн.

Направляя 12-й корпус от Жарни на Сент-Мари-о-Шен, Мольтке принимал в расчет не стоящего на месте, а отступающего противника. Следовательно, чутью находившихся перед неприятелем частных начальников нужно было предоставить выбор: нанести ли ему фланговый удар немного более к северо-востоку или к юго-западу от их первоначального исходного положения. Все же печальная необходимость, заставившая Мольтке предписать войскам выполнение двойного плана, неблагоприятно отразилась на 12-м корпусе. Когда кронпринц, находившийся у Жуанвиля, убедился в 2 часа пополудни, что французы не отступают, а стоят на месте, и решил обойти их 23-й дивизией, то предварительно нужно было собрать эти войска из обширного района, простиравшегося на обоих берегах р. Орн, между Батильи и Валеруа. Принятое Альбертом в 2 часа решение — произвести захождение вправо — было вызвано, с одной стороны, донесениями 23-й дивизии, имевшей при своем авангарде кавалерийский полк, о том, что ни на берегах р. Орн, ни у Брие французы не двигаются, а с другой стороны — следующим донесением той же дивизии: «Французский лагерь, по меньшей мере дивизия, находится у Сен-Прива и Ронкура... Французские войска в палаточном лагере у Сен-Прива и Ронкура выступают для участия в бою у Верневиля. Сообщения авангарда гвардейских гусар». Тот факт, что у Сен-Прива находится лагерь, был установлен не только гвардейской кавалерией, но уже за полтора часа до этого гессенским эскадроном. До своих сообщений, побудивших кронпринца отдать важные распоряжения, гвардия уже доносила, что этот лагерь, кажется, снимается. Это могло быть прелюдией к дальнейшему маршу на Брие; поэтому пункт — «Французские войска в палаточном лагере у Сен-Прива и Ронкура выступают для участия в бою у Верневиля» — был единственной новостью в донесении 23-й дивизии. Это было ложным донесением: Рейнская армия твердо стояла у Ронкура и Сен-Прива. То обстоятельство, что приказ войскам о захождении вправо был отдан кронпринцем Саксонским на основании ложного предположения, отнюдь не умаляет его славы. Она основывается на том, что, узнав свое заблуждение, он не прервал длительного и ответственного обходного маневра; напротив, вместо того чтобы, двигаясь прямо на французский фронт, подвести 12-й корпус к принцу Фридриху Карлу для его безнадежных фронтальных атак, он опять-таки на собственный страх начал новую операцию, пока обход противника не был доведен до конца.

Операция вызвала некоторые затруднения. Мы уже говорили, что

23-ю дивизию пришлось сосредотачивать весьма спешно. Затем полк, шедший в авангарде ее, свернул с пути на Ронкур, желая помочь 24-й дивизии, которая вела упорный бой за соседнее селение Сент-Мари-о-Шен. Генерал, который выполняет известное поручение и вдруг видит своего соседа в нужде, стоит перед тяжелой дилеммой: следует ли отсрочить разрешение своей задачи, имеющей, может быть, жизненное значение, чтобы сначала выручить другого, или же нужно пока предоставить его своей участи, посмотреть, как он выпутается, дабы раньше выполнить свою задачу? В течение кампании судьба уже поставила этот трудный вопрос одному германскому генералу. В сражении при Верте командиру вюртембергской бригады пришлось, принимая решение, стоять перед альтернативой: или, согласно приказу, итти на Рейхсгофен с целью преградить отступление разбитой французской армии, или же поддержать войска, атакующие Фрешвейлер, на долю которых выпала столь же трудная задача, как и при Сент-Мари-о-Шен. Вюртембержец решил вопрос в пользу вступления в бой у Фрешвейлера, за что военная критика его осудила. Оба положения отличались друг от друга в том смысле, что у Фрешвейлера немцы не имели в своем распоряжении ни одной свежей войсковой части кроме вюртембержцев, тогда как при Сент-Мари-о-Шен против 7 000 французов сражались, кроме авангарда 23-й дивизии, 10 000 чел. прусской гвардии и саксонцев, и, кроме того, другие гвардейские войска могли быть подтянуты от Сент-Эля и Ану-ля-Гранжа. Вследствие этого саксонский авангардный полк был отозван от Сент-Мари-о-Шен, что, однако, удалось сделать лишь в отношении двух батальонов, так как третий батальон уже ввязался в бой. К этому присоединилась еще одна большая неудача. Один из двух бригадных командиров 23-й дивизии, который стоял на западной опушке леса Понти, спутал Куанвиль с Муанвилем и двинулся туда. Не зная, что делать в Муанвиле, он послал адъютанта для осведомления о цели действий. В то же время и командир дивизии и командование корпуса разыскивали его бригаду (46-ю). Так без пользы терялись драгоценные часы. Только в 6 час. найденная, наконец, 46-я бригада приблизилась к Куанвилю, тогда как другая бригада (45-я), несмотря на продолжительность ее сосредоточения, достигла этого селения уже в 4 часа и даже дошла до с. Обуэ. Последнее лежит на лесной дороге в Ронкур, но тем временем кронпринц, находясь на левом командном пункте у Сент-Мари-о-Шен, убедился в том, что Ронкур совсем не очищен французами, и потому в 4 часа назначил целью маневра 23-й дивизии вместо Ронкура Монтуа.

Так как вследствие описанных неблагоприятных случайностей наличные силы этого войскового соединения насчитывали вместо 15 батальонов всего 8, то из Батильи в Обуэ была передвинута одна бригада 24-й дивизии (48-я). Она достигла этого пункта около 5 час., тогда как 45-я бригада, пройдя через трудно проходимый лес Обуэ, заняла позицию на восточной его окраине. Тут она стояла едва в 2 *км* по прямой к западу от Ронкура, а 48-я бригада — позади нее. Итак, кронпринц удачно и своевременно преодолел все препятствия. В 5 час. 30 мин. вечера, когда началась атака гвардии на Сен-Прива, 12-й корпус мог бы уже обещанными двумя бригадами охватить французскую позицию, если бы саксонская дивизионная кавалерия не установила факта, что правый фланг французов вместо Сен-Прива находится у Ронкура. Теперь от 48-й бригады потребовался более дальний охват,

который привел ее в 6 час. 30 мин. в Монтуа, где неприятеля не оказалось; одновременно (стало быть, на час позже, чем предполагалось) 45-я бригада двинулась с восточной опушки леса Обуэ на Ронкур. На восточной опушке леса Обуэ стояли во второй линии: 47-я бригада, которая совместно с гвардией взяла Сент-Мари-о-Шен, и 46-я бригада, загнанная (в начале захождения 23-й дивизии вправо) в Муанвиль. Таким образом, в 6 час. 30 мин., когда гвардия делала свои последние отчаянные попытки взять Сен-Прива штурмом, обход корпуса Канробера всей пехотой 12-го корпуса был уже в полном ходу. Корпусная артиллерия была во второй линии, имея Ронкур в сфере своего огня; 12-я кавалерийская дивизия двигалась вместе с 48-й бригадой на Монтуа. После того как между 5 час. 30 мин. и 6 час. Альберт с изумлением наблюдал опрометчивую атаку гвардии, он со своего командного пункта у Сент-Мари-о-Шен переехал на восточную опушку леса Обуэ. Тем временем батальон, ввязавшийся в бой за Сент-Мари-о-Шен, опять присоединился к 45-й бригаде; но вторично, и в еще большем размере, случилось, что части обходной колонны были с магической силой притянуты боем, происходившим по соседству. В 7 час. вечера, когда гвардейская пехота, не имея возможности двигаться ни вперед, ни назад, залегла под неприятельским огнем, к саксонцам прибыл для установления связи ординарец командира 1-й гвардейской пехотной дивизии ген. фон-Папе, который побудил целые 5½ батальонов 45-й и 48-й бригад оставить влево указанные им цели марша Ронкур и Монтуа и двинуться прямо на Сен-Прива: «Легко уживаются вместе мысли, но в пространстве жестоко сталкиваются дела».

Полководец должен быть всегда готов к тому, что подчиненные начальники сорвут его оперативные мероприятия, не поняв их сущности [1]. Если при Гравелоте с кронпринцем Саксонским дважды случилось, что значительные части 12-го корпуса самовольно отклонялись от указанного им направления марша, то оба раза (при Сент-Мари-о-Шен и перед Ронкуром и Монтуа) за это был ответственен командир 45-й бригады ген. фон-Краусхаар, нашедший в конце сражения геройскую смерть. Он действовал под напором обстоятельств и не всегда находил верное решение. Труднее оправдать ложные суждения, противоречия и неясности в «Исследованиях по военной истории и тактике», где относительно отклонения частей саксонской обходной колонны перед Ронкуром и Монтуа сказано: «Младший лейтенант фон-Эсбек-Платен (ординарец ген. фон-Папе) не имел поручения повернуть наступление саксонцев на Сен-Прива. Он поступил самостоятельно под впечатлением того, что левое крыло... гвардии... не подвигается вперед; в его намерения не входило притянуть саксонцев... на Сен-Прива (?), он намеревался только ускорить их наступление на Ронкур (??), который он считал еще занятым. Опять-таки самостоятельным решением саксонских командиров является то, что они взяли направление на Сен-Прива, видя там главный очаг боя и оставив в стороне Ронкур, который, повидимому, был уже очищен противником». Если бы Ронкур был действительно очищен, то тем более следовало всем саксонцам двигаться на эту деревню, но на самом деле в этой местности шел еще горячий бой.

Канробер получил от Базена инструкцию: расположиться наиболее сосредоточенно, прикрыв себя полевыми укреплениями. Под тесным

[1] Ср. т. I, стр. 559 (русск. пер.— т. V, стр. 389).

сосредоточением Базен понимал такое расположение сил, которое не простиралось бы до Ронкура, а имело бы свой северный конец на линии, ведущей от Сен-Прива до трудно проходимого леса Жомон. Для выполнения намерений командующего армией Канроберу надлежало обеспечить этот участок, длиной около 1½ *км* по прямой, кирками и лопатами. 6-му корпусу, который прибыл из Шалона в Мец в полумобилизованном виде, нехватало инженерных войск и инструмента, но другие генералы предоставили в распоряжение Канробера инженерные войска, а настоятельную потребность в рабочей силе можно было пополнить из окрестных населенных пунктов. Однако, Канробер, оперативную предусмотрительность которого я не мог (в главах первого тома[1] о Крымской войне и сражении у Сольферино) оценить особенно высоко, не совсем понял полученные инструкции. Ввиду положения, создавшегося в 7 час. вечера, — прусская гвардия штурмует с фронта, саксонцы готовятся охватить плохо защищенный правый фланг, — Канроберу ничего более не оставалось, как отступать, что имело последствием отступление всей армии. Под покровом ночи Рейнская армия отошла за форты Меца. Если бы Канробер правильно понял свою задачу и соответственно этому действовал, то 12-й саксонский корпус в 7 час. вечера стоял бы перед стрелковыми окопами, простиравшимися от Сен-Прива до каменоломен у Жомона. Фронтальная атака на эту позицию, если бы вечером 18 августа вообще оставалось для нее время, имела бы такие же катастрофические последствия, как и атака гвардии на Сен-Прива. Вместо этого, согласно намерениям Мольтке, немцы, вероятно, закончили бы сражение не 18-го, а 19 августа, введя в дело в лесу Жомон стоявший во второй линии 10-й корпус. Ибо своей тактической цели — отбросить Рейнскую армию в Мец, немцы достигли бы во всяком случае если не 18-го, то 19-го, раз только кронпринц Саксонский двинулся на Монтуа. Без этого решения, несмотря на численное превосходство немцев, сражение могло быть ими проиграно не тактически, а стратегически. Предположим, что перед выступлением 2-й армии, рано утром 18 августа, Фридрих Карл не заставил бы гвардию и 12-й корпус поменяться местами. В этом случае, при достаточно уже известных нам умственных качествах командующего 2-й армией, были вполне возможны решения, которые бросили бы вперед 12-й корпус против Сен-Прива и Аманвиллера, а гвардию против участка между Сен-Прива и Ронкуром, т. е. оба войсковых соединения фронтально. Нельзя быть уверенным в том, чтобы протест Альберта против бесполезного принесения в жертву его войск имел успех; еще менее можно поручиться за то, что Август Вюртембергский, подобно Альберту Саксонскому, не спрашивая своего командующего армией, обошел бы фланг Рейнской армии. Между тем, если бы наряду с 3-м, 10-м и гвардейским корпусами был «разгромлен» еще и 12-й корпус, в то время как 8-й и 9-й корпуса сильно пострадали бы, тогда можно было бы рассчитывать полностью лишь на 7-й и 2-й корпуса, собственно говоря — только на 2-й, потому что 7-й уже под Шпихерном испытал силу огня противника. При таких условиях все зависело от того, насколько верховное командование выдержало бы в несчастьи характер? Разбирая столь серьезные для германского дела возможности развития событий при Вионвиле, я уже ставил этот вопрос, который является чисто гипотетическим, но все-таки не может быть обойден историком. Если

[1] Т. е. т. V общего труда Дельбрюка — Даниэльса. — *Ред.*

маршал Базен не достиг своей цели, то Мольтке был спасен при Гравелоте отнюдь не оперативными достижениями Фридриха Карла, Штейнмеца и Гебена, а, как и при Вионвиле, военным счастьем. Как плутовски должна была улыбаться фортуна, когда она внушила принцу Фридриху Карлу «мысль» заставить саксонцев и гвардию сделать chassez-croisez, вследствие чего один из лучших генералов армии попал на оперативно-решающее место! По причинам более или менее случайным у Базена при Гравелоте нехватало 30 000 штыков. При Вионвиле, где он и без того имел подавляющее численное превосходство, они ему были не нужны, но если бы при Гравелоте правое крыло французов было на 20 000—30 000 чел. сильнее, кто знает, — может быть, вечером перед Ронкуром и Монтуа 12-й корпус истек бы кровью так же, как раньше гвардия перед Сен-Прива и Аманвиллером? Когда во многих описаниях войны 1870 г. (в общем, ценных) читаешь о развитии тогдашних событий, то создается впечатление, будто, в существенных чертах, все разыгралось именно так, как и должно было неизбежно произойти при численном превосходстве немцев. Но внешность обманчива, а исследование требует времени, чтобы проникнуть в глубину.

В тактическом смысле Гравелот, подобно Вионвилю, Коломбей — Нуйльи были нерешительными сражениями. Потери — 19 000 у немцев и 15 000 у французов — были приблизительно одинаковы. Но корпус Канробера потерял при отступлении, которому прусская гвардия и саксонцы мешали с двух сторон, около 3 000 нераненых пленных, так что его убыль превысила треть рядового состава и сравнялась с убылью прусского гвардейского корпуса. Припомним, что корпус Лямиро уменьшился на четверть своего состава. У немцев 8-й и 9-й корпуса уменьшились на одну пятую. Итак, с обеих сторон было произведено сильное кровопускание, которое стратегически привело к немецкой победе, потому что Базен не достиг цели сражения. Нисколько не потеряв мужества, несмотря на гекатомбы, принесенные Марсу, германское верховное командование решило, повернувшись фронтом к Германии, запереть Рейнскую армию в Мече. Со времени начала операций это был третий план уничтожения вооруженных сил Франции. Средства менялись, цель оставалась та же. Принц Фридрих Карл в своем дневнике замечает: «Думают (Мольтке, Стош, Подбельский), что катастрофа наступит в течение 10—14 дней» (ген.-лейтенант Стош был ген.-интендантом, ген.-лейтенант Подбельский — ген.-квартирмейстером армии). Эта оценка времени была новым заблуждением Мольтке, хотя катастрофа произошла позднее — это Седан и Мец.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Глава VII

Поход Мак-Магона на Мец и захождение Мольтке вправо

ОЕННОЕ искусство Мольтке при Гравелоте, навязанное ему недостаточным знакомством с распоряжениями Базена, было, если можно так выразиться, хромоногое. Начальник германского генерального штаба гнался за двумя планами сражения одновременно. Один план строился в предположении, что французы стоят на месте, другой — что они отступают. Это замедляло движение немцев. Затем, когда Мольтке узнал, что противник стоит на месте, он преуменьшил протяжение его фронта. Вследствие этого он лично остался на правом фланге, вместо того чтобы занять удобное для управления место в центре 8 корпусов. Значит, на решающем левом фланге немцев сражение развивалось само по себе, и только случайности (на крайнем левом фланге совершавшими обход войсками командовал выдающийся генерал) обязаны немцы тем, что при заходе солнца неприятельская армия, в конце концов, все-таки была отброшена. При близости Меца французы имели обеспеченные пути отступления. Ввиду этого сомнительно, чтобы Мольтке дал сражение, если бы

только он предвидел те жертвы, которых оно будет стоить [1]. Надо полагать, что с 8 германскими корпусами можно было и без сражения одними маневрами принудить 5 французских корпусов к отходу в Мец и там их блокировать. Мы не знаем, как судил об этом Мольтке; во всяком случае, после сражения он был очень расстроен. Он порицал Штиле за то, что командование 2-й армии не притянуло к полю сражения также и 4-го корпуса. Но он сам настаивал на том, чтобы для освобождения единственной железной дороги, которой могли пользоваться немцы при марше на Париж, 4-й корпус сделал попытку овладеть крепостью Туль посредством внезапного нападения. С полным правом ответил ему Штиле: «Ваше превосходительство, корпусов у нас было более чем достаточно».

Ход боев 18 августа утвердил Базена в той тактике изнурения, которую он, по его мнению, удачно начал 14 августа при Коломбей — Нуйльи и 16-го при Вионвиле. На другой день после Гравелота он написал маршалу Мак-Магону: «Все указывает на то, что прусская армия попытается атаковать крепость Мец».

Последняя находилась в заброшенном состоянии, когда внезапно разразилась война. Это до некоторой степени объясняет, почему командующий Рейнской армией приписывал своему противнику такую безрассудную смелость. Комендант Меца ген. Коффиньер предавался тем же иллюзиям. Он телеграфировал 20 августа в Париж, что позиция французской армии между фортами на левом берегу Мозеля не обеспечена от атаки: «Вокруг нас пруссаки сильно укрепляются, и они не дадут нам много времени для отдыха».

После четвертого кровопускания путем атаки немцами Рейнской армии на позиции под Мецом Базен надеялся на такое их ослабление, что можно будет пойти на риск отступления вблизи бельгийской границы [2]. Он хотел двигаться на Монмеди, чтобы у этой маленькой крепости повернуть на юго-запад и через Сен-Менеульд достигнуть Шалона-на-Марне. Туда, после сражения под Вертом, отступила другая армия императора Наполеона — Эльзасская; она совершала поспешные, полные тягостей и потерь марши, хотя 3-я прусская армия ее почти не преследовала [3]. Последняя двигалась из Эльзаса в Лотарингию за разбитыми войсками маршала Мак-Магона и ко времени сражения при Гравелоте подошла к Нанси на расстоянии 2—3 переходов от Меца. От Нанси кронпринц Прусский мог вклиниться между Мак-Магоном и Базеном еще задолго до выполнения тех условий, от которых Базен ставил в зависимость свое отступление на Монмеди и далее в глубь Франции. В этом случае командующий Рейнской армией предполагал описать еще бо́льшую дугу, чем через лежащую на р. Шьер крепость Монмеди, и, опираясь на маасские крепости Седан и Мезьер, достигнуть Шалонского лагеря [4].

[1] Дневники ген.-фельдмаршала графа Блюменталя, изданные в 1902 г. графом Альбрехтом Блюменталем. 20 августа, Вокулер на Маасе. Посещение короля в Понт-а-Муссоне: «Он горько жаловался на то, будто старшие офицеры, забыв все, чему учились на маневрах, наступали, как бешеные; такую бойню мы дольше выдержать не в состоянии». Критика короля попала в цель, как видно из сделанного мною описания сражения. Однако, признаваемое правильным и разученное в мирное время, нелегко применить на войне; это убедительно доказывает грубая ошибка, сделанная самим королем, когда он приказал померанскому корпусу наступать с фронта.

[2] Ср. в связи с этим стр. 112—113.

[3] Ср. стр. 86.

[4] Шалонский лагерь находился около 15 *ки* к северу от Шалона.— *Ред.*

Письмо, в котором Базен сообщал Мак-Магону эти планы, один лесничий тайно провез через немецкие линии, так как Мольтке уже обложил Рейнскую армию в Меце. Он и не думал о новом наступательном сражении против французов, полагая, что в скором времени они потерпят катастрофу из-за недостатка продовольствия. В полдень 18 августа, когда сражение при Гравелоте только что начиналось и телеграфная связь с тылом еще не была прервана, Базен телеграфировал Мак-Магону, что в настоящее время он не может вступить в командование всеми вооруженными силами [1] согласно приказу императора. Мак-Магону предоставлялось испросить себе приказы от военного министра.

В сражении при Гравелоте участвовало 8 германских корпусов и затем, после неудачи внезапного нападения на Туль, в окрестности Меца был притянут еще 4-й корпус. В общем, немцы имели под Мецом 10½ корпусов, потому что 1-й корпус ген. Мантейфеля остался на правом берегу Мозеля для прикрытия железной дороги в Германию [2], и, кроме того, на правый берег реки прибыла вновь сформированная в тылу дивизия. Начальник германского генерального штаба полагал, что 10½ корпусов — силы слишком большие для обложения 5 корпусов Рейнской армии; он считал, что при фортификационном оборудовании захваченного 18 августа горного кряжа для этого будет достаточно 7½ корпусов. Они были распределены под Мецом следующим образом: 10-й корпус (войска Каприви) составлял левое крыло блокадной армии, расположившись на позиции у Сен-Прива. Справа к нему примыкал 2-й корпус и далее 8-й и 7-й корпуса, все три в районе Пуэн-дю-Жур и Моску, где они 18 августа безуспешно сражались. Расположение 7-го корпуса простиралось за Мозель. Позади этих 4 корпусов стояли лагерем 3-й и 9-й корпуса на резервной позиции у Верневиля, где Манштейн вступал в безуспешную борьбу с войсками Лямиро и Лебефа. Следовательно, 6 корпусов блокадной армии стояли на левом берегу Мозеля. На другом берегу реки попрежнему находились только 1½ корпуса: 1-й корпус южнее Меца на обоих берегах р. Сейль, и к северо-востоку от него у Ретонфей вновь прибывшая дивизия. Мантейфелю была еще особо поручена охрана больших магазинов, которые устраивались в Понт-а-Муссоне и на железнодорожной станции Ремильи. Корпуса блокадной армии с полной энергией принялись за устройство укреплений и постройку мостов через Мозель.

Все силы объединялись под командованием Фридриха Карла, которому, кроме собственной его армии, подчинялась и 1-я армия. Штейнмец сделался пятым колесом в телеге и вскоре был удален на почетное место в тылу. Фридрих Карл взамен присоединенной к нему 1-й армии должен был выделить гвардейский, 4-й и 12-й корпуса, а также 2 кавалерийские дивизии. Эти войска не в качестве армии, а под скромным названием армейской группы (Armeeabteilung) получил Альберт Саксонский. Он был гораздо моложе остальных корпусных командиров и обязан своим возвышением (история справедливо называет его армейскую группу Маасской армией) не только происхождению, но и редким способностям.

[1] См. стр. 96—97 и 143—144. Маршалу Базену, кроме Рейнской армии, была подчинена также и Шалонская армия.

[2] См. стр. 108.

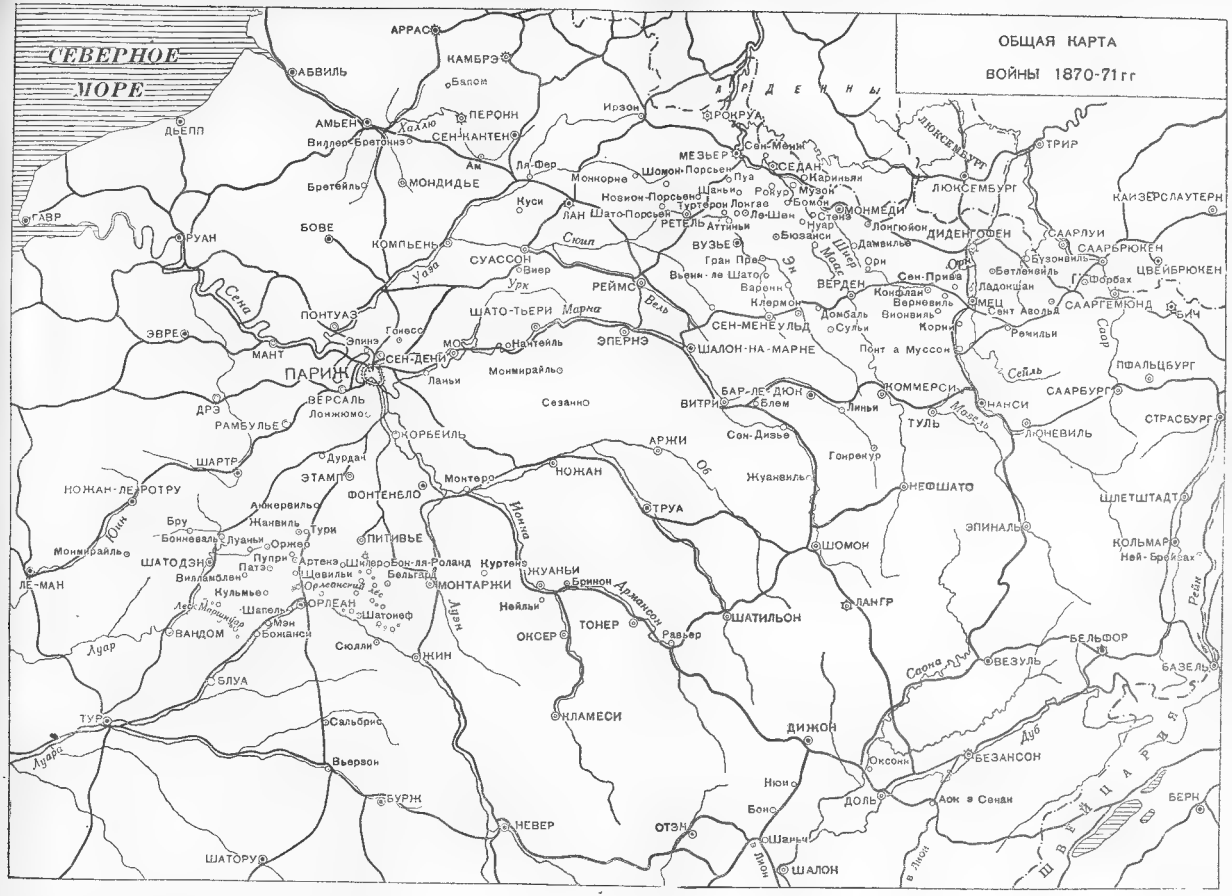

ОБЩАЯ КАРТА
ВОЙНЫ 1870-71 гг
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
МАСШТАБ
50 0 50 100 км

Схема 5

Фридриху Карлу была поставлена совершенно определенная задача: запереть Базена, чтобы тот, по ошибочному предположению Мольтке, в срок от десяти до четырнадцати дней был заморен голодом и доведен до катастрофы. Войска кронпринцев Саксонского и Прусского должны были оперировать против Шалонской армии, как теперь называлась прежняя Эльзасская армия[1]. В качестве командующего Эльзасской армией Мак-Магон имел под своим начальством 3 корпуса, а теперь ему подчинили еще 12-й корпус. Последний был сформирован из одной дивизии, оставленной при объявлении войны у Пиренеев (вследствие недоверия к Испании), и из 2 дивизий, состоявших из так называемых маршевых полков. Это были запасные части, переполненные новобранцами. В одной дивизии (маршевые полки морской пехоты) даже кадровые солдаты не умели маршировать. Тем не менее эта морская пехота, в общем, явилась отборным войском. Кроме того, 12-й корпус был численно очень силен, потому что к нему добавили еще 3 полка 6-го корпуса, которые во время железнодорожной перевозки из Шалона в Мец были возвращены обратно, после того как горсть немецких кавалеристов разрушила одну станцию на Восточной железной дороге[2].

Армия Мак-Магона сосредоточивалась к Шалону со всех концов Франции. 12-й корпус прибыл из Парижа, 7-й корпус — из Мюльгаузена. Лиона и с транспортного флота, связывавшего Чивита-Веккию с французскими гаванями[3]; 5-й и 1-й корпуса и дивизия 7-го корпуса, которые сражались вместе под Вертом, пришли из Саарбурга в Лотарингии[4]. Эти войска, бойцы Верта и корпус Фальи, после девятидневного непрерывного марша достигли Нефшато на Верхнем Маасе недалеко от Лангрского плато. Их отступление, после потери необходимейших предметов снаряжения отдельных солдат и целый частей, при плохом продовольствии, было похоже на бег загнанного зверя. От Нефшато шла железная дорога в Шалон.

Германская 3-я армия потеряла после сражения при Верте на 14 дней всякое соприкосновение с бежавшим сломя голову противником. Только 19 августа у Сен-Дизье произошла стычка между кавалерией кронпринца Прусского и конными егерями кавалерийской бригады Мишеля, остатки которой спаслись от избиения при Морсбрунне[5]. Сен-Дизье находится на железной дороге Нефшато—Шалон, но немцы опоздали, чтобы существенно помешать транспорту французских войск. Армия Мак-Магона сосредоточилась в Шалоне к 20 августа. Войска, столь сильно пострадавшие и потрясенные под Вертом, избегли уничтожения благодаря тому, что преследование отсутствовало; в Шалоне они получили по одному ранцу на двоих и пополнение. Пехота 4 корпусов опять насчитывала 100 000 чел.

Находя позицию у Шалона неудобной для обороны, маршал Мак-Магон 21 августа отвел свою армию к Реймсу. Во всяком случае, атака немцев ей непосредственно не угрожала. 3-я германская армия находилась в районе Гонрекур — Линьи. К северо-востоку от Линьи, у Коммерси на Маасе, она имела связь с Маасской армией Все германские силы находились еще в четырех переходах от Шалона, их было

[1] Ср. стр. 97.
[2] Ср. стр. 99.
[3] Ср. стр. 28—29.
[4] Ср. стр. 88.
[5] Ср. стр. 77.

9 корпусов против 4 французских; этот факт, в связи с предшествующим ходом кампании, сделал осмотрительного по природе Мак-Магона еще более осторожным. Впрочем, Шалонская армия, перейдя в Реймс, несколько приблизилась к Парижу, увеличив свое расстояние от Меца не более чем на полперехода, вследствие чего маршал думал, что и после перемены позиции он стратегически сохранил свободу действий.

Переход из Шалона в Реймс вызвал в армии весьма дурное настроение. Пришлось сделать 32—35 *км* при гнетущей жаре, в густой меловой пыли Шампани. Большая часть маршевых полков легла. Водопой лошадей вызывал значительные затруднения, и некоторые части были вынуждены из-за недостатка воды переменить занятые уже места биваков. Сильные обвинения поднялись против офицеров генерального штаба, которые, якобы, не умели вести войска. Они двинули также 12-й корпус по одному мосту через р. Вель. Про интендантство говорили, что оно не лучше генерального штаба; многие войсковые части остались на походе без продовольствия.

Мы видели, что в генеральном штабе, а также и интендантстве действительно господствовала рутина, тормозившая их деятельность [1]. Это оказывало неблагоприятное влияние на дух войск, большинство которых и без того было расстроено ужасным поражением и диким бегством. Офицеры германской 3-й армии, сражавшиеся в этот период войны против войск Мак-Магона, находили, что последние не выдерживали сравнения с героями Верта. Это верно, но при Бомоне и Седане французы все-таки еще хорошо дрались, несмотря на удрученное настроение, вызываемое неблагоприятной стратегической обстановкой, которую нельзя было исправить храбростью.

В своей главной квартире в Курселе (предместье Реймса) Мак-Магон 22 августа ознакомился с письмом, которое Базен прислал с лесничим. Из него вытекало, что срок выступления Рейнской армии в северо-западном направлении еще не установлен. Казалось, он не мог быть отдаленным, так как мнение Мольтке, что Рейнская армия в состоянии прокормиться в Меце только одну или две недели, разделялось всеми. Для французского народа, руководствовавшегося в своей оценке чувствами, было само собой понятно, что Шалонская армия должна протянуть руку помощи Рейнской армии, и парижское правительство не решалось наложить на это требование общественного мнения свое разумное veto. Разрешение этой задачи было невозможно, если только немцы действительно не атаковали бы Рейнскую армию под фортами Меца. 4 корпуса Шалонской армии имели перед собой у Линьи и Коммерси 8½ корпусов Фридриха Вильгельма и Альберта. Мак-Магон не мог игнорировать и те 2 корпуса, которые стояли на резервной позиции позади блокадной армии Фридриха Карла. Кроме них, последний имел на левом берегу Мозеля еще 4 корпуса, которые так окопались, что опрокинуть их было нельзя. Переход через Мозель против них, у Диденгофена, представлял также большие затруднения для 5 корпусов Рейнской армии, особенно оттого, что при выступлении Рейнской армии не на левом, а на правом берегу Мозеля французы должны были, прежде всего, одолеть войска Мантейфеля, пришлось бы иметь дело не с 4 только, но с 5½ германскими корпусами. Следовательно, с точки зрения численных соотношений проблема соеди-

[1] Ср. стр. 22.

нения обоих маршалов представлялась безнадежной. Вдвоем они имели 9 корпусов, немцы, не считая Мантейфеля, — 15; и к этому огромному численному превосходству присоединялись еще выгоды обладания внутренними операционными линиями.

22 августа в Реймсе была получена еще следующая телеграмма Базена, отправленная 20 августа: «Неприятель вокруг меня все усиливается, и весьма вероятно, что для соединения с вами я изберу линию северных крепостей; я извещу вас о своем марше, если только буду в состоянии его предпринять, не подвергая армию опасности». В этой депеше сквозила беспомощность. Говорят, что полковник Стоффель [1], начальник разведывательного отдела Мак-Магона, заботясь о том, чтобы маршал не был подавлен ответственностью, совсем не доложил ему телеграмму Базена. О том, что немцы под Мецом могут погибнуть по собственной вине, истекая кровью, герцог Маджентский, вероятно, никогда не думал; подобные фантастические иллюзии рождаются лишь перед внутренним взором тех, кто непосредственно завяз в деле, и, кажется, сам Базен вскоре уже оставил эти надежды.

Не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы оторвать министров от их авантюристической стратегии, которую они считали делом чести, Мак-Магон поневоле закрыл глаза на угрожающие факты военной обстановки, и 23 августа Шалонская армия выступила на Монмеди. Протяжение марша до р. Сюип, с правым флангом у Сент-Илера, было невелико. Но лил дождь; происходили многочисленные скрещивания колонн; затребованный из магазинов 4-дневный запас продовольствия не был доставлен; реквизиции, производимые без системы, давали ничтожный результат. Таким образом, войскам приходилось голодать на сырых биваках.

После сосредоточения своей армии 21 августа у Шалона Мак-Магон настолько поспешил с выступлением в Реймс, что, несмотря на острую нужду войск, оставил большое количество продовольствия и других военных припасов в Шалонском лагере, где они 24 августа сделались добычей германских драгун. Но уже дойдя до р. Сюип, маршал пришел к убеждению, что с плохо снабженными, не втянутыми в поход и деморализованными войсками нельзя чересчур ускорять движение на Монмеди. Он отказался от прямого пути к этой крепости и 24 августа приказал армии повернуть к железнодорожной станции Ретель, где припасы находились в изобилии, так как одновременно с появлением германской кавалерии в Шалонском лагере заложенные в Реймсе магазины были спешно перевезены в Ретель.

Правда, кружное движение через Ретель увеличивало продолжительность марша к Монмеди на сутки, что маршал впоследствии и показал на военном суде. Между тем, повидимому, все зависело от быстроты наступления Шалонской армии. Вообще, если соединение маршалов было возможно, то надежда на это основывалась не столько на ружьях, сколько на сапогах Шалонской армии. Военный министр граф Паликао, которому Базен передал свои командные права над Шалонской армией [2], внушил себе, что оба кронпринца, не обращая внимания на фланговое положение Мак-Магона у Реймса, пойдут на Париж. Кронпринц Прусский очень силен,— телеграфировал Паликао

[1] О нем см. стр. 22 и 27.

[2] Ср. противоречие его взглядов со стратегическими взглядами Фридриха Карла перед Вионвилем, стр. 122.

Мак-Магону,— очевидно, его назначение итти на Париж, чтобы там в торжественной обстановке быть провозглашенным императором Германии. Вдобавок ему следовало бы всучить фальшивую телеграмму, будто Шалонская армия через Реймс и Ретель отступает на Париж.

Далее Паликао воображал, что 3-я германская армия, чтобы избежать давления на свой правый фланг со стороны Реймса, пойдет на Париж не по Марне, а по Сене. Об этом Мольтке не мог думать, так как тогда пришлось бы прикрывать более длинное железнодорожное сообщение, и, кроме того, начальник генерального штаба и без того был озабочен партизанской войной. Ему и в голову не приходило направить кронпринцев мимо Шалонской армии, повидимому, занявшей позицию у Реймса. Он понимал, что сначала поражение должно быть нанесено живой силе противника и тогда все остальное рушится почти само собой[1]. Только 25 августа Мольтке узнал о том, что армия Мак-Магона 21 числа выступила из Шалона в Реймс. Штаб верховного командования находился в это время в Бар-ле-Дюк. Тут был центр 3-й армии; Маасская армия располагалась севернее у Сульи. От обоих названных пунктов Мольтке хотел направить одну армию на Витри-ле-Франсуа, а другую — на Сен-Менеульд, чтобы атаковать Мак-Магона с двух сторон. Теперь, если кронпринцы желали сохранить соприкосновение с противником, они должны были изменить западное направление марша на северное; вместо Сен-Менеульда правое крыло Маасской армии было 26 августа направлено в Вьенн-ле-Шато, 3-я армия двигалась в Шанжи (к северо-востоку от Витри-ле-Франсуа).

Как мы видели, Мольтке довольно поздно узнал о марше Мак-Магона на Реймс. Еще со времени наступления 1-й и 2-й армий от границы к Мозелю начальник генерального штаба настаивал на том, чтобы кавалерийские дивизии действовали в массах далеко впереди. Но устарелое представление, что резервная кавалерия не предназначается для разведки, а должна быть сохранена для решающего момента сражения, трудно поддавалось искоренению. Мы знаем, что Мольтке блистал также утонченностью своего стиля. Он располагал многими формами выражения, в которых передавал генералам свои директивы. Для того чтобы внушить кавалерийским дивизиям отвагу при разведках, он избрал самую категорическую форму, сославшись на определенно выраженную волю короля: отказаться от традиционного употребления кавалерийских масс.

Более чем когда-либо Мольтке считал настоятельно необходимым, чтобы кавалерия добыла, наконец, своей разведкой действительно ценные сведения. Руководствуясь принципом: в сомнительных случаях приписывать противнику самые разумные намерения, он полагал, что Шалонская армия не порвет связи с Парижем. Но он принимал в расчет также и возможность движения Шалонской армии навстречу Рейнской. Ведь было перехвачено отправленное из Меца письмо одного старшего офицера, содержавшее указание, что там с уверенностью ожидали освобождения от Мак-Магона. «Вследствие этого железная дорога Реймс — Тионвиль (на которой лежит Монмеди) приобретает известное значение,— писал Мольтке Альберту Саксонскому и требовал от него перерыва этой линии в различных пунктах; принцу Фридриху Карлу было также указано произвести ка-

[1] Ср. т. I, стр. 457, 530 (русск. пер.— т. V, стр. 318, 368—369).

питальные разрушения. Но главным делом оставалась разведка кавалерийскими массами. Как 3-й, так и Маасской армиям было еще раз категорически подтверждена необходимость освещать кавалерией правого крыла местность до бельгийской границы.

Если бы маршал Мак-Магон попытался выйти в тыл принцу Фридриху Карлу, то это вполне соответствовало бы желаниям Мольтке; он совершенно ясно представлял себе те передвижения германских сил, которыми можно было прикрыть блокадную армию под Мецом и поставить в самое опасное положение Шалонскую армию. Столь же мало забот причиняла начальнику генерального штаба и мысль о том, что Базен прорвет окружавшее его железное кольцо, двинувшись в северном направлении навстречу Шалонской армии. Иное отношение было к возможному выступлению Рейнской армии в южном направлении на Нанси. Мольтке считал такое предприятие вероятным. Тогда Базен приблизился бы к Фруару на Мозеле, где железные дороги Мец — Париж и Страсбург — Париж сходились в одну линию Мец — Париж, которую Мольтке все еще считал достаточно прикрытой, но дорога Страсбург — Париж представлялась ему угрожаемой. В письме к Штиле он находит это очень неудобным, так как железная дорога, идущая из Страсбурга, пользование которой было предоставлено 3-й и Маасской армиям, при движении этих сил на Шалон приобретала особенно большое значение.

Майор Кунц, немецкий военный писатель, отличающийся силой своих суждений и основательностью, написал исследование: «Мог ли маршал Базен в 1870 г. спасти Францию?», в котором он хочет доказать, что по южному пути Рейнской армии, вероятно, удалось бы уйти. Тогда Шалонская армия могла бы, без сомнения, отступить к Парижу. Обе регулярные армии составили бы рамки, которые можно было заполнить огромными массами рекрут, набранных французским правительством при дальнейшем ходе войны. Сравнительная малочисленность французов была бы существенно выравнена, решающее понижение качества войск не наступило бы. При этих двух предпосылках, якобы, никто не мог бы предсказать исхода войны. На это можно возразить, что выступившие на юг 5 корпусов Базена также имели бы между собой и внутренними областями Франции 6 корпусов Фридриха Карла, а позади себя, на том же берегу Мозеля, 1½ германских корпуса. Армия, желающая уклониться от боя, движется медленнее, чем противник, желающий ее нагнать. Последний имеет обозы позади, тогда как первая должна вести их посредине или в голове колонн. Для объяснения медленности своих маршей Мак-Магон показал на военном суде: «Обыкновенно армия при наступлении ведет обозы позади себя... Шалонская армия имела наименьшее количество обоза... несравненно меньше, чем пруссаки. Последние двигались вперед; их сообщения были обеспечены, тогда как мы уже со второго дня по выступлении из Шалона должны были опасаться фланговых атак и обхода чрезвычайно сильной кавалерии. Вследствие этого мы были вынуждены приказать обозам следовать за армией таким образом, чтобы она имела возможность их прикрыть».

Так обстояло дело у Мак-Магона. Базен при своем марше от Меца на Нанси тоже был бы настолько стеснен обозами, что Фридрих Карл мог бы поддерживать с ним соприкосновение. Раньше или позже, но 5 корпусам Рейнской армии пришлось бы принять бой против 7½ корпусов 2-й и 1-й армий. В случае нужды часть 3-й армии могла бы так-

же оказать содействие для захвата армии Базена и, к тому же, при благоприятных оперативных условиях, так как кронпринц Прусский ведь уже прошел через Нанси. Однако, Мольтке совсем не считал нужным оказывать поддержку Фридриху Карлу. Он написал принцу: «Если противнику удастся прорваться в направлении на Нанси..., то, по моему мнению, и в этом случае наступление двух других армий должно беспрепятственно продолжаться..., так как мы можем рассчитывать на самое энергичное преследование».

Мак-Магон определенно заявил военному министру, что в случае выступления Базена на юг Шалонская армия не в состоянии будет оказать помощь Рейнской армии против преследующих ее немцев. Однако, остается открытым вопрос: не могли ли хотя бы обломки Рейнской армии уйти в юго-восточную Францию? Обломки все-таки лучше, чем ничего, тем более, что никогда ни в одной воюющей стране потребность в кадровых войсках не была так велика, как тогда во Франции. Но так можно ставить вопрос лишь «post eventum»[1]; Базен рассуждал совершенно иначе. Не отличаясь богатством фантазии, он не мог предугадать, что Франция после уничтожения обеих регулярных армий будет продолжать войну импровизированными армиями, которые по численности будут равняться германским армиям, если не превосходить их. Маршал был человек трезвый и рассудительный. Он полагал, что раз война проиграна, Франция должна заключить мир с неизбежными жертвами, чтобы опять начать действия, когда она будет лучше вооружена. Базен рассуждал скорее в духе Меттерниха, чем в духе века, наступившего после 1815 г. Впрочем, он рассматривал обе армии как столпы государственного и общественного порядка. Он не видел оснований спасаться бегством с обломками Рейнской армии, оставив главные силы ее на поле сражения или в плену. Рейнскую армию не следовало обращать в руину, она должна была сохранить всю свою мощь, чтобы облегчить заключение мира, а после этого быть в распоряжении правительства.

Потребность мира у Базена еще более усиливалась тем, что он не только постоянно отвергал выступление на юг и очень скоро оставил надежду быть атакованным немцами под пушками Меца, но также и сомневался в возможности осуществить прорыв на север навстречу Шалонской армии. В Меце он был изолирован не только материально, но и морально. Известия от Мак-Магона до него не доходили, за исключением одной телеграммы из Шалона от 19 августа, умышленно составленной в туманных выражениях на случай, если она попадет в руки немцам.

Постепенно убедившись в том, что в Меце имеются запасы продовольствия на месяцы, Базен, соответственно своей несколько пассивной натуре, сделал слова «Wait and see»[2] своей руководящей оперативной идеей.

Мы знаем, что Шалонская армия находилась в пути и 24 августа достигла Ретеля. Надежды Мак-Магона на регулярное снабжение войск с железнодорожной станции оправдались лишь относительно обоих левофланговых корпусов, бивакировавших непосредственно у Ретеля. Все запасы, не только подвозимые издали по железной дороге, но и собранные в окрестностях, интендантство сосредоточило

[1] После события. — *Ред.*

[2] Английское выражение, означающее: «подождем, увидим». — *Ред.*

в этом городе. Следовательно, оба правофланговых корпуса ничего не находили, и солдаты старались силой отнимать у жителей то продовольствие, которое интендантство им оставило. Авторитет начальников не мог предотвратить эти беспорядки, так как во все периоды военной истории дисциплина основывается на правильном снабжении. Приказ одного корпусного командира изображает состояние корпуса в прямо-таки ужасающем виде: солдаты оскорбляли офицеров и грабили жителей. «Я беру всю ответственность на себя и разрешаю начальникам прибегать к самым строгим мерам».

25 августа железная дорога была опять оставлена, и армия двинулась в восточном направлении. Так как из-за продовольственных соображений приходилось сохранять медленный темп марша, то правое крыло дошло только до Вузье, а крайний левофланговый корпус оставался еще в Ретеле. Несмотря на это, войска очень утомились, потому что диспозиции генерального штаба опять-таки оказались неудовлетворительными. Например, одна дивизия перед выступлением простояла 6 часов под ружьем и вследствие этого затратила на прохождение 10 *км* 12 часов. Но, по крайней мере, в конечных пунктах марша находили провиант.

Мольтке не знал, насколько значительны запасы продовольствия в Меце, дававшие Базену возможность отсрочить решение. Однако, позволим себе добавить, что на месте Базена Мольтке не убаюкивал бы себя неопределенным ожиданием мира, а через Нанси спас бы все, что можно, из Рейнской армии, хотя тут Шалонская армия и не могла ему помочь. Мольтке был не только фаворитом Афины Паллады, но и признанным любимцем Марса. Он дрался бы там, где Базен выигрывал время. Однако, несмотря на свой темперамент, он никогда не предпринял бы операцию, явно неразумную; вследствие этого он не хотел верить, что Шалонская армия идет к той самой бельгийской границе, к которой он тщетно пытался прижать Рейнскую армию под Мецом. До позднего вечера 25 августа в главной квартире короля в Бар-ле-Дюке получались через Лондон статьи парижских газет, которые считали очевидным, что Мак-Магон попытается освободить своего товарища в Меце. В то время Базен пользовался популярностью во Франции. Он слыл за хорошего генерала, и не без оснований. Общественное мнение Франции еще не уяснило себе, что сражение при Вионвиле было победой французов, которая могла открыть Рейнской армии выход в поле, если бы только Базен обладал большим оперативным размахом. Оно видело лишь, что Базен устоял в трех сражениях, которые были тяжелыми кровопусканиями для противника.

Однако, и поздно вечером 25 августа Мольтке еще не был совершенно убежден в том, что Шалонская армия действительно начала авантюристический, по его мнению, поход на Мец. Для полной уверенности он ожидал донесений от кавалерийских дивизий, посланных к бельгийской границе. До получения их он все еще опасался изменить диспозицию для марша 3-й и Маасской армий, чтобы не произвести удар по воздуху. Но он не мог упустить представлявшиеся ему шансы, если Шалонская армия действительно двигалась близ бельгийской границы; тем более он не мог подвергать 2-ю армию опасности того, что Мак-Магон выйдет ей в тыл и Фридрих Карл, имея 7½ корпусов против 9 корпусов обоих маршалов, будет вынужден снять осаду Меца.

Поставленный перед этой дилеммой, начальник германского генерального штаба решил двинуть Маасскую армию и баварцев, составлявших правое крыло 3-й армии, не вперед на Реймс, а назад к Дамвилье на правом берегу Мааса. Туда же он направил и оба резервных корпуса Фридриха Карла от Верневиля. Это составило в совокупности 7 корпусов — подавляющее превосходство сил против 4 корпусов Мак-Магона. Приказы для марша, предусматривавшие сосредоточение всех этих сил к вечеру 28 августа у Дамвилье, были отправлены: баварцам поздно вечером 25-го и Фридриху Карлу в полдень 26-го. Войска обоих кронпринцев, которым нужно было в три перехода пересечь труднопроходимую местность к востоку от Аргонн, побуждались к быстроте; напротив, Фридрих Карл получил указание послать свои войска только утром 27 августа, т. е. как можно позже, лишь бы они достигли Дамвилье к назначенному сроку. Насколько неудобно было, ввиду возможного выступления Базена на юг, ослабить блокадную армию, видно из директивы Мольтке, данной Фридриху Карлу в полдень 26 августа: «...Распорядитесь так, чтобы, во всяком случае, воспрепятствовать прорыву противника на запад, хотя бы и пришлось временно снять блокаду на правом берегу Мозеля». Разумеется, в случае очищения Фридрихом Карлом правого берега Мозеля шансы для благополучного выступления Базена на юг повышались сравнительно с приведенными выше. Маршал опережал Фридриха Карла, который, будучи первоначально занят лишь обеспечением тыла Маасской армии и ее подкреплений, едва ли успел бы наверстать потерянное время. Правда, Рейнская армия все-таки не попала бы в Париж, так как все германские силы стояли между ней и столицей. Пользуясь численным превосходством, Фридрих Карл поборол бы ее также и в юго-восточной Франции. Однако, это не изменяет факта, что Мольтке, в случае (конечно, нереальном) отчаянного наступления Мак-Магона, был бы вынужден притти к решению выпустить Базена. Из обеих французских армий Рейнская армия являлась лучшей и более многочисленной, но в данный момент Мольтке считался с возможностью, что ему удастся уничтожение лишь Шалонской армии.

Если начальник германского генерального штаба хотел избежать разрушения хорошо обоснованной надежды, ему следовало отсрочить, насколько возможно, выступление обоих резервных корпусов Фридриха Карла. Это было доказано событиями под Мецом, а именно в полдень 26 августа, когда Мольтке направил эти силы в Дамвилье. Тогда из 5 корпусов Базена 4 стояли на правом берегу Мозеля, тесно сосредоточенные у Мей, оттеснив германское сторожевое охранение юго-восточнее Меца. В главной квартире принца Фридриха Карла задавали себе вопрос: «Сделает ли Базен попытку к прорыву на юг или на север?» Полевой телеграф своевременно сообщил туда, что утром главные силы Рейнской армии перешли с левого берега Мозеля на правый, и Фридрих Карл принял соответствующие меры. 1-й корпус стоял сосредоточенно вокруг Сервиньи. Около половины пехоты 10-го корпуса было от Сен-Прива передвинуто в Арганси, лежащее на правом берегу Мозеля, на дороге Мец — Диденгофен. Одна дивизия 9-го корпуса, назначенного Мольтке в Дамвилье, перешла от Верневиля к мосту через Мозель у Оконкура. Однако, немцы напрасно трудились, потому что в 4 часа пополудни французы, не сделав более ни одного выстрела, возвратились на левый берег Мозеля. Они только демонстрировали, с целью удержать под Мецом все силы герман-

ской блокадной армии. Большего Базен не хотел сделать, так как Мак-Магон, о приближении которого он был извещен в самой неопределенной форме, 26 августа стоял еще у Вузье и Ретеля, по меньшей мере в 6 переходах от Меца. Базен произвел не парадный маневр, как говорит Мольтке в своей истории войны, а угрожающий жест, который не преминул произвести впечатление, особенно на принца Фридриха Карла и в меньшей степени на самого Мольтке.

Невзирая на то, что пока еще оставалось сомнительным, действительно ли Мак-Магон отважился двигаться на Монмеди, начальник германского генерального штаба должен был отдать диспозиции для марша, которые после получения донесений от кавалерийских дивизий, может быть, потребовали бы значительных исправлений. Если для преграждения пути Шалонской армии Мольтке собирал силы не на левом, а на правом берегу Мааса, то это основывалось на предположении, что Мак-Магон будет итти к Маасу форсированными маршами. Только при этом предположении было правильным притянуть для отражения Шалонской армии корпуса, стоявшие на резервной позиции перед Мецом. Напротив, если бы Шалонская армия замедлила переход через Маас, то выгоднее было бы, оставив Фридриху Карлу его корпуса, направить против нее всю 3-ю армию, потому что при возможности преградить Мак-Магону путь уже на левом берегу Мааса, левое крыло кронпринца Прусского также находилось бы достаточно близко к предполагаемому полю сражения. В этом случае соотношение сил становилось еще более благоприятным для немцев, так как они имели 8½ корпусов против 4.

Тем не менее марш главных сил 3-й армии на Витри-ле-Франсуа продолжался. Обстоятельный военный писатель полковник П. Кольбе [1] объясняет следующим образом, почему тут не произошло никаких изменений: «...Прежде всего представлялось неудобным приостановить наступательные движения 3-й армии на северо-запад (Реймс)... и приступить к захождению вправо и назад, особенно по той причине, что это поставило бы 3-ю армию позади Маасской армии и... вызвало бы скопление чрезвычайно большого числа войск, эшелонированных в глубину..., что сделало бы невозможным своевременное развертывание всех сил. Напротив, при совершении 3-й армией еще одного перехода в прежнем направлении с задержанным позади правым крылом [2], корпуса левого крыла, хотя первоначально и стояли бы уступами влево, но имели сейчас возможность... наступать против линии отхода противника».

Вечером 26 августа первые донесения кавалерийских дивизий были получены в Клермоне в Аргоннах, куда переехало верховное командование, также изменившее западное направление марша на северное. Кавалерия доносила, что неприятельские части всех родов войск замечены у Гран-Пре, но французы пока еще не достигли Мааса. Гран-Пре, куда правофланговый корпус Мак-Магона из Вузье выдвинул свое охранение, лежит на северном краю Аргонн. Замеченные там французские силы едва ли могли направляться в какой-либо другой пункт кроме Меца. Так как кавалерийская дивизия 12-го кор-

[1] «Das französische Generalstabswerk über den Krieg 1870—71» von E. v. Schmid, fortgesetzt von P. Kolbe. («Труд французского генерального штаба о войне 1870—1871 гг.». Сочинение Э. Шмида, продолженное П. Кольбе), вып. 8, стр. 96.

[2] Конечно, правым крылом главных сил; отделившиеся уже от армии баварцы не принимаются в расчет.

пуса, дошедшая до Бантевиля близ Мааса, французов не обнаружила, то Мольтке надеялся застать Шалонскую армию еще на левом берегу реки. Ввиду этого он приказал главным силам 3-й армии, вместо того чтобы 27 августа продолжать марш на Реймс, свернуть от Витри-ле-Франсуа на Сен-Менеульд на западном краю Аргонн. Фридрих Карл получил приказ послать оба корпуса в Дамвилье не утром, а только в полдень 27 августа. При этом было категорически подтверждено, что войска все-таки должны прибыть в Дамвилье 28 августа. От Верневиля до Дамвилье 50 *км* по прямой. Следовательно, Мольтке требовал от войск чрезвычайных усилий, чтобы иметь возможность подольше оставить их под Мецом; однако, он уже сильно сомневался в том, что дело действительно дойдет до их выделения.

Кронпринц Прусский и Блюменталь посетили 26 августа главную квартиру короля в Бар-ле-Дюке. Блюменталь занес в свой дневник: «Положительных новых сведений о противнике получено не было, все-таки много заметок... представляется вероятным, что Мак-Магон хочет нас обойти с севера, чтобы подать руку Базену... Армейская группа (Маасская армия) уже получила приказание... выступить по направлению на Дамвилье. 1-му и 2-му баварским корпусам приказано немедленно следовать за ней. 3-й армии было предоставлено продолжать марш на Париж (без баварцев 3½ корпуса!), так как самих себя считали достаточно сильными. С этим я не мог согласиться и сказал, что мы должны также участвовать и двигаться на Сен-Менеульд; если неприятель будет разбит, мы отрежем ему путь отступления у Вузье и т. д.; в Париж мы поспеем. Это было одобрено».

Я считал бы психологически неверным сделать из этого места вывод, будто первенство мысли о направлении главных сил 3-й армии кронпринца (Прусского) против Мак-Магона принадлежит Блюменталю, а не Мольтке. Мы не знаем, какие сопротивления и препятствия последний должен был преодолеть в королевской главной квартире, чтобы провести захождение войсковых масс вправо и отсрочку наступления на неприятельскую столицу. Один раз он уже потребовал от 2-й армии (Фридриха Карла), чтобы она направилась вместо Парижа к бельгийской границе, но натолкнулся на полное непонимание со стороны командования армией [1]. В своей истории германо-французской войны Мольтке намекает на те последствия для его личного положения, которые могли произойти, если бы поход против Шалонской армии оказался ударом по воздуху: «Распоряжения о подвозе продовольствия были бы расстроены, и бесполезные марши могли повлиять на доверие войск к высшему командованию». К этому мы можем добавить: и повлиять на доверие короля к Мольтке. Итак, в Бар-ле-Дюке он как бы уступил Блюменталю инициативу стратегического захождения, показав вид, будто она исходит от последнего. Из заметок, сделанных кронпринцем относительно свидания в Бар-ле-Дюке, вытекает, что начальник германского генерального штаба сам всей душой был предан этому великому решению и не нуждался во внушениях с чьей-либо стороны. Фридрих Вильгельм пишет, что он застал Мольтке в немалом возбуждении, так как вдруг представилась обоснованная возможность отбросить Мак-Магона у Мезьера или Седана к бельгийской границе... Движение французов

[1] См. стр. 118—122.

на север происходит между названными крепостями, как бы протискиваясь мимо них: «Что за безумное предприятие!.. Мольтке полагает, что, поставив мышеловку неприятельской армии, можно взять ее в плен».

Теперь, оставаясь в тесном соприкосновении с противником, кавалерия оправдала возлагавшиеся на нее надежды в отношении разведки. Рано утром 27 августа она донесла, что у Реймса уже более не осталось французов; по рассказам жителей, Мак-Магон находится в Аттиньи (позади Вузье); большие массы войск все еще стояли у Вузье. Последнее донесение утвердило начальника германского генерального штаба в мысли, что ему удастся вызвать решение уже на левом берегу Мааса, но из осторожности он пока ограничился приостановкой отправления корпусов Фридриха Карла. Только днем, после того как было установлено присутствие частей всех родов войск у Гран-Пре [1], а у Бомона близ Мааса обнаружена лишь сильная кавалерия, Мольтке сообщил принцу Фридриху Карлу, что выделение части блокадной армии окончательно отменяется. Этим самым отказались от Дамвилье, как пункта сосредоточения войск, назначенных для преграждения Шалонской армии пути в Мец. Его место занял Вузье. Туда была направлена 3-я армия, а также Маасская армия, за исключением 12-го (саксонского) корпуса, знакомого нам по его обходному маршу при Сен-Прива. В качестве правого крыла Альберта названный корпус уже в этот день достиг Мааса, где ему было указано занять переправы у Дэна и Стенэ.

Мы оставили Мак-Магона 25 августа с правым крылом в Вузье. Имея осью бивакировавший тут 7-й корпус, армия произвела 26-го захождение вправо, так что левое крыло перешло в Ле-Шен. Французы располагали, наряду с многочисленной корпусной кавалерией, еще 2 резервными кавалерийскими дивизиями. Если бы они использовали одну из них на своем правом фланге, то обе германские кавалерийские дивизии, которые тут подошли вплотную к Шалонской армии, конечно, были бы точно установлены. Но одна из французских кавалерийских дивизий двигалась впереди армии к Маасу, а другая у Аттиньи поддерживала связь с тылом. При таких условиях находившийся в Вузье командир 7-го корпуса генерал Феликс Дуэ мог впасть в заблуждение, будто большие неприятельские силы всех родов войск наступают против него. В продолжение всей ночи с 26 на 27 августа, при проливном дожде, он держал свои войска под ружьем. Но ложная тревога и вредные последствия ее не ограничились одним 7-м корпусом; они распространились на всю армию. Когда Дуэ донес в главную квартиру Мак-Магона, в Туртерон, что противник, повидимому в больших массах, надвигается на Вузье, маршал приказал всем корпусам 27 августа изменить направление движения. Продолжая марш на восток, можно было в этот день почти достигнуть Мааса, но Мак-Магон повернул армию на юго-восток, чтобы дать решительный бой германской армии, имея на правом фланге, у Лонгви [2], 7-й корпус и на левом фланге, у Бюзанси, 5-й корпус. В то время как шедший уже целые сутки дождь продолжался, 3 корпуса, которые должны были присоединиться к 7-му корпусу,

[1] 5-я кавалерийская дивизия наблюдала, как Дуэ стягивал эти силы к Лонгви.

[2] Дуэ перешел туда, так как он считал эту позицию более удобной для сражения, чем местность у Вузье.

выступили еще до рассвета и находились в движении около 7 часов, пока Дуэ не донес Мак-Магону, что неприятельской пехоты не видно. Тогда маршал приказал армии повернуть назад и отойти на значительное расстояние. Для 5-го корпуса, составлявшего при наступлении левое, а при отступлении правое крыло армии, это означало еще раз напрасную трату сил в продолжение 5 часов, так как корпусный командир Фальи, известный нам по сражению при Верте как особенно осторожный тактик, теперь, узнав о появлении у Бюзанси нескольких эскадронов саксонской кавалерии с конной батареей, имевших стычки с конными частями 5-го корпуса, возымел подозрение о присутствии со стороны немцев крупных масс всех родов войск. Под впечатлением этого Фальи, подобно Дуэ, так сказать по одному тревожному выстрелу, развернул весь свой корпус. Когда из этого порядка корпус опять стал вытягиваться в походную колонну, двигаясь по размякшим дорогам по местности, уже пройденной утром, в войсках, замученных в продолжение трех недель (начиная с Бича) перекрестными и поперечными маршами, деморализация привела к скверным явлениям. Солдаты издевались над тем, что корпус бежит без боя перед слабым противником, и ругали нерешительность и неспособность командования.

Маршал Мак-Магон не вернулся в Туртерон, а расположил свою главную квартиру на левом фланге армии в Ле-Шен. Наполеон III находился там же и во второй половине дня мог сообщить ему сведения, что 3-я германская армия надвигается через Сен-Менеульд. Кавалерия Шалонской армии столкнулась у Бюзанси, Бомона и Нуара с конными частями Маасской армии. Следовательно, Мак-Магону приходилось опасаться, что $8^1/_2$ корпусов обоих кронпринцев насядут на его 4 корпуса уже на левом берегу Мааса. Базен не трогался с места. Правда, после его сообщения от 20 августа [1] всякое сообщение между двумя маршалами прекратилось, но в Седане находился один капитан, к способностям которого в качестве собирателя сведений Мак-Магон питал большое доверие; этот капитан утверждал, что накануне, 26 августа, Рейнская армия еще стояла у Меца [2].

Мак-Магон и Наполеон были вполне согласны в том, что при наличии этого факта командование Шалонской армии не может более игнорировать голоса стратегического благоразумия. В этом смысле Мак-Магон вечером телеграфировал военному министру, что он отказывается от выручки Рейнской армии, ибо иначе Маасская армия атакует его с фронта, тогда как 3-я армия отрежет ему все пути отступления. Поэтому он в ближайшие дни отведет армию к Парижу через Мезьер.

Сочинение французского генерального штаба придает большое значение тому, что от Мезьера войска можно было перевозить в Париж по железной дороге. Однако, таким способом нельзя было транспортировать более одной дивизии в день [3], а Шалонская армия

[1] Ср. стр. 179.

[2] Ле-Шен находится в шести переходах от Меца.

[3] Из Нефшато, близ Лангрского плато, до Шалона было переброшено 8 дивизий в семь дней (ср. стр. 177). Генерал Гренер (Gröner), знаток военно-железнодорожного дела, в своей книге «Der Feldherr wider Willen» (полководец против воли), стр. 241, говорит: «В действительности в 1914 г. на обеих транспортных линиях с 7 сентября до конца месяца было перевезено с левого крыла фронта на правое крыло 13 пехотных дивизий и 1 кавалерийская дивизия; кроме того, из центра фронта — еще 1 смешанная пехотная бригада... При большей планомер-

насчитывала 13½ дивизий [1]. На это Мольтке, безусловно, не дал бы французам времени. Все-таки отступление на Мезьер было бы для Шалонской армии выходом на свободу; оно отсрочило бы ее катастрофу. Сомнительно, чтобы она достигла Парижа раньше 3-й германской армии: Сен-Менеульд — цель марша этой армии на 28 августа — находится несколько ближе к французской столице, чем Мезьер. Но Мак-Магон мог бы отступить в северо-западную Францию, в район Амьена и Лиля. Конечно, Мольтке и там сумел бы его найти, причем ввиду численной слабости, с которой Франция начала войну, маршалу пришлось бы в северо-западной Франции вести столь же безнадежную борьбу, как Базену в юго-восточной Франции. Во всяком случае положение на Сомме было бы благоприятнее, чем на Маасе.

Политика портила стратегию. Можно было предвидеть, что это так произойдет, и потому начальник штаба Шалонской армии посоветовал Мак-Магону послать телеграмму военному министру уже после того, как войска выступят на Мезьер. Маршал взял документ в руки, внимательно прочел его еще раз и передал начальнику разведывательной службы полковнику Стоффелю со словами: «Прошу вас отправить эту телеграмму». Моральное и физическое мужество — две разные вещи. Человек, который в свое время сумел удержать штурмующие войска, когда был найден электрический провод и раздался панический крик: «Малахов курган минирован!» [2], — теперь отшатнулся перед действительно страшным решением оставить Рейнскую армию на произвол судьбы, чтобы, по крайней мере, сохранить для страны Шалонскую армию.

Действия германских войск поставили французов перед дилеммой: или безучастно смотреть на гибель Рейнской армии, или бросить в пропасть еще и Шалонскую армию. Военный министр Паликао столь же мало мог найти выход из этого положения, как и маршал Мак-Магон, ибо оно было безвыходное. Однако, если Мак-Магон в своем роде был все-таки значительным человеком, то этого нельзя сказать о военном министре. Позиция Мак-Магона в споре между политикой и стратегией не лишена некоторого трагического величия, тогда как граф Паликао посреди кризиса, охватившего Францию, представлял далеко не блестящую фигуру. Он убаюкивал себя наивной надеждой при помощи фальсифицированных телеграмм преждевременно заманить 3-ю и Маасскую армии к Парижу. Еще менее зрелой была его идея освободить Мец посредством диверсии в Баден вновь сформированной армии в 60 000 чел. (!!). В своих комбинациях, касающихся передвижения сил, могущего произойти при боях за освобождение Базена, Паликао ни разу не вспоминает о возможности выступления против Мак-Магона еще нескольких корпусов из состава блокадной

ности... общее число подвезенных по железной дороге сил могло быть, наверное, увеличено еще на несколько дивизий, так что в конце сентября на крайнем правом крыле... можно было бы располагать 16 дивизиями».

Таким образом, даже при усовершенствованной технике 1914 г. можно было перевозить в день только 1½ дивизии, и притом по д в у м рельсовым путям, из которых один, правда был неполноценный. Во всяком случае, читатель видит, что труд французского генерального штаба иногда черпает свои сведения из необоснованных источников.

[1] Собственно говоря, 14, но в 5-м корпусе нехватало бригады Ляпассэ. Относительно нее — ср. стр. 93 и 100.

[2] Ср. т. I, стр. 161 (русск. пер. — т. V, стр. 118).

армии. Напротив, после того как уже нельзя было сомневаться в захождении армии кронпринца Прусского, Паликао представлял себе обстановку так: в сражениях на Мозеле против 1-й и 2-й армий Базен удержал свои позиции; следовательно, эти две армии, после выделения Маасской армии и в случае наступления Мак-Магона на Мец, были недостаточно сильны для действий против обоих маршалов. Шалонская армия была сильней Маасской армии и могла ее разбить раньше, чем 3-я армия будет в состоянии помочь кронпринцу Саксонскому. Тут военный министр полагал, «на основании самых надежных разведывательных сведений», что маршал Мак-Магон опередил кронпринца Прусского на 48 или, по меньшей мере, хотя бы на 36 часов. Так как война является сферой беспрерывных сильных трений, то Паликао должен был понимать, что преимущество в 36—48 часов легко обращается в ничто. Кроме того, в случае победы 4 корпусов Мак-Магона над 3 корпусами Альберта, непосредственно в тылу Шалонской армии стоял бы кронпринц Прусский с 5½ корпусами. Между тем, укрепившиеся 7½ корпусов Фридриха Карла могли рассчитывать на то, что им удастся задержать в Меце 5 корпусов Рейнской армии.

Короче: если бы Мак-Магон командовал не армией, а только летучей колонной, то и тогда ему было бы трудно выйти в тыл принца Фридриха Карла. Наполеон ни в коем случае не желал, чтобы армию направили на Монмеди, но теперь его не спрашивали. Император, который после поражений при Верте и Шпихерне отказался от верховного командования, предполагал снова принять начальство над армиями, когда Рейнская армия будет освобождена и соединится с Шалонской армией[1]. Следовательно, он впал некоторым образом в противоречие с самим собой, когда решительно возражал против похода на Монмеди. Но последствием стратегии Мольтке именно и было то, что она спутала все мысли и действия французов.

Когда военный министр телеграфировал, что если Базену не будет оказана помощь, то в Париже вспыхнет революция, Мак-Магон сказал лишь: «Ну хорошо, тогда пусть нам переломают кости».

Не подлежит никакому сомнению, что положение в Париже было опасное. Наполеон не решался вернуться в центр своего государства, где, конечно, было его место, раз он сложил с себя командование армиями. Несмотря на это, является вопросом, действительно ли приближение Шалонской армии к Парижу вызвало бы революционное восстание, как утверждал военный министр. Очень многое зависело от настроения войск. Если бы Франция имела тогда государя, соединявшего ум с чрезвычайной энергией, то, пожалуй, ему удалось бы сберечь и укрепить в Шалонской армии сохранившийся в ней остаток бонапартистской традиции. Оборона гигантской крепости Париж, опирающаяся на регулярную армию, поставила бы немцев перед гораздо более трудными задачами, чем возникавшие для них в течение войны.

От этих размышлений, которые представляют собой гипотезу, но бросают свет на факты, вернемся к последним. На 28 августа Мак-Магон опять назначил армии переход, в среднем, только около 12 *км* (по прямой линии), но половина войск не достигла и этих

[1] См. стр. 97.

скромно поставленных целей марша. Накануне вечером маршал отдал приказы о повороте на Мезьер и потом отменил их. Между тем, все корпуса успели уже двинуть свои обозы для ночного марша. Генерал Дуэ даже лично выехал вперед по направлению на Мезьер, чтобы осмотреть местность, по которой должно было произойти движение; в качестве командира правофлангового корпуса, находившегося под ближним наблюдением 2 кавалерийских дивизий Маасской армии, выставленных у Гран-Пре и Вузье, он попрежнему чувствовал себя особенно угрожаемым. Вследствие отъезда Дуэ второе приказание Мак-Магона не было им своевременно получено, и его корпус рано утром 28 августа двигался на Мезьер. Наконец, узнав о перемене намерений командующего армией, Дуэ не сразу повернул свои войска, а заставил их сначала простоять 4 часа на месте, пока далеко выдвинутый вперед обоз не был опять возвращен. Здесь мы видим иллюстрацию к показанию Мак-Магона на военном суде, что обозы сильно стесняют армию, желающую уклониться от боя с противником. Для войск Дуэ, наряду с бесполезными перекрестными и поперечными маршами, эта продолжительная остановка, сделанная из-за обозов, была причиной того, что корпус далеко не достиг поставленной ему цели марша.

То же случилось и с 5-м корпусом, хотя и по другим причинам. Армия шла по двум дорогам на Стенэ, где нужно было перейти Маас. По северной дороге через Стонн, в котором расположилась главная квартира Мак-Магона, двигались два корпуса; два других, 5-й и 7-й, были направлены через Нуар. По пути туда Фальи получил от своей корпусной кавалерии донесение, что у Бюзанси (на его дороге) противник в составе трех родов войск быстро наступает. Как уже однажды у Бюзанси, Фальи приказал своему корпусу развернуться и продержал его 8 часов на месте. Между тем из Стонна прибыл адъютант, который передал настойчивое требование — возможно скорее перейти Маас — и, кроме того, сообщил, что 7-й корпус подчиняется 5-му. После этого Фальи установил связь с Дуэ, который, однако, ответил, что его марш задержан обозами и что войска совершенно измучены, почему он не может обещать 5-му корпусу поддержку.

Тогда Фальи решил с собственным корпусом обогнуть расположение противника у Бюзанси. Последний в действительности не располагал всеми родами войск; налицо были только 2 кавалерийские дивизии Маасской армии, которые, как только Фальи развернул артиллерию и стрелков, очистили Бюзанси. Фланговый марш французского корпуса мимо германской кавалерии был произведен с соблюдением величайшей осторожности. Все это помешало войскам достигнуть пункта назначения, лежавшего недалеко за Нуаром. Для марша вокруг германской кавалерии корпус свернул в довольно неудобный для движения район, где провиантские повозки не могли за ним следовать. На местах биваков нельзя было получить никакого продовольствия, так что пришлось расходовать ранцевый запас. Промокшие до костей солдаты ложились прямо в грязь. Разведение огня не разрешалось, чтобы затруднить германской кавалерии разведку; разъезды ее приближались к самым бивакам и нужно было опять высылать стрелков, чтобы их отогнать.

Несмотря на это, германская кавалерия установила, что перед ней находится значительная часть Шалонской армии; этим она вы-

полнила поставленную ей задачу все время оставаться в тесном соприкосновении с противником, не оттесняя его. В интересах Мольтке было, чтобы французы до 30 августа оставались на левом берегу Мааса, так как раньше 3-я армия не могла окончить свой отход от Марны к Маасу. Следовательно, начальник германского генерального штаба поступал правильно, умеряя жажду подвигов со стороны кавалерии. Однако, физическое изнурение и упадок духа противника давали возможность немецким кавалерийским дивизиям, кроме разведывательной работы, действовать иногда и оружием. Обозы оставались особенно слабым местом Мак-Магона. Из двух корпусов, двигавшихся к Маасу по северной дороге, задний, 1-й корпус, принял на себя прикрытие обозов, стремившихся назад по направлению от Мезьера. Для того чтобы облегчить генералу Дюкло разрешение этой задачи, его войскам был назначен на 28 августа совсем небольшой переход до Ле-Шена. Но вследствие недостаточных мер охранения обоз при своем отступательном марше по направлению от Мезьера на Ле-Шен подвергся нападению германских разведчиков. У Туртерона произошла перестрелка, и значительная часть обоза сделалась добычей германской кавалерии. Так как Мак-Магон сократил обозы до минимума, то потеря была довольно чувствительна, но еще тяжелее ложился на чашу весов моральный ущерб. Голодная, страдавшая от холода Шалонская армия была со всех сторон окружена, наблюдаема и тревожима противником, который оставался недосягаемым, которого, повидимому, французское командование не решалось атаковать и от которого (таково было впечатление войск, гонимых от Верта и Бича через всю Францию), оно старалось лишь спастись бегством.

Селение Стенэ, избранное Мак-Магоном для перехода через Маас, лежало у самой дороги, ведущей в Монмеди, и было удалено только на один небольшой переход от этой маленькой крепости, все же представлявшей опорный пункт для освобождения Базена. У Стенэ и Дэна стоял 12-й корпус: «Будьте готовы встретить завтра упорное сопротивление при форсировании переправы у Стенэ»,— говорилось в приказе Мак-Магона. Фальи получил этот приказ 28 августа, между 9 и 5 час.[1]; подозревая наличие за германскими кавалерийскими дивизиями других родов войск, он приостановил марш на Нуар и приказал 5-му корпусу построиться в боевой порядок. С целью придать наступлению Фальи на Стенэ бо́льшую ударную силу, маршал подчинил ему также корпус Дуэ. Тем более поражает, что поздно вечером Мак-Магон отказался от переправы у Стенэ и направил все корпуса к мосту у Музона, расположенному в одном небольшом переходе ниже по реке. Продолжительность пребывания армии на левом берегу Мааса от этого не увеличилась, но достижение Монмеди отсрочивалось на несколько часов. После столь многих колебаний, когда стратегический успех зависел от того, чтобы опередить неприятеля хотя бы на небольшое пространство и это преимущество деятельно использовать, распоряжения Мак-Магона только увеличивали пассив этого предприятия. Основания, приводимые для объяснения перемены в намерениях маршала, не выдерживают критики. Мак-Магон, будто бы, узнал, что мост у Стенэ с германской стороны разрушен. Это неверно: 12-й корпус лишь забаррика-

[1] Весьма неточное определение времени.— *Ред.*

дировал каменный мост и сжег деревянные переходы по бокам. Впрочем, ведь Мак-Магон знал, что мост находится в руках неприятеля, и, стало быть, нельзя рассчитывать на его невредимость. Затем, Маас у Стенэ мелок, а французским инженерным войскам удалось устроить у Музона рядом с каменным мостом временный переход через реку. Следовательно, утверждение, будто Мак-Магон отказался от форсирования Мааса у Стенэ ввиду недостатка мостового материала, также не заслуживает внимания. К тому же Мак-Магону был известен брод у Цесса: он приказал одной из своих кавалерийских дивизий узнать, не захвачен ли он немцами. При этом разведчики должны были заметить, что на участке близ Стенэ левый берег реки командует над правым, что затрудняло обороняющемуся выполнение его задачи. Наконец, остается еще упомянуть, что главная масса 12-го корпуса совсем не обороняла Стенэ, а была сосредоточена в одном малом переходе выше по реке, у Дэна.

Итак, внезапное решение Мак-Магона — переменить пункт переправы через Маас — не зависело от мостовых условий. Последние были лишь предлогом, истинная же причина заключалась в тяжелом настроении армии. Этому надеялись помочь улучшением снабжения войск. Интендантству удалось собрать значительное количество продовольствия в селении Во, лежащем на дороге из Музона через Кариньян в Монмеди. О марше в эту обетованную землю Фальи отдал приказ по корпусу, из которого явствует, насколько субординация и дисциплина были расшатаны неудачами. В нем говорилось: «Офицеры и солдаты должны понять, что безусловно необходимо еще сегодня достигнуть района Во. Поэтому 5-й корпус выступает немедленно к Музону, отстоящему всего на 8 *км*, переходит Маас и располагается на позиции в 2 *км* от реки. Там продовольствие обеспечено».

Говоря об этом приказе по корпусу, я несколько опережаю события. Подобно колебаниям Мак-Магона в Ле-Шене вечером 27 августа, новое важное изменение диспозиций также повлекло за собой перекрестные и поперечные марши. Тогда жертвой был корпус Дуэ, 29 августа — корпус Фальи. Утром этого дня офицер, отправленный из Стонна к генералам Фальи и Дуэ с приказами о перемене пункта переправы, был взят в плен разъездом гвардейской кавалерии. Офицер имел при себе все приказы Мак-Магона на 29 августа, касавшиеся 5-го и 7-го корпусов, так что немцы были вполне ориентированы относительно движений одной половины Шалонской армии. Не подозревая, что ему назначено итти в Музон, Фальи двигался к Стенэ. В полдень, на пути туда, он заметил то, чего боялся в течение двух предшествовавших дней: все роды войск противника. Немцы стояли справа от него у Нуара. Это был авангард Маасской армии, который 26 августа, зайдя из окрестностей Сульи[1] на север, 29 числа установил соприкосновение с Шалонской армией также посредством пехоты и артиллерии. Припомним, что 3-я армия могла подойти только на следующий день. Ввиду этого Мольтке дал кронпринцу Саксонскому приказ: 29 августа уклоняться от серьезного столкновения с противником, но на документе сделал следующую собственноручную приписку: «Вышесказанное не исключает выдвижения сейчас

[1] Ср. выше, стр. 180.

против слабых неприятельских сил, сначала для овладения дорогой Бюзанси» [1].

Начальник германского генерального штаба был достаточно знаком с Альбертом по Гравелоту, чтобы знать, как командующий Маасской армией поймет собственноручную приписку: несомненно, в том смысле, что после ознакомления с обстановкой на месте следует, при малейшей возможности, тотчас же овладеть шоссе Нуар—Стенэ. Благодаря пяти кавалерийским дивизиям, находившимся перед неприятелем, которые были не сильнее конницы Мак-Магона, но использованы по новому способу, Мольтке имел верное представление о движениях Шалонской армии. 1—2 корпуса, — писал он кронпринцу Саксонскому, — пойдут по дороге Нуар — Стенэ, остальные силы французов нужно предполагать на большом шоссе, которое дальше к северу от Ле-Шена через Бомон ведет к Маасу.

Для овладения южным шоссе Альберт двинул 12-й корпус на Нуар [2] и гвардию на Бюзанси; 4-й корпус следовал как бы во второй линии. Против саксонцев у Нуара выдвинулась для разведки кавалерийская дивизия корпуса Фальи. О старозаветной форме, в которой это произошло, мы имеем отчет одного французского генерала. Во главе дивизии ехали трубач и командир дивизии со своим штабом; надлежащего охранения не было; когда германская артиллерия и пехота открыли огонь, все рассыпались, так что два полка, участвовавшие в разведке, только ночью (они выступили в полдень) опять собрались на биваке у Бомона.

Неприятный инцидент сам по себе был незначителен, но он произвел столь сильное впечатление на Фальи, что весь 5-й корпус, двигавшийся к Маасу и миновавший уже на значительном протяжении 12-й корпус, должен был повернуть назад и образовать фронт против саксонцев. Для того чтобы занять лесистые высоты севернее Нуара, где Фальи выбрал трудно доступную позицию, корпусу пришлось с новыми усилиями пройти по предварительно выравненной пионерами местности. Фальи послал в Стонн офицера генерального штаба за инструкциями на случай, если ему не удастся пройти в Стенэ. Он все еще думал, что этот пункт является целью его марша. Фальи просил также поддержки и притом обращался с этой просьбой не только к Мак-Магону, но и к командирам других корпусов. Например, к генералу Лебрену, переправлявшему свой 12-й корпус через Маас у Музона, он послал одного крестьянина. Лебрен слышал канонаду со стороны Нуара, но недолго, а потому не обратил внимания на сообщение крестьянина.

Преемником Альберта по командованию 12-м германским корпусом был его брат принц Георг, который в стратегическом отношении не был подготовлен. Хотя французов не следовало теснить, но Георг, по малопонятным причинам, перевел один полк через шоссе для нащупывания противника. При участии саксонских батарей произошел бой, продолжавшийся несколько часов, в котором немецкие войска понесли значительные потери и затем были отведены обратно. Однако, созданная Мольтке стратегическая обстановка до такой степени давила на дух французов, что даже эта ошибка командира саксонского корпуса принесла пользу немецкому делу. Германский

[1] Нуар — Стенэ.

[2] Для прикрытия переправ через Маас одна бригада 12-го корпуса была оставлена у Стенэ и Дэна.

полк потерял 338 чел., действовавший же против него французский — только 118; германский полк должен был оставить поле боя; несмотря на это, он сохранил воинский порядок, тогда как бригаде, из которой был взят французский полк, понадобились часы, чтобы собраться.

Так как корпус Фальи вместе с подчиненным ему корпусом Дуэ имел против себя 3 корпуса Маасской армии, и, кроме того, приближался один корпус 3-й армии, то Фальи находился в положении, безусловно требовавшем отступления. Несмотря на это, в течение всего 29 августа он не отважился тронуться с места, а боязливо держался за свою хорошую оборонительную позицию. Это отнюдь не было исполнением полученной им инструкции, которая предлагала ему возможно скорее двигаться к Маасу. Но так как на войне влияние решений не поддается точному учету, то именно это колебание командира 5-го корпуса послужило на пользу французскому делу. Благодаря этому Фальи получил вечером, еще в Нуаре, приказание не итти на Стенэ. Указанной 5-му корпусу еще рано утром, но только теперь ставшей ему известной целью марша был Бомон, немного не доходя до Музона. Тут 5-й корпус мог установить связь с остальными силами Шалонской армии, от которых, находясь при Стенэ, он был бы совершенно отделен наступающим противником.

Только одну кавалерию Фальи решился двинуть еще после полудня. С обоими другими родами войск он до захода солнца цеплялся за свою оборонительную позицию. Затем выступили также пехота и артиллерия. Для введения противника в заблуждение несколько батарей должны были поддерживать редкую канонаду. Были зажжены также многочисленные бивачные костры, горевшие всю ночь. Войска шли по двум дорогам, которые, однако, вскоре соединились. За два дня войска были измотаны и морально расстроены бесцельными развертываниями, перекрестными и поперечными маршами. Теперь к этому прибавился 7-часовой ночной марш по плохой дороге. Разветвления обеих дорог вызвали большую путаницу в колоннах. При восходе солнца 30 августа войсковые массы в величайшем беспорядке катились к Бомону. Упорядоченного снабжения они там не нашли; оно было им обещано только на другом берегу Мааса, в Во.

Труд французского генерального штаба следующим образом описывает состояние 5-го корпуса (при этом следует все же принять во внимание, что правильная подготовка к сторожевой службе существовала в это время только в прусской армии): «Силы людей пришли к концу... Оцепенение овладело всем корпусом. Уныние и деморализация достигли опасных размеров...

За исключением одного полевого караула, выставленного на дорогу в Стенэ 17-м линейным полком (он дрался у Нуара и, следовательно, был наиболее утомлен), лагерь никем не охранялся, и ни одного разъезда не было выслано к стороне неприятеля... Беспорядочно сгрудившиеся войска бивакировали там, где находили себе место... Кавалерийские части стояли посреди смешанной толпы совершенно расстроенной пехоты».

30 августа было тем днем, когда, по расчету Мольтке, Маасская и 3-я армии должны были достаточно приблизиться к неприятелю, чтобы начать решительные действия $8^1/_2$ германскими корпусами про-

тив 4 французских. Критика порицала Мак-Магона за то, что 29 августа, когда обстановка была еще сравнительно благоприятна для него, он сам не перешел в наступление. Тогда Маасская армия и передовой корпус 3-й армии подошли к Шалонской армии, причем у Нуара 12-й германский и 5-й французский корпуса вошли в соприкосновение. В Шалонской армии было больше кавалерии, чем у немцев в той местности, — значит, Мак-Магон имел возможность получить сведения о том, что 29 августа он может атаковать противника с равными силами.

Это верно, но Мольтке уже принял меры, чтобы Мак-Магон, даже начав наступление, повидимому, своевременно, все-таки не избег гибели, на которую был обречен безумным планом парижских министров. Ведь Мольтке совсем не приказывал кронпринцу Саксонскому выдвигать Маасскую армию к шоссе Бюзанси — Нуар — Стенэ, а ему предоставлялось лишь право произвести такое движение против сравнительно слабого неприятеля. Если же французы на их правом крыле обнаружат намерение действовать активно большими массами, то Альберту указывалось отойти на оборонительную позицию, находившуюся к югу от Бюзанси и Нуара, между Ландром и Энкревилем, «чтобы не вызвать противника на наступление до сосредоточения достаточных немецких сил».

Удар Шалонской армии 29 августа, произведенный в южном направлении, подготовил бы лишь ее уничтожение на следующий день. Ничто не изменилось бы, кроме того, что историческая катастрофа была бы связана не с именем Седана, а, может быть, с именем Дэна или Стенэ. Однако, мысль о наступлении 29 августа в южном направлении вообще не могла притти в голову Мак-Магону, так как его план состоял в том, чтобы быстрым наступлением на восток избежать боя. Если освобождение Базена могло быть достигнуто тем, чтобы на левом берегу Мааса опередить противника на 36—48 часов, то нельзя было 29 августа ввязываться в сражение с 4 корпусами против 4. По человеческому разумению, даже одержанная победа не могла принять такие ошеломляющие размеры, чтобы на следующий день подходившие 3½ корпуса[1] 3-й армии оставили французов в покое. Верный своему правилу, что никогда не следует недооценивать противника, Мольтке исходил из предположения, что Шалонская армия способна к быстрым маршам. При таком свойстве она могла уже 28 августа быть на правом берегу Мааса. В этот день и в этом месте можно было противопоставить ей подавляющее превосходство сил лишь при условии, что будут подтянуты войска из 2-й армии. Мольтке отдал соответствующие распоряжения, невзирая на опасность, что Фридрих Карл, будучи ослаблен, откажется помешать уходу Базена на юг. После того как начальник германского генерального штаба, при помощи нового средства — «применения для разведки целых кавалерийских дивизий», убедился в медленности движения Мак-Магона, он перешел к другим комбинациям. Он перенес центр сосредоточения на другой берег Мааса и решил обойтись без содействия войск, занятых под Мецом. От своего намерения — заключить Шалонскую армию в железные объятия подавляющего превосходства сил — он не отказался. Напротив, тогда как у Дамвилье предполагалось сосредоточить только 7 корпусов, комбинация Маасской и 3-й армий давала 7½ кор-

[1] Здесь не принят в расчет 6-й корпус. Ср. ниже, стр. 199, 200 и 213—214.

пусов. Припомним, что Базен был склонен видеть в начальнике германского генерального штаба стратега, признающего лишь о д и н метод ведения войны: безостановочное наступление. Это было ложное заключение, торопливо выведенное из случайного опыта. Никто не может сказать, дал ли бы Мольтке наступательное сражение при Гравелоте, если бы он ясно видел обстановку. Но затем он ни в коем случае не оправдал надежд Базена на то, что под самыми стенами крепости он даст четвертое сражение под Мецом. Вместо этого Мольтке заставил 2-ю и 1-ю армии усердно окапываться. На 29 августа он дал указание Маасской армии уклониться от сражения, в данном случае — посредством отступления на хорошую оборонительную позицию. Оборонительный способ ведения войны, который в походах Мольтке применялся лишь при случае, как временная мера, получил чрезвычайное значение и в его дальнейшей деятельности в генеральном штабе после Франкфуртского мира. Он был перенесен из тактики в стратегию. В Берлине считались с возможностью будущей войны против соединенных сил Франции и России. В этом случае Мольтке решил сначала держаться против Франции оборонительно и наступать только против России.

Против утверждения, что Мак-Магон 29 августа не имел никаких данных, чтобы даже думать о наступлении, некоторые возражают, что в ночь с 26 на 27 августа (придя под впечатлением нажима немецких кавалерийских масс на корпус Дуэ к ложному заключению, будто подошла вся Маасская армия) он все же с полным правом желал сражения. Но ведь тогда кронпринц Прусский находился еще в трех переходах, и Мак-Магон вообще совсем не знал, что он свернул от Витри на Сен-Менеульд. Действительно, 4 корпуса Шалонской армии оказались бы в благоприятном положении, если бы 27 августа они были атакованы при Лонгви 3 корпусами Маасской армии. Возможно также, что победа французов привела бы немцев в уныние и имела бы последствием снятие блокады Меца. Может быть! Однако, двое суток спустя, 29 августа, французы уже не могли рассчитывать на подобный шанс. При стремлении провести до конца абсурдный операционый план являлось вполне логичным, что в этот день Мак-Магон и его генералы думали лишь о том, чтобы скорее перейти через Маас. Как для 5-го корпуса (Фальи), так точно и для 7-го корпуса (Дуэ) это привело к фланговому маршу мимо Маасской армии. Если Фальи у Нуара натолкнулся на саксонцев, то Дуэ вблизи Бюзанси имел справа прусскую гвардию. Мы знаем, каким бесполезным лишением в ночь с 26 на 27 августа и 28 августа подвергся корпус Дуэ, отчасти вследствие боязливости своего командира, отчасти же из-за колебаний Мак-Магона. Ввиду близости противника войска 29 августа должны были опять перенести бесцельное развертывание, перекрестные и поперечные марши. Последнее объясняется тем, что адъютант Мак-Магона, который потом по пути в 5-й корпус попал в плен к немцам[1], приехал в 7-й корпус уже тогда, когда он двигался по дороге на Стенэ. В труде французского генерального штаба говорится: «За Пьермоном дорога становилась все хуже и, вследствие ливших в последние дни дождей, все более непроходимой. С трудом плелись дальше измученные войска». Погода и дороги были для французов не хуже, чем для немцев, но бессмысленность операционного

[1] Ср. стр. 193.

плана вела к тактическим ошибкам и путанице, которые расточали физические силы войск и подрывали их психическое состояние.

7-й корпус не достиг назначенной ему высшим командованием цели марша влево от Бомона и 5-го корпуса. Это должно было оказать роковое влияние, но 30 августа, когда маршал Мак-Магон посетил 5-й корпус в Бомоне и 7-й корпус в Оше, положение представлялось хотя и опасным, но отнюдь не безнадежным. Оно было опасным, потому что Маасская армия стояла на фланге 5-го и 7-го корпусов; тем не менее оно все-таки могло возбуждать у французского полководца некоторые надежды, так как о 3-й армии он знал лишь, что она приближается. Соприкосновения же с ней французская кавалерия еще не установила. Итак, казалось, все зависело от возможно скорого перехода через Маас правого крыла Шалонской армии, обращенного к неприятелю. Что касается левого крыла, то 12-й корпус уже накануне стоял на том берегу в готовности прикрыть переправу остальных частей армии. 1-й корпус, хотя и был еще на левом берегу, но близ мостов, находившихся в распоряжении Шалонской армии. Их было 4: каменный мост у Музона, восстановленный инженерными войсками; мост на козлах немного ниже, у Вилле; два моста на плотах еще дальше к Седану, у Ремильи.

Распоряжения Мак-Магона на 30 августа требовали от правого крыла наискорейшего перехода через Маас. Из левого крыла 12-й корпус был уже на той стороне; переход 1-го корпуса мог совершиться в безопасности. Затем предполагался марш всей армии по правому берегу р. Шьер в Кариньян, куда маршал, сопровождаемый Наполеоном, перенес свою главную квартиру. Отсюда до Меца оставалось еще 4 перехода. Путь на всем протяжении шел вдоль самой бельгийской и люксембургской границы. На нем можно было найти некоторую опору в небольших крепостях Монмеди и Диденгофен. Было несомненно что Маасская армия, если ей не удастся взять Шалонскую армию во фланг на левом берегу Мааса, преградит ей путь на правом берегу этой реки; но сопротивление кронпринца Саксонского, пожалуй, можно было преодолеть; кардинальным вопросом все время оставалось: удастся ли Мак-Магону уклониться от удара кронпринца Прусского с тыла?

Мы знаем, что Фридрих Вильгельм, отказавшись от движения к Реймсу, 27 августа повернул от Витри на Сен-Менеульд. Мольтке ожидал, что 30 августа 3-я армия будет стоять в тылу Шалонской армии. Начальник германского генерального штаба был единственным генералом той эпохи, который ясно сознавал, что при наличии построенной в XIX столетии системы дорог уже не было оснований двигать армии на походе в таких тесно сомкнутых порядках, как во время войн Наполеона I. Даже Блюменталь не вполне понимал наступившую перемену и вытекавшие из нее последствия[1]. Полковник Кольбе описал наглядно, как распоряжения Мольтке подготовили марш 3-й армии в северо-восточном направлении на самом широком фронте[2]. Однако, Блюменталь не сумел извлечь из этих распоряжений всей пользы. Кроме обоих баварских корпусов, переданных Мольтке из 3-й армии в Маасскую армию, вся масса войск, подчиненных кронпринцу Прусскому, двигалась 28 августа по одной дороге.

[1] Ср. т. I, стр. 445 (русск. пер. — т. V, стр. 308—309).
[2] Ср. выше, стр. 185.

Речь идет о 5-м и 11-м корпусах и о вюртембергской дивизии, т. е. о войсках, сражавшихся вместе с баварцами при Верте [1]; к ним нужно прибавить 6-й корпус, который, после предварительного выяснения отношений Пруссии с Австро-Венгрией, был прислан на театр войны и включен в состав 3-й армии. Если принять глубину походной колонны боевых частей корпуса в 20 *км*, то длина общей колонны 3-й армии на западном краю Аргонн составляла от трех до четырех переходов. Позади тянулась почти столь же длинная змея обозов. Среди них остались повозки с продовольствием, артиллерийские парки и полевые лазареты, которые по уставу должны были двигаться посреди боевых частей. Реквизиционная система, которая является нормальным способом снабжения для армии XIX в., находящейся в движении, функционировала плохо из-за скопления огромного числа людей и лошадей на тесном пространстве. Возвратиться к магазинной системе было трудно, потому что все обозы двигались по той же дороге. В общем, марш 3-й армии на северо-восток был бы невыполним, и во всяком случае она не достигла бы в назначенное время пути следования Шалонской армии, если бы штабы всех 3 корпусов не решились изменить распоряжения армейского командования соответственно с потребностью движения вперед. Они попробовали (Мольтке это всегда рекомендовал) вести корпуса не один за другим, а рядом; при этом они нашли, что сеть дорог фактически это позволяла. Командиры корпусов удалили с большого шоссе Витри — Сен-Менеульд целую половину войск и обозов.

Существует высокомерная поговорка: «Нигде не творятся такие удивительные вещи, как на земле». Но всего удивительнее—на войне, где нередко бывает, что ошибки приносят хороший доход. Маленький пример этого мы уже приводили [2]. Там говорилось о моральном преимуществе, которое пошло на пользу немецкому делу, но гораздо большую материальную выгоду французы извлекли из своих перекрестных и поперечных маршей. Они двигались 27 августа в юго-восточном направлении на Лонгви и Бюзанси и потом обратно, т. е. от Мааса, и на Мезьер. Весь обоз армии и 7-й корпус шли 28 августа на Мезьер, следовательно, опять-таки прочь от Мааса [3]. Корпус Фальи совершил марш близ Бюзанси вокруг немецкой конницы, т. е. двигаясь на одном участке к северу на Мезьер. На следующий день 7-й корпус двигался от Буль-о-Буа сначала в восточном направлении на Стенэ, чтобы потом у Жермона свернуть на север. Он стремился в Музон, но дорога вела также на Мезьер, а германские кавалерийские дивизии, окружавшие Шалонскую армию, наблюдали лишь по краям ее и ни разу не проникли в глубину. Таким образом, у кавалерийских начальников, а на основании их донесений также и у Мольтке создалось мнение, что нельзя быть уверенным в движении Мак-Магона на Мец; может быть, он еще опомнится и начнет отступление. Читатель знает, что эти впечатления были близки к действительности. Они способствовали тому, что Мольтке, который 29 августа с королевской главной квартирой прибыл в Гран-Пре, не совсем ясно себе представлял расположение войск Мак-Магона. Правда, он знал, что Шалонская армия стремится к Маасу частью через Нуар, частью же через Бомон, но ему было неизвестно, что оба крыла Мак-Магона

[1] Баденская дивизия осаждала Страсбург. См. стр. 241—242.
[2] См. стр. 194.
[3] Тут у автора неточность, ибо крепость Мезьер также лежит на р. Маас.—*Ред.*

уже 29 августа достигли этой цели[1]; напротив, он предполагал наличие еще значительных сил французов в Ле-Шене[2]. Это заблуждение, в связи с сомнениями относительно окончательных решений Мак-Магона, вызвало начальника германского генерального штаба на различные ошибки.

Марш 3-й армии от Сен-Менеульда на Вузье и в район к востоку от него первоначально был организован так, что 3 корпуса должны были наступать восточнее и 2½ корпуса — западнее Аргонн. Однако, введенный в заблуждение донесениями кавалерии, будто противник снова отступает от Мааса, начальник германского генерального штаба перевел один из двигавшихся восточнее Аргонн корпусов (6-й) на западный край лесистых гор. В главной квартире 3-й армии, в Сеню, близ Гран-Пре, Блюменталь записал в свой дневник: «По прибытии... неожиданно... я встретил Мольтке, который принес печальное известие, будто противник вытащил голову из петли и отступает в северо-западном направлении... Мольтке был до такой степени проникнут убеждением в правильности этого донесения, что уже непосредственно приказал 4-му корпусу изменить направление марша для преследования Мак-Магона. Можно притти в неистовство, если неприятель от нас ускользнет».

Так как силезцы в момент получения нового приказания успели уже сделать значительную часть первоначально указанного им перехода, то от передвижений туда и сюда было потеряно так много времени, что 4-й корпус 30 августа не успел достигнуть решительного пункта. Хотя оба баварских корпуса не были переведены с восточных склонов гор на западные, но все-таки, оставаясь восточнее Аргонн, они были передвинуты на некоторое расстояние на запад и затем, после получения в Гран-Пре взятых у пленного офицера бумаг[3], опять на восток. Баварцы, маршевые способности которых и без того оставляли желать лучшего, были понапрасну измотаны; один баварский корпус с опозданием вступил в бой при Бомоне, а другой, подобно 6-му прусскому корпусу, и вовсе не поспел к этому бою. Вместо 5½ корпусов кронпринц Прусский привел к решительному пункту всего 3½ корпуса.

Бумаги пленного офицера касались только 5-го и 7-го корпусов, но доказывали, что центр тяжести Шалонской армии уже переместился на Маас. Другие надежные донесения, полученные в течение 29 августа, подтверждали этот факт. Несмотря на это, Мольтке все еще склонялся к мысли, что у Ле-Шена сосредоточены значительные французские силы. Для предстоявшего на 30 августа наступления он располагал 7½ корпусами[4]. Из них 5 корпусов (Маасская армия и баварцы) были назначены на Бомон и в район западнее его, чтобы атаковать корпуса Фальи и Дуэ и вообще все французские войска, стянутые к Маасу, «тогда как для остальных корпусов сначала следует более придерживаться направления на Ле-Шен». Во исполнение боевого приказа Мольтке Блюменталь предписал 5-му корпусу итти

---

[1] 12-й корпус даже перешел в этот день Маас. См. выше, стр. 198.

[2] Впрочем, одна из 4 дивизий 1-го корпуса стояла еще западнее Ле-Шена для прикрытия обозов.

[3] Ср. стр. 197.

[4] Считая и неприбывший баварский корпус, потому что Мольтке на него рассчитывал, тогда как 6-й корпус только 29 августа достиг Вузье и, следовательно, на 30 августа в расчет не принимался.

на Ош, «откуда, смотря по обстоятельствам, вступить в бой». Ош, где корпус Дуэ (при своем марше на Стонн — Ля-Безас) остановился в изнеможении [1], лежит, примерно, в равном расстоянии от Мааса и от Ле-Шена. Против последнего пункта были направлены 11-й корпус и вюртембергская дивизия, подвергавшиеся тем самым опасности произвести удар по воздуху.

Не считая этих войск, рано утром 30 августа 5 германских корпусов наступали к переправам французов через Маас. Мак-Магон мог противопоставить им 3½ корпуса. Здесь принят в расчет и стоявший по ту сторону реки 12-й корпус. Наоборот, половина 1-го корпуса с корпусной артиллерией не могут приниматься во внимание, так как эти войска, перейдя Маас, настолько продвинулись по дороге на Кариньян, что, повернув назад, они в этот день уже не могли бы поспеть на поле боя.

Глава VIII

Сражения при Бомоне, Нуасвиле и Седане (30 августа—1 сентября 1870 г.)

Рано утром 30 августа Мольтке отнюдь не располагал тем подавляющим превосходством сил, которое он хотел бросить на Шалонскую армию. Все же 5 корпусов против 3½ было достаточно, чтобы обеспечить немцам победу и с точки зрения численности войск. Сражение началось в 11 час. 30 мин. тем, что артиллерия 5-го германского корпуса открыла огонь по арьергарду 7-го французского корпуса, когда последний с восходом солнца оставил свой лагерь близ Оша, направляясь к мостам на Маасе. Перед выступлением последних войск из Оша сюда прибыл Мак-Магон из Бомона и категорически приказал Дуэ во что бы то ни стало перейти Маас еще вечером [2]. Вследствие этого Дуэ, будучи тревожим на марше осуществлявшей наблюдение гвардейской кавалерией немцев и видя направленные против него батареи, нисколько не думал о принятии боя, а старался лишь, в соответствии с приказом, оторваться от противника. Это удалось благодаря тому, что развертывание арьергарда Дуэ внушило кронпринцу Прусскому и Блюменталю ложную мысль, будто французы предполагают обороняться на позиции у Стонна. Командование 3-й армии не решалось атаковать ее одним 10-м корпусом: «Конечно, французы выбрали эту позицию, как почти неприступную..., но мы не доставили им удовольствия, а остановились перед ней, пока их левое крыло у Бомона не было отброшено; тогда, около 4 час. 30 мин., мы заняли высоту без боя; оттуда открывался прекрасный вид. и мы до наступления темноты наблюдали получивший к вечеру особенно сильное развитие бой 4-го корпуса [3] у Музона и нашего

[1] См. выше, стр. 198.
[2] Ср. стр. 198.
[3] Маасской армии.

1-го баварского корпуса у... Я думал, что нам еще удастся окружить его (Мак-Магона) или оттеснить через бельгийскую границу...»

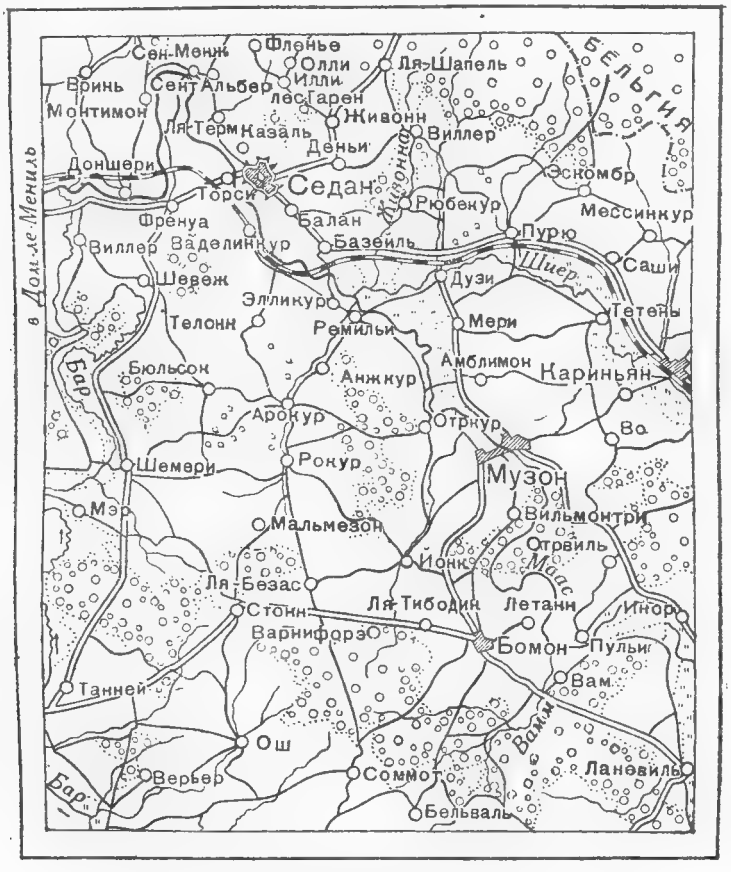
Следовательно, Дуэ мог беспрепятственно отступить. С высоты у Стонна он видел, что у Бомона шла перестрелка двух длинных артиллерийских линий и что с французской стороны происходили отступательные движения. Эта картина не могла на него повлиять в смысле отказа от собственного отступления. Положение дел и полученные приказания требовали от него ухода от противника. Он имел в своем распоряжении только 2 дивизии; 3-я дивизия Консейль-Дюмениля шла восточнее главных сил корпуса для прикрытия обоза, двигавшегося к мостам. Обременение обозом, о чем Мак-Магон впоследствии говорил на суде, особенно вредно сказалось при Бомоне. Генерал Консейль-Дюменил, у которого нехватало 3 батарей дивизионной артиллерии (находившихся при главных силах корпуса), наткнулся у селения Варнифоре на корпус фон-дер-Танна. Войска последнего, продвижение которых задерживалось неопределенным «приказом» верховного командования, также запутались в обозах, вследствие чего после полудня только одна из двух пехотных дивизий достигла Ля-Тибодина. Но, двигаясь с юга на север, она вышла во фланг французам, отступавшим с запада на восток. Баварцы произвели фланговый удар, можно сказать, не зная этого, потому что, подобно дивизии Консейль-Дюмениля, они не подозревали о присутствии противника. Из сражения при Верте нам известно, что у баварцев дисциплина огня была не лучше техники марша; один батальон вскоре израсходовал все патроны и был выведен из боя. Однако, выгодное стратегическое положение настолько влияло на тактику, что значительный успех едва ли мог ускользнуть от ген. фон-дер-Танна. Французы были разделены обозом, причем 2 полка дивизии Консейль-Дюмениля находились против баварской дивизии, а 2 других составляли прикрытие походных колонн. Генерал Консейль-Дюменил будто бы послал одну батарею на помощь полкам, столкнувшимся с баварцами. Однако, все 3 батареи дивизии потеряли в этот день только 5 чел. рядового состава и ни одного офицера. Итак, если эта батарея действительно выехала на позицию у Варнифорэ, то она ни в коем случае не пыталась действовать против четырех баварских батарей. Французская пехота у Варнифорэ была подавлена превосходными силами баварцев [1], причем один полк потерял более половины своего состава, а другой даже $^2/_3$. Фланговым ударом баварцев остатки были отброшены с восточного направления на северное и бежали к главным силам корпуса. Обоз со своим прикрытием также отклонился на север, и к 5 час. все столпились в Рокуре; баварская артиллерия, принявшая на себя преследование, обстреливала этот пункт. Однако, несмотря на ничтожные потери, пехота фон-дер-Танна осталась лежать, вследствие чего Дуэ смог опять привести в порядок свой корпус и вечером достигнуть паромных мостов у Ремильи. Здесь переправлялась через Маас дивизия резервной кавалерии как раз в то время, когда в Седане были закрыты шлюзы, отчего использование паромных мостов сильно затруднилось. Один очевидец описывает переход дивизии Боннемена следующим образом: «Лошади, не видя колеблющихся досок, которые были залиты водой и грозили при

[1] Против 14 баварских батальонов было всего 6 французских, и, кроме того, последние были гораздо слабее первых.

каждом шаге отделиться от их копыт, стали беспокойными. С вытянутыми шеями и навостренными ушами они боязливо входили в воду и плохо повиновались своим всадникам. Кирасиры, закутанные в большие белые плащи, опершись на стремена, двигались молча. Казалось, что они ехали по воде».

Затем перешла реку последняя дивизия 1-го корпуса[1], и поздно ночью за ней двинулся 7-й корпус. Тем временем мосты портились,

ОКРЕСТНОСТИ СЕДАНА



Масштаб

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 км

Схема 6.

и казалось, что переправу нельзя будет продолжать, когда был получен приказ об отступлении армии не на Кариньян — Монмеди, а на Седан. Теперь Дуэ приказал главным силам своего корпуса — двум пехотным дивизиям, кавалерийской дивизии и корпусной артиллерии — отойти по левому берегу к этой крепости. Она была на расстоянии всего нескольких часов марша, и все-таки весь корпус дошел до нее только через бесконечно долгое время. В труде французского генерального штаба нарисована картина марша корпуса Дуэ на Седан: «Безумное движение началось... повозки ускоряли свой ход, не обра-

[1] См. выше, стр. 198.

щая внимания на толпы солдат всех полков, и в жуткую темную ночь ехали наудачу без проводников... Люди падали от усталости, голода и холода и не менее того от нервного возбуждения, которому они подвергались непрерывно в продолжение суток. Жалкий вид имели лошади... Солдаты были настолько измучены, что даже самые энергичные, как только садились, немедленно засыпали».

Корпус Дуэ купил свой отрыв от неприятеля ценой одной десятой части пехоты и нового значительного ущерба моральному состоянию, но, с другой стороны, немцам не удалось оттеснить Дуэ от Мааса к бельгийской границе. Ни командование 3-й армии, ни подчиненный ему ген. фон-дер-Танн не чувствовали себя достаточно сильными для атаки. Из 4 баварских дивизий на поле сражения прибыла лишь одна. Блюменталь говорит, что перед «грозной и живописной позицией у Стонна» командование 3-й армии имело в своем распоряжении один лишь 5-й корпус. Правда, 11-й корпус и вюртембержцы своевременно уведомленные кавалерией об очищении противником Ле-Шена, избегали опасности произвести удар по воздуху, но когда они приблизились к Стонну, Дуэ был давно уже за горами.

Мы оставили корпус Фальи, когда он рано утром 30 августа достиг Бомона. Командир корпуса предполагал до полудня дать отдых роптавшим войскам, тем более что отставшие при перекрестных и поперечных маршах провиантские обозы в эти часы опять присоединились к корпусу, что давало возможность приготовить обычную пищу [1]. Фальи не придал значения тому, что все внимание войск было сосредоточено на предстоявшем утолении голода (если только они не предавались отдыху, вообще ни о чем не думая). Фальи казалось, что лес к югу от Бомона не требует выставления неподвижного охранения, так как корпусная артиллерия донесла ему об отступлении противника от Нуара на Стенэ. Из этого Фальи вывел заключение, что Маасская армия хочет перейти на другой берег Мааса, дабы там преградить Шалонской армии путь в Мец. Приняв эту возможность за доказанный факт, Фальи, самый осторожный из французских генералов, поступил весьма легкомысленно. Георг Саксонский передвинул только одну пехотную бригаду из Нуара в Стенэ, чтобы установить связь с кавалерией своего корпуса, которая находилась у этого небольшого города на обоих берегах Мааса. Своей чрезмерной осторожностью Фальи существенно обострил катастрофу Эльзасской армии под Вертом; теперь своим легкомыслием он увеличил поражение Шалонской армии. К этому присоединилось отсутствие у него той энергии, которая не знает жалости, вследствие чего Фальи, несмотря на требования Мак-Магона, настоял на том, что измученные и голодные войска нельзя сейчас же двигать дальше.

Во всяком случае, даже прибывшие последними части корпуса Фальи стояли уже 7 часов у Бомона, когда Маасская армия, после трудного прохождения через густой, местами болотистый лес, приблизилась к этому пункту. Бивакировавшие у Нуара 4-й и 12-й корпуса немцев двигались впереди, на большой дистанции за ними следовала гвардия из Бюзанси. Каждая из 4 дивизий шла по особой дороге. Опушка леса отстояла от города менее, чем на полмили. В промежуточном пространстве стоял биваками 5-й французский корпус, кроме $^2/_5$ пехоты, находившихся на высотах севернее Бомона.

[1] См. стр. 191.

Разведывательный эскадрон 12-го корпуса донес командиру 4-го корпуса ген. Густаву Альвенслебену [1], что перед неприятельским лагерем не выставлены полевые караулы. Тогда Альвенслебен приказал 3 батареям своего авангарда открыть огонь, в то время как пехотные части могли развертываться на опушке только медленно и постепенно, так как наличие в лесу густой поросли позволяло им продвигаться вперед лишь по дорогам. Когда прусская артиллерия вышла из леса, один французский солдат бросился назад и закричал: «К оружию!» Это было единственное охранение корпуса Фальи. Сам корпусный командир после открытия огня выехал верхом на высоты севернее Бомона, между которыми и Маасом вела дорога к мостам. Время, назначенное для выступления, и без того было близко. Завязавшийся к югу от города бой побудил Фальи поспешить; большего значения он ему не придал, оставаясь при своем предвзятом мнении. Таким образом, бой с французской стороны развивался без общего управления, вследствие чего южнее Бомона пехота и артиллерия действовали врозь. Артиллерия отъехала и стала на высотах севернее города, где она была вне зоны боя; пехота приняла бой на месте своих биваков. Такое разделение родов войск было для Альвенслебена большим успехом, но и единственным, которым он был обязан внезапности. Правда, его гранаты местами несли смерть в поднятые французские биваки (картина, всегда возбуждающая фантазию историков и читателей), но дальнейшего оперативного значения это не имело, так как в распоряжении генерала пока не было достаточных пехотных сил. С одной артиллерией он не мог помешать французам — плохо ли, хорошо ли,— но собраться и выступить.

Таким образом, для этого периода сражения создалось положение, когда наступающие немцы сражались, имея 9 батарей против 3 и 11 батальонов против 19 [2]. Но так как французские батальоны были много слабее германских, то можно считать, что пехота обеих сторон имела, примерно, одинаковую численность. Значит, если принять в расчет оба рода войск, немцы располагали превосходством сил, и для французов оторваться от противника (единственная для них цель боя) было очень трудно. Пехота почти без артиллерии (подобно дивизии Консейль-Дюмениля) пыталась возместить недостающую поддержку этого рода войск тем, что с удвоенным мужеством бросалась навстречу жерлам неприятельских орудий. Историк должен признать, что во французской армии дисциплина восстанавливалась как только развертывались трехцветные знамена. Против германской артиллерии, которая после ухода французской могла сосредоточить почти весь огонь на пехоте, французы развернули одну

[1] О нем см. т. I, стр. 444 (русск. пер.— т. V, стр. 308).

[2] Силу германского батальона в 4-м корпусе, еще не понесшем боевых потерь, можно принять в 800 чел. С французской стороны 5-й корпус только при Бомоне получил свое боевое крещение, а подкрепления в Шалонской армии прибывали непрерывно до самого дня Седанского сражения. Однако, потери 5-го корпуса за время походных движений от Бича были чрезвычайно велики. Так как в начале войны французский батальон, в среднем, едва ли имел более 600 чел., то численность батальона в 5-м корпусе, а вероятно и в Шалонской армии, вообще редко превышала 500 бойцов.

Батальоны 3-й германской армии, понесшие при Верте, в среднем, 6% потерь (считая мало участвовавшую и вовсе не участвовавшую в этом сражении пехоту), имели вследствие потерь от маршей среднюю численность только в 650 чел. См. V. Hahnke, Die Operationen der Dritten Armee (Ханке, Операция 3-й армии), под датой 27 августа 1870 г.

пехотную бригаду стрелковыми цепями; другая следовала за ней в сомкнутых строях. Это была бригада, сражавшаяся накануне при Нуаре. Мы знаем, что перекрестные и поперечные марши вызвали большой беспорядок в обозах. Иллюстрацией может служить то обстоятельство, что один из батальонов этой бригады не принял участия в бою при Бомоне, так как за отсутствием артиллерийских парков он не мог пополнить расстрелянные накануне патроны.

Потери, понесенные пехотными бригадами, лишенными артиллерии, в одночасовом бою южнее Бомона могут служить мерилом для оценки боевых качеств войск армии Наполеона III. Конечно, отчасти эти потери объясняются отсталой французской тактикой, но этот момент не следует переоценивать. В борьбе пруссаков с австрийцами в 1866 г. подобная тактика действительно оказывала серьезное влияние, потому что австрийцы никак не могли от нее освободиться, но французы сумели приспособить свои окоченелые построения к боевым требованиям. В описанном бою под Бомоном, с потерями в 40%, 5-й корпус, который при Верте (по вине своего командира) отсутствовал на поле сражения, доказал, что он достоин героев Верта [1]. Правда, отрыв от противника обошелся не дешево. Он был совершен под прикрытием других пехотных бригад, которые вместе с артиллерией стояли на высотах севернее Бомона. Только небольшая часть отброшенной пехоты заняла к северу от Бомона резервную позицию; разложившиеся же главные силы ее катились к мостам, куда уже во время боя сломя голову мчались корпусная артиллерия и обозы. В труде французского генерального штаба говорится: «С 2 час. 30 мин. пополудни непрерывная колонна повозок всякого рода, отдельных солдат всех родов войск или целых подразделений (остатки полков или батальонов) стала в величайшем беспорядке прибывать в Музон и теснилась к мосту или к лежащим вблизи бродам. Текли все новые обломки».

Позади отступавших французов пехота 4-го германского корпуса заняла Бомон, артиллерия последовала за ней, расположилась на позициях южнее города и соединилась тут с батареями 12-го и 1-го баварского корпусов, так что около 2 час. пополудни стреляло 25 германских батарей. Неприятель (после понесенных потерь) располагал на высотах к северу от Бомона 13 батареями. Однако, ген. Альвенслебен первоначально не мог использовать это огневое превосходство, потому что большая часть его пехоты застряла в лесу. В пехотном бою наступил перерыв более чем на час, в течение которого перед высотами севернее Бомона развернулся не только весь 4-й корпус, но правее его, до Мааса, также и 12-й корпус. Несмотря на то, что диспозиции Альберта назначили для движения каждой дивизии обоих корпусов особую дорогу, все же не удалось избежать скрещиваний. Кроме того, инженерным войскам 12-го корпуса пришлось устраивать мост через нижнее течение р. Вамм, в то время как пехота с величайшим трудом продвигалась по болотистой и лесистой местности ручья. Итак только около 3 час. пополудни она вступила в бой у Бомона. Кронпринц Альберт намеревался использовать имевшееся двойное превосходство таким образом, чтобы 12-й корпус оттеснил противника от Мааса, а 4-й корпус охватил его правое крыло. На правом крыле 12-го корпуса находился брод у Пуйльи. Альберт приказал

[1] Ср. стр. 74 и 82—83.

кавалерийским полкам перейти здесь Маас и наступать к дороге Музон — Кариньян. По пути к полю сражения он наблюдал на неприятельской стороне перемешивание всех родов войск, т. е. то, что описано выше на основании труда французского генерального штаба.

Фальи, принявший теперь командование над своим корпусом, старался освободить его от двойного охвата, занимая нетронутыми еще пехотными бригадами различные тыловые позиции: последнюю из них — в нескольких километрах от Музона. Его начальник штаба обещал одному отряду, назначенному для обороны рощи, сто орденов Почетного легиона в случае, если он продержится до ночи. Так как 2 французские бригады имели дело с 8 германскими, и атакующий, в конце концов, противопоставил 23 батареи 13 французским батареям, то 5-й корпус едва ли мог избегнуть уничтожения, если бы с другого берега реки 12-й французский корпус не прикрыл его отступления. Последний с той стороны Мааса обстреливал фланговым огнем из орудий и ружей Шаспо 12-й германский корпус, который продвигался между крутыми лесистыми горами и рекой, стремясь обойти левое крыло французов. При незначительной дальности немецких ружей саксонцы были беззащитны против стрелков ген. Лебрена. Очевидно что без перехода через Маас ничего нельзя было достигнуть против 12-го французского корпуса. Но столь широкий размах не соответствовал ни распоряжениям верховного командования на 30 августа, ни существовавшей обстановке, так как 12-й германский корпус встретил бы на правом берегу Мааса не только 12-й французский корпус, но и 1-й французский корпус, который во время сражения при Бомоне развернулся (на пути в Кариньян он достиг Тетеня на р. Шьер) в ожидании приказа Мак-Магона о повороте назад. Ввиду того, что 12-й германский корпус не мог произвести обходного движения, а фронтальная атака представлялась безнадежной, принц Георг Саксонский приостановил наступление на этот день. Во всяком случае, вся тяжесть этого дня, в течение которого 12-й корпус потерял лишь 80 чел., легла на 4-й корпус. Единственная возможность нанести отступающему противнику серьезный ущерб заключалась в охвате его правого крыла. Для усиления последнего Лебрен хотел 3 пехотные бригады из своих 8 и почти всю кавалерийскую дивизию 12-го корпуса перевести обратно на левый берег Мааса. Однако, это не соответствовало намерениям маршала Мак-Магона, прибывшего в 2 часа 30 мин. в Музон из своей главной квартиры в Кариньяне. Опасаясь со своими раздробленными силами быть втянутым в сражение при Бомоне и желая только возможно дешевле заплатить за отрыв от неприятеля, Мак-Магон ограничил помощь одной бригадой пехоты.

Пехотная бригада 12-го корпуса, переведенная обратно через Маас, подошла к полю сражения, когда правое крыло Фальи было только что опрокинуто вдвойне превосходившими его силами немцев. Чувствуя себя чересчур слабой для того, чтобы охватить противника, в свою очередь стремившегося к охвату, эта бригада отважилась на чисто фронтальную атаку. Один полк рассыпал 3 из своих 18 рот в стрелковые цепи. Все остальное следовало в сомкнутой полковой колонне, — примерно, так, как австрийцы в 1866 г. пытались действовать против игольчатых ружей. Результаты были одинаковы. В течение очень короткого времени французы выдержали немецкий ружейный огонь, который подобно граду бил в густую массу, сразив почти четверть ее. Затем возникла паника, с которой офицеры не могли

совладать. Она распространилась также на другой полк, хотя он и не имел потерь. В обоих полках исчез всякий порядок, и только в 1 500 *м* позади удалось офицерам остановить дикое бегство, в которое были увлечены и 3 батареи бригады.

Тем не менее, принесение в жертву этого полка 12-го корпуса замедлило охват правого крыла Фальи, так что позиция стала непригодной для обороны только в 5 час. 30 мин., после того как масса 5-го корпуса уже отхлынула к мостам и бродам. Для того чтобы еще раз остановить наседавших немцев, Фальи ввел в дело перед самым Музоном на Римской дороге свою последнюю нетронутую бригаду; когда же и ей стало угрожать поражение, он прибег к крайнему средству, пустив в атаку один кирасирский полк 12-го корпуса. Огромные потери от частого ружейного огня немцев вызвали такой ужас среди всадников, что они бросились в Маас (переходы через реку были запружены другими войсковыми частями), хотя никто их не преследовал. Многие утонули. В войну 1870 г. часто применялась кавалерийская атака, как ultima ratio[1], чтобы облегчить сильно теснимую пехоту. Так, Лартиг при Морсбронне приказал бригаде кирасир и улан Мишеля, а Мак-Магон при Фрешвейлере — кирасирской дивизии Боннемена атаковать победоносно наступавшую германскую пехоту. После проигрыша сражения обе атаки имели целью дать другим родам войск время для отрыва от неприятеля. При Вионвиле, когда батальоны Альвенслебена взяли Флавиньи, Базен, не находя другого средства, бросил им навстречу улан и кирасир, чем выиграл время для приведения в порядок тяжело потрясенного корпуса Фроссара. В том же сражении немцы два раза прибегали к кавалерийским атакам для выигрыша времени. Командир 3-го корпуса, принеся в жертву бригаду кирасир и улан Бредова, затормозил на целый час ход сражения на своем правом крыле. Командир 10-го корпуса, приказав 1-му гвардейскому драгунскому полку произвести атаку, сказал полковому командиру в ответ на его доклад о неизбежной гибели части следующие слова: «От полка и не требуется успеха, но если он задержит неприятеля только на 10 минут, причем сам падет до последнего человека, то он уже выполнил свою задачу и назначение».

Кавалерия, которая еще при Ватерлоо была родом войск, решающим исход сражения[2], теперь в кровавых драмах истории стала лишь замедляющим фактором. При своих атаках на пехоту, вооруженную заряжаемыми с казны ружьями, она должна была наверняка ожидать почти полного уничтожения. Но передышки, доставленные собственной пехоте и артиллерии атакующей кавалерией, были драгоценны, и при Бомоне кирасиры 12-го корпуса также не напрасно погибли на поле сражения и в волнах Мааса.

При Бомоне немцам не удалось охватить ни правого, ни левого крыла 5-го корпуса. Все роды войск 12-го корпуса деятельно содействовали тому, чтобы 5-й корпус мог уйти; под конец восточнее Музона сосредоточились еще 9 батарей, к которым примкнули 5 батарей Фальи. Эта огромная масса пушечных жерл прикрывала мост и брод. Во всяком случае, их действие не простиралось до Вилле, где пытались перейти реку обозы Дуэ, после того как от Рокура они пошли другой дорогой, чем боевые части 7-го корпуса[3]. В 6 час. мост

[1] Последний довод, решительный аргумент.— *Ред.*
[2] См. выше, стр. 79.
[3] См. выше, стр. 202.

на козлах попал под обстрел двух баварских батарей, которые от Рокура продвинулись сюда и захватили большую часть повозок [1]. Это было второе вторжение немцев в обоз Шалонской армии [2].

Сражение при Бомоне обошлось участвовавшей в нем пехоте 5-го, 7-го и 12-го французских корпусов (47 батальонов) почти в треть ее состава. Из 84 орудий 5-й корпус потерял 49, что наглядно показывает величину его поражения. Сражавшиеся 22 батальона 4-го германского корпуса также имели урон в 20% рядового состава. Благополучно отделались баварцы, которые вели почти исключительно артиллерийский бой против неприятеля, не имевшего артиллерии: из введенных ими в дело 8 батальонов только оба егерских батальона имели значительные потери. Как видно, против 47 французских батальонов действовало только 30 германских: около 24 000 французов против 20 000 немцев. Если французы, несмотря на это, были разбиты, ибо отрыв от неприятеля с такими жертвами несомненно представляет тяжелое поражение, то это объясняется отнюдь не низким качеством их войск. Задача Шалонской армии была авантюристическая; поэтому-то Мольтке, когда узнал, что движение французов происходит зигзагами: сначала на восток, потом на юго-восток, далее на северо-запад, затем опять на восток,— не хотел верить, что она будет последовательно доведена до конца. Это отсутствие направления со стороны верховного командования спутало также и частных начальников: неприятель мог напасть на обозы, артиллерия и пехота были разъединены, в управлении корпусами чередовались малодушие и необдуманность. Тем труднее было управлять справедливо не доверявшими командованию, бесцельно измотанными войсками. Полковник Кольбе произвел расчет, что переход от Бомона на правый берег Мааса под напором противника, будучи проведен правильно и систематично, потребовал бы 7 часов. Мы не хотим на основании этого предположения производить критику действий Фальи, неудовлетворительность которых была уже доказана, а хотим лишь напомнить, что этот генерал, уже неуверенный в своих войсках, у Бомона прервал свое дальнейшее движение к мостам ровно на 7 часов.

Несмотря на все это, вечером 30 августа Мак-Магон достиг своей цели, вклинившись со своей армией между кронпринцем Саксонским и принцем Фридрихом Карлом. В то время как Маасская армия бивакировала вокруг Бомона (гвардия также прибыла сюда), 1-й, 12-й и 5-й французские корпуса перешли Маас. 7-й корпус находился только в готовности это сделать, но ночью его главные силы могли бы последовать за первой дивизией; паромные мосты у Ремильи вероятно выдержали бы эту нагрузку. 1-й французский корпус стоял уже у Кариньяна в одном переходе от Монмеди. Ремильи не дальше от Кариньяна, чем Бомон, а немцам еще нужно было перейти Маас. Правда, по приведенным уже соображениям, армия, желающая уклониться от боя, движется медленнее, чем армия, ищущая боя; но командующий Шалонской армией с самого начала предвидел сражение с Маасской армией. Почему же в 8 час. вечера 30 августа Мак-Магон

[1] Автор говорит «erbeuteten», т. е. дословно: «захватили в качестве добычи». Непонятно, как артиллерия могла разрешить столь несоответствующую этому роду войск задачу. Выходит, что две батареи, личный состав которых ограничивался орудийной и ящичной прислугой, захватили большую часть корпусного обоза. Вероятно, самый захват осуществили пехотные части.— *Ред.*

[2] См. стр. 191—192.

отказался от марша на Монмеди и приказал армии отходить назад на Седан? Это решение было принято под влиянием того, что у Варнифорэ появились васильковые мундиры и каски баварцев. Следовательно, правое крыло 3-й армии действительно свернуло с парижского направления, совершив захождение против Шалонской армии. Маршал высказал мнение, что он не побоялся бы вступить в бой с 5-ю корпусами Маасской армии и баварцев, но присутствие правого крыла кронпринца Прусского заставляло предполагать то же и относительно его левого крыла, а такого обременения своего предприятия маршал не считал возможным выдержать.

Главная квартира короля в этот день находилась в Бюзанси; вечером отсюда были посланы следующие приказы обоим кронпринцам на 31 августа. 3-я армия должна была наступать на фронт Мак-Магона, который предполагался против Музона, а также на правое крыло армии маршала: «Нужно занять сильные артиллерийские позиции на этом (левом) берегу реки, чтобы беспокоить марш и расположение неприятельских колонн в долине правого берега вниз от Музона». Из Маасской армии 4-й корпус должен был сначала остаться на левом берегу Мааса в Музоне, тогда как обоим другим корпусам было приказано перейти Маас, чтобы «стеснить неприятеля на возможно более узком пространстве между этой рекой и бельгийской границей». Союзный канцлер сделал бельгийскому правительству представление о могущей возникнуть необходимости разоружения Шалонской армии. Мольтке пишет в своей истории: «При создавшейся обстановке уже предусматривалась возможность вынужденного перехода Шалонской армии на нейтральную территорию». Вследствие этого в инструкциях кронпринцам говорилось: «Если неприятель перейдет на бельгийскую территорию, не будучи немедленно разоружен, то его нужно безостановочно преследовать».

Уже в полночь в Бюзанси выяснилось, что Мак-Магон отступает на Седан. После того как саксонский разъезд установил присутствие в Кариньяне неприятельских масс (1-й корпус), он же вскоре донес, что бивачные костры этих войск потушены и на железной дороге Кариньян — Седан слышно движение поездов. Дозорные в Музоне доносили, что на другом берегу Мааса беспрерывный шум повозок на шоссе Музон — Дузи[1], по которому части обоза 12-го корпуса самовольно двигались в Седан. Мак-Магон не желал, чтобы оба корпуса пользовались дорогой, идущей по долине Мааса, и из указаний Мольтке относительно применения артиллерии 3-й армии мы знаем, что на следующее утро эта дорога действительно должна была сделаться небезопасной. 5-й корпус был направлен по кружному пути через Кариньян, причем Фальи надеялся, по крайней мере, использовать магазины в Во[2]. Но они уже были опустошены 1-м корпусом, и ночной марш голодных войск продолжался дальше. Это был второй ночной переход: читатель помнит, что после боя у Нуара в ночь с 29 на 30 августа также происходило походное движение. Если бы Фальи имел власть заставить свои войска продолжать дальнейший марш утром 30 августа, то они были бы избавлены от бремени боевого дня у Бомона и второго ночного перехода. Теперь беспорядок дошел до того, что кавалерийская дивизия корпуса вместо Седана

[1] У Дузи сходятся пути, ведущие из Музона и Кариньяна в Седан.
[2] См. стр. 193.

самовольно прошла дальше до Мезьера. То же сделал один из двух пехотных полков корпуса Дуэ, которым у Варнифорэ баварцы нанесли сокрушительный фланговый удар.

12-й французский корпус совершил свой ночной марш через высоты Амблимона, бедные дорогами, но у Дузи сошлись все войска: 1-й, 5-й и 12-й корпуса, а также обоз, который вместе с многочисленными отсталыми двигался вниз по долине Мааса. Путаницу удалось разобрать только с большой потерей времени, так что утром 31 августа стала выполнима инструкция, которую Мольтке дал батареям 3-й армии: с левого берега Мааса они могли взять под обстрел, по крайней мере, последнюю дивизию 12-го корпуса, которая лишь посредством нового кружного движения смогла достигнуть Седана. На правом берегу реки германская артиллерия также преследовала; одна конная батарея 12-й саксонской кавалерийской дивизии заняла позицию у Мэри на дороге из Музона в Дузи. Кавалерия названной дивизии имела боевое соприкосновение с неприятелем у Дузи и Кариньяна. Отряд французской кавалерии был рассеян, и много отсталых сдалось. В эти несчастные для французов дни моральный habitus[1] Шалонской армии с каждым часом заметно ухудшался. Наполеон, совершенно переставший вмешиваться в оперативные дела, выпустил воззвание к войскам, в котором говорилось: «Если имеются трусы, военный закон и всеобщее презрение покарают их».

Однако, когда высланный из Мезьера поезд с 800 000 рационов подошел к станции Седан и против него было выпущено несколько снарядов конной батареей 3-й армии, появившейся на левом берегу Мааса у Френуа, то локомотив немедленно дал полный ход и отвез продовольственные средства обратно в Мезьер. Впрочем, армия могла перенести эту потерю, потому что в самом Седане было найдено продовольствие на двое суток. Однако, притягательная сила Мезьера обращает на себя внимание и в следующем случае: Мак-Магон послал инженерную роту из Седана в Доншери, чтобы там взорвать мост через Маас. Поезд, в котором ехала эта рота, был также обстрелян германской конной батареей, и притом с тем же поразительным результатом; разница состояла лишь в том, что машинист отвез в Мезьер не продовольствие, а порох. Высаженная из вагонов рота, оставшись без взрывчатых веществ, вернулась в Седан, не выполнив своей задачи. Мост у Доншери[2] в неповрежденном виде попал в руки 11-го германского корпуса, подошедшего из окрестностей Стонна[3]. К 3 часам пополудни этот корпус закончил ниже Доншери возведение еще одного моста, после чего мост перешли сильные отряды, разрушили железную дорогу и телеграф на Мезьер и заняли селение Вринь на дороге, ведущей по правому берегу Мааса из Седана в Мезьер.

Подобно тому как я рассказывал о кавалерии 5-го французского корпуса, одна конная батарея 1-го корпуса двинулась прямо на Мезьер. Командиром 1-го корпуса был Дюкро, о котором по событиям, предшествовавшим сражению при Верте, мы знаем, что он имел стратегическое чутье. Дюкро, не чувствуя себя, как это было с Мак-Ма-

[1] Habitus — буквально значит внешний вид, облик.— *Ред.*

[2] Не смешивать с железнодорожным мостом выше Доншери, который находился в крепостном районе Седана и безуспешно обстреливался конной батареей.

[3] См. выше, стр. 202.

гоном, ответственным перед правительством, хотел со всей армией тотчас же итти дальше на Мезьер, хотя солдаты 1-го корпуса буквально падали в результате трудов и лишений. Видя, что настал последний момент для освобождения головы из петли, Дюкро подготовлял марш своих войск на Мезьер, когда он получил следующую директиву от маршала: «Вчера я приказал вам из Кариньяна двигаться на Седан, но не в Мезьер, я не имею намерения итти туда».

Как объяснить последние слова? Ведь отступление от Музона и Кариньяна на Седан могло спасти армию только при быстром продолжении его до Мезьера. Отступление на Мезьер отвечало собственному стратегическому убеждению Мак-Магона, от которого он отказался лишь вследствие вмешательства из Парижа. Если он не хотел итти в Мезьер, куда же намеревался он повернуть?

Ответ заключается в том, что он все еще не совсем отказался от прорыва на Мец, так как неповиновение категорическим приказам его начальника — военного министра — слишком противоречило характеру маршала. Вечером 30 августа Мак-Магон, на которого давило опасение, что перед ним находится не только правое, но и левое крыло кронпринца Прусского, приказал отступать на Седан. В этом случае, но именно только в этом, он готов был взять на себя ответственность за акт величайшего нарушения субординации, каким при всяких условиях являлось отступление на Мезьер, сколь бы разумным оно ни было. Во время переезда по железной дороге из Кариньяна в Седан Наполеон получил депешу, которую Базен доверил посланцу, удачно прошедшему через германские линии. Командующий Рейнской армией писал: «Последние известия сообщают о движении главных сил противника... Если это донесение подтвердится, я выступлю по направлению к северным крепостям». Депеша была от 24 августа; 26 августа Рейнская армия стояла еще у Меца (о чем Мак-Магон знал от начальника разведывательного бюро в Седане [1]), но могла после этого выступить по направлению на Монмеди. От Меца через Монмеди до Кариньяна, где корпус Дюкро уже бивакировал, было всего четыре перехода. Следовательно, Шалонская армия довольно близко подошла к своей цели и, по мнению Мак-Магона, имела право окончательно повернуть назад лишь в случае точного установления факта, что ей придется бороться против всех сил обоих кронпринцев. Маршал питал еще сомнения в этом отношении. До разъяснения их он смотрел на маленькую крепость Седан, все-таки дававшую армии известную опору при полевых действиях, как на станцию, откуда путь мог вести назад к Мезьеру или вперед к Монмеди.

Для Мак-Магона было бы невозможно уже 31 августа возобновить операции по одному из этих двух направлений, потому что только после полудня и вечером этого дня армия сосредоточилась у Седана. Тем временем кронпринц Прусский наступал против Шалонской армии с фронта. Выше уже упоминалось, что 11-й корпус двигался на Доншери. Перекрещивание его с 5-м корпусом имело последствием то, что только поздно вечером 11-й корпус собрался на своих биваках. Около 2 час. позади его стал биваком 5-й корпус. На крайнем левом фланге 3-й армии вюртембергская дивизия перешла к Дом-ле-Менилю, чтобы составить заслон против Мезьера, куда по железной дороге из Парижа прибыл 13-й французский корпус. Он был вновь сформирован

[1] Ср. стр. 188.

из бригады, стоявшей в Папской области, и из маршевых полков [1]. Но 31 августа командир 13-го корпуса ген. Вина имел в своем распоряжении только одну из трех дивизий и корпусную артиллерию. Чувствуя свою слабость, французы вскоре прервали стычку, начавшуюся между ними и вюртембержцами.

В диспозиции Блюменталя на 31 августа относительно 2½ корпусов левого крыла было сказано: «Своей артиллерией они должны занять на берегу такие позиции, чтобы обстреливать долину и противолежащие коммуникационные линии... и подготовить наводку мостов». Что касается другого крыла 3-й армии, то 2-й баварский корпус в течение 31 августа стал биваком у Рокура [2] в полупереходе от Торси, предместья Седана, на левом берегу Мааса. Правее Торси у Айликура занял позицию 1-й баварский корпус фон-дер-Танна. К северу от Айликура находился второй в этой местности железнодорожный мост через Маас. Характерно для опрометчивости французов, что взрыв этого моста так же не удался, как и подобная операция у Доншери, будто бы по той причине, что порох в минах испортился. Баварцы забаррикадировали железнодорожный мост и навели еще два понтонных моста. Для господства над переправами фон-дер-Танн сосредоточил 14 батарей на южном краю долины Мааса.

Итак, до вечера 31 августа 4½ корпуса развернулись перед фронтом Мак-Магона к югу от Мааса и крепости Седан, простираясь от Дом-ле-Мениля до Айликура. Левое крыло этих масс у Вриня протянулось уже на правый берег реки и гнездилось на дороге, ведущей в Мезьер. На правом берегу Мааса, против левого фланга Мак-Магона, к востоку от Седана, стояли главные силы Маасской армии: слева 12-й корпус, перешедший Маас у Летана, чтобы после полудня 31 августа занять биваки у Дузи и позади его, правее — гвардия. Она перешла реку вброд у Пуйльи и после утомительного марша поздно вечером достигла Эскомбра и Саши. Передний из этих пунктов по отношению к Шалонской армии — Дузи, где стоял авангард саксонцев, удален, примерно, на одну милю от бельгийской границы; остальные пункты лежат еще гораздо ближе к ней. На другом германском крыле, у Вриня, войска 11-го корпуса были также удалены от границы на одну милю. Вместе с 4-м корпусом, который у Музона был связующим звеном между обоими кронпринцами, 7½ германских корпусов по широкой дуге охватывали 4 корпуса Мак-Магона. Только его тыл был еще свободен, но почти непосредственно за ним простиралась нейтральная территория. Для маршала создалось столь безнадежное положение, что Мольтке не счел даже нужным подтягивать 6-й корпус из Вузье. Этот корпус остался на дороге в Париж, на которую все равно нужно было бы вернуться по окончании операции под Седаном. Освободить утомленные войска от передвижений туда и назад представлялось тем более разумным, что 6-й корпус едва ли мог прибыть к Седану раньше вечера 1 сентября. До этого времени, по всем соображениям, судьба Шалонской армии должна была уже решиться.

Снова и снова приходится возвращаться к заключению, что при необозримости военных событий ошибки часто приносят пользу, а не вред. Путаные марши Шалонской армии сбили Мольтке с толку.

[1] Относительно бригады в Папской области см. стр. 11; о маршевых полках — ср. стр. 177.

[2] Об этом пункте см. выше, стр. 202.

Явившаяся следствием этого нерешительность его при направлении 6-го корпуса ввела Мак-Магона в заблуждение, удержав его в западне, когда она еще не совсем закрылась. Может быть, 31 августа обломки Шалонской армии могли бы достигнуть Мезьера, если бы, не выжидая сбора всех войск, беспощадно и безжалостно продолжали марш дальше; точно так же и Рейнская армия при своевременном выступлении на юг имела бы шанс спасти часть своих сил внутри Франции. Но Мак-Магон узнал от чиновников и населения, что 29 августа одна кавалерийская дивизия 3-й армии стояла в Вузье. Кажется, ему было также сообщено о последовавшем 30 числа вступлении в этот город 6-го корпуса, что дало новую пищу его сомнению: не находится ли под Седаном больше, чем только правое крыло армии кронпринца Прусского. Правда, рано утром, осматривая из Седанской цитадели местность к юго-западу от реки, он заметил конные батареи 3-й армии и позади них густые облака пыли. Но когда ген. Лебрен донес, что несколько батарей с пехотным прикрытием двигались в западном направлении, Мак-Магон успокоился, так как движение с востока на запад давало право заключить, что эти войска принадлежат к баварцам или к Маасской армии.

В этот день Шалонская армия все еще получала пополнения из Мезьера; например, полк зуавов 1-го корпуса получил 360 чел. Только в 10 час. утра движение прекратилось, когда конная батарея 3-й армии обстреляла железнодорожный мост выше Доншери [1]. С последним поездом, кроме этих зуавов, прибыл адъютант ген. Винуа; когда он представился Наполеону, последний показал ему карту окрестностей Седана. На ней рукой императора была нанесена дорога. Наполеон сказал адъютанту, что по этой дороге на следующий день армия должна двинуться через Вринь в Мезьер. Император был убежден, что это вновь выстроенное шоссе еще неизвестно немцам. Но, не говоря уже о том, что 3-я армия в течение 31 августа заняла Вринь, названное шоссе, еще не нанесенное на французские официальные карты, уже имелось «благодаря деятельности прусского генерального штаба» на картах, розданных для пользования немецким войскам.

Наполеон был умнее Мак-Магона, но на последнем лежала ответственность. Если отсутствие левого крыла кронпринца Прусского там, где было точно установлено присутствие правого, представлялось невероятным, то Мак-Магон преодолел это сомнение самовнушением. Во всяком случае, в основу своих диспозиций он положил предпосылку, что его фронту и правому крылу на следующий день едва ли будет угрожать серьезная опасность. На юг, за Доншери, он вообще не пробовал производить разведки; в западном направлении, на Вринь, он послал только двух офицеров; зато он приказал одной дивизии резервной кавалерии многочисленными небольшими отрядами осветить местность к востоку от Седана, чтобы установить местонахождение противника. Исходя из предположения, что Шалонская армия пока имеет дело лишь с кронпринцем Саксонским и обоими баварскими корпусами, Мак-Магон назначил на 1 сентября дневку. Это нельзя понимать буквально; мы сейчас увидим, что на немецкой стороне Альберт отдал такое же распоряжение, хотя его войска и не испытывали столь настойчивой потребности в передышке, как несчастная Шалонская армия. В течение 1 сентября Мак-Магон не хотел тро-

[1] Ср. стр. 211, примечание 2.

гаться с места, потому что именно в этот день он ожидал разъяснения обстановки. Если бы оказалось, что головные части левого крыла 3-й армии только к вечеру могут подойти к Вузье, то для французского полководца стало бы возможным решение: сначала атаковать Маасскую армию. С другой стороны, если бы в Седане создалось впечатление, что все силы кронпринца Прусского могут подойти уже раньше, то Мак-Магон намеревался не вступать в сражение против подавляющего превосходства сил, а отойти на Мезьер. На основании имевшихся у него сведений маршал не думал, чтобы левое крыло Фридриха Вильгельма могло двигаться достаточно быстро для преграждения ему пути в этот пункт (шоссе, нанесенное Наполеоном на карту генерального штаба); или, может быть, это была мысль, которую Мак-Магон насильно изгонял из своей головы. Из моего описания сражений под Мецом читатель помнит, как медленно движется отступающая армия, вследствие чего маршал, стоя перед альтернативой, мог отдавать предпочтение второй возможности перед первой.

Совершенно очевидно, что стратегия Мак-Магона не заслуживает похвалы, но ясны также смягчающие обстоятельства, говорящие в пользу маршала. Упреки, сделанные ему по поводу его тактических распоряжений на 1 сентября, необоснованы. При предпосылке, что левое крыло прусского кронпринца находится еще далеко, было вполне естественно, что Мак-Магон занял фронт на восток против кронпринца Саксонского. В случае атаки Маасской армии, 9 пехотных дивизий должны были оборонять высоты по р. Живонна, которая течет с севера на юг и у Базейля впадает в Маас. Позади, к западу от леса Гаренн, стояли главные силы кавалерии и значительная часть артиллерийского резерва, потому что восточнее леса для этих войск уже не оставалось места. Кроме того, к западу от Гаренского леса находились остальные 4½ пехотные дивизии, которые должны были повернуть фронт в случае наступления немцев через дефиле у Вриня в тыл французам. Если с французской стороны полагали возможным не считаться с левым крылом 3-й германской армии, а считались только с баварцами, то этой пехоты было достаточно. Точно так же и то обстоятельство, что дефиле, образуемое рекой и простирающимся до границы непроходимым лесом, не было непосредственно занято войсками, отвечало правилам тактики. Для обороны этого дефиле было всего выгоднее дать части наступающих войск возможность спокойно пройти местное препятствие и затем атаковать его разъединенные части своими сосредоточенными силами. Мероприятия Мак-Магона подлежат критике не в тактических деталях, — слабым местом являются колебания в отношении главной операционной линии.

Королевская главная квартира перешла 31 августа из Бюзанси в Вендресс, южнее Доншери. Мольтке не предполагал давать кронпринцам новые приказы на 1 сентября. Было достаточно директив, отданных 30 августа вечером: 3-я армия наступает против фронта и правого фланга неприятеля, Маасская армия — против его левого фланга. Не получив никаких новых распоряжений из Вендресса, Альберт назначил на 1 сентября дневку, причем, однако, все 3 корпуса должны были с 7 час. утра находиться в готовности к действиям. Кронпринцу Саксонскому «было известно расположение 3-й армии... и из этого следовало, что только 1 сентября... она могла быть готова для полного охвата правого фланга французов... От охватывающей армии требовались тем более продолжительные марши, чем дальше

противник 1 сентября отошел бы в северном направлении [1]. Вследствие этого задержание Маасской армии... было настоятельно необходимо, чтобы не побудить французов к ускоренным маршам для уклонения от охвата».

Это суждение полковника Кольбе не совсем убедительно; очевидно, что для Маасской армии лучшим средством удержать неприятеля было атаковать его между Седаном и густыми непроходимыми для войсковых масс лесами, ведущими к бельгийской границе [2]. Правда, по сравнению с мотивами, побудившими Мак-Магона назначить на 1 сентября дневку, аналогичное намерение кронпринца Саксонского было гораздо более обосновано. Зная, что верховное командование находится вблизи, он предоставил решение ему и, кроме того, выжидал инициативы кронпринца Прусского, командовавшего главной массой германских сил. После полудня 31 августа начальник штаба 3-й армии установил связь с Мольтке, который на пути к Вендрессу проехал через главную квартиру кронпринца Прусского. Было решено, что рано утром 1 сентября 3-я армия атакует неприятеля с фронта и правого фланга. От Маасской армии ожидалось наступление против его левого фланга. Французов, стоявших тылом к границе, предполагалось обойти с обоих флангов.

Во исполнение замысла сражения, принадлежавшего Мольтке, Блюменталь отдал распоряжение, чтобы 2-й баварский корпус от Рокура продвинулся к Маасу, став у Френуа или Ваделинкура. Баварцам было дано указание иметь резервную артиллерию в голове колонн. Можно было предвидеть, что в предстоящем сражении германская артиллерия сыграет особенно крупную роль, так как высоты обоих берегов, к востоку и югу от Седана, командовали над крепостью и окружающей местностью, где стояла Шалонская армия. 2-му баварскому корпусу нужно было иметь резервную артиллерию впереди также и для того, чтобы возможно скорее запереть дорогу, ведущую по левому берегу Мааса от Седана, точнее — от Торси на Мезьер. В инструкции Блюменталя говорилось дальше: «1-й баварский корпус остается в Ремильи (Айликур), если только наступление кронпринца Саксонского не потребует вступления корпуса в бой». В том, что Альберт 1 сентября будет продолжать наступление, ни Блюменталь, ни Мольтке не сомневались, но последний считал неудобным вмешиваться в способы действий Альберта. Эта сдержанность, отвечавшая натуре начальника германского генерального штаба, получила сильный удар, когда подполковник Бранденштейн [3], вернувшись в Вандресс после поездки в корпус фон-дер-Танна, доложил, что у него составилось впечатление о происходящем уже отступлении французов на запад. Тогда начальника германского генерального штаба охватило опасение, что в последний момент его добыча может уйти. Однако, и теперь он не заботился об операциях кронпринца Саксонского, а только побудил к величайшей быстроте кронпринца Прусского, от которого прежде всего зависело задержание противника. Левое крыло 3-й армии должно было перейти через реку не утром — «это могло помешать достижению крупного результата», — а уже

[1] Ср. стр. 109.
[2] Бельгийская граница в 10 *км* к северу от Седана.
[3] Ср. о нем стр. 102 и 164.

ночью, «чтобы на рассвете могла последовать атака развернутым фронтом по направлению к дороге Седан — Мезьер».

Согласно этим приказам, отданным в 7 час. 45 мин. вечера, Блюменталь в 10 час. вечера видоизменил прежние указания левому крылу относительно наводки мостов и перехода через Маас. По собственному побуждению Блюменталь изменил и распоряжение 1-му баварскому корпусу, реагируя даже чересчур энергично на диспозиции Мольтке. Вместо того чтобы поставить операции этого корпуса в зависимость от операций Альберта, 1-му корпусу было приказано атаковать на рассвете 1 сентября деревню Базейль с целью задержать противника. Корпус фон-дер-Танна образовал стык между 3-й и Маасской армиями. Кронпринц Прусский, сообщая Альберту о мерах, принятых для ускоренной атаки, добавил к пункту, касавшемуся 1-го баварского корпуса, следующие слова: «Если вы могли бы поступить таким же образом, то конечный результат, надо надеяться, будет еще благоприятнее».

Оставим пока рассмотрение того, как подготовлялось уничтожение Шалонской армии, и обратим наши взгляды назад на Рейнскую армию. В день боя у Нуара, 29 августа, комендант Диденгофена сумел через полицейского агента доставить в Мец помеченное 27 августа сообщение, что 27 августа Шалонская армия находилась у Стенэ. Это было не совсем верно: главная квартира Мак-Магона была 27 августа только в Ле-Шене, и чуть ли не в этот самый день он принял решение опять повернуть назад. Выступление в Стенэ предполагалось только на 29 августа. Базен отправил этого полицейского агента обратно в Диденгофен и потребовал от коменданта сведений, из какого источника он получил присланное сообщение. Агент не вернулся, зато на следующий день 30 августа, т. е. в день сражения при Бомоне, счастливо возвратился из Шалона в Мец посланный Базеном гонец, привезший следующее письмо Мак-Магона, датированное 22 августа: «Вашу депешу от 19-го получил [1]. Двигаюсь по направлению на Монмеди. Послезавтра буду на р. Эн» [2]. Базен усмотрел из этой депеши, что его демонстративная вылазка 26 августа была рассчитана правильно. При быстром движении Шалонская армия могла, согласно первой депеше, 27 августа достигнуть Стенэ и 1 сентября приблизиться к Мецу. Представлялось целесообразным, чтобы и Рейнская армия, в свою очередь, пошевелилась, несмотря на неточность и сомнительность ориентировавших Базена известий, проникавших в блокированную крепость из окружающего мира. Маршал Базен отдал на 31 августа приказ, чтобы армия в двух колоннах прорывалась на Диденгофен. Одна колонна состояла из 2, другая из остальных 3 корпусов. 2 корпуса должны были наступать по правому берегу Мозеля, а 3 — правее, через Кединген. Обозу было приказано итти с двумя корпусами. Для прикрытия его назначались 10 батальонов, выделенных из всех 5 корпусов. Обоз собрался на острове Шамбьер и в форте Сен-Жюльен.

Предположим, что 31 августа, как и 26-го, в намерения Мольтке входило выступить против Шалонской армии с 2 корпусами принца Фридриха Карла, так что для блокады Меца оставалось бы только 5½ корпусов, — и все же марш Рейнской армии через Диденгофен на

[1] См. выше, стр. 178.

[2] Действительно, Шалонская армия достигла р. Эн 24 августа между Вузье и Ретелем.

Монмеди был бы невыполним. 1-я и 2-я германские армии на Мозеле или в направлении к Маасу все время преграждали бы Рейнской армии путь, тормозя ее продвижение до тех пор, пока оба посланные корпуса не вернулись бы после ликвидации Шалонской армии. Никто не понимал этого яснее, чем сам маршал Базен. Правда, на этот раз он хотел сделать больше, чем демонстративную вылазку; предполагалось действительно сражаться; но намерение прорваться, о котором он объявил корпусным командирам, было все-таки лишь показным обоснованием его наступления. Его подлинная цель ограничивалась удержанием сил принца Фридриха Карла под Мецом. Замысел сражения Базена заключался не в соединении со своим товарищем на Маасе, а только в диверсии в его пользу.

Диверсия могла быть произведена с большей или меньшей энергией, и только ход ее открывал вид на возможные стратегические результаты в будущем. Если бы Рейнской армии удалось раздавить на правом берегу Мозеля 1½ корпуса блокадной армии, то это могло произвести на прусского короля впечатление, очень вредное для господствующего положения Мольтке и для германского дела. Правда, оно не было бы таким непосредственным, как в случае победы Базена при Вионвиле над 3-м и 10-м корпусами [1], потому что Нуасвиль [2] ни в каком случае не мог уравновесить Седана; но это вредное влияние все-таки сказалось бы в течение войны. Мы увидим, каким трудным сделалось бы тогда положение Вильгельма как в военном, так, вследствие выжидательной роли Австрии, и в политическом отношении. Разумеется, победить ген. Мантейфеля, несмотря на его численную слабость, было не так легко, как это могло казаться читателям сочинения подполковника Руссе «Histoire générale de la guerre franco-allemande». Ведь главные силы как германской, так и французской армий стояли не на правом, а на левом берегу Мозеля. Когда рассеялся утренний туман 31 августа, немцы увидели большие массы французских войск у форта Сен-Жюльен; тем самым обнаружилось и самое намерение произвести вылазку и направление ее. Однако, лишь в 3 часа пополудни гвардия прибыла на правый берег, а артиллерийский резерв армии был на месте только около 6 час. Трудно решить, можно ли было в значительной мере ускорить этот переход. Во всяком случае, немцы имели время для принятия мер противодействия. Около 4 час. пополудни, когда началась атака французов, 1½ германских корпуса на правом берегу стояли на-чеку и, кроме того (как и 26 августа) одна дивизия 9-го корпуса и одна бригада 7-го были переведены с левого берега на правый. Центром германского расположения было селение Сервиньи, лежавшее между обеими дорогами на Диденгофен: по долине Мозеля и через Кединген. По сторонам Сервиньи германские позиции тянулись от Антильи на северо-западе до Ретонфей на юго-востоке. Два французских корпуса, которые вместе с обозами были направлены по мозельской дороге, не могли двигаться, пока Сервиньи было в руках немцев, так как Мантейфель выставил у этой деревни 10 батарей, командовавших над этой дорогой. Вокруг Сервиньи разыгрывалось все сражение, которое французы назвали по имени расположенного южнее селения Нуасвиль, взятого ими около 7 час. вечера. Батареи 1-го корпуса у Сервиньи, которые теперь подверга-

[1] Ср. стр. 140—141.

[2] Селение в 6 *км* к востоку от Меца.— *Ред.*

лись со стороны Нуасвиля огню густых стрелковых цепей, отошли, обороняясь от наседавшего противника картечью, к пехоте, поставленной в 1 000 шагах за ними. Но наибольшего успеха, вследствие превосходства сил, французская атака достигла на своем правом крыле. Здесь пруссаки потеряли не только Нуасвиль, но также и некоторые другие селения и были (как сказано в труде Мольтке, посвященном истории войны) совершенно охвачены со своего левого фланга у Ретонфей. Однако, так как пруссаки были отброшены только с наступлением ночи, сражение осталось нерешенным.

Базен, как видно из его оправдательного отчета, был не особенно доволен результатом вечерних боев, потому что ключ позиции Мантейфеля — позиция Сен-Барб, как ее называли французы, — остался в руках последнего. Но что сделал сам Базен, чтобы, преодолев распри корпусных командиров, координировать усилия войсковых частей и ввести в дело массу бойцов на решительном пункте? В своем оправдательном отчете он рассказывает об этом так: «Я был настолько убежден, что операция развивается наилучшим образом, что только недолго оставался у Пуа (близ Сервиньи)... и потом опять отправился назад распорядиться, чтобы все бивакировали на своих участках; в 11 час. 30 мин. (вечера) я вернулся в деревню Сен-Жюльен, чтобы узнать о том, что произошло на левом берегу».

Вот и все, что сделал маршал 31 августа, кроме отдачи своих «Instructions sommaires» (кратких инструкций). Они назначали каждому из 4 корпусов [1] его пункт атаки, не разъясняя, повидимому, корпусным командирам стратегического плана полководца. Вообще, Базен подобно Бенедеку был очень скрытен в отношениях к своим подчиненным. Однако, лаконический стиль, в котором Базен дал свои инструкции командиру 3-го корпуса Лебефу и 2-го Фроссару, вытекал не только из характера маршала, но, наряду с этим, несомненно объяснялся инстинктивной потребностью скрыть от своих генералов стратегическую посредственность собственной личности. В разговорах и инструкциях он говорил мало не по той причине, что был «великим молчальником» (grosser Schweiger) [2], а потому, что не умел сказать ничего значительного, не был способен к положительным мыслям и решениям крупного размаха. В «Instructions sommaires» сказано: «3-й корпус должен попытаться атаковать (aborder) позицию Сен-Барб в ее левый фланг..., 2-й корпус следует за движением 3-го, прикрывая его правое крыло и состоя под начальством маршала Лебефа».

Почему для этого сражения корпус Фроссара был подчинен Лебефу, тогда как 3 других корпусных командира (Лямиро, Канробер и Бурбаки) остались самостоятельными? Очевидно, Базен считал, и притом основательно, левое крыло Мантейфеля самым чувствительным пунктом германского расположения. Тут 3-й корпус должен был произвести фронтальную атаку, а 2-й корпус — состоять в распоряжении для охвата. Таков был замысел сражения, принадлежавший Базену. Но так как он испугался своей собственной смелости, то изменил план в том смысле, что 2-й корпус должен был только прикрывать 3-й. Критиковать следует не за то, что это было написано в инструкциях,

---

[1] Гвардия должна была оставаться в резерве.

[2] Прозвище, данное фельдмаршалу Мольтке вследствие известной скупости его на слова.— *Ред.*

а за то, что во время сражения маршал действовал таким образом. Повидимому, он поддался впечатлению, что чем глубже французские войска охватят левое крыло противника, тем скорее правое крыло немцев, подкрепленное силами с другой стороны Мозеля, сможет отрезать Рейнскую армию от Меца.

Во всяком случае, такое наступательное крыло немцев натолкнулось бы не только на 4-й корпус (Лямиро), который атаковал Мантейфеля с запада, между Пуа и Сервиньи, но также на 6-й и гвардейский корпуса. Ближе всего стоял 6-й корпус Канробера, в готовности, после взятия Сервиньи, наступать по мозельской дороге на Антильи; гвардию Бурбаки вообще держали в резерве. Стало быть, в распоряжении было достаточно войск, чтобы отразить контрудар главных сил немцев. Он мог последовать лишь после того, как блокадная армия, собравшись из своего расположения по обширной дуге, перейдет через реку[1]. К этому присоединялось еще и то, что против 5 корпусов Базена блокадная армия уменьшилась с 7½ до 6½ корпусов, так как Мольтке 29 августа, будучи до некоторой степени сбит с толку зигзагообразными движениями Мак-Магона, приказал принцу Фридриху Карлу передвинуть 2 корпуса по направлению на Стенэ. Один из них 31 августа, после известия о Бомоне, был отозван обратно, но другой все-таки остался, ибо Мольтке считал возможным, «что отдельные части неприятельской армии после вчерашнего боя... повернули на восток». Этот корпус не мог принять участия в сражении при Нуасвиле, что уменьшало для Базена риск, связанный с глубоким охватом левого крыла Мантейфеля.

Однако, ни 31 августа, ни 1 сентября, когда сражение продолжалось сел. Ретонфей не подверглось серьезной атаке со стороны маршала Лебефа. Вообще 1 сентября инициатива наступления перешла от французов к немцам, после того как они усилились с 2½ до 3 корпусов и, особенно, когда у Базена ослабело желание атаковать. В утреннем тумане он послал командирам корпусов записку, в которой говорилось: «Мы должны продолжать начатую вчера операцию. Она должна нас привести: 1) к взятию Сен-Барба и 2) к облегчению нашего марша на Бетленвиль (Кедингген). В противном случае мы должны удерживаться на наших позициях, укрепиться там, и тогда сегодня вечером мы вернемся под защиту пушек фортов Сен-Жюльен и Квеле».

Как свидетельствуют историки, эта записка произвела на маршала Канробера впечатление, что от прорыва отказались. Впрочем, дело касалось не его, а маршала Лебефа. Однако, последний не мог понять записку иначе, чем его коллега. Во всяком случае, он перешел к обороне и утром потерял те селения, которые 3-й корпус взял штурмом накануне вечером, в конце концов, также и горящий Нуасвиль. Вместо того чтобы посредством ночного марша победоносно охватить войска ген. Мантейфеля, 2-му корпусу теперь действительно пришлось, как было указано в «Instructions sommaires», прикрывать 3-й корпус. Но из 2½ дивизий Фроссара Лебеф рискнул вызвать лишь одну; когда же ему показалось, что она не выполнила своей задачи, то он счел сражение на правом французском крыле проигранным. «Мой правый фланг совершенно обнажен», — писал Лебеф Базену, забыв о двух

[1] Одна дивизия 9-го корпуса, которая с левого берега Мозеля присоединилась к Мантейфелю, находилась в движении с 8 час. вечера 31 августа до 4 час. утра 1 сентября.

еще нетронутых дивизиях Фроссара[1]. — «С фронта и фланга я обложен огнем и атакующими колоннами. Продержавшись до последней минуты, я вынужден начать отступление».

Базен, согласно его оправдательному отчету, в это время как раз подготовлял атаку гвардии. Вообще из 5 его корпусов 3 еще не участвовали в бою, но на основании вышеприведенной записки Лебефа было отдано приказание об общем отступлении. После сражения Фроссар энергично протестовал против того, что его корпус считали виновным в неудачном исходе боя. Отход одной дивизии был, якобы, не отступлением, а только переменой позиции. Оправдательный отчет Базена замечает по поводу этой полемики: «Кто из двух был виноват: артиллерист (Лебеф) или сапер (Фроссар)?» В соответствии со скептическим взглядом на военные науки, который был широко распространен среди генералитета Второй империи[2], Базен с некоторым недоверием относился к корпусным командирам, вышедшим из «ученых» родов войск. И в этом отношении Базена можно сравнить с Бенедеком[3], хотя весьма прозаический командующий Рейнской армией вообще не обладал очень многими качествами, характеризовавшими блестящую личность Бенедека. Оба они думали о полководческом искусстве как фронтовые офицеры (Базен был еще ограниченнее Бенедека), и оба потерпели крушение за такое направление мыслей. Я приведу здесь еще раз сказанное в предыдущем томе о Бенедеке: «Правда, он допускал, что существует нечто вроде стратегической искры, но из этого он не делал дальнейших выводов. Он не давал себе труда ни воспламенить искру у себя, ни найти кого-либо, могущего принести огонь. В конце концов он оставался при убеждении, что оперативное искусство нужно приобретать практическим путем... что стратегия — это рутина».

Близость крепости и численная слабость немцев не позволяли Мантейфелю и думать о преследовании. Нуасвиль остался нерешительным сражением, в котором каждая из сторон потеряла около 3 000 чел. Диверсия 26 августа протекала бескровно и все-таки принесла известную пользу[4]; напротив, диверсия 31 августа и 1 сентября была моральным поражением. Базену следовало стать на ту точку зрения, что пока развивается операция Шалонской армии, он должен употребить наибольшие усилия для удержания под Мецом всех корпусов принца Фридриха Карла. Имея 5 корпусов против 6½ корпусов принца, он должен был сделать или, по крайней мере, попытаться сделать больше; его упущения приготовили ему в глазах как собственного войска и народа, так и неприятеля моральное поражение. Насколько Базен был непригоден для ведения наступательной войны в крупном масштабе, видно из описания сражения при Нуасвиле в его оправдательном отчете. Он объясняет неудачу медлительностью и нерешительностью подчиненных генералов и дезертирством в войсках. Он добавляет: «Нужно было отказаться от операции на правом берегу Мозеля, чтобы приобрести возможность действовать на плато левого берега, как только я получил бы известия о приближении Мак-Магона». Если Мак-Магон мог приблизиться без того, чтобы германская армия преградила ему дорогу, то Фридриху Карлу пришлось бы при всех усло-

[1] О тогдашнем составе корпуса Фроссара — ср. стр. 100, примечание 2.
[2] Ср. стр. 22.
[3] См. т. I, стр. 415 и 419 (русск. пер. — т. V, стр. 287 и 290).
[4] См. выше, стр. 184—185.

виях снять блокаду Меца; для этой цели от Базена не требовалось действий нигде. В другом случае действия Рейнской армии были возможны только на правом берегу реки. У Мольтке сказано: «На левом берегу стояла на укрепленных позициях большая часть неприятельских сил. Горная страна, изрезанная глубокими оврагами, была трудно проходима. Напротив, к востоку от Меца можно было найти место для полного развертывания корпусов».

Если мы бросим теперь общий взгляд на события, разыгравшиеся 1 сентября под Седаном, то придем к заключению, что в военно-историческом отношении они не представляют значительного интереса. 7½ германских корпусов принудили к капитуляции 4 французских корпуса, которые еще накануне были почти окружены; в военном смысле тут нет ничего особенного, но с всемирно-исторической точки зрения эти события имеют большое значение.

Припомним, что поздно вечером 31 августа кронпринц Прусский, сообщая кронпринцу Саксонскому о предстоящей атаке корпуса фон-дер-Танна на Базейль, писал: «Если вы могли бы поступить таким же образом, то конечный результат, надо надеяться, будет еще благоприятнее». В ответ на это Альберт поднял по тревоге всю армию и приказал, чтобы авангарды выступили не позже 5 час. утра. Но так как баварцы уже в 4 часа перешли через Маас, кронпринц Саксонский только после многих часов мог подойти в больших массах, а левое крыло 3-й армии должно было совершить длинный наступательный марш, то ген. фон-дер-Танн попал в очень тяжелое положение. 1-й баварский корпус должен был отобрать у 12-го французского корпуса сильно забаррикадированную деревню Базейль. Левее, рядом с 12-м корпусом, стоял 1-й французский корпус, так что фон-дер-Танн не мог применить охвата. Генерал Лебрен [1], имевший 23 000 штыков против 19 000 штыков 1-го баварского корпуса [2], оборонял деревню активно, и успехи его коротких контратак весьма повысили его настроение, хотя перед ним, далеко на горизонте, уже обозначился подход Маасской армии. Когда Мак-Магон, который на гром пушечных выстрелов выехал верхом в Базейль, был в 6 час. утра ранен и передал командование армией Дюкро, Лебрен сказал последнему, что он оценивает силу неприятеля самое большее в 60 000—70 000 чел. Значит, он так же, как и маршал, не верил в присутствие левого крыла 3-й армии и так же, как и тот, считал все еще возможным разбить Маасскую армию и баварцев и продвинуться в Монмеди. Наоборот, новый командующий настаивал на своем вчерашнем мнении, что армия должна стремиться возможно скорее достигнуть Мезьера. В 8 час. 30 мин. Дюкро приказал 3 дивизиям произвести энергичную контратаку против баварцев и подошедшей саксонской бригады, которая теперь вступила в бой. Он предпринял это частное наступление не для того, чтобы подготовить общую атаку против Маасской армии, а лишь для прикрытия отступления 5 других дивизий, стоявших еще на р. Живонне. Войскам, назначенным для отражения неприятеля, было особенно указано, чтобы они как можно дольше удерживали мост у Деньи, так как только по этому мосту артиллерия кронпринца Саксонского могла перейти обрывистый овраг р. Живонны. Артиллерия саксонского кор-

[1] Начальник штаба Мак-Магона в 1859 г. Ср. т. I, стр. 355 (русск. пер.— т. V, стр. 250).

[2] Принимая среднюю силу батальона Шалонской армии в 500 чел. и баварского батальона в 650 чел.

пуса опередила главные силы своей пехоты и открыла огонь, но, подвергшись серьезной угрозе со стороны неприятельских стрелков, должна была несколько отойти назад. Вообще наступление 3 французских дивизий против 2½ германских, тем более что баварцы после 5-часового горячего боя были уже истощены, вызвало кризис в ходе боя. Однако, Дюкро имел достаточно проницательности, чтобы не переоценивать оперативного значения этого местного успеха, одержанного преимущественно зуавами над неприкрытым правым крылом саксонцев. Лебрен тщетно указывал ему, как трудно будет, имея противников в тылу, пройти через лес Гаренн, где имеется только одна дорога (в лучшем случае, может быть, еще вторая). Обе эти дороги, будто бы, едва пригодны для артиллерии. Эти опасения также не произвели впечатления на Дюкро, который в ответ на просьбу командира 12-го корпуса согласился лишь отсрочить отступление 5 дивизий на ¾ часа. Тем временем баварцы и саксонцы не только не были отброшены назад, но, наоборот, правое крыло немцев было обеспечено прибывшей на поле сражения 2-й саксонской бригадой. Когда же появилась еще голова другой дивизии 12-го германского корпуса, то корпусная артиллерия могла опять двинуться вперед. Вскоре после 9 час. 13 саксонских и 3 баварских батареи открыли огонь с высот восточнее Живонны. Основная группа батарей 1-го баварского корпуса действовала с другого берега Мааса против французской артиллерии, которая с трудом удерживалась «не столько потому, — как сказано в одном французском отчете,— что она надеялась на действительность своего огня, сколько для того, чтобы показать свою готовность всеми мерами притти на помощь пехоте». Так как в течение ¾ часа указанной отсрочки положение ни в какой мере не улучшилось, то Лебрен должен был повиноваться и в 9 час. утра очистить Базейль, успешно оборонявшийся в продолжение 5 часов.

Однако, обманчивое чувство, что победа близка по всей линии, наполняло командира не только 12-го, но также и 5-го французского корпуса. Последним командовал уже не Фальи, который был отставлен приказом военного министра, отданным еще перед сражением при Бомоне, а ген. Вимпфен. Вместе с тем Паликао особым предписанием, которое Вимпфен носил при себе, передал ему командование Шалонской армией в случае, если по воле судьбы Мак-Магон будет вынужден оставить свой пост. Вимпфен не торопился получить это звание. В 7 час. 15 мин. он узнал о ране Мак-Магона и только в 9 час. предъявил свои права на командование армией, которые Дюкро ему охотно передал. Этот генерал оценивал обстановку пессимистически; Вимпфену она тоже не могла представляться в розовом свете, тем более что чересчур густая завеса лежала на численном соотношении сил борющихся армий. Но все-таки временно счастливый для французского оружия ход событий на р. Живонне (французы в эту кампанию не были избалованы) не преминул оказать впечатление на Вимпфена, и он надеялся, что все еще устроится хорошо. Он потребовал отступающие 5 дивизий назад и приказал опять взять Базейль. Тогда Дуэ, стоявший западнее леса Гаренн, донес ему, что большие силы атакуют его через Вринь — Сент-Альбер. Вимпфен ответил, что Дуэ нужно выдержать лишь демонстративную атаку, которую неприятель предпринял главным образом для того, чтобы 7-й и 5-й корпуса не могли оказать помощи 12-му и 1-му корпусам; 7-й и 5-й корпуса должны

послать Лебрену все излишние войска; можно с уверенностью рассчитывать на победу. Затем Вимпфена охватила забота, что адъютант, отправленный им к Дуэ, может прибыть несвоевременно или даже совсем не приехать в 7-й корпус. Вследствие этого он отправился лично во вторую линию французского боевого порядка и тут у Илли наблюдал вместе с Дуэ за полем сражения, которое жестоко разрушило его иллюзии.

Вспомним, что Мольтке приказал Блюменталю левым крылом перейти Маас уже ночью, а не с наступлением дня. Видимо, Блюменталь счел это распоряжение непрактичным, но в 3 часа утра выступление состоялось, «после того как войска, ввиду ожидавших их напряженных действий, сначала приготовили себе завтрак». Действительно, слишком раннее выступление не оправдывалось. Местность была трудно проходимая, ночь чрезвычайно темная. Пути подхода 11-го и 5-го корпусов пересекались, и от 11-го корпуса откололись 3½ батальона, которые достигли Мааса гораздо позже главных сил. Весь ночной марш оказался растратой сил, так как ночной переход через реку не осуществился, и в 5 час. 30 мин. утра только головные части 5-го и 11-го корпусов и вюртембергской дивизии переходили через Маас. Мольтке хотел ночного марша, «чтобы на рассвете могла последовать атака с развернутым фронтом по направлению к дороге Седан — Мезьер». Но в 7 час. последние походные колонны 11-го корпуса и вюртембержцев еще шли по мостам[1]. Если Мольтке перед Седанским сражением, как и перед сражением у Гравелота[2], требовал невозможной длины переходов, чтобы наверняка было достигнуто максимально возможное, то 1 сентября этот метод бесспорно принес не пользу, а вред. Блюменталь, по собственному побуждению, сумел бы выжать из войск наибольший возможный результат.

Тем не менее, левое крыло кронпринца Прусского преградило французам путь вдоль железной дороги Седан — Мезьер. Теперь это крыло продвигалось вперед к тому новому шоссе, о котором Наполеон думал, что оно еще не нанесено на карты прусского генерального штаба. В дневнике кронпринца Фридриха Вильгельма говорится: «Длинной змеей тянулись 11-й и следовавший за ним 5-й корпуса по трудной дороге... Было уже больше 8 час. утра, и все еще никаких неприятельских войск не было видно на высотах Сен-Менжа, так что я предполагал не встретить там сопротивления... когда... луч солнца прорвал туман... весь склон был густо занят частями всех родов войск... Уже в это время Блюменталь сказал, что... сегодня вечером это окончится подъемом белого флага».

Теоретически благоприятный исход сражения был заранее известен, но практически, до его достижения, нужно было еще преодолеть значительные затруднения и принести крупные кровавые жертвы. В 9 час. утра, когда Дюкро окончательно приказал очистить Базейль и позицию по р. Живонне, авангарды 11-го и 5-го германских корпусов собирались утвердиться в тылу французской армии, к западу от ручья Флуэн. Одновременно артиллерия обоих корпусов, пройдя полосу всего в 1½ *км* ширины между Маасом и Арденнским лесом, расположилась: артиллерия 11-го корпуса у рощи Хатуа и артиллерия 5-го

[1] Об этих мостах ср. стр. 211. 5-й корпус навел мост через Маас ниже вспомогательного моста 11-го корпуса, вюртембергская дивизия — у Дом-ле-Мениля.
[2] Ср. стр. 141—142.

корпуса у селения Фленье. Против нее, между ручьем Флуэн и лесом Гаренн, развернулась линия французских орудий, примерно, такой же длины. Но артиллерия Шалонской армии испытала на ручье Флуэн ту же участь, как на р. Живонне: она обстреливалась с фланга и тыла противником, к которому нельзя было приблизиться, потому что он был отделен Маасом. Резервная артиллерия 2-го баварского корпуса от Френуа и Ваделинкура поражала тыл французской артиллерийской позиции позади ручья Флуэн, тогда как фланг ее обрабатывали своими снарядами конные батареи прусской кавалерийской дивизии, стоявшей у Монтимона. «Хотя германским батареям требовалось продолжительное время для пристрелки..., войска (7-й корпус) все же сильно страдали от огня... потому что снаряды, дававшие недолет, поражали выдвинутых вперед стрелков, а перелетавшие через цель наносили поражение артиллерийскому прикрытию и войскам второй линии. Пехота все-таки держалась хорошо».

Около 11 час. утра 11-й и 5-й германские корпуса выставили на позициях 144 орудия, которые успешно обстреливали не только местность к западу от леса Гаренн, но и вообще всю Шалонскую армию. Одновременно последняя подвергалась огню всех батарей Маасской армии, после того как гвардейская артиллерия заняла позицию у северного угла леса Шевалье, тогда как артиллерия 4-го корпуса стала южнее Мааса у Айликура, чем дала возможность большей части батарей 1-го баварского корпуса перейти на северный берег реки. Командир гвардейской артиллерии, ген.-майор принц Гогенлоэ-Ингельфинген [1], мог со своего командного пункта хорошо наблюдать ход боя в 3-й армии. Он выдвинул бо́льшую часть своих орудий на 600 *м* восточнее Живонны, так что можно было обстреливать лес Гаренн с дальности действительного огня. Вскоре пруссаки заметили сокрушительное действие, которое этот огонь производил на французские войска в лесных просеках. Французы целыми толпами уходили из леса. Еще больший успех одержала гвардейская артиллерия над непосредственно противостоявшим ей 1-м корпусом. Французский корреспондент из этого войскового соединения рассказывает, что снаряды гвардейской артиллерии производили страшное опустошение в рядах. Ужасно было чувство, будучи безоружным, быть предоставленным на произвол невидимого неприятеля, издалека поражавшего свою цель.

До полудня немцы ввели в дело около 600 орудий против 400 французских. С германской стороны можно было выставить на фронт еще гораздо большее число орудий, но концентрического огня имевшегося количества орудий было уже достаточно, чтобы разбить Шалонскую армию. Ведь во время сражения в одном 7-м корпусе взлетело на воздух 40 зарядных ящиков. Мы оставили Вимпфена и Дуэ у Илли. Вимпфен понял, что он окружен и что для армии нет спасения. Из его оправдательной записки вытекает, что он не сказал этого Дуэ откровенно, а выразился в том смысле, что у него создалось впечатление о невозможности прорыва в этот день, но что он твердо решил удерживать позиции до ночи. Относительно своих предположений на ночь он хранил молчание. Если Вимпфен, действительно, надеялся, что его армия до захода солнца продержится под концентрическим ар-

[1] Ср. о нем, т. I, стр. 207 (русск. пер.—т. V, стр. 150) и в настоящем томе, стр. 158.

тиллерийским огнем и затем в ночных боях, сохраняя хоть некоторую сосредоточенность, проложит себе путь на свободу, то для обоснования такой надежды он не нашел бы аналогии в военной истории. Это являлось бы попросту абсурдным представлением. Но, во всяком случае, если армии была поставлена задача продержаться до вечера, то войска не могли оставаться на случайно занятых около полудня местах. Напротив, Вимпфен должен был настоять на своем приказе — взять обратно Базейль. Вообще следовало опять овладеть линией р. Живонны и удержать позицию у ручья Флуэн. До перехода командования от Дюкро к Вимпфену 12-й и 1-й корпуса недалеко отошли от Живонны, но, несмотря на это, вторичное занятие оставленного местного рубежа было трудно выполнимо, так как с германской стороны теперь прибыли весь 12-й корпус и севернее его—гвардия. К этому нужно прибавить 4-й корпус, который достиг поля сражения одной дивизией к северу от Музона и другой к югу от Мааса. Наконец, одна дивизия 2-го баварского корпуса пришла на помощь своим товарищам из 1-го баварского корпуса, после того как разведка показала, что о д н о й дивизии 2-го корпуса баварцев с корпусной артиллерией достаточно для прегражденія дороги Торси — Мезьер.

Итак, 4½ германских корпуса наложили руку на долину Живонны; со стороны французов 12-й, 1-й и 5-й корпуса, находясь все время под концентрическим огнем германской артиллерии, стремились оттеснить эти силы за речку; 7-й корпус прикрывал тыл французских главных сил от 11-го и 5-го корпусов[1]. В то время как 5 дивизий, которые Дюкро снял с фронта, шли по приказанию Вимпфена обратно, неприятельские гранаты с обоих берегов Мааса били по сомкнутым частям, особенно когда около полудня слабо вооруженная крепость Седан прекратила огонь. Теперь резервная артиллерия 2-го баварского корпуса бросала свои снаряды между Седаном и Баланом вплоть до Фон-де-Живонна, где сосредоточивалась французская пехота с артиллерией для атаки на р. Живонну. Артиллерийский резерв 5-го корпуса менял позицию, переходя от старого лагеря к Фон-де-Живонну, когда неожиданно с противоположного берега Живонны сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее германские гранаты начали с большой меткостью поражать батареи с тылу. Несмотря на это, артиллерийский резерв 5-го корпуса дошел до Фон-де-Живонна и пытался вступить в бой у Базейля, особенно против саксонской артиллерии. Однако, батареи могли выдержать лишь короткое время, потому что не только с того берега Живонны, но и со всех сторон они были засыпаны снарядами. Вынужденные оставить свои позиции, они шли навстречу разложению. Седан был почетным днем германской артиллерии. «Наша артиллерия почти одна дала сражение»,— писал Мольтке к Штиле.

В огне германских орудий замерли все попытки французской пехоты продвинуться на восток. Одна пехотная бригада 1-го корпуса была рассеяна у Деньи. К ней принадлежал 3-й полк зуавов, который так ужасно пострадал при Верте[2]. Полк был опять укомплектован и, несмотря на моральные и материальные невзгоды Шалонской армии, сумел сообщить своему пополнению дух отборной части. 8-й полк зуавов держался сплоченно и отошел влево через Олли и Арденский

[1] Вюртембергская дивизия обеспечивала со стороны Мезьера. Ср. стр. 212.
[2] Ср. стр. 83.

лес в Бельгию и далее по нейтральной территории к французской крепости Рокруа. Только после того как зуавы прошли Олли, пехота 5-го германского корпуса распространилась до этого пункта и встретила там эскадрон гвардейских гусар, так что около полудня было установлено первое соприкосновение Маасской армии с левым крылом 3-й армии. Все же прошло еще несколько часов, пока тяжесть окружения сломила волю французов. Если за это время французам не удалось вернуться к Живонне, то, с другой стороны, кронпринц Саксонский не надеялся на успех фронтальной атаки против их масс. Он еще столь высоко оценивал их боевую силу, что и после перехода большей части дивизионной артиллерии Маасской армии через речку все-таки не решался перевести на левый берег Живонны корпусную артиллерию 12-го корпуса. Альберт решил обойти французов на их левом фланге и двинул гвардию на Фленье и саксонцев на Илли, тогда как дивизия 2-го баварского корпуса, пришедшая на помощь фон-дер-Танну, была последней двинута на Балан. Корпус фон-дер-Танна и 4-й корпус остались в распоряжении командования для действий против неприятельского фронта.

Французам не удалось отвоевать обратно рубеж р. Живонны; рубеж ручья Флуэн был у них отнят. Уже упоминалось, что лучшим средством обороны было бы наступление, пока германские силы были стеснены движением через дефиле Вринь-о-Буа — Сент-Альбер. Но для этого французская артиллерия должна была приобрести если не огневое превосходство над немецкой, то, по меньшей мере (при взаимодействии со стрелками), равенство с ней. Достичь этого не удалось, и вообще Дуэ чувствовал себя слишком слабым для разрешения задачи обеспечения тыла 3 других корпусов. Он мало сделал, чтобы помешать вступлению пруссаков на равнину Илли, и к 12 час. 42 из 50 батальонов 11-го и 5-го корпусов прошли теснину у леса Ля-Фализет. Спустя час Флуэн и Илли были в руках пруссаков. Флуэн, который французы защищали с большой энергией, оборонительно и наступательно, был куплен пруссаками дорогой ценой. Тут пал командир 11-го корпуса фон-Герсдорф, предшественник которого Бозе был тяжело ранен при Верте. Но немцы все же форсировали местное препятствие, прикрывавшее тыл французской армии. После взятия деревни Живонн прусской гвардией французам, если они хотели избегнуть плена посредством перехода на бельгийскую территорию, оставались еще последние дороги через Илли и Олли, а также через Флуэн.

В 1 час 30 мин., после того как левое крыло 3-й армии взобралось на высоты, где стояла артиллерия 7-го корпуса, Дуэ все еще располагал рядом хороших оборонительных позиций, но для обороны их ему недоставало сил. Для того чтобы восполнить этот недостаток, французы попробовали произвести кавалерийскую атаку. Отцом этой мысли был ген. Дюкро. Он велел сказать ген. Маргериту, командиру одной из резервных кавалерийских дивизий, что нужно сделать отчаянное усилие. Все остальные кавалерийские дивизии пойдут в атаку за дивизией Маргерита, пока противник не будет потрясен. Затем пехота произведет прорыв по следам кавалерии.

В ответ на это высокопарное предложение Маргерит, будто бы, сказал адъютанту Дюкро, что он тронется вперед лишь после того, как позади его развернутся все остальные кавалерийские дивизии. При Седане в состав Шалонской армии входили 6 кавалерийских дивизий, всего 121 эскадрон, около 12 000 сабель. Ганс Дельбрюк в своем

описании сражения при Гавгамеле говорит: «12 000 всадников на о д н о м месте — это такая большая масса, что даже доведенное до виртуозности искусство... управления... едва может ее обуздать и направить». Так как Шалонская армия уже несколько часов находилась под концентрическим огнем неприятеля и ее положение стало настолько безнадежным, что начальники начали терять голову, то сосредоточение огромных кавалерийских масс, которым Маргерит обусловливал свою атаку, представляло неразрешимую задачу. Вполне понятно, что Маргерит не желал жертвовать своей дивизией: единственная цель подобных атак — выигрыш времени — в этом сражении не играл роли. Катастрофа должна была наступить, а произойдет ли она немного раньше или позже, это не имело значения. Однако, Дюкро настоял на наступлении дивизии Маргерита. Последний при разведке направления для атаки был смертельно ранен ружейной пулей. Атака произошла в районе между Флуэном, Казалем и Маасом (где 7-му корпусу угрожал охват неприятеля) по крупным скатам, вверх и вниз, на столь неудобной местности, что эскадроны разделились на группы. Каждая из них самостоятельно выбирала себе цель атаки. Прусская бригада, атакованная этими группами, лежала в рассыпном строю в оврагах, лощинах, складках, за изгородями. Только там, где не имелось никаких закрытий или французы наскакивали с разных сторон, прусские пехотинцы стояли звеньями или кучками. Всадникам удалось прорваться между 8 орудиями, стрелявшими картечью, но затем французы были отбиты частым огнем рот, стоявших позади орудий. Прусская пехота почти не понесла потерь от холодного оружия. В отчете командира 6-го полка африканских конных егерей сказано: «В густом дыму на 20 шагов ничего нельзя было разобрать, и огонь... невидимого противника оказывал опустошительное действие в наших рядах. Неуверенно кружился полк по местности... Только головные эскадроны могли видеть противника. Для остальных он оставался невидимым, как и для 4-го полка африканских егерей, следовавшего за 6-м».

Результат начавшегося в 2 часа 15 мин. введения в дело кавалерии заключался единственно в том, что охват левого крыла 7-го корпуса был отсрочен на один час. Дивизия Маргерита заплатила за это потерями, составлявшими почти половину ее состава. Адъютант ген. Дюкро, о котором шла речь выше, рассказывает: «Отходившие жалкие остатки дивизии должны были пройти вплотную перед одним батальоном 81-го германского полка[1], командир которого приказал немедленно прекратить огонь. Когда в ответ некоторые французы салютовали саблями, германские офицеры молча опустили свое оружие, отвечая на привет храбрых всадников».

Во всяком случае, армия, погибшая тут, была неплоха. Только Дюкро не должен был требовать от войск невозможного, приступая к выполнению своего отчаянного намерения — двинуть пехоту по следам кавалерии для прорыва железного кольца. Четыре раза пытался он лично увлечь вперед бригаду собственного корпуса и стрелков с левого фланга Дуэ. Однако, французская пехота, которая с утра подвергалась концентрическому артиллерийскому огню, по большей части даже не видя неприятеля, оказалась не в состоянии выполнить это наступление, вообще абсурдное ввиду малочисленности

[1] Кажется, это был 83-й полк.

введенных в дело войск. Зато при обороне французы еще задали пруссакам тяжелую, кровавую работу. К югу от ручья Флуэн простирались до леса Гаренн глубокие лощины и овраги с крутыми краями, поросшими густым кустарником. К этому присоединялись каменоломни у Казаля, примыкавшие на фланге к Маасу у Голье. Искусно устроенные стрелковые окопы и приспособленный к обороне постоялый двор Ля-Терм дополняли комплекс опорных пунктов. У Казаля и Голье бой долго шел с переменным успехом, хотя защитники каменоломен осыпались гранатами с той и другой стороны Мааса; около 3 час. 45 мин., когда обороняющиеся были отброшены к Седану и в лес Гаренн, расстрелянные прусские части представляли неорганическую пеструю смесь. Те из них, которые теснили отступавших французов, были остановлены сильными контрударами.

Еще труднее была борьба у постоялого двора Ля-Терм, где пруссаки со своими плохими ружьями, чтобы приблизиться на дистанцию действительного огня к неприятельской пехоте, вооруженной дальнобойными Шаспо, взбирались без выстрела с одного уступа горы на другой. Только мало-по-малу измученные люди небольшими группами подымались на высоту. 2 батареи 7-го корпуса также причиняли им тяжелые потери, но лишь короткое время, до вступления в дело превосходных сил прусской артиллерии, когда у французов взлетели на воздух 3 передка. Тут сражались только 4 прусских батальона, которыми в конце (так велики были потери) командовали лейтенанты. Возможно, что здесь, как и в некоторых других местах своей оборонительной линии, французы имели численное превосходство, но, в конце концов, 7-й корпус сражался против 2 прусских, и это обусловило решение. Около 4 час. 45 мин. французы были прогнаны также со ската, на котором стоял постоялый двор Ля-Терм, и укрылись в лесу Гаренн.

Мы знаем, что кронпринц Саксонский утром, когда был закончен подход всех его корпусов, приказал охватить левое крыло французов, стоявших западнее р. Живонны: гвардии — у Фленье и 12-му корпусу — у Илли. Альберт отменил эти приказы, когда узнал, что левое крыло 3-й армии уже утвердилось близ этих пунктов. Напротив, фон-дер-Танн не задержал наступления дивизии 2-го баварского корпуса (против правого фланга 12-го французского корпуса), перед которой французы в полном порядке очистили Балан [1]. Баварцы приблизились к Фон-де-Живонну, и так как одна баварская дивизия не могла справиться с большими неприятельскими массами [2], то тут развился длительный огневой бой. Когда же в этом неравном бою силы баварцев были достаточно истощены, неожиданно последовала французская контратака, произведенная с большой энергией. После долгого кровопролитного боя в парке замка Балан баварцы, обращенные в бегство, в 3 часа пополудни очистили замок и селение. Этот местный успех не изменил общего положения французов. Корпусная артиллерия 4-го корпуса у Айликура и батареи 1-го баварского корпуса у Базейля обстреливали Балан, тогда как пехота 4-го корпуса и, в меньшей мере, 1-го и 2-го баварских корпусов пришла на помощь баварской дивизии и остановила ее отступление. На долю обоих баварских корпусов выпал 1 сентября несчастный жребий. Корпус фон-дер-Танна должен

[1] См. выше, стр. 226.
[2] См. там же.

был атаковать Базейль уже в 4 часа утра, в то время как остальные силы Маасской армии только около 10 час. подошли к полю сражения. Изолированная атака 1-го баварского корпуса против правого крыла французов у Базейля, бывшая сама по себе ошибкой, вызвала, кроме того, поражение при наступлении 2-го баварского корпуса после оттеснения правого французского крыла до Фон-де-Живонна. Ген. фон-дер-Танн оправдывал это наступление, обошедшееся одной дивизии 2-го баварского корпуса почти в четверть ее состава, следующими словами: «Так как Маасской армии нужно было уйти вправо..., то казалось весьма целесообразным произвести давление на правый фланг противника». Бесспорно, было полезно охватить оба неприятельских крыла, но для такого маневра необходима была энергичная фронтальная атака. Однако, после многочасового боя у Базейля 1-й баварский корпус был уже не в состоянии произвести такую атаку, хотя и не потому, что потери его были чрезмерно велики,— напротив, он потерял всего 10% своего состава [1], но мы уже убедились на фактах сражения при Верте, что боевая сила баварской пехотной части была много ниже прусской или французской [2]. Низкая огневая дисциплина атакующих баварских войск у Базейля имела последствием расточительный расход патронов и недостаток их, а перемешанные части нельзя было привести в порядок. Вследствие этого дивизия другого баварского корпуса южнее Фон-де-Живонна осталась без надлежащей поддержки со стороны своих соотечественников.

Если мы хотим быть справедливыми, то должны сказать, что Мольтке, уже перед сражением давший баварцам не совсем верное направление, также и 1 сентября отчасти виновен в их неудаче. Он побуждал Блюменталя к слишком поспешному наступлению, так что последнему, по его мнению, оставалось лишь приказать единственному корпусу, стоявшему вплотную к неприятелю, произвести атаку тотчас же после восхода солнца. Таким образом, самая трудная задача из подлежавших разрешению под Седаном выпала на долю хуже всех организованного и вооруженного корпуса германской армии [3]. Для стратегической же цели, преследуемой верховным командованием, задачу в этой форме совсем не следовало ставить. Иными словами: 1-й баварский корпус мог бы обождать со штурмом Базейля до прибытия других корпусов Маасской армии; тогда создались бы косвенные и более благоприятные предпосылки для действий 2-го баварского корпуса.

У Фон-де Живонна и в лесу Гаренн нужно было еще сломить сопротивление французов. Гвардейские войска атаковали лес Гаренн, встретившись с бригадой 11-го корпуса, так что теперь, около 3 час., Маасская армия вошла в соприкосновение с левым крылом армии кронпринца Прусского, после того как она уже с утра вела бой совместно с правым крылом этой армии. Окружение Шалонской армии было завершено. Принц Гогенлоэ приказал своей корпусной артиллерии выехать через селение Живонн на важную позицию на горе Кальвария. Отсюда принц держал лес Гаренн под еще более действительным огнем, чем в прежней позиции. Роща кишела войсками всех 4 французских корпусов. Что касается батальонов французов, сохра-

[1] 5-й корпус — 6%; 11-й корпус — 9%.

[2] Ср. стр. 70, 76, 84.

[3] Баварское ружье Подевиль, переделанное из заряжаемого с дула, стояло еще ниже игольчатого ружья, уступавшего французскому Шаспо.

нявших сомкнутый боевой порядок, то, успешно применяя митральезы, они оказывали в лесных участках упорное сопротивление 1-й гвардейской дивизии и отступали лишь шаг за шагом к Седану, своему самому последнему убежищу, если можно так назвать маленькую, давно принужденную к молчанию крепость.

Подобно артиллерии гвардейского корпуса двинулась вперед и артиллерия 12-го корпуса; теперь, наконец, кронпринц Саксонский счел наступательную силу противника сломленной. На высотах к западу от р. Живонны, между деревнями Живонн и Базейль, образовалась огневая линия из 21 батареи корпусной и дивизионной артиллерии, принадлежавшей саксонцам, баварцам и 4-му корпусу. Какое значение имели 6 французских батарей у Фон-де-Живонна против этой огневой силы, теснившей их со всех сторон? Только ценой тяжелых потерь, поражаемые с фронта, тыла и флангов, они продержались короткое время, обстреливая, в свою очередь, пехоту 12-го и гвардейского корпусов, действовавшую против Фон-де-Живонна. Затем дивизионная артиллерия 12-го и 5-го французских корпусов стала в порядке шагом, отходить к Седану, осыпаемая пулями теснившей ее германской пехоты, перед которой французская пехота, очистив Фон-де-Живонн, также повернула в Седан.

Было 4 часа 30 мин., когда остатки Шалонской армии столпились вокруг Седана, за исключением 20 с лишним эскадронов (из 121) [1], которым удалось через Бельгию уйти в Мезьер или Рокруа. Согласно расследованиям, произведенным французским военным министерством в 1883 г. в корпусных штабах, Шалонская армия начала сражение при Седане, имея около 110 000 бойцов. Из них 21 000 сдались в плен нераненными, когда немцы с севера и востока, от Флуэна и Живонны, двигались на Седан [2]. Потери французов от неприятельского оружия составляли 17 000 чел., так что оставалось около 70 000 чел. К ним приблизилась с севера артиллерия обоих прусских корпусов 3-й армии, причем, двигаясь с незначительным пехотным прикрытием, она далеко опередила головные силы пехоты. На востоке кронпринц Альберт приказал всем батареям гвардейского и 12-го корпусов подойти ближе к Седану. С другой стороны Мааса стреляли корпусная артиллерия 4-го корпуса у Айликура, корпусная артиллерия 2-го баварского корпуса и артиллерия баварской дивизии, выставленной на шоссе в Мезьер у Френуа; там же конные батареи одной кавалерийской дивизии; наконец, вблизи замка Бельвю, подтянутая от Доншери бо́льшая часть вюртембергской кавалерии. Всего на левом берегу Мааса находилась 21 батарея; всем им было предписано обстреливать крепость Седан. Вскоре, когда в городе поднялись столбы огня, на валах были выставлены белые флаги.

Баварские офицеры привезли донесение кронпринцу Фридриху Вильгельму, который с высоты на левом берегу Мааса наблюдал за полем сражения. Подполковник фон-Бронсар, посланный в Седан с требованием сдачи на капитуляцию, доложил, что он говорил с императором Наполеоном, о присутствии которого при Шалонской армии немцы не знали. К этому Бронсар добавил, что сейчас должен приехать адъютант Наполеона генерал граф Рейль с письмом императора. Когда позади кронпринца кто-то громко сказал, что теперь все

[1] Французский эскадрон насчитывал, в среднем, 100 сабель.

[2] Численность французской пехоты при Седане можно принять около 84 000, а германской приблизительно в 120 000 штыков.

должны кричать «ура», то, согласно записям прусского наследника престола, «этому предложению... слабо последовали, и призыв не удался. Причину... я вижу в том, что каждый... чувствовал, что величие события не находило в таком возгласе соответствующего выражения... Во всяком случае всем нам казалось, что мы видим это во сне».

Мольтке с королем также наблюдали за событиями с одной высоты на левом берегу Мааса, никаким способом не вмешиваясь в ход сражения. Стратегия Мольтке принудила 4 французских корпуса из 10 к сдаче под Седаном и подготовила для 5 других, запертых в Меце, подобную, теперь уже неотвратимую судьбу. В распоряжении французского правительства оставался из обученных организованных сил почти один только корпус Винуа. Эти потрясшие мир результаты были достигнуты в течение 28 дней от начала операций.

В предыдущем томе я пришел к выводу, что кампания 1866 г., по человеческому разумению, была бы выиграна Пруссией при всяких условиях, даже если бы у пруссаков не было Мольтке, так как качественное превосходство прусской пехоты над австрийской обеспечивало победу. Но, применив вместо стратегии Мольтке стратегию ген.-адъютанта Альвенслебена, мы одержали бы лишь ординарную победу (по терминологии Шлиффена), а это создало бы политическую обстановку, с которой, может быть, и сам Бисмарк не справился бы [1]. В 1870 г. немцы опять-таки могли быть заранее уверены в победе, потому что на этот раз, при качественном равенстве армий, мы располагали огромным численным превосходством. Так как немцы начали войну с 13 корпусами против 7, то они, пожалуй, опять не нуждались в Мольтке, чтобы разбить французов. Но снова политика требовала не простой, а подавляющей ослепительной победы. Одержанием такого успеха мы обязаны гению Мольтке.

Он отважился на виду у неприятеля перейти Мозель у Меца,— маневр, который вследствие его смелости не был предусмотрен даже таким, в других случаях умным, стратегом, как Наполеон III [2]. Если бы операции развивались по идее принца Фридриха Карла, то, просчитавшись в сроках выступления Базена из Меца, немцы произвели бы удар по воздуху на Париж [3] и дали бы возможность Рейнской армии соединиться с Шалонской. Не приходится доказывать, что это создало бы совсем другую обстановку, не только военную, но и политическую. После сражения на Мозеле, когда германская армия предприняла наступление на Париж, Мольтке снова свернул с этого направления, упорно преследуя мысль — оттеснить неприятеля к бельгийской границе; теперь он хотел сделать с Шалонской армией то, что ему не удалось относительно Рейнской. Это решение опять-таки свидетельствует о гениальной смелости. Если бы Мак-Магон 27 августа пошел назад в Мезьер, вместо того чтобы итти вперед к Маасу, то Мольтке нанес бы удар по воздуху, подобно тому как Фридрих Карл сделал это в 1866 г. при Рейхенберге и, не будь вмешательства Мольтке, повторил бы при Юнг-Бунцлау [4]. Скрытая оппозиция Бисмарка и Роона против начальника генерального штаба, которого они не понимали, в случае неудачи операции против Мак-Магона, вероятно, выступила бы открыто и могла произвести впечатление на короля.

[1] Т. I, стр. 444 и сл. и стр. 563 (русск. пер.— т. V, стр. 308 и сл. и стр. 392).
[2] См. стр. 107.
[3] Ср. стр. 128.
[4] Т. I, стр. 519, 523 (русск. пер. — т. V, стр. 361—364).

Но полководец должен своим взглядом проникать в душу народов и людей. Мольтке верно оценил спутанные, расплывчатые известия о приказах Паликао и о выполнении их Мак-Магоном и с высоким нравственным мужеством принял на себя ответственность за действия, вытекавшие из этого сознания. Его колебания в организации маршей дают ясное понятие о тяжести того бремени, которое давило на его ум.

Если мне будет дозволено, кроме напоминания об этих незначительных заблуждениях, добавить несколько слов об ошибках Мольтке, то я хотел бы подвергнуть критике наступление у Гравелота. Наполеон на острове св. Елены написал, что победа всегда для чего-нибудь пригодится. Если какое-либо положение военной теории является верным, то именно это положение; однако, реальная жизнь насмехается иногда над самыми здравыми доктринами. Германская армия могла бы быть избавлена от страшных жертв 18 августа, если бы начальник германского генерального штаба знал, что не часть Рейнской армии, а все силы Базена стоят на высотах Моску и Сен-Прива. Надо полагать, что при правильно организованном охватывающем маневре Базен без боя отошел бы под стены Меца. В победе же как таковой, только ради ее моральной пользы, германская армия 18 августа не нуждалась, потому что в этой кампании уже было одержано достаточно побед.

Глава IX

От блокады Парижа до капитуляции Базена (19 сентября—27 октября 1870 г.)

Мольтке развернул все свои 13 корпусов в баварском Пфальце. Так как после счастливого окончания кампании 1866 г. начальник генерального штаба пользовался безусловным авторитетом, то мы не знаем о каких-либо возражениях против столь тесного сосредоточения. Между тем, подобное решение вопроса отнюдь не было само собой понятным; напротив, прикрытие отдельными корпусами, с одной стороны, великого герцогства Баденского, а с другой — прусской Рейнской провинции отвечало бы неоднократно возникавшему в истории направлению мыслей. Сил для этого было достаточно; ведь к началу войны 13 германских корпусов стояли против 7 французских; тем больше было для германского командования искушение раздробить эти силы; нужен был гений Мольтке, чтобы этому противостоять. Затем фантазия Мольтке увлеклась химерой — наступлением против всех сил французов с двух фронтов, но на практике начальник генерального штаба короля Вильгельма не сделал из-за этого ошибки [1]. Отказавшись от надежды выиграть решительное сражение при Саарбрюкене или Саарбурге, Мольтке еще за две недели до Седана составил план — оттеснить большую часть французов за бельгийскую

[1] Ср. стр. 90.

границу [1]. Этому помешали стратегия и тактика Базена, ни за что не желавшего оторваться от Меца. Тактика французов при Вионвиле и Гравелоте, рассчитанная на истощение противника, хотя и дала результаты, но недостаточные, и Базену оставалось или выступлением на юг спасти обломки Рейнской армии, или же с 5 корпусами сложить оружие в Меце. Это был гораздо более крупный результат, чем под Кениггрецом, где все австрийские корпуса могли спастись. Правда, 16 августа при Вионвиле немцы подвергались такой опасности, какая не возникала в продолжение всей кампании против Австрии [2].

Эти славные успехи выросли до почти фантастической высоты вследствие того, что французская стратегия была испорчена вмешательством слабого парижского правительства. Последовательно проводимая мысль — оттеснить значительные силы французов в Бельгию, что вовлекло Мольтке 18 августа под Гравелотом в ненужное кровопролитное сражение,— эта мысль, в конце концов, была им осуществлена под Седаном благодаря графу Паликао. Тут были уничтожены 4 французских корпуса, 5 других в Меце не могли уйти от гибели [3]. Какие силы оставались еще во Франции? 13-й корпус, собиравшийся вблизи Седана у Мезьера [4], и 14-й корпус в Париже, оба составленные главным образом из маршевых полков, следовательно — второсортная комбинация из резервистов и рекрут с не особенно работоспособными офицерами. К этому нужно добавить морскую пехоту, так как понятно, что французы, сильно угрожаемые на суше, отказались от операций своего флота против германского побережья. Одна дивизия морской пехоты уже попала в плен под Седаном [5], но потом французы еще раз взяли из этого источника 34 батальона, — недаром их флот в то время по численности соперничал с английским. Однако, все это составляло лишь эквивалент 3 корпусов, тогда как германские силы теперь, когда можно было снять пехотную дивизию с берегов Северного моря [6], представляли эквивалент 17 корпусов [7]. Неудивительно, что Мольтке думал через шесть недель окончить войну. По его мнению, продовольствия в Меце могло хватить только до начала сентября, так как оно, повидимому, было рассчитано на нормальный гарнизон из 1 дивизии, теперь же приходилось кормить 15 дивизий. Начальник германского генерального штаба считал взятие голодной блокадой двухмиллионного Парижа также делом немногих недель,— заблуждение, которое поддерживалось тем, что военная история не знала аналогичного нападения на такую гигант-

---

[1] Ср. стр. 108.

[2] Ср. стр. 139—140.

[3] В Седане были взяты в плен: 1-й корпус (Мак-Магон), 5-й корпус (Фальи), 7-й корпус (Феликс Дуэ), 12-й корпус (Лебрен). В Меце стояли: гвардейский корпус (Бурбаки), 2-й корпус (Фроссар), 3-й корпус (Лебеф), 4-й корпус (Лямиро), 6-й корпус (Канробер). 8-го, 9-го, 10-го и 11-го корпусов не существовало.

[4] Ср. стр. 212.

[5] Ср. о ней стр. 177.

[6] Ср. стр. 12.

[7] Северогерманский союз выставил 13 корпусов; к этому присоединялись 17-я дивизия с побережья, затем 3-я резервная дивизия генерала Куммера, которая после сражения при Гравелоте прибыла к Мецу (во всяком случае, одна бригада ландвера). Южногерманские контингенты состояли из 1-го и 2-го баварских корпусов, а также из вюртембергской и баденской дивизий, которые при Верте сражались совместно под командованием ген. Вердера; все это вместе и составляло эквивалент 17 корпусов.

скую крепость. Роон и Бисмарк отнюдь не считали решенным делом, что немцы должны обязательно брать Париж. По их мнению, следовало с 3-й и Маасской армиями остановиться в Шампани, ограничившись взятием Меца 2-й армией, а также Страсбурга, который после сражения при Верте был обложен баденской дивизией[1]. Затем оба министра надеялись достигнуть желательного для Германии мира посредством оборонительной стратегии (durch eine defensive Strategie).

В противоположность этому Мольтке упорно держался принципов своего меморандума, составленного зимой 1868/69 г., что немцы должны наступать по направлению на Париж не столько для овладения этим городом, сколько по той причине, что тут предполагалось встретить французскую армию, являвшуюся целью наступления: «Операционный план... состоит единственно в том, чтобы отыскать главные силы противника и атаковать их там, где они будут найдены. 14-й французский корпус находился в Париже, а 13-й корпус двигался туда из Мезьера, после того как его командир ген. Винуа 1 сентября, в день Седанского сражения, убедился в том, что между его корпусом, еще далеко не сосредоточенным, и силами Мак-Магона стоит вся 3-я армия. 13-й корпус был 1 сентября разделен следующим образом: сам Винуа с одной пехотной дивизией, корпусной артиллерией и кавалерией бивакировал у Мезьера, 2-я пехотная дивизия находилась в пути по железной дороге между Мезьером и Ланом и 3-я стояла далеко от главных сил корпуса в Реймсе.

Винуа приказал дивизии, совершавшей железнодорожную перевозку, вернуться в Лан и направил туда около 10 000 беглецов Шалонской армии, которые со времени сражения при Бомоне собрались у Мезьера[2]. Сам он с наличными войсками двинулся на Реймс, чтобы соединиться со стоявшей там дивизией и затем перевезти все войска в Париж. Дорога из Мезьера в Реймс ведет через Ретель, и Винуа хотел достигнуть этого пункта ночным маршем. Однако, 1 сентября 6-й германский корпус выступил из Вузье[3] в Ретель и утром 2 сентября преградил путь приближавшимся войскам Винуа. Кроме того, две германские кавалерийские дивизии окружали их, и конные батареи беспокоили своими гранатами. Тем не менее, Винуа своевременно узнал об угрожавшей ему в Ретеле опасности. Он отошел на некоторое расстояние назад в северном направлении и затем у Новион-Порсьена повернул на запад, чтобы вместо Реймса достигнуть Лана. Вечером 2 сентября от Новион-Порсьена, которого достигли в 3 часа пополудни, был предпринят второй ночной переход. Такое напряжение сил людей и лошадей вызывалось необходимостью, так как одна дивизия 6-го корпуса уже выступила из Ретеля, чтобы у Монкорне преградить французам путь в Лан. Но Винуа достиг этого пункта уже после полудня 3 сентября, хотя пришлось итти по узким извилистым дорогам под проливным дождем. Голова преследовавшей дивизии 6-го корпуса дошла после полудня 3 сентября только до Шомон-Порсьена, который французы прошли уже около 8 час утра.

---

[1] К ней присоединились во время сражения при Гравелоте гвардейская ландверная дивизия и 1-я резервная дивизия, которые тем временем подошли из Германии.

[2] Ср. стр. 211, 212, 231.

[3] Ср. стр. 213.

На войне не может все удаваться: для этого трения слишком велики. Однако, следует все же указать, что если бы преследующая дивизия 6-го корпуса достигла Шомон-Порсьена не после полудня, а утром 3 сентября, или если бы бегство войск Винуа было чем-либо задержано, то последствия могли бы быть очень значительные. Французское правительство 3 сентября имело в своем распоряжении только 6 пехотных дивизий. Для активной обороны Парижа, — а только такая оборона, может быть, изменила бы исход войны, — этого было безусловно мало. Мы знаем, что Базен давно хотел мира[1]. Тьер совершал в это время круговую поездку с целью склонить европейские кабинеты к посредничеству. Он рассчитывал не на военные, а только на дипломатические средства, если Базену не удастся пробиться. Сентиментальным ораторам он отвечал с раздражением: «Чего вы хотите? Эльзас-Лотарингия была немецкой землей и опять станет немецкой». Жюль Фавр, министр иностранных дел республики, сменившей после пленения Наполеона империю, в своих дипломатических циркулярах еще держал очень высокий тон, но, как частное лицо, тоже разделял мнение, что если Рейнскую армию постигнет судьба Шалонской, то нужно искать выхода не посредством оружия, а при помощи дружбы нейтральных держав, в случае же крушения этой последней надежды, Франции останется лишь заключить мир. Короче, все благоразумные французы сходились в том, что страна не может защищаться, имея 6 посредственных пехотных дивизий. Если бы еще одна из них была разгромлена у Шомон-Порсьена, то политическим рационалистам, может быть, была бы облегчена борьба с яростными военными течениями внизу.

Через три дня после сражения при Седане 3-я и Маасская армии выступили по направлению на Париж; они шли широким фронтом, так как немцам незачем было подвергать себя неудобствам сосредоточенного походного движения. Ведь в поле уже не было ни одной неприятельской армии. Войска сделали 29 миль (по прямой) в 15 дней. Следовательно, шли не слишком медленно, но и не особенно торопились отрезать Париж от окружающего мира. Насколько военачальники не в состоянии использовать все представляющиеся им шансы, настолько же они должны отдать дань своей человеческой природе, которая после больших кризисов, требующих крайнего напряжения ума и воли, испытывает известное расслабление. Мы уже говорили об этом в предыдущем томе при обсуждении вопроса об отсутствии преследования после Кениггреца. Однако, быстрое наступление от Седана к Парижу могло сократить продолжительность войны, так как интендантство крепости пользовалось каждым днем для подвоза продовольствия. Кроме того, между 14 и 17 сентября (19-го город был обложен) в Париж прибыли 100 000 мобилей. Это был своего рода ландвер, но не служивший в войсках и не проходивший учебных сборов; при объявлении войны мобили числились лишь на бумаге[2], а потом в течение 6—8 недель обучались в запасных частях отовсюду собранным инструкторским составом. В Париже уже было 15 000 мобилей, так что всего собралось 115 000 чел. этой категории. В 13-м и 14-м корпусах могло быть 50 000 чел. К этому присоединялись 20 000 чел. жандармов, таможенной стражи, лесничих и пожар-

[1] Ср. стр. 182.
[2] Ср. стр. 21.

ных. Таким образом, главнокомандующий всеми вооруженными силами Парижа Трошю мог более или менее положиться на 180 000—190 000 чел. Что касается 343 000 чел. национальной гвардии, представлявшей местную милицию, то в военном отношении она ничего не стоила. Если бы Трошю был выдающейся личностью, то ему, может быть, и удалось бы часть этого гражданского ополчения, раздираемого партийной борьбой и упорно не поддававшегося дисциплине, включить в армию в качестве боеспособного элемента. О характере Трошю существуют разные мнения. В предыдущем томе он встречался нам, как храбрый командир бригады при штурме Севастополя [1]. Товарищи же считали его скользким, как угорь, карьеристом. Они смеялись, что в Алжире, в качестве адъютанта маршала Бюжо, он приобрел расположение последнего совсем не чрезвычайной храбростью, а услугами, несвойственными другим офицерам и имевшими лишь отдаленное отношение к военной специальности, — например, при утреннем кофе он приготовлял бутерброды для маршала. Теперь, после падения империи, Трошю сделался председателем временного правительства республики (оно назвало себя «Правительством национальной обороны») и генерал-губернатором Парижа. Под его начальством состояли Винуа и Дюкро, которого мы знаем по Верту и Седану и который освободился из плена путем нарушения, или по меньшей мере казуистического истолкования, своего честного слова.

Находившиеся в Париже 180 000 бойцов,— конечно, если не учитывать их качества, а лишь с точки зрения численности, — могут быть приравнены к 6 корпусам. Немцы имели под Парижем 19 сентября также не более 6 корпусов, из которых 3 корпуса Маасской армии блокировали крепость с севера и 3 корпуса 3-й армии — к югу от Марны. Под Седаном мы видели 7 германских корпусов и, кроме того, вюртембергскую дивизию; но 2 корпуса пришлось оставить у Седана для охраны Шалонской армии до ее эвакуации, а вюртембержцы прикрывали в Реймсе этапные дороги, которые, впрочем, были переданы этапным батальонам. Еще до конца сентября эти $2^1/_2$ корпуса также должны были появиться под Парижем, но пока там находилось 6 корпусов против 6.

Так как в продолжение всей кампании пополнений отнюдь нехватало для доведения батальонов до их штатной численности, то в 150 германских батальонах едва ли можно считать более 90 000 штыков. Но все это были испытанные войска. Между тем в Париже только 13-й и 14-й корпуса можно рассматривать как части регулярной армии. Несмотря на это, Трошю предпринял наступление уже 19 сентября, когда немцы совершали марш вокруг подлежавшей обложению крепости. Укрепления Парижа, выстроенные в 1840 г., не соответствовали современным требованиям, и рождался вопрос: долго ли может продержаться форт Исси, прикрывавший западную часть южного парижского фронта, если неприятельская тяжелая артиллерия займет позицию на высотах у Шатильона, в расстоянии 2 *км*? Тут, как и на других пунктах вне пояса фортов, после поражения при Верте были вырыты укрепления, но Трошю, который был и в продолжение всей осады оставался скептиком, обнаруживал мало желания их защищать. Все же Дюкро получил от него разрешение совершить с 14-м корпусом попытку наступления. Вечером 18 сентября Дюкро

[1] Т. I, стр. 160 (русск. пер. — т. V, стр. 118).

приказал своим войскам атаковать 5-й германский корпус с правого фланга во время его марша на Версаль, где он должен был расположиться лагерем. Две из дивизий Дюкро были назначены для атаки против шоссе, ведущего с востока на Версаль; 3-я дивизия стояла на резервной позиции у укреплений близ Шатильона. В 6 час. утра 19 сентября головные части 14-го французского и 5-го германского корпусов столкнулись. Правое крыло французов составляла дивизия Кассода, которая шла на Виллакублэ (это название мы услышим еще часто). В маршевый полк зуавов во время раздачи патронов залетело несколько германских гранат. Тотчас же он разбежался. В 8 час. вечера беглые зуавы толпами появились на бульварах, где толпа их поколотила и наклеила им на спины ярлыки с язвительными надписями. Катастрофа полка зуавов увлекла за собой всю дивизию Кассода. Все бежало за форты и вал; только несколько сот человек мужественно остались на месте. Из флангового удара французов, в результате действия нескольких германских гранат, ничего не вышло, но фланг 14-го французского корпуса стал теперь угрожаемым, так как 2-й баварский корпус пришел на помощь 5-му корпусу. Не могло быть и речи о том, чтобы молодые французские войска могли выдержать бой с превосходными силами противника. Ввиду этого Дюкро отдал приказ об общем отступлении и около 5 час. отвел корпус за городской вал. Дивизия Кассода более не существовала; дивизия Хюга, которая левее, у Пти-Бисетра, наступала против шоссе, также не довела дела до настоящего пехотного боя; прусские гранаты уже сломили ее боевую силу. Только незначительная часть французской пехоты, как сказано выше, сражалась храбро и, кроме того, еще артиллерия, выехавшая на позицию у окопов Шатильона; орудия этой артиллерии Дюкро приказал перед отступлением заклепать. Французы потеряли 700 чел. против 425 чел. на германской стороне, которые пострадали главным образом от артиллерийских снарядов; число же бежавших французов было очень велико.

После боя у Шатильона кронпринц Прусский смог расположить свою главную квартиру в Версале. Незадолго до своего въезда туда он писал в своем дневнике: «...Я питал твердую надежду, что именно здесь должно быть отпраздновано восстановление императора и империи».

В то время как французские полевые войска вели бой у Шатильона, мобили, следуя демократическому принципу, выбирали своих офицеров. Офицеры регулярных войск в продолжение всей осады не могли согласиться с бурной парижской демократией, хотя выбор мобилями офицеров вскоре был отменен. 20 сентября один батальон мобилей взорвал ворота форта Мон-Валерьен, чтобы уйти за вал, так как пребывание в форте находил опасным. В этот день Трошю считал возможным, что немцы посредством штурма через форты и вал проникнут в Париж. Действительно, был момент, когда в германском лагере явилось стремление взять внезапным нападением гигантскую крепость, защищаемую на фортах и на валу 2 200 орудиями и более чем 500 000 ружей; однако, эта мысль была тотчас же оставлена, и вполне основательно, так как значительная часть из 90 000 чел. германской пехоты была бы уничтожена крепостными орудиями, а затем баррикадные бои внутри города могли потребовать просто не поддающегося учету количества жертв. Между тем, Пруссия не только не свела еще своих счетов с Францией, но и вообще была окружена

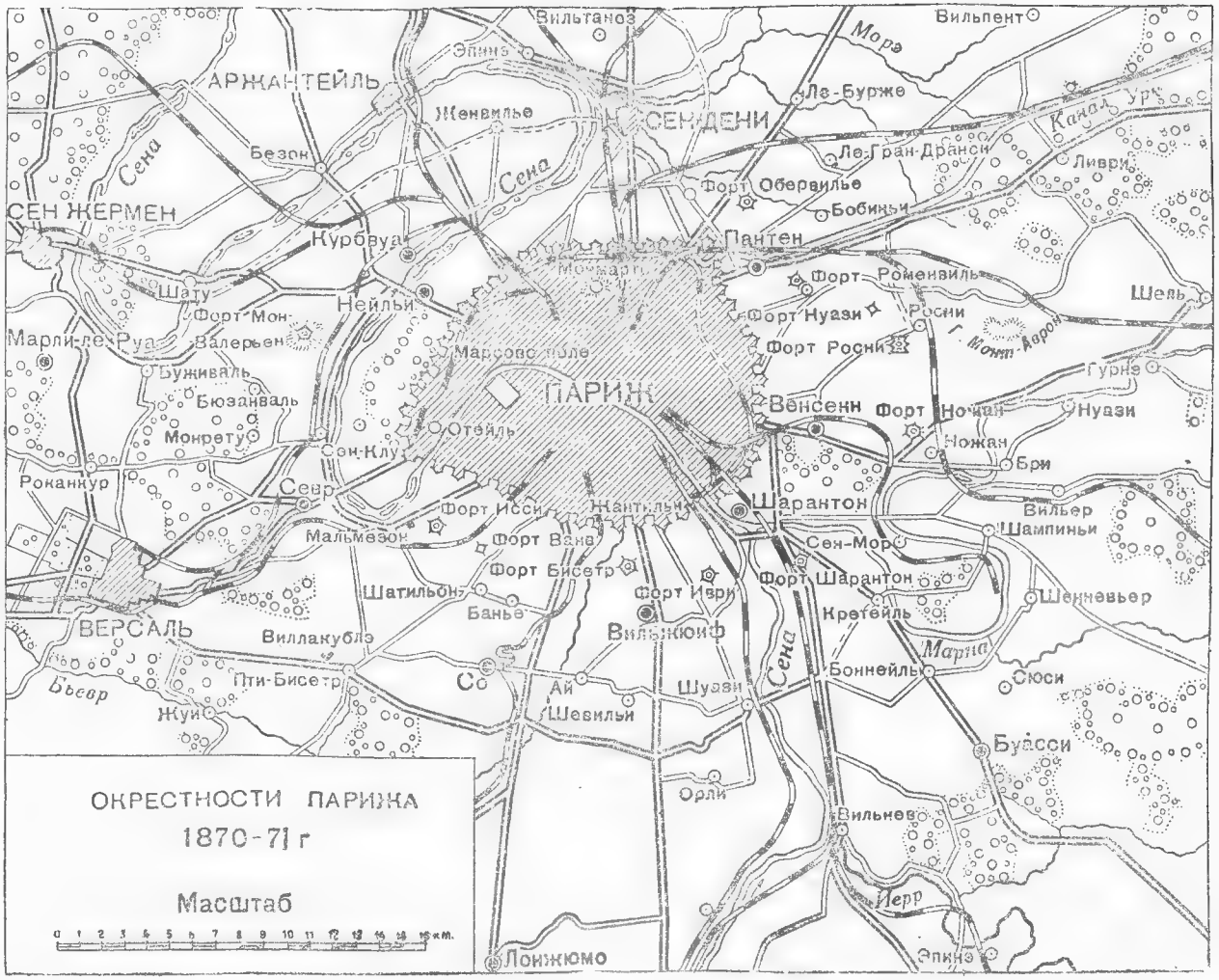

ОКРЕСТНОСТИ ПАРИЖА
1870-71 г
Масштаб
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 км.
ПАРИЖ
АРЖАНТЕЙЛЬ
СЕН-ДЕНИ
СЕН ЖЕРМЕН
ВЕРСАЛЬ
Сена
Марна
Вильтаноз
Вильпент
Море
Эпине
Женвилье
Безон
Ле-Бурже
Ле-Гран-Дранси
Канал Урк
Ливри
Форт Обервилье
Бобиньи
Пантен
Курбуа
Форт Роменвиль
Шель
Форт Нуази
Росни
Форт Росни
Монт-Авроп
Гурне
Нейльи
Форт-Мон-Валерьен
Марли-ле-Руа
Буживаль
Бюзанваль
Монретуа
Сен-Клу
Отейль
Венсенн
Форт Ножан
Нуази
Ножан
Бри
Роканкур
Севр
Форт Исси
Жантильи
Шарантон
Вильер
Шампиньи
Мальмезон
Форт Ванв
Сен-Мор
Форт Бисетр
Форт Шарантон
Шатильон
Форт Иври
Шенневьер
Банье
Кретейль
Вильжюиф
Виллакубле
Пти-Бисетр
Бьевр
Жуи
Со
Ай
Шевильи
Шуази
Боннейль
Сюси
Буасси
Орли
Вильнев
Иерр
Лонжюмо
Эпине

Схема 7.

тайными противниками и ненадежными друзьями. Вследствие этого нельзя было и думать о том, чтобы трезвая голова Мольтке присоединилась к такому авантюристическому проекту, который грозил уничтожить единственную армию короля Вильгельма (кроме армии, прикованной к Мецу).

Казалось, что Париж и без того близок к падению. После неудачного боя у Шатильона Трошю очистил все укрепления, возведенные на местности впереди фортов, за исключением укреплений у Шатильона и Медона (к юго-западу от Парижа), у Монтрету перед Мон-Валерьеном (к западу от города) и, наконец, у Женвилье (к северо-западу). Далее он оттянул назад все войска из района между фортами и валом. Вне вала осталась только одна дивизия 13-го корпуса, стоявшая к юго-западу от Парижа у Венсена и прикрытая Марной. Две остальные дивизии 13-го корпуса заняли южный вал; 14-й корпус с трудом устраивался на Марсовом поле в юго-западной части Парижа, в почтительном отдалении от вала и фортов. С германской стороны подошли оба корпуса, которые были заняты охраной армии, плененной под Седаном. Из них 1-й баварский корпус, под командованием фон-дер-Танна, был поставлен у Лонжюмо в 9—10 *км* к югу от блокадной линии. Это вызывалось сведениями, полученными в главной квартире в Ферьере, о том, что три члена временного правительства республики, еще до установления блокады Парижа выехавшие в Тур на Луаре, стараются сформировать позади этой реки 15-й и другие корпуса. Германский генеральный штаб не думал, чтобы удалось такое предприятие, требовавшее, по представлениям всех военных профессионалов, определенного времени; тем не менее, следовало до некоторой степени обеспечить себя с юга. Другой прибывший от Седана корпус усилил блокадную линию; подошла также и вюртембергская дивизия, притянутая от Реймса, как только представилась возможность заменить ее этапными батальонами. Это можно было сделать лишь после прибытия на театр войны 2-й ландверной дивизии. Наряду с Реймсом Шалон был особенно чувствительным пунктом на этапах. Для защиты базиса блокадной армии от франктиреров [1] здесь едва хватало 16 батальонов с соответствующей кавалерией, которые высылали подвижные колонны в деревни и небольшие города. Уже при Наполеоне III не без успеха развертывалась народная война; теперь же она приняла размеры, имевшие стратегическое значение. Как бы толчком к этому усилению послужил поступок начальника порохового склада в Лане Энрио, который, когда эта небольшая крепость капитулировала без сопротивления, взорвал себя на воздух вместе с прусской егерской ротой.

Германские силы под Парижем насчитывали более 200 000 едоков [2], что требовало непрерывного массового подвоза продовольствия из неприятельской страны, тем более что железнодорожная связь с Германией была весьма недостаточна; на этот факт мы должны обратить особое внимание. Осуществлявшие реквизиции германские кавалерий-

[1] Франктирерами (вольными стрелками) назывались французские партизаны и бойцы создававшихся повсюду формирований милиционного типа. Франктиреры не имели твердой организации и большей частью не носили военной формы или же облекались в самую разнообразную форму одежды. Самое название «франктиреры» (francs-tireurs) произошло от существовавших в 1867 г. вольных стрелковых обществ, члены которых во многих местах составили ядро формировавшихся отрядов франктиреров.

[2] Некоторые вскоре прибывшие к Парижу части тут же приняты в расчет. — *Ред.*

ские дивизии, в количестве 5, часто наталкивались на франктиреров и не всегда могли с ними справиться, потому что тогдашняя германская кавалерия по большей части не имела нужного ей огнестрельного оружия. Если удалось парализовать деятельность франктиреров и обеспечить снабжение осаждающих войск, то этому много способствовали хорошие цены и строгая дисциплина на устроенных немцами рынках, которые вскоре начали широко обслуживаться французскими торговцами.

Значение железных дорог, связывавших блокировавшие Париж армии с Германией, сильно понижалось нахождением некоторых крепостей в руках французов. Самым неотложным для германской стратегии было овладение Тулем. Выше мы видели [1], что в день сражения при Вионвиле 4-й корпус, принадлежавший тогда ко 2-й армии, сделал неудачную попытку овладеть этой мозельской крепостью посредством внезапного нападения... Запереть Туль этапными войсками, устроив обходный рельсовый путь, не удалось вследствие неудобной местности. По мнению генерального штаба, бросившего все на Мец, Мак-Магона и Париж, т. е. на живую силу противника, можно было располагать нужной пехотой для серьезной атаки Туля лишь после прибытия 17-й дивизии с побережья Северного моря. Она прибыла к Тулю 12 сентября, а 18 сентября были подвезены по железной дороге через Нанси 27 осадных орудий. Крепость сдалась на капитуляцию 23 сентября, через пять с лишним недель после того, как немцы перед ней появились. Теперь освободилась, по крайней мере, одна большая дорога, которая вела от Парижа в восточном направлении, вверх по Марне, через Шалон и оттуда к Мозелю и германскому Саару. 28 сентября пал Страсбург, после 7-недельной блокады и правильной осады, причинившей тяжелые повреждения городу и большие бедствия его жителям. Немцы имели под городом 40 000 чел.: баденскую дивизию, гвардейскую ландверную дивизию, 1-ю резервную дивизию и 2 прусских пехотных полка, — всего 46 батальонов. Крепость обстреливалась 25 батареями самого крупного калибра, причем было использовано 6 000 солдат, служивших в тяжелой артиллерии. Овладение Страсбургом также открыло немцам новые железнодорожные линии, но они служили лишь подъездными путями для большого рельсового пути в долине Марны.

Мы видели 2-ю ландверную дивизию в Шалоне, 1-ю резервную дивизию и гвардейскую ландверную дивизию под Страсбургом, 17-ю дивизию под Тулем. Эти 4 дивизии стояли на германском морском побережье, которое, в общем, было прикрыто 70 000 чел. [2], и освободились для операций во Франции лишь после того, как победы немцев на суше парализовали французский флот. Выполнив свою задачу под Страсбургом, 17-я и гвардейская ландверная дивизии были назначены в парижскую блокадную армию, так что последняя, вместе с 1-м баварским корпусом у Лонжюмо, возросла до 9½ корпусов (под Мецом стояли 7½ корпусов). Фронт Парижа составлял около 84 *км;* протяжение фронта блокады может быть принято в 70 *км;* остальное пространство было прикрыто естественными препятствиями. 140 000 ружей на 70 000 — это было в обрез, и в предвидении подхода гвардейской ландверной дивизии Мольтке написал Блюменталю,

[1] Стр. 176.
[2] Ср. стр. 12.

что теперь, по крайней мере, будет резерв. Что касается остальных использованных под Страсбургом сил, то 1-я резервная дивизия составила гарнизон этого города. Большая часть 2-й ландверной дивизии в Шалоне, вместе с осадным артиллерийским парком, освободившимся под Тулем, была направлена на северо-запад против Суассона на р. Эн. Эта крепость запирала железную дорогу в Париж, которая у Эпернэ отделялась от Марнской дороги. Из баденской дивизии (3 бригады) и из прусских полевых войск, стоявших перед Страсбургом, был образован новый корпус. Он был назван 14-м, и командиром его назначен был ген. Вердер, который при Верте командовал баденцами и вюртембержцами и руководил осадой Страсбурга. Номер 13-й получил корпус великого герцога Мекленбургского, составленный из 17-й дивизии и 2-й ландверной дивизии, причем обе составные части его были тотчас же разъединены и уже более не соединялись. В течение дальнейшей кампании, когда 2-я ландверная дивизия была заменена 22-й дивизией [1], 13-й корпус также никогда не функционировал в качестве живого тактического организма подобно остальным корпусам. Вердер должен был вести 14-й корпус в район Верхней Марны и Сены в Шомон, Шатильон, Труа и произвести внезапное нападение на крепость Лангр. В случае удачи этого предприятия, а также если бы 4-й прусской резервной дивизии, стоявшей наготове в Брейсгау, удалось овладеть крепостями Шлетштадт, Нейбрейзах и Бельфор, произошло бы значительное расширение базиса немцев под Парижем, ибо названные крепости запирали железную дорогу, которая от Страсбурга вела через Бургундию в Париж, не соприкасаясь с Марнской дорогой. Третьим рельсовым путем, шедшим севернее Марнской дороги широкой дугой на Париж (от границы до Меца он совпадал с дорогой Марна — Мозель — Саар), Мольтке пока не мог воспользоваться. Во всяком случае, из крепостей, запиравших этот путь, Седан и Лан уже находились в руках немцев, атака на Суассон предстояла в ближайшее время, но для взятия Мезьера, Диденгофена и Монмеди (Маасская армия при движении к Парижу тщетно выпустила по последнему 4 000 гранат из своих полевых батарей) недоставало нужных пехотных сил, хотя теперь против всего лишь 2 французских корпусов стояло 18 германских, не говоря уже о германских этапных войсках [2].

На фронте немцев под Парижем до прибытия подтянутых от Страсбурга подкреплений приходилось менее 2 ружей на 1 *м*, чем французы и воспользовались, произведя 30 сентября вторую вылазку. На этот раз она последовала не из юго-западной, а из юго-восточной части Парижа и была направлена против 6-го корпуса, стоявшего близ левого берега Сены. Французы наступали 3 колоннами. Это были обе дивизии 13-го корпуса, лучшего из бывших еще в распоряжении Франции, который занимал южный вал. При ничтожном числе бойцов, выдвинутых в поле с французской стороны, это наступление еще меньше, чем вылазка при Шатильоне, могло повести к поражению блокадной армии. Но в моральном отношении ущерб, полученный

[1] См. ниже, стр. 244.

[2] Этот подсчет неверен. Определяя все силы немцев в 18 корпусов, автор считает в том числе и армию принца Фридриха Карла, блокировавшую Мец. Для французов же он почему-то отбрасывает 5 корпусов Базена, находившихся в Меце. Таким образом, до капитуляции Меца, происшедшей только 27 октября, у французов нужно считать 7 корпусов.— *Ред.*

19 сентября, был заглажен 30 сентября, причем храбрые и в то же время безнадежные фронтальные атаки на Шевильи и другие пункты обошлись французам около 15% их состава. Одна из трех введенных в дело бригад Винуа потеряла даже 25%. В общем, молодые, тактически необученные войска оставили на поле 2 200 чел. Немцы, благодаря своей боевой опытности, потеряли в 3-часовом бою 400 чел. Мольтке ожидал, что бои у Шатильона и Шевильи окажут влияние на политическое положение в Париже, где временное правительство вынуждено было бороться с оппозицией снизу. Мольтке предполагал, что вскоре в Париже настанет голод и что если к этому присоединится атака немцев на укрепления, то среди осажденных начнется анархия, которая сделает их беззащитными. Еще во время марша от Седана к Парижу прусскому военному министерству было приказано приготовить артиллерийский парк. На другой день после капитуляции Туля, которая открыла движение по железной дороге, 24 сентября началась перевозка этого парка. Она могла производиться не до высот у Шатильона, а лишь до Нантейля на Марне, где французы взорвали железнодорожный тоннель. Оттуда до Виллакублэ, назначенного местом стоянки парка, нужно было пройти около 70 *км*, считая по прямой. Парк состоял из 285 повозок с таким количеством боевых припасов, чтобы можно было производить стрельбу в течение 20 дней безостановочно. Боевые припасы были разделены на две равные части, и первая, вместе со всеми орудиями, была доставлена в Нантейль к 21 октября. Для этого понадобились 22 поезда, каждый в среднем в 80 осей.

Этот огромный транспорт вызвал серьезное расстройство движения на Марнской дороге, которая и без того работала плохо. Предписанная 29 сентября по телеграфу железнодорожная перевозка гвардейского ландвера из Страсбурга в Нантейль была окончена только 19 октября, заняв 20 дней, тогда как при походном движении можно было пройти это расстояние в 22 перехода. Когда Мольтке потребовал от прусского министра торговли, которому в то время подчинялись железные дороги, умеренной для двухколейной линии пропускной способности в 12—15 поездов в каждом направлении, то ему ответили, что это невозможно, так как к западу от Туля, ввиду угрожающей опасности, нельзя ехать в темноте. Через несколько дней после этой переписки, происходившей между Версалем (куда переселился Мольтке вместе с главной квартирой короля) и Берлином, рано утром 11 октября западнее Эпернэ, вследствие злонамеренного снятия рельсов, потерпел крушение почтовый поезд Нантейль — Вейсенбург.

Хотя франктиреры больше уже не могли серьезно угрожать снабжению армии, блокировавшей Париж, однако, повстанческое движение в обширном районе вокруг столицы принимало все бóльшие размеры. Это находилось в связи с тем, что на Луаре постепенно сформировался 15-й французский корпус. Когда 24 сентября, в день капитуляции Туля, 4-я немецкая кавалерийская дивизия приблизилась к Орлеану, то из 15-го корпуса были готовы к действию 13 000 чел. пехоты; вокруг этого ядра до конца первой недели октября кристаллизовались столь большие массы, что все вместе это составило 70 000 чел., в том числе одна кавалерийская дивизия из 3 бригад. Для Франции, бедной верховыми лошадьми, было особенно трудно быстро создать кавалерию, но на практике этот недостаток проявил себя не столь остро. Правда, в то время, когда еще не существовало

самолетов, казалось, будто кавалерия является единственным возможным средством разведки. Но вскоре выяснилось, что недостаток ее в значительной мере восполняют партизаны, как носящие, так и не носящие мундира. Непригодные для правильного боя они могли доставлять своим генералам ценные сведения о движениях немцев. Если это обстоятельство, в пределах возможности, и шло на пользу французам, то оно, конечно, никоим образом, не могло уравновесить организационных недочетов новой армии. Уже тот факт, что французы включили в один корпус 70 000 чел., показывает, насколько они нуждались в генералах, штабах, офицерах, в артиллерии и еще более в обозах, вообще решительно во всем. Французы имели лишь массы людей, и эти массы имели ружья, которыми их снабжали Соединенные Штаты Америки и Англия, нарушая свой нейтралитет. Перед французскими силами всех родов войск командир 4-й кавалерийской дивизии принц Альбрехт, которого мы знаем по сражению при Верте, отошел к северу вдоль дороги Орлеан — Париж. Мольтке не мог оставить в покое командира 15-го корпуса Де-ля-Мот-Руж, тем более, что у Нантейля теперь собирался артиллерийский парк, который, кроме того, был обстрелян отрядами франктиреров в лесу у Фонтенебло и близ Ножана в районе Сены. Ножан был также гнездом мобилей, между которыми и обмундированными франктирерами, вследствие необученности и недисциплинированности первых, граница была расплывчатая. Вюртембергская дивизия послала со своей позиции перед Парижем небольшой отряд против Ножана, где мобили, малопригодные к бою, в открытом поле так стойко выдержали уличный бой, что потеряли 600 чел. убитыми и ранеными.

Не только тут к юго-востоку, но также к западу и северу от Парижа малая война приняла угрожающие размеры. Маасская армия, блокировавшая Париж с северной стороны, выдвинула 11 батальонов и 12-ю кавалерийскую дивизию в Мондидье и Бретейль, в район между Парижем и Амьеном. Это вызвало чувствительное ослабление блокадной линии, но отнюдь не привело к окончательному очищению тыла Маасской армии, так как отряды мобилей и франктиреров все вновь пополнялись из отличного опорного пункта — Амьена. Поддержкой всего народного движения являлся 15-й корпус. Вследствие этого Мольтке, только что радовавшийся прибытию гвардейской ландверной дивизии, которая могла составить резерв блокадной армии, теперь был вынужден выделить против Орлеана 22-ю дивизию 11-го корпуса, 1-й баварский корпус и одну кавалерийскую дивизию. Всеми этими войсками, к которым еще присоединилась кавалерийская дивизия принца Альбрехта, командовал ген. фон-дер-Танн. В 3 германских пехотных дивизиях могло быть около 20 000 штыков; пригодная для действий французская пехота едва ли имела бо́льшую силу. Что касается вспомогательных войск, особенно артиллерии, то французы были слабее немцев. В результате, 10 октября французы проиграли бой у Артенэ, который лежит на дороге Орлеан — Париж. Их отступление на Орлеан имело характер бегства; немцы взяли 800—900 пленных, 4 орудия и палаточный лагерь; их потери равнялись лишь $^1/_5$ потерь противника. На следующий день взятие Орлеана стоило немцам дороже, несмотря на то, что Ля-Мот-Руж, уже решив отойти за Луару, давал только арьергардные бои. Его пехота, которая в поле выказала малую стойкость, обороняла Орлеан и, особенно,

селения впереди города не менее храбро, чем мобили Ножана против вюртембержцев. Бой продолжался с 9 час. утра до 7 час. вечера. Уже в сражении при Маджента[1] мы видели, что второсортная пехота может достигнуть значительных результатов при обороне населенных пунктов. Кроме того, среди прикрывавших Орлеан 31 батальона с 3 батареями находился иностранный легион. Эта отличная часть потеряла 19 офицеров и 800 нижних чинов, тогда как все потери де-ля-Мот-Ружа убитыми и ранеными составили, в общем, только 1 800 чел.; следовательно, главная заслуга упорного сопротивления принадлежит старым солдатам иностранного легиона, которые были уничтожены. С германской стороны из 900 убитых и раненых почти 400 приходится на одну баварскую бригаду, которая оставила на поле боя около $^1/_8$ своего состава. Так как французы потеряли нераненными пленными столько же, сколько и убитыми и ранеными, то 11 октября, подобно 10-му, обошлось им в четыре раза дороже, чем противнику. Несмотря на это, моральное действие описанных германских побед было лишь относительным, потому что 15-й корпус был хотя и отброшен, но не охвачен. Ген. фон-дер-Танн предполагал произвести такой маневр и направил 22-ю дивизию на Менг ниже Орлеана, чтобы там перейти через Луару и выйти неприятелю в тыл. Но на пересеченной местности плодородной провинции Бос, с ее многочисленными населенными пунктами, фруктовыми садами и виноградниками, пруссаки при упорной обороне французов только медленно подвигались вперед. Баварцы же оставались еще далеко позади, потому что их втянутость в поход, тактическая подвижность и дисциплина огня не улучшилась со времени сражений при Верте и Седане. Как 4 августа и 1 сентября, так и 11 октября успех охвата зависел от одновременной атаки баварцев с фронта, и в продолжение всех этих трех дней атаки велись ими с недостаточной энергией. Фон-дер-Танн, храбрый, но не особенно способный генерал, не смог преодолеть закоренелых недостатков своей пехоты. Это заставило командира 22-й дивизии ген. Виттиха, ожидавшего у Орна подхода 1-го баварского корпуса, приостановить наступление на Менг, что дало ген. Ля-Мот-Ружу возможность вытащить голову из петли. Его преемник Орель-де-Палладин (смена командования произошла вследствие впечатления, произведенного очищением Орлеана на делегацию в Туре) отвел 15-й корпус, сражавшийся у Артенэ и Орлеана, назад за р. Сольдр к большому учебному лагерю Сальбрис, а из остальных бойцов 15-го корпуса в населенных пунктах Блуа и Жин на Луаре был образован 16-й корпус.

Незадолго до этого министр внутренних дел временного правительства республики адвокат Гамбетта на воздушном шаре прилетел из Парижа в Тур, где принял от делегации еще должности военного министра и министра финансов. Если бы этот воздушный шар вместо Тура приземлился в Вецларе, как это случилось с другим шаром, то война, которую все старые военные и вообще вся Франция (до глубин радикальной партии) считали окончательно проигранной и желали ликвидировать, была бы скоро окончена[2], вероятно, на основе оставления Меца за Францией взамен предоставления Германии Люксембурга. В Версале, понятно, не знали организаторских способностей Гамбетты и потому считали достаточным оставить в Орлеане только

[1] Во время австро-франко-сардинской войны 1859 г.— *Ред.*
[2] Автор приписывает чрезмерную роль случаю.— *Ред.*

1-й баварский корпус. 22-ю дивизию с Луары потребовали обратно; она должна была рассеять скопища, которые образовались к юго-западу от Парижа в Шатодене на р. Луарэ и Шартре на р. Эр и приближались на 4 мили к Версалю, главной квартире короля. В Шатодене задача была нетрудная, так как город занимали только 1 800 чел. национальной гвардии и франктиреров, все же энергично защищавшихся. Напротив, Шартр обороняли около 10 000 чел., которые даже производили контратаки; в этом важном центре, кроме мобилей, находилась морская пехота, дававшая шатким формированиям моральную опору. «Видимо, это был ужасный бой, — сказано в дневнике Блюменталя, — и особенно жестокие опустошения производила артиллерия». После того как ген. Виттих со своими 7 000 штыков взял город, 22-я дивизия осталась в нем, чтобы, насколько это было возможно при ее незначительных силах, удерживать западную часть Северной Франции. Следовательно, после того как 1-й баварский корпус был выдвинут к Орлеану, а 11 батальонов Маасской армии к Мондидье и Бретейлю, 70 000 *м* блокадной линии под Парижем были уже заняты не 140 000, а лишь 115 000 ружей, а между тем вокруг столицы обмундированные и необмундированные франктиреры, национальные гвардейцы и мобили шевелились больше, чем прежде. Трошю воспользовался ослаблением блокадных линий для различных действий наступательного характера. Как 19 сентября корпус Дюкро, так 13 октября корпус Винуа пытались овладеть высотами у Шатильона, которые должны были служить исходным пунктом для осады Парижа. Бой шел, главным образом, за деревню Банье, расположенную к юго-востоку от Шатильона, причем атаке подвергся 2-й баварский корпус. Винуа усилил 13-й корпус 6 батальонами мобилей, так что 7 бригад французов[1] действовали против 4 баварских бригад, правда, хорошо укрепившихся. Плечом к плечу с полевыми войсками мобили дрались недурно. Несмотря на это, фронтальные атаки французов, продолжавшиеся с 9 час. утра до 3 час. пополудни и обошедшиеся каждой стороне в несколько сот человек, остались безрезультатными, и 13-й корпус отступил. Еще менее достаточные силы атаковали 21 октября к западу от Парижа, в излучине Сены, Мальмезон. Здесь против 10 000 французских штыков с 16 батареями защищалась одна дивизия 5-го корпуса, которой от Сен-Жермена оказал помощь гвардейский ландвер, всего немного более 6 000 чел. и лишь с 2 батареями. Но уже после боя, продолжавшегося только с 3 до 6 час. вечера, Дюкро (14-й корпус) должен был начать отступление. Все же 21 октября не повторились те позорные сцены, которые характеризовали наступление этого войскового соединения 19 сентября. Зуавы также сражались не без храбрости, и один батальон мобилей выказал готовность прикрыть отступление других войск коротким контрударом. Таким образом, за четыре недели блокады Парижа французские войска качественно усилились, тогда как блокадная армия количественно не осталась на прежней высоте.

На севере Парижа французы также проявили активность, причем рано утром 28 октября «франктиреры прессы» (francs-tireurs de la presse), один батальон мобилей и два батальона регулярных войск взяли деревню Ле-Бурже, которую защищала всего одна рота прус-

[1] Напомним, что французский корпус состоял большей частью из 3 пехотных дивизий, т. е. из 6 бригад.

ской гвардии. «Франктиреры прессы» отличались от других франктиреров, являвшихся наиболее успешными носителями малой войны. Эти другие франктиреры осуществляли свою главную деятельность, не имея никаких отличительных военных знаков. Наоборот, первые, как и народные ополчения в провинции, нередко также называвшие себя франктирерами, были обмундированы, и именно у этих отрядов можно было встретить самые странные и фантастические формы одежды. К обмундированным франктирерам переходили те мобили, которым дисциплина в их частях казалась все еще слишком строгой, потому что учрежденные маршалом Ниэлем мобили за время своего очень еще молодого существования все-таки приобрели некоторое чувство авторитета.

Разумеется, не столько под нажимом франктиреров прессы, сколько вследствие невозможности оказать наступающим 3 батальонам длительное сопротивление, прусская рота очистила Ле-Бурже. Французы атаковали деревню, так как она казалась удобным исходным пунктом для будущих вылазок; по той же причине кронпринц Саксонский счел нужным взять ее обратно. После того как 29 октября в продолжение нескольких часов 5 батарей обстреливали деревню, не успев выгнать оттуда французов, на 30 октября был назначен штурм. В 8 час. 30 мин. утра 9 батальонов прусской гвардии атаковали Ле-Бурже, занятое 8 батальонами. Так же, как в Ножане, Орлеане и Шартре, французы оборонялись упорно и очистили позицию только после 12 час., потеряв треть своего состава — 2 000 чел., из которых, правда, 1 200 чел. нераненых пленных. Потери пруссаков составляли лишь четверть французских — 500 чел., но если принять в расчет, что из них 263 чел. приходятся на полк Елизаветы (пожалуй, 15—20% тогдашнего состава этого полка), то станет ясно, что французы не даром уступили свою добычу. Много чувствительнее, чем потеря рядового состава, оказалось для этого прусского полка то, что 19 офицеров, следовательно, около трети нормального состава, были ранены. Потери елизаветинцев у Ле-Бурже 30 октября в офицерах и рядовом составе были точно такие же, как при Гравелоте 18 августа [1]. За шесть недель, протекших со времени бегства зуавов у Шатильона, Трошю не без успеха организовал свои молодые войска. Если тогда он имел 75 полевых батальонов, то теперь, когда ему удалось часть мобилей, до некоторой степени обученных и дисциплинированных, слить в особых батальонах с полевыми войсками, он располагал 121 батальоном. Это был эквивалент 3 корпусов [2], в то время как блокадная армия насчитывала 7½ корпусов, или, переводя это число на число штыков, Трошю имел 70 000 против 115 000 германских [3]. Но последние были растянуты на своей позиции, окружавшей

[1] Ср. стр. 173.

[2] Считая в корпусах по 3 дивизии.

[3] При описании боев немцев с французской армией Наполеона III я считал силу корпуса у обоих противников одинаковой, хотя у немцев всегда две, а у французов, в среднем, три пехотные дивизии составляли корпус. Но тогда французский батальон был гораздо слабее германского.

В войне против Французской республики германский батальон был, конечно, не сильнее французского, потому что германское пополнение только частью покрывало убыль от боев и болезней. Поэтому при расчетах, относящихся к периоду войны против республики, я считаю одну германскую пехотную дивизию столь же сильной, как и французскую, а один французский корпус (по большей части 3-дивизионный) в полтора раза сильнее немецкого.

гигантский город, более чем на три перехода, тогда как губернатор Парижа имел возможность выбрать место для вылазки и сражения.

Около 1 ноября Трошю придал вооруженным силам в Париже ту организацию, которую они сохранили до конца осады. Были образованы три армии. 1-й армией была названа прежняя национальная гвардия. Предоставление этим силам первого места в общей организации было актом почтения к демократии. Впрочем, Трошю уже потому должен был остаться при мнении о непригодности этих 343 000 чел., что он не мог найти хоть сколько-нибудь подходящих начальников для частей национальной гвардии крупнее батальона. Трошю стремился использовать ее в качестве полицейских войск, чтобы держать в узде левые революционные элементы. Национальная гвардия могла приобрести и военное значение.

Наоборот, 3-я армия, хотя она столь же мало, как и 1-я, предназначалась для действий в поле, должна была играть важную военную роль. На ней лежала защита укреплений, когда 2-я армия выступит из Парижа с целью дать сражение. 3-я и 2-я армии состояли каждая из 8 дивизий. Из 96 батальонов 3-й армии 42 батальона составляли мобили; остальное было сформировано из упоминавшихся выше категорий государственных служащих с предварительной военной подготовкой, как-то: таможенных служащих и лесничих, и к этому прибавлена полевая дивизия. Командующим 3-й армии был Винуа; 2-й армией, т. е. наступательными силами, командовал Дюкро. Из входивших в ее состав 17 бригад (13-й и 14-й корпуса, как таковые, были расформированы) 11 принадлежали к чисто полевым, 2 были смешанные из полевых войск и мобилей, 4 — исключительно мобили. Стратегия французов основывалась на идее, что одновременно с вылазкой из Парижа 3 корпусов Дюкро [1] Луарская армия с юга и силы, собранные у Амьена, должны были наступать против блокадной армии. Для этого требовалось соглашение между парижскими властями и турской делегацией. Блокада не могла этому помешать. Правда, дней через 14 после установления блокады в Сене был выловлен кабель, связывавший Париж с Руаном, но другие вспомогательные средства того времени — воздушные шары и почтовые голуби — функционировали довольно хорошо. За 132 дня блокады в Париж прибыли 304 почтовых голубя и 57 воздушных шаров; 59 почтовых голубей улетели обратно, 5 шаров попали в руки немцев, 2 шара упали в море.

Когда после австро-прусской войны 1866 г. Наполеон III хотел ввести всеобщую воинскую повинность, то эта мудрая предупредительная мера не могла быть осуществлена вследствие противодействия общественного мнения. Теперь, когда одна регулярная армия Франции была уже взята в плен под Седаном, а другая находилась в Меце в железных объятиях противника, Гамбетта смог, не встречая оппозиции, вооружить весь народ. Республиканское правительство призывало народ еще раньше, и он выражал свою готовность, но только Гамбетта в Туре превратил в факт призыв всех способных носить оружие французов. Раньше, пока власть была в руках профессиональных военных, господствовала мысль, что с совершенно необученными рекрутами, без кадров, офицеров, орудий, лошадей, обоза, все равно ничего нельзя предпринять. Гамбетта, поддержанный своим

[1] Здесь у автора неувязка: только что было сказано, что корпуса расформированы.— *Ред.*

помощником Фрейсинэ, наперекор всем этим основательным сомнениям настоял на том, что нужно действовать согласно принципу «Damn' the consequences!» (да будут прокляты последствия). При назначении революционным правительством Жореса, капитана линейного корабля, дяди социалистического вождя, командиром корпуса было сказано: «Из мобилизованных [1], которых можно будет собрать, вы должны образовать под своим командованием корпус из 3 дивизий, 40—50 тыс. чел., под названием 21-й корпус. Вы должны сами сформировать артиллерию... и нормальное количество кавалерии. Если это вам не удастся, то мы попробуем вам помочь. Для сбора материальной части и личного состава вашего корпуса мы даем вам все нужные полномочия для производства реквизиций в департаментах (названы 8 департаментов). Итак спешите; формируйте сами свои кадры. Если вам нужны некоторые офицеры, то мы вам их дадим, но лучше попытайтесь обойтись своими средствами и скорее привести на фронт настоящую армию, из всех остатков, имеющихся у вас под рукой, и при помощи созданных вами же вспомогательных источников».

Мы видели 13-й и 14-й корпуса в Париже, 15-й и 16-й — на Луаре, где начали формироваться также 17-й, 18-й и даже 20-й корпуса. Жорес сформировал 21-й корпус, примыкавший к Луарской армии (или, как Мольтке пренебрежительно выражался, «так называемой» Луарской армии) и базировавшийся на Ле-Ман, следовательно, к юго-западу от Парижа. Между ним и блокадной армией стояла 22-я германская дивизия в Шартре, тогда как 1-й баварский корпус составлял заслон против Орель-де-Палладина. 11 батальонов Маасской армии, находясь у Мондидье и Бретейля, имели против себя в Нормандии ген. Бриана и в Пикардии Бурбаки [2]. Гамбетта настаивал на том, чтобы в течение шести недель в северо-западной Франции были во что бы то ни стало сформированы 19-й, 22-й и 23-й корпуса. К юго-востоку от Парижа, в Бургундии, создание дальнейших корпусов, под сильным влиянием Гамбетты, тоже делало успехи, хотя тут власть турской делегации была ограничена, так как на ратуше города Лиона, в котором была база бургундских вооруженных формирований, рядом с трехцветным знаменем развевался красный флаг. Припомним, что после падения Страсбурга 14-й немецкий корпус должен был двигаться к Верхней Марне и Сене, атаковать Лангр и подавить восстание франктиреров, которое распространилось на Шампань и угрожало как Марнской дороге, так и собранному у Нантейля артиллерийскому парку. Однако, Мольтке приказал Вердеру, который пересек Вогезы по трем горным проходам севернее и южнее Страсбурга и достиг

[1] Мобилизованные отличаются от мобилей тем, что вторые существовали уже при империи, хотя только на бумаге. С началом войны парламентские препятствия, которые до тех пор задерживали призыв мобилей, отпали или, по крайней мере, отошли на задний план. Вследствие этого мобили должны были бы обладать лучшей военной подготовкой, чем только что (после Седана) мобилизованные. Однако, эти различия между мобилями, мобилизованными, национальными гвардейцами, вольными отрядами, обмундированными и необмундированными франктирерами и т. д. больше теоретические, на практике же все было rudis indigestaque moles (хаос). В армиях республики настоящими войсками были только маршевые полки сухопутной армии и флота и полки, например иностранный легион, переброшенные после Седана из Алжира с риском вызвать там восстание магометан.

[2] О том, как этот последний попал из Меца в Амьен, будет рассказано ниже.

Эпиналя в Лотарингии, изменить западное направление на южное, двигаясь не на Лангр, а на Безансон, так как у этой крепости скапливались значительные силы французов. Вердер опасался удалиться на такое расстояние от своих магазинов в Лотарингии, но Мольтке, в надежде на качественную слабость противника, побуждал его итти вперед словами: «Можно обойтись без базы и железных дорог». Безостановочным движением под самые пушки Безансона Мольтке надеялся покончить с французской восточной армией уже при ее возникновении. Начальник германского генерального штаба и все другие генералы держались того мнения, что ни одна из импровизированных турским правительством армий не будет пригодна для крупных операций; с этим не соглашался только король, обычно настроенный пессимистически. Принц Фридрих Карл по природе тоже не был оптимистом, но все же он написал кронпринцу Прусскому ко дню его рождения — 18 октября: «С этими бандами, остающимися еще в распоряжении Франции, мы покончим в такое же короткое время, какое нам понадобится для маршей к южной и восточным границам Франции». Под восточными границами принц подразумевал Лион и т. д. В своем ответе кронпринц говорит об усилении войск под Парижем за счет 2-й германской армии после капитуляции Меца и о том, что эти подкрепления можно будет применить с пользой против «булавочных уколов франктиреров и, иногда, остатков войск».

Если в Версале, где были расположены рядом главные квартиры кронпринца и короля, уже более не опасались серьезных контрударов, то там все-таки, ввиду изменившейся обстановки, допускали возможность, что в дальнейшем блокадной армии в 115 000 штыков будет недостаточно. Тем с большим удовлетворением Мольтке прочел письмо Гебена, командовавшего, как нам известно, под Мецом 8-м корпусом. Гебен писал 9 октября, почти за три недели до капитуляции Меца, что, по его мнению, здесь можно обойтись без двух корпусов, послав их к Парижу или на Луару. Мольтке ответил, что он только неохотно стал бы брать войска из армии, блокирующей Мец, так как после «Седанской катастрофы» сдача Меца будет, собственно говоря, означать решительный поворот всей войны. Прорыв Рейнской армии представляет большую опасность, чем если бы гораздо худшая Парижская армия разорвала цепь обложения. После того как Мольтке высказался, что при альтернативе: кого уничтожить — Базена или Дюкро, он предпочтет уничтожить первого, он все же продолжал: «Наконец, мы должны вскоре сломить сопротивление, организуемое в Амьене и Руане. Правда, все эти импровизированные армии не имеют внутренней спайки, но все же необходимо выслать против них целые войсковые части, и, следовательно, мы вскоре будем вынуждены прибегнуть к помощи сил, находящихся на Мозеле; при такой перспективе ваша оценка тамошней обстановки меня очень успокаивает. Конечно, было бы весьма желательно..., чтобы кризис в Меце наступил раньше».

Итак Мольтке, хотя и неохотно, остановился на мысли ослабить армию Фридриха Карла раньше, чем она возьмет в плен Рейнскую армию. В результате малой войны этапные пути армии, стоявшей под Парижем, становились все менее обеспеченными. После того как прусский ландвер с осадным парком появился перед Суассоном и многодневный сильный артиллерийский бой обеспечил атакующему огневое превосходство, крепость капитулировала 15 октября. Подъездная

дорога к рельсовому пути по долине Марны, которую запирал Суассон, была важна для снабжения Маасской армии [1], потому что при нахождении этой крепости в руках французов поезда с продовольствием доходили по Марнской дороге до Шато-Тьери, откуда грузы подвозились к войскам кронпринца Саксонского уже на повозках. Но едва успели поднять над цитаделью Суассона черно-белый флаг, как у Вьера взлетел на воздух тоннель, отчего дорога между Суассоном и Виллер-Котрэ сделалась непроходимой на участке в 22 *км*. Вслед за взятием Суассона великий герцог Мекленбургский хотел осадить Мезьер. После Седанского сражения германское верховное командование согласилось заключить с комендантом этой крепости перемирие для вывоза по железной дороге германских и французских раненых из Седана и его окрестностей. От Седана шли две железнодорожных линии. Одна вела через занятые еще французами крепости Монмеди и Диденгофен в Мец, и, следовательно, не могла приниматься в расчет; другая направлялась к Мезьеру и далее через Ретель и Реймс к Эпернэ на Мозель-Марнской дороге. За согласие на перемирие комендант Мезьера разрешил иоаннитам [2] проводить транспорты раненых через Мезьер. Воспользовавшись этим как маскировкой, прошли через Мезьер также и захваченные немцами под Седаном локомотивы; они направлялись в Реймс, который был не только пунктом, где сосредоточивались военные госпитали, но вместе с тем и германским этапным пунктом первого разряда. Германские военные власти крайне нуждались в усилении своего подвижного состава на Марн-Мозельской дороге, и им, кажется, удалось всю эту драгоценную добычу обманным образом протащить под пушками Мезьера, пока комендант крепости в начале октября не отказался от перемирия.

Теперь великий герцог Мекленбургский приказал перевезти свою тяжелую артиллерию через Реймс и Ретель к Мезьеру. Однако, в Аргоннском лесу, который известен нам по захождению 3-й армии вправо против Мак-Магона, значительно развилась деятельность франктиреров. На перегоне Суассон — Мезьер восставшее население устроило крушение поезда, в результате чего закончилась перевозка артиллерийского парка, так как, пока 1-я и 2-я армии были прикованы к Мецу, в распоряжении немцев не было пехоты для умиротворения Аргонн. Немцы имели в поле 43 дивизии и, сверх того, этапные войска, тогда как неприятель в Меце, Париже и на Луаре располагал полевыми армиями силою в 31 дивизию. Характерно, что во все периоды этой войны германские армии качественно и количественно намного превосходили французские, и, тем не менее, войск для одержания победы хватало лишь в обрез.

Я упоминал уже выше, что французская Луарская армия, противостоявшая 1-му баварскому корпусу у Орлеана и 22-й дивизии у Шартра, могла восполнить недостаток в кавалерии услугами франктиреров. Тот факт, что обученные артиллеристы частью были отвезены в Германию, частью же находились в Меце, также не особенно тормозил формирование новых армий. Кунц говорит: «Сноровистых мастеровых, годных в артиллеристы, везде много». Иначе обстояло дело с материальной частью артиллерии и обозом. Тут встречались очень большие препятствия для разрешения задач Гамбетты и Фрейсинэ,

[1] Ср. стр. 242.

[2] Иоанниты — прусская организация (в прошлом рыцарский орден), задачей которой с 1852 г. был уход за больными. — *Ред.*

и начальник германского генерального штаба хотел их еще более увеличить. Мольтке написал 12 октября Блюменталю: «Центром артиллерийского вооружения так называемой Луарской армии является Бурж, куда направлены многие артиллерийские депо с их мастерскими и где, кроме того, находятся главный орудийный завод, центральная пиротехническая лаборатория, фабрика патронных гильз и значительные запасы пороху. Единственное оставшееся еще в распоряжении французов обозное депо расположено в Шатору. Возможно, что после быстрого успеха у Артенэ достаточно будет короткого наступления за Орлеан, чтобы заставить образовавшееся в Туре правительство перенести свое местопребывание на юг. Но тогда ничто не может столь решительно воспрепятствовать организации армии за Луарой, как операция наших войск против Буржа и Шатору для основательного разрушения находящихся там учреждений и уничтожения запасов». Так писал Мольтке под впечатлением удачных боев у Артенэ и перед Орлеаном. Одержавшие эти успехи 1-й баварский корпус и 22-я дивизия должны были итти против арсеналов Луарской армии с севера; 14-й же корпус, предварительно отбросив французскую Вогезскую армию до Безансона и произведя внезапное нападение на Лангр, был направлен против тех же арсеналов с востока. Впрочем, Мольтке едва ли имел в виду совместные действия фон-дер-Танна и Вердера, потому что второму нужно было пройти гораздо большее расстояние. Очевидно, Вердер должен был произвести удар против неприятельских артиллерийских мастерских и обозных депо только в том случае, если баварцы и 22-я дивизия не успеют раньше наложить свою руку на Бурж и Шатору. Последнего не произошло, так как беспокойство, вызванное образованием 21-го корпуса[1] между Ле-Маном и Парижем, потребовало выступления 22-й дивизии в Шатодэн и Шартр. Фон-дер-Танн, который в боях перед Орлеаном еще раз убедился в том, что его войска не могут равняться с прусскими, не решался один с 1-м баварским корпусом углубиться на пять — шесть переходов в страну к югу от Луары. Блюменталь глубоко сожалел, что фон-дер-Танн не мог принять этого решения; однако, Мольтке, который в Версале не наблюдал непосредственно обстановку у Орлеана, не счел нужным толкать вперед баварского генерала. Видимо, эта сдержанность была весьма обдуманная. Во время похода в Бурж и Шатору баварцы наверняка натолкнулись бы у учебного лагеря Сальбрис или у Вьерзон-Виля на все силы, которые французы могли выставить для защиты арсеналов; между тем, прусские военные деятели давно уже говорили, и баварцы в глубине души, вероятно, с ними соглашались, что баварские войска могли достигать значительных результатов, лишь действуя плечом к плечу с прусскими.

Так как вооружения и партизанские действия противника нельзя было затормозить, то все более приближался неприятный момент, когда Мольтке не мог обойтись без выделения корпусов из армии, блокировавшей Мец. В своей переписке с главной квартирой 2-й армии он еще не затрагивал этого вопроса, потому что считал пока возможным выдержать давление французской провинции. Выбирая слова с тем знанием людей, которому мы уже часто удивлялись, он написал 9 октября (в день Артенэ) Штиле: «Военная история оценит стойкость и осмотрительность, с которыми ваш принц укрощает тигра,

[1] Тогда еще не Жоресом, который вступил в командование позже.

содержимого им в клетке». Затем автор письма коснулся заблуждений, в которые он впал, определяя продолжительность сопротивления французов в Меце и Париже: «Горькую чашу ожидания, которую вы, вероятно, скоро осушите, и нам также придется попробовать». Когда Штиле получил эти слова утешения, немцы уже стояли от семи до восьми недель под Мецом. Я рассказывал о двух операциях Базена, которые он за это время предпринял. Обе эти операции не были вылазками с целью выиграть сражение у осаждающего. Напротив, смысл бескровной демонстрации 26 августа, как и атаки у Нуасвиля 31 августа, был лишь тот, что Базен хотел для косвенной поддержки Мак-Магона связать все силы Фридриха Карла под Мецом [1]. Блокадная линия под Мецом была несколько короче, чем под Парижем. Если Мольтке определяет длину линии вокруг Парижа в 11 миль, то дневник принца Фридриха Карла исчисляет длину линии вокруг Меца только в 8—10 миль. Под Парижем стояли 115 000 чел. пехоты, под Мецом осаждающий мог располагать 100 000 штыков. Несмотря на это задача Фридриха Карла была труднее, чем задача кронпринцев Прусского и Саксонского. Последние окружали неприятеля, который располагал лишь 70 000 чел. полевой пехоты. Можно также сказать, что название полевой армии было придано этим войскам без достаточного основания. В Меце же находилась первосортная пехота численностью в 100 000 чел. боевого состава. После Гравелота, когда началась блокада Базена с его 5 корпусами, Фридрих Карл распределил свои силы так, что 6 корпусов стали на левом и только полтора корпуса на правом берегу Мозеля. Первая линия блокадной армии была опасно тонка, причем сначала нельзя было придвинуть к ней резервы, потому что поля сражений при Вионвиле и Гравелоте выделяли ужасные миазмы. Тысячи людей были ежедневно заняты погребением убитых, но при каменистой почве дело подвигалось вперед медленно. Хотели сжечь гниющие трупы, но нельзя было достать повозки, чтобы свезти их в кучи. Могильщики от отвращения не могли есть. Местность на левом берегу Мозеля представляла особенно большие препятствия для выступления Рейнской армии [2], но зато в случае удачи она выводила в тыл германским армиям, шедшим на Париж. Вследствие этого командование 2-й армии держалось указанной схемы разделения сил со времени сражения при Гравелоте (18 августа) до 18 сентября. Затем уменьшили число поставленных на левом берегу корпусов до 4 и увеличили силы на правом берегу Мозеля до 3½ корпусов. Командование 2-й армией полагало тогда, что ему нужно подготовиться на случай попытки Базена выступить правее Мозеля на юг между Страсбургом и Тулем, которые находились еще в руках французов. Во всяком случае, Фридрих Карл не думал, что Рейнской армии удастся на этом или на каком-либо другом пути оторваться от него. Напротив принц был твердо убежден, что «если Базен где-нибудь... прорвется..., то вторая половина его войск будет отрезана, так как ему не позволят из боевого порядка перейти в походный... Так как противнику нельзя иметь при себе обозы, то на второй или на третий день даст себя чувствовать недостаток боевых припасов» [3].

После капитуляции Туля 23 сентября и Страсбурга 27-го в главной квартире Фридриха Карла, которая в связи с упомянутым пере-

[1] Ср. выше, стр. 184 и 218.
[2] Ср. стр. 221.
[3] Ср. стр. 181.

мещением войск была перенесена из Донкура в Корни — с левого на правый берег реки, уже более не верили в прорыв французов на юг. Несмотря на это, центр тяжести блокадной армии, который до 18 сентября находился на левом берегу, а с этого числа колебался между обоими берегами, около 1 октября был передвинут на правый берег. Здесь стояли теперь 5 корпусов, а на левом берегу — 2½ [1]. Своим новым расположением немцы хотели предотвратить возможность того, что Рейнская армия сделает вылазку по направлению к Люксембургу и Бельгии. Тут Рейнская армия могла опереться на Диденгофен, как раньше Шалонская армия — на Седан. Считалось невероятным, чтобы Рейнская армия дала себя разоружить на люксембургской и бельгийской территории, как в конце войны Вогезская армия — на швейцарской территории. Наоборот, допускалось, что Базен попробует по нейтральной территории достигнуть французских крепостей Мезьера и Рокруа, как Мольтке этого ожидал от Мак-Магона вечером накануне боя при Бомоне. Однако, Базен ничего не сделал на правом берегу Мозеля. В течение всей осады маршал, поскольку он вообще шевелился, следовал принципу наступать против слабейшей части разделенного рекою противника. Демонстрация 26 августа и наступление 31-го произошли на правом берегу, где тогда стояли только 1-й корпус и 3-я резервная дивизия. 7 октября блокадная армия в третий и последний раз оставила защищавший ее пояс фортов, но теперь уже на левом берегу Мозеля, где она встретила лишь ⅓ сил принца Фридриха Карла. Базен повел вперед половину Рейнской армии — 2½ корпуса. Такое же число германских корпусов стояло на левом берегу. На правом берегу другой французский корпус произвел демонстрацию. Главные силы французов имели при себе транспорт из 400 больших повозок, потому что цель их заключалась не в прорыве, а лишь в фуражировке в крупных размерах в окрестностях Ладоншана. Все же из этого развился ожесточенный бой за замок Ладоншан, в районе которого немцы позволили навязать себе несвойственную их стратегической задаче роль атакующих. Французы, успевшие вывезти значительные запасы продовольствия, дали бой лишь для прикрытия своего отступления. При этом они потеряли 1 200 чел., немцы же 1 700 чел. Два немецких полка, один 9-го и другой 10-го корпуса, понесли убыль около 10% состава, а 3-я резервная дивизия имела в 3 ландверных полках потери в 10%, 25% и почти 30%. Однако, во время осады Меца потери в результате ранений имели малое значение; наибольшее число жертв уносили болезни, особенно свирепствовала дизентерия. С помощью прибывших пополнений Фридрих Карл довел численность своих войск до 197 000 чел., состоявших на довольствии; из них не менее 40 000 чел. лежали в госпиталях; это дает боевую силу (как я указывал выше) едва ли более 100 000 штыков в момент максимального комплектования обеих стоявших под Мецом германских армий. При установившемся между ними и Рейнской армией равенстве в числе пехоты понятно, что Мольтке противился предложению Гебена отозвать корпуса из-под Меца до капитуляции Базена. Правда, немцы сильно укрепились вокруг Меца, и большое число больных отчасти объясняется этими работами, из-за которых ¼ блокадной армии оста-

[1] 3-я резервная дивизия ген. Куммера (ср. стр. 176 и 234), которая до этих пор стояла на правом берегу, перешла тогда, обменявшись местом с другими войсками, на левый берег.

валась без крова. Так как во время боя у Ладоншана немцы уже шесть недель стояли под Мецом и в близком будущем не предвиделся конец сопротивления Рейнской армии, то с наступлением осенней погоды, очевидно, нельзя было ожидать улучшения санитарного состояния в германских войсках.

Если катастрофа Базена и не была еще близка, то, примерно, с 14 октября ее все-таки можно было предвидеть. Число французских солдат, позволявших забирать себя в плен при копке картофеля, увеличивалось в такой мере, что германское командование приказало впредь принимать лишь ограниченное число перебежчиков. От этих людей и из бывших при них газет немцы узнали, что часть городского населения, почувствовав намерение маршала капитулировать, произвела беспорядки. Власти в Меце проявили нерешительность при реквизиции съестных припасов, отчасти вследствие ослабления административного авторитета революцией, отчасти же по той причине, что в Меце, как и в Париже, не имели опыта в этой области. То обстоятельство, что в Меце не было проведено строгое нормирование продовольствия, оказало значительное влияние на ход войны, поскольку каждая лишняя неделя сопротивления Базена повышала качество импровизированных в Туре корпусов. 20 октября властям в Меце пришлось прекратить выдачу провианта войскам. Последние питались теперь зачастую только супом из конины без соли и хлеба. Лошадей имелось еще 18 000. От убоя и болезней это число уменьшалось приблизительно на 1 000 в день. 23 октября комендант крепости официально заявил маршалу, что через несколько дней как он, так и город окажутся не в состоянии доставлять какое-либо продовольствие. Комендант еще раз настойчиво запросил городское управление, нет ли в городе припрятанных продуктов, и получил отрицательный ответ. Моральное разложение у осажденных дошло уже до того, что эти условия и события стали известны противнику. Теперь Мольтке решился перебросить одну дивизию 2-го корпуса от Меца к Парижу. В одном наброске от 23 октября начальник генерального штаба пишет: «В настоящий момент самая настоятельная потребность иметь резерв (по меньшей мере дивизию)... у Парижа, чтобы двинуться против франктиреров, особенно на Тур. Эта дивизия, уже теперь взятая от 2-й армии, могла бы в восемь дней прибыть по железной дороге в район восточнее Парижа». Париж был блокирован 19 сентября; срок, когда блокадная армия, наконец, получила резерв, отодвинулся до 1 ноября. Ввиду предстоявшей сдачи Меца Мольтке изменил также и инструкции, данные ген. Вердеру. Последний не должен был двигаться от Безансона на Бурж (как было приказано раньше), а операцию в западном направлении предоставить 2-й армии. Измененная задача Вердера заключалась в том, чтобы, оперируя в южном направлении, «прикрывать левый фланг 2-й армии и приковывать к своему фронту соответствующие по численности силы противника... Относительно перехода в наступление против более слабых неприятельских отрядов вашему превосходительству не следует колебаться». Последний оборот заключал в себе скрытое порицание. Вердер, хотя и занял Везуль и 30 октября взял штурмом довольно упорно оборонявшийся Дижон, но Мольтке все же вынес впечатление, что этот генерал с 6 октября, т. е. в течение более трех недель, позволял задерживать себя противнику, который по мере того, как медлили атаковать его, становился все сильнее. Если 14-й корпус

был освобожден от наступления против Буржа, то ему все-таки еще оставалась чрезвычайно важная задача — открыть независимое от дороги Марна — Мозель — Саар железнодорожное сообщение Германии с Парижем[1]. Для этого в распоряжении ген. Вердера, кроме 14-го корпуса, были 4-я и 1-я резервные дивизии. В начале октября 4-я резервная дивизия перешла Рейн и около недели спустя обложила (в ней было 15 батальонов со вспомогательными войсками) Нейбрейзах и Шлетштадт. После прибытия 56 тяжелых орудий Шлетштадт подвергся правильной осаде. В ночь с 21 на 22 октября была заложена первая параллель, и после сильного артиллерийского состязания, которое, как и при Суассоне, продолжалось несколько дней, крепость сдалась. Потом парк был перевезен к Нейбрейзаху, который после 19-дневной бомбардировки 10 ноября поднял белый флаг. Вслед за тем 4-я резервная дивизия пошла к Вердеру в Везуль, против которого число французов будто бы постепенно возросло до 90 000. Но генерал очень преувеличивал численность своих противников. Французская Восточная армия могла насчитывать 35 000 штыков, которым 14-й корпус и 4-я резервная дивизия все же могли противопоставить 18 000. 1-я резервная дивизия стояла теперь под Бельфором. Двинутый из Глогау ландвер стал на ее место в Страсбурге.

После того как изнурение голодом продолжалось не две недели, как первоначально определял Мольтке, а целых десять недель, Рейнская армия 27 октября положила оружие. Численность состоявших на довольствии пленных, считая и находящихся в госпиталях, равнялась 173 000 чел.

Фридрих Карл, наблюдая выходивших из Меца французов, не мог, как и командир 8-го корпуса Гебен, понять, почему Базен во главе этих великолепных войск пришел к столь бесславному концу. К Базену, как к полководцу, я еще вернусь, когда буду рассказывать о падении Парижа, и проведу параллель между обороной обеих крепостей. Сейчас я приведу только выдержки из писем командира 10-го корпуса Фойхтс-Реца и командира 2-го корпуса Франзецкого, известных уже нам по сражению у Вионвиля. Фойхтс рассказывает о впечатлении, произведенном на него солдатами корпуса Канробера: «Дефилирование происходило спокойно и в порядке, что указывало на отличную дисциплину войск... У многих старых солдат текли слезы... Я должен сказать, что подобное поведение неприятельской армии делает ей столь же много чести, как и ее храбрость на полях сражений, которая еще раньше приобрела ей уважение наших войск». Франзецкий пишет: «...С 2½ до 7 час. вечера продефилировало около 20 000 чел. (из гвардейского корпуса), по большей части при сильном дожде и по размокшему шоссе. Выправка и все поведение этих войск были образцовы».

Мольтке был теперь в состоянии перебросить к Парижу также и другую дивизию 2-го корпуса. Она прибыла по железной дороге; корпусная артиллерия, кавалерия и обозы следовали походным порядком. Остальные части 2-й армии, а именно — 3-й корпус (Альвенслебен), 2-й корпус (Манштейн) и 10-й корпус (Фойхтс-Рец) в начале ноября двинулись в юго-западном направлении. «При малых переходах и хорошем снабжении», как с тонкой иронией замечает Мольтке

[1] См. выше, стр. 242.

в своей истории этого корпуса, в течение недели достигли Нефшато на Верхнем Маасе, Шомона на Верхней Марне, Шатильона и Труа на Верхней Сене. Мольтке хотел более быстрого движения вперед, но командование 2-й армии не считало возможным это осуществить из-за франктиреров. После того как численность батальонов от понесенных тягот понизилась, в среднем, до 530 чел. и все батальоны завели себе повозки для больных ногами и слабосильных («мы не можем никого оставлять»), обозы стали очень чувствительны к нападениям на них, произведенным из засады.

С выдвижением 2-й армии большой комплекс железных дорог перешел в руки немцев. Мольтке приказал открыть для эксплоатации участок железной дороги Шомон — Блем (Витри-ле-Франсуа), который являлся важным подъездным путем с юга для дороги Марна — Мозель — Саар. Дорога связала бы 2-ю армию с 14-м корпусом, если бы не существовало преграды у Лангра. Верховное командование, находившееся в Версале, приказало 14-му корпусу вступить в соглашение с командованием 3-й армии относительно перерыва французского железнодорожного сообщения между Дижоном и Монтеро и оттуда к югу, вверх по р. Ионне. Мольтке рассчитывал при этом захватить подвижной состав, в котором, как мы видели из германских намерений относительно Мезьера, ощущался сильный недостаток. Ведь это была первая война в истории, когда армия базировалась на железные дороги неприятельской страны. В прусском военном министерстве, а также в генеральном штабе нехватало творческой фантазии, чтобы оценить эту впервые выросшую стратегическую потребность соответственно ее практическому объему. Из вспомогательных задач германской стратегии бесспорно самой важной было — господствовать над всей железнодорожной сетью французов на северо-востоке и использовать ее в собственных военных интересах. Вследствие этого Мольтке приказал 14-му корпусу наложить также руку на железные дороги, ведущие из Лиона в Бургундию. При этом речь шла о двух рельсовых путях: 1) Лион — Шалон-на-Саоне — Дижон и 2) Лион — Безансон, которые были связаны поперечной линией Доль на р. Дуб — Арк-э-Сенан. Вердеру было приказано выдвинуться вперед до Арк-э-Сенана, Доля и Шомона, следовательно, далеко за Безансон, который до сдачи Рейнской армии был указан 14-му корпусу, как самый южный пункт его наступления. Подобно тому как на юге занятие этих трех городов, так на севере взятие крепости Верден имело значение в железнодорожно-стратегическом отношении. Собственно, Верден не был железнодорожной станцией, а дорога, представлявшая восточный подъездной путь линии Марна — Мозель, начиналась в соседнем Домбале. Этот пункт лежит на краю Аргонн, и железная дорога ведет через горы в Шалон-на-Марне. Франктиреры сделали Аргонны столь небезопасными, что из-за них пришлось приостановить перевозку осадного парка из Суассона в Мезьер[1]. Немцы, которые уже с 24 августа стояли под Верденом, только 23 сентября сосредоточили достаточные силы, чтобы обложить крепость ландверно-этапными войсками. 13 октября началась бомбардировка крепости из 52 тяжелых орудий, взятых в Туле и Седане. Немецких позиционных орудий в распоряжении еще не было, потому что в Берлине так же недостаточно подготовились к крепостной войне, как и к желез-

[1] См. выше, стр. 251.

нодорожной. Вследствие этого защитники крепости приобрели огневое превосходство над артиллерией осаждающего; пехота последнего была также настолько слаба, что гарнизон Вердена отважился, например, произвести вылазку только для того, чтобы дать верденским жителям возможность собрать виноград в местности, занятой германским ландвером.

Обстановка изменилась лишь с падением Меца, что освободило не только 2-ю, но также и 1-ю армию. Последняя состояла из 1-го, 7-го и 8-го корпусов[1], и после исчезновения Штейнмеца[2] ею командовал ген. Мантейфель. Направив против Вердена пехоту 8-го корпуса и одновременно доведя осадный парк (при помощи прусской материальной части) до 102 крупных орудий, он заставил крепость капитулировать. Это была необходимая предпосылка для умиротворения Аргонн, через которые Мантейфель с 8-м и 1-м корпусами двинулся в Пикардию и Нормандию, чтобы разбить там 22-й, 23-й и 19-й корпуса раньше, чем они сделались бы оперативно-способными. 7-й корпус остался у Меца отчасти в качестве гарнизона, так как для этой цели еще не имелось в распоряжении ландвера, отчасти же, чтобы начать оттуда осаду Диденгофена и Монмеди. Казалось, что оба других корпуса 1-й армии в короткое время принудят к сдаче Мезьер и Ля-Фер. Германский генеральный штаб имел бы тогда рельсовый путь, который, по крайней мере начиная с Меца, был бы независим от дороги Мозель — Марна. Правда, Мольтке ошибся в предположении, что война окончится в середине октября; но затем, когда французы были ликвидированы в Меце, 1-я армия двинулась на Амьен и Руан, 2-я — на Бурж, а противник в Париже ничего не сделал, кроме вылазок с 10 000—20 000 чел., но начальник германского генерального штаба полагал, что мир все-таки близок. 1 ноября он писал Штиле, что армия под Парижем все еще слишком слаба[3], рассеянные партизанские отряды появляются вновь, ограничивая район снабжения, но так называемая Луарская армия отброшена 1-м баварским корпусом и 22-й дивизией за реку. После этого Мольтке продолжал: «Юг Франции едва ли будет особенно напрягаться для Парижа. Зато вашему левому крылу представляются три пункта, в которых военной Франции могут быть нанесены чувствительные потери: Шалон-на-Саоне, Невер и особенно Бурж, где находятся большие орудийные заводы, производство патронов Шаспо и т. д. Оба других пункта, а именно... Гереньи и Ле-Крезо, скорее морские учреждения, имеющие ценные машины; они лежат немного в стороне, но для выделения отрядов армия достаточно сильна. Главной задачей остается поражение неприятельских сил в открытом поле и скорейшее усиление армии под Парижем, чтобы отсюда можно было выделять войска. Больше уже не встретится надобности для применения 2-й армии в полном составе; одного из ее корпусов достаточно, чтобы преодолеть всякое сопротивление в различных пунктах».

[1] 3-я резервная дивизия была потребована для конвоирования пленных, причем ландвер (ср. стр. 234, примечание 7) тогда отделен.

[2] Ср. стр. 176.

[3] 2-й корпус прибыл к Парижу только 5 ноября.

Глава X

Контрудар у Кулмье (9 ноября 1870 г.). Победы при Бон-ля-Роланде (28 ноября) и Вильере (30 ноября—3 декабря)

Следуя принципу Макиавелли: «Переговоры нужно вести всегда», Бисмарк вступил в тайные сношения со склонным к миру Базеном. Для достижения последней цели от Базена требовались бы в такой же мере качества выдающегося государственного деятеля, как и полководца. Бисмарк хорошо знал, что маршал не был ни тем, ни другим, но начало переговоров между командующим Рейнской армией и канцлером Северогерманского союза стало известным во Франции и, разумеется, отравило моральную атмосферу. Несмотря на это, Бисмарк столь же мало достиг своей цели, как и Базен. Военная партия в Туре и Париже преодолела смущение сердец, вызванное сдачей Рейнской армии. В конце октября вернулся Тьер, объехавший европейские дворы с целью вызвать вмешательство в пользу Франции; он нигде не нашел мужества для такого шага. Тем не менее и это не удержало тогдашнего руководителя Французской республики Гамбетту от продолжения войны. По его мнению, поскольку настроение международной дипломатии, в общем, было сочувственное Франции, в Европе, собственно, только русский царь Александр II был дружественно расположен к Пруссии, — достаточно было лишь нескольких военных неудач Пруссии, чтобы против этой честолюбивой державы создалась коалиция. Турский диктатор надеялся нанести немцам такие контрудары, несмотря на пленение обеих французских армий; он полагал, что чем больше французской территории займут победители, тем чувствительнее они себя ослабят в тех пунктах, где впоследствии должен был бы решиться исход войны.

По расчетам французов, продовольствия в Париже должно было хватить до конца декабря; следовательно, можно было еще отсрочить наступление Луарской армии, чтобы устранить самые острые недостатки ее организации и до некоторой степени обучить levée en masse (поголовное ополчение).

Блюменталь записал в свой дневник: «Фон-дер-Танн опасается быть атакованным в Орлеане, но я этому не верю, противник не мог еще приготовиться». Действительно, Орель-де-Палладин вполне сознавал неполноценность 15-го и 16-го корпусов, которые были готовы сравнительно больше других. Так как обстановка в Париже не вызывала особой поспешности, а марши Фридриха Карла на Бурж и Ле-Крезо и Мантейфеля на Амьен и Руан требовали времени, то Орель-де-Палладин хотел, чтобы Луарская армия сильно укрепилась на позициях и тут встретила 2-ю германскую армию. При отсутствии дисциплины и неспособности к операциям наскоро собранных французских войск, оборонительно-наступательная тактика была самым правильным способом действий. Опыт уже неоднократно показывал, что за укреплениями молодые войска дерутся хорошо. Но Гамбетте был нужен не только успех, но быстрый, немедленный успех, как стимул для внутренней политики. Ведь после неудачной круговой поездки Тьера, поражения при Ле-Бурже и капитуляции Базена в Париже про-

изошло восстание. Правда, правительство удержало власть, и плебисцит в городе подтвердил его полномочия, но за 10% голосов, поданных за крайних левых, чувствовалась значительная сила. Поэтому в начале ноября турская делегация приказала ген. Орель-де-Палладину не медлить более с наступлением.

В главной квартире короля в Версале, благодаря донесениям кавалерии, стал известен поворот в решениях противника. Правда, Мольтке не всегда оценивал положение верно, но он не дал застать себя врасплох. Не веря в наступление «так называемой» Луарской армии для освобождения Парижа, он все-таки подготовился и к этой возможности. Уже тогда, когда пришлось 1-й баварский корпус и 22-ю дивизию отправить для оттеснения французов за Луару, Мольтке, несмотря на удачный бой у Артенэ и занятие Орлеана, приостановил перевозку орудий и снарядов для осады Парижа[1]. В Нантейль прибыло 285 крупных орудий и столько боевых припасов, что можно было в продолжение десяти дней производить непрерывную бомбардировку. Блюменталь, который должен был руководить главной атакой на юге (на Маасскую армию возлагалась вспомогательная атака на севере), просил себе еще 40 орудий. Мольтке во время боя при Артенэ эту просьбу отклонил, но ревностный военный министр Роон уже успел послать 9 орудий и большую часть снарядов.

Однако, по воле начальника генерального штаба распоряжение о приостановке отправления орудий к Парижу осталось в силе. Он стал считать атаку парижских укреплений нежелательной. Перевозка орудий и снарядов из Нантейля в Виллакублэ, откуда предполагалось предпринять ускоренную атаку южного парижского фронта, требовала 4 000 повозок и 16 000 лошадей. Эти перевозочные средства нельзя было взять из обозов блокадной армии, так как подобное заимствование уменьшило бы ее подвижность. Мольтке считал это тем большей ошибкой, что он надеялся окончить войну одним ударом — посредством наступления на Бурж. Видя, что Роон и Бисмарк желают осады Парижа (последний — по политическим причинам: ради впечатления, производимого на французов и на нейтральные страны), Мольтке, который должен был считаться с тем, что король склонялся к взглядам этих двух деятелей, поручил Блюменталю собрать перевозочные средства для осадной артиллерии посредством реквизиций. Когда это не удалось, военный министр предложил прислать лошадей и повозки из Германии. Последнее было очень обременительно для Мозель-Марнской дороги, и без того перегруженной и подверженной нападениям франктиреров. Фойхтс-Рец, устами которого, вероятно, говорит также его начальник штаба Каприви, записал под 6 ноября в свой дневник: «По моему убеждению, Париж не подвергнется ни бомбардировке, ни осаде..., вследствие затруднений в доставке очень тяжелых орудий и снарядов для них. Если железную дорогу использовать всецело для артиллерийской материальной части, то от этого пострадает снабжение многочисленных армий; если же подвозить продовольствие, то не будут подвезены достаточно артиллерийские средства».

Мольтке окончательно отверг мысль об осаде, когда он признал, что им недооценивались организаторские способности Гамбетты. Именно теперь уже ничего нельзя было брать из обоза блокадной

[1] Ср. стр. 243.

армии. Мы видели, какое огромное количество материалов для осады скопилось в Нантейле, хотя к 21 октября прибыли только орудия (по мнению Блюменталя, 31 орудие — это было слишком мало) и снаряды не более, чем на десять дней. Нантейль лежит на Марне. Последняя, а также идущая вдоль нее дорога подвергались значительной опасности, потому что, кроме 15-го и 16-го французских корпусов в Сальбрисе, 17-й корпус у Блуа, 18-й и 20-й у Жина и 21-й у Ножан-ле-Ротру как будто заканчивали свое формирование. Мольтке признавал изменившуюся обстановку столь серьезной, что отказался от движения 2-й армии на Бурж. 7 ноября он направил ее правое крыло на Фонтенбло, южнее Парижа, «после чего левое останется свободным для применения его в соответствии с обстоятельствами... Через несколько дней выяснится, не лучше ли использовать левое крыло армии на левом берегу Луары, чем в пространстве между этой рекой и Парижем». На левом берегу Луары лежал желанный Бурж; между тем, Фридриху Карлу, как вскоре выяснилось, все его силы были нужны на правом берегу Луары.

2-я армия должна была обеспечивать 3-ю армию с юга, но еще нужнее для блокады Парижа было обеспечение с юго-запада. Мольтке предложил королю образовать, под командованием великого герцога Мекленбургского Фридриха Франца армейскую группу, подчиненную 3-й армии, для занятия позиций у Шартра на р. Эр и у Бонневаля и Шатодена на Верхней Луаре, чтобы запереть неприятелю дороги Ле-Ман — Париж и Тур — Париж. Поскольку начальник генерального штаба хотел ее составить из 22-й дивизии и 1-го баварского корпуса, Вильгельм не имел против этого возражений. Но Мольтке пожелал присоединить к армейской группе еще дивизию 2-го корпуса, стоявшую у Лонжюмо, тогда как другая дивизия охраняла под Парижем участок между Сеной и Марной. Тут же находилась и 17-я дивизия. Так как только что прибыли обе дивизии 2-го корпуса, то одну из них можно было отдать на юго-запад, и все-таки оставалась в резерве одна дивизия, которую Мольтке считал необходимой для блокадной армии, но долго не мог выделить в свое распоряжение. Между тем король, пессимист по природе, ничего не хотел давать армейской группе, потому что опасался сильной вылазки из Парижа. Блюменталь записал в свой дневник: «Кажется, короля... сильно напугали (Роон)». Когда король, после долгого сопротивления, уступил принципиально, он создал новые затруднения для исполнения. Мольтке хотел дивизию 2-го корпуса из Лонжюмо направить в Бонневаль, но король потребовал, чтобы для этого была использована 17-я дивизия, состоявшая преимущественно из мекленбургских частей. Этот династический каприз фактически принес так же мало вреда, как при Гравелоте военный каприз Фридриха Карла, заставившего гвардию и 12-й корпус поменяться местами[1]. Но он мог повредить, потому что необоснованное расположение Фридриха Карла поглотило 3 часа, а требование Вильгельма — даже 24 часа. Выраженное королем династическое чувство послужило также предлогом, во всяком случае бессознательно, дольше задержать войска в блокадной линии.

Наконец, 7 ноября непосредственно перед тем, как Орель-де-Палладин перешел в наступление, последовали приказы об образовании

[1] Ср. стр. 147 и 168—169.

армейской группы на Эре и Луаре. Чтобы охватить 1-й баварский корпус у Орлеана, французы наступали 61 батальоном от Блуа и 20 батальонами под начальством ген. Пальера от Жина. Фон-дер-Танн имел 25 батальонов, из которых 3 он оставил в Орлеане, чтобы прикрыть свой тыл от дивизии Пальера. Один батальон охранял обоз в Артенэ. С остальными силами фон-дер-Танн на пути в Шатоден дошел до Кулмье, когда 9 ноября, имея фронт на запад, он столкнулся с Луарской армией. Вызванная по телеграфу из Шартра 22-я германская дивизия приближалась, но все же, судя по донесению, присланному ею накануне ночью, 9 ноября она еще не могла быть у Кулмье. Вследствие этого фон-дер-Танн сделал ошибку, приняв сражение в этот день. На следующий день, отступая вдоль дороги Орлеан — Париж, он вечером у Тури установил бы связь с 22-й дивизией. Сюда прибыла бы 12 ноября и 17-я дивизия, и, значит, армейская группа могла бы соединенными силами оказать сопротивление Луарской армии. Представлялось невероятным, чтобы молодые французские войска, организационные недостатки которых правильно учитывались немцами, могли помешать такому стратегическому сосредоточению.

Однако, фон-дер-Танн не был человеком оперативного расчета, он был просто рубакой [1]. Со своими 22 батальонами он стал у Кулмье против 61 батальона Орель-де-Палладина. По таблице, приведенной в труде германского генерального штаба, средняя боевая сила баварского батальона 9 ноября может быть принята в 700 штыков, потому что баварцы получили укомплектование, обучавшееся, правда, только в продолжение нескольких месяцев и потому по качеству не превосходившее французов. Какова была средняя сила французских батальонов, мы не знаем; труд французского генерального штаба, несмотря на свой обширный объем, не дает по этому поводу никаких сведений; так же обстоит дело и с другими документальными данными во французских изданиях. Я полагаю, что для армий республики, как и для армии Наполеона III, нельзя считать более 500—600 штыков в батальоне. Тогда у Кулмье сражалось 33 000 чел. французской пехоты против 15 000 чел. баварской. В кавалерии немцы были сильнее, имея 4 000 коней против 3 000, качественное же превосходство этого рода войск было еще больше, чем количественное; но если в сражениях Фридриха и Наполеона конница еще наносила решительные удары, то теперь она мало влияла на исход сражения.

По плану Орель-де-Палладина, его левое крыло должно было охватить баварцев справа и оттеснить все их силы к Луаре. Одновременно, дивизия Пальера должна была атаковать корпус фон-дер-Танна с тыла. На левом крыле французов 16-м корпусом командовал опытный генерал Шанзи, о котором мы дальше еще много услышим. После 3-часового боя он отнял у баварцев опорный пункт их правого крыла — Кулмье; еще раньше 15-й корпус овладел опорным пунктом на левом крыле — Ля-Ренардьером. Однако, до охвата фон-дер-Танна справа, как и до удара в тыл ему, дело не дошло. Для удачного выполнения охвата необходима энергичная атака с фронта. Мы видели, что в сражении при Верте фон-дер-Танн колебался 1¼ часа, пока кронпринц Прусский не побудил его произвести такую крово-

[1] Биография фон-дер-Танна, занимавшего до войны 1870 г. главным образом штабные должности, не оправдывает и этого эпитета.— *Ред.*

пролитную атаку. Между тем, баварцы под Вертом были старые дисциплинированные войска. Понятно, что боевое крещение 15-го французского корпуса на местности, где французам пришлось атаковать, протекало очень вяло. Правда, благодаря превосходству сил, они, в конце концов, вытеснили баварцев из Ля-Ренардьера, но не разрушили спайки их частей. Еще менее смелости обнаружил 16-й корпус для своего охватывающего движения. К тому же, распространялись слухи о подходе 22-й германской дивизии. Так как Шанзи сам опасался флангового удара, то он не решился со своими оперативно неспособными войсками произвести охват противника.

Особенно не удался французам удар в тыл. В 4 часа пополудни, придя к убеждению, что борьба с численно превосходным противником ему не по силам, фон-дер-Танн начал отступление, а между тем дивизия 15-го французского корпуса, которую вел Пальер, только в 6 час. достигла пункта, удаленного на целый переход от поля сражения. Так мала была пригодность ополчения к походным движениям. Сколь многого оставляла желать его оперативная способность, видно из того, что баварцы, стоявшие фронтом на запад, не были отброшены на восток, где они попали бы под удары дивизии Пальера, а могли отступить в северном направлении на армию кронпринца Прусского. Во всяком случае, выполнение этого отступательного маневра было куплено тем, что из 1 300 чел. потерь, понесенных баварцами, половину составляли пленные, было потеряно также несколько орудий. Фон-дер-Танн принял сражение необдуманно; тем более он упал духом после поражения. Ночью с 9 на 10 ноября и потом весь день 10 ноября он отступал, сломя голову, так что его многочисленная и отличная кавалерия потеряла соприкосновение с неприятелем и не могла установить, что Орель-де-Палладин и не думал о преследовании. После отступательного марша протяжением в 37 *км* (по прямой), без значительных остановок, 1-й баварский корпус вечером 10 ноября достиг Тури, где фон-дер-Танн установил связь с ген. Виттихом, находившимся в Жанвиле. Несмотря на это, фон-дер-Танн хотел вторым ночным маршем отойти до Анжервиля, но великий герцог Мекленбургский, который 10 ноября прибыл с 17-й дивизией в Дурдан, приказал ему остановиться и сам передвинулся 11 и 12 ноября в Анжервиль. Итак, между Тури, Жанвилем и Анжервилем собралось 30 000 чел. германской пехоты. Орель-де-Палладин, потерявший при Кулмье только около 1 800 чел., имел 45 000 ружей. Как было упомянуто, Орель-де-Палладин лишь с неохотой перешел в наступление. Вечером 9 ноября он не сознавал своей победы. Ночью войскам не было разрешено зажигать бивачных костров, так как французский полководец ожидал на следующее утро продолжения сражения, может быть, со вступлением в дело 22-й и 17-й дивизий, т. е. 30 000 германской пехоты против 33 000 французской (дивизия Пальера тогда еще была удалена на целый переход).

Фрейсинэ в своей книге «La guerre en province pendant le siège de Paris» (Война в провинции во время осады Парижа) высказывает мнение, что Орель-де-Палладину после победы при Кулмье следовало смело итти на Париж для освобождения крепости от блокады. Тогда, примерно, 13 ноября, произошло бы сражение у Анжервиля. Очевидно, однако, что шансы разбить 30 000 чел. германской пехоты силами 45 000 чел. французской республиканской пехоты были чрезвычайно ничтожны. Для одержания хотя бы нерешительной победы,

как при Кулмье, ополчение должно было иметь по крайней мере двойное превосходство сил. Орель-де-Палладин удовольствовался моральным успехом — выбить с поля сражения один германский корпус и этим разрушить обаяние противника. Он вернулся к своей «оборонительно-наступательной стратегии» и укрепился с 15-м и 16-м корпусами к западу от Орлеана между Шевильи на железной дороге Орлеан — Париж и Ля-Шапель на р. Луаре, примкнув правым флангом к Орлеанскому лесу. Он не отважился расположить свои войска по квартирам из-за опасения дезертирства. Таким образом, плохо снаряженные, весьма нерегулярно снабжаемые продовольствием войска должны были провести на биваках почти двадцать ноябрьских ночей, что неблагоприятно отразилось на их санитарном состоянии и настроении.

Каждый человек, даже такой выдающийся, как Мольтке, в своих мнениях руководствуется личным опытом [1], хотя суждение, основанное на опыте, имеет тот недостаток, что действительная жизнь никогда не повторяется. Еще менее удовлетворительны заключения, выводимые из исторического опыта, потому что история никогда не повторяется. В Версале, после получения известия о поражениях при Кулмье, всплыли воспоминания о 1792 г. и произвели глубокое впечатление на всех, в том числе и на Мольтке, хотя условия 1792 г. нисколько не были похожи на обстановку 1870 г. Не прав ли был престарелый король, уже в 1814 г. сражавшийся с французами, когда после Седана он заметил, что ошибочно думать, будто война близится к концу, — напротив, она только теперь начинается. Во всяком случае, из телеграмм Мольтке исчез стереотипный оборот о «так называемой» Луарской армии. Зато он написал Штиле: «О патриотизме французов говорит то, что... в сравнительно короткое время... новая, внушающая почтение армия выставлена в поле».

Если теперь Мольтке правильнее оценил и даже несколько преувеличил дееспособность противника, которым он до тех пор пренебрегал, то это не следует принимать так, будто он дал событиям застать себя врасплох. Еще в самом начале своих мероприятий против Парижа он считался с возможностью наступления французской армии от Луары, хотя в это и не верил. Еще 15 сентября (французская столица была блокирована 19 сентября) он написал командованию 3-й и Маасской армий: «В случае, если от Луары будут произведены попытки деблокировать Париж, то блокада его должна быть временно предоставлена более слабым отрядам, а главные силы 3-й армии двинутся навстречу приближающемуся противнику (самое большое на один-два перехода), чтобы его разбить». Теперь начальник генерального штаба написал Штиле: «Нужно признать, что наступление больших неприятельских сил с запада будет нам угрожать не меньше, чем наступление с юга. Правда, на восемь дней мы можем совсем снять блокаду Парижа, без того, чтобы его продовольственные запасы выросли хотя бы на ½ суточной нормы. Однако, на левом берегу Сены находится наша осадная артиллерия и расположена главная квартира короля, а кроме того, повсюду нам приходится принимать во внимание политическое впечатление». Мольтке однажды сказал, что если парижане захватят осадную артиллерию у Нантейля, то ее можно будет взять обратно вместе с городом. Но серьезно не

[1] Ср. стр. 90.

могло быть и речи о снятии блокады, как это доказывают объяснения Мольтке, данные Штиле. Вследствие того, что 3-я и Маасская армии должны были оставаться на местах (ведь кольцо вокруг Парижа было довольно тонким), для прикрытия блокадных войск с юга и запада, непосредственно после Кулмье, можно было располагать только армейской группой великого герцога. Если принять во внимание действительное положение французов, этого было достаточно, так как 17-й, 18-й, 20-й и 21-й корпуса Луарской армии не были еще готовы даже по тем скромным представлениям о боеспособной армии, которые имела делегация в Туре. Но в Версале этого не знали, и потому после боя у Кулмье 9-му корпусу, находившемуся во главе приближавшихся от Меца сил, было указано, не делая намеченной дневки, 14 ноября достичь Фонтенбло к югу от Парижа. Мы видели, что 13 или 14 ноября Орель-де-Палладин мог дать сражение у Анжервиля, которое при победе французов означало бы деблокаду Парижа,— вернее, временное его освобождение, так как из приведенного выше письма к Штиле видно, что если бы Мольтке был вынужден противником снять блокаду Парижа, он затем установил бы ее снова. Во всяком случае, ген. Манштейн не был бы в состоянии принять участие в сражении при Анжервиле, потому что этот пункт находится в двух переходах от Фонтенбло.

От Фонтенбло 9-й корпус был продвинут дальше на Анжервиль по дороге Орлеан — Париж; 3-й корпус достиг 20 ноября Питивье, где он стал биваком между дорогами Орлеан — Париж и Жин — Париж, непосредственно к югу от столицы; тут расположилась и главная квартира принца. Составлявший арьергард 2-й армии 10-й корпус 20 ноября дошел до Куртенэ, где он приблизился к дороге Орлеан—Жин. Таким образом, блокадная армия была достаточно прикрыта с южной стороны. Зато этапные линии 2-й армии представлялись весьма ненадежными. Они шли по Мозель-Марнской дороге до Витри и далее, также по рельсовому пути, на Шомон, откуда было открыто сообщение по железной дороге на Труа. От этого города начиналась перевозка на лошадях. Для 2-й армии самым важным железнодорожным сообщением от Труа могла быть Сенская линия, но было неизвестно, когда она опять сделается годной для эксплоатации, так как мосты у Ножана и Монтеро были основательно разрушены. Тем более настоятельным являлось, чтобы управление тыла восстановило дорогу от Шомона через Равьер на Жуаньи, на которой был лишь немного поврежден один мост через Бургонский канал у Равьера. Открытие движения на этом участке не только значительно уменьшило бы зависимость 2-й армии от конского транспорта, но, по выражению Мольтке, «подготовило бы также восстановление главного сообщения Бельфор — Дижон — Париж»[1], следовательно, уничтожило бы монополию Мозель-Марнской дороги. Однако, работы у Жуаньи, Равьера и Шатильона можно было начать лишь после прибытия из Германии ландвера, нужного для их прикрытия, а соответствующие ландверные батальоны не были еще сформированы.

Впрочем, Штиле думал, что имеются другие более неотложные заботы, чем оборудование этих линий. Он считал угрожаемой даже расположенную к северу от них, уже эксплоатируемую этапную дорогу. Гарибальди, способности которого к партизанской войне я

[1] Ср. стр. 242.

уже подробно описал в предыдущем томе, прибыл со своими отрядами, состоявшими из людей разных национальностей, на помощь Французской республике, оперируя в связи с Восточной армией. Один из сыновей Гарибальди, Ричиотти, напал 19 ноября в Шатильоне на отряд, составленный из ландвера и резервной кавалерии, силой в 700 чел. и продержал его почти 14 дней в окружении, причинив потери в 200 чел. По мнению Штиле, 14-й корпус, наступавший на Шалон (на Марне) для прикрытия левого фланга Фридриха Карла [1], был недостаточно силен, чтобы держать в узде, наряду с Восточной армией, еще и Гарибальди. Вследствие этого начальник штаба Фридриха Карла требовал от Мольтке, чтобы этапные пути 2-й армии были перенесены на север: до Нантейля по железной дороге, а дальше на повозках. Мольтке было уже достаточно суматохи в Нантейле от ссадных парков. Он написал 23 ноября Штиле, что было бы «неудобно рассчитывать... на линию Нантейля..., которая теперь открыта до Ланьи, тем более что тесные конечные станции уже теперь вызывают величайшие трудности при выгрузке». По получении в Версале донесения Вердера о выступлении на Шалон Мольтке 24 ноября написал ему, что при большом развитии сил Луарской армии принц Фридрих Карл не в состоянии прикрыть свои этапные линии, идущие через Труа, выделением собственных войск. Вердеру рекомендовалось после поражения неприятеля выслать подвижные колонны в район между рр. Саоной и Луарой с целью воспрепятствовать операциям более значительных отрядов с юга против сообщений 2-й армии. Это не было исчерпывающей мерой обеспечения, потому что речь шла не только о значительных неприятельских отрядах, но также и о партизанских действиях. Даже если бы 14-й корпус нанес поражение Восточной армии, действительная охрана от партизан могла быть осуществлена лишь назначенными для этой цели этапными батальонами, но в ландвере, который нес эту службу, повсюду ощущался недостаток.

Наше изложение доведено до 24 ноября; теперь мы должны вернуться к дням после боя у Кулмье, который произошел 9 ноября. Великий герцог Мекленбургский приказал своей многочисленной кавалерии (у него были 3 дивизии против одной неприятельской) 12 ноября осветить все пути подхода от Кулмье к Анжервилю. Противника на них не оказалось, но из этого герцог не вывел заключения, что Орель-де-Палладин остался на месте, а предположил, будто неприятельский полководец намеревается подойти к Парижу с запада, вместо юга. Фридриха Франца нельзя упрекать за такое заблуждение. Ведь в депешах Мольтке, относящихся к этому времени, говорится, что предприятия Луарской армии, к сожалению, не вполне выяснены, и далее, что наступление противника через Дрэ и Мант (левый берег Сены ниже Парижа) будет угрожать линии блокады в самых чувствительных пунктах. Тем не менее, решение великого герцога уйти с дороги Орлеан — Париж на запад и занять позицию на дороге Тур — Париж к юго-западу от французской столицы вызвало большое волнение в Версале. Видимо, там тешили себя представлением, будто от герцога зависит дать решительное сражение при Анжервиле. В главной квартире короля не особенно доверяли стратегическим способностям Фридриха Франца и его начальника штаба полковника фон-

[1] Ср. стр. 257.

Кренского, так что Блюменталь, которому подчинялась армейская группа [1], с раздражением занес в свой дневник: «Существует решительная тенденция предписывать великому герцогу все движения... На его месте я бы ничего не доносил и перерезал бы телеграф».

Итак, великий герцог расположился между Шартром и Рамбулье, где его прусские войска заняли позицию; позади их, у Анно, непосредственно на дороге Тур — Париж, находились 1-й баварский корпус и главная квартира. Мольтке совсем не мог разгадать намерений противника. Его указания герцогу не отличались точностью. Если 15 ноября он сообщил Блюменталю, что единственной задачей армейской группы является прикрытие местности до дороги Тур — Версаль, то 17 ноября он побуждал великого герцога к тому, чтобы победу, будто бы упущенную им к югу от Парижа, он одержал к юго-западу и западу от французской столицы. «Трудность вашей задачи заключается в том, — написал он полковнику Кренскому, — чтобы верно определить решительный пункт, куда нужно нанести удар сосредоточенными силами; в успехе же его я убежден».

В день отправления этой депеши армейская группа взяла перед своим фронтом город Дрэ, где, примерно в трех переходах от Версаля, гнездилось 6 000—7 000 французов. Однако, они смогли без значительных потерь отступить на Ножан-ле-Ротру, и у этого пункта, куда двинулась армейская группа после неизбежной, будто бы, дневки, не удалось задержать и разбить значительных сил противника. В это время 21-м корпусом командовал еще не Жорес, а генерал Фьерек, неорганизованные мобили которого были разбросаны в Перше по всему району. Фьерек имел всего две батареи и один эскадрон. Часть его пехоты, стоявшая у Ножан-ле-Ротру, при приближении немцев отступила на Ле-Ман в такой панике, что эти немногие всадники и орудия очень пригодились не против неприятеля, а для поддержания порядка в собственной пехоте. Впрочем, все потери, которые 21-й корпус мог понести от дезертирства и лишений, были пополнены укомплектованиями с Луары. Мольтке выражал все большее неудовольствие способом управления армейской группой, тогда как Блюменталь находил поступки Кренского совершенно правильными. Действительно, кажется, что напряженность и запутанность положения, вместе с пессимизмом короля, которому приходилось на каждом шагу отдавать отчет в отданных распоряжениях, сделали Мольтке немного нервным. К югу-западу от Парижа простиралась необозримая, перерезанная изгородями местность Перш, на которой германская кавалерия во время своих разведок встречала особенно большие препятствия. В Версале переоценивали находившиеся там французские силы, которые, в сущности, состояли только из франктиреров поляка Липовского. Главные силы формировавшегося 21-го корпуса находились у Ле-Мана, куда Фридрих Франц предпринял наступление от Ножан-ле-Ротру.

Мольтке никогда не сделал бы своей карьеры, если бы он не был также и ловким придворным. Например, когда 2-я армия приближалась к южной стороне Парижа, он написал Штиле: «Быстрый подход принца Фридриха Карла помог нам преодолеть своего рода кризис». Выше мы видели, что в действительности начальник германского

[1] Армейская группа подчинялась командующему 3-й армии, а Блюменталь, как известно, был у него начальником штаба.— *Ред.*

генерального штаба желал более скорых темпов марша 2-й армии. Все же в этом комплименте принцу могла отчасти найти выражение и настоящая благодарность. После того как 21 ноября 3 германских корпуса достигли линии Анжервиль — Бон-ля-Роланд, блокадная армия могла чувствовать себя обеспеченной от удара в тыл, по крайней мере с юга. Но к западу от Парижа малая война и действия народного ополчения продолжались; было неизвестно, достаточно ли здесь будет 2 корпусов великого герцога, чтобы овладеть положением, ибо никто не мог предвидеть, до какой степени дойдут усилия турской делегации. Еще более забот, чем запад, доставляли начальнику германского генерального штаба северо-запад и север. Во время движения туда [1] Мантейфель с 5 бригадами из своих 8 достиг 20 ноября Компьеня на Уазе; из остальной пехоты одна бригада была направлена по железной дороге в Ля-Фер, лежащий также на Уазе. После подвоза по железной дороге из Суассона в Ля-Фер 32 позиционных орудий эта маленькая крепость была 27 ноября взята посредством артиллерийского обстрела. Припомним, что Мец капитулировал 27 октября; следовательно, протекло довольно много времени, пока развернулись действия против пояса крепостей: Диденгофен — Монмеди — Мезьер — Ля-Фер. Взятие Ля-Фера было полезно также для удержания соседнего Сен-Кантена. Этот промышленный центр первым из открытых городов [2] отважился оказать сопротивление немцам, прогнав высланный из Лана отряд, — событие, которое способствовало развитию малой войны.

Диденгофен был принужден к сдаче 7-м корпусом 25 ноября, по прибытии артиллерийского парка из германских крепостей. Когда 7-й корпус двинулся для осады Диденгофена, Мольтке телеграфировал ген. Цастрову: «Важно, чтобы кроме осады Диденгофена тотчас последовала блокада Монмеди». Помимо того, что взятие немцами этих 4 маленьких крепостей давало бы блокадной армии под Парижем рельсовый путь, который был независим, если не от Мозельской, то во всяком случае от Марнской дороги, — нужно иметь в виду, что этапные дороги Мантейфеля проходили мимо Тионвиля, Монмеди, Мезьера и Ля-Фера. Каждая из этих крепостей являлась в руках французов опорным пунктом для действий франктиреров.

После того как 15 октября ландверная дивизия взяла Суассон и 27 октября капитулировал Мец, командир этого ландвера — великий герцог Мекленбургский Фридрих Франц — хотел, согласно своему прежнему намерению, осадить Мезьер. Но так как в это время было произведено крушение одного поезда с инженерными войсками, шедшего из Суассона в Мезьер, то Мольтке запретил ему это и остался при этом запрещении также и после 27 октября. Он объяснил герцогу, что пехота нужна не только для осады Мезьера, но и для очищения соседних Аргонн и что в распоряжении не имеется достаточного числа штыков для достижения обеих целей одновременно. Таким образом, против Мезьера был выставлен пока лишь заслон из одной дивизии 1-го корпуса. Потом она двинулась вслед за 1-й армией и была заменена 3-й резервной дивизией, освободившейся от конвоирования военнопленных в Германию. Под Мезьером как дивизии 1-го корпуса, так и 3-й резервной дивизии пришлось вести борьбу с появлявшимися

[1] См. стр. 258.
[2] Т. е. не крепостей.— *Ред.*

вновь и вновь отрядами франктиреров, которые базировались, наряду с Аргоннами, на арденскую крепость Рокруа.

Это изменилось лишь после того, как позиционные орудия, принудившие 25 ноября к сдаче Диденгофен, 14 декабря одолели также и Монмеди. Теперь 14-я дивизия могла двинуться от Монмеди к Мезьеру, сменив там 3-ю резервную дивизию, в которой оставалась только одна бригада[1]. С прибытием 19 декабря к Мезьеру 14-й дивизии немцы от выставления заслона перешли к осаде. Артиллерийский парк, с помощью которого 8 ноября был взят Верден, был от Клермон-ан-Аргонн перевезен к Мезьеру. В небезопасной местности, при расстоянии в 10 миль по прямой, эта перевозка продолжалась десять дней. Парк из 68 орудий прибыл 29 декабря к Мезьеру, перед которым в продолжение целых шести недель приходилось довольствоваться заслоном. Через три дня маленькая крепость, составившая тотчас же после Седанского сражения препятствие для немцев, была зажжена бомбардировкой и подняла 2 января 1871 г. белый флаг. Наконец-то могло быть осуществлено сквозное, независимое от Марнской дороги железнодорожное сообщение от Меца в район севернее Парижа. Правда, как раз на участке Мец — Саарбрюкен, который остался общим для обеих линий, происходило особенно много перерывов в железнодорожном движении.

Однако, вернемся от января 1871 г. к ноябрю предыдущего года. Я говорил о заботе, которую причинял начальнику германского генерального штаба район к северо-западу от Парижа. Мольтке получил сведения о плане, по которому Луарская армия, отказавшись от оборонительно-наступательного операционного плана Орель-де-Палладина, должна была совершить фланговый марш мимо войск Фридриха Карла и великого герцога к Нижней Сене. Там она должна была соединиться с Северной армией, формировавшейся у Руана и Амьена, в то время как армия Дюкро произвела бы из Парижа вылазку в том же направлении. Трошю, которому принадлежал этот проект, сообщенный по воздушной почте в Тур, хотел сосредоточить 8½ дивизий Дюкро на полуострове Женвилье и провести их через Сену у Аржантейля. Он надеялся, что они разобьют противопоставленные им части из состава блокадной армии, в которой было всего 15½ дивизий[2]. Одержав победу у Аржантейля, Дюкро должен был близ Понтуаза перейти р. Уазу и затем двинуться по правому берегу Сены на Руан для соединения с деблокирующими армиями.

Мольтке написал Штиле: «Если выступление французов в северном направлении подтвердится, то великому герцогу... нужно следовать параллельно Луарской армии, пока ему не представится возможность решительной атаки. Потом надо было бы поставить перед ним задачу дальнейшего наступления к важному пункту Руану». Проект Трошю не обсуждался в Париже и Туре настолько основательно, чтобы было известно, какие части Луарской армии предназначались для совершения флангового марша. Приближался момент, когда Луарская армия имела бы 19 дивизий, тогда как великий герцог и Фридрих Карл располагали вместе только 10 дивизиями. Несмотря на такое благоприятное соотношение сил, предложение Трошю было отвергнуто в Туре

[1] См. стр. 258, примечание 1.

[2] Собственно 17. Однако, значительные пехотные части постоянно откомандировывались для поддержки кавалерийских дивизий. Самая значительная из таких командировок упомянута на стр. 244.

по совету Бурбаки, которого Базен использовал в качестве парламентера и который затем, когда германский генеральный штаб опротестовал его возвращение в Мец, организовал Северную армию и, в конце концов, вступил в командование 18-м корпусом на Луаре. Бурбаки находил фланговый марш слишком опасным. Делегации был представлен еще другой проект наступления, а именно: бросить Луарскую армию на германские этапные линии, которые, кроме слабых отрядов ландвера, были прикрыты лишь 14-м корпусом. Однако, и этот оперативный план был отклонен в Туре по той причине, что Фридрих Карл оказался бы между Луарской армией и Буржем. Итак, если не желали предоставить наступление против Луарской армии немцам, то оставалось только двинуть Орель-де-Палладина с Луары прямо на Париж, в то время как Дюкро сделал бы из французской столицы вылазку в южном направлении.

Орель-де-Палладин, который нес главную ответственность за результат и сознавал, что его войска неспособны к маневрированию, лично продолжал твердо держаться оборонительно-наступательного образа действий (defensiv-offensive). Наряду с необходимостью дисциплины и обучения, войска испытывали также недостаток в снаряжении. Так, в 20-м корпусе на 30 000 чел. пехоты нехватало 10 000 пар обуви и 20 000 ранцев. Солдаты заменяли ранцы холщевыми мешками, в которых они носили не только запасное платье и сухари, но и патроны. 4-дневный запас сухарей они носили на лентах, скрещивающихся на груди. То же самое было, конечно, и в прусском ландвере 1813 г., который был вооружен пиками и обучался босиком, а по дисциплине этот ландвер вряд ли превосходил французское ополчение 1870 г.[1]. Возможная боеспособность новых французских формирований в случае, если бы из их среды поднялись Блюхеры и Гнейзенау, ускользала от расчетов Мольтке, и он ясно понимал неопределенность этого фактора. К этому присоединялось еще одно обстоятельство, серьезно беспокоившее начальника германского генерального штаба: с боем у Кулмье немцы потеряли стратегическую инициативу. После 9 ноября для Мольтке, который до тех пор сам определял ход событий, сделалось почти главной заботой выявление намерений противника: предполагает ли он нанести немцам удар и где именно. Оборонительно-наступательная стратегия, которую правильно отстаивал для своей армии Орель-де-Палладин, по мнению Мольтке, при данной обстановке, для немцев не подходила. Вследствие этого, когда 9-й, 3-й и 10-й корпуса достигли линии Анжервиль — Бон-ля-Роланд, а 1-й и 8-й корпуса — Уазы, у начальника германского генерального штаба создалось впечатление, что кризис миновал. Как на юге, так и на севере он мог теперь сам перейти в наступление.

Невозможность медлить с наступлением против Луарской армии, во избежание захвата ею инициативы, вполне выяснилась для Мольтке из сообщения, полученного им 22 ноября, о том, что сорок железнодорожных поездов с войсками отошли из Стэна к городам в излучине Луары. Это были 20-й корпус и дивизия 18-го корпуса, которые в числе 50 батальонов были перевезены в четыре дня в Жин и, таким образом, переданы из Восточной армии в Луарскую. Следовательно, критика Мольтке по поводу операций Вердера, не сумевшего удер-

[1] Ср. Ганс Дельбрюк, Жизнь фельдмаршала графа Нейдгардта фон-Гнейзенау, т. I, стр. 321 и 353, т. II, стр. 91.

жать противника, была подкреплена осязательными фактами. Как уже упоминалось, Луарская армия состояла теперь из 15-го, 16-го, 17-го, 18-го, 20-го и 21-го корпусов [1], в общей сложности 19 дивизий. Было ясно, что против таких объединенных сил нельзя сохранить отдельное от 2-й армии существование армейской группы. Ведь Фридрих Карл и великий герцог имели вместе только 10 дивизий. Численность пехоты германского корпуса в военное время составляла 25 000 бойцов, но, судя по записи в дневнике Фридриха Карла от 20 ноября, 3-й корпус мог выставить для боя только 15 000 чел., 9-й корпус — не более 14 000, тогда как 10-й корпус растаял даже до 11 000 бойцов. Принц определяет боевую силу всей своей пехоты в 40 000 чел., что дает 530 штыков на батальон вместо 1 000; к тому же надобно принять во внимание укомплектования, постоянно пополнявшие кадры. Эти цифры, с которыми мы уже встречались под Мецом, вызывали тревогу. К ним принц добавил следующее замечание: «Впрочем, огромные усилия Франции прямо-таки вызывают уважение, и шутить с ними нельзя». Следовательно, он, подобно Мольтке, изменил свое мнение о французских «бандах», высказанное пять недель назад. Ряды армейской группы поредели в такой же сильной степени, как и ряды 2-й армии. Разумеется, ее удары по воздуху у Дрэ и Ножан-ле-Ротру не причинили ей значительных кровавых потерь убитыми и ранеными. Однако, она находилась в постоянном соприкосновении с обмундированными и необмундированными франктирерами, которые во многих пунктах оказывали трудно преодолеваемое сопротивление, и особенно, как сообщает труд германского генерального штаба, «в местности Перш, где многочисленные земляные валы и разбросанные фермы существенно стесняли применение кавалерии и артиллерии, оборонявшемуся же населению, напротив, доставляли большие преимущества». С виновными или подозрительными деревнями немцы часто расправлялись сурово, но это ничуть не помогало против опасного противника, который или стрелял из засады, или же, приняв бой в благоприятной для себя местности, никогда не доводил его до конца, а уходил еще раньше, чтобы опять вынырнуть где-нибудь на фланге или в тылу немцев. С особенной дерзостью досаждали франктиреры многочисленной кавалерии армейской группы, которая была стеснена не только местностью, но и недостаточностью своего огнестрельного вооружения.

Великий герцог должен был сначала двигаться, считая от его главной квартиры в Анно, на северо-запад на Дрэ, потом на юго-запад на Ле-Ман, откуда он надеялся проникнуть до Тура. Однако, 23 ноября была получена телеграмма Мольтке, которая приказывала герцогу сделать внезапный поворот от Ле-Тейля (местоположение его главной квартиры) на юго-восток. В телеграмме говорилось: «После того как не удалось... нанести решительное поражение французской Западной армии у Ножан-ле-Ротру, армейская группа должна действовать сообща со 2-й армией, причем последней надлежит наступать на Орлеан и Бурж, а первой — на какой-либо пункт по Луаре ниже Орлеана, например Божанси или Блуа. В соответствии с этим следует отказаться от действий против Ле-Мана, выслав в этом направлении лишь кавалерию и небольшие части пехоты».

[1] 19-й корпус формировался под командованием ген. Бриана в Руане.

Подчинение армейской группы 2-й армии вместо 3-й, — мера, отвечавшая изменившейся обстановке, — было объявлено не сразу, а только 25 ноября; до этого дня Мольтке сам осуществлял точный контроль над распоряжениями полковника Кренского и, между прочим, отменил предположенную на 24 ноября дневку. Таким образом, армейская группа 24 и 25 ноября двигалась от Юин (Huisne) к Луаре, и главная квартира ее перешла к Монмирайль, когда французский 17-й корпус появился на левом фланге немцев, у Бру, что смутило герцога Фридриха Франца. Вновь назначенный командир этого корпуса ген. Сони провел его позади прежней стоянки — леса Маршнуар, чтобы парализовать наступление герцога. Маневр был необдуманный, так как 3 дивизиям Сони не только предстояло столкновение с 4 дивизиями армейской группы, но еще нужно было остерегаться 2 дивизий Манштейна, стоявших у Анжервиля и распространявшихся оттуда до Луаньи. Во всяком случае, под впечатлением этого маневра Фридрих Франц приказал своим войскам повернуть назад. В Версале сочли это за столь непростительную ошибку, что полковник Кренский был отставлен от должности и вместо него начальником штаба герцога назначен подполковник Стош, будущий статс-секретарь по морским делам.

Совершенно очевидно, что Фридрих Франц не должен был так легко отказываться от марша к Луаре, предписанного ему в связи с выполнявшейся операцией крупного масштаба. Впрочем, и принц Фридрих Карл в сходной обстановке поступил однажды подобным же образом, причем, в ожидании критики Мольтке, высказал мнение, что с этой стороны ему угрожала бы еще более резкая критика в случае, если бы он допустил французские массы выдвинуться между собственными войсками, стоявшими под Парижем.

После стычек, происшедших 25 ноября у Бру между передовыми частями ген. Сони и войсками армейской группы, французский генерал постепенно осознал легкомысленность своего наступления, тем более что его удерживали из Тура. Он отвел 17-й корпус, молодым войскам которого бесполезные перекрестные и поперечные марши послужили отнюдь не на пользу, обратно к лесу Маршнуар. Что касается темпа марша армейской группы, то в общем он мало замедлился от отступательного движения на Бру, тяжесть которого легла особенно на 1-й баварский корпус. Для того чтобы это объяснить, я должен начать речь несколько издалека.

Ничто не произвело на французов такого подавляющего и длительного впечатления, как бурный наступательный порыв, который они замечали в 1870 г. у всех прусских офицеров сверху донизу. В 1914 г., решив начать свое августовское наступление, французы видели тайну германских побед именно в этой характерной черте. В 1870 г. турская делегация также настаивала, в противоположность Орель-де-Палладину, на наступательной стратегии, потому что считала ее единственным средством вырвать лавры у вторгшегося врага. В действительности Мольтке совсем не был генералом, идущим без удержу напролом, каким он, видимо, представляется посредственному Базену [1]. Против армий Бенедека и Наполеона III он выбрал наступление по той причине, что такой способ ведения войны отвечал обста-

[1] Ср. стр. 175.

новке. Разрабатывая после Франкфуртского мира[1] планы войны на два фронта, Мольтке замышлял применить в отношении Франции оборонительно-наступательную стратегию. Наоборот, сейчас против Луарской армии он хотел произвести наступление в самом широком масштабе: армейская группа должна была у Блуа обойти ее левый фланг, тогда как 2-я армия взятием арсеналов Буржа на правом крыле французской армии перерезала бы ей сухожилия.

Так думал Мольтке в то время, когда 2-я армия двигалась на Орлеан и армейская группа — на Тур; но, когда первая достигла линии Жанвиль — Бон-ля-Роланд, а последняя, при своем посредственном управлении, оказалась неспособной пройти по восставшей стране до Луара, стратегические предположения Мольтке изменились. Эта перемена нашла отражение в письме от 25 ноября, с которым король обратился к принцу Фридриху Карлу (несомненно, с ведома своего начальника генерального штаба) и которое передал в Питивье флигель-адъютант подполковник граф Вальдерзее, позднейший преемник Мольтке. Вильгельм писал: «Осторожность... необходима, потому что теперь одно понесенное тобой поражение может свести почти на-нет все одержанные нами в эту кампанию успехи... Правда, при отличном качестве твоих войск я рассчитываю на победу, но при нашей теперешней обстановке... не следует что-либо ставить на карту... Наше обложение Парижа отнюдь не тесное и не сильное... при массовом ударе, в виде вылазки на одном пункте, оно может быть прорвано...»

В своем ответе королю Фридрих Карл замечает, что из-за франктиреров его кавалерия не смогла установить, где находятся главные силы противника. Не удалось взять пленных: «После войны пехота должна получить лучшее ружье... Это общее желание».

Последними словами принц, нервная система которого была возбуждена насыщенной электричеством обстановкой, намекал на тяжелые упущения короля Вильгельма. Они были сделаны перед войной 1870 г. по вопросу о вооружении пехоты[2]. После того как в 1866 г. игольчатое ружье одержало верх над ружьем Лоренца, оно пользовалось огромным престижем не только у профанов, не знавших, что пруссаки обязаны своими победами скорее тактике пехоты, чем пехотному оружию, но и у консервативных военных,— разумеется, не у Роона, который признавал преимущества ружей Шаспо, вновь введенных во Франции. Согласно этому мнению военного министра, испытательной комиссии по ручному оружию было поручено выработать новый образец ружья, но она не смогла притти к определенному решению. Комиссию, будто бы, удержала от этого гонка технических изобретений в области вооружения, в действительности же решающим фактором в данном вопросе являлась неприязнь короля к новшествам.

Военный министр, хорошо знавший образ мыслей Вильгельма, избрал другой путь. Он приказал изготовить модель переделанного, или, как тогда говорили, «приспособленного» (aptierten) игольчатого ружья. Эта модель уменьшала вес пули и улучшала затвор. Меткость и скорость стрельбы возрастали. Максимум скорости повысился с 8 до 11 выстрелов в минуту, число залпов — с 6 до 8.

Несмотря на то, что испытанное оружие 1866 г. предполагалось не заменить другим, а лишь «приспособить» к прогрессу оружейной тех-

[1] В Франкфурте был подписан 20 мая 1871 г. трактат, окончивший франко-прусскую войну.— *Ред.*

[2] Ср. для последующего стр. 25.

ники западных соседей, и притом даже не в решительном пункте — дальности выстрела, все дело 20 месяцев лежало в кабинете короля, пока 17 февраля 1870 г. не была собрана специальная комиссия. Она единогласно высказалась за приспособление как за временную меру, подтвердив, однако, что принятие нового образца остается, как и прежде, неизбежной необходимостью.

После того как последовало, наконец, согласие короля, мастерские начали в мае и июне 1870 г. свои работы, рассчитанные на один год, но вскоре приостановили их ввиду военной опасности. Армия выступила в поход со знаменитым испытанным ружьем 1866 г., но на этот раз оно вызвало общее разочарование. Гебен писал своей жене из лагеря под Мецом: «Их Шаспо бесспорно лучше нашего игольчатого ружья... Наши егеря имеют на передовых постах отбитые Шаспо и очень хорошо пристрелялись... Пуля, летящая на 1 000 и 1 200 шагов, вызывает величайшее изумление, так как мы не можем хорошо стрелять дальше 800 шагов, а егеря могут стрелять во всяком случае только на 1 000 шагов».

Таким образом, атакующая германская пехота на протяжении 200 шагов подвергалась неприятельскому ружейному огню, не будучи в состоянии как следует отвечать. Этот недостаток мог быть существенно ослаблен и без приспособления ружья, если бы только самый образ действий прусской пехоты в бою был «приспособлен» к Шаспо. Во все времена боевые порядки, в которых сражались, оказывали на исход сражений более решительное влияние, чем вооружение бойцов. Роон, вообще консервативный, как тактик отнюдь не поступал по сомнительному принципу: «Quieta non movere» (находящееся в покое не двигать), а стремился посредством реформ в тактике итти навстречу требованиям будущей войны. В 1862 г. он побуждал Вильгельма к переработке пехотного строевого устава 1847 г., основанного на ведении боя в сомкнутых строях, причем из уроков Крымской войны [1] и собственного опыта на полевых маневрах [2] делал вывод, что нарезное ружье требует рассредоточенной тактики (aufgelöste Taktik). Король отклонил реформу из тех же чувств, которые делали приверженцами тактики сомкнутых строев (geschlossene Taktik) не только французских строевых офицеров, но и умного Наполеона III [3]. Кампания 1866 г. подтвердила своевременность создания Шарнгорстом ротной колонны, к которой в уставе 1847 г. и на учебных плацах относились, как к второстепенной форме. Это противоречивое положение, при котором в строевом уставе господствовали другие принципы, чем те, которые были выдвинуты практикой войны, представлялось военному министру особенно опасным после введения во Франции ружья Шаспо. Вследствие этого он возобновил свои ходатайства перед королем об изменении строевого устава. Но в тактических вопросах прусский король был столь же реакционен, как и французский генералитет или как прежде в Великобритании был герцог Веллингтон [4]. После трехлетних усилий Роон все еще не провел нового строевого устава, а выпустил только инструкцию, которая, правда, указывала начальникам, в качестве директив, современные принципы пехотного боя, но

[1] Ср. т. I, стр. 27, 67 (русск. пер.— т. V, стр. 25, 54).
[2] О значении их для введения в прусской пехоте рассредоточенных боевых порядков сказано в т. I, стр. 432 (русск. пер.— т. V, стр. 299).
[3] Ср. т. I, стр. 33, 404 (русск. пер. — т. V, стр. 29, 282).
[4] Ср. т. I, стр. 121 (русск. пер. — т. V, стр. 90—91).

не изменяла однообразного обучения войск в духе, победившем в 1813—1815 гг. и 1866 г. В конце ноября 1869 г., по инициативе Роона, военный департамент подал военному министру докладную записку, в которой говорилось, что нельзя более медлить с изданием нового строевого устава: основные идеи, по которым в последней кампании велся бой, иные, чем в существующем уставе; безусловно необходимо согласовать этот устав с изменениями в огневой тактике и с вышедшей уже инструкцией.

Удалось продвинуть короля еще на один шаг вперед. Он разрешил военному министерству разработать проект, но оставил его, как кажется, довольно долго лежать у себя. Наконец, в марте 1870 г. Вильгельм передал этот проект специально назначенной комиссии из 10 генералов. Из них особенно не сочувствовал новшествам Константин Альвенслебен, относительно которого мы констатировали при Вионвиле, что в нем было больше решительности, чем разума[1]. Комиссия быстро обсудила проект, внеся в него многочисленные изменения, но потом он опять несколько месяцев лежал в королевском кабинете, пока в середине июня король его окончательно не одобрил, сделав предварительно собственной рукой 45 поправок. Предполагалось выпустить новый устав 3 августа, в день рождения Фридриха Вильгельма III; в это время вспыхнула война, и преобразование стало невозможным. Победа на войне была все же одержана благодаря превосходному управлению войсками со стороны Мольтке и благодаря тому, что по словам Фридриха II: «Le bon Dieu est avec les gros bataillons» (бог на стороне более сильных батальонов). Но батальоны не остались сильными; отчасти это явилось результатом ужасных потерь в августовских сражениях. Вильгельм тогда выразился, что армия не может долго выдержать подобной бойни; высшие офицеры, кажется, забыли все, чему учились на маневрах[2]. При этом король сам забывал, что на маневрах, на основании упорно сохранявшегося им строевого устава 1847 г., учились несогласованной, двойственной тактике: одной устарелой, покровительствуемой свыше, и другой современной, к которой относились недоброжелательно.

Этот экскурс об отношении Вильгельма к крупным вопросам тактики и вооружения я включил в свое исследование (в связи с критикой Фридриха Карла относительно игольчатого ружья) по той причине, что теперь король, как мы скоро увидим, начинает более самостоятельно вмешиваться в оперативную часть, чем раньше. Его письмо от 25 ноября к принцу Фридриху Карлу бесспорно вытекало из собственного решения (мы ведь знаем его боязливость), но все же тут он действовал в полном согласии с Мольтке. Это видно из документа, который последний на другой день отправил Штиле. Тонкость, с которой изложен этот документ, опять-таки заслуживает удивления. Мольтке далек от мысли отсоветовать командованию 2-й армии наступление. Это было нежелательно по различным причинам. Мы знаем, с какой придворной гибкостью Мольтке приноравливался к ярко выраженному чувству собственного достоинства принца. Последнего нельзя было сбивать с толку в его наступательном порыве. В 1866 г. ему этого недоставало[3]; Гебен, хорошо знавший принца по этой кам-

[1] Ср. стр. 115, 124.
[2] См. стр. 175, примечание 1.
[3] Стр. т. I, стр. 447 и 530 (русск. пер. — т. V, стр. 310—311 и 368).

пании, находил его нерешительным. Однако, при существовавшем в кампании 1870 г. соотношении сил для всех немецких начальников был уместен самый смелый наступательный дух; можно было надеяться, что потребность перейти к обороне будет лишь эпизодом.

По этим причинам Мольтке решил составить свою депешу таким образом, чтобы она не рекомендовала прямо, а тем более не предписывала принцу оборону, но чтобы она побудила его косвенным путем, как бы по собственной инициативе, избрать эту оперативную форму (т. е. оборону). В соответствии с этим он сообщил Штиле, что герцог Мекленбургский на марше ко 2-й армии сейчас переходит Луару, и вслед за тем с глубокой серьезностью говорил о том, что после соединения армейской группы с войсками Фридриха Карла можно будет приняться за обмен 2 кавалерийских дивизий; для удивительно чувствительного в таких вопросах принца это было делом чувства, подобно chassez — croisez гвардии и саксонцев при Гравелоте. Подготовив таким способом психологически трудную почву, начальник генерального штаба продолжал: «Мантейфель идет сегодня на Амьен, где весьма значительные силы, кажется, хотят держаться на высоком правом берегу Соммы[1]... Серьезная опасность угрожает... нашим сообщениям с юга, где... Вердер не в состоянии прикрывать всю линию от Монбельяра (около Бельфора) до Шатильона». Затем Мольтке подчеркивает, что силы, противостоящие принцу Фридриху Карлу, представляют «настоящую» армию, и продолжает, все более сгущая краски: «Если бы... вы проиграли сражение, я предложил бы снять блокаду Парижа, причем не следовало бы обращать внимания на потерю своего осадного парка; кронпринц Саксонский с Мантейфелем — против войск, собранных на севере; кронпринц Прусский с вами — против Луарской армии. Как только при решительном превосходстве сил будет одержана победа, произойдет возвращение к Парижу, который вследствие перерыва всех железнодорожных линий не может получать продовольствие и с падением которого мы вернем наши орудия».

Орель-де-Палладин, Дюкро и генерал Фарр (у Амьена) имели вместе 29½ дивизий. Блокадная армия, Фридрих Карл и Мантейфель насчитывали 31 дивизию[2]. В Версале это соотношение сил было довольно хорошо известно; там только преувеличивали силу французов у Амьена. Тем менее мог Мольтке рассчитывать на сосредоточение большого превосходства сил в решительном пункте, местоположение которого едва ли можно было предвидеть. Распоряжения верховного командования не были бы облегчены тем, что 2-я армия уже проиграла сражение, а это ведь и послужило исходным пунктом гипотетических разъяснений Мольтке. Все это не могло ускользнуть от внимания главной квартиры 2-й армии, и потому документ Мольтке, хотя и рассчитанный на бесспорную конечную победу, даже в случае неудачного наступления Фридриха Карла, должен был вызвать в Питивье впечатление, что начальник генерального штаба и король предпочитают, чтобы 2-я армия не рисковала.

Пожалуй, не было надобности в давлении короля, Мольтке и Вальдерзее, чтобы затормозить наступательный порыв Фридриха Карла;

[1] В действительности, как мы увидим ниже, 20 французских батальонов против 33 германских, 2 французских эскадрона против 4 000—4 500 немецких всадников, 60 французских орудий против 114 германских.

[2] Разумеется, 7-й и 14-й корпуса тут не приняты в расчет.

последний сам понимал трудность наступления на Орлеан. Принц вполне сходился во взглядах с Вальдерзее, который, вероятно, по соглашению с ним, послал королю из Питивье следующую характеристику обстановки: «Орлеан по широкой дуге опоясан лесом; затем следует местность, перерезанная заборами и усеянная фермами. Большая часть этих ферм приспособлена к обороне; это относится также к каждому селению и ко всем главным дорогам; последние окопаны канавами; те же самые войска, которые в поле после нескольких гранат обращаются в бегство, тут будут энергично драться».

При немецком наступлении, — продолжал Вальдерзее, — передвижения артиллерии вне шоссейных дорог вряд ли будут возможны, настолько почва размокла от продолжительного дождя. Вместо того чтобы предоставлять французской обороне это преимущество, было бы лучше с немецкой стороны остановиться фронтом на Орлеан, взвалив тяжесть наступления на неприятеля. Когда последнему придется из пересеченной и подготовленной местности выйти на открытую равнину, где германская артиллерия сможет полностью развить свой огонь, тогда будет расстроен излюбленный замысел противника — переходить в наступление лишь после отражения германской атаки.

Итак, в Питивье готовились к обороне против наступления Луарской армии, а в главной квартире короля в Версале ожидали одновременной вылазки армии Дюкро из Парижа. Однако, Мольтке не знал наверняка, произойдет ли эта вылазка в южном или в юго-восточном направлении. Преувеличивая численность способных к операциям французских войск у Амьена и Руана, он допускал также возможность попытки Дюкро пробиться в северо-западном направлении на Руан [1]. Начальник генерального штаба был избавлен от этой заботы победоносным исходом боя при Виллер-Бретоннэ 27 ноября. Мантейфеля с 33 батальонами двинули от Компьеня на Амьен, тогда как 17 батальонов 1-го и 8-го корпусов еще стояли лагерем перед Мезьером и Ля-Фером. Ген. Фарр, занявший оборонительную позицию на железной дороге Ля-Фер — Амьен [2], имел не более 20 батальонов и принял бой лишь потому, что считал бесчестным без сопротивления отдать Амьен, которому Мольтке также придавал большое стратегическое значение. Несмотря на это, Мантейфель, сильно преувеличивая численность противника, не решался произвести атаку, пока не подойдут войска, оставленные против Ля-Фера и Мезьера. Только после сопротивления уступил он Гебену, который настаивал на движении вперед, потому что вместе с Мольтке опасался появления войск, обучавшихся еще в Руане и Лиле. Верным стратегическим взглядом Гебен определил, что немцы имеют превосходство сил; так как будущее было неизвестно, то он высказался за немедленную атаку. По этому поводу Гебен писал своей жене: «Мантейфель всецело предоставил мне решение относительно дальнейших действий... он потом совершенно отстранился, сердечно просит моего совета и безусловно его принимает. Он не полководец и вполне ясно это сознает». Французская пехота состояла наполовину из полевых войск и из мобилей. Многочисленные французы, взятые в плен под Седаном и Мецом и затем бежавшие, придавали маршевым полкам полевой пехоты стойкость, которая весьма затрудняла немцам овладение позицией

[1] См. выше, стр. 269.

[2] Виллер-Бретоннэ лежит левее, а не правее Соммы, где Мольтке искал позицию Фарра (ср. стр. 276).

Виллер-Бретоннэ. Одну взятую деревню немцам пришлось очистить вследствие контратаки французов. Разумеется, французское наступление не могло быть далеко продвинуто вперед. Ведь против 60 орудий посредственной французской артиллерии стояли 114 германских орудий, прошедших через школу Хиндерсина. С другой стороны, немецкой пехоте, несмотря на то, что потери двух восточнопрусских полков доходили до 15%, не удалось охватить гораздо более слабых французов. Превосходство прусской пехоты в маневрировании не подлежало сомнению, но оперативное искусство Мантейфеля оказалось несостоятельным. После боя при Виллер-Бретоннэ (Гебен не без иронии писал домой, что «Мантейфель называет этот бой сражением при Амьене») германский командующий, подобно французскому командующему при Кулмье, составил себе представление, будто дело еще не кончено, а будет продолжаться на следующее утро. Ведь противник все-таки удержал, в основном, свои укрепленные позиции. Однако, сырой и холодный бивак в ноябрьскую ночь очень дурно повлиял на молодые войска. Один французский военный писатель говорит: «Моральное состояние армии не позволяло больше рассчитывать на такие же усилия, как накануне». То обстоятельство, что народное ополчение, упорное в оборонительном бою, плохо переносит лишения, мы будем неоднократно наблюдать и дальше. Но утром 28 ноября Фарр решился на отступление не столько под влиянием дурных психологических впечатлений, сколько потому, что, не рассчитывая больше на поддержку, он должен был опираться лишь на свои 20 батальонов, тогда как Мантейфель мог ожидать, что с подходом пехоты от Мезьера и Ля-Фера на поле боя еще в течение дня сосредоточатся 50 батальонов. Отступление французов к цепи крепостей на бельгийской границе совершилось в полевых войсках в сносном порядке, тогда как мобили имели довольно много дезертиров: 1 000 чел. при 1 400 чел. убитых и раненых. Преследование разбитого противника отсутствовало не только по той причине, что германскому полководцу нехватало сознания одержанной победы. Имея 4 000—4 500 всадников против 2 эскадронов Фарра, Мантейфель мог довольно скоро выяснить положение дел. Но его этапные линии проходили мимо беспокойного Сен-Кантена [1], через неумиротворенный еще Аргоннский лес, а этапных батальонов тут, как и везде, было недостаточно. Кроме того, 1-й и 8-й корпуса должны были иметь в виду, наряду с войсками Фарра на бельгийской границе, также и формировавшийся в Руане 19-й корпус. По этим причинам Мантейфель поступил правильно, ограничившись после успеха у Виллер-Бретоннэ взятием Амьена. Моральное действие биваков в ночь с 27 на 28 ноября улетучилось у французов не сразу: днем 28 ноября и Амьенская цитадель, как зрелый плод, свалилась в руки победителей. Цитадель открыла ворота, хотя 1-я армия не имела при себе никакого осадного парка.

Между тем принц Фридрих Карл стоял на Луаре с 6 дивизиями против 13 неприятельских, если считать, что 17-й и 21-й французские корпуса были скованы армейской группой. Последнее не внушало особого доверия ни в Питивье, ни в Версале, где теперь даже Блюменталь порицал вялые движения великого герцога. С нетерпением ожидала главная квартира 2-й армии того момента, когда произойдет соединение войск герцога с правым крылом армии и можно будет

[1] См. стр. 468.

взять в свои руки командование 17-й и 22-й дивизиями и 1-м баварским корпусом. Частые проливные дожди прямо-таки приветствовались в Питивье, потому что они задерживали наступление мало способного к маневрированию противника. Штиле писал Мольтке: «До прибытия армейской группы неприятель может несколькими корпусами маневрировать в тылу 2-й армии при предпосылке, что мы атакуем его хорошо выбранные и укрепленные позиции на пересеченной местности Орлеанского леса, ввязавшись там в многодневные бои на большом протяжении».

Атака французских позиций перед Орлеаном была, по обоюдному соглашению между главными квартирами в Питивье и Версалем, отсрочена, но Фридрих Карл опасался, что неприятель, обойдя его левый фланг, разобьет его и при обороне. Когда 27 ноября 18-й французский корпус занял Монтаржи на р. Луэн (Loing), принц предположил, что французы по этой реке или вдоль р. Ионны пойдут на Париж; он обсуждал передвижение всех своих сил влево, для чего герцог должен был сначала сменить 9-й корпус на шоссе Орлеан — Париж. Тем временем Фридрих Карл хотел, насколько это было в его силах, обеспечить левый фланг, для чего приказал 10-му корпусу, стоявшему у Бон-ля-Роланда, выдвинуть одну бригаду к р. Луэн в Монтаржи. В это время 10-й корпус имел только 3 бригады; 4-я бригада двигалась по пути от Шомона и находилась еще в расстоянии от трех до четырех переходов. Выполнив приказ принца, Фойхтс-Рец раздробил бы свой корпус. Он не занял Монтаржи, вероятно, по совету Каприви и держал свои силы сосредоточенными у Бон-ля-Роланда. Самостоятельное решение командования 10-го корпуса отвечало требованиям обстановки, так как на следующий день, 28 ноября, 3 бригады ген. Фойхтс-Реца были атакованы у Бон-ля-Роланда 10 французскими бригадами.

Вечером накануне этого сражения принц Фридрих Карл сделал следующую характерную запись в своем дневнике: «После обеда я читал свои старательно собранные в течение 22 лет и с трудом записанные заметки; я имею обыкновение делать это, когда стою перед крупными решениями. Таким образом, прежнее усердие мне уже часто приносило пользу, и мое записанное на бумагу знание давало мне умение». Употребляя выражение Ранке, можно было бы сказать о педантичности принца: в нем не было свободного полета мысли.

Французы, атаковавшие Фойхтс-Реца, находились под начальством командира 20-го корпуса ген. Круза, которому был подчинен командир 18-го корпуса ген. Билло[1]. Из 5 дивизий 20-го и 18-го корпусов 3 дивизии 20-го корпуса двинулись через Бельгард против германского фронта, тогда как 2 дивизии 18-го корпуса, наступавшие от Монтаржи, были назначены для оттеснения немецкого левого фланга. Бой начался в 8 час. утра, причем 20-й корпус атаковал с трех сторон укрепленный городок Бон-ля-Роланд, занятый бригадой Веделя, так ужасно пострадавшей при Вионвиле. Три французские дивизии сражались с большой храбростью и не без искусства, причем их стрелковые цепи перебежками прошли полосу артиллерийского и ружейного огня, приблизясь к немецкой позиции на 100 шагов. Несмотря на это, немцы удерживали Бон-ля-Роланд главным образом артиллерией. Как это

[1] Собственно, этим корпусом, как сказано выше, должен был командовать Бурбаки, но он еще не прибыл с севера на Луару.

и предвидел Вальдерзее, в условиях открытой местности артиллерия наносила французам огромные потери. Хотя в этом сражении 146 французских орудий боролись со 100 германскими орудиями, но в качественном отношении именно в этом роде войск французы особенно уступали немцам. После 4—5 часов боя за Бон-ля-Роланд командир 20-го корпуса ген. Круза стал торопить 18-й корпус наступлением. Последним командовал, как упомянуто выше, ген. Билло, который впоследствии сделался президентом Национального собрания в Версале и несколько раз занимал пост военного министра, причем организовал генеральный штаб. Билло отбил у двух других бригад германского 10-го корпуса несколько деревень. Его успехи отчасти объяснялись тем, что местность тут представляла многочисленные фермы, фруктовые сады и группы кустарников, которые ограничивали действительность артиллерийского огня. Заслуживают внимания действия одного эскадрона французских улан, который, после очищения пруссаками упорно оборонявшейся ими деревни, рассеял одну роту; когда же против него были высланы 2 батальона, открывшие огонь, эскадрон отступил, захватив с собой 50 пленных. Следовательно, 100 французских пик связали на довольно продолжительное время более 1 000 германских ружей. Если немцы позволили 18-му корпусу оттеснить себя, то главная причина этого заключалась в моральном давлении общей оперативной обстановки, потому что восточнее Бон-ля-Роланда вся 2-я армия как бы висела в воздухе. В 2 часа 30 мин. Круза запросил, когда Билло закончит охват немцев; но, несмотря на значительные частные успехи 18-го корпуса, до этого было еще далеко, и раньше чем французы достигли поставленной цели на своем правом крыле, они уже проиграли сражение на левом. В 4 часа 30 мин. подошла одна дивизия 3-го германского корпуса от Питивье. Так как германская пехота обладала маневроспособностью, чего недоставало французской, то 3-й корпус приготовил левому крылу противника ту участь, которую последний замышлял устроить левому крылу 10-го корпуса. 20-й французский корпус был охвачен с левого фланга. Этот удар не мог дать сокрушительного результата по той причине, что 5 германским бригадам все еще приходилось сражаться против 5 французских дивизий. В кавалерии немцы, может быть, имели такие же силы, как французы, но когда два германских кирасирских полка попробовали произвести атаку против пехоты 20-го корпуса, то вследствие размокшей почвы им скоро пришлось от этого отказаться. К этому нужно добавить, что массе в 8—10 эскадронов гораздо труднее двигаться, чем одному эскадрону улан, который на правом крыле французов достиг значительных результатов. Во всяком случае, 20-й французский корпус мог совершить свое отступление на Бельгард без помехи со стороны неприятельской кавалерии, зато немецкая артиллерия еще раз произвела в его рядах ужасное опустошение: 8 батарей, развернувшихся по обеим сторонам Бона, проводили до наступления темноты кровавые борозды в колоннах, отступавших с поля сражения.

Билло, который не ощущал флангового удара 3-го германского корпуса, выслушал известие об отступлении Круза с удивлением и негодованием. 18-й корпус бивакировал на поле сражения, достигнув вечером тех позиций, с которых на следующее утро он хотел, наконец, приступить к охвату 10-го корпуса. Вместо этого 29 ноября было получено приказание Круза опять отойти к р. Луэн, причем 18-й кор-

пус передвинулся не в Монтаржи, а к лежащему несколько севернее Шато-Ландон. Потери обоих французских корпусов при общей численности в 30 000 штыков составили 4 000 чел. Значит, убыль не была чрезмерно велика, но характерным для разложения, которому подверглись во время боя не только отбитые войска Круза, но также и наступавшие войска Билло, является то, что лишь половина французских потерь приходится на убитых и раненых: остальные были нераненые пленные. Немцы потеряли только 1 000 чел. Подобно Орельде-Палладину при Кулмье и Мантейфелю при Виллер-Бретоннэ, Фридрих Карл при Бон-ля-Роланде также не знал, что он одержал победу, и ожидал 29 ноября продолжения сражения. Ввиду этого он вызвал весь 3-й корпус в Бон; 9-му корпусу было приказано 29-го итти в Питивье. Поздно вечером 29 ноября 10-й корпус получил указание выслать одну бригаду в Монтаржи, т. е. выполнить движение влево, которого принц еще до сражения при Бон-ля-Роланде ожидал от Фойхтс-Реца; однако, тогда это натолкнулось на пассивное сопротивление Каприви.

Отход ген. Манштейна от Жуанвиля — Тури на Питивье обнажил шоссе Орлеан — Париж, так как армейская группа еще не подошла на указанное ей место. В день сражения у Бон-ля-Роланда у нее была дневка. Вследствие настойчивых просьб командования 2-й армии великий герцог обещал 29 ноября пройти 5 миль и приблизиться своим правым крылом к левому крылу Луарской армии, дойдя до Вилламблен на дороге Шатоден — Орлеан. Однако, выполнить это обещание в полном объеме было трудно. Со времени боя при Кулмье 9 ноября армейская группа была беспрерывно на ногах. Бесчисленные повозки с людьми, натершими ноги, чрезмерно удлиняли обоз. Это тем более парализовало движение армейской группы, что на ее правом крыле, у Патэ, стояли франктиреры подполковника Липовского, вместе с одной кавалерийской дивизией ожидавшие случая для нападения. При таких условиях, хотя левое крыло армейской группы и дошло вечером 29 ноября приблизительно до Тури, ее правое крыло было еще далеко от противника, и все силы были рассеяны западнее Тури более чем на два перехода. 30 ноября, когда армейская группа стояла между Оржером и Тури, длина колонн все-таки составляла еще более перехода.

Это критическое положение немцев не было существенно улучшено тем, что Фридрих Карл оставил одну кавалерийскую дивизию у Тури, что одна бригада 9-го корпуса стояла лагерем у Базош-ле-Галеранда, между Тури и Питивье, и что 3-й корпус также не весь дошел до Бон-ля-Роланда и частью остался у Бойна. Пожалуй, можно даже утверждать, что раздробление сил немцев, которые имели 10 дивизий против 18 неприятельских и потому особенно нуждались в сосредоточении, от этого еще увеличилось. Впрочем, все это не должно было внушать командованию 2-й армии особых опасений, так как и Луарская армия не была особенно сосредоточена. Она образовала у северной опушки Орлеанского леса дугу протяжением более четырех переходов; фланги ее достигали леса Маршнуар и р. Луэн, 21-й корпус у Ле-Мана находился еще дальше от того района, где в одном пункте должны были быть сосредоточены французские вооруженные силы, хотя теперь корпус приближался к главным силам, согласно приказанию Фрейсинэ от 30 ноября, призывавшего его в Вандом на р. Луар. Правое крыло Луарской армии понесло тяжелое поражение; принц Фридрих Карл в течение 29 и 30 ноября иногда это сознавал, но

понимание этого вновь и вновь затемнялось у него пессимистической оценкой обстановки. Оборонительно-наступательная стратегия исходит из предпосылки, что полководец умеет правильно выбрать момент для перехода от обороны к контрудару. Настал ли этот момент? Фридрих Карл колебался, что соответствовало его характеру. Утром 30 ноября он записал в свой дневник: «Вчера в течение немногих часов я три раза переменил свои взгляды». Затем он посетил в Туре 22-ю дивизию, которую в этот день он хотел бы уже видеть в Базош-ле-Галеранде, и нашел ее очень слабой. Накануне сражения принц отметил: «Мое записанное на бумагу знание дает мне... умение». Однако, обстановка, в которую бывает поставлен полководец, всегда является новой, и изучение своих собственных заметок, собранных в продолжение 22 лет, не помогло принцу принять то решение, которое нанесло бы 20-му и 18-му корпусам смертельный удар и, может быть, привело бы к гибели и 15-й корпус, поставленный впереди Орлеанского леса у Шилера и Шевильи. Графу Вальдерзее, который, повидимому, ходатайствовал о переходе 3-го и 10-го корпусов в наступление, Фридрих Карл ответил, что для полководца самое тяжелое — невыясненная обстановка, самое докучливое — деятельность партизанских отрядов, опирающихся на сильную армию. Наряду с передвижением армии влево, что было ошибкой (мы это сейчас констатируем), принц Фридрих Карл в эти оба дня не сделал ничего, кроме удовлетворения своей известной страсти: 30 ноября он поменял местами обе кавалерийские дивизии. Он записал в свой дневник: «Неприятель употребляет своих франктиреров в качестве завесы, как я мою кавалерию». Если задача германской кавалерии была затруднена франктирерами, то Фридрих Карл не должен был в этот критический момент отнимать от армейской группы кавалерийскую дивизию, хотя он и дал взамен другую. Для производства такого chassez-croisez эта дивизия должна была сначала оторваться от неприятеля, т. е. прервать свою разведывательную деятельность. Ферстер, биограф принца Фридриха Карла, также этого не одобряет.

Утром 29 ноября, когда Мольтке узнал о победоносном исходе сражения при Бон-ля-Роланде, как раз предстояло большое сражение под Парижем при вылазке армии Дюкро. Стратегический замысел Трошю состоял в том, что парижане, одержав победу над блокадной армией, должны были выйти в тыл Фридриху Карлу, и если последний не освободит им дорогу, то через обломки 2-й армии соединиться с войсками Орель-де-Палладина. Армия Дюкро должна была сделать вылазку из Парижа в юго-восточном направлении, т. е. на Бон-ля-Роланд, двинувшись к Брэ на Сене, тогда как Луарская армия пошла бы вниз по Ионне. Трошю 24 ноября сообщил делегации свой план, назначив вылазку на 29 ноября, но воздушный шар был занесен в Норвегию, и депешу получили в Туре только 30 ноября. Между тем, по интуитивному настоянию Гамбетты, Орель-де-Палладин еще 28 ноября попробовал произвести первое наступление. В Париже не смогли соблюсти назначенный на 29-е срок, так как мосты через Марну выше Жуанвиля, которые следовало навести в ночь с 28 на 29 ноября, не были готовы. Ведь в Париже располагали всего 6 ротами сапер. При таких условиях 29 ноября бой произошел к югу от Парижа, у Хай; собственно, он должен был представлять собой диверсию, осуществляемую Винуа одновременно с вылазкой Дюкро для облегчения последней. Прервать бой, когда стала известна задержка с мостами,

сразу не удалось. Винуа уже двинул в атаку против солидных укреплений 6-го корпуса одну полевую дивизию, входившую в состав его армии. Хотя несколько канонерок, поднявшихся вверх по Сене, старались ей помочь огнем против правого крыла 6-го корпуса, французская дивизия была отражена с большими потерями, и один полк потерял треть своего состава раньше, чем удалось прекратить бой.

Постройка мостов у Жуанвиля на Марне не была замечена немцами, но довольно энергичное наступление Винуа и осуществленное в ночь с 28 на 29 ноября занятие лежащей впереди восточных фортов высоты Монт-Аврон указывали на то, что в Париже что-то затевается. Позицию на высоте Монт-Аврон заняла другая дивизия Винуа, расположившая на ней много позиционных орудий. Кронпринц Саксонский сделал из этого заключение о наличии у Трошю плана — пробиваться на север, так как Монт-Аврон лежит на северном берегу Марны. Однако, Мольтке успокоил кронпринца Альберта указанием на взятие Амьена[1], что делало прорыв парижан в северном направлении бесцельным. Начальник германского генерального штаба не сомневался в том, что парижская полевая армия будет искать сражения к югу или к юго-востоку от французской столицы; эта мысль Мольтке основывалась на событиях у Бон-ля-Роланда. Он считал наиболее вероятным, что Дюкро будет наступать между Марной и Сеной, потому что новые батареи с Монт-Аврона обстреливали этот угол к юго-востоку от Парижа, вправо и влево от Суси, гораздо более действительным огнем, чем тяжелые орудия фортов, обстреливавшие все кольцо обложения с самого начала осады. Так как германский генеральный штаб был, естественно, подготовлен к выдвижению неприятельской огневой линии на Монт-Аврон, то из блокадной армии у Суси находилась лишь одна вюртембергская дивизия, представлявшая сравнительно узкую мишень. Утром 30 ноября мосты были готовы только у Жуанвиля, но не выше; несмотря на это, в 6 час. 30 мин. Дюкро с 4 дивизиями перешел реку и оттеснил вюртембергскую бригаду и бригаду 12-го корпуса (прибывшую на помощь с севера) с передовых позиций у Шампиньи и Бри на главную позицию у Вильера. К 11 час. французы не могли продвигаться дальше. Левое крыло немцев, примыкавшее у Шенневьера к Марне, едва ли можно было обойти, а правое крыло было избавлено от этой участи беспомощностью плохо обученных французских войск. Последние имели четырехкратное численное превосходство в пехоте, подобное же соотношение существовало и в артиллерии, но этот род войск с начала войны был у французов посредственным. Теперь «l'abus des formations denses sous le feu» (злоупотребление густыми строями под огнем) сильнейшим образом обесценило также и французскую пехоту, хотя часть ее наступала решительно. После того как в 2 час. пополудни мосты были, наконец, готовы, Дюкро надеялся достигнуть успеха массой. Но начальник его левого крыла ген. Эксеа не отважился перевести через реку свои 2½ дивизии, потому что не совсем доверял поддержке с высоты Монт-Аврон и опасался быть атакованным во фланг Маасской армией, занявшей Гурнэ. Он оставил 1½ дивизии позади у Нейльи; одну же дивизию, посланную за Марну, двинул не на Нуасси-ле-Гран, где Дюкро надеялся охватить защитников Вильера, а боязливо передвинул ее в Бри, чтобы она там примкнула к правому крылу французов. Таким

[1] См. выше, стр. 278.

образом, французские массы все более сгущались, и дело свелось к чисто фронтальной атаке, которая не могла доставить Дюкро превосходства в огне.

Французский полководец, не успевший охватить правое крыло немцев, достиг столь же малых результатов и против их левого крыла. В 9 час. утра одна французская дивизия перешла Марну у Кретейля и в значительном расстоянии от главного поля сражения, близ Бонейля, натолкнулась на обе другие бригады вюртембержцев. Последним пришла на помощь из-за Сены еще одна бригада 2-го корпуса, подобно тому как правому вюртембергскому крылу помогла часть 12-го корпуса с другой стороны Марны. Французы, которые у Бонейля бесспорно уступали немцам в числе, хотя Дюкро их и усилил, были после полудня отброшены на Кретейль с потерей около 15% состава. Такова была вообще средняя цифра потерь для участвовавших в сражении французских и германских войсковых частей, но отдельные полки с обеих сторон, в особенности же тактически не обученные французские полки, понесли еще бо́льшую убыль. Один французский полевой полк потерял треть своего рядового состава, один полк зуавов — даже половину рядового состава и всех офицеров. В некоторых вюртембергских и саксонских полках в бою, продолжавшемся у Вильера до наступления темноты, потери достигали 20—25%. С германской стороны у Вильера и Бонейля сражались 2 дивизии, вюртембергская и саксонская, так как участия прусской бригады больше не потребовалось; Дюкро же действительно ввел в дело 6 дивизий. Укрепленные позиции, обороняемые войсками, имеющими современное вооружение, вообще трудно взять чисто фронтальной атакой.

Однако, при желании блокированной армии сразиться с осаждающими ее силами дело всегда сведется именно к фронтальной атаке. Блокированный может надеяться, что в пункте вылазки блокирующий окажется слабым, так как этот пункт никогда нельзя предвидеть с точностью. И все же, даже при искусном маневрировании произведших вылазку войск, требуется много времени, чтобы отбросить защитников укреплений; между тем делавшему вылазку угрожает едва ли устранимая опасность быть атакованным с обоих флангов войсками, поспевшими на помощь атакованному участку блокадной линии. Это заключение верно и в отношении армии Базена, и в отношении армии Дюкро: будучи блокированными, обе едва ли были в состоянии выиграть сражение и тем открыть себе выход на свободу. Разумеется, такие общие нормы не безусловны, и военная история не дает примеров того, как велика может быть наступательная сила большой армии, блокированной в крепости. Ввиду этого вечером 30 ноября, несмотря на приостановку 95 батальонов Дюкро перед укреплениями Вильера, в главной квартире в Версале признавали положение серьезным, а командующий Маасской армией был настроен еще более пессимистично.

В ночь с 30 ноября на 1 декабря стоявшая до тех пор мягкая погода внезапно сменилась морозом. Французы, у которых генералы пользовались всеми средствами, чтобы повысить подвижность молодых войск, выступили, в надежде на дальнейшую высокую температуру, без шинелей. Теперь перемена погоды тяжело отозвалась на них, тем более что войскам Дюкро, в тылу которых была река, пришлось стать биваками, поскольку дивизии не могли найти места в захваченных селениях Бри и Шампиньи. Вследствие плохой организа-

ции раненые, в числе около 3 000, остались лежать на поле сражения и погибли. Из 95 батальонов Дюкро, сосредоточенных между Нейльи и Кретейлем, 42 батальона почти еще не сражались — отчасти потому что Экзеа задержал их на той стороне реки, отчасти же оттого, что вследствие их неповоротливости не удалось развернуть их. Несмотря на это, Дюкро отчаялся в своем прорыве, место которого было ведь известно противнику уже утром 1 декабря, т. е. за целые сутки. Кто сможет порицать Дюкро за пессимизм? Между тем, начать отступление он еще не мог, так как Трошю это запретил. В политически активной части парижского населения взяли верх круги, все время настойчиво требовавшие борьбы до крайности. Однако, не только политические, но в гораздо большей степени военные причины удерживали парижскую полевую армию на левом берегу Марны. Если депеша от 23 ноября, в которой сообщалось турской делегации о предположенной на 29-е вылазке Дюкро, вероятно, в юго-восточном направлении, дошла по назначению, то теперь на Луаре должны были уже сражаться. Очевидной обязанностью Дюкро было упорным продолжением вылазки помешать передвижению неприятельских сил от Сены к Луаре. Правильно избранный пункт атаки позволял французам, под защитой пушек Монт-Аврона, продлить свое пребывание вне фортов. Вследствие этого Дюкро получил приказ удерживать оба захваченных селения, насколько это позволяли силы 2-й армии. Во всяком случае 1 декабря его войска, ослабленные не только лишениями, но и плохим продовольствием от импровизированного интендантства, неохотно работали над укреплением занятых позиций. Подобно французам, укреплявшимся в Бри и Шампиньи, немцы в этот день укрепляли Вильер и прилегающие селения. Боевые действия до ночи приостановились — сначала по молчаливому соглашению, а потом по заключенному условию для очистки поля сражения.

Мольтке нужна была передышка для перегруппировки немецких сил, в соответствии с точно установленным фактом, что вся или почти вся французская полевая армия атаковала между Марной и Сеной. Против 95 батальонов Дюкро 30 ноября было только 35 германских батальонов. На следующий день, 1 декабря, силы немцев между Марной и Сеной были доведены до 58 батальонов[1]. Командные отношения были несколько запутаны. Вюртембержцы принадлежали 3-й армии, в составе которой они сражались при Верте. Теперь они подчинялись кронпринцу Альберту, потому что сектор между Марной и Сеной принадлежал к местности, охраняемой Маасской армией. За Сеной стоял подчиненный кронпринцу Прусскому 2-й корпус, который теперь был большей частью переправлен через реку для атаки Бри и Шампиньи. Но и от 12-го корпуса еще 2 полка перешли Марну. Система подчинения была урегулирована так, что на кронпринца Альберта, в районе которого происходили бои, было возложено высшее командование над силами 3-й армии и его собственной армии. Командиру 2-го корпуса ген. Франзецкому, который под начальством Альберта должен был командовать всеми сражавшимися войсками, была поставлена задача: отбить у французов обе взятые ими деревни. По мнению кронпринца Саксонского, нельзя было оставить в руках французов Бри и Шампиньи, потому что эти опорные

[1] «Которые представляют собой только 30»,— написал король на полях доклада Мольтке. По этому поводу следует заметить, что боевая сила французских батальонов едва ли была больше.

пункты, вместе с тяжелыми орудиями, доставленными на соседнюю высоту Монт-Аврон, чересчур обесценивали для блокадной армии местность между Марной и Сеной. Франзецкий оспаривал мнение Альберта, поскольку он считал взятие Бри и Шампиньи штурмом едва ли возможным, но он должен был повиноваться. Кровавая трагедия с переменой ролей продолжалась и 2 декабря, причем немцы в этот день были атакующими, а французы обороняющимися. Из 1½ дивизий, расположенных у Нейльи, Дюкро перевел через Марну еще одну бригаду и привлек к обороне Бри и Шампиньи также и дивизию, которая 30 ноября сражалась у Боннейля. Итак, он сосредоточил на своей оборонительной позиции, фронтом всего 2 500 *м*, 85 батальонов (18 штыков на 1 *м*). Если бы германские 58 батальонов могли использовать свое превосходство в маневрировании, то они без особых затруднений справились бы с этими массами. Но позицию, захваченную французами 30 ноября, невозможно было взять обратно посредством охвата, потому что оба крыла Дюкро примыкали к Марне. Если бы немцы попробовали перейти реку правее французской армии, они оказались бы перед образуемым Марной полуостровом Сен-Мор, принадлежавшим к парижской оборонительной системе, при попытке же охватить французов слева они попали бы под уничтожающий огонь орудий с высоты Монт-Аврона.

Ген. Франзецкому, который не был свободен в своих решениях, 1 декабря не оставалось ничего другого, как применить тактику, использованную Дюкро 30 ноября (у Вильера), и со своей стороны произвести против Шампиньи и Бри лобовую атаку. С 7 час. утра до 5 час. вечера кипело сражение, в котором были повторены ошибки Шпихерна и Гравелота, причем в германском лагере никто, не исключая и Мольтке, не осознал перемены в стратегическом положении, происшедшей в пользу германцев. А между тем перемена была громадная. 30 ноября Дюкро хотел разбить осаждающих и прорваться; 2 декабря он продолжал сражаться только ради чести и по той причине, что в Париже было получено благоприятное известие, что на Луаре идут бои и что Орель-де-Палладин старается проникнуть к лесу Фонтенбло, в трехдневных переходах от Шампиньи. В то время как происходила ожесточеннейшая борьба за марнские деревни и удары сменялись контрударами, причем, как говорят, местами дело доходило даже до жестоких рукопашных схваток, Мольтке и кронпринц Саксонский полагали, что наступление французов находится еще в полном ходу; они думали, что если оно и в этот день не приведет к цели, то прорыв будет вскоре повторен французами с полной энергией в столь же выгодном месте. Кронпринц Саксонский считал себя не менее угрожаемым также и на севере и требовал, чтобы его блокадный район был сильнее занят войсками. Мольтке сделал ему ту уступку, что участок от Сены до Суси (южнее Шампиньи) был взят у Маасской армии и передан одной дивизии 2-го корпуса, которая, следовательно, должна была находиться на правом берегу Сены. Блокадный район Маасской армии простирался теперь от Суси до Шату на Сене, ниже Парижа. Мольтке на основании расчетов доказывал кронпринцу Саксонскому, что тот делает ложные выводы из разделения сил между Маасской и 3-й армиями. Правда, Альберт 7 дивизиями должен был прикрывать 45 *км*, а Фридрих Вильгельм 10 дивизиями только 30 *км*; однако, кронпринц Саксонский забыл учесть ряд факторов. Благодаря излучине Сены и искусственному

наводнению[1] Маасская армия практически была избавлена от необходимости оберегать назначенное ей пространство на всем его протяжении. Напротив, «на 3-й армии лежит обеспечение осадного парка, что всегда сковывает значительные силы, а также выделение сильных отрядов на запад и юго-запад, тогда как, благодаря успешному наступлению 1-й армии, тыл и фланг Маасской армии в ближайшие дни будут совершенно обеспечены».

В Версале, как и в Париже, 2 декабря были получены известия с Луары: новый начальник штаба армейской группы Стош сделал неприятное сообщение, что накануне правое крыло великого герцога — 1-й баварский корпус, наконец-то пытавшийся достигнуть Вилламблена, — было атаковано левым крылом Луарской армии у Вильпиона и отброшено к своему исходному пункту — Оржеру. Баварцы сражались у Вильпиона с обычной для них храбростью. Отдельные части потеряли 20%, даже 35%. Принц Леопольд Баварский в качестве командира батареи остановил картечным огнем атаковавшую французскую пехоту (тут впервые выступает 16-й корпус). Если при Верте, Седане и Кулмье баварцы выказали, по сравнению с пруссаками, лишь умеренную боевую силу, то у Вильпиона после перекрестных и поперечных маршей под командованием герцога Мекленбургского они и подавно оказались несостоятельными; после немногих часов боя 3 баварские бригады начали отступление перед 2 французскими, которые вовсе не думали о преследовании.

Мольтке не придал этой неудаче преувеличенного значения, так как Стош телеграфировал, что армейская группа хочет 2 декабря, т. е. в день, когда Франзецкий штурмовал марнские деревни, сосредоточиться к юго-западу от Жуанвиля и отбросить неприятеля к Луаре. Мольтке знал, что на Стоша можно положиться. Возвещенное наступление армейской группы было действительно выполнено, но затем она уже не могла сражаться изолированно, и 2-я армия должна была также наступать. После того как правое крыло Луарской армии, оставившее еще несколько дней назад прикрывавшие его местные препятствия и укрепления, было разбито у Бона, левое французское крыло также вышло в открытое поле. Все предпосылки, от которых, по бесспорно верному суждению графа Вальдерзее, зависела победа немцев над Орель-де-Палладином, вступали в силу. В сознании того, что настал момент, когда немцы на Луаре должны по всей линии перейти от обороны к контрнаступлению, Мольтке в 12 час. 30 мин. 2 декабря телеграфировал медлившему Фридриху Карлу: «2-й армии безусловно необходимо теперь же перейти в наступление прямо на Орлеан, чтобы вызвать решение».

---

[1] Излучина Сены у Шату-Эпинэ; запруда находилась у Блан-Мениля: она была образована посредством ручья Морэ и канала Урк и представляла хорошее прикрытие для гвардейского корпуса.

Мольтке в этом письме Альберту не делает резкого различия между парижским и блокадным фронтом, что явствует из сказанного на стр. 241.

В связи с этим следует упомянуть, что Мольтке еще до установления блокады Парижа поставил кавалерийским дивизиям задачу: один из двух парижских водопроводов, начинающийся южнее Марны у Монмирайля, разрушить, а из другого, образованного к северу от этой реки каналом Урк, отвести воду. Разрушение первого нужно произвести так, «чтобы при могущем вскоре произойти... занятии неприятельской столицы возможно было восстановление его без большой потери времени... Отвод второго сделать таким образом, чтобы отверстие можно было легко засыпать, когда нам самим понадобится вода». Тут мы опять видим, как низко оценивал Мольтке силу сопротивления Парижа.

Тем временем французы отбили все атаки Франзецкого на Бри и Шампиньи; во второй половине дня 2 декабря эти деревни также еще не попали в руки сильно утомленных атакующих войск. 20 германских батальонов потеряли, в среднем, целую треть своего состава. 5 саксонских батальонов, при боевой численности около 1 500 штыков, потеряли в бою за д. Бри 370 нераненых пленных. В эту войну подобный факт был непривычен для немцев и произвел впечатление на всех, вплоть до высших кругов, но неприятеля нужно было прогнать с левого берега Марны во что бы то ни стало. Впрочем, даже и тогда, по мнению кронпринца Саксонского, блокадная линия между Марной и Сеной, после установки французской тяжелой артиллерии на высоте Монт-Аврон, оставалась сильно угрожаемой. Так как под огнем с Монт-Аврона нельзя удерживать Бри, а неприятель имеет пять мостов через Марну, то немцы, по мнению кронпринца, вынуждены постоянно держать войска в боевой готовности вблизи от противника, между Вильером и Нуасси-ле-Гран.

5 дивизий (померанцы, саксонцы и вюртембержцы) в ночь со 2 на 3 декабря частью уже бивакировали между Марной и Сеной, частью же были готовы немедленно выступить туда. На 3 декабря, когда не желали возобновлять безрезультатного кровопролития чисто фронтальной атаки, но зато опасались контрудара противника, была приготовлена к выступлению еще одна дивизия 6-го корпуса — силезцы. Если бы все эти силы действительно собрались перед армией Дюкро, тогда из 15½ германских дивизий, блокировавших Париж по окружности в 70 *км*, 6 дивизий были бы сосредоточены на очень тесном пространстве, так как позиция Бри — Шампиньи имела всего 2,5 *км* по фронту. Тогда немцы имели бы там около 80 батальонов, и Дюкро едва ли был бы сильнее их в пехоте; то же относится и к артиллерии. Все-таки, после того как была установлена неприступность позиции Дюкро, Мольтке согласился с кронпринцем Саксонским, что положение серьезно. Как перед сражением у Вильера[1], так и во время его армия Винуа не оставалась совершенно спокойной, а произвела диверсии к югу и северу от Парижа. Они были слабы, но все же 6 французских батальонов выбили 2 батальона 6-го корпуса из деревни Эпинэ, северо-западнее Сен-Дени. Трудно было определить, сколько наступательной силы заключается в армии Винуа.

В ночь со 2 на 3 декабря мороз был еще сильнее, чем в предыдущую: до —14°С. Оба противника располагались на биваках. 3 декабря французы завязали несколько стычек, тогда как немцы, оперативно беспомощные, целый день держались оборонительно. Мольтке должен был желать, чтобы противник, который, видимо, совсем не хотел очищать левый берег Марны, перешел в наступление, потому что качественное превосходство германских войск, по опыту боя у Бон-ля-Роланда служило залогом германской победы. Но вполне ли подходил этот опыт к сражению у Вильера? У Бона сражались 18-й и 20-й французские корпуса, пехота которых только наполовину состояла из полевых частей, остальное были мобили; у Вильера были введены в дело 13-й и 14-й корпуса, на ¾ полевая пехота. Трошю добавил лишь столько батальонов мобилей, что из 6 дивизий получилось 8½. В общем, здесь преобладали сравнительно хорошо сколоченные части. Во всяком случае, Мольтке

[1] Ср. стр. 282.

принял это во внимание и составил свой план на тот случай, если жестоко пострадавшие немецкие войска, усилить которые не представлялось возможным, будут разбиты у Вильера. В продолжение всего 3 декабря, когда густой туман окутывал долину Марны и французскую позицию, а также еще и утром 4 декабря Мольтке ожидал возобновления атаки со стороны неприятеля. Одну из главных забот начальника германского генерального штаба составлял осадный парк. Он уже стоял не в Нантейле, а в Ланьи на Марне, после восстановления железной дороги до этого пункта. Тем более этот парк мог подвергнуться захвату парижанами в случае их победы при Вильере. Если бы дело дошло до этого, то Мольтке предполагал, сняв блокаду Парижа с севера, направить оба еще не вступивших в бой корпуса Маасской армии, 4-й и гвардейский, к Ланьи. Кронпринц Саксонский должен был отсюда своими свежими войсками атаковать во фланг выдохшиеся уже войска Дюкро и, во всяком случае, прикрыть осадный парк.

Мольтке мог продолжать обложение Парижа посредством 3-й армии, естественно, лишь при условии, что Альберту Саксонскому удастся удерживать армию Дюкро вдали от тыла принца Фридриха Карла; правофланговый корпус 3-й армии, под командой Франзецкого, должен был тогда оставаться южнее Шампиньи. Мольтке обсуждал также возобновление блокады Парижа с севера, что он на этот раз хотел поручить не Маасской, а 1-й армии, которая должна была придвинуться от Амьена через Руан. Создается впечатление, что Мольтке 4 декабря, под впечатлением отбитой 2 декабря немецкой атаки, считал необходимым, в том случае, если бы вообще удалось отбросить полевую парижскую армию за форты, иметь все 3 корпуса Маасской армии в блокадном районе между Сеной и Марной. Но и тогда, по мнению Мольтке, помехой для блокирующего оставалась бы тяжелая артиллерия на высоте Монт-Аврон. Вюртембергская дивизия, выдвинутая в первую линию, должна была несколько податься назад и занять на продолжительное время «укрепленную боевую позицию», — неудовлетворительное решение, поскольку оно утомляло войска. Поэтому Мольтке имел в виду артиллерийскую атаку Монт-Аврона. У Нуасси-ле-Гран, а также на правом берегу Марны нужно было установить 136 тяжелых орудий, доставленных из Ланьи.

Днем 4 декабря, когда туман в долине Марны рассеялся, немцы были изумлены: напряженность обстановки совершенно разрядилась. Бри и Шампиньи были очищены; полевая парижская армия отошла через реку за форты. Прикрываясь туманом, Дюкро произвел этот маневр уже в течение 3 декабря. После того как его войска, при недостаточном попечении интендантства, провели три ночи, с вечера 30 ноября до утра 3 декабря, на биваках, они морально совершенно разложились подобно правому крылу Луарской армии после боя у Бон-ля-Роланда. Маршевые полки полевых войск выказали в бою бо́льшую наступательную силу, чем мобили, но перенесение лишений войны было не по плечу обеим этим составным частям республиканской армии.

Сражение при Вильере, включая диверсии, произведенные Винуа к северу и югу от Парижа, стоило французам 12 000 и немцам 6 000 чел. Французы потеряли около 30%, немцы около 20% рядового состава, находившегося под огнем Вильера, Бри, Шампиньи и при

Бунейле. Труд германского генерального штаба справедливо говорит о большом бое. Сражение при Вильере было относительно столь же кровопролитно, как крупные боевые столкновения первого периода войны; по стратегическому значению оно превосходит Шпихерн и сражения на Мозеле; в этом отношении его можно сравнить лишь с Вертом, потому что оно сломило боевую силу парижской полевой армии.

Тот факт, что французы при Вильере понесли сравнительно бо́льшие потери, чем немцы, зависел не только от неопытности их молодых войск, но также и от недостаточной тактической подготовки высших военных начальников. Последние вышли из армии Наполеона III; такие карьеры, как карьера капита́на I ранга Жореса, были редки. Но и при монархии, как бонапартистской, так и бурбонской (обеих линий), подготовка и генералов и войск была неудовлетворительной [1]. Выше мы видели, что прусский король, ввиду его инертности, являлся препятствием для введения важных военных реформ. Однако, если Вильгельм I и не культивировал в армии духа Гнейзенау и Шарнгорста, то все-таки он не мог думать об его подавлении, потому что этот дух глубоко проникал даже в ряды консервативно настроенных офицеров. Возможно, что в начале войны французская пехота была немного лучше прусской [2], но французская армия в целом уже тогда качественно не была равноценна прусской армии. Когда 8-й корпус на марше из Меца в Амьен прошел Шалон-на-Марне, Гебен написал своей жене: «Один вид этого учебного лагеря объясняет поражения французской армии. Они выбрали для него совершенно открытую, вовсе необорудованную, слегка волнистую местность, которую мы могли бы избрать для строевых учений, но которую для маневров положительно отвергли бы, как не дающую никакой практики. Тут, из года в год, они двигались одним и тем же способом, ставшим с первого раза шаблоном... И понятно, что когда мы использовали местность, захватили леса, неожиданно атаковали их фланги, когда вообще уже необходимость заставила их управлять большими массами на пересеченной местности, то все тотчас же остановилось, и они стали кричать караул, указывая, что мы прячемся в леса [3] и т. п. Понятно, что они были разбиты и оказались беспомощными. Они не учились, они не имели практических упражнений, как же мог получиться другой результат?»

Мы видели, что результат, конечно, мог быть иной, хотя французы не учились и не имели практических упражнений. Решающие причины поражения императорской Франции не заключались в несколько бо́льшей подвижности прусской пехоты; столь же мало они заключались в лучшей подготовке прусских генералов и прусского генерального штаба. Армии Наполеона III были побеждены численным превосходством немцев и гением Мольтке. При Верте, который был в стратегическом смысле главным сражением всей войны и уже заключал в себе ее конечный результат, 5 французских дивизий сражались с 10 германскими, при Гравелоте — 15 французских дивизий против 16 германских; при этом не следует забывать, что в первую половину войны французский батальон был почти вдвое слабее германского. Под Седаном Мак-Магон располагал 14 слабыми, а побе-

[1] Ср. т. I, стр. 432 (русск. пер.— т. V, стр. 299).
[2] Ср. настоящий том, стр. 74.
[3] В 1866 г. австрийцы говорили об обезьяньей тактике пруссаков.

дившая армия 16 сильными дивизиями. При Шпихерне численная слабость французов была не так ярко выражена, при Коломбей — Нуйльи и Вионвиле они имели даже превосходство сил, но в обоих последних сражениях они и не были разбиты, а достигли поставленных себе стратегических целей. Под Шпихерном Фроссар, выполняя общий план, должен был оставаться в пассивной обороне — тактика, всегда имеющая мало шансов на успех.

Организационное преимущество, которое в период между 1815 и 1866 гг. прусская армия приобрела над французской, оказало в первую половину войны решающее влияние, поскольку стратегическое развертывание немцев на границе было произведено быстрее французского. Это имело для хода событий неоценимое значение, но это было все-таки не то, о чем говорит Гебен. Приведенные им моменты проявляются в качестве решающих только при борьбе германских армий с народным ополчением республики. При Бон-ля-Роланде в распоряжении французов для их атак было двойное, при Вильере даже тройное превосходство сил, и все-таки при Боне они были разбиты, а при Вильере не могли победить, потому что их пехота не умела маневрировать и ею неискусно управляли.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

(ОКОНЧАНИЕ)

Глава XI

Победа при Луаньи — Пупри (2 декабря). Прорыв Фридриха Карла через Луарскую армию (5 декабря). Его победа у Божанси (8—10 декабря) и отступление от Луара[1]. Затишье в германских полевых операциях

ПРАКТИКА Гнейзенау, теория Клаузевица и успехи похода 1866 г. возбудили в германских генералах неудержимое стремление к наступлению. Если при Верте это настроение подстрекнуло Блюменталя, как я выразился, разыграть Эмсскую депешу, то этим, собственно говоря, была уже выиграна вся война. Однако, всякая доктрина, даже и здравая, имеет свои пределы, и учение о превосходстве наступления при ведении войны не составляет исключения из общего правила. Необдуманные наступления при Шпихерне и Вионвиле были ошибками. Не слепая энергия, энергия во что бы то ни стало, является залогом победы, а энергия, руководимая разумом, — иначе она бросится в пропасть, разве только общие условия сложатся для нее так

[1] Реку Луар (Loir) не следует путать с Луарой (Loire), а также с притоком Луары р. Луарэ (Loiret). — *Ред.*

благоприятно, как для Камеке и Константина Альвенслебена[1]. Мольтке это знал. Он не доставил Базену удовольствия: не стал атаковать его в районе действия фортов Меца; он остерегся двинуть принца Фридриха Карла в атаку на укрепления в Орлеанском лесу; даже после Франкфуртского мира голова Мольтке осталась настолько холодной, что, на случай войны на два фронта, он, преодолев себя, рекомендовал оборону против западного врага, хотя последний был более опасным, и по теории, господствовавшей в прусском генеральном штабе, а также согласно стремлению, жившему в груди всех прусских генералов, его бесспорно следовало атаковать раньше.

Министры в Туре и их военные советники были не так умны, как их противник. И как в 1866 г. всякий повторял полуистину, что пруссаки обязаны своей победой игольчатому ружью, точно так же в 1870 г. во всем свете, в том числе и во Франции, верили в новое ходячее словечко о наступательном духе, являвшемся причиной германского триумфа. В руководящих кругах французской государственной обороны не отдавали себе ясного отчета в том, что для немцев, успевших быстро развернуть превосходные силы, наступление, конечно, было уместно, но что при другой стратегической обстановке требуется и другой способ действий. Впрочем, Орель-де-Палладин после поражения при Бон-ля-Роланде еще более, чем раньше, настаивал на оборонительно-наступательном ведении войны, потому что ему приходилось нести ответственность за исход чисто наступательных операций, и этот моральный гнет отрезвлял его суждения. Его не смутило и высказанное Жюлем Фавром сомнение: хватит ли продовольствия в Париже дольше, чем до 16 декабря? Но после известия, привезенного спустившимся в Норвегии воздушным шаром[2], Гамбетта не допускал никаких сомнений в том, что наступление против принца Фридриха Карла должно продолжаться. Если правое крыло Луарской армии потеряло боеспособность, то должно было наступать левое крыло. Правда, в ответ на возвещенное Трошю на 29 ноября сражение на Марне не могло последовать одновременное параллельное наступление от Луары, так как только 30 ноября в Туре была получена депеша из Парижа. Это был день, когда армия Дюкро штурмовала Шампиньи и Бри, но перед позицией у Вильера совсем приостановила свое наступление. В этот день произошла также к северу от Парижа диверсия армии Винуа, которая привела французов в деревню Эпинэ[3]. В ночь с 30 ноября на 1 декабря, когда в Тур пришло известие о взятии Эпинэ, в турской делегации смешали Эпинэ близ Сен-Дени с одноименной деревней у Лонжюмо. Отсюда до главной квартиры Фридриха Карла в Питивье было всего от двух до трех переходов. Тем менее мог Орель-де-Палладин, если он не хотел быть смещенным, прекратить наступление, начатое накануне у Вильпиона при благоприятных признаках. Впрочем, оно едва ли могло развиться. Вследствие желания Стоша на следующий день (когда войска Франзецкого истекали кровью перед Бри и Шампиньи) также перейти в наступление 2 декабря должно было произойти встречное столкновение к западу от дороги Орлеан — Париж. В тот же день Мольтке приказал командованию 2-й армии наступать на Орлеан. Следовательно, немцы на Луаре перешли в наступление по

[1] Ср. стр. 103—104 и 124.
[2] Ср. стр. 282.
[3] Ср. стр. 288.

всей линии не из доктринерского нерасположения к обороне, а потому, что моральное разложение правого крыла Луарской армии, после отражения его атаки при Бон-ля-Роланде, вызывало победителей на использование этого огромного преимущества.

Наоборот, Гамбетта, принуждая своего несчастного полководца атаковать 10-й и 3-й корпуса при Бон-ля-Роланде, придавал преувеличенное значение поверхностным мимолетным мнениям. Он сделал бы лучше, обождав некоторое время, пока не выяснилось бы, действительно ли немцы остаются на месте, фронтом к Орлеану, как это советовал королю Вальдерзее. По опыту военной истории известно, что армии бывает не легко выдержать такое испытание ее терпения. Если немецкий фронт на Луаре не мог быть опрокинут, если под Парижем он стоял тверже, чем это временами думал Мольтке в кризисные моменты сражения при Вильере, то тем чувствительнее были слабо занятые этапные дороги немцев. Невозможно было предвидеть, какие еще затруднения вызовет тут партизанская война. Со своей позицией на нижнем течении р. Дуб 14-й корпус[1] не мог прикрывать сообщения германских армий, которые вели через Лотарингию и Шампань на Париж и Орлеан; он не мог даже обеспечить ось всей коммуникационной системы — Марнскую железную дорогу, разве только ему удалось бы разбить противостоящего противника. Впрочем, и тогда для обеспечения этапных линий недоставало бы ландвера; главное же была победа в открытом поле, которую Вердер столь же неспособен был одержать, как и великий герцог Фридрих Франц.

Против Вердера стояла одна французская дивизия под командованием ген. Кремера, в составе которой было только 2 маршевых полка; другая бригада состояла из одних мобилей. Сюда надо прибавить Гарибальди, главная квартира которого была в Отэне; интернациональные отряды его выросли в корпус из 4 бригад. Характерны названия, данные частям этого корпуса: ронские разведчики, ронские франктиреры, марсельская гверилья[2], роты Кольмара, Орана, Алжира и Воклюза, эльзасцы из Парижа, испанский легион, египетские егеря. Считают, что Гарибальди имел под своими знаменами 17 000 чел., а 13 батальонов Кремера насчитывали немного более 7 000 бойцов, так что против 18 000 штыков Вердера могло быть выставлено, повидимому, 24 000 штыков.

Сил 14-го корпуса было вполне достаточно, чтобы разбить эти пестрые, неспаянные части, но личность Гарибальди была фактором, подлежавшим учету. Гарибальди не ограничился партизанской войной, а дал немцам и регулярные бои. Близ Дижона, — у Паска, взятого немцами еще 30 октября, появился Гарибальди с 6 батальонами и 26 ноября бросился на 4 баденских батальона, которые отразили атакующих залпами из 4-шереножного строя. Вердер ответил на это наступление экспедицией против Отэна. Из его 37 батальонов 9 батальонов баденцев выступили в поход 29 ноября, т. е. в день боя при Бон-ля-Роланде, накануне начала сражения у Вильера. Идя вдоль западного края Кот-д'Ор, баденцы после марша, продолжавшегося почти три дня, достигли к вечеру 1 декабря Отэна, следовательно, около того времени, когда баварцы потерпели поражение у Виль-

[1] Ср. стр. 266.

[2] Гверильей в Испании называется народная партизанская война. — *Ред.*

пиона. Баденцы не только были сильно обстреляны из города, но гарибальдийцы отважились также произвести контратаки. Эта схватка не была закончена по следующим причинам. Гарибальди за это время произвел французской дивизией Кремера диверсию против Дижона. У Нюи, будто бы, показалось несколько тысяч этих французов; против них было послано из Дижона около 1 250 чел. баденской пехоты, следовательно достаточно, чтобы разбить неприятеля, но все-таки баденцы отошли назад. В общем, Вердер, подтянувший из соседнего Грэ еще 3¼ батальона 4-й резервной дивизии, располагал в Дижоне $15^{1}/_{5}$ батальонами, Кремер имел 13 батальонов, из которых лишь часть была на месте; значит, атака на Отэн могла быть спокойно доведена до конца. Однако, Вердер все же находил положение напряженным, и, действительно, требовалось полное доверие к баденским войскам, чтобы продолжать операции против Отэна, когда в тылу действовавших там войск Дижон не был вполне обеспечен. Что касается прусских войск Вердера, то главные силы 4-й резервной дивизии стояли в Везуле, тогда как прусская бригада 14-го корпуса была направлена в Шатильон на Сене, чтобы освободить ландвер и резервную кавалерию, блокированные там бригадой Ричиотти Гарибальди [1].

Это раздробление войск тоже производит впечатление, будто Вердер не совсем мог справиться с малой войной, которую вел Гарибальди. Он отозвал баденцев от Отэна, ничего не сделав. 2 декабря, в день, до которого я довел описание событий на Луаре, войска, направленные против Отэна в двух отдельных колоннах, на большом интервале, совершали предписанное им отступление. Между ними выдвинулась часть дивизии Кремера, не принимавшая участия в диверсии против Дижона. По совету Гарибальди эти французские войска заперли узкую долину, по которой двигались 5 баденских батальонов с обозами. Для того чтобы открыть себе путь к отступлению, баденцам пришлось, сражаясь с перевернутым фронтом, брать штурмом крутую гору. Сравнительно малые потери баденцев (около 6%) свидетельствовали о неравноценности противника в регулярном бою; однако, все новые и новые стычки, хотя в отдельности и ничтожные, в сумме приобретали серьезное значение, указывая на недостаточное прикрытие коммуникационных линий германскими войсками. Едва Вердер успел притянуть своих пруссаков из Грэ в Дижон, как гарнизон крепости Безансон напал на эскорт поезда с сотней пленных и освободил их. Немного спустя этот же гарнизон взял в плен команду германских солдат, возвращавшуюся из госпиталя к своим частям.

Ненадежное состояние продовольственного снабжения 14-го корпуса также показывало, что ему следовало стремиться к массовым ударам, не давая себя втягивать в партизанскую войну. В начале декабря в Лотарингии и Бургундии, как и на Луаре и Сене, стояли сильные морозы и целыми днями шел снег. Затруднения вследствие погоды присоединились к необеспеченности продовольственных транспортов 14-го корпуса от франктиреров. Подвоз из магазинов Эпиналя через Мон-Фосиль (отроги Вогезов) в Везуль и Дижон приостановился. Уже 7—8 недель 14-й корпус топтался на месте в этом районе, несмотря на то, что Мольтке тихим, тонким способом ста-

[1] Ср. стр. 266.

рался ускорить его наступление. Теперь корпус испытывал недостаток в продовольствии, потому что местность, из которой коменданты Безансона и Оксонна, по мере возможности, вывезли съестные припасы, уже более ничего не давала. Тщетной оказалась также фуражировка, произведенная пруссаками, которых Вердер вернул в Грэ, к востоку от Саоны, для чего баденские саперы выстроили мост через реку у Понтайлье.

Мольтке 24 ноября потребовал, чтобы 14-й корпус выслал сильные подвижные колонны на север и северо-запад для очищения этапных дорог 2-й армии от обмундированных и необмундированных франктиреров. Позднее он возобновил отмененное указание — наблюдать за Лангром [1]. Одну подвижную колонну составила прусская бригада, освободившая Шатильон на Сене. Она обратилась также против франктиреров, которые действовали в районе Монбара, препятствуя восстановлению железной дороги Шомон — Равьер — Жуаньи [2]; но французы, следуя тактике малой войны, уклонились от удара. Вердер сосредоточил теперь все свои силы у Дижона и Везуля. С другой стороны, та дивизия 7-го корпуса, которая осталась в Меце, когда 2-я дивизия обратилась против Диденгофена, Монмеди и Мезьера, теперь также освободилась после прибытия на смену ей, в качестве гарнизона Меца, ландвера из Германии. Между тем 13-я дивизия только 9 декабря могла собраться у Жуанвиля и Шомона в департаменте Верхней Марны. До этого германские этапные дороги в районе Вогезов были очень плохо защищены, так как предприимчивый комендант Лангра не только производил на них нападения частями своего гарнизона, но и сделал из своей крепости опорный пункт для отрядов франктиреров. В одном приказании Мольтке, относящемся к этому времени, сказано, что учащаются случаи нападения партизан на небольшие отряды: «Не рекомендуется останавливаться на ночлег... в таком населенном пункте, который осмотреть, защитить снаружи и энергично защищать нехватает средств. Если нельзя найти... небольшого селения, то нужно располагаться биваком».

Это ставило жесткие требования маленьким отрядам, тем более что они, по большей части, состояли из ландвера. Мы видели, что в 1859 г. Гарибальди во главе своих «cacciatori» (охотники) влиял парализующим образом на энергию австрийского главнокомандующего Гиулая. Склад ума у Мольтке был совсем другой, чем у Гиулая, да и обстановка для партизанской войны в обеих кампаниях была совершенно различная. В 1870 г. франктиреры появились только в период между сражениями на Мозеле и Седанской катастрофой, когда немцы уже имели крупные шансы на конечную победу; напротив, в 1859 г. страх перед итальянской гверильей еще до начала операций спутал стратегическое мышление австрийского главнокомандующего. Однако, и в 1870 г. смелость, с которой Мольтке сосредоточил 17 дивизий под Парижем, а на Луаре, Сомме и Саоне противопоставил неприятельским армиям лишь равные силы [3], в то время как французскому правительству удалось привести в движение многообразную народную войну, — эта смелость повела к почти невыносимому на-

[1] Об этом — ср. стр. 242, 249, 255.

[2] Ср. стр. 265.

[3] При этом расчете 7-й корпус не принят во внимание, так как он был использован для осады небольших крепостей и на этапных дорогах.

пряжению нервов германского верховного командования. Вследствие этого едва ли можно назвать фантастическим расчет Орель-де-Палладина, что у немцев нервы не выдержат, и, штурмуя его укрепления, они возьмут на себя излишний риск. Больших шансов победить своего опытного в войне противника французы ни в коем случае не имели, но тут на затемненном горизонте, по крайней мере, мелькал проблеск надежды. Гамбетта повернулся к нему спиной; со стороны французов последовали атаки у Бон-ля-Роланда и Вильпиона, которые 28 ноября и 1 декабря привели к тому, что правое крыло Луарской армии было разгромлено 10-м и 3-м корпусами, тогда как левое крыло французов отбросило 1-й баварский корпус.

Когда же Стош 2 декабря, в надежде на моральное потрясение, которое Бон-ля-Роланд должен был произвести не только на правое крыло, но и на всю совокупность неприятельских сил, перешел в наступление [1], Фридрих Франц вряд ли понял его; относительно Фридриха Карла мы знаем это из его собственных заметок. Стошу пришлось облечь свое намерение наступать в такую форму, что сначала он донес командованию 2-й армии только о продвижении вперед «для более энергичной разведки». Только позже, 2 декабря, в Питивье была получена телеграмма, сообщавшая о сосредоточении всей армейской группы для наступления, но принц Фридрих Карл и теперь еще оставался под впечатлением, что к западу от дороги Орлеан — Париж безусловно необходимо поскорее помочь баварцам. Припомним, что после сражения при Бон-ля-Роланде принц, озабоченный возможностью новых атак со стороны правого крыла Луарской армии, предпринял передвижение своей армии влево [2]. Дневник кронпринца Прусского сообщает, что в эти дни Мольтке был вне себя от способа управления 2-й армией. Действительно, Фридрих Карл походил на демосфенова борца, который всегда подставлял для защиты левую руку там, где он получил последний удар. Так, после атаки французов у Бона 2-я армия отошла влево, а после их наступления на Вильпион — опять вправо. В стратегическом отношении эти перекрестные и поперечные марши 2-й армии следует расценивать не выше, чем бесплодные маневры армейской группы в Перше или 14-го корпуса в Бургундии.

В 10 час. утра 2 декабря принц Фридрих Карл сказал ген. Манштейну, что 9-й корпус должен от Питивье отойти к Тури и что, вероятно, вся армия присоединится к этому движению, «чтобы помочь армейской группе». Принц не имел ясного представления о том, что после выигрыша 28 ноября большого оборонительного сражения ему следовало, самое позднее теперь, нанести французам контрудар всеми силами. В 11 час. 45 мин. 3-й корпус телеграфировал из Бона, что противник очистил очень сильный по природным условиям и к тому же укрепленный, Буакоммен; значит, правое французское крыло чувствовало себя слабым. Несмотря на это, принц Фридрих Карл, продолжая опасаться французов, разбитых у Бона, колебался передвинуть свои два других корпуса вправо подобно 9-му корпусу. Между тем это решение было неотложно. Наступление армейской группы, собранной между Тури, Алленом и Оржером (на Оржер были отброшены баварцы), направлялось на Вильпион, следовательно —

[1] Стош был начальником штаба у Фридриха Франца.— *Ред.*
[2] Ср. стр. 280—282.

в сторону от дороги Орлеан — Париж, на юго-запад. Для прикрытия названного шоссе пока ничего не оставалось, кроме кавалерии, — тех двух знаменитых обмененных дивизий, которые там стояли плечом к плечу. Принц приказал той дивизии, которая теперь опять принадлежала ко 2-й армии, выступить против неприятеля с фронта и «обстрелять его конной батареей».

У Шилера на дороге Орлеан — Питивье стояла с французской стороны двойная дивизия 15-го корпуса[1]; две другие дивизии этого корпуса, которые по силе были равны трем, двигались на Пупри, тогда как 17-й корпус через Патэ и 16-й корпус от Вильпиона наступали на Луаньи. Следовательно, в общем, западнее дороги Орлеан — Париж двигались силы, равные 9 французским дивизиям; в это время две другие дивизии заняли позицию на полпути между наступавшими корпусами и теми, которые уже были в огне у Бона. Правое крыло наступавших французских сил у Пупри почти касалось дороги Париж — Орлеан. Этим 9 свежим неприятельским дивизиям Стош мог противопоставить лишь 4 дивизии, из которых обе баварские находились в довольно плохом моральном состоянии. При таких условиях для прикрытия левого крыла армейской группы было, конечно, недостаточно обеих кавалерийских дивизий у Тури! Приближавшийся 9-й корпус, пожалуй, мог ей внушить уверенность, что она больше не может быть разбита, но обстановка требовала большего, а для наступления никогда нельзя быть слишком сильным.

Если Фридрих Карл все-таки колебался — должен ли он приказать 3-му и 10-му корпусам отходить на запад вслед за 9-м корпусом, то это колебание объясняется тем, что до вечера 2 декабря он совсем не хотел предпринимать наступления, а желал только поддержать армейскую группу. Перемена в его намерениях произошла лишь по получении в 1 час 30 мин. 2 декабря той телеграммы Мольтке, которая была написана под гром пушек нерешенного еще сражения у Вильера и которая предписывала 2-й армии поддержать наступление армейской группы наступлением на Орлеан, как ключ расположения Луарской армии[2]. Теперь принц освободился от ответственности, которую возлагало на него предупреждение короля — не ставить на карту достигнутых успехов. Под давлением этой ответственности его стратегическая проницательность и решительность, и без того небольшие, были еще более ограничены. В 2 часа 30 мин. были посланы приказы Альвенслебену и Фойхтс-Рецу — в тот же день вечером выступить на запад. От обоих корпусных командиров не требовалось оказания прямой помощи армейской группе, а 3-й и 10-й корпуса должны были стать один за другим у Питивье с тем, чтобы 3 декабря выступить через Шилер по пути на Орлеан. Было совершенно ясно, что даже в случае одержания левым крылом Луарской армии 2 декабря в окрестностях Луаньи — Пупри второй победы (как бы мало вероятна она ни была при качественном различии баварских и прусских войск) генерал Орель-де-Палладин ни в коем случае не мог бы сделаться господином положения, если бы только принц Фридрих Карл 3 декабря двинулся на Орлеан, прикрытый лишь одной, хотя и сильной, дивизией. Что касается обломков правого крыла Луарской армии у Бельгарда, то Фридрих Карл, после того как Мольтке снял с него

[1] Силой в 24 батальона.
[2] Ср. стр. 287.

ответственность, наконец убедился в их неспособности к операциям и оставил против них только одну слабую пехотную бригаду в районе Бона.

Столкновение армейской группы с левым крылом Луарской армии, после обоюдного перехода их в наступление, произошло 2 декабря в 9 час. утра у Луаньи. Баварцы ожидали здесь подхода 17-й и 22-й прусских дивизий, которые прибыли после полудня. До этого 2 баварские дивизии подверглись новому натиску 3 дивизий 16-го французского корпуса, который еще накануне разбил у Вильпиона 1-й баварский корпус. Французы опять наступали с большой стремительностью и поставили противника в трудное положение. Баварская пехота выказала столь же плохую дисциплину огня, как при Верте и Седане, и после израсходования патронов ее пришлось по частям отвести назад для пополнения боеприпасов. В 11 час. 30 мин. фондер-Танн ввел в дело свой последний пехотный резерв, после того как один полк шеволежеров уже произвел конную атаку, чтобы задержать наступление французов хотя бы на короткое время. Германская кавалерия (к баварской присоединилась также прусская) была по качеству лучше французской, а по численности превосходила ее почти вдвое. При Луаньи ее 44 эскадрона сослужили службу, которой нельзя было бы потребовать от германской кавалерии при Вионвиле [1]. Стойкой пехоте с ружьем Шаспо в руках нечего было опасаться кавалерийских атак; последние могли ее задержать, но не рассеять. Так обстояло дело с пехотой Базена при Вионвиле, тогда как при Луаньи германская кавалерия одержала такие успехи над неспаянными батальонами ген. Шанзи, которые вообще были не по силам этому роду войск в эпоху после Наполеона I. Пехотная дивизия 16-го корпуса, назначенная для охвата правого крыла баварцев, была до такой степени расстроена прусско-баварской конной массой, что порученный ей маневр, в конце концов, не удался.

Около 1 часа дня и позже, когда на поле сражения прибыли 17-я и 22-я прусские дивизии, уланам и драгунам, приданным к первой из этих дивизий, тоже удались такие атаки, которые со столь блестящими результатами могли быть произведены только против подобного противника. Один уланский эскадрон захватил батарею, один драгунский эскадрон бросился на звенья стрелков, подбиравшиеся к прусским батареям, и уничтожил их, несмотря на современное оружие в их руках.

Прибытием пруссаков баварцы были спасены от верного поражения. Если им удалось кое-как удержаться одним в продолжение 4—5 часов, то этим они обязаны, кроме прусской кавалерийской дивизии, прикрывавшей их правое крыло от охвата, еще и качественному превосходству старой баварской артиллерии над вновь сформированной французской. Из этого превосходства баварцы извлекли еще бо́льшую пользу, когда пруссаки атаковали 16-й корпус в правый фланг и около 2 час. 30 мин. баварская артиллерия опять получила возможность продвинуться вперед. В труде германского генерального штаба сказано: «Гранаты 80 с лишком орудий били в массы французских войск с уничтожающим результатом». Один батальон мобилей, охваченный паникой, как 19 сентября зуавы при Шатиль-

[1] Ср. стр. 129 и 136. Кроме того, о французских кавалерийских атаках при Верте см. стр. 77—79.

оне[1], покинул поле сражения и безостановочно отступал, сделав усиленный переход к Орлеану. Однако, дело не дошло до действительного уничтожения 16-го корпуса фронтальным огнем баварской артиллерии или фланговым ударом прусской пехоты. Как сейчас будет объяснено, 22-й дивизии до выполнения своей задачи у Луаньи пришлось свернуть в юго-восточном направлении на Пупри. С противной стороны Шанзи, которому, наряду с 16-м корпусом, подчинялся и 17-й, ввел в бой одну бригаду последнего вместе с корпусной артиллерией. Теперь 3½ дивизии французов сражались против 3 дивизий немцев. Казалось бы, что при таком соотношении сил Стош без особого труда должен был выиграть сражение. Но некоторые французские части сражались с высоким воодушевлением. Например, 800 папских зуавов потеряли ¼ своего состава, атакуя около 4 час. пополудни селение Луаньи, которое они хотели отнять у победоносно вторгшихся туда пруссаков. Командир 17-го корпуса ген. Сони, предпринявший легкомысленную экспедицию от леса Маршнуар к Бру[2] и двигавшийся во главе зуавов, был тяжело ранен. Хуже, чем храбрость противника, было для Стоша то, что по боевой силе 1-й баварский корпус ни в коем случае не мог итти в сравнение с 2 прусскими дивизиями. Против натиска зуавов ген. Трескову пришлось ввести в дело последние резервы 17-й дивизии. Конечно, таким образом, удалось удержать Луаньи, но затем наступила темнота, причем утомленным немцам до темноты не удалось отбросить на большое расстояние 16-й корпус. Наоборот, он бивакировал при сильной снежной метели у соседнего Вильпиона.

Еще менее осязательных результатов достигла 22-я дивизия у Пупри. Ген. Виттих двигался к этому селению, удаленному от Луаньи на милю с лишним, когда Орель-де-Палладин выдвинул 2 дивизии 15-го корпуса (из числа 3) против германской кавалерийской завесы у Тури[3]. Если бы Фридрих Карл своевременно направил 9-й корпус вправо, то 22-й дивизии не пришлось бы преждевременно оставить поле сражения у Ланьи. Одна французская дивизия подходила к Пупри, начиная с 4 час., очень медленно, так как по неопытности в тактических эволюциях позволяла прусской кавалерии часами себя задерживать. Но один маршевый полк бесстрашно атаковал занятую пруссаками деревню Пупри и потерял половину своих офицеров. Вообще французы дрались здесь еще лучше, чем при Луаньи. Ведь 15-й корпус заключал в себе африканские войска вместе с иностранным легионом, т. е. те силы, которые довольно долго преграждали ген. фон-дер-Танну вход в Орлеан и затем разбили его при Кулмье. На левом крыле немцев, у Пупри, бой продолжался до 11 час., тогда как их правое крыло уже в 7 час. вечера стало на биваки; бой, повидимому, остался совершенно нерешенным. Для того чтобы удержаться, немцы и у Пупри должны были ввести в бой свои последние резервы, а французы бивакировали здесь совсем близко от поля сражения, у Артенэ, где в октябре этот самый французский корпус, еще не закончивший своего формирования, был разбит баварцами.

День 2 декабря, когда ген. Франзецкий со столь тяжелыми потерями безрезультатно атаковал французов у Бри и Шампиньи, сопровождался также большою убылью в рядах армейской группы. Потери

[1] См. выше, стр. 238.
[2] См. стр. 272.
[3] См. выше, стр. 281.

в пехоте составляли, в среднем, 15%, но 5 баварских батальонов, на которые обрушился первый удар, только немного задержанный атакой шеволежеров, понесли урон в 25%, а один баварский егерский батальон потерял 35—40%.

5½ (или скрытые 6½) французских дивизий понесли такие же потери убитыми и ранеными, как 4 германские дивизии, а именно 4 000 чел., но вдобавок оставили в руках немцев еще 2 500 нераненых пленных. Армейская группа ввела в бой все свои силы, тогда как с французской стороны оставались в резерве еще 5 бригад 17-го корпуса. Таким образом, в общей сложности 4 германские дивизии стояли против 9 французских[1], и если бы французы все это действительно повели в огонь, то Стошу, вероятно, пришлось бы плохо. Его записи дают наглядную картину тяжести этого дня: «Фокус заключался в том, чтобы оставаться в наступлении, не впадая в оборону... В это время появился новый неприятельский корпус (17-й) как раз перед нашим центром; они могли свободно пройти насквозь, так как нам нечего было противопоставить... С 3 до 5 час. я с озабоченным видом смотрел на солнце, не соблаговолит ли оно зайти. Но его сменила луна, которая ярко и ясно осветила морозную ночь».

Эта морозная ночь была для Мольтке самым ценным союзником. После того как дневной бой 2 декабря привел к потрясению маршевых полков и мобилей, что ускользнуло от внимания немцев, ночные биваки на 3 декабря довершили моральное разложение плохо одетых и обутых французов. Если после Бон-ля-Роланда исчезла наступательная сила правого французского крыла, то после Луаньи — Пупри то же произошло и с левым крылом. Орель-де-Палладин не мог рассчитывать на свое левое крыло даже для обороны, когда 3 декабря Фридрих Карл, с присоединившимся к нему Стошем, двинулся на Орлеан. Орель-де-Палладин приказал 3 сражавшимся накануне корпусам отступать к Орлеанскому укрепленному лагерю, а 2 корпусам, находившимся у Бельгарда в одном большом переходе к востоку от этого лагеря, передвинуться туда же. В вечер сражения при Луаньи — Пупри командование над этими 2 корпусами принял Бурбаки[2]. Он с запозданием получил приказ о передвижении влево и 3 декабря уже не был в состоянии начать сосредоточение к Орлеану. С другой стороны, Шанзи мог выполнить это движение от Вильпиона не иначе, как столкнувшись с армейской группой, которая бивакировала у Луаньи и 3 декабря приняла участие в наступлении Фридриха Карла. Деморализация его войск не позволяла Шанзи рисковать возможностью нового сражения; ведь одна из 3 дивизий 16-го корпуса при соприкосновении с наступавшими баварцами совершенно рассеялась, так что лишь несколько сот человек единственного маршевого полка остались при знамени. Правда, левое крыло Луарской армии достигло вечером 3 декабря западных выступов Орлеанского леса у Буле и Кулмье, но о наступлении против продвигавшихся левее 17-й и 22-й прусских дивизий французский начальник, имевший в своем тылу 1-й баварский корпус, не мог и думать. Следовательно, Шанзи должен был помириться с оттеснением от Орлеана, сохраняя возможность на следующий день отвести 16-й и 17-й кор-

[1] Считая в 15-м корпусе у Пупри 3 дивизии, что соответствует его действительным размерам.

[2] Ср. стр. 279.

пуса к лесу Маршнуар и к Божанси, который лежит на Луаре ниже Орлеана.

Держась по необходимости в стороне, Шанзи, увлекавший за собой только баварцев, давал 22-й и 17-й прусским дивизиям свободу действий против левого фланга 15-го французского корпуса на дороге Париж — Орлеан. Этот корпус имел, кроме того, на шее всю 2-ю германскую армию, и потому Стош рассуждал вполне здраво, когда хотел пренебречь шансами, представлявшимися ему относительно 15-го корпуса, и со всей армейской группой (не только с баварцами, но в особенности с пруссаками) преследовать 16-й и 17-й французские корпуса. Энергичное преследование уничтожило бы эти 6 дивизий, которые причинили впоследствии Фридриху Карлу много хлопот. Однако, принц, желая быть как можно сильнее во время указанного ему наступления на Орлеан, подтянул прусские части армейской группы непосредственно к своему правому крылу.

Утром 3 декабря Фридрих Карл находился между Базош-ле-Галеранд и Тури, откуда 9-й германский корпус должен был наступать против 15-го французского корпуса. В уме принца поверхностное отлично уживалось с существенным. Встретив кавалерийскую дивизию, счастливо возвратившуюся к нему от великого герцога, он занес в свой дневник: «Я испытываю чрезвычайно приятное чувство при мысли, что мои храбрые цитенские гусары опять в моем распоряжении... Там, где благодаря мне совершаются великие дела, эти гусары должны быть».

Я говорил, что 15-й французский корпус имел силу 5 дивизий (все время считая по действительной численности), из которых 3 сражались у Пупри и бивакировали у Артенэ, а 2 прикрывали у Шилера дорогу Питивье — Орлеан. Против этих 5 дивизий наступали 2-я армия и пруссаки армейской группы, всего 8 дивизий[1], в общем направлении на Орлеан. Несомненно, это был чрезмерный расход сил, хотя 17-я дивизия имела легкое боевое соприкосновение с войсками Шанзи у Буле, и, кроме того, нужно было считаться с укреплениями в Орлеанском лесу. Особенного внимания заслуживали укрепления у Серкотта и Гиди, западнее дороги Орлеан — Париж; они оборонялись тяжелой артиллерией из крепостей. При наступлении на этот ключ неприятельской позиции войсковые массы принца и герцога вдвинулись друг в друга и получились задержки марша, так что избыток сил принес лишь вред. В 10-часовом бою французы были оттеснены от Артенэ на Серкотт — Гиди. В 4 час. 15 мин. пополудни, когда уже настолько смерклось, что едва можно было наблюдать за действием германских батарей, принц Фридрих Карл и Стош съехались перед Серкоттом, причем принц узнал о тяжелых потерях, понесенных накануне армейской группой.

Подобно Серкотту и Гиди на западе, Шиллер, расположенный впереди северной опушки Орлеанского леса, был также сильно укреплен. Но если перед первой позицией немцы задержались вечером 3 декабря, не без труда вытеснив своими 4 дивизиями 3 неприятельские из их передовых позиций, то Шилер французы очистили уже в 1 час пополудни после слабого сопротивления. Расстояние между Серкоттом и Шилером составляет около перехода. В боевом районе Шилера на-

[1] Впрочем, одна дивизия 10-го корпуса была ослаблена, вследствие выделения из нее частей, на целую бригаду (относительно основного выделения — см. стр. 281), но нужно сделать скидки такого же рода и для противной стороны.

ходились только 2 французские дивизии против 4 германских (3-й и 10-й корпуса), что объясняет незначительную продолжительность сопротивления французов. Около 6 час. вечера 3-й германский корпус стоял в Лури, так что Орель-де-Палладин уже из-за одной этой угрозы его флангу едва ли мог отважиться на следующий день удерживать позицию Серкотт — Гиди.

У Ашер-ля-Тура на Римской дороге из Чивита Аврелиани в Лютецию Паризиорум[1] одна бригада 15-го французского корпуса столкнулась с войсками 9-го германского корпуса и упорно оборонялась, пока в тылу ее не появились полки 10-го корпуса; потом, при попытке пройти в Орлеан, она ночью в окрестностях Лури натолкнулась на 3-й германский корпус; неудивительно, что от бригады почти ничего не осталось. Не лучше держались и 3 французские дивизии, которые при снежной вьюге в ночь с 3 на 4 декабря бивакировали у Серкотта и Гиди. Утром 4 декабря дороги, ведущие оттуда на Орлеан, покрылись беспорядочно уходившими толпами; офицеры спешили почти так же, как и солдаты.

Этого положения Фридрих Карл не знал, да и вообще он преувеличивал силу сопротивления неприятеля. Согласно приказу по армии на 4 декабря, 9-й корпус и прусские войска армейской группы должны были развернуться перед Серкоттом и Гиди, тогда как 10-й корпус, бивакировавший у Шилера, также был двинут в западном направлении, чтобы составить резерв этих сил. Корпусная артиллерия ген. Манштейна прибыла на фронт, на обоих флангах которого было развернуто по одной кавалерийской дивизии. Против позиции Серкотт — Гиди, на которой никогда не стояло более 3 французских дивизий, принц сосредоточил 6 пехотных дивизий. Герцог находил задачу столь же трудной, как и принц; он предложил охват левого крыла противника. Однако, Фридрих Карл отклонил это предложение, считая себя недостаточно сильным для разделения войск. Потом в 12 час. дня выяснилось, что позицию, внушавшую такие опасения, можно было занять почти без боя.

Во второй половине дня все германские корпуса двинулись на Орлеан, в том числе и баварцы, перед которыми Шанзи отошел на Божанси. К востоку от Орлеана у Шези одна дивизия 3-го германского корпуса должна была преградить путь Бурбаки, который во исполнение приказа старался пройти к Орлеану, но все же от Шези повернул без боя на Жарго. Последний лежит на Луаре выше Орлеана, как Божанси — ниже этого центрального пункта французских позиций, об очищении которого Орель-де-Палладин отдал распоряжение в 4 часа пополудни 4 декабря.

Около этого времени дисциплинированные части французского 15-го корпуса, — например, батальон морской пехоты, еще защищались близ Орлеана против головных немецких частей 3-го и 9-го корпусов, а также 17-й дивизии. На большем отдалении от города обычно было достаточно одного развертывания германской артиллерии, чтобы побудить защитников французских позиций к отступлению. Но перед воротами Орлеана находилось много ферм, окруженных фруктовыми садами[2]. Некоторые из них были ограждены каменными стенами, другие изобиловали изгородями и рвами. Вся конфигурация местности

---

[1] Проложенная еще римлянами дорога из Орлеана в Париж. — *Ред.*

[2] Ср. стр. 244—245.

почти исключала действительное использование артиллерии. Сопротивление французских стрелков, закреплявшихся в каждом благоприятном для обороны пункте, можно было сломить только пехотой. 9-й корпус, которому удалось довольно скоро преодолеть трудную местность, севернее Орлеана у вокзала натолкнулся незадолго до наступления темноты на составленную из стрелковых окопов и баррикад и вооруженную несколькими морскими орудиями позицию, защитники которой энергично отбили атаку одного прусского полка. В труде германского генерального штаба сказано: «В 7 час. вечера ген. Манштейн приостановил наступление, чтобы избежать ночного боя в предместьях Орлеана с противником, видимо решившим оказать отчаянное сопротивление». То же говорится о 3-м корпусе: «Так как упорное сопротивление французов... давало право заключить о еще более решительном сопротивлении в непосредственной близи Орлеана и, кроме того, наступила полная темнота..., то командир корпуса Альвенслебен... отложил атаку этого города до следующего утра».

В действительности Орель-де-Палладин не хотел больше защищать Орлеана. Ведь в бою с превосходными силами в Орлеанском лесу центр Луарской армии был еще гораздо более расстроен, чем ее правое крыло у Бона и левое у Луаньи и Пупри. Некоторые части 15-го корпуса отошли назад до Лиможа, т. е. на пятнадцать переходов! Во всяком случае, при очищении Орлеана в ночь с 4 на 5 декабря пришлось оставить много военного имущества, которое трудно было возместить, после того как в течение войны огромное количество его уже попало в руки немцев. Кроме того, второпях из 5 переправ через реку смогли разрушить только 3; для каменного моста и виадука в данный момент не было взрывчатых веществ. Все же в 10 час. вечера французы заключили соглашение с ген. Тресковым, дивизия которого около 6 час. подошла к Орлеану, о том, что по истечении 2 часов немцы занимают город. В результате в 0 час. 30 мин. 5 декабря великий герцог Мекленбургский во главе 17-й дивизии вступил в Орлеан.

15-й французский корпус отошел за реку у Орлеана; 18-й и 20-й корпуса перешли ее у Жарго и выше; 16-й и 17-й корпуса остались на правом берегу Луары и у Божанси притянули к себе 21-й корпус, формированию которого в окрестностях Ле-Мана тщетно пытался помешать Фридрих Франц и который теперь, вместе с единственной дивизией 19-го корпуса под командованием ген. Камо, был готов к действиям. Так как 17-й корпус вышел из сражения при Луаньи—Пупри довольно сохранившимся, то левое крыло Луарской армии тотчас же после потери Орлеана опять выросло до значительной силы. Иначе обстояло дело с центром и правым крылом, которые не были подкреплены свежими войсками. Правда, 15-й корпус потерял около 2 000 чел. убитыми и ранеными, потому что оборона Орлеана, в общем, была слабая, но немцы взяли 18 000 нераненых пленных, так что, в целом, потери французов достигали 60% боевого состава; 74 орудия попали в руки победителей. Следовательно, 15-й корпус потерпел катастрофу. Так как прошло всего восемь дней после сражения при Бон-ля-Роланде, то моральные и материальные силы 18-го и 19-го корпусов также могли быть восстановлены лишь в недостаточной степени.

Состояние правого крыла Луарской армии тем настойчивее приглашало принца Фридриха Карла к преследованию, что город Бурж, взятия которого так страстно желал Мольтке, был прикрыт только

3 разгромленными корпусами этого крыла. Однако, утром 5 декабря Фридрих Карл приказал лишь, чтобы 9-й корпус, «если возможно», выдвинул одну бригаду за Луару. Ген. Манштейн выполнил это приказание, и его пехота прошла на один переход к югу от Луары, забирая много пленных и значительное количество имущества. Конечно, тут были нужны также большие массы кавалерии, но лишь кавалерийской бригаде 9-го корпуса 5 декабря было приказано преследовать противника в районе Солоня. Только в полдень 6 декабря туда была направлена еще одна кавалерийская дивизия с целью произвести разрушения в одном переходе от Буржа у железнодорожного узла Вьерзон. За исключением этого умеренного проявления энергии, командование 2-й армии ничего не сделало для использования упадка духа 15-го корпуса, в частности, и правого крыла Луарской армии в целом. 10-й корпус был расположен в Орлеане, 3-й корпус — в Шатонефе и Жине выше Жарго, чтобы удерживать линию Луары при наступлении правого крыла противника. Фридрих Карл попрежнему ожидал, что у французов имеются желание и силы итти на Париж, где только что произошло большое сражение у Вильера, выигранное с немалым трудом.

Стош высказался за то, что следует наступать на Вьерзон и далее к соседнему Буржу не незначительной частью германских сил, а главной массой их, но Штиле не хотел и слышать об этом, — он утверждал, будто вся Луарская армия отступила к Буржу, а потому, если 2-я армия пойдет за ней, то неприятель, обойдя ее левое крыло, сможет деблокировать Париж. По справедливым словам Стоша, такое представление являлось призраком, потому что оно приписывало Луарской армии, понесшей три тяжелых поражения (на правом крыле, на левом крыле и в центре), безумное равнодушие к обеспечению своего тыла. Но Фридрих Карл и его начальник штаба имели ведь свои собственные стратегические взгляды. В то время как со стороны Буржа 2-я армия должна была оставаться в обороне, армейская группа получила рано утром 5 декабря, т. е. спустя несколько часов после ее вступления в Орлеан, приказ — в тот же день выступить против Шанзи. Напомним, что последний стоял на правом берегу Луары. Однако, по стратегическим соображениям Фридриха Карла, дело должно было решиться не здесь. Принц ожидал решения от одной дивизии 9-го корпуса, которую он направил по левому берегу реки на Тур. Назначение ее состояло в том, чтобы, перейдя Луару, атаковать с тылу Шанзи, которому командование 2-й армии приписывало небольшую численную и еще меньшую качественную силу.

Принц Фридрих Карл записал в этот день в свой дневник: «Если бы Мец пал на один день позже, если бы 2-я армия днем позже прибыла к Орлеанскому лесу, то блокаду Парижа пришлось бы снять. Это ясно и всеми признается... Победа... у Орлеана ни минуты не вызывала сомнений... Новые французские формирования опять доказали, что дисциплина не может быть основана на одной доброй воле. Вступая в бой, французы скоро убеждаются, что они не солдаты. Если среди них падает граната, они бегут, бросая свои ружья; часто они даже ломают ружья и охотно дают себя забирать в плен. Зачастую также они открывают для своего успокоения сумасшедший ружейный огонь, пока не обратятся в бегство».

Таким образом, принц Фридрих Карл представлял себе довольно ясно, что сражение при Орлеане, как оно официально называлось, хотя

немцы потеряли в нем только 1 700 чел., было не больше, чем военная прогулка. Действительно, не подлежит никакому сомнению, что если бы Базен в результате более строгого применения реквизиций продовольствия мог продержаться дольше, то блокаду Парижа пришлось бы снять. В случае, если бы 2-я армия в конце ноябре еще не появилась на Луаре, то немцы под Парижем, у Ножан-ле-Ротру, и на Сомме насчитывали бы всего 25 дивизий; Дюкро, Фарр и Орель в совокупности — 28½ дивизий[1]. С германской стороны нужно считать еще 14-й корпус, которым, правда, нельзя было располагать под Парижем, но который мог оперировать в поле; зато другая сторона имела еще корпус Гарибальди, сумевший «держать под шахом» ген. Вердера; затем, по своей численности, имели немалое значение отряды обмундированных и необмундированных франктиреров на всех этапных дорогах немцев и даже на фронте. Иной читатель, пожав плечами, скажет по этому поводу, что с 25 победоносными германскими дивизиями можно было наверняка разбить 28 неприятельских дивизий, относительно которых граф Вальдерзее и принц Фридрих Карл согласно сообщают, что некоторые полки имели обыкновение рассеиваться после нескольких пушечных выстрелов. Мольтке блестяще использовал бы выгоды внутренних операционных линий между Дюкро и Орелем. Временное снятие блокады Парижа выглядело хуже, чем было в действительности, так как решение в поле, уничтожавшее части народного ополчения, должно было, по всем соображениям, последовать столь быстро, что парижане за это время не успели бы подвезти по разрушенным железным дорогам сколько-нибудь значительных запасов продовольствия.

С чисто военной точки зрения такие возражения против чванливой записи Фридриха Карла действительно могут произвести впечатление. Но политическое положение не позволяет думать только по-военному. Мы не должны упускать из виду, что во второй половине ноября Россия отказалась от договора относительно Черного моря[2] и что расширение Северогерманского союза с целью превращения его в Германскую империю наталкивалось на серьезные препятствия как в правительстве, так и в народе Баварии и вообще в Южной Германии. В Вене все еще правил Бейст, который отнюдь не отказался от намерения дипломатическими и даже военными средствами помешать распространению преобладания Пруссии на Южную Германию, если уж нельзя было, кроме того, стереть с карты Северной Германии также и изменения, сделанные в 1866 г. Насколько было бы затруднено для канцлера Северогерманского союза ведение дел, если бы Европа узнала, что немцы сняли осаду Парижа и что их осадный парк у Ланьи попал в руки парижан (Мольтке серьезно считался с этой возможностью)! Если бы Базен продержался еще несколько недель, могла со-

[1] См. выше, стр. 276.

[2] Парижский трактат, подписанный 18 марта 1856 г. и закончивший Восточную войну, признал Черное море нейтральным, т. е. открытым для всех коммерческих судов, но закрытым для военного флота. Только Россия и Турция могли содержать в нем определенное небольшое число мелких военных судов, но лишались права иметь на Черноморском побережье военно-морские сооружения. Это ограничение острием своим было направлено против России, потому что Турция, владея входом в Черное море, сохраняла возможность в любой момент ввести туда свой военный флот. Понятно, что русское правительство воспользовалось первым благоприятным случаем для избавления от таких стеснительных обязательств.— *Ред.*

здаться военная обстановка, которая, не говоря уже о возможных осложнениях на Востоке, повлияла бы на политику в том смысле, что Австрия изъяла бы решение вопроса об устройстве Германии из рук одной Пруссии и отменила бы свой выход из Германского союза.

Следовательно, Фридрих Карл по праву гордился делами своей армии, хотя и не сознавал, что в этих достижениях лишь самая ничтожная заслуга принадлежала его собственной оперативной проницательности. Меры, принятые принцем после вступления в Орлеан, также не произвели на Мольтке благоприятного впечатления. Правда, в Версале одобрили наступление армейской группы против Шанзи, но решительно отвергли решение Фридриха Карла остановиться со 2-й армией между Орлеаном и Жином, пассивно выжидая окончательной развязки дел под Парижем. Мольтке написал 7 декабря Штиле: «Не обращая внимания на здешнее положение, 2-я армия должна преследовать неприятельские силы, так как иначе они через несколько дней могут опять собраться позади р. Иевр [1] и по своей численности причинить новые затруднения. Если 2-я армия продвинется, по меньшей мере, до Вьерзона, то неспаянная французская армия может совершенно разложиться и, во всяком случае, потеряет значительную часть своего военного имущества. Нельзя также допустить, чтобы Франция при мирных переговорах могла указать на армию в 100 000 чел., находящуюся в поле. Конечно, будущее нельзя точно предвидеть, но все-таки уже теперь дальнейшим операционным направлением 2-й армии представляется линия Бурж — Невер — Шалон-на-Сaоне. Там постепенно присоединятся 14-й и 7-й корпуса [2].

Далее в инструкциях Мольтке было сказано, что, в случае надобности, 2-я армия должна итти на Лион. После Парижа Лион был первой крепостью в стране, но мы видели выше, что там в управлении принимали участие революционные элементы [3]. Гарнизон сильной крепости в числе 35 000 чел. был совершенно распропагандирован, и префект департамента Роны Шаллемель-Лякур, впоследствии министр иностранных дел (между прочим, знаток немецкой философии), писал, что, кроме 600 солдат морской пехоты, только горсть республиканцев из предместья будет серьезно защищать Лион. С ними он, Шаллемель, будет сражаться против немцев до последнего издыхания, если только республиканцы раньше не отрежут ему головы.

Мольтке одобрил распоряжение Фридриха Карла о направлении 3-го корпуса вверх по Луаре, но потребовал, чтобы оборонительная цель, которую командование 2-й армии ставило себе в связи с этим движением, была заменена наступательной, а именно: 2 колонны, одна из Жина, другая из Орлеана, должны были наступать для соединения в Бурже. Когда принц блокировал Мец, ловкий царедворец Мольтке назвал его укротителем тигра. Депеша от 7 декабря заканчивалась следующими льстивыми выражениями, в каждом слове которых заключалось умно рассчитанное поощрение к наступлению: «Энергично использованной победой под Орлеаном, давшей всему походу решительный оборот, принц разрушает престиж Луары, через которую никогда еще не переходил неприятель,— престиж, казалось, нашедший себе подтверждение в отступлении ген. фон-дер-Танна».

---

[1] Впадает в Шер, на ней лежит Бурж.
[2] Ср. стр. 296.
[3] См. стр. 249.

Одновременно с отправлением этой депеши последовала директива начальника германского генерального штаба, отменявшая подчинение армейской группы принцу Фридриху Карлу. Герцогу Фридриху Францу было высказано пожелание, чтобы, после изгнания французского правительства из Тура, он вернулся в Ле-Ман «в случае, если у Конли (учебный лагерь близ этого города) еще происходит формирование войск». Указания Мольтке относительно операций на Луаре создают общее впечатление, что он, вместе с командованием 2-й армии, видимо, считал, что 21-й французский корпус и дивизия Камо не окажут герцогу значительного сопротивления, тогда как остальные силы Луарской армии отступили к Буржу.

Мольтке рассматривал положение, создавшееся как под Парижем, так и на других театрах, с большим удовлетворением. Он рассчитывал, что еще в декабре запасы продовольствия во французской столице придут к концу. Сражение при Вильере сломило наступательную силу парижан, а операции на Луаре, видимо, дали такой же результат относительно деблокирующей армии. Второе скопление масс в открытом поле — Северная армия — было, как полагали в Версале, уничтожено в зародыше 27 ноября боем при Виллер-Бретоннэ. Мольтке писал, что эта армия в полном разложении отошла на Аррас и что из Лиля ей может быть оказана лишь незначительная поддержка, так как там находятся только gardes mobiles sédentaires (местные формирования национальной гвардии), т. е. военнообязанные, вовсе не получившие военной подготовки. 1-я германская армия после взятия Амьена [1] двинулась на Руан, заняв этот важный в военном отношении пункт на Сене 6 декабря, через день после вступления немцев в Орлеан. Мольтке надеялся, что ген. Мантейфель после Руана возьмет также Гавр, имевший еще более важное значение, потому что там американцы и англичане выгружали в огромных количествах ружья и вообще военные припасы, которые они продавали Франции, не обращая внимания на резкие ноты протеста со стороны Бисмарка. Представлялось возможным захватить находящееся в Гавре военное имущество.

Точно так же на р. Дуб и р. Саоне, где Гарибальди весьма успешно связывал 14-й корпус, начальник германского генерального штаба мог предвидеть поворот к лучшему. К Шомону на Верхней Марне прибыла 13-я дивизия, которая могла быть усилена одной полевой бригадой, притянутой из Эльзас-Лотарингии после перевозки туда 18 запасных батальонов из Германии. Мольтке написал Цастрову в Шомон, что ему, вместе с Вердером, ставится задача обеспечить сообщения 2-й и 3-й армий, и притом не продолжительным стоянием на месте, а наступательными движениями. Прикрытие дороги Шатильон — Равьер — Жуаньи особенно требовало выдвижения до р. Ионны.

Из Версаля убеждали также нерешительного Вердера установить связь с 13-й дивизией и, наконец, запереть Лангр. Кроме того, Мольтке потребовал от него, чтобы он прочно занял пространство между Долем и Арк-э-Сенаном, «куда 14-й корпус раз уже вступал» [2], для перерыва железнодорожного сообщения из Лиона в Безансон и далее в Бельфор. Осада Бельфора должна была быть ускорена всеми средствами.

---

[1] См. стр. 278.

[2] Ср. по этому поводу стр. 257.

Мольтке полагал, что после побед у Бон-ля-Роланда, Вильера и Луаньи — Пупри требуется лишь общее наступление германских полевых армий, чтобы сломить волю республики, но он недооценивал энергичного противника в Туре, сумевшего вторично вызвать задержку в германских операциях, как и в период между Кулмье и Бон-ля-Роланд. Гамбетта сменил Орель-де-Палладина и поступил правильно, если только последнему можно было приписать роковое бездействие 17-го корпуса у Луаньи. Диктатор, опираясь на своего стратегического советника Фрейсинэ, принял лично на себя главное командование на Луаре, причем были образованы 1-я Луарская армия под командованием Бурбаки в составе 15-го, 18-го и 20-го корпусов и 2-я Луарская армия, под командованием Шанзи, включившая 16-й, 17-й и 21-й корпуса, а также дивизию Камо. С этого момента на первый план выступает Шанзи, отнюдь не гениальный, но энергичный полководец.

После занятия армейской группой Орлеана (в ночь с 4 на 5 декабря) Фридрих Карл приказал ей, о чем было сказано выше, утром 5 декабря немедленно выступить против Шанзи. Против этого возражал Стош, который, как доверенное лицо Мольтке и победитель при Луаньи — Пупри, вовсе не был лишен неудержимой энергии, но все же обратил внимание на то, что армейская группа была изнурена ежедневными боями с западными франктирерами и затем вынесла на своих плечах тяжесть сражения при Луаньи — Пупри. В конце концов, она была еще напрасно двинута против 15-го корпуса. Эти усилия и волнения были несравненно больше тех, которые требовались от 2-й армии. Ведь последняя совершила марш от Мозеля к Луаре не слишком быстро [1] и затем только одним из своих 3 корпусов приняла участие в действительном сражении.

Командование 2-й армии, которому тогда еще подчинялась армейская группа, должно было уступить требованию Стоша, согласившись с назначением войскам Фридриха Франца дневок на 5 и 6 декабря. Затем, когда 7 декабря герцог двинулся на Божанси, то против его 4 дивизий выступили 17-й французский корпус и дивизия Камо, следовательно, тоже 4 дивизии. У Менга на Луаре произошел бой, в котором 17-я дивизия и баварцы понесли, правда, лишь небольшие потери (22-я дивизия не была введена в дело), но который для немцев все-таки был неприятной неожиданностью. Считали, что с Луарской армией уже покончено, а между тем теперь пришлось весь вечер 7 декабря сражаться с большой массой свежих войск, которые совсем не обнаруживали упадка духа и оттеснение которых на Божанси стоило 17-й дивизии и особенно баварцам известного усилия. Двигавшаяся по левому берегу Луары 25-я дивизия 9-го корпуса пыталась вступить в бой, хотя бы артиллерией, но без успеха.

После прелюдии у Менга разыгралась 8 декабря у Божанси трагедия трехдневного сражения, в котором 4 германские дивизии должны были сражаться с 9 французскими [2]. Несмотря на то, что 7 декабря дивизия Камо была, в конце концов, охвачена паникой, Шанзи приказал ей вместе с 16-м корпусом на следующий день взять обратно потерянный участок. Она столкнулась, как и накануне, с 17-й прусской дивизией, причем была опять отброшена, очистив и селение Божанси, против которого с левого берега Луары действовали также 8 батарей

[1] См. стр. 257.

[2] Одну из своих 10 дивизий Шанзи поставил на левом берегу Луары против 25-й дивизии.

25-й дивизии. Благодаря этому левое крыло немцев примкнуло к реке, но их правое крыло, 22-я дивизия, повисло в воздухе у Кравана. Ген. Виттиху не только приходилось опасаться обхода своего правого фланга превосходными неприятельскими силами, но он не чувствовал себя обеспеченным и с левого фланга, так как баварцы, составлявшие центр боевого порядка, уже выбились из сил. В продолжение дня ⅓ баварской артиллерии пришлось вывести из боевой линии из опасения, что она попадет в руки мужественно наступавших стрелков 17-го корпуса. Баварская пехота, отличавшаяся недостатком огневой дисциплины и необученная применению к местности, таяла тем быстрее, что Кулмье и Луаньи поглотили большее число ее офицеров. Ведь и в прусской пехоте потери в офицерах во время войны не были пополнены, что наносило сильный ущерб качеству войск, у баварцев же при Божанси был перейден в этом отношении последний предел, отчего наступательная сила их выдохлась.

Разумеется, несмотря на это, французы, в общем, не продвинулись вперед, потому что поражение их правого крыла парализующим образом повлияло на их центр и левое крыло, но Стош все же был удивлен порывом и упорством, с которыми эти «парни» опять атаковали. Корпус капитана I ранга Жореса[1] получил здесь свое боевое крещение. Стош нашел, что французами «замечательно хорошо управляли в бою» и отчаялся в возможности с 4 дивизиями справиться с 9 дивизиями. Он затребовал от командования 2-й армии подкрепления. Однако, Фридрих Карл твердо стоял на том, что у Божанси могут быть только 4—5 французских дивизий; решит дело в стратегическом смысле 25-я дивизия. Стош телеграфировал, что вследствие ледохода на Луаре последняя дивизия тактически не может принести пользы, а между тем, именно это нужно в настоящий момент. На принца Фридриха Карла это не произвело впечатления, что и понятно, так как принц нуждался во всех силах 2-й армии для предписанного из Версаля наступления на Бурж.

В штабе 2-й армии составили следующий проект экспедиции: 10-й корпус, стоявший в Орлеане, должен был, следуя за кавалерийской дивизией, уже выдвинутой в Солонь, наступать на Бурж с фронта; 3-му корпусу надлежало перейти Луару у Жина, чтобы обойти Бурбаки с правого фланга. Несколько искусственными были распоряжения относительно 9-го корпуса: 18-я дивизия получила указание следовать за 25-й, так что весь корпус сначала действовал не против Буржа, а против Тура. Однако, принц назначил 9-му корпусу итти не до Тура, как первоначально предполагалось, а только до Блуа, также расположенного на Луаре. В главной квартире в Орлеане полагали, что уже тогда скажется стратегическое давление, нужное, чтобы дивизии Стоша могли нанести Шанзи сокрушительный удар.

В Блуа ген. Манштейн должен был повернуть в долину р. Шер и, двигаясь вверх по этой реке на Вьерзон и Бурж, выйти против левого фланга Бурбаки. Таким образом, Фридрих Карл со своими 6 дивизиями хотел атаковать Бурбаки, у которого он предполагал наличие 11—12 дивизий, с трех сторон. Силы Бурбаки он оценивал довольно верно. Он только ошибочно приписывал ему 1—2 дивизии 16-го корпуса, которые в действительности последовали не за 1-й, а за 2-й Луарской армией. Что касается сил Шанзи, то принц ничего не знал

[1] См. выше, стр. 249.

о прибытии 21-го корпуса и дивизии Камо. Он не верил в такие массы противника даже после просьбы Стоша о помощи. Во всяком случае, направив также и другую дивизию 9-го корпуса по левому берегу реки, принц предложил ему вместо хлеба камень, потому что из-за ледохода армейская группа все равно не могла установить никакой связи с этими войсками.

Проект операций против Бурбаки был составлен после полудня 8 декабря, в первый день сражения у Божанси. В Орлеане полагали, что 10 декабря 9-й корпус прибудет к Блуа, и одновременно 3-й корпус перейдет реку у Жина по мосту, который должен был быть восстановлен с напряжением всех сил. Во всяком случае, принц, предпринявший наступление против Бурбаки вопреки своему желанию, отметил в своем дневнике: «При теперешнем сильном ледоходе на Луаре понтонный парк нисколько не поможет 3-му корпусу». Однако, в тот же вечер было получено известие от Альвенслебена, что имеющийся у Жина взорванный неприятелем мост, вероятно, будет на следующий день восстановлен. Следовательно, как было предусмотрено в приказе по армии от 8 декабря, 3-й корпус мог 12 декабря стать у Ля-Шапеля севернее Буржа, откуда он должен был обойти правое крыло Бурбаки. 9-й корпус ожидал 13 декабря диспозиции от Штиле у Меннету на р. Шер, к северо-западу от Вьерзона и Буржа, т. е. на позиции, откуда можно было обойти левый фланг Бурбаки. 10-й корпус, направленный против французского полководца с фронта, должен был 13 декабря стоять у учебного лагеря Сальбрис.

План Штиле был бы превосходен, если бы, согласно предложению Стоша, срок его исполнения был назначен вместо 9 декабря на 6-е [1]. Уже выдвижение в этот и предшествующий дни кавалерийских и пехотных частей к югу от Орлеана чрезвычайно увеличило разложение 15-го корпуса и прервало реорганизацию 18-го и 20-го корпусов. Все 3 корпуса прибыли 11 и 12 декабря в самом скверном настроении в Бурж, после того как их начальники, несмотря на снег и лед, ни разу не отважились расположить их по квартирам. Бурбаки намеревался отступить еще на два перехода к югу от Буржа к Сент-Аман-Монтру,— настолько неспособными к сопротивлению считал он свои войска, нуждавшиеся во внутреннем и внешнем восстановлении. Вправо от лагеря у Буржа находился на Луаре г. Невер. Бурбаки считал нужным занять этот пункт, но не решился на это, так как, подобно Базену, был самого низкого мнения о новых демократических формированиях, хотя ради Франции и предоставил себя в распоряжение Турского правительства. Он опасался, что отряд в Невере не выдержит атак 13-й дивизии и 14-го корпуса, из которых 13-я дивизия, по его сведениям, сосредоточивалась близ Оксера на р. Ионне, а 14-й корпус — у Дижона. Не говоря уже о том, что против Дижона стоял корпус Гарибальди (правда, по мнению Бурбаки, ничего не стоивший), этот город был удален на целых семь переходов от Невера, а Оксер все-таки на четыре-пять переходов.

Все психологические предпосылки для блестящего успеха 2-й германской армии над 1-й Луарской армией имелись налицо; 1-я Луарская армия была слаба сверху донизу. К сожалению, в Орлеане переоценивали ее моральную и материальную силу, тогда как 2-ю Луарскую армию недооценивали. Не получив никаких подкреплений от принца

[1] Орлеан был занят ночью 5 декабря в 0 час. 30 мин.

Фридриха Карла, Стош в ночь с 8 на 9 декабря телеграфировал в Версаль: «Если не требуется контрудара, то нужно прислать на подкрепление дивизию, если же мы должны разрешить нашу задачу (разбить неприятеля), то нужен корпус». Мольтке, который доверял Стошу больше, чем командованию 2-й армией, телеграфировал, со своей стороны, в Орлеан, что армейскую группу необходимо возможно скорее усилить, по крайней мере, одной дивизией на правом берегу Луары; одновременное выдвижение больших сил на левом берегу реки предоставляется усмотрению принца Фридриха Карла; ему предлагается снова принять на себя высшее руководство армейской группой.

Может быть, несмотря на это, Фридриху Карлу было бы лучше продолжать наступление на Бурж. После отправки одной дивизии в Божанси, чего Стошу было достаточно для обороны, во 2-й армии оставались бы еще 4 дивизии против 9 дивизий 1-й Луарской армии. С 4 дивизиями против 9 великий герцог попал в опасное положение, но он сражался со свежими войсками, тогда как состояние войск Бурбаки, наголову разбитых у Бона в Орлеанском лесу, превосходило в этот момент всякое описание. Пожалуй, принц уже не настиг бы их, так как вместо движения на Бурж 6 декабря по собственному почину, он занялся этой операцией только вечером 8 декабря под давлением Мольтке. Кроме того, рано утром 9 декабря, незадолго до получения приказа Мольтке об отправке одной дивизии на усиление герцога, принц получил донесение Альвенслебена о том, что исправление моста у Жина, вероятно, потребует более продолжительного времени, чем это предполагалось. Вследствие этого представлялось сомнительным, чтобы 2-я армия действительно могла приблизиться к Буржу 13 декабря, а так как Бурбаки уже 12 декабря сосредоточил там свои 3 корпуса и из страха перед столкновением хотел, в случае преследования, отступать до Лиона, то дело едва ли дошло бы до разгрома 1-й Луарской армии в решительном сражении. Однако, командование 2-й армии могло рассчитывать, что безудержное бегство войск Бурбаки уничтожит возможность их восстановления. Кроме того, из инструкции Мольтке, предписывавшей принцу Фридриху Карлу наступление против Бурбаки, вытекало, что существенным объектом наступления являлась не только живая, но также и материальная сила этого полководца. Мольтке писал: «В названных городах, не имеющих крепостных укреплений (Бурж, Вьерзон и т. д.), расположены главные военные заводы... где, несмотря на произведенную эвакуацию, наверное, еще многое подлежит разрушению».

Создается впечатление, что принц почувствовал себя освобожденным от тяжкой заботы, когда в 10 час. утра 9 декабря получил упомянутую выше телеграмму Мольтке, дававшую командованию 2-й армии право ликвидировать предприятие против Буржа. Если Мольтке предписал принцу поддержать армейскую группу на правом берегу Луары по меньшей мере одной дивизией и предоставил на его усмотрение вопрос о направлении крупных сил по левому берегу вниз по реке, то Фридрих Карл истолковал это распоряжение так, что он должен направить на юго-запад по обеим сторонам Луары по одному корпусу 2-й армии. Принц, пожалуй, поступил правильно, потому что Мольтке трудно было за зеленым столом в Версале предписывать смелые операции, которые, возможно, не отвечали обстановке на Луаре и характеру принца. Как стратег, Фридрих Карл не внушал доверия, и было бы лучше, если бы, вместо погони за двумя зайцами, он всеми

силами наступал на одного противника, с которым уже находился в боевом соприкосновении. Упустив время для начала сражения против 1-й Луарской армии, он мог еще одержать победу над 2-й Луарской армией. Мольтке однажды выразился, что на войне совсем не требуется сделать непременно самое лучшее; достаточно, если разумный план будет проведен энергично и последовательно. Самым лучшим было овладеть военными заводами Буржа и нанести смертельный удар совершенно расстроенной 1-й Луарской армии, так как было ясно, что при отсутствии преследования эти силы будут реорганизованы и опять придется иметь дело с 3 корпусами. Начальнику генерального штаба, который не мог назначать полководцев по своему выбору, приходилось считаться с принцем Фридрихом Карлом. Но если 2-я армия упустила возможность захватить Бурбаки у Буржа и доконать его, она могла бы, в качестве следующей по выгодности операции, по крайней мере, разбить армию Шанзи у Божанси.

Для разрешения этой задачи Мольтке вновь подчинил армейскую группу принцу Фридриху Карлу, который, со своей стороны, приказал: 10-му корпусу из Орлеана итти к герцогу Мекленбургскому; 3-му корпусу из Жина вернуться 9 и 10 декабря форсированными маршами в Орлеан. Ген. Манштейн получил указание с остальными частями 9-го корпуса соединиться у Блуа на Луаре с 25-й дивизией. В то время как 2-я армия взяла направление на юго-запад, принц вспомнил с удовлетворением о преследовании 15-го корпуса, которое он приказал произвести после взятия Орлеана. Как мы знаем, это преследование не было настойчивым, но все-таки железная дорога у Вьерзона была разрушена. На это после взятия Орлеана принц обратил главное внимание. Он записал в свой дневник, что Бурбаки с его 3 корпусами может тремя усиленными переходами двинуться от Буржа к Блуа, а новые французские формирования, по недостатку обоза, до сих пор всегда двигались вдоль неразрушенных, годных для использования железных дорог.

Если бы Бурбаки действительно двинулся для деблокады Парижа (принц после своего вступления в Орлеан все еще опасался этого), то он, во всяком случае, имел бы находившиеся в эксплоатации железные дороги позади себя. Странно было предположение, будто столь плохо снаряженный малоподвижный противник может с 3 корпусами попросту проскользнуть мимо левого фланга принца! Поистине, Стош был прав, когда говорил о призраке!

Телеграмма Стоша, в которой он просил Мольтке о помощи близ Божанси, была отправлена в ночь с 8 на 9 декабря, после того как накануне 9 дивизий Шанзи угрожали одолеть 4 дивизии герцога. Фридрих Франц и Стош готовились еще к двум тяжелым дням, потому что до утра 10 декабря пехота 2-й армии не могла подойти, даже если бы Мольтке добился немедленной ее высылки. Но утром 9 декабря, когда приказ Мольтке об оказании помощи герцогу был получен в Орлеане, Фридрих Франц и его начальник штаба могли считать свое положение уже наполовину облегченным. Баварские аванпосты взяли в плен французского ординарца, из бумаг которого можно было заключить, что Шанзи не намерен продолжать наступление, а предполагает перейти к обороне. Правда, решение французского полководца не помешало тому, чтобы сражение продолжалось 9 и 10 декабря с некоторой горячностью. Из событий, предшествовавших сражению при Верте, мы знаем, что полководцам бывает трудно удер-

жать от боевых действий свои армии, вступившие уже в соприкосновение с противником; где-нибудь заговорят пушки! Стош не хотел вести бои 9 и 10 декабря, потому что он считал себя слишком слабым и ожидал подкреплений; Шанзи чувствовал, что порыв его молодых войск уже выдохся 8 декабря; кроме того, он опасался, что пруссаки, действовавшие на другом берегу Луары, которым он мог противопоставить лишь численно равные силы, недолго останутся без моста, а где-нибудь переправятся. Наконец, он предвидел, что если Бурбаки не атакует принца Фридриха Карла, то последний со всеми своими силами может наброситься на 2-ю Луарскую армию. Позади французского фронта в Жоне находился Гамбетта, прибывший из соседнего Тура. Гамбетта уже распорядился перевести делегацию из Тура в Бордо, но он выдерживал свою роль и метал громы против всякой обороны и отступления, за необходимость которых высказывались военные специалисты. Без него Шанзи, которому казалось, что войска уже утратили наступательную силу, вероятно, еще 9 декабря начал бы отступление. Теперь же диктатор и полководец пришли к соглашению, что 2-я Луарская армия должна продолжать оборону у Божанси в ожидании, пока для облегчения ее 1-я Луарская армия произведет наступление против принца Фридриха Карла в Солони.

На основании сведений, полученных от пленного ординарца, герцог Мекленбургский хотел оттянуть баварцев с фронта и поставить этот корпус в резерве. Но с 7 час. в продолжение всего утра ему казалось, что французы его атакуют. Последние приписывали немцам такое же намерение. Французские стрелковые цепи пытались, как и накануне, атаковать баварские батареи, и опять-таки пришлось убрать в тыл 8 орудий «для восстановления их боеспособности». Одна бригада 22-й дивизии очистила «по недоразумению» несколько ферм, но ген. Виттих не допустил этого, приказав снова захватить потерянные местные предметы. От Кравана на севере до Таверa близ Луары шел горячий бой, в который пришлось ввести все 4 дивизии герцога. Резерв, поставленный Фридрихом Францем у Гран-Шатра, состоял в большей своей части из кавалерии; из пехоты он имел тут лишь 2 прусских батальона и 1 200 чел. баварских резервистов, только утром прибывших с родины.

Около 3 час. пополудни 8 батарей 16-го корпуса достигли Гран-Шатра, где за это время герцог Мекленбургский убедился в том, что плана охватывающей неприятельской атаки в действительности не существовало. В центре и на правом крыле немцев бой совершенно затих, и теперь большая часть баварцев была выведена из линии фронта, как и 22-я дивизия, тоже понесшая чувствительные потери, хотя и меньшие, чем 1-й баварский корпус. Много орудий 22-й дивизии пришло в негодность вследствие выгорания площади клинового затвора. Тактическим результатом этого дня, собственно непреднамеренным, было то, что прусская и баварская пехота со значительными потерями и напряжением сил отняли у французской пехоты небольшой участок местности. Это произошло на правом берегу Луары; на левом берегу 25-я дивизия нашла мост у Мюида так же, как до этого и другие переправы через реку, разрушенным и двинулась дальше на Вьенн, предместье Блуа, оттеснив ту дивизию, которую Шанзи выслал за реку. Произведя смелый штурм, 50 гессенцев овладели сильно занятым замком Шамбор и взяли там 200 пленных с пятью орудиями.

8 декабря обе стороны хотели атаковать и действительно атаковали; 9 декабря оба полководца решили обороняться, но сражение, по самой природе своей, все-таки продолжалось; то же происходило и 10 декабря. Правда, герцог, к которому утром подошли головные части пехоты 10-го корпуса, держался строго оборонительно, но французы, под впечатлением достигнутого немцами накануне захвата местности, сочли свое положение угрожаемым, и Шанзи приказал потерянные позиции взять снова. Такова была единственная цель французского наступления, которое теперь, на третий день сражения, наконец, привело к тому, что французы при своем большом численном превосходстве пытались охватить обнаруженное правое крыло немцев. Однако, маневр, для которого 21-й корпус в 10 час. 30 мин. развернулся у Виллермена, не удался опять-таки вследствие тактической беспомощности французских войсковых частей. Против выдвинутой французами многочисленной артиллерии было сосредоточено у Кравана 19 германских батарей, которые, как всегда в эту войну, получили огневое превосходство.

К 3 час. дня французская артиллерия отошла.

Голова пехоты 10-го германского корпуса стояла с утра у Божанси, а его главные силы вскоре после полудня достигли Бомона. Следовательно, теперь появился еще один корпус, чем Стош обусловливал возможность одержания победы над 2-й Луарской армией. В том же смысле вечером 10 декабря Штиле написал Мольтке, что 2-я Луарская армия должна быть обойдена с обоих флангов, причем армейская группа двинется вдоль опушки леса Маршнуар, а 2-я армия — по обоим берегам Луары на Тур. В этот день Фридрих Карл отметил в своем дневнике, что в существенном он всегда был согласен со своим начальником штаба и расходился с ним только в частностях.

Однако, с того времени как Стош высказал мнение, что с одним лишним корпусом армейская группа может разбить противника, ее борьба с превосходными неприятельскими силами продолжалась еще два дня; эти дни принесли немцам большие потери, хотя высшее французское командование, разделенное на военную и гражданскую верхушки, управляло боем довольно беспорядочно. Несмотря на большую продолжительность сражения, потери 2 прусских дивизий были не слишком велики. Оба ганзейских пехотных полка потеряли самое большее 10%; такие же потери понес и гессенский полк, тогда как тюрингенский полк потерял до 15%. Тем хуже было положение баварцев: начиная с Вильпиона, т. е. с 1 декабря, баварская пехота потеряла 6 000 бойцов из 12 000—13 000. После Божанси 2-я дивизия насчитывала 4 000 штыков, около 300 на батальон. В сравнении с потерями, понесенными всем корпусом с 1 декабря, эта дивизия должна была бы иметь всего 250 штыков на батальон, но половину означенных 4 000 чел. составляли только что прибывшие резервисты. К сожалению, они прошли менее чем 90-дневный срок обучения, и уцелевшая небольшая часть баварских офицеров, нераненых и годных к службе, не знала, что делать с этими сырыми еще новобранцами.

Прусские офицеры свысока смотрели на порядки в баварских войсках. Начиная с Верта, баварцы по своей тактической подготовке всегда оказывались несравненно ниже пруссаков, а теперь, при малочисленности и сомнительной квалификации офицерских пополнений, к этому присоединилась еще слабая дисциплина среди солдат. Все это,

вместе с указанными недостатками обучения, казалось, низводило баварцев почти до уровня французских республиканских войск.

Однако, принц Фридрих Карл относился к беспорядку в этом корпусе не так легко. Перейти с подобными войсками в наступление 10 декабря он считал тем менее целесообразным, что и в прусских частях, входивших в состав армейской группы, обнаруживались симптомы глубокого переутомления. Ведь в течение месяца с лишним армейская группа ежедневно или совершала усиленные марши, так что платье и обувь пришли в ужасное состояние, или же сражалась. Из свежих войск в распоряжении принца 10 декабря находился лишь 10-й корпус у Божанси, но с ним одним он не решался наступать и ожидал 3-го корпуса. Однако, последний при форсированном марше от Жина мог прибыть в Орлеан только 11 декабря и в Божанси лишь в полдень 13-го. Вследствие этого Фридрих Карл хотел отложить наступление против Шанзи на 13-е, а еще охотнее на 14 декабря, с подтягиванием также и 9-го корпуса «по мосту, который надеялись навести». Что касается 1-го баварского корпуса, то он должен был уже 10 декабря двинуться в Орлеан и, сменив там 3-й корпус, занять против Бурбаки резервную позицию[1]. Не без труда герцог Мекленбургский добился того, чтобы баварцам было разрешено 11 декабря простоять еще у Божанси, так как он опасался в этот день новых французских атак. Правда, опасение было неосновательное, потому что 25-я германская дивизия заняла Вьенн. Командир французской дивизии, назначенный для того, чтобы задержать эти войска, успел еще в последний момент, несмотря на сопротивление префекта и населения, взорвать мост, ведущий через Луару из Вьенна в Блуа.

Так же, как герцог опасался французской атаки, Шанзи 11 декабря боялся атаки немцев, и притом с бо́льшим основанием, потому что — кто знает? — может быть, наступление 10-го корпуса через Божанси, в связи с продвижением 25-й дивизии, оттеснило бы 2-ю Луарскую армию как от Тура, так и от Ле-Мана и выгнало бы ее в открытое поле. Но пристрастие Фридриха Карла к chassez—croisez войсковых частей (впрочем, при Божанси подобный маневр более приемлем, чем при Тури или Гравелоте) дало возможность французскому полководцу начать 11 декабря беспрепятственное отступление. Обоз и скопившееся в Мере продовольствие были направлены через Вандом на Ле-Ман. По тому же направлению, при гололедице и плохом питании, двигались и войска. Как при Луаньи — Пупри 15-й и 16-й корпуса, точно так же при Божанси 17-й и 21-й корпуса, вследствие перенесенных лишений и трехдневных безрезультатных (несмотря на численное превосходство) атак, навсегда потеряли свою наступательную силу. Немцы, поджидавшие 3-й корпус и предавшиеся столь желанному для них отдыху, медленно следовали за неприятелем; при этом они захватили многочисленные брошенные ружья и другое военное имущество, оставленное на дороге в большом количестве. Тысячи отсталых попали в немецкий плен. В канавах по сторонам шоссе лежали массами умершие от болезней и лишений. Однако, все эти потери, понятно, не привели еще к уничтожению 2-й Луарской армии, что могло быть достигнуто лишь при беспощадном игнорировании усталости германских войск и при твердой решимости отказаться от непосредственного содействия 3-го корпуса.

---

[1] Точнее — образовать заслон против Бурбаки.— *Ред.*

Шанзи занял 13 декабря укрепленную позицию за Луаром, правым притоком Луары. Фридрих Карл хотел, чтобы мост из Вьенна в Блуа остался неразрушенным; об этом мы читаем в его дневнике. Тогда он мог бы 3-й корпус, следовавший за ним по правому берегу Луары, свободно направить далее по левому берегу и «решить в Блуа, по какому берегу должны наступать на Тур главные силы». Повидимому, Фридрих Карл считал возможным, что Шанзи, вместо Ле-Мана, отойдет на Тур, т. е. в сторону южнее Луары, отдав район Перш, лежащий сравнительно близко от Парижа. Однако, ген. Шанзи не был настолько лишен энергии, иначе Гамбетта немедленно сменил бы его, как Орельде-Палладина. Кроме того, заслуживает внимания, что когда речь шла об операциях 9-го корпуса, проектированных принцем вместе со Штиле, то переход Луары в ледоход, по мнению принца, не представлял непреодолимых затруднений. Ведь эти операции несомненно основывались на предпосылке, что 9-й корпус где-нибудь уж сумеет переправиться через Луару. Зато бурное течение этой реки вызывало у принца большие опасения, когда ее нужно было переходить, по мысли Мольтке, для экспедиции против Буржа, хотя Жин лежал гораздо выше по Луаре, чем участок реки, на котором приходилось переправляться 9-му корпусу.

Так как Шанзи не продолжал своего отступления дальше р. Луар, то 14 декабря враждебные армии стояли здесь друг против друга, как 10 декабря при Божанси. Припомним, что принц Фридрих Карл хотел дать сражение 13-го или, еще лучше, 14 декабря. Случай, который, по выражению Перикла, не ждет на войне, сделал в угоду принцу Фридриху Карлу исключение, и Штиле советовал его использовать. 15 декабря 10-й корпус на левом крыле и авангард 3-го корпуса юго-восточнее г. Вандом имели боевое соприкосновение с противником. Начальник штаба Фридриха Карла высказался за то, чтобы 16 декабря атаковать всю позицию Шанзи между Вандомом и Клуа. Принц с этим согласился, и вечером 15 декабря был отдан приказ по армии, согласно которому 10-й корпус должен был атаковать Вандом с юго-востока, наступая между Сент-Аманом, Сент-Анном и Вильроменом вместе с авангардом 3-го корпуса. Главные силы 3-го корпуса должны были у Кулмье, также юго-восточнее Вандома, примкнуть к своему авангарду. 9-й корпус получил указание расположиться, в качестве резерва, у Вильромена. Тем самым вся 2-я армия была сосредоточена к юго-востоку от Вандома, чтобы одолеть правое крыло Шанзи и одновременно оттеснить его от Тура и Ле-Мана. Между тем, армейская группа должна была держаться оборонительно. Левое крыло противника занимало чрезвычайно сильную позицию, а герцог располагал только 17-й и 22-й дивизиями и одной баварской бригадой, которая по его желанию (Фридрих Карл, кажется, согласился на это неохотно) осталась при армейской группе. Всего было 8½ дивизий против 9 французских, так что, по всем данным, немцам был обеспечен крупный успех.

Между тем немцы должны были спешить с наступлением, так как Шанзи, не чувствуя себя в безопасности на своей позиции, думал уже о продолжении отступления до Ле-Мана. Он чувствовал себя угрожаемым не только на своем правом фланге вследствие наступления принца Фридриха Карла, но и на левом фланге и в тылу, где против него были силы, численность которых ему была неизвестна. После сражения при Луаньи — Пупри, когда левое крыло Луарской армии отошло

на запад, Мольтке послал к р. Луар одну кавалерийскую дивизию, стоявшую у Шартра с 5 батальонами гвардейского ландвера и 5 батареями. Ничего существенного эти войска не сделали. Вообще в эту войну германская кавалерия совершила крупное дело лишь при своевременном выслеживании Шалонской армии на ее пути в Мец; после этого все определялось мнением принца Фридриха Карла о парализующем влиянии франктиреров, опирающихся на сильную армию. Тем не менее, Шанзи во главе деморализованного войска был очень обеспокоен приближением неприятеля к пути его отступления.

9-й германский корпус должен был охватить французов у Вандома, т. е. сыграть главную роль в предстоявшем сражении. После соединения 18-й дивизии с 25-й[1] у Вьенна и отступления французов от Божанси он овладел Блуа, причем 3 батальона переправились на лодках через Луару. Вдобавок 10-й корпус прошел через Блуа, так что Гамбетта, который после совещания с Шанзи посетил город и в страстной речи призывал к обороне, конечно, сорвал аплодисменты, но отнюдь не получил повиновения. Наведение понтонного моста не встречало препятствий. Однако, дело было не так просто, как предполагал Фридрих Карл, который относился ведь менее серьезно к ледоходу ниже Орлеана, чем выше этого города. Мост был готов значительно позже, чем это казалось вероятным принцу, и только около 3 час. 30 мин. 15 декабря он стал проходимым для всех родов войск. Расстояние от Блуа до Вильромена, где 9-й германский корпус должен был сначала занять резервную позицию для сражения, составляет один переход. Следовательно, если было желательно уже в самом начале боя располагать войсками ген. Манштейна, то следовало атаковать не 16-го, а только 17 декабря. Штиле не хотел откладывать действия, но у принца Фридриха Карла утром 16 декабря возникли тяжелые сомнения относительно выполнения приказа по армии, отданного накануне вечером, и он признал наступление без 9-го корпуса ошибкой. Впрочем, воинственный пыл Фридриха Карла охлаждался не только замедлением в прибытии 9-го корпуса; принц считал атаку 16 декабря опасной и по той причине, что главная масса 3-го корпуса, передовые части которого уже 15 декабря юго-восточнее Вандома схватились с французами врукопашную, могла прибыть на поле сражения лишь в течение 16 декабря. Следовательно, пришлось бы подвергнуть эти войска, без предварительного ночного отдыха, напряжению и волнениям кровавых боевых действий; эта возможность мало беспокоила Штиле, который полагал, что для победы ему нужен 3-й корпус лишь в качестве резерва, а 9-й корпус и совсем не потребуется.

В своей истории германо-французской войны Мольтке говорит, что перед Вандомом собрались 10 немецких дивизий, т. е. «значительное превосходство сил». В действительности Фридрих Карл располагал, вместе с неприбывшим еще 9-м корпусом, лишь 8½ дивизиями против 9 или 10 неприятельских. Очевидно, Мольтке не только в качестве историка, смотрящего назад, но еще и в декабре 1870 г. держался того мнения, что сил Фридриха Карла, даже до полного их сосредоточения, хватило бы, чтобы, сообразно стратегическим потребностям, при всяких условиях дать сражение на р. Луар. Если сражения уже нельзя было дать 17 декабря (оно так и случилось, потому что Шанзи еще утром 16 декабря очистил свою позицию), то принцу следовало атако-

[1] См. стр. 310

вать с теми войсками, которые были под рукой. По своей деликатной манере Мольтке, не высказывая прямого порицания, намекает на это в своем историческом труде.

Историческая справедливость требует, чтобы была принята во внимание та моральная атмосфера, в которой Фридрих Карл отказался от энергичного решения. Не только баварцы, но и все германские войска на Луаре уже выдохлись, изнеможение стало всеобщим. Как мы сейчас увидим, Мольтке сам учитывал этот факт в своих стратегических приказах. Этим утомлением войной объясняется также одно место из «Писем» Фойхтс-Реца. Командир 10-го корпуса писал, что сражение «стоило бы страшно много крови...». «Я очень рад,— продолжает он,— что 3-й корпус, задержанный скверными дорогами, не мог принять участия в атаке, так как при своем наступлении он натолкнулся бы на левое крыло неприятельской позиции, сильно укрепленное и занятое 16 орудиями крупного калибра, которые, при благоприятных для них условиях местности, причинили бы огромные потери».

В то время как 2-я германская армия сосредоточивалась к востоку от р. Луар, 2-я Луарская армия французов двигалась на запад, чтобы 19 декабря достигнуть Ле-Мана. Состояние ее войск было таково, что если бы принц Фридрих Карл увидел это собственными глазами; то, может быть, у него все-таки возникло бы решение атаковать. Мобили в деревянных башмаках или просто с ногами, обмотанными тряпками, разрезали свои короткие шинели, чтобы прикрыть наготу. По ночам целые войсковые части дезертировали с ледяных биваков и разбредались с окровавленными ногами и пустыми желудками. Кавалерия вместе с двумя полками жандармов старалась ловить беглецов, что она делала уже при отступлении от Божанси к Вандому. Вследствие лишений быстро распространилось пьянство. Один французский военный писатель говорит: «Недисциплинированность опять подымает голову, после того как в конце ноября (т. е. во время сражений при Бон-ля-Роланде, Вильпионе и Луаньи — Пупри), когда мысль помочь Парижу воспламеняла все сердца, она на момент исчезла».

Принц Фридрих Карл нанес довольно сильное поражение разорванной на две части Луарской армии, но ни одну из этих половин он не уничтожил; этому помешало отсутствие у принца стратегической решительности. Шанзи занял позицию близ Ле-Мана следующим образом: 21-й корпус на левом фланге к северу от р. Юин (Huisne), 17-й корпус в центре у Ле-Мана, 16-й корпус на правом фланге. Последний старался войти в связь с 12 000 чел. свежих войск, которые от Анжера двигались на Ле-Ман, потому что делегация, теперь уже из Бордо, упорно работала над реорганизацией потрясенных армий. Особенно нуждался в коренных оздоровительных мерах, после удара у Божанси, 21-й корпус, который из всех новых регулярных формирований республики был наиболее быстро собран. По численности он имел такую же силу, как в начале войны корпуса Мак-Магона, Базена и Канробера, причем состоял из 4 дивизий [1]. Но в нем было 14 батальонов мобилизованных [2], которые были призваны только в ноябре, и, следовательно, во время сражения при Божанси имели за плечами только четыре недели службы или еще того меньше. 7 батальонов из этих 14 Шанзи, не долго думая, отправил назад в Южную Францию;

[1] При Божанси участвовало всего 3 дивизии.
[2] Ср. о них стр. 249, примечание 1.

солдат он имел в изобилии; его массам нехватало лишь выучки и организации.

В сопоставлении с успехами прусского ландвера в 1913 г. я уже раз поставил вопрос: не мог ли тот импульс, который в 1913 г. крупные военные деятели дали вооруженным массам, в 1870 г. с французской стороны привести к подобным же успехам? Во всяком случае, после вооруженного народного восстания, последовавшего за крушением Второй империи, этот вопрос оставался открытым, и Мольтке, столь же осмотрительный, как и смелый, основательно принимал во внимание возможность такого серьезного оборота дел. После того как сражение при Божанси не привело к уничтожению 2-й Луарской армии, Мольтке уже больше не верил, чтобы Фридрих Карл вообще мог достигнуть такого результата против Шанзи. В телеграммах, написанных 12 и 14 декабря, начальник германского генерального штаба намекнул на это ген. Штиле. Телеграммы вообще проникнуты подавленным настроением. Мольтке высказал мнение, что Луарская армия совсем не уничтожена. Баварский корпус у Орлеана едва ли сможет дать отпор восточной половине этой армии «под начальством дельного Бурбаки», особенно если последний перейдет в наступление по правому берегу реки через Жин. Для того чтобы в данном случае угрожать ему справа, 13-я дивизия будет направлена на р. Ионну [1]; все же ген. Цастров должен там оставаться возможно дольше, потому что работы на железной дороге Шатильон-на-Сене — Жуаньи — Мелен [2], которая вскоре будет открыта для движения, нуждаются в прикрытии.

Вообще же Мольтке твердо стоял на том, что Штиле следует стараться отобрать у Бурбаки Бурж; он хотел также, чтобы Тур был занят одной дивизией. Напротив, от преследования Шанзи внутри удобного для обороны района Перш Мольтке пока отказался, принимая во внимание потери немецких войск во время маршей и то обстоятельство, что их одежда обратилась в лохмотья. Чтобы удерживать 2-ю Луарскую армию вдали от Парижа, армейская группа должна была занять оборонительную позицию. Оптимизм, которым был проникнут Мольтке после сражения при Вильере, значительно уменьшился между 5 и 14 декабря, что видно из следующего выражения во второй телеграмме к Штиле относительно Парижа: «Мы должны быть готовы к долгому сопротивлению».

Начальник германского генерального штаба не исключал возможности, что Бурбаки снова перейдет в наступление, и, действительно, едва собрав свои 3 корпуса у Буржа [3], он уже двинулся по направлению на Вьерзон и Орлеан. Фрейсинэ хотел, чтобы Бурбаки прошел еще дальше по направлению на Орлеан до р. Сольдр. Однако, Бурбаки ограничился вытеснением германской кавалерийской дивизии из Вьерзона и отряда баварской пехоты из Жина. Задаваясь гораздо более широкими планами, Фрейсинэ и Гамбетта требовали марша 1-й Луарской армии на Жин и далее через Монтаржи и Фонтенбло на Париж. Все эти надежды и проекты рассеялись, как дым, когда Гамбетта 16 декабря посетил армию в Мехене и убедился в ее отчаянном состоянии.

Это был тот день, когда перед Вандомом принц Фридрих Карл не решался приступить к исполнению своего собственного приказа отно-

[1] Ср. стр. 308.
[2] См. там же. Мелен расположен на Сене к юго-востоку от Парижа.
[3] См. стр. 311—312.

сительно атаки против Шанзи. Убедившись в колебаниях принца, Штиле предложил, ввиду событий у Жина и Вьерзона, а также директив Мольтке, произвести отступление 9-го и 3-го корпусов к Орлеану. 10-й корпус должен был остаться перед Вандомом, заняв, по мысли Мольтке, одной дивизией Тур — важный железнодорожный узел, связывавший Южную Францию с Ле-Маном.

Сначала Фридрих Карл противился тому, чтобы, ничего не сделав, повернуть от Луара к Луаре. Он записал в дневнике: «Я не хочу задерживать завтрашний (17 декабря) подход 9-го и 3-го корпусов для сражения..., в которое я, правда, не верю... После этого — обратиться против Бурбаки». Однако, когда в течение 16 декабря для принца стало ясным, что Шанзи не доставил ему удовольствия ждать до 17 декабря, а уже 16-го находился в полном отступлении, Фридрих Карл принял предложение своего начальника штаба. В 2 часа 30 мин. он лично приостановил марш 9-го корпуса к Вильромену и повернул его на дорогу в Орлеан. При весьма неблагоприятной погоде это войсковое соединение сделало за 24 часа переход в 11 немецких миль. В 4 часа 3-й корпус также получил приказ спешно вернуться в Орлеан. Таким образом, стратегия принца на Луаре постоянно приводила к бесполезному или невыгодному расходованию сил: сначала, после сражения при Бон-ля-Роланде неуместное движение к левому флангу; потом обратный марш; после этого наступление к Луару, которое, вместо того, чтобы сильными ударами существенно способствовать быстрому окончанию войны, дало лишь умеренные результаты и снова вызвало форсированный отступательный марш. Фридрих Карл, Фридрих Франц и ген. Вердер,— все трое вели войну больше сапогами, чем ружьями; они действовали не в духе Мольтке и вообще плохо. Если, несмотря на это, сражения при Бон-ля-Роланде и Луаньи — Пупри были выиграны, то заслуга должна быть приписана двум умным штабным офицерам (на верхах армии к умным офицерам иногда относились с легкой иронией): Каприви и Стошу.

Теперь, когда мы основательно познакомились с принцем Фридрихом Карлом как стратегом, будет уместно дать окончательную оценку его противнику в Меце — Базену. Последний имел столько же пехоты, как Фридрих Карл; каждый из обоих полководцев располагал 100 000 бойцов этого рода войск. Под Парижем немцы имели 115 000 чел. пехоты; полевые войска во французской столице насчитывали около 70 000 ружей. Следовательно, в численном отношении Базен имел перед Трошю большое преимущество; еще больше было преимущество в качестве войск. Несмотря на это, Трошю удалось в сражении при Вильере поставить осаждающих в положение, при котором они почти истекли кровью, произведя с 58 батальонами фронтальные атаки против 85 батальонов на неприступной позиции. Мольтке совершенно серьезно считал, что армии Дюкро удастся прорваться. Базен имел против себя не Мольтке, а Фридриха Карла. Базену также удалось вызвать немцев при Ладоншане на кровопролитную атаку. Допустим, что полководец Рейнской армии стоял бы по способностям не ниже, а выше Фридриха Карла; возможно, что подобный человек обладал бы тогда достаточной осмотрительностью для более строгого сбора и распределения продовольствия. Вследствие этого он не только смог бы продержаться в Меце так же долго, как Базен (с целью выигрыша времени для создания новых французских армий), но после этого оказался бы еще в состоянии сделать попытку прорыва. Прорыв, пред-

принятый с максимальной энергией, чего требует самая природа этого предприятия, даже в случае конечной неудачи был бы стратегическим успехом, потому что при всяких условиях он уничтожил бы значительную часть армии Фридриха Карла. Но и без таких сильных потерь этой армии едва хватило на Луаре, в то время как в тылу ее, у Вильера, исход действий стоял на острие ножа.

Во время одного из походов, когда один критически настроенный генерал задал Мольтке вопрос, не представляется ли ему положение чересчур опасным, великий молчальник со спокойной иронией ответил: «Война вообще опасна». Это не освобождает историка от обязанности точно выяснить себе и своим читателям смелость, которой было проникнуто военное искусство Мольтке. Только при этом условии мы будем справедливы как к нему, так и к оппонентам его стратегии, о чем при случае уже говорилось и чему, большей частью, будет посвящена следующая глава. Что касается Базена, то историк понимает тот гнев, с которым французская нация осудила этого бездеятельного человека, поставленного на ответственный пост, хотя, как солдат, он и желал добра своей стране, а как политик, которым он был лишь поневоле, руководствовался не личными, а патриотическими мотивами.

После этого ретроспективного взгляда на описанные раньше события я продолжаю свой рассказ с того момента, на котором я остановился, т. е. с 16 декабря 1870 г. Тогда Мольтке запретил продолжать наступление 2-й армии на Ле-Ман и разрешил принцу Фридриху Карлу только наступательные движения против Тура и Буржа; падение Парижа он стал рассматривать как вопрос еще неопределенного будущего. Эта менее оптимистическая оценка военной обстановки, отражение которой мы наблюдаем в телеграммах к Штиле от 12 и 14 декабря, обострилась еще более в следующие дни. Мольтке написал 17 декабря начальнику штаба принца Фридриха Карла: «Мы не можем следовать за неприятелем до его последних опорных пунктов, например... до Буржа, не можем долго оккупировать отдаленные провинции, как то: Нормандию, Бретань или Вандею (Ле-Ман!), а должны решиться на очищение даже захваченных пунктов, возможно также и Тура, чтобы сосредоточить наши главные силы в немногих местах.

«Подвижными колоннами нужно очистить от франктиреров только ближайшие окрестности; тут мы выждем, пока неприятельские вооружения снова воплотятся в сформированные армии, чтобы затем встретить их коротким наступлением».

Мольтке, учитывавший расстройство сил Фридриха Карла и Фридриха Франца, подчеркнул, таким образом, что войска получали время для подвоза боевых припасов, одежды и пополнений. 2-я армия должна была сосредоточиться близ Орлеана, отказавшись от левого берега Луары, а в случае необходимости и от Тура. Наоборот, на правом берегу нужно удерживать Жин и Блуа.

Итак, Мольтке отменил экспедицию в Бурж, которую он возложил на 2-ю армию семь недель назад, тотчас же после капитуляции Меца. Снова, как и в период перед сражением при Бон-ля-Роланде, он ограничил принца Фридриха Карла обороной. Но тогда оборона являлась средством для повышения в огромных размерах действия контрудара; теперь же, при новых условиях, созданных боевой усталостью 2-й армии и армейской группы, должны были происходить наступления на короткое расстояние. Такие наступления не свидетельствуют о круп-

ных оперативных замыслах. С удивительной приспособленностью своей системы к изменениям обстановки, что характеризует военное искусство Мольтке, начальник германского генерального штаба рекомендовал начальникам на всех театрах «укоротить шаг». Правда, он высказал осторожным намеком свое неудовольствие ген. Вердеру за то, что последний допустил сильные неприятельские отряды безнаказанно собраться между Дижоном и Отэном и затем отойти на запад. Вследствие этого они приблизились к 13-й дивизии, которая на р. Ионне выполняла важные задачи. Впрочем, Мольтке все-таки указал командиру 14-го корпуса окончательно очистить полосу местности между Долем и Арк-э-Сенаном, которую Вердер, по настоянию из Версаля, дважды должен был занимать против своей воли [1]. При этом ему было предложено капитально разрушить находившуюся там группу железных дорог, ведущих, с одной стороны, в Лион, а с другой — в Безансон и Бельфор. В то время как из Версаля был отдан приказ прервать железные дороги из района Роны в Бургундию, 14-й корпус, собравшись у Дижона, должен был оставить в неприкосновенности железнодорожную связь между Бургундией и Луарой. Правда, немцы не могли пользоваться последней дорогой, потому что между Везулем и Дижоном она запиралась крепостью Оксонн, а близ Отэна стоял корпус Гарибальди, но Мольтке видел в господствующем положении французов на этой дороге прямо-таки выгоду для себя. Начальник германского генерального штаба не делал себе никаких иллюзий относительно 1-й Луарской армии, которой после занятия Орлеана Фридрих Карл упустил нанести смертельный удар; Мольтке полагал, что эта армия опять приобретет известную наступательную силу и сможет каким-либо непредвиденным путем пойти на выручку Парижа. В этом случае Мольтке было приятнее, чтобы Бурбаки действовал против германского тыла вдали от Шанзи, находившегося у Ле-Мана, чем чтобы обе Луарские армии, соединившись, наступали на Париж.

Если Мольтке стал пессимистичнее, то этому немало способствовали события на северном театре войны, к которым я теперь обращаюсь. После победоносного боя при Виллер-Бретоннэ 27 ноября, за день до сражения у Бон-ля-Роланда, и после непосредственно следовавшего за этим взятия Амьена, 8-й и 1-й германские корпуса двинулись на Руан, чтобы разбить 19-й французский корпус раньше, чем он будет приведен в боевую готовность.

Относительно взаимоотношений с гражданским населением в одном письме Гебена к его жене говорится следующее: «... Вот мы вторглись во Францию, и тотчас начинается нужда со всеми горестями, которые война приносит жителям. Реквизиции съестных припасов, фуража, дров в обмен на боны вызывают уже достаточно страха, потому что бона — это, в конце концов, лишь клочок бумаги, относительно которого люди всегда неуверены, могут ли они его обратить в деньги. К этому еще присоединяется то, что солдаты полагают, будто в неприятельской стороне они должны жить хорошо, и потому везде, где возможно, стараются забрать все съестное. Я отдал самые строгие приказы и принял всевозможные меры предосторожности, но все-таки постоянно происходят случаи, что бедняки, по большей части жен-

[1] Ср. ст. 308.

щины, прибегают с воплями, что у них все взято: сало, куры, свиньи, коровы, и ничего не осталось для себя и детей».

В этом отношении Гебен не вполне сходился с Бисмарком, который держался мнения, что германский солдат имеет право не только жить в неприятельской стране, но и хорошо жить. Бисмарк иногда предпочитал варварское право войны, существовавшее в древние времена, современному международному праву.

Вернемся к операциям 8-го и 1-го германских корпусов против 19-го корпуса в Руане. Ген. Бриан, командовавший в Нормандии, не мог изготовить свой корпус, тем более что у него была взята дивизия Камо в пользу Шанзи. Правильность замечания Фридриха Карла, что малая война, опирающаяся на регулярные войска, опасна для немцев, подтвердилась также и здесь, где регулярные войска были еще столь незрелы. На р. Эпт, правом притоке Сены, 19-й французский корпус имел боевое соприкосновение с 12-й (саксонской) кавалерийской дивизией. Сильной колонне, лично предводимой Брианом и поддержанной населением, удалось ночью внезапно напасть в городке Жизор на два кавалерийских полка с приданным к ним пехотным отрядом. Выбыло из строя 150 немцев (преимущественно попавшие в плен пехотинцы); кроме того, было потеряно 80 лошадей, а также одно орудие. Мелким неудачам такого рода в Версале придавали стратегическое значение. Случай у Жизора не получил такого значения, так как французский генерал при приближении 1-й армии очистил Руан. Он отступил обратно в Гавр, где водные массы устья Сены и Ламанша, казалось, обеспечивали от нападений немцев его войска, непригодные для действий при менее благоприятных условиях. После занятия немцами Руана 5 декабря, т. е. в день вступления Фридриха Карла в Орлеан, Мольтке поставил ген. Мантейфелю задачу двинуться с 1-й армией к Гавру и произвести внезапное нападение на корпус Бриана. Говорят, — писал начальник германского генерального штаба,— что крупные военные суда могут защищать Гавр только во время прилива. Очень много военного имущества из Америки, одних заряжающихся с казны ружей 80 000, будто бы, только что выгружено в Гавре, однако, 1-я армия ни в коем случае не должна ввязываться под Гавром в предприятие, сопряженное с потерей времени, так как главной целью ее все же остается рассеивание выставленных в поле сил противника. Ввиду этого не исключается также возможность, что 1-й армии придется повернуть назад против войск, разбитых ею при Амьене, если последние со своих сборных пунктов, например из Арраса, опять отважатся итти вперед.

В то время как главные силы 1-го корпуса остались в Руане, где рабочие были настроены угрожающе, 8-й корпус двинулся вниз по Сене к Гавру. Город был занят 40 000 чел. французских войск, находившихся за полевыми укреплениями значительного масштаба; тот факт, что здесь находилось лишь несколько батарей, характерен для организационной отсталости 19-го французского корпуса. Но в городских фортах стояли 137 позиционных орудий, и мысль Мольтке о внезапном нападении была здесь еще менее осуществима, чем прежде под Тулем[1]. Тяжелой артиллерии 1-я германская армия не имела. Под Амьеном она, благодаря счастливой случайности, обошлась без этого, но Гавр был несравненно сильнее. Свободный осадный артиллерийский

[1] Ср. стр. 119 и 175.

парк находился с Суассоне (27 ноября он принудил к сдаче Ля-Фер), но как раз теперь его перевезли к Парижу для обстрела Монт-Аврона [1]. Впрочем, ведь Мольтке категорически воспретил операции, могущие задержать 1-ю армию под Гавром. Правильность этого распоряжения подтвердилась 9 декабря, когда событие, происшедшее в Жизоре на р. Эпт, повторилось в Аме-на-Сомме. Одна рота, посланная из Ля-Фера в Ам для исправления поврежденной франктирерами железной дороги, была ночью уничтожена. Это небольшое происшествие было прелюдией к более крупному наступлению, причем французы появились 12 декабря под Ля-Фером с полевой артиллерией. Отобрать у немцев эту крепость на Уазе было невозможно без тяжелой артиллерии, но подвижная колонна из 11 батальонов со вспомогательными войсками вышла из крепости Камбрэ, и из этих наступательных движений неприятеля можно было заключить, что Северная армия быстро приближалась к стадии оперативной готовности. Силы французов на этом театре войны состояли из 22-го и 23-го корпусов, которые, в отличие от общепринятой французской системы, состояли каждый из 2 дивизий [2]. Позже в распоряжение командующего армией была назначена еще одна бригада. Армией командовал теперь вместо Фарра Федерб столь же дельный генерал, как и Шанзи.

Накапливаясь у Ля-Фера, французы прерывали телеграфную связь между Амьеном и Версалем и тем самым между Руаном и Версалем, потому что только через Амьен шла линия, находившаяся в руках немцев. Уже этот клин между 1-й и Маасской армиями являлся невыносимым стеснением и делал настоятельно необходимым передвижение значительных германских сил к Верхней Уазе для оттеснения французской подвижной колонны. Вследствие этого 12 батальонов Маасской армии, 3-я резервная дивизия, стоявшая лагерем под Мезьером [3], и войска из Амьена были направлены к Верхней Уазе. Из Амьена был послан весь гарнизон, т. е. одна бригада 1-го корпуса, за исключением небольшого отряда в цитадели, который разогнал ружейными выстрелами революционные сборища перед ней, но вынужден был предоставить самый город во власть восставших. Мало того, Мантейфель из Нормандии также вернулся в Пикардию, причем он взял с собой 8-й корпус и бригаду 1-го корпуса; одна дивизия 1-го корпуса осталась в Руане. Последний нужно было удерживать из-за находившихся там многочисленных запасов; точно так же Мантейфель приказал 1-му корпусу, очистившему Амьен, немедленно снова занять этот богатый промышленный город. 3-я резервная дивизия, смененная тогда под Мезьером 14-й дивизией [4], получила указание тотчас же присоединиться к 1-й армии. Эта армия состояла из 4½ дивизий, но войска, поставленные в Руане и Амьене, должны были там оставаться при всяких условиях, так что для предстоявшего сражения Мантейфель мог рассчитывать лишь на 2 дивизии. Несмотря на это, соотношение сил здесь на севере не было особенно плохим для немцев, так как Федерб сам располагал только 4 дивизиями. Правда, 1-й армии приходилось охранять огромное пространство между Руаном и Мезьером. В нем лежали революционные очаги — Руан, Амьен и Сен-Кантен,

[1] Ср. стр. 289.

[2] 18-й корпус, который сражался у Бона, а в первый период войны и королевская гвардия, также состояли только из 2 дивизий.

[3] См. стр. 268.

[4] В 3-й резервной дивизии оставалась только одна бригада (см. стр. 269).

а также опасный Аргонский район с крепостью Рокруа, остававшийся в руках французов. К этому присоединялась в качестве фактора, не поддававшегося учету, маневроспособность 3 дивизий 19-го французского корпуса в Гавре. В случае пригодности корпуса к действиям в поле, 7 французских дивизий стояли бы против 4½ германских. Все это представляло такой комплекс затруднений, подобно которому не существовало на южных театрах войны.

Генералы Федерб и Бриан угрожали не только связи Маасской армии с 1-й армией и этапным дорогам последней в Лотарингию, но также и главной артерии всех германских сил — Марнской железной дороге. Мольтке уже передал 1-й армии столько кавалерии из Маасской армии, что кронпринц Саксонский жаловался на такое изъятие у него войск. Для посылки к Сомме, с целью прикрытия тыла армии под Парижем, начальник германского генерального штаба имел, кроме того, в виду 2-й корпус. Несмотря на тонкость блокадной линии, у Мольтке оставалось бы тогда под Парижем 100 000 штыков против 60 000 штыков Дюкро. Однако, он все-таки опасался того, что ему придется решиться на выделение этого корпуса, потому что за подвижной колонной французов могла непосредственно появиться главная масса французской Северной армии раньше, чем 1-я германская армия вернулась бы из Нормандии. Разумеется, войска Федерба не отличались еще такой подвижностью. Правда, Северная армия действительно перешла Сомму, использовав в качестве предмостного укрепления крепость Перонн. Но Федерб совсем не ставил себе целью атаковать Маасскую армию с тыла, а хотел лишь посредством угрозы Ля-Феру произвести диверсию в пользу Гавра. Убедившись в том, что Гебен, ничего не сделав, отступил от Гавра и что Ля-Фер столь же трудно взять внезапным нападением, как и эту крепость (Гавр), французский полководец отвел 17 декабря Северную армию за Сомму. Он расположился за р. Халлю (Hallue), которая впадает в Сомму выше Амьена, и, таким образом, угрожал последнему. Только теперь было проведено упомянутое выше разделение французских войск, и тем самым масса приобрела форму.

Телеграммы Мольтке от 12 и 17 декабря, ограничивавшие наступательные движения германской полевой армии короткими ударами, были отправлены с соответствующими изменениями как Мантейфелю, так и Фридриху Карлу. Если 2-я армия должна была отказаться от взятия Буржа, Тура и Ле-Мана, то от устремлений 1-й армии были изъяты Гавр, Дьеп и Лиль. Через Дьеп прошел 8-й корпус при своем обратном марше из Нормандии в Пикардию.

Командир 8-го корпуса был, по сути дела, начальником штаба Мантейфеля[1] и отличался пылким темпераментом. После того как внезапное нападение на Гавр не удалось, он носился с широкими наступательными планами против Северной армии, что, однако, не отвечало взглядам стратегического центра. Значит, предписанное Мольтке 12 и 17 декабря временное уменьшение радиуса германских операций практически могло сказаться на Сомме сильнее, чем на Луаре, где командующий армией и без того склонялся к сдержанности.

Согласно указаниям Мольтке от 17 декабря, нужно было удерживать Амьен, Руан и Сен-Кантен. Начальник германского генерального штаба предоставил на усмотрение Мантейфеля занять оборонительную

[1] См. выше, стр. 277.

позицию у населенного пункта Бове, который лежит в центре между этими большими городами.

Мы уже видели, что прусские войска армейской группы стояли лагерем у Шартра. Первоначально армейская группа, пока она после сражения при Кулмье (19 ноября) оперировала в Перше, была самостоятельна, потом в конце месяца, по приближении к Луаре, была подчинена принцу Фридриху Карлу. Получив опять самостоятельность перед сражением у Божанси, герцог Мекленбургский уже во время этого сражения вернулся под начальство Фридриха Карла. После отступления от Луара эта подчиненность была снова расторгнута, причем 17-я и 22-я дивизии, несмотря на принадлежность их к 3-й армии, остались в распоряжении верховного командования, находившегося в Версале.

Для наблюдения за Шанзи, кроме войск у Шартра, был оставлен 10-й корпус, расположившийся для отдыха на квартирах между Вандомом на р. Луар и Блуа на р. Луара. 3-й корпус стоял между Божанси и Орлеаном, 9-й корпус — оттуда вверх по Луаре до Шатонефа. 1-й баварский корпус был отведен назад в район к югу от Парижа, откуда он почти три месяца назад выступил против Луарской армии. Подобно прусским генералам армейской группы, принадлежавшим к 3-й армии, фон-дер-Танн, Тресков и Виттих также перешли в распоряжение верховного командования. Но в то время как пруссаки остались на фронте, чтобы там восстановить свои силы, Мольтке для предстоявших боев едва ли еще рассчитывал на непосредственное участие 1-го баварского корпуса. Начальник германского генерального штаба потребовал, чтобы Блюменталь побудил фон-дер-Танна к тому, чтобы тот «поднял численность частей, которая, по слухам, понизилась не только вследствие боев, но и от большого числа отсталых во время маршей».

Мольтке 17 декабря запретил 2-й армии наступление на Тур, находя такую операцию при существующей обстановке чересчур отдаленной. Однако, в Орлеане, куда снова была перенесена главная квартира принца Фридриха Карла, полагали, что Тур не занят, и хотели взорвать два больших каменных моста, которые придавали этому городу военное значение, как узлу железных дорог. Вследствие этого 10-й корпус из своего квартирного района у Блуа двинулся на Тур, и Фойхтс-Рец вскоре установил, что там находятся 15 000—20 000 французов. При преследовании бегущей французской пехоты уланские эскадроны 20 декабря дали себя завлечь на пересеченную местность и понесли тяжелые потери. За этой незначительной неудачей могли последовать еще худшие удары, если бы прусский генерал и его начальник штаба Каприви продолжали эту экспедицию. Неприятель уже имел силы, равные 10-му корпусу, да вдобавок дороги, связывавшие Тур с Ле-Маном и Южной Францией, могли ежечасно подвозить к городу новые подкрепления. Просто нельзя было предвидеть, сколько французов могут защищать Тур, тогда как, согласно телеграмме Мольтке от 17 декабря, вступление в дело других германских корпусов не предусматривалось. Не желая подвергнуться опасности быть отброшенными от Тура с большими потерями, Фойхтс-Рец и его начальник штаба отвели напрасно утомленные войска обратно в квартирный район у Блуа.

Еще гораздо раньше, чем Фойхтс-Рец на р. Луар выразил некоторое нерасположение к кровопролитным действиям, Фридрих Карл

уже на следующий день после победы при Бон-ля-Роланде записал в свой дневник, что Штиле совершенно прав, говоря об утомлении армии; энергия начальников и дух войск действительно понизились. Это было еще до бесполезных маршей, на которые принц обрек свою армию, когда он все силы двинул влево, упустив из виду, что бой у Бона сломил наступательную силу правого крыла Луарской армии и что неприятеля, подлежавшего разгрому, теперь нужно было искать на правом крыле немцев. Туда, к Луаньи — Пупри, армию потом все-таки пришлось сосредоточить, так что 3-й и 9-й корпуса должны были расстояние, пройденное ими в направлении на восток, затем снова пройти с востока на запад. После взятия Орлеана 3-й корпус был опять передвинут на восток, вверх по Луаре, чтобы нейтрализовать неприятельское правое крыло, все еще признававшееся опасным, но отнюдь не для правильной цели — наступления на Бурж. Затем 3-й корпус должен был вторично двинуться на запад, чтобы у Божанси сражаться с Шанзи. За этим последовал марш к Луару, стратегические результаты которого не были использованы, а вместо этого 3-й и 9-й корпуса опять брошены на восток форсированными маршами, что потребовало от них крайнего напряжения сил, хотя войска Бурбаки, до некоторой степени пришедшие в себя вследствие попустительства командования 2-й армии, все еще не были способны к действиям. Для 10-го корпуса ко всему перечисленному присоединились еще бесплодные тяготы действий против Тура.

Восстановление 2-й армии и прусских частей армейской группы дало, в смысле пополнения кадров, лишь умеренные результаты. По отчетам о личном составе на 1 января 1871 г. пехота 9-го корпуса насчитывала лишь 9 000 чел., т. е. по 390 чел. на батальон. Остальные корпуса были, правда, сильнее, но все-таки пехота 2-й армии к началу нового года имела, в среднем, не более 580 чел. на батальон. Пополнение израсходованных боевых припасов чувствительно страдало от перегрузки Марнской железной дороги. Транспорты, отправленные в октябре, в конце декабря еще не дошли до районов расквартирования войск. Одна дивизия 3-го корпуса с начала войны до 13 января 1871 г. совсем не получила ни брюк, ни сапог (ни одной пары). Для армии Фридриха Карла 13 января составило эпоху в том отношении, что с этого дня, наконец, была восстановлена эксплоатация железной дороги Шатильон — Жуаньи[1] после исправления капитально разрушенных французами мостов через р. Армансон у Равьера и Бриенона, несмотря на действия франктиреров, долго этому мешавших.

Использование для германской армии богатых местных ресурсов наталкивалось иногда на неожиданные практические затруднения. Например, реквизиция сапог имела мало успеха, так как французская обувь была слишком мала для больших ног бранденбуржцев. В 3-м и 9-м корпусах в самую суровую зиму целые батальоны носили холщевые брюки.

Лучше всех было материальное состояние 10-го корпуса, и можно думать, что это являлось делом разумного Каприви. Штабу 10-го корпуса удалось держать на ходу сапожную фабрику в Блуа и приспособить ее продукцию для потребностей германских солдат. В Блуа были также захвачены в большом количестве брюки, изготовленные

[1] См. стр. 320.

для мобилей. Благодаря этому к 1 января 1871 г. в 10-м корпусе каждый имел пару крепких походных сапог и теплые суконные брюки.

К моменту открытия нового железнодорожного сообщения на Ионне самая трудная задача, которую вообще пришлось выполнять 2-й армии в эту войну, — поход в Перш, — была уже завершена. Несмотря на все препятствия, прусскому интендантству удалось до возобновления операций устранить самые острые недостатки в снабжении войск. Двухнедельный отдых в холодную погоду весьма благоприятно повлиял на санитарное состояние немецких войск, тогда как оспа, кровавый понос и дизентерия уносили много жертв из рядов французов у Ле-Мана. Административные службы были у них столь же импровизированы, как и самые армии, и мало делали для здоровья и благополучия бойцов. Пехотные части Шанзи, вероятно, растаяли бы до минимальной численности, если бы конные войска не охраняли биваки и квартиры, ставя некоторые пределы дезертирству. Полки Фридриха Карла были всегда далеки от подобных настроений, хотя напряжения — и неустранимые, и устранимые — не замедлили оказать угнетающее влияние на армию, от высших чинов до низших. Все-таки расположение на отдых на квартирах значительно подняло силы и настроение войск.

В воспоминаниях ген. фон-Лигница, который в 1870 г. был капитаном в 9-м корпусе, позднее командиром 3-го корпуса и в 1913 г. умер, имеется следующее место: «В период между зимними сражениями у Орлеана и Ле-Мана в нашей армии некоторым уже надоела война, что они и высказывали. Однажды вечером в Орлеане перед статуей Орлеанской девы возник по этому поводу оживленный спор. Я был настолько раздражен, что воскликнул: «Несмотря на все наши успехи, мы все-таки еще недостойны развязать ремни на башмаках героев Семилетней войны».

Глава XII

Разногласия в королевской главной квартире. Проблема размещения французских военнопленных

В своих записках Стош характеризует общую стратегическую обстановку в конце декабря следующим образом: «Там (у Амьена) условия похожи на те, какие были у нас на Луаре: мы предоставляем неприятелю нас атаковать... От производства атак мы себя отучаем; это слишком дорого стоит. Вся наша война затяжная...»

Когда, сверх ожидания Мольтке, Турской делегации удалось создать импровизированные армии, он отказался от предположенных артиллерийских действий против Парижа. По мнению Бисмарка, это решение Мольтке, хотя и помимо воли последнего, вторгалось в область политики. В день сражения при Бон-ля-Роланде, 28 ноября, союзный канцлер обратился к королю с письменным докладом, в ко-

тором выставлял обстрел фортов Парижа как политическую необходимость: без этого у нейтральных держав может создаться представление, будто Германия уже миновала высшую точку своих военных успехов, а это вызовет опасность вмешательства в войну других правительств. Прежде всего это относилось к Австрии. Мы уже знаем, что при Луаньи — Пупри и у Вильера дела обстояли настолько остро, что 4 декабря Мольтке допускал возможность прорыва блокадной линии и потери осадного парка и что вообще на всех театрах войны — на Сене и Марне, на Луаре и на р. Луар, на Саоне и Сомме — пришлось использовать последнего полевого и ландверного солдата, чтобы отразить натиск неприятеля. При этом силы немцев до того истощились, что, вместо наступления или оборонительно-наступательных действий (defensiv-offensive), они вынуждены были применить систему «короткого наступления» (kurze offensive), которая была весьма близка к принципиально порицаемой стратегии чистой обороны. Теоретически Мольтке твердо держался мнения, что неприятельские массы при приближении их к германским армиям должны быть рассеяны, но при коротких контрударах этого едва ли можно было ожидать; скорее следовало предполагать, что разбитые, но недостаточно преследуемые армии противника опять смогут восстановить свои силы. В 1866 г., когда Фогель фон-Фалькенштейн предписал дивизии Гебена произвести наступление против баварцев на короткое расстояние, последний написал: «Безусловно неправильное мероприятие! Наступление на короткое расстояние на войне совсем не существует; если наступают, то надо и осуществить наступление, чтобы добиться результатов. Отход после выполненной атаки всегда вреден. Всякий скажет: зачем же жертвы, если ничего не хотят достигнуть?»

У немцев было во Франции 35—36 дивизий; Гамбетта имел (кроме корпуса Гарибальди, 19-го корпуса и обмундированных франктиреров) 33 полевые дивизии в поле и в Париже. На немецкой стороне я не считаю ландвера, потому что он был достаточно связан франктирерами различных категорий и гарнизонами державшихся провинциальных крепостей. При наличии 36 германских пехотных дивизий против 32 французских понятно без всяких объяснений, что означало бы выступление свежей австро-венгерской армии. Русских, которые в этом случае, разумеется, выступили бы на стороне немцев, граф Бейст в первое время не боялся, потому что мобилизация в России тогда происходила очень медленно. В Пруссии австро-венгерская армия натолкнулась бы почти на одни гарнизоны крепостей, страна была совершенно свободна от войск.

Такова была политическая и военная обстановка, при которой Бисмарк настаивал на осаде Парижа. Блюменталь, который должен был ее осуществить и который видел в этом поручении большую честь, тем не менее присоединился к мнению Мольтке. Это придало последнему мнению особый вес, потому что Мольтке и Блюменталь далеко не всегда сходились во взглядах[1]. По поводу стараний Бисмарка вызвать артиллерийскую атаку Парижа Блюменталь записал в свой дневник: «Его доводы неосновательны... при такой искусственной политике ложно понимается сущность войны».

После приостановки германских наступательных операций Бисмарк обедал 18 декабря у кронпринца Прусского вместе с депута-

[1] Ср. т. I, стр. 534 (русск. пер.— т. V, стр. 371) и настоящий том, стр. 89—90.

цией северогерманского рейхстага, которая предлагала королю Вильгельму императорскую корону. Союзный канцлер пытался еще раз склонить Блюменталя к обстрелу Парижа. Он сказал, что никогда не думал о бомбардировке Парижа со всех сторон; он хорошо понимает, что этого достигнуть нельзя; но политика настойчиво требует артиллерийской атаки. Осаждающие должны стрелять, хотя бы было выпущено всего 50 снарядов по фортам; иначе ему будет невозможно удержать иностранные державы от вмешательства; они все подумают, что немцы уже выдохлись. Он, мол, всегда возражал против блокады Парижа и теперь еще считает ее крупной ошибкой.

Бисмарк мотивировал этот тезис не военными, а политическими доводами. Германия не найдет во Франции никого, кто был бы настолько силен, чтобы заключить мир. Он охотно восстановил бы императора Наполеона III вместе с его армией, находящейся в плену; больной человек не был бы опасен.

Проповедуемая Бисмарком стратегия[1] с точки зрения Мольтке была неприемлема, потому что она дала бы республике время организовать свои армии. Однако, если предложение Бисмарка являлось заблуждением, то это было заблуждением крупного государственного человека. Бисмарк полагал, что если не теснить Париж, то в нем и в других больших городах Франции подымет голову революция, и тогда напуганная буржуазия даст пленному императору полномочие заключить от лица страны мир. В условиях, вызванных наступлением немцев на Париж, император не мог этого сделать, потому что не обладал моральным авторитетом, нужным для уступки территории. Его авторитет, по предположению Бисмарка, должен был возрасти при сдержанной германской стратегии, которая поставила бы французскую буржуазию перед альтернативой: или уступить Эльзас-Лотарингию, или получить победу революционных сил.

Ниже мне придется говорить о проблемах, поставленных перед прусским военным министерством огромной массой военнопленных. Сейчас я только упомяну, что пленные жаловались на пропажу на прусской почте многочисленных денежных посылок и что это обстоятельство привлекло внимание Бисмарка. Он официально сообщил военному министерству, что зачастую находящиеся в плену адресаты денежных писем отрицают перед отправителями получение их, и требовал, в германских интересах, устранения таких явлений. Очевидно, что в этом выступлении союзного канцлера была система. Он полагал, что при известных условиях можно будет дипломатически использовать пленные армии и потому, со своей должностной точки зрения, придавал значение соответственному обращению с военнопленными.

Получив отказ от Блюменталя, Бисмарк обратился к кронпринцу с выражениями, которые, казалось, указывали на то, что канцлер требует некоторого обстрела фортов, хотя действия такого рода далеко еще не были подготовлены. Бисмарк хотел, чтобы эта стрельба, наперед осужденная на безрезультатность, была произведена самое позднее 26 декабря, так как 27 декабря собирался баварский ландтаг и могущественная партия сопротивлялась в нем вступлению королевства в Северогерманский союз. Возмущенный этим Блюменталь записал в свой дневник: «Употребление таких средств заставляет задуматься. Такая политика будет когда-нибудь жестоко отомщена».

[1] Ср. по этому поводу стр. 235.

Мольтке не желал правильной осады, потому что технические авторитеты требовали только для атаки с юга 3 дивизии пехоты. Мы знаем, что в блокадной армии было всего от 15 до 16 дивизий и что в сражении при Вильере эта тонкая цепь была почти прорвана. Бисмарк также понимал невозможность правильной осады; Роон дольше сопротивлялся этому признанию, но, в конце концов, вместе с союзным канцлером удовлетворился бы бомбардировкой. Мольтке смотрел на такое компромиссное решение с глубоким отвращением, и Блюменталь сочувствовал ему. В Ланьи было сложено 3 000 *т* боеприпасов, чего было достаточно для десятидневного бомбардирования с южной стороны. Король спросил Мольтке: «Достаточно ли боеприпасов, для того чтобы при обстреле фортов не могло произойти перерыва, который был бы похож на фиаско и дал бы неприятелю возможность восстановить укрепление?»

По мнению Мольтке, нужно было доставить из Германии, по крайней мере, 3 000 *т* боеприпасов, причем и тогда еще нельзя было рассчитывать на действие бомбардировки. Мольтке отвергал бомбардировку столь же решительно, как и правильную осаду. Правда, бомбардировка не поглощала 3 пехотных дивизий, но она обременяла Марнскую железную дорогу, которая и без того не могла снабжать войска, что в значительной мере повлияло на приостановку наступления принцем Фридрихом Карлом. Если правильная осада могла все-таки привести к падению крепостных укреплений и, следовательно, к взятию города, то начальнику германского генерального штаба было ясно, что артиллерийская бомбардировка в продолжение 20 и более дней представляла просто бесцельную стрельбу, которая отнюдь не могла ускорить сдачу защитников Парижа. Тогда это было бы не только отсутствием материального успеха для немцев, но и положительным материальным поражением.

Однако, Мольтке теперь должен был помириться с вмешательством в его распоряжения. В первый день сражения при Вильере, 30 ноября, Мольтке согласился на бомбардировку, после того как с конца октября и до этого дня он препятствовал всякому артиллерийскому действию против Парижа. В этом вопросе Роон и Бисмарк оказали на короля более сильное влияние, чем он. Непосредственно после сражения при Вильере 4 декабря Мольтке хотел перевезти из Ланьи в Нуази-ле-Гран 136 тяжелых орудий, чтобы прогнать французов с угрожающей позиции на Монт-Авроне [1]. Мольтке писал: «О начале перевозки по железной дороге было уже отдано распоряжение». Все же это была операция, требовавшая большого времени. Она совершалась при молчаливом протесте Роона, которому было, конечно, не безразлично, что боеприпасы, приготовленные для главной атаки, тратились вместе с назначенными для этого орудиями на вспомогательную атаку. Последнюю предполагали связать с другой вспомогательной атакой, которая должна была сопровождать главную артиллерийскую атаку на юге [2]. Согласно докладной записке Хиндерсина королю, можно было собрать против Монт-Аврона артиллерийский парк, не трогая материальной части, находившейся у Ланьи, а использовав для этого позиционные орудия, освободившиеся под Ля-Фером [3], однако возвышавшиеся

[1] Ср. стр. 289.
[2] См. стр. 260.
[3] См. стр. 268.

позади Монт-Аврона форты Росни и Ножан-на-Марне лежали вне досягаемости этих орудий. Далее Хиндерсин указывал, что даже после взятия названных фортов обстрел города в этом направлении был невозможен.

С конца октября до середины декабря Мольтке создавал различные затруднения для артиллерийской атаки Парижа, которых, пожалуй, не было бы, если бы начальник германского генерального штаба дал себя убедить в целесообразности этой операции. После возбуждающих нервы перипетий и кризисов сражения при Вильере Мольтке не мог снова предлагать королю подобное же. Военному министру было предоставлено два железнодорожных поезда ежедневно для перевозки военно-транспортной части (Militärtransportkorps), что происходило уже в течение восьми недель. Эта военно-транспортная часть состояла из 960 четырехконных повозок и 2 500 чел. После того как 3-й армии не удалось собрать обозный парк путем реквизиций в неприятельской стране [1], такой же приказ был отдан 2-й и 1-й армиям. Фридрих Карл и Мантейфель реквизировали не больше имущества, чем кронпринц Прусский, но все-таки кое-что удалось собрать; всего же важнее было то, что, начиная с 23 ноября, т. е. за восемь дней до сражения при Вильере, движение по железной дороге было продолжено вместо Нантейля до Ланьи. Для перевозки боеприпасов в Виллакублэ, для чего раньше требовалось 4 000 повозок и 16 000 лошадей, теперь можно было обходиться гораздо меньшим обозным парком, несмотря на то, что из Германии был выдвинут второй комплект боеприпасов. Вместо 4 000 повозок требовалось только 1 600, а количество необходимых лошадей понизилось с 16 000 до 5 000. Все же пришлось заимствовать обозных лошадей из 3-й армии. По мнению Роона, это было проведено с недостаточной решительностью. Он требовал от Мольтке отдачи приказа о том, чтобы командование 3-й армии выслало в Ланьи всех лошадей понтонных и мостовых парков, а также обозных лошадей, которые могут быть освобождены из инженерных парков. Для обоснования своего требования военный министр написал, что он считает менее вредным, если вследствие этой меры часть не слишком дорогого понтонного и мостового имущества пропадет, чем если доставка боевых припасов будет все время происходить в недостаточном количестве.

Так как оперативное превосходство германских армий над армиями Французской республики в значительной мере основывалось на непострадавшем германском обозе, то Мольтке отверг это требование Роона [2]. Вообще же начальник германского штаба не обнаруживал своего недовольства. Он согласился дать Блюменталю 31 лишнее позиционное орудие, в чем семь недель назад отказал [3]. Дальнейшие 40 пушек прибыли из Германии для действий против Монт-Аврона. Затем подтянули артиллерию, использованную против маленьких французских крепостей, так что, в общем, под Парижем собралось 502 орудия, включая и мортиры. После открытия сообщения по Мозель-Марнской железной дороге можно было бы подвезти еще больше артиллерии и боевых припасов, если бы только хватало артиллеристов. Значительная часть крепостных артиллеристов находилась перед

[1] См. стр. 260.
[2] См. стр. 244, 251, 313.
[3] См. стр. 260.

Бельфором и Мезьером и во взятых крепостях[1]. В середине октября, после падения Суассона, Мольтке приказал взорвать захваченным французским порохом Туль, Седан, Суассон, Верден и Ля-Фер (две последние крепости тогда еще не были взяты). Относительно Ля-Фера это не было выполнено, так как крепость была нужна против французской Северной армии. Кроме того, были удержаны крепости: Лан, Диденгофен, Монмеди, Страсбург и Мец. После снабжения сосредоточенных под Парижем 502 орудий артиллерийской прислугой в Пруссии оставались еще 15 000 крепостных артиллеристов — не слишком большое число, если принять в расчет опасность, угрожавшую со стороны Австрии. Сам Роон считал возможным двинуть из них к Парижу не более 3 000 чел., что позволило бы увеличить артиллерию под Парижем еще на 200 орудий.

Однако, от этого отказались, и совершенно правильно, так как, независимо от того, обстреливали ли Париж 500 или 700 орудий, все равно балистический материал атакующего при всяких условиях был слишком мал, чтобы потрясти волю сопротивления парижан. В фортах и на валу стояли 2 200 орудий, часть которых была привезена в столицу из Шербурга, Тулона и Лиона. Орудия, поврежденные огнем осаждающего, можно было снять с фронта и на время их ремонта заменить орудиями с неатакованных участков крепости. Тем не менее эти упрямые факты не производили ни малейшего впечатления на Бисмарка и Роона, фанатически стоявших за бомбардировку Парижа. Не доверяя вынужденной уступчивости Мольтке, они употребляли все средства. При помощи преданных ему газет союзный канцлер распространял в Германии слухи, будто королева Августа и кронпринцесса Виктория берут под свою защиту «Мекку цивилизации». Это была бессмыслица, но тонко рассчитанная, потому что король опасался возбудить подозрение относительно влияния на него женщин. Он принимал во внимание и общественное мнение в пользу бомбардировки, не сознавая, что такое настроение было создано бисмарковской прессой. Из германских кругов, возбужденных, якобы, злостным противодействием бомбардировке, вышли следующие стихи, обращенные к начальнику германского генерального штаба: «Милый Мольтке, ты ходишь немым все вокруг да около. Добрейший Мольтке, не обижайся, сделай же, наконец, трамтарарам! Дорогой Мольтке, оглянись: Германия хочет, чтобы был трамтарарам!»

Роон писал домой: «Я всегда принадлежал к сторонникам обстрела, а не к «оппозиционной партии», как ее назвали в вульгарной остроте». Представитель столь вялой стратегии, как Роон, который после Седана, вместо движения на Париж, хотел остановиться в Шампани, теперь, ударяясь в противоположность, упрекал Мольтке, Блюменталя, Фойхтс-Реца и Каприви в нерешительности. В области стратегической предусмотрительности и фантазии Роон и Бисмарк далеко уступали Мольтке; вследствие этого они предлагали недействительные и расстраивающие проведение планов операции.

Перед рождественскими праздниками Стош набросал следующую картину настроения в королевской главной квартире: «В конце концов, такое упорство парижан представляет нечто почтенное, чего

[1] Приведем общую сводку относительно времени взятия крепостей: Седан — 2 сентября, Лан — 9 сентября, Туль — 23 сентября, Страсбург — 27 сентября, Суассон — 15 октября, Мец — 27 октября, Верден — 8 ноября, Диденгофен — 25 ноября, Ля-Фер — 27 ноября, Монмеди — 14 декабря; Мезьер пал 2 января 1871 г.

никто не ожидал найти в столь гнилом гнезде... Разумеется, здесь (т. е. в главной квартире) все недовольны, а в вопросе бомбардировки, в который вмешивается и большая политика, между главными деятелями существует резкое противоречие... Бисмарк в ярости, так как приостановка военных действий сильно мешает его политическим комбинациям; у короля конфликтов больше, чем нужно... Оба обрушивают свой гнев... на Мольтке, который никогда не бывает грубым... Король боится вспыльчивости Бисмарка; Мольтке облекает свой гнев в высокомерное молчание... Роон страдает все больше... Кронпринц разъярен, потому что отсутствие обстрела... повсюду приписывают его супруге. Блюменталь, настоящий spiritus rector, идейный руководитель, ругается больше всех[1]. Короче говоря, повсюду трения, и притом с большим шумом».

Роон расходился во мнениях с Мольтке еще по другому важному вопросу. В своей истории германо-французской войны Мольтке подчеркивает, что немцы, в момент временной приостановки полевых наступательных операций, занимали треть Франции. Однако, мы знаем, что оккупация не была прочной и повсюду на этапных дорогах царила необеспеченность, особенно в районе действий корпуса Гарибальди и гарнизона Лангра. Мольтке считал быстрое усиление этапных войск не только нужным, но и возможным. 22 ноября, когда Фридрих Карл находился на марше от Меца к Луаре, Мольтке выхлопотал королевский указ о значительном увеличении числа ландверных батальонов во Франции. Роон воспротивился этому, считая ландвер необходимым в Германии для охраны лагерей военнопленных. В конце ноября и начале декабря брожение в этих лагерях было довольно сильным, по крайней мере — в расположенных на побережье, где надеялись на освобождение их французским флотом. Тому факту, что этот флот очистил северные воды, пленные не хотели верить. Они не доверяли сообщениям «Correspondence de Berlin», которую военное министерство бесплатно между ними распространяло, а составляли себе мнение о военном положении на основании газет из Бельгии и французской Швейцарии, которые часто рассказывали о самых удивительных победах республиканских армий. Надзирающие власти были достаточно либеральны, чтобы пропускать этот вид прессы; только «Indépendance Belge», вследствие особой враждебности этой газеты к Германии, была запрещена. В Штетине и его окрестностях на бараках для пленных прикреплялись по ночам записки, которые на французском языке призывали живших там держаться наготове, так как Франция на них рассчитывает. В то время Штетин имел 70 000 жителей и давал пристанище 20 000 пленным; следовательно, нельзя было пренебрегать волнениями среди французов, и во многих других местах они также могли сделаться неудобными.

Большего, однако, ожидать не приходилось, и потому Роон понимал, что одним указанием на полицейские задачи ландвера он не в состоянии будет повлиять на короля, ибо, когда дело шло об увеличении войск, Вильгельм инстинктивно становился на эту сторону. Поэтому Роон согласился на перевод 12 ландверных батальонов из Пруссии во Францию и покрыл недостаток людей для охраны

[1] Это неточно: Блюменталь, конечно, очень охотно произвел бы правильную осаду, но он понимал ее невозможность и не желал слышать о бомбардировке. Стош до некоторой степени завидовал Блюменталю. Кронпринц хотел иметь начальником штаба Стоша, но Мольтке провел на эту должность Блюменталя.

пленных мобилизацией 15 000 чел. ландверной кавалерии и образованием пеших запасных эскадронов, вооруженных игольчатыми карабинами и захваченными ружьями Шаспо. Военный министр согласился также на усиление всех ландверных батальонов как во Франции, так и в Пруссии, с 800 до 1 000 чел., хотя при этом недоставало соответствующего количества офицеров. Последнее обстоятельство производило на Роона тягостное впечатление, так как он чувствовал себя администратором, а не вождем армии, и прочность войсковых частей была для него важнее временного требования стратегической обстановки. В этом отношении противоречие между Роном и Мольтке было естественным. Роон настаивал на качестве, Мольтке требовал массы. 8 декабря, в первый день сражения при Божанси, Мольтке обратился к Роону с запиской, в которой начальник генерального штаба высказывал военному министру справедливое признание того, что система пополнения полевой армии хорошо выдержала испытание. Мольтке говорил: «При мобилизации мы выставили 105 запасных батальонов по 1 002 чел.; в каждом из них было самое большее 400 чел. из эрзацрезерва [1], тогда как 600 чел. получили полную подготовку».

Пруссия выставила около 340 000 чел. полевых войск, и, несмотря на 105 000 чел. запасных войск, батальоны во второй половине войны едва насчитывали по 500 чел.; однако, это удовлетворяло Мольтке. Французские республиканские батальоны были вряд ли сильнее, и если батальоны в армии Наполеона III насчитывали только 600 чел. против 1 000 немцев, то тогда качество той и другой пехоты было приблизительно одинаковым, а теперь немцы имели в этом отношении огромное преимущество. Таким образом, соотношение сил на фронте не вызывало особых забот у начальника германского генерального штаба, но на этапные пути он смотрел с некоторым беспокойством. В его записке от 8 декабря сказано: «После того как германским армиям в беспримерно счастливой кампании удалось взять в плен почти все выставленные в начале войны неприятельские силы, Франция нашла средства едва в три месяца создать новую армию многочисленнее уничтоженной. Эта вновь созданная армия получила от старой только небольшое количество полевых войск и, кроме того, запасные части. Несмотря на одержанные нами в последние дни новые победы [2], численность неприятельских сил непрерывно возрастает и, хотя по качеству эти формирования ни в каком отношении не равняются нашим войскам, все-таки нужно предвидеть, что почти неиссякаемые ресурсы неприятельской страны подвергают сомнению успех нашего оружия, если только и в Германии не будут сделаны усилия, до некоторой степени похожие на усилия противника».

Мы видели выше, что из 17 германских дивизий, стоявших под Парижем, 1½ дивизии в течение продолжительного времени выделялись для прикрытия тыла осаждающих. Через несколько дней после подачи разбираемой нами записки Мольтке предполагал для той же цели выделить из блокадной армии 2-й корпус, выдвинув его к Сомме, так как Федерб, повидимому, угрожал Марнской дороге [3]. Весь 7-й корпус частью стоял под крепостями, частью же охранял рельсовые пути к югу от Мозель-Марнской дороги. Кроме того, довольно много

[1] Ersatzreserve — запас призывных, остающийся сверх контингента. — *Ред.*
[2] Взятие Орлеана 5 декабря.
[3] Ср. стр. 258, 268.

войск было еще взято с фронта для второстепенных операций и этапной службы. Поэтому в записке далее говорится так: «Полевая армия лишь тогда будет обладать требуемой мощью для борьбы с растущими неприятельскими армиями, когда ей не придется при наступлении оставлять части своих войск в позади лежащей оккупированной местности. Эта задача, которую в настоящей войне нельзя недооценивать, должна быть возложена на другие войска, на ландверные части, которые следует приготовить в достаточном числе. Гвардейский корпус и 11 армейских корпусов (с 1-го по 11-й) выставили в начале похода 162 ландверных батальона..., из которых 57 находятся еще в Германии, где они применяются для обороны берегов, охраны многочисленных военнопленных и для целей гарнизонной службы. Необходимо все эти войска постепенно перебросить во Францию. Если во Франции оказалось возможным из ничего создать многочисленные войсковые соединения, которые не побоялись в открытом поле выступить против наших хорошо обученных полевых войск, то мы должны быть в состоянии, посредством призыва всех остающихся еще военнообязанных и недавно освободившихся от повинности ландверных офицеров и солдат, сформировать войсковые части, которые будут сторожить невооруженных французских военнопленных и нести внутри страны обычную гарнизонную службу».

Таким образом, Мольтке требовал мобилизации части ландштурма. Через восемь дней после этой записки он уточнил свое представление, предложив, с целью освобождения 57 ландверных батальонов для службы в неприятельской стране, сформировать 100 гарнизонных батальонов из 60 000 ландштурмистов, и притом как «предварительный минимум напряжения». «Едва ли можно сомневаться в том, — писал Мольтке, — что для такого формирования внутри страны мы обладаем гораздо более подходящим персоналом офицеров и солдат, чем Франция, которая, тем не менее, сумела использовать подобные силы для создания способных к операциям полевых армий. Предоставляя дальнейшее на усмотрение вашего превосходительства, считаю нужным заметить, что при ближайшем докладе королю сочту долгом возбудить этот вопрос».

Роон не думал одобрять призыв ландштурма. Указав на некоторые законодательные затруднения, которые едва ли и сам считал непреодолимыми, он, впрочем, сослался для своего отказа на «соблюдение здравых административных принципов». Под этим он понимал, что в Прусской монархии с ее исторически сложившимися военными принципами никакая войсковая часть не должна быть сформирована из случайно набранных офицеров и солдат, перешедших за установленный возраст. Пусть Французская республика, представлявшаяся убежденному консерватору продуктом гниения, возвращается к воспоминаниям 1793 г., Пруссия должна оставаться при своих собственных традициях, относительно которых, по историческим воззрениям Роона, ландвер освободительных войн (1813—1814 гг.) являлся отклонением, отнюдь не соблазняющим на повторение.

Роон знал, что король Вильгельм согласится с Мольтке относительно командирования 57 батальонов ландвера во Францию, как раньше согласился на присылку 12 батальонов. Ввиду этого, во избежание открытого спора с начальником генерального штаба, военный министр еще раньше, чем им была получена вторая записка Мольтке с легкой угрозой доложить вопрос королю, выхлопотал указ короля

о сформировании гарнизонных батальонов. Однако, королевский указ в том виде, как его средактировал Роон, не совсем удовлетворил желаниям Мольтке. Было выставлено не 100, а лишь 72 гарнизонных батальона, которые заключали в себе вместо 60 000 только 46 000 чел. Осуществить потребованный Мольтке «предварительный минимум напряжения» Роон не смог, потому что, вместо призыва ландштурма, он сформировал гарнизонные батальоны из последних сроков ландвера. Правда, в распоряжении оставалось уже мало ландверных офицеров, и пришлось удовлетвориться офицерами, состоявшими в запасе и за штатом, которые обыкновенно были уже в преклонном возрасте и отстали от службы. Все-таки офицеров нашлось достаточно, без применения пункта королевского указа о том, что уволенные с военной службы лица унтерофицерского звания могут быть определены в армию подпоручиками. Следовательно, по крайней мере в этом пункте, Роону не пришлось изменять своему миросозерцанию.

Мольтке желал выставить 100 гарнизонных батальонов, Роон согласился на 72; можно было думать, что из потребованных 57 ландверных батальонов генеральный штаб получит для службы во Франции во всяком случае большую часть, но вместо 50—57 батальонов Роон послал в неприятельскую страну лишь 24 батальона, причем они перешли французскую границу только через шесть недель, считая с 8 декабря. В начале войны, ровно через три недели, 250 прусских батальонов уже стояли на границе. Но формирование гарнизонных батальонов происходило в исключительно суровую зиму, и запасы складов обмундирования были уже истощены требованиями войск, находившихся во Франции. В остальном снаряжении также ощущался недостаток. Пестрый состав офицерского корпуса тормозил внутреннюю спайку гарнизонных батальонов в той же мере, как и то обстоятельство, что не все солдаты были из пехоты, а часть их служила раньше в артиллерии. Все это создавало хаотическое положение. Гамбетта вступал в большие сражения, несмотря на то, что народное ополчение, в отличие от ландвера и ландштурма в Пруссии, вообще состояло из людей не служивших; напротив, Роон, консервативный старый служака, не мог переделать себя и требовал от гарнизонных батальонов даже выправки, с риском проиграть из-за этого войну.

Мольтке не пользовался у Роона и Бисмарка, а может быть, и у короля, тем авторитетом, которым его наделяли другие. Роон и Бисмарк возлагали на Мольтке долю ответственности за те ошибки, которые при Шпихерне, Вионвиле и Гравелоте были причиной столь тяжелых потерь от неприятельских пуль, а на Луаре вызвали такое сильное изнурение войск. Весь способ ведения войны не нравился союзному канцлеру и военному министру. Они упускали из виду, что если принимать во внимание только распоряжения Мольтке, то лишь Гравелот был его ошибкой. После этого сражения Роон написал домой: «Вверенный моим попечениям и заботам инструмент существенно поврежден; к счастью, он обладает органической силой возрождения, пока организм еще здоров[1]... Труднее только пополнять ряды офицеров при ужасающих потерях, потому что после 18-го (Гравелот) есть полки, в которых недостает $^2/_3$ офицерского состава. Отдельные полки... вовсе лишены офицеров... Вообще у нас мало офицеров

[1] Ср. выше, стр. 336: рассуждения Мольтке о запасе.

в мирное время! Это происходит от парламентской скаредности; забывают, что чем меньше офицеров, тем ниже дух войсковой части... Низложенный император сказал 2 сентября в Седане нашему королю «Votre organisation militaire est sublime» (ваша военная организация великолепна). Это и является корнем нашей военной силы, а не игольчатое ружье, как часто говорили, потому что Шаспо, к сожалению, значительно превосходит непеределанное игольчатое ружье [1], о чем мы с грустью узнали».

В августовских сражениях французы также понесли огромные потери в офицерах, но при своей эластичной системе офицерского комплектования они не почувствовали этого так сильно, как немцы. Моральное состояние взятой в плен Рейнской армии при выступлении ее из Меца показывает, что свободное производство в офицеры не разорвало моральных уз, связывающих французскую армию. При свободном производстве Наполеон I одерживал свои победы, а древние римляне завоевали мир. Однако, нельзя было ожидать от юнкера Роона, что он откажется от принципов комплектования прусского офицерского корпуса.

Когда начались разногласия между Мольтке и Роном относительно ландвера, Бисмарк, с намеком на идею империи (Kaiseridee), упрекал генеральный штаб в мании величия. Эта душевная болезнь, по его мнению, обнаруживалась в блокаде Парижа и в глубоких вторжениях в провинции — вторжениях, которые Мольтке при благоприятных условиях хотел довести до Лиона [2]. Бисмарк писал: «Нас вывозят полки, а не генералы... Слава командования зависит от удивительного геройства войск; если бы последнего было немного меньше, то сегодня (письмо написано 24 декабря 1870 г.) ни один из начальников не выдержал бы критики. При разброске армии от Тура до Лиля, при слишком торопливом вцеплении в неприятеля, а затем при сонливом ведении войны под Парижем, не существует во Франции ни одного департамента, где мы были бы вполне господами и могли бы собрать контрибуцию».

Численное ослабление германской армии, в то время как вооруженные силы Австро-Венгрии оставались нетронутыми, заботило Бисмарка. После Седанского сражения он старался заключить мир на умеренных условиях (без Меца), причем угрожал республиканскому правительству восстановлением Наполеона с немецкой помощью. По его поручению Роон возбудил в генеральном штабе вопрос о том, чтобы часть армии Мак-Магона не отвозить в Германию, а поместить в Шалонском лагере. Получив отказ, он после капитуляции Базена опять вернулся к этой мысли, которая, понятно, казалась в генеральном штабе чудовищной. Военный министр написал Мольтке, что после перевозки Рейнской армии в Германию там уже больше нельзя будет найти помещения для пленных. Если дальнейший прирост количества пленных превысит 25 000 чел., то едва ли можно будет избежать размещения французов во французских крепостях или в других подходящих местах.

План, который, по поручению Бисмарка, военный министр отстаивал перед Мольтке, бесспорно не был лишен крупного государственного значения. В Париже и Лионе подымало голову революционное

[1] Ср. стр. 274.
[2] Ср. стр. 307.

движение. При таких условиях Мольтке пришлось, хотя и с глубоким сожалением, остаться при своем veto (запрещении). Он указал Роону на то, что если Париж, наконец, падет, то придется принимать в расчет еще 150 000 пленных, которых нельзя оставить в городе. Возможно, что новые бои в других местах еще значительно увеличат это число, даже если французские армии опять не потерпят катастроф. Значит, нужно было изыскать чрезвычайные средства и пути, чтобы снова разместить в Германии огромные транспорты военнопленных.

В набросанных Роном руководящих моментах для ответа на это письмо сказано: «Очень легко говорить о чрезвычайных средствах и путях, когда сам не можешь их указать. Таких средств и путей не существует, разве только будет отдан приказ более не брать пленных, а так как это средство по понятным причинам недоступно, то остается лишь другое: самоограничение в оккупации завоеванной страны...»

Мы увидим, что начальник генерального штаба не мог последовать совету военного министра, а должен был распространить германские силы еще далее по обширным областям западной и восточной Франции. Нельзя было и думать о снятии войск с фронта или с этапных путей для охраны военнопленных во французских городах. Между тем, вопрос о военнопленных отнюдь не был только военно-политическим вопросом: тут действительно существовало затруднение в устройстве французов в Германии соответственно требованиям международного права и гуманности, на что Роон и указывал Мольтке. При раннем наступлении суровой зимы большие массы пленных были расположены на стрельбищах в палатках и шалашах, так как вследствие порожденного мобилизацией недостатка рабочих рук нельзя было приготовить необходимые отапливаемые помещения. Снабжение соответствующей одеждой, сверх собственной армии, еще 367 000 французов, не привыкших к холодному немецкому климату, тоже было нелегкой задачей[1]. Так же обстояло дело с довольствием военнопленных и с поддержанием порядка среди разноплеменных, иноязычных войсковых масс; все это — проблемы, которые никогда еще никакому государству не приходилось разрешать в таких размерах. Само собой понятно, что многое сделанное оказалось недостаточным, и столь же легко понять настроение пленных. Пока французские солдаты находились в плену, они, в общем, соблюдали дисциплину, почему с ними было легко обращаться, но как только они вернулись в свое отечество, то разразились целым потоком жалоб.

[1] Ср. стр. 338.

Глава XIII

Попытка вылазки из Ле-Бурже (21 декабря). Сражение на реке Халлю (23 декабря). Сражение при Баноме (3 января 1871 г.) Бои у Нюи (18 декабря 1870 г.). Стычка у Виллерсекселя (9 января 1871 г.). Сражение при Ле-Мане (10—12 января).

Недовольство канцлера Северогерманского союза верховным командованием станет понятным, если представить себе, что к концу декабря 1870 г. немцы уже три месяца бездеятельно стояли под Парижем, причем нельзя было рассчитывать на скорое падение крепости. Тем временем против Луарской и Северной армий германцы вели боевые действия, но французские войска, хотя и были многократно разбиты, продолжали существовать. Эти факты определяли суждение Бисмарка и Роона, тогда как Мольтке при оценке военной обстановки руководствовался, главным образом, моральным разложением, распространявшимся в Париже и обнаружившимся, например, в том, что 12 декабря на германские передовые посты явилось 230 дезертиров, а 14 декабря только у Кретейля — 280. Один из трех генералов, командовавших у Вильера корпусами полевой армии, на другой день после отступления за Марну угрожал Дюкро шпагой и был за это только отрешен от должности, а его корпус, поддержавший своего командира, частично расформирован. Прогрессировавшему неповиновению наверху отвечало падение дисциплины внизу. Оставление поста перед неприятелем, возмущение против начальников, даже убийство их каралось лишь тюрьмой, самое большее — исправительным домом.

Снисходительность доходила до того, что даже коммунистический клуб Валентино 24 декабря протестовал против злоупотребления правом помилования. Коммунисты, которые в 1-й армии не находились в соприкосновении с немцами, потребовали, чтобы 2-я армия сражалась до последней крайности; они поколотили на бульваре зуавов, ушедших от неприятельских гранат; теперь их моральное давление заставило 3 января расстрелять солдата, пойманного при перебегании к противнику. В продолжение всей осады это был единственный дезертир, приговоренный к высшей мере наказания, и легко понять последствия такого кроткого обращения с защитниками отечества. Но полевым войскам теперь надоела не только дисциплина, но и вообще война, и французские передовые посты братались с блокадной армией.

1-я французская армия получала жалованье, не сражаясь, но постепенно в блокированном городе создавалось положение, при котором нельзя было приобретать съестные припасы за деньги. Правительство не решалось ввести хлебные карточки и ограничилось тем, что 11 декабря издало запрещение употреблять муку для каких-либо других целей кроме хлебопечения. Можно было видеть хвосты перед дверями булочников, лавочников, мясников и, что всего хуже в такую суровую зиму, перед дверями торговцев углем. Нельзя было удержать население от сжигания в каминах деревьев, скамеек и киосков

общественных заведений. Освещение улиц могло производиться вместо газа керосином. Снабжение мясом мало-по-малу прекратилось (в день установления блокады, 19 сентября, для гигантского чрева Парижа имелось в наличии 30 000 быков и 180 000 баранов). Теперь поедали животных из Зоологического сада, платя за фунт слоновьего мяса 40 франков. Яйцо стоило 2 франка, фунт масла 30 франков. С 5 декабря в мясных лавках продавалась лишь конина; ели собак, кошек и даже крыс.

За неделю, с 12 по 18 декабря, насчитывали 2 728 смертных случаев вместо нормального среднего числа 854. Дети умирали от голода и холода. Мольтке из рассказов пленных усматривал, что он был прав, рекомендуя королю измор голодом, как верное средство для овладения Парижем.

5 и 11 декабря в Париж прилетели почтовые голуби из провинций, доставившие известия о поражениях на Луаре и Сомме и о вступлении неприятеля в Орлеан, Амьен и Руан. Однако, одновременно в Париже узнали о том, что сформирование Северной армии окончено, и решили произвести новую вылазку, на этот раз по направлению к Сомме. В 8 час. утра 21 декабря французы атаковали деревню Ле-Бурже, которую они пытались отобрать у Маасской армии еще в конце октября [1]. Теперь они имели 4 000—5 000 чел., тогда как деревня успешно оборонялась 2 000 чел. прусской гвардии. В состав ее входило много солдат из полка Елизаветы, которые в 4-часовой неравной борьбе, как и раньше в октябрьском бою, сильно пострадали. Они потеряли в обоих боях у Ле-Бурже около $^2/_3$ рядового состава и почти всех офицеров, кроме того, 21 декабря — много солдат пленными, когда гарнизон кладбища, атакованный французами со всех сторон, положил оружие. Напомним, что полк еще при Гравелоте потерял 15—20% рядового состава и $^1/_3$ офицеров. Если бойцы полка Елизаветы, несмотря на троекратное кровопускание, сохранили боевую силу, то это объясняется тем, что организованный Роном запас из сверхконтингентных призывных функционировал безукоризненно.

По операционному плану Трошю взятие Ле-Бурже было предпосылкой для наступления главных сил, развернувшихся к юго-востоку от этого местечка. Одновременно с борьбой за Ле-Бурже между 84 орудиями Дюкро и 54 орудиями гвардии разгорелся бой, протекавший не особенно удачно для французской артиллерии. С другого берега Марны, от Нуази-ле-Гран, 18 вюртембергских орудий обстреливали французские батареи и колонны, которые наступали на правом берегу Марны, частью через Монт-Аврон, против передовых постов 12-го корпуса, оттеснив их на подготовленную позицию к западу от Шеля. Кроме этого, на пространстве шириной в 1,5 мили, между Ле-Бурже и Нейльи-на-Марне, до полудня ничего не произошло. Затем Трошю приказал начать общее отступление. Вечером 3 батальона 12-го саксонского корпуса двинулись за французами и встретили в парке виллы Эврар, которую французы отняли у передовых постов саксонцев, довольно серьезное сопротивление. Бой, веденный французами лишь для прикрытия отступления, продолжался до полуночи. В результате, войска 12-го корпуса, потеряв 70 чел., взяли 600 пленных. Храбрость французской бригады, оборонявшей

[1] Ср. стр. 246.

виллу Эврар, превратилась в панику. После этого шесть офицеров были преданы военному суду, который признал их виновными в оставлении своего поста перед неприятелем; один из них под градом пуль перебежал к немцам.

Как у виллы Эврар в обороне, так и у д. Стен при наступлении французы добились малого. Деревня Стен, лежащая к северо-западу от Ле-Бурже, была атакована одновременно с последней 2 000—3 000 чел. Ее занимали 500—600 гвардейцев, и французы в густых массах произвели несколько атак, сопровождавшихся довольно значительными потерями. В общем, ход дел 21 декабря показал, что защитники Парижа, вне крепостных верков, более не страшны. 8 французских дивизий[1] вошли в соприкосновение с четырьмя германскими, но только одна дивизия Винуа, составленная из мобилей, таможенных сторожей и лесников, обнаружила при атаках на Ле-Бурже и Стен некоторую наступательную силу. Если бы стоявшая правее этих войск армия Дюкро, не ограничиваясь артиллерийской канонадой, перешла в наступление своей пехотой, то Ле-Бурже можно было бы взять. Но при Вильере 2-я французская армия была поражена в самое сердце. Если бы даже дивизии 3-й армии удалось взятие Ле-Бурже, что составляло предпосылку, от которой Трошю ставил в зависимость наступление 2-й армии, то Дюкро при том моральном состоянии, в котором находились его войска, не смог бы произвести наступление. Французская военная критика, повидимому, имеет достаточно оснований утверждать, что вылазки 21 декабря инсценированы Трошю только для того, чтобы успокоить парижские военные формирования; кроме того, Париж должен был протянуть Федербу, находившемуся на р. Халлю[2], руку помощи, хотя она и была обессилена.

Мы знаем, что Мольтке тотчас же после сражения при Вильере, 4 декабря, начал артиллерийские действия против Монт-Аврона[3]. Было роковой ошибкой, что он не овладел этим пунктом раньше. Правда, немцы могли там держаться лишь при условии подавления фортов Росни и Ножан. Последнее можно было сделать еще в начале октября, когда 285 тяжелых орудий с большим запасом снарядов находились в Нантейле[4], ибо Мольтке для действия против этих фортов считал нужным иметь лишь 136 орудий, что было даже чересчур много. Между Монт-Авроном и Сен-Мором простиралась единственная местность в окрестностях Парижа, где французская полевая армия могла развернуться, не подвергаясь при этом в продолжение нескольких часов обстрелу германской артиллерии, и где, при дальнейшем наступлении для развертывания сражения, войска имели свободное пространство для маневрирования. Если бы Мольтке это правильно оценил с самого начала, то немцы были бы избавлены от тяжелых кровавых жертв, которые им пришлось принести при Вильере. Дело не дошло бы также и до прискорбных потерь полка Елизаветы 21 декабря у Ле-Бурже; больше того, можно было бы избежать и потерь, понесенных этим полком у того же пункта 28 октября.

---

[1] Шесть дивизий из 2-й армии, линейная дивизия из 3-й армии (ср. стр. 248). и силы, составляющие эквивалент дивизии, из остальных батальонов Винуа.

[2] См. стр. 326.

[3] См. стр. 332.

[4] См. стр. 260.

Так как Мольтке только из опыта узнал значение занимаемого французами Монт-Аврона для блокадной армии, то лишь к 27 декабря немцы окончили подготовку, для того чтобы утвердиться на этой высоте, сбив с нее обороняющегося. 76 тяжелых германских орудий, в том числе 26 привезенных из Ля-Фера [1], открыли огонь против 36 французских орудий на Монт-Авроне; французы уже на следующий день в беспорядке очистили высоту, оставив довольно много военного имущества. Тогда германские позиционные орудия, стоявшие на командующих высотах Ле-Ренси, направили свой огонь против фортов Росни и Ножан и вскоре принудили их к молчанию, так что французы уже не могли оттуда обстреливать Монт-Аврон. Этим была достигнута оперативная цель Мольтке; после потери высоты Монт-Аврон, которая в сражении при Вильере прикрывала левое крыло французов, последние очистили также полуостров Сен-Мор — район развертывания их правого крыла. Теперь можно было не трогать французов в фортах Росни и Ножан. Взятие этих фортов, лежавших под защитой пушек с главной крепостной ограды, было затруднительно и, по заключению Хиндерсина, все-таки не дало бы возможности обстреливать восточную часть Парижа.

Через два дня после оперативного крушения вылазки у Ле-Бурже, 23 декабря, на Северном театре войны Мантейфель с 2½ дивизиями атаковал 4 дивизии Северной армии. Немцы могли иметь 3½ дивизии, если бы они выждали прибытия войск, вызванных из Руана и Мезьера [2]. Но Гебен сказал колебавшемуся Мантейфелю: «Кто не рискует, тот не выигрывает, а тут можно много выиграть». В случае выжидания неприятель также мог усилиться, а непосредственно позади армии, в Амьене, нужно было как можно скорее посредством удачного сражения образовать плотину против революционной волны. Во всяком случае, чтобы сосредоточить для боя все наличные силы, пришлось вновь сократить гарнизон Амьена до минимума: один батальон и немного артиллерии — в цитадели, две ландверные роты и один батальон, составленный из людей с натертыми ногами, — в городе.

Гебен писал домой: «Я составляю диспозицию на завтра для атаки. Как видишь, решение победило...»

Французы стояли на гребне высот, имея впереди линию деревень. Гебен хотел их обойти сначала справа, а при благоприятных условиях и на обоих флангах. Правое крыло простиралось до Контэ и не имело особого прикрытия на местности,— наоборот, левое крыло у Даура упиралось в Сомму. Французы занимали фронт протяжением более 10 *км*, так что на 1 *м* приходилось всего 2½ — 3 ружья. Таким образом, Федерб избег «l'abus des formations denses sous le feu» (злоупотребления густыми строями под огнем), против чего погрешил Дюкро в сражении при Вильере, сосредоточив, в конце концов, по 18 ружей на 1 *м*.

Бой начался около полудня фронтальным наступлением немцев, в результате которого до наступления темноты деревни к западу от р. Халлю оказались в руках Гебена. В этих боях, которые велись только за передовые позиции противника, прочно укрепившегося на гребне высот, лишь 2 или 3 полка из 8 полков 8-го корпуса понесли значительные потери. Но охват правого крыла французов не удался

[1] См. стр. 332.
[2] См. стр. 269.

вследствие того, что Федерб расположил свои войска широким фронтом. Гебен, надеявшийся, что вечером французы будут отрезаны от своего пути отступления и оттеснены к Сомме, был в очень подавленном настроении. Он написал своей жене: «Наш успех только половинчатый; собственно, если сказать правду, это означает, что успеха вовсе нет. Неприятель стоит против нас там же, где и вчера стоял, и как ни блестящ был наш бой, он остался без прочного результата. Противник... сражался очень упорно».

Все-таки возможности операционного плана Гебена еще не были исчерпаны. Как сказано выше, он предусматривал также двойной охват противника. 24 декабря еще нельзя было приступить к этому маневру, потому что 6 батальонов из числа переброшенных от Руана, которые должны были быть на месте уже 22-го утром, вследствие

Схема 8.

недостатка подвижного состава на железной дороге прибыли только 24 декабря во второй половине дня. Федерб утром этого дня ничего не предпринял, кроме отправки телеграмм о победе.

Гебен еще после полудня этого дня отправил 9 батальонов в Виллер-Бретоннэ. Они должны были 25 декабря перейти Сомму у Корби и постараться оттеснить левое крыло Федерба, тогда как главные силы немцев одновременно возобновили бы атаки против фронта и правого крыла французов. Однако, дело не дошло до возобновления прерванного сражения, потому что в тот же вечер, когда Гебен двинул отряд для охвата левого неприятельского крыла, Федерб, незаметно для немцев, отвел свою армию под пушки Арраса. Мотивом для такого решения послужило то, что он не отважился подставить свои необученные войска охвату с обоих флангов, хотя, даже в случае вступления в бой 26 декабря бригады Зендена из Мезьера, Федерб все-таки имел бы 56 батальонов против 43 германских. На р. Халлю Федерб протянул парижанам руку помощи, подобно тому как они это сделали относительно него у Ле-Бурже; кроме того, Федерб, утвердившись в непосредственной близости от Амьена, дал новую пищу революционным элементам, скрытно работавшим в этом городе и в

соседнем Сен-Кантене. Но если он думал подобными наступлениями уничтожить немцев, то это была такая же иллюзия, как базеновская стратегия измора под Мецом. Мы видели, что эта стратегия, к которой французы вновь и вновь возвращались в продолжение войны, достигла некоторых успехов на Луаре, и что она произвела известное впечатление на Бисмарка и Роона, но на Северном театре войны она не дала никаких результатов.

Несмотря на сильное напряжение от частых зимних маршей, которые, впрочем, выгодно отличались от поперечных и перекрестных маршей Фридриха Карла и герцога Мекленбургского, 1-я германская армия оставалась свежей. Непосредственно перед сражением на р. Халлю Гебен писал: «Истинное удовольствие смотреть, как идет моя пехота, всегда в порядке и сомкнуто; очень редко увидишь одиночного человека, хромающего позади. Правда, я велел... при продолжительных и быстрых маршах везти сзади на повозках всех людей с натертыми ногами [1]. Это единственное средство быстро добиться их излечения... Но это нисколько не умаляет заслуги, что совсем нет отсталых, никаких так называемых слабосильных, которые потом очень легко обращаются в мародеров...»

Войска Наполеона III при Вионвиле и Гравелоте обладали внутренней спайкой, которая позволяла им без вреда для собственного морального состояния испробовать применение стратегии измора, но для рыхлых формирований республики повторилась история со стрелой, которая отскакивает обратно в стрелка. В ночь с 23 на 24 декабря немцы были расположены по квартирам во взятых деревнях и варили себе пищу обычным порядком; наоборот, плохо довольствуемые французы должны были в сильный мороз бивакировать на высотах. В сражении французы, как и немцы, потеряли около 1 000 чел., но во время отступления к крепостям, когда 25 декабря 8-й германский корпус их преследовал, они потеряли еще много мобилей и национальных гвардейцев.

Командование 1-й армией запросило Версаль, может ли оно до сосредоточения своих сил у Бове сперва взять Перонн. Мольтке ответил утвердительно. По его мнению, раз движение по железной дороге Гонес (перед Сен-Дени) — Бове — Амьен восстановлено, то 1-я армия, стоя на Сомме, может так же хорошо прикрывать осаду Парижа, как и находясь у Бове; после победы Мантейфеля при Амьене и на р. Халлю неправдоподобно, чтобы Федербу удалось опять перейти Сомму, если 1-я армия возьмет Перонн. Сходясь в указанном отношении с Мантейфелем, Мольтке критиковал распыление 1-й армии. Мантейфель, стратегию которого Гебен также не одобрял, но на которого он теперь не мог повлиять, все еще опасался неготового 19-го французского корпуса. На р. Халлю рядом с 8-м германским корпусом находилась бригада 1-го корпуса, а другую бригаду того же корпуса Мантейфель вызвал для этого сражения из Руана. Следовательно, в последнем городе осталась только одна дивизия против Бриана в Гавре. Мантейфель находил, что этого слишком мало и потому после поражения Федерба на р. Халлю направил всю пехоту 1-го корпуса обратно в Руан, за исключением одного полка, составлявшего гарнизон Амьена.

---

[1] Сказанное на стр. 257 и 281 показывает, насколько тяжелее переносились эти тяготы 2-й армией и армейской группой.

Эти ошибочные распоряжения Мантейфеля обратили прикрытие осады Перонна в почти неразрешимую задачу. Когда 2 января 1871 г. Федерб двинулся для освобождения этой крепости, Гебен мог противопоставить 56 французским батальонам только 19. Он был теперь уже не в состоянии, как на р. Халлю, перейти в наступление. Только в первый день сражения при Божанси соотношение сил было столь же неблагоприятно для немцев, когда Стош думал, что поражение близко. Но Гебен, который и в мирное время страстно предавался радостям игры, был, пожалуй, самым смелым из крупнейших немецких генералов. Он решил поставить все на карту качественного превосходства своих войск. Гебен старался, насколько возможно, выйти из чистой обороны, опираясь на свои 22 эскадрона, которым Федерб мог противопоставить лишь 2. Наступательный марш французов привел 2 января к бою у Сапиньи, в котором 50 королевских гусар атаковали французскую пехотную бригаду и вызвали в ней величайший беспорядок, несмотря на то, что только один из ее полков принадлежал к мобилям; в остальном она состояла из морского фузильерного полка и маршевого батальона егерей.

Итак, для сражения 3 января Гебен составил диспозицию, по которой кавалерия на обоих флангах должна была наступать, охватывая неприятеля. На правом фланге стоял принц Альбрехт (сын) с 8 эскадронами, которым были приданы 3 батальона с несколькими батареями; на левом фланге находился ген. граф Гребен с 10 эскадронами. Деятельность кавалерии была тем нужнее, что оба фланга германского расположения не были обеспечены местностью. Пехота с артиллерией стояла частью за Бапомом, частью же в полудюжине деревень, расположенных перед городком.

Естественно, что в бою на описанной местности, имея 56 батальонов против 19, Федерб пытался обойти Гебена на обоих флангах. Но уже рано правое крыло французов натолкнулось на кавалерийскую массу Гребена. Правда, этот генерал не смог сделать ничего положительного, но приданная его отряду конная батарея смело обошла пехотную дивизию Дерройя, которая составляла правое крыло Федерба и должна была охватить Гебена слева. Огонь этой германской батареи и вид готовой к атаке конницы в продолжение всего сражения влияли сковывающим образом на движения дивизии Дерройя. Дивизия состояла из 2 полков мобилей, 2 маршевых полков и одного маршевого батальона егерей, т. е. из не слишком рыхлых формирований, как и пехотная бригада, опрокинутая королевскими гусарами у Сапиньи.

Наоборот, на левом французском фланге дивизия Робена была качественно особенно плоха, так как состояла только из национальной гвардии. Участь этих полков была не лучше той, которая четверть года назад постигла зуавов у Шатильона[1]; после первой гранаты войска выскользнули из рук начальников, и в течение всего дня ни один батальон не был более боеспособен. Гранаты, которыми обстреливалась дивизия Робена, были выпущены 3 конными батареями принца Альбрехта и главных сил влево от него. Эти батареи, как и конная батарея графа Гребена, не потеряли ни одного человека. Вопрос о преследовании в конном строю не возникал ни у принца Альбрехта, ни у графа Гребена. Французы были приведены

[1] См. стр. 238.

в беспорядок артиллерией, но об опрокидывании и рассеивании их масс кавалерийскими атаками нельзя было думать. Наоборот, когда справа от дивизии Робена сосредоточила центр тяжести своих усилий дивизия Пайена, то пришлось отвести эти 3 батареи назад до Фремикура и за Бапом.

Все-таки благодаря действиям отряда принца Альбрехта, происходившим между 11 час. 30 мин. и 2 час. 30 мин. дня, и вследствие полной несостоятельности дивизии Робена правое крыло немцев было обеспечено от охвата. Центр находился в более критическом положении. После присоединения к нему пехоты принца Альбрехта он состоял из 18 батальонов вместе с резервом [1]. 2 французские дивизии, Пайена и Брессоля (36 батальонов), атаковали с фронта ген. Куммера, командовавшего в центре, тогда как дивизия Дерройя, только отчасти связанная отрядом Гребена, стремилась своей главной массой охватить Куммера слева. Тут, как и во всех боях, немцев выручало превосходство в качестве их артиллерии, но и по численности ее они не были слабы, так как располагали 12 батареями против 14. Если, несмотря на это, Куммеру пришлось около полудня отвести назад свою артиллерию, то это нужно приписать не столько действию неприятельских орудий, сколько бесчисленным стрелкам, которых сумели развернуть французы... 4 немецкие батареи у Фаврейля отошли сначала до Сент-Обена, но и оттуда не могли открыть огонь и были отведены за город. Батарея, оставившая Сент-Обен последней, понесла такие тяжелые потери людьми и лошадьми, что ее орудия должны были передвигаться при помощи пехоты.

Ввиду превосходства неприятельских сил пехота Гебена также должна была очистить деревни к северу от Бапома. Один батальон, слишком упорно оборонявший Бифвилье, был окружен войсками 3 французских бригад и потерял 30 — 40% рядового состава и 50—75% офицеров. Все главные силы немцев сосредоточились частью за городом, частью в самом городе; одна саперная рота привела в оборонительное состояние сохранившиеся остатки старого городского вала. Тактическим ключом была д. Тиллой к юго-западу от Бапома, которую около 4 час. пополудни заняла дивизия Дерройя. В случае, если бы не удалось изгнать ее отсюда, это означало бы, что Федерб тесно охватил левое крыло Гебена и выиграл сражение.

Адъютант Куммера настойчиво просил Гебена, который из селения Ле-Транслой руководил сражением, о присылке подкреплений, чтобы отбить Тиллой. Гебен имел, правда, последний резерв — несколько батальонов и батарей, поставленных у Сальи, но он не отважился сделать этот последний ход, а сказал адъютанту: «Войск у меня под рукой нет, но я сам приеду». Среди пехоты Куммера господствовало ощущение, что бой решен не в пользу немцев. Рейнские жители признавались: «Сегодня они нам всыпали».

После появления Гебена бой за Тиллой продолжался до наступления темноты, причем немцам не удалось взять селения обратно. Однако, Федерб приказал, чтобы при расположении армии на ночлег войска не становились в непосредственной близости от противника. Этот приказ заключал в себе приказание об очищении с. Тиллой. Немцы тотчас же заняли его вновь, а также Авен и предместье

[1] Один батальон находился у Гебена.

Бапома, где германские и французские позиции тоже непосредственно соприкасались, вследствие чего французы отошли, как и у с. Тиллой.

Тесный охват левого фланга Гебена прекратился, но все-таки французы расположились в семи взятых ими деревнях. Так как морозы все еще держались, то это расквартирование являлось достижением, потому что после других сражений биваки способствовали дезорганизации республиканских армий. Гебен не считал возможным отважиться на продолжение сражения 4 января. По человеческому разумению, с. Тиллой было бы опять взято у него, и предотвратить окончательный охват было нельзя. Правда, войска Гебена не понесли значительных потерь, кроме батальона в Бифвилье и 2 батарей ген. Куммера. Вся остальная артиллерия, как сказано, не потеряла ни одного человека, и вообще убыль была менее 600 чел. Правда, к этому нужно еще добавить 40 офицеров, почти в четыре раза больше, чем следовало бы в соотношении наличной численности рядового состава и офицеров. Но германская армия уже с начала войны должна была привыкать к тому, что ее внутренняя спайка подвергалась такому тяжелому испытанию.

Решение Гебена объяснялось полным истощением его войск, вызванным безостановочным приливом все новых неприятельских масс. Он признал сражение проигранным и приказал вечером 3 января отступать за Сомму. В одном переходе от поля сражения, на правом берегу реки, лежал Перонн. Следовательно, осаду этой крепости нужно было снять. С наступлением ночи с 3 на 4 января осадный корпус был собран на обоих берегах Соммы в готовности к походу; обоз перешел на левый берег; из 12 тяжелых орудий, которые накануне обстреливали крепость с левого берега, 8 орудий прекратили обстрел, тогда как 4 орудия в продолжение ночи еще держали Перонн под огнем. Остальные 10 позиционных орудий, двигавшиеся по железной дороге из Ля-Фера, получили в Аме приказание ехать обратно.

Итак, Федерб стоял у цели, но обстановка представлялась французскому полководцу в других чертах. Войска Гебена были лишь с трудом оттеснены, а не разбиты и не лишены своей наступательной силы. Северная армия должна была считаться не только с 8-м корпусом, но также с 1-м корпусом в Руане и с Маасской армией, которая могла высылать войска по железной дороге Гонес — Амьен. К тому же 2 января сдался Мезьер[1]. Благодаря этому освободилась 14-я дивизия, которую Мантейфель хотел притянуть к 1-й армии, так как она принадлежала к ее составу. Дивизию можно было перевезти в один день[2]. При сосредоточении Мантейфелем всех сил 1-й армии близ Перонна там собралось бы около 70 батальонов. Федерб, получивший в эти дни еще одну сильную бригаду, имел бы около 64 батальонов. Этот призрак настолько испугал французского полководца, что, как он говорит в своем труде Campagne de l'Armée du Nord (Кампания Северной армии), он счел нужным спасти свою армию от катастрофы, подобной седанской, а потому, как и Гебен, приказал утром 4 января начать отступление. Оба полководца очистили поле сражения: французский повел свои войска на север, германский — на юг. В то время как немцы перешли на левый берег Соммы, французы двигались к Аррасу. Когда немецкие передовые посты донесли,

[1] Ср. стр. 269.

[2] См. стр. 188, примечание 3. Расстояние от Мезьера до Перонна, примерно, такое же, как от Нефшато до Шалона-на-Марне.

что деревни к северу от Бапома очищены противником, войска Гебена вернулись на правый берег Соммы. Два эскадрона германских кирасир, следовавшие за французским арьергардом, столкнулись у Сапиньи с одним батальоном. Французы построили несколько каре; немцы разделились: один эскадрон атаковал неприятеля с фронта, другой старался выйти ему в тыл. Последний эскадрон натолкнулся на теснину, которую он не мог преодолеть, первый эскадрон прорвал одно каре, но не выдержал огня других. В обоих эскадронах было самое большее 200 всадников; они потеряли из них 73 и 29. Даже против такой посредственной пехоты кавалерия больше не имела решающей наступательной силы.

В тактическом отношении столкновения при Бапоме и на р. Халлю[1] были победами Федерба: первое — в наступлении, второе — в обороне. Стратегически оба столкновения являются поражениями французов. Бапом привел, хотя и не сразу, к падению крепости Перонн, осада которой теперь была возобновлена. Только после сражения на р. Халлю 1-я армия начала формировать для себя осадный артиллерийский парк[2] из французской материальной части, взятой в Ля-Фере и Амьене. Накануне сражения при Бапоме, 2 января, начался обстрел Перонна из 12 позиционных орудий, а в январе прибыли еще десять других, которые вследствие сомнений в исходе сражения при Бапоме были из Ама отправлены обратно в Ля-Фер. 22 тяжелых орудия было достаточно против 47 орудий, имевшихся в Перонне, так как артиллерия атакующего стояла на высотах, командовавших над крепостью со всех сторон; но Гебен испытывал недостаток в снарядах, отчего можно было поддерживать лишь слабый огонь. Тем временем армия Федерба расположилась на биваках к югу от Арраса, тогда как после сражения на р. Халлю она отошла за эту крепость. Значит, она вынуждала Мантейфеля подтягивать подкрепления, потому что сражение при Бапоме показало, что войск 8-го корпуса нехватает для прикрытия осады Перонна. Вследствие этого опять пришлось одну бригаду погрузить в Руане на поезда для переброски, однако, Мантейфель принял эту меру лишь с промедлением (только через пять дней после столкновения при Бапоме), что вызвало серьезнейшее беспокойство Мольтке; задержки в железнодорожном сообщении затем опять затормозили перевозку, которая продолжалась для одной бригады четыре дня (как и перед сражением на р. Халлю). В Версале столь мало доверяли военному искусству Мантейфеля, что поставили наготове у Гонеса бригаду пехоты для поддержки Гебена, в случае необходимости, с этой стороны. Но Федерб ограничился угрожающим жестом. Едва ли он мог сделать большее. Северная армия дала два оборонительных и одно наступательное сражение, не приблизившись к своей цели — изнурению 1-й германской армии. Федерб, который 4 января, находясь на вершине победы, не выказал себя крупным полководцем, теперь пришел к правильному заключению, что он не может потребовать от своих войск нового наступления. Одновременно германская осадная артиллерия получила из Ля-Фера достаточное количество снарядов, и тогда комендант Перонна сдал крепость 9 января.

[1] Автор вообще не соблюдает принятой терминологии: иногда одно и то же боевое столкновение он называет то сражением (Schlacht), то боем (Gefecht), то столкновением или стычкой (Treffen).— *Ред.*

[2] Ср. стр. 278, а также стр. 324.

Действия на р. Халлю и у Бапома лежали в рамках директив Мольтке, данных в середине декабря. В них указывалось, что пока не следует ставить себе отдаленных целей вроде Буржа или Ле-Мана. Германские генералы должны были допускать неприятеля на близкое расстояние и затем отбрасывать его посредством коротких контрударов. Это была, по существу, оборонительная стратегия, которой Мольтке временно хотел следовать. Из самостоятельно действовавших германских генералов, несомненно, ген. Вердер более всех сочувствовал такому способу ведения войны. Но ему пришлось 18 декабря атаковать дивизию Кремера, которая утвердилась у Нюи к югу от Дижона, как Северная армия на р. Халлю близ Амьена. Кремер стоял с 13 батальонами у железнодорожной выемки восточнее Нюи, имея 3 батареи на позиции, на высоте Шо к западу от города. Против него наступали 12 баденских батальонов, так что силы пехоты были приблизительно равные. Зато баденцы имели двойное превосходство в числе орудий. Их главная колонна, 8 батальонов и 5 батарей, должна была произвести фронтальную атаку на местности, которая не представляла для наступавшей перебежками пехоты ген. Глюмера ни малейшего закрытия от огня густых стрелковых цепей, а баденская артиллерия не смогла поколебать защитников сильной позиции. Хотя французская пехота была довольно плохо вооружена (она имела ружья пяти различных систем в одной дивизии), все-таки этот бой особенно замечателен упорством французских республиканцев при обороне. Два баденских полка потеряли $^1/_5$ рядового состава и более половины офицеров, но успех наступил лишь после того, как 2 батальона первой боковой колонны обошли позицию у железнодорожной выемки через Вон и Конкер. 2 других батальона и батарея правой боковой колонны, производившие более глубокий обход французской артиллерии у Шо, натолкнулись у Виллар-Фонтена на неприятельские силы, с которыми не надеялись справиться. Они начали отступление, но в лесистой местности им не удалось установить тесную связь с частями боковой колонны у Конкера.

Продержавшись на позиции в течение нескольких часов, стреляя с самого близкого расстояния, местами даже вступая в рукопашный бой, французы, угрожаемые охватом, в конце концов, отступили на Нюи. Преследовавшая баденская пехота долго не могла сломить сопротивления неприятеля, опиравшегося на этот городок. Только когда одна баденская батарея, не обращая внимания на значительные потери, причиняемые ей французскими батареями у Шо, выдвинулась за железную дорогу и стала поражать с 800 шагов скученные массы пехоты Кремера, — завершилось разложение дивизии этого генерала. Она потеряла 1 700 чел., в том числе 650 нераненых пленных, — пожалуй, $^2/_5$ бригады, составленной из мобилей и егерей — ронских добровольцев, которая одна приняла серьезное участие в бою. Другая бригада прибыла на поле сражения по железной дороге только во время боя. Революционные круги в Лионе были до того раздражены, что пришлось отнять у ген. Кремера командование бригадой, пострадавшей у Нюи. Он получил другую смешанную бригаду из обмундированных франктиреров Вандеи и из мобилей Лангедока и Гаскони.

Баденцы, достигшие своей стратегической цели, на следующее утро после боя двинулись обратно в Дижон; лионцы же боялись появления перед их воротами баденцев и других немцев, хотя расстоя-

ние от Нюи до Лиона равнялось восьми переходам. Но ведь Мольтке после вступления Фридриха Карла в Орлеан поставил принцу в качестве возможной задачи движение вместе с 14-м и 7-м корпусами на Лион[1]. С этого времени сбылось опасение начальника германского генерального штаба, что правое крыло Луарской армии, вяло преследуемое 2-й армией, оправится с помощью ресурсов Лиона от поражений при Бон-ля-Роланде и Орлеане. Реорганизованные 15-й, 18-й и 20-й французские корпуса стояли у Вьерзона, Буржа и Невера; в самом Лионе, который Гамбетта посетил на рождестве, формировался 24-й корпус. Каждый из указанных 3 корпусов насчитывал 3 пехотных дивизии, причем 15-й корпус имел силу 4 дивизий; к этому присоединились дивизия армейского резерва и дивизия Кремера, так что Бурбаки, стоявший во главе 1-й Луарской армии, располагал более чем 15 дивизиями. 2-я Луарская армия у Ле-Мана имела 10 дивизий; с наступлением нового года она также была восстановлена. Против этих сил стояли немцы: у Шартра — 17-я и 22-я дивизии, у Вандома и Блуа — 10-й корпус, у Орлеана — остальные части 2-й армии, на Верхней Марне — 13-я дивизия[2], у Дижона 14-й корпус и 4-я резервная дивизия. Все это составляло 12 дивизий против 25 неприятельских.

Если тут говорится о боеспособных французских войсках, то это, конечно, понятие относительное. Мы знаем ведь, что продовольственный кризис в Париже уже наступил; далее первого месяца нового года сопротивление вряд ли могло продолжаться. Если на севере между 23 декабря и 3 января Федерб двумя стратегическими наступлениями приходил на помощь столице, то тем более должна была проявлять активность главная масса вооруженных сил республики — Луарская армия. Численное соотношение стало для Луарской армии еще благоприятнее, чем в ноябрьских и декабрьских сражениях. Тогда 13 германских дивизий сражались против 20 или 21 французских. Теперь, после отвода назад совершенно выдохшегося баварского корпуса[3], немцы имели 12 дивизий против 25. Но это кажущееся крупное повышение французских шансов оказывалось, при внимательном рассмотрении, незначительным. Прежде всего, после происшедшей 2 января капитуляции Мезьера, Мольтке, не обращая внимания на желания Мантейфеля, перевез 14-ю дивизию по освободившейся теперь железной дороге Мезьер — Париж[4] на соединение с 13-й дивизией. Этим был восстановлен 7-й корпус, который мог всеми своими силами прикрыть блокадную армию в направлении Ионны и Верхней Сены. Кроме того, 21 декабря во втором бою у Ле-Бурже обнаружился полный развал наступательной силы армии Дюкро. Мольтке мог безбоязненно выделить значительную часть блокадной армии против Луарской армии.

Следовательно, и теперь французы не имели такого численного превосходства, которое давало бы им основание рассчитывать на освобождение Парижа в случае простого повторения их стратегии конца ноября и начала декабря. Напротив, руководящие круги в Бордо должны были вернуться к плану, который тогда был отклонен: бросить французскую армию на этапные пути немцев, осаждаю-

[1] Ср. стр. 307, см. схему 5.
[2] Ср. стр. 296.
[3] Ср. стр. 327.
[4] Ср. стр. 269.

щих Париж[1]. Принципиально решившись на это, делегация на один момент остановилась на проекте, предложенном военным министром Паликао, когда речь шла об освобождении Базена в Меце, — на проекте вторжения французских сил в Баден[2]. Теперь это не представлялось уже столь фантастичным, как тогда, когда в распоряжении не было никакой армии для Бадена; но Гамбетта и Фрейсинэ все-таки, и с полным основанием, отвергли этот крайне опасный план. Итак, оставалось только наступление на германские этапные линии, шедшие через Шампань и Эльзас-Лотарингию. Эта операция была также отклонена во французском военном совете, когда делегация еще заседала в Туре, по той причине, что Фридрих Карл может атаковать наступающих от Луары французов в их левый фланг. Однако, как мы видели, с того времени силы французов возросли. Прибавились 21-й корпус и дивизия Камо, которые на западе уже померялись с противником силами. В общем, Шанзи имел тут 10 дивизий, Фридрих Карл и Фридрих Франц — только 8. В Бордо полагали, что Шанзи сможет искусными демонстрациями удержать этих германских полководцев. Прикрытая 2-й Луарской армией слева, 1-я Луарская армия должна была наступать против германских этапных линий в Эльзас-Лотарингии, причем до утверждения там ей предписывалось освободить Бельфор[3]. Следовательно, Бурбаки должен был провести свою операцию насколько возможно дальше от 2-й германской и от блокадной армий. В противоположность авантюристической мысли о вторжении в Баден, поход 1-й Луарской армии к Бельфору был вполне разумным, потому что Бурбаки имел за собой в качестве базы Лион и, кроме того, располагал крепостями Безансон и Оксонн. Из войск в его распоряжении были: 15-й, 18-й и 20-й корпуса на Луаре; 24-й корпус, армейский резерв и дивизия Кремера в районе Рона — Саона, всего 15 дивизий. 22 декабря, на следующий день после Ле-Бурже, когда началась железнодорожная перевозка 1-й Луарской армии в Бургундию, там и на р. Ионне[4] находились только 4½ германские дивизии. Под Бельфором бивакировало около 2 дивизий ландвера[5]. Они подчинялись ген. Вердеру, который сосредоточил 14-й корпус и 4-ю резервную дивизию у Дижона. Последняя также состояла почти из одного ландвера. Командиру 7-го корпуса Цастрову тогда нехватало еще на Ионне 14-й дивизии, которая, как сказано, присоединилась к 13-й дивизии только после падения Мезьера, 2 января 1871 г. Зато 13-я дивизия состояла из 3 бригад[6]. Тем не менее германские силы, прикрывавшие этапные пути от наступления 1-й Луарской армии, были весьма недостаточны. Ведь в случае продолжения осады Бельфора, — а это нужно было непременно сделать[7], — 15 дивизиям Бурбаки можно было противопоставить только 4½ дивизии, из которых одна ландверная.

Узнав 25 декабря о перевозке войск Бурбаки из Невера в Шалон-на-Саоне, Мольтке нисколько не был обеспокоен положением на юго-востоке: он даже почувствовал облегчение, потому что всегда видел

[1] Ср. стр. 270.
[2] Ср. стр. 189.
[3] Ср. стр. 256.
[4] Ср. стр. 323.
[5] Включая 8 батальонов, которые прибыли только в конце декабря.
[6] Ср. стр. 308.
[7] Ср. стр. 242.

главную опасность в движении соединенных сил обеих Луарских армий прямо на Париж. Ведь начальник германского генерального штаба, оставив железнодорожное сообщение между Луарой и Бургундией в целости [1], прямо-таки вызывал Бурбаки на операцию против германских этапных дорог. Теперь Мольтке счел лишь нужным объединить командование германскими силами на юго-востоке; он передал Цастрову, как старшему в чине, высшее командование также и над войсками Вердера и приказал ему от Ионны двигаться к Верхней Сене, причем 13-я дивизия у Шатильона на Сене приближалась к 14-му корпусу у Дижона и к 4-й резервной дивизии между этим городом и Везулем. Одна бригада 13-й дивизии блокировала Лангр [2], она должна была также его обстреливать, и в Страсбурге был уже приготовлен к отправке сводный осадный парк; однако, Мольтке, ввиду неопределенности положения, приказал отсрочить действия против Лангра. Главным объектом наступления, которое Цастров должен был произвести безотлагательно, становилась теперь не материальная, а живая сила противника. Командиру 7-го корпуса, обеспокоенному неравенством сил, Мольтке указал на слабость Бурбаки в артиллерии и кавалерии. Далее начальник германского генерального штаба высказал ген. Цастрову мнение, что еще нельзя быть уверенным в том, что 1-я Луарская армия действительно находится в пути от Невера и Буржа к р. Саоне.

В конце года начальник германского генерального штаба стоял на той точке зрения, что хотя, ввиду донесений о передвижении французских масс от Луары к Саоне, и нужно принять некоторые контрмеры, но верить этим донесениям в полной мере не следует. Французы могли перевозить войска на восток по железной дороге Луара — Саона, но все-таки Мольтке предполагал, что главные силы Бурбаки попрежнему находятся у Буржа. Правда, Вердер доносил, что из Лиона на север движется много воинских поездов и что коммерческое движение на линиях Лион — Безансон уже несколько дней как прекращено, но Мольтке объяснил это тем, что из Лиона значительно усиливается гарнизон Безансона. С каждым днем эта картина разделения неприятельских сил представлялась начальнику германского генерального штаба все более правдоподобной. Поэтому он приказал ген. Цастрову, направленному от Оксера на Ионне к Шатильону на Сене, не доводить этого марша до конца и не принимать командования над 14-м корпусом, а на полпути к Шатильону, у Равьер, на р. Армансон, сделать пока остановку. При густоте завесы, скрывавшей маневры противника, Мольтке не считал еще возможным отдать окончательные распоряжения. Для выяснения обстановки, среди путаницы противоречивых известий, верховное командование отдало приказ командованию 2-й армии в Орлеане разведать местонахождение 1-й Луарской армии. Отряд из всех родов войск, выделенный 25-й дивизией (9-го корпуса), двинулся от Монтаржи через городок Бриар на Луаре на Бурж и Невер. Экспедиция продолжалась восемь дней — с 25 декабря по 1 января. Гессенский пехотный полк вел перестрелку с неприятельскими батальонами равной или большей силы. Они принадлежали, большей частью, к 25-му корпусу, который формировался близ Буржа, чтобы заменить 1-ю Луарскую

[1] Ср. стр. 323.
[2] Ср. стр. 308.

армию. Но здесь были и войска 18-го корпуса, так как перевозка его и 20-го корпуса продолжалась с 22 декабря до 1 января; за ними последовал 15-й корпус, который первоначально не предполагалось передвигать в Бургундию. Все обозы армии двигались походным порядком.

Так как гессенцы взяли пленных, принадлежавших к 18-му корпусу, то Мольтке утвердился в своем заблуждении, что Бурбаки совсем не изменил своего района развертывания или что известия об этом, по меньшей мере, преувеличены. Вердер имел о движениях французов правильную информацию из соседней Швейцарии; он только думал, что 18-й, 20-й и 24-й корпуса находятся гораздо ближе, чем это было в действительности, и потому приказал 27 декабря столь поспешное очищение Дижона, что 433 больных и раненых были оставлены. Четыре дня спустя разъезды Вердера установили, что неприятель разрушил почти все мосты через Дуб, следовательно чувствовал себя еще слабым, и что в Безансоне находился только 24-й корпус или часть его. Относительно 18-го и 20-го корпусов передовые войска Вердера не могли доставить никаких сведений, потому что 1 января эти корпуса достигли лишь Шалона-на-Саоне и соседних бургундских железнодорожных станций, удаленных еще на несколько переходов от Дижона (разумеется, считая по скорости движения немецких войск); французские войска, — как тогда Фрейсинэ с сожалением высказал в письме к Бурбаки, — двигались едва с половинной быстротой; значит, Дижон был очищен немцами почти на восемь дней раньше времени.

Однако, мы знаем Вердера как очень осторожного стратега; будучи таким, он сосредоточил 14-й корпус и 4-ю резервную дивизию (включая бригаду 14-го корпуса, блокировавшую Лангр) у Везуля, не надеясь и там долго продержаться. Везуль лежит от Бельфора в двух переходах, и французы могли сделать попытку вклиниться между 14-м корпусом и войсками, осаждающими Бельфор. Тогда положение Вердера сделалось бы довольно серьезным. Он имел у Везуля 3 дивизии. Если бы на выручку ему Мольтке двинул 13-ю дивизию с р. Ионны в Шатильон, то этого было бы достаточно для избавления ген. Вердера от корпуса Гарибальди [1] и дивизии Кремера. Кроме того, около нового года прибытие 15-го французского корпуса ожидалось еще в довольно отдаленном будущем. Но даже не принимая во внимание эти силы Кремера и Гарибальди, Вердер должен был быть готовым своими 3 дивизиями выдержать у Везуля натиск 10 дивизий; после опытов Стоша в первый день у Божанси и Гебена при Бапоме это было, несмотря на качественное превосходство германских войск, неприемлемым соотношением сил.

При оценке обстановки к новому году Мольтке руководствовался не столько мнением Вердера, сколько тем фактом, что в боях у Бриара были взяты пленные 18-го корпуса, а также событиями, происшедшими 24 декабря на р. Луар. Припомним, что там 10-й корпус, расположенный для отдыха на квартирах [2] между Вандомом и Блуа, наблюдал за Шанзи. 31 декабря 2 французские дивизии под командованием ген. Жуфруа (de Jouffroy), атаковали 11 германских батальонов, которые сосредоточились у Вандома, после того как уси-

[1] Ср. стр. 294.
[2] См. стр. 327.

ленные передовые части 2-й Луарской армии уже в продолжение нескольких дней обнаруживали склонность к наступлению. Все это была система демонстраций с целью отвлечь внимание германского верховного командования от выдвижения Бурбаки с правого фланга. У Вандома и к северу от него близ Данзе 31 декабря с 10 час. утра до наступления ночи шел горячий бой. Французы, руководствовавшиеся упомянутой выше стратегической задней мыслью, вели бой только ради самого боя, а немцы хотели только отразить французов, причинив им чувствительный урон. Потери французов точно неизвестны, но все говорят о том, что при Вандоме, как и всегда, их убыль значительно превосходила небольшие потери противной стороны. Насколько французские войска по качеству уступали германским, показал еще раз эпизод из боя при Данзе. Тут две немецкие роты, наступавшие по обеим сторонам дороги, попали в сферу огня больших пехотных масс и 2 батарей противника. Быстро приняв решение, германский капитан, взяв по одному взводу от каждой роты, бросился на неприятельскую артиллерию и частым огнем причинил ее прикрытию столь значительные потери, что оно обратилось в бегство, оставив 3 орудия и 2 передка.

Никогда, однако, стратегическая цель боя, который сам по себе был бесполезен, не достигалась в такой полной мере, как войсками Шанзи при Вандоме. Когда Мольтке 1 января узнал об этой атаке французов, он сопоставил ее с тем обстоятельством, что при Бриаре было установлено присутствие войск 18-го корпуса, при Везуле же их не оказалось. Из этого он сделал вывод, что известие, полученное от штаба 14-го корпуса и из других источников, относительно перевода 1-й Луарской армии к р. Саоне следует отвергнуть. Начальнику германского генерального штаба представлялось теперь несомненным, что обе Луарские армии хотят итти прямо на Париж. причем Бурбаки пойдет по пути через Монтаржи на р. Луэн. Мольтке передвинул туда 2-й корпус, тогда как 1-й баварский корпус[1] занял его место в блокадной линии. 13-я дивизия получила приказание вернуться к Оксеру на р. Ионне, который она оставила, чтобы выдвинуться на два-три перехода к р. Армансон. К Оксеру была перевезена также и 14-я дивизия. Неправильно оценивая обстановку, Мольтке телеграфировал Цастрову: «Вердер не нуждается в вашей поддержке». 7-й корпус на р. Ионне и 2-й корпус на р. Луэн должны были совместными силами прикрывать блокадную армию от Бурбаки. В одной телеграмме Мольтке к Штиле сказано: «После того как... неприятельская атака у Вандома уже началась, нужно ожидать наступления Бурбаки. Было бы опасно выжидать сближения обеих войсковых групп, пока еще удаленных на большое расстояние; напротив, представляется необходимым возможно скорее, с превосходными силами, перейти в наступление против ближайшей из них, чтобы разделаться с ней до подхода другой».

В той картине, которую Мольтке нарисовал себе относительно операционных планов французов, Шанзи являлся не только ближайшим, но и самым опасным противником; ведь именно он проявил активность при Вандоме. Поэтому против Шанзи и должно быть направлено организуемое крупное наступление. Правда, оно основывалось на ложных предпосылках, но с верным чувством меры избегло

[1] См. стр. 327.

удара в пустое пространство на Бурж, где германский генеральный штаб все еще предполагал присутствие 1-й Луарской армии. Для действий против 2-й Луарской армии армейская группа была расформирована и из 17-й и 22-й дивизий образован 13-й корпус[1], но не как живой тактический организм, а по придворным соображениям К армейской группе, кроме 17-й и 22-й дивизий, принадлежал еще 1-й баварский корпус; следовательно великий герцог Мекленбургский командовал своего рода армией. Надлежало ли ему теперь, под начальством Фридриха Карла, командовать только 2 дивизиями? Уж тогда, по меньшей мере, — корпусом! Однако, и корпус Фридрих Франц принял лишь после продолжительного размышления и уговоров короля. Он был хороший строевой служака, но без оперативных способностей. Ввиду этого Мольтке, испуганный его ошибками, послал к нему Стоша[2]. Такой ментор не мог, конечно, пользоваться симпатиями короля, а также принца Фридриха Карла, через голову которого Стош обращался в Версаль, чтобы дать операциям 2-й армии нежелательное принцу направление[3]. Неудивительно поэтому, что в этот критический момент, когда Мольтке принял решение о наступлении 2-й армии и 13-го корпуса к Ле-Ману, мы видим Стоша уже не рядом с Фридрихом Францем, а опять в Версале, в генеральном штабе.

Распоряжения Мольтке от 1 января гласили[4]: 7-й и 2-й корпуса остаются к югу от Парижа в оборонительном положении, 10-й, 3-й, половина 9-го (18-я дивизия) собираются в течение 48 часов на р. Луар между Илье и Вандомом и немедленно атакуют Шанзи; 25-я дивизия 9-го корпуса остается в Орлеане и, следовательно, вместе с силами в Монтаржи и Оксере составляет прикрытие против Бурбаки. Оставался еще — Вердер, который на основании своих информаций из Берна продолжал держаться мнения, что против него находится 1-я Луарская армия, могущая своими превосходными силами вклиниться между ним и осадным корпусом под Бельфором. Ввиду этого он хотел отослать 4-ю резервную дивизию обратно к Бельфору. Мольтке обратил внимание штаба 14-го корпуса на то, что это было бы ошибкой, так как ген.-майор Тресков, командовавший войсками под Бельфором, очевидно, и с тремя дивизиями столь же мало мог помешать 1-й Луарской армии деблокировать крепость, как и с двумя. Во всяком случае, нужно было избежать ослабления войск, состоявших под непосредственным командованием Вердера, иначе последнему не удалось бы ничего сделать для удержания Бурбаки вдали от Бельфора и этапных дорог. Мольтке телеграфировал Вердеру: «Единственным выходом является наступление с вашей стороны, для чего должны быть стянуты все силы, т. е. около 50 батальонов».

Такое число войск Вердер, конечно, мог собрать у Везуля: 14-й корпус, 4-ю резервную дивизию и, в случае необходимости, еще часть осадного корпуса из-под Бельфора. Однако, как мало значили эти 50 батальонов против 130 батальонов[5] 18-го, 20-го и 24-го французских корпусов, по крайней мере, если мы будем определять соот-

[1] См. стр. 242.
[2] Ср. стр. 272.
[3] Ср. стр. 312.
[4] Ср. карту театра войны, схема 5.
[5] Дивизия Кремера тут не принята во внимание (см. ниже, стр. 360).

ношение сил лишь в количественном смысле. Но если даже положить на весы качественное превосходство германских войск, то и тогда требование Мольтке перейти в наступление должно было вызвать у Вердера самые тяжелые опасения. Даже при Луаньи — Пупри немцы атаковали с большими силами (около 50 батальонов против 110). Под предводительством Стоша, которому Вердер отнюдь не был равен по своим способностям, они победили при Луаньи — Пупри, но только вследствие крупных ошибок противника[1]. Нельзя было с уверенностью рассчитывать на то, что эти ошибки в таком же масштабе повторятся в районе Везуля, так как сам Мольтке считал Бурбаки хорошим генералом, о чем и писал Стошу. Далее, со времени сражения при Луаньи — Пупри благодаря крушению наступательной силы армии Дюкро, происшедшему в гигантском кровопролитии при Вильере, общая обстановка сделалась гораздо более благоприятной для немцев, так что им незачем было производить слишком рискованные атаки.

Если, несмотря на это, Мольтке побуждал 14-й корпус к наступлению, то это происходило оттого, что, по его взглядам, 50 батальонам Вердера противостояло только 40 или менее батальонов противника. В действительности, в тот самый день, когда телеграмма Мольтке толкала Вердера вперед, в Безансоне состоялся французский военный совет, на котором Бурбаки окончательно решил произвести немедленное наступление против 14-го корпуса. Он действовал в согласии с Фрейсинэ, который со званием военного делегата[2] попрежнему оставался руководителем во всех стратегических вопросах, и притом не только по названию. В эти дни он написал Бурбаки: «Ваша вчерашняя телеграмма... гласит, что вы, вследствие очищения Дижона Вердером, хотите принять соответствующие меры. Если под этим подразумевается, что вы рассчитываете изменить стратегическое движение, то я нахожу нужным разъяснить, что никакое решение не может быть принято без предварительного доклада мне. Только при крайней военной необходимости можно действовать без моих инструкций. За исключением этого случая, я настаиваю на том, чтобы меня изо дня в день держали в курсе планов главной квартиры, дабы я мог посылать свои инструкции».

После того как французские генералы неправильной оценкой неприятельских сил испортили войну с самого начала; после того как раздроблением своих сил они вызвали катастрофу при Верте; после того как, по слабости воли и убогости мысли, они оказались виновными в Седанской и Мецской капитуляциях, — военные специалисты потеряли кредит у французского правительства. В них видели лишь подчиненных техников, которые были, правда, нужны по своим специальным познаниям, но которым ни в коем случае нельзя было предоставить стратегическое творчество. Это взял на себя интеллигентный и энергичный гражданский инженер Фрейсинэ, а генералы должны были нести ответственность за выполнение.

Мы видели, что в конце ноября и начале декабря Фрейсинэ оказался стратегически несостоятельным. Столь же мало оправдал себя, в качестве военного министра, Гамбетта. С чрезвычайной энергией преодолевая сопротивление сторонников традиций и рутинеров, он

[1] Ср. стр. 301.

[2] Гамбетта в качестве военного министра формировал новые корпуса (ср. стр. 245 и 248—249).

преобразовывал механизм управления сообразно новым исключительным условиям; однако, первоклассный военный министр должен не только охватывать все дело в целом, но и быть в состоянии обсуждать важные частности, так как машина функционирует лишь тогда, когда части и частицы ее находятся в порядке. Роон понимал эти вещи, Наполеон имел во главе военного министерства очень дельного человека и, кроме того, был сам своим военным министром. Наоборот, дилетанту Гамбетте это было не по силам.

Правда, при прегруппировке 1-й Луарской армии требовались почти нечеловеческие усилия. Половина или более железных дорог были одноколейные. Мы знаем, как плохо работала в немецких руках[1] двухколейная Марнская дорога, — отчасти вследствие нападений франктиреров, но также и по той причине, что в то время еще не существовало военно-железнодорожной службы с соответствующей тренировкой в мирное время. У французов эта специальность находилась в еще большем загоне, чем у немцев. Сначала 18-й и 20-й французские корпуса были выгружены в Шалоне; потом, после слишком поспешного очищения Дижона Вердером, они были снова погружены и перевезены в Доль и крепость Оксонн по новому участку, который еще не был принят от подрядчика. Одноколейная горная дорога через Лу-ле-Сонье, по которой перевозился 24-й корпус из Лиона в Безансон, также имела малую пропускную способность.

Корпус имел 2 000 вагонов с продовольствием, т. е. больше осей, чем транспорт с материальной частью для бомбардировки Парижа, вызвавший на Марнской дороге такие огромные задержки движения; 2 000 осей составляют около 25 поездов для продовольствия; к этому присоединялись 95 поездов для войск. В совокупности требовалось 120 поездов для одного корпуса; понятно, что на одноколейных дорогах происходили такие заторы, что иногда 25 поездов стояли вплотную один за другим. Однажды для прохождения 9 *км* поезду потребовалась целая ночь. Один полк национальной гвардии просидел на одной станции три дня и четыре ночи, иностранный легион в Дижоне — даже шесть дней.

Вместо перевозки прусского гвардейского ландвера по железной дороге от Страсбурга в Нантейль движение его походным порядком было бы почти столь же выгодно[2]; также и войска Бурбаки часто могли бы походным порядком раньше достичь цели. Однако, французское командование не решилось прибегнуть к такому выходу из затруднения. Расположение войск на квартирах вызывало огромное развитие дезертирства; бивачное расположение при — 16°C причиняло не меньшую убыль. Но и при перевозке солдат в нетопленых вагонах для скота и товарных вагонах возникали болезни, и в несколько дней потери достигали 10% и выше, тем более что вследствие холода вагоны не проветривались. Выходя из вагона, люди зачастую падали мертвыми. Один генерал, достигнув ночью пункта назначения, отказался высадить свою дивизию из вагонов, несмотря на нездоровые условия пребывания в них. Войскам пришлось бы бивакировать, а зимних биваков боялись и германские генералы, что мы знаем из похода в Перш; но немецким войскам можно было безбоязненно разрешить разместиться по квартирам.

---

[1] См. стр. 243.
[2] Там же.

Продовольствие в армии Бурбаки имелось в изобилии; тысячи нагруженных подвод стремились к железнодорожным станциям. Несмотря на это, наладить распределение припасов не удавалось, так что солдаты все-таки терпели нужду. На станциях они расхищали вагоны с продовольственными запасами. Еще хуже было то, что на станции в Безансоне только от одного проходившего корпуса было собрано 7—8 подвод брошенных ружей. Таким плохим было моральное состояние войск. Но едва ли не самым худшим являлось обессиление артиллерийских и обозных лошадей. При медленных и плохо организованных железнодорожных перевозках лошади получали недостаточно корма и не пользовались нужным уходом; обоз же двигался походным порядком, и на биваках животные подвергались влиянию непогоды. Обозные части были, как мы знаем, самым слабым видом войск в республиканской армии; при перегруппировке ее именно они пострадали более других.

В то время как для прикрытия Восточной армии (так опять назывались действовавшие тут силы[1]) со стороны р. Армансон дивизия Кремера заняла Дижон, Бурбаки со своими остальными 14 дивизиями[2] хотел атаковать 3 германские дивизии у Везуля. Выступив 2 января из своих лагерей между Оксонном и Безансоном, французы должны были 5 января появиться к югу и востоку от Везуля. Назначенный переход был невелик, но все-таки 24-й корпус его не выполнил. На его долю выпадала главная задача, так как он должен был охватить левое крыло Вердера и вклиниться между этим генералом и ген.-майором Тресковым.

Только передовые войска Восточной армии вошли 5 января в соприкосновение с немцами. Произошли незначительные столкновения, которые с германской стороны вызвали потерю 90 чел., но передали в руки Вердера 500 нераненых пленных. Последние принадлежали к 18-му и 20-му корпусам. Еще в ночь с 5 на 6 января телеграмма командования 14-го корпуса сообщала эти факты начальнику германского генерального штаба. Туман, окутывавший распоряжения французского главного командования, рассеялся.

Экспедиция принца Фридриха Карла в Перш находилась уже на полном ходу, и ее нельзя было приостановить. Она была невыгодна вследствие бесполезных жертв и опасностей, вызываемых наступлением против 2-й Луарской армии, но с этим можно было помириться, поскольку 2-я армия не была нужна против Бурбаки. Для парализования последнего было достаточно 2-го и 7-го корпусов, собиравшихся между Монтаржи и Шатильоном и угрожавших Восточной армии, при выполнении ею операционного плана, с фланга и тыла. Чтобы рельефнее выразить новое назначение обоих корпусов, из них, а также из сил Вердера и Трескова была образована Южная армия, во главе которой поставлен Мантейфель, вызванный из Амьена.

Однако, 7-й и 2-й корпуса могли изготовиться на исходных пунктах своего наступления только через неделю. До этого, и даже значительно дольше, Вердер должен был выдержать. Мольтке обратил его внимание на то, что намерение Бурбаки деблокировать Бельфор еще не вполне точно установлено; Восточная армия могла от Везуля двинуться и на Лангр. В этом случае 14-й корпус должен был связать

[1] О прежней Восточной армии ср. стр. 256.

[2] Армейский резерв, фактически состоявший только из 9 батальонов (ср. стр. 352), приравнен к дивизии.

французов, пока Южная германская армия сосредоточивалась у Шатильона.

Требование, чтобы 3 дивизии Вердера связывали 11 дивизий французской Восточной армии, несомненно, было трудно выполнимо, тем более что помощь Мантейфеля предвиделась еще не скоро, но при качественном превосходстве германских войск Мольтке мог не опасаться последствий раз сделанной ошибки. Во всяком случае обращает на себя внимание спокойная уверенность, с которой он, в отличие от самого Вердера, рассчитывает на беспомощность неприятельских масс. Генералу, который был начальником этапов в Нанси, Мольтке написал: «Неудовлетворительная организация неприятельских армий, которые почти совершенно лишены продовольственных и артиллерийских обозов, вынуждает их беспрерывно связывать свои операции с железными дорогами». Далее в этом документе предписывалось подготовиться к перерыву дорог Лангр — Шомон и Сен-Лу (севернее Везуля) — Эпиналь. Порчу следовало произвести таким образом, чтобы устранение ее потребовало по меньшей мере восьми, но не более четырнадцати дней.

В действительности французы хотели итти не на Лангр, а на Бельфор. Сначала Бурбаки надеялся уничтожить небольшие силы Вердера или, будучи пессимистом, как Трошю, он, по крайней мере, внушал себе эту надежду. Вердер стоял за ручьем Дюржон, примкнув правым крылом к Пору-на-Саоне. При ближайшей разведке германской позиции Бурбаки пришел к заключению, что начатая им 5 января атака, не осуществленная вследствие медлительности 24-го корпуса, представляет чрезвычайные опасности. Он отказался от намерения дать сражение и решил сначала маневрами заставить немцев покинуть позицию за р. Дюржон. Это была вялая стратегия, потому что желающий обороняться найдет себе везде хорошие позиции. Кроме того, из-за дальних движений, требуемых такой маневренной войной, приходилось терять драгоценные дни. Далее, именно на необученные войска меньше всего следовало возлагать форсированные марши, которых можно было избежать. В конце концов, для главной массы Восточной армии лишения выразились в перекрестных и поперечных маршах, которые, судя по предшествующим фактам этой войны, особенно дурно влияли на дух французских солдат. Ведь 18-й и 20-й корпуса, перейдя у Пема и Форэ р. Оньон, достигли 5 января Майлье, Гранвеля, Антуазона и Филена, приблизившись к 14-му корпусу. Теперь они должны были вернуться к реке, чтобы 8 января занять у Монбозона и Ружмона исходные пункты для выдвижения справа. У Кюза к ним примкнул 24-й корпус, образовавший правое крыло всех сил.

Если Бурбаки считал позицию Вердера неприступной, то этому способствовало ошибочное предположение, что Виллерсексель на р. Оньон сильно занят немцами. От Виллерсекселя до Пора-на-Саоне около 22 000 *м* по прямой, а в 31-м батальоне Вердера[1] едва ли было более 16 000 бойцов; если обороняющийся не имел даже одного человека на 1 *м*, то французам при четырехкратном превосходстве сил[2] тем выгоднее было решить сражение у Везуля. Избрав вместо сра-

[1] Несмотря на предупреждение Мольтке (см. стр. 357), Мантейфель послал часть 4-й резервной дивизии Трескову.

[2] 18-й, 20-й и 24-й корпуса составляли вместе с армейским резервом 122 батальона.

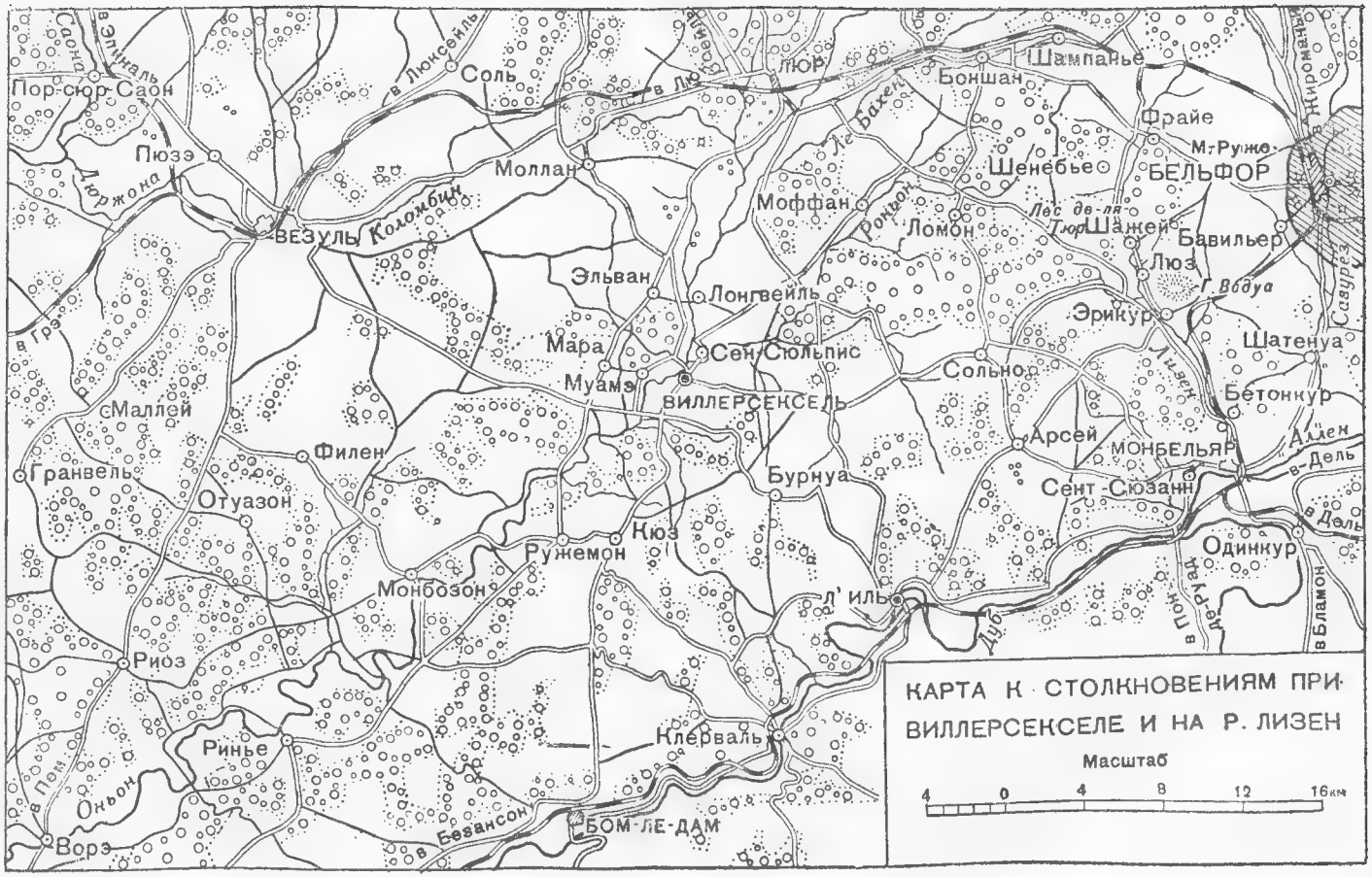

Пор-сюр-Саон
Пюзэ
Везуль
Моллан
Соль
Эльван
Лонгвейль
Мара
Сен-Сюльпис
Муамэ
Виллерсекель
Малле
Филен
Гранвель
Отуазон
Кюз
Ружемон
Монбозон
Риоз
Ринье
Клерваль
Бом-ле-Дам
Ворэ
Моффан
Ломон
Шенебье
Боншан
Шампанье
Фрайе
Бельфор
Шажей
Бавильер
Люз
Эрикур
Шатенуа
Сольно
Бетонкур
Арсей
Монбельяр
Сент-Сюзанн
Бурнуа
Одинкур
Л' иль
Дюжон
Комомбин
Ронжон
Лизен
Аллен
Савурез
Ж. Вдуа
Масштаб
4 0 4 8 12 16км
КАРТА К СТОЛКНОВЕНИЯМ ПРИ ВИЛЛЕРСЕКСЕЛЕ И НА Р. ЛИЗЕН

Схема 9.

жения обход, Бурбаки, во всяком случае, достиг того, что Вердер без боя очистил свою позицию. В тот день, когда Восточная французская армия сосредоточилась у трех названных пунктов на р. Оньон, командование 14-го корпуса перенесло корпусную базу из Лотарингии в Эльзас, потому что германские разведывательные отряды наблюдали выдвижение противника с правого фланга. На дороге из Везуля в Виллерсексель они натолкнулись на вооруженных жителей — верный признак приближения неприятельских сил, как говорит труд германского генерального штаба. Из достоверного источника из Базеля ген. Вердер получил известие, что Бурбаки с 15 000 чел. двигается для освобождения Бельфора. Число едва ли было преувеличено, если считать нестроевые элементы. Восточная армия вместе с 15-м корпусом насчитывала 187 батальонов[1]. Можно принять, что в пехоте было 95 000 бойцов. Впрочем, 15-й корпус еще только подвозился по железной дороге. Головная бригада 7 января была выгружена в Безансоне и должна была оттуда итти к Бламону, против Деля на швейцарской границе. До Деля простиралось сторожевое охранение германских войск, осаждавших Бельфор. Зато французское командование предполагало подвезти главные силы 15-го корпуса по железной дороге до Клерваля. Эта станция была прикрыта, так как другие корпуса и армейский резерв 9 января двигались походным порядком на Виллерсексель или оставались у Кюза.

Без 15-го корпуса и дивизии Кремера Восточная армия насчитывала около 60 000 штыков, Вердер у Везуля имел 16 000. Он, пожалуй, мог бы тут принять сражение, если бы действовал в духе Мольтке, сосредоточив за ручьем Дюржон не 31, а около 50 батальонов. Вместо этого в 7 час. утра 9 января он начал отступление к р. Лизен; эта небольшая речка, западнее Бельфора, была последней хорошей позицией, могущей прикрыть осадный корпус. По пути туда 14-й корпус и 4-я резервная дивизия должны были перейти р. Оньон. Так как каменный мост через эту реку у Виллерсекселя находился уже в руках французов, совершавших маневр в обход дюржонской позиции, то Вердер приказал навести два военных моста у Эльвана. Они были готовы только после полудня и служили сначала для отхода обозов. 3 баденские бригады должны были также перейти Оньон в этом пункте, тогда как 4-я резервная дивизия и прусская бригада 14-го корпуса прикрывали отступление этих войск от французов. Позднее они должны были отойти через Эльван к р. Лизен.

С Вердером при Виллерсекселе произошло то же, что с Фроссаром при Шпихерне: из-за своих обозов он ввязался в нежелательный бой. Бурбаки смог постепенно ввести в дело 68 батальонов, хотя при плохих проселочных дорогах этой горной местности он мог ожидать от своих войск особенно коротких переходов. После того как с 10 час. утра происходил бой у Виллерсекселя и у соседних деревень Мараст и Мойми, Вердер был вынужден подтянуть 2 баденские бригады обратно из Эльвана к Виллерсекселю; 3-й бригаде он приказал продолжать движение для усиления Трескова, потому что Мольтке оказался не в состоянии нарушить ход его мыслей, ведших к раздроблению сил. Вечером 3-я баденская бригада, дошедшая

[1] 15-й корпус был, как и прежде (ср. стр. 243), необычайно силен: 51 батальон; 2-й корпус насчитывал 43 батальона. Ср. также стр. 352.

до Люра, получила приказание остановиться, так как Вердер опасался быть отброшенным на Везуль. Ведь даже после подхода баденцев у Виллерсекселя сражалось только 25 германских батальонов[1] против 68 французских. Если бы при Виллерсекселе войска республики обладали хоть частью той дисциплины и подвижности, с которыми пруссаки штурмовали крутые Шпихернские высоты, то Бурбаки, вероятно, одержал бы победу, тем более что немцы не находили особой опоры на местности. Но Восточная армия сражалась так вяло, что 35 000 ее пехоты, ведя бой, который в высоко расположенном замке Виллерсексель и его парке продолжался до 1 часа ночи, потеряли только 600 чел. убитыми и ранеными. Зато у французов было взято 700 нераненых пленных.

Немцам этот день также стоил немногого, хотя один прусский полевой полк все-таки потерял 15% рядового состава и большую часть офицеров. Но немцы вполне достигли цели боя. Она состояла в отрыве от противника, которому едва ли мог опять представиться такой благоприятный случай, как в этом бою. Вердер, который, сообразно наличным силам, хотел вести войну против Бурбаки на сильно укрепленных позициях, был вынужден к действиям в открытом поле. Если Бурбаки не сумел победить у Виллерсекселя, то он едва ли мог победить вообще.

Сражавшаяся в городе и замке Виллерсексель 4-я резервная дивизия очистила эти места около 3 час. утра 10 января, прошла по мостам у Эльвана и стала утром биваком на левом берегу реки у Сен-Сюльписа. Полевая бригада 14-го корпуса и обе баденские бригады провели ночь с 9-го на 10 января на месте своего боя у Мараста и Мойми и рано утром последовали за 4-й резервной дивизией. Хотя 14-й корпус и 4-я резервная дивизия, не тревожимые неприятелем, заняли позицию между Эльваном и Лонгвилем, Вердер утром 10 января все еще сомневался в том, что трудный арьергардный бой уже решен в его пользу, и ожидал каждую минуту продолжения неприятельского наступления. В этом случае ему пришлось бы принять бой, имея р. Оньон между частями своей армии. То обстоятельство, что французы стояли столь же близко к Бельфору, как и он, причиняло ему, пожалуй, меньше забот, потому что он был уверен в большей подвижности своих войск. Освободившись от угрозы новой атаки, Вердер приказал 14-му корпусу и 4-й резервной дивизии продолжать марш к р. Лизен. По дороге к нему прибыл фельдъегерь с письмом начальника германского генерального штаба, в котором говорилось: «Осаду Бельфора нужно прикрывать при всяких условиях. Его величество надеется, что..., стянув все войска, без которых можно обойтись при осаде, вам удастся задержать неприятельское наступление к Бельфору до вступления в дело 2-го и 7-го корпусов».

Мы видели, что 1-я резервная дивизия появилась под Бельфором в ноябре[2]. Подобно 4-й, так называемой резервной, дивизии она состояла почти из одного ландвера. В начале декабря ген.-майор Тресков имел 50 осадных орудий, так что 3 декабря можно было начать бомбардировку, посредством которой надеялись взять Бельфор, не прибегая к правильной осаде.

---

[1] 11 баденских, 9 прусских полевых (14-го корпуса и 4-й резервной дивизии) и 5 прусских ландверных батальонов (4-й резервной дивизии).

[2] Стр. 256.

Гарнизон крепости, плохо дисциплинированный и не весь вооруженный ружьями Шаспо, состоял, примерно, из дивизии, т. е. равнялся силам осаждающего. Когда германские снаряды вызвали пожары в крепости и фортах, то высланный для тушения их батальон мобилей поднял восстание и был расформирован. Таким образом, отличному коменданту Бельфора полковнику Данфер пришлось преодолевать большие затруднения; но и ген. Тресков встретил чрезвычайные препятствия в виде скалистого грунта и морозной погоды. Установка 50 осадных орудий продолжалась до 9 января, дня боя при Виллерсекселе, а тем временем у Трескова создалось убеждение, что цель не может быть достигнута без правильной осады.

Количество войск, обложивших Бельфор, было тем временем удвоено частью присылкой ландвера из Германии, частью передачей из 4-й резервной дивизии [1]. Несмотря на это, не удалось создать сомкнутую циркумваллационную линию [2], потому что половину пехоты пришлось употребить для наблюдения за деблокадной армией противника. Ведь головная бригада 15-го корпуса вклинилась между Делем и Монбельяром, так что французы уже появились позади р. Лизен. В случае принятия сражения за этой речкой Вердер хотел, по совету Мольтке, сосредоточить там 50 или, точнее, 46 батальонов. Вследствие этого, достигнув 11 января р. Лизен, он поставил на этой позиции также и все силы Трескова, за исключением принадлежавших к 1-й резервной дивизии. Тем самым последняя должна была одна блокировать дивизию Данфера и прикрывать осадную артиллерию. Правда, войска Вердера и Трескова находились всего в одном небольшом переходе друг от друга, но противник подтянул, кроме 15-го корпуса, еще дивизию Кремера, так что имел более 187 батальонов против 46 батальонов на р. Лизен, причем огромные французские массы также были удалены от дивизии Трескова и осадного парка едва на один переход. Нервы Вердера не выдержали этого трудного положения. Он телеграфировал в Версаль, что предполагает снять осаду Бельфора. Затем он намеревался со всеми своими 61 батальонами занять позицию поперек Эльзаса, примыкая правым крылом к Вогезам, а левым — к Рейну. Разрешение задачи по прикрытию Эльзаса от превосходных сил неприятеля Вердер считал тем более возможным, что Мольтке сосредоточил в Брейсгау запасные войска для противодействия подвижным колоннам Бурбаки, перешедшим Рейн. Вердер заявил Мольтке, что задержание его войск под Бельфором ставит на карту их существование, тем более что реки замерзли и стали проходимыми.

В телеграмме от 15 января Мольтке категорически приказал Вердеру принять сражение для прикрытия осады Бельфора. Разумеется, начальник германского генерального штаба вызвал кризис ошибочными мерами, что он и сознавал; но, ясно видя опасность, он ее все-таки не преувеличивал и помешал сделать ненужный шаг назад: снятие осады Бельфора вызвало бы потерю парка. Под Парижем Мольтке делал вид, будто не придает потере парка серьезного значения [3], но в действительности это едва ли было так. Под Бельфором он приказал, во избежание подобного несчастья, дать сражение. Это

[1] См. выше, стр. 361.

[2] Кольцо укреплений, обращенных против крепости, в отличие от контрваллационной линии, обращенной в поле и прикрывающей тыл осаждающих.— *Ред.*

[3] Ср. стр. 264—265 и 280.

было не только смело, но и весьма разумно. Что могло случиться с Вердером в случае проигрыша сражения? По человеческому разумению, результат был бы не хуже, а лучше, чем если бы он уклонился от сражения посредством отступления, похожего на бегство. Едва ли можно было думать, что малоподвижные, плохо обученные французы, даже выиграв сражение, смогут нанести Вердеру сокрушающий удар. Конечно, по собственному выражению Мольтке, война всегда опасна, и положение в Бургундии, вызванное тем, что Мольтке слишком долго оставлял Вердера одного против Восточной армии, сохранило свой критический характер.

Неизвестность относительно пребывания Бурбаки имела плохие последствия, — писал Мольтке 15 января Штиле, желая познакомить его с общей обстановкой. Дело разъяснилось несколько поздно. Восточная армия стоит между р. Дуб и Верхней Саоной и может двинуться как на Бельфор, так и на Нанси. Головные части 2-го и 7-го германских корпусов к 19 января могли бы достигнуть Везуля. Если Бурбаки двинется на Нанси, он еще раньше будет иметь Мантейфеля на фланге. Мантейфель и Вердер вместе составили бы силу в 118 батальонов[1]: «Следовательно, в ближайшие дни мы будем переживать кризис, из которого, однако, выйдем благодаря храбрости наших войск и с божьей помощью».

В переписке с генералами Мольтке еще ни разу не призывал помощь божью и не говорил о кризисе. Только перед сражениями при Бон-ля-Роланде и Вильере он употребил выражение «род кризиса»[2]. Приведенное сообщение его командованию 2-й армии тем более характеризует серьезность положения в Бургундии, что принц Фридрих Карл только что одержал победу над Шанзи у Ле-Мана, которая была не менее славной, чем победы у Бон-ля-Роланда, Луаньи — Пупри и Божанси и которая в материальном отношении нанесла противнику такой же вред, как прорыв к Орлеану.

1 января[3] Мольтке приказал командованию 2-й армии в течение 48 часов сосредоточить 13-й, 10-й и 3-й корпуса и 18-ю дивизию между Ильером и Вандомом и затем тотчас же перейти в наступление[4]. Однако, развертывание этих войсковых частей потребовало не двух, а трех дней, так что наступление Фридриха Карла началось только 6 января. В рамках общей обстановки эта разница не имела значения, потому что те наступательные планы, которые Мольтке предполагал у Шанзи, в действительности не существовали, но для операции 2-й армии она оказалась довольно вредной. Когда дивизия 10-го корпуса, квартировавшая в Блуа, 5 января направилась к Луару, она прошла через Эрбо. Там в одном солдатском буфете закусывал француз, который видел эти войска и настолько разобрался в разговорах немцев, что оказался в состоянии донести франктирерам о сосредоточении 3-го корпуса к Вандому[5]. Далее француз смог сообщить

[1] Без 1-й резервной дивизии под Бельфором Восточная армия насчитывала 187 батальонов.

[2] Ср. стр. 267.

[3] Об этом периоде войны существует заслуживающая внимания новая работа: Альберт Будеке, полковник прусской службы в отставке, Поход на Ле-Ман. Операции на юго-западном театре войны зимой 1870/71 г. Подробное изложение по военным документам и другим источникам, Берлин, 1928 г.

[4] О 13-м корпусе ср. стр. 357.

[5] В этот день он достиг только Виллермена, который известен нам по колебаниям Фридриха Карла 16 декабря (ср. стр. 318).

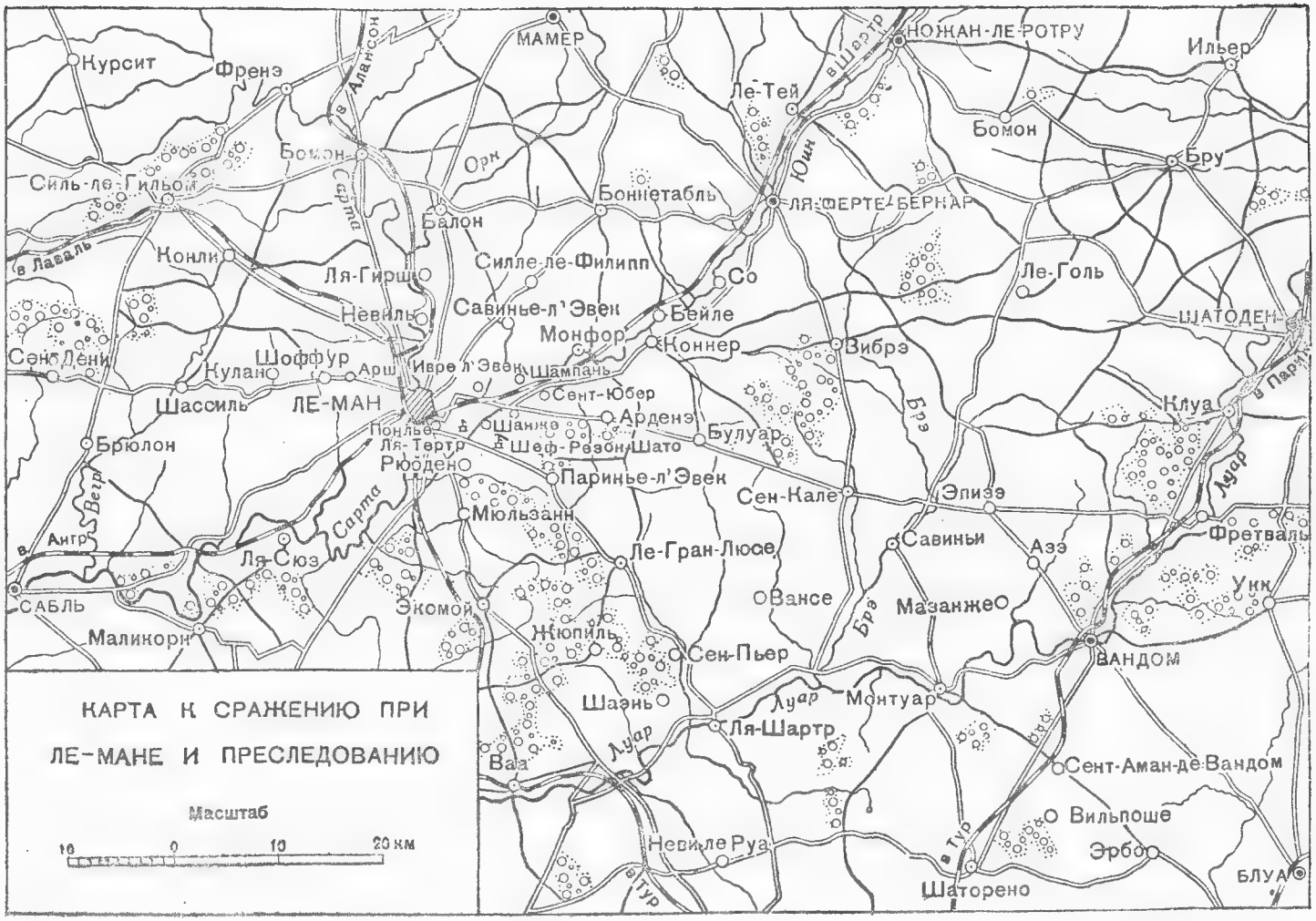

КАРТА К СРАЖЕНИЮ ПРИ
ЛЕ-МАНЕ И ПРЕСЛЕДОВАНИЮ
Масштаб
10 0 10 20 км
МАМЕР
НОЖАН-ЛЕ-РОТРУ
Ильер
Курсит
Френэ
Ле-Тей
Бомон
Бомон-
Бру
Силь-ле-Гильом
Орн
Боннетабль
ЛЯ-ФЕРТЕ-БЕРНАР
Балон
Конли
Силле-ле-Филипп
Со
Ле-Голь
Ля-Гирш
Невиль
Савинье-л'Эвек
Бейле
ШАТОДЕН
Монфор
Коннер
Вибрэ
Сэнс-Дени
Шоффур
Кулан
Арш
Ивре-л'Эвек
Шампань
Сент-Юбер
Шассиль
ЛЕ-МАН
Арденэ
Клуа
Понлье
Шанже
Булуар
Брюлон
Ля-Тертр
Шеф-Резон
Шато
Рюйден
Паринье-л'Эвек
Сен-Кале
Элизэ
Мюльзанн
Фретваль
Ле-Гран-Люсе
Савиньи
Азэ
Ля-Сюз
САБЛЬ
Экомой
Вансе
Мазанже
Маликорн
Жюпиль
Сен-Пьер
ВАНДОМ
Шаэнь
Монтуар
Ля-Шартр
Сент-Аман-де-Вандом
Вилльпоше
Невиль-ле-Руа
Эрбо
Шаторено
БЛУА

Схема 10.

своим соотечественникам, что в Сент-Аман прибыли 2 кавалерийские дивизии с многочисленной артиллерией. В главных чертах это было верно, как и сообщение, что в Вандом ожидается принц или великий герцог. Речь шла о принце Фридрихе Карле, главная квартира которого в этот день находилась в Уке. Если посетитель солдатского буфета вдобавок сообщил франктирерам, что 1-й корпус находится в Монтуаре, то это было недоразумение; мы знаем, что он оперировал в Нормандии и Пикардии. В действительности в Монтуар должен был прибыть 6 января 10-й корпус. Все-таки Шанзи был теперь осведомлен о наступлении противника и решил произвести контрудары против флангов немцев.

Движение 10-го корпуса от Сент-Амана на Монтуар происходило через лесистые ущелья. Тут французы засели к северу от р. Луар, но в общем, чтобы принудить к отступлению непрочные части неприятельской пехоты, оказалось достаточным, как и месяц назад в окрестностях Орлеана[1], одного артиллерийского огня. Вечером был занят Монтуар.

Тем временем с 12 час. пополудни до 5 час. вечера германский центр, 3-й корпус, вел у Азэ и Мазанжа довольно горячий бой с дивизией Жуфруа из состава 17-го корпуса. 3 французских дисциплинарных роты защищали лесистую высоту столь упорно, что прусская пехота не могла их выбить; они даже отважились произвести несколько контратак. Эти роты отступили только ночью вместе с остальными войсками Жуфруа. За особую стойкость в бою им было обещано освобождение от наказаний. 4 полка 3-го германского корпуса, принимавшие главное участие в бою при Азэ и Мазанже, потеряли около 15% рядового состава.

13-й корпус, составлявший правое крыло 2-й армии, единственный из всех войсковых частей не достиг поставленной цели марша. По объяснению Мольтке, причиной этому была неповоротливость герцога Мекленбургского. Он должен был дойти до Ножан-ле-Ротру, но задержался из опасения атаки во фланг, которой ему угрожала дивизия Руссо (21-го корпуса) со стороны Ля-Фурш. На левом крыле 2-й армии в 10-м корпусе, который французы тоже пытались атаковать во фланг, дело также не дошло до серьезного боя, но и без него немцы потерпели тут значительную неудачу. Французская дивизия Куртена (16-го корпуса) двигалась от Шато — Рено на Сент-Аман и натолкнулась на германское боковое охранение, состоявшее из пехотной бригады и 2 кавалерийских дивизий, о которых говорилось выше. На пересеченной местности их едва ли можно было использовать, и начальник отряда, герцог Вильгельм Мекленбургский, потерял присутствие духа. Он отступил от Сент-Аман обратно к Вандому, открыв неприятелю тыл 10-го корпуса. Понятно, что обоз 10-го корпуса вынужден был поспешно прервать свой марш на Монтуар и отойти к Вандому под прикрытие частей герцога. Вследствие этого образовалась такая большая дистанция между обозом и войсками корпуса, что последние должны были на время отказаться от обоза,— неудача, подобная той, которая постигла корпус Фальи перед поражением его у Бомона[2]. Кроме того, 10-й корпус остался 7 января прикованным к Монтуару, откуда пришлось послать пехоту обратно

[1] Ср. стр. 303.
[2] Ср. стр. 191 и 204.

в Сент-Аман и передать командование там и у Вандома более надежному начальнику, чем герцог Вильгельм, с целью оттеснить дивизию Куртена опять к Шато — Рено. Это произошло не без труда, и так как Куртен удержал сильную позицию у леса Вильпорше, то одна бригада 10-го корпуса также должна была остаться у Вандома. Связь ее с главными силами оказалось невозможным обеспечить, так что отрыв их от обоза затянулся на продолжительное время.

На другом фланге немцев великий герцог 7 января без боя достиг Ножан-ле-Ротру, тогда как в центре 3-й корпус двигался от Азэ к Эпюизэ. Оттеснив здесь французские силы, бранденбуржцы были поддержаны 18-й дивизией, наступавшей по дороге Фретеваль — Сен-Кале — Ле-Ман. До сих пор, кроме медлительности 13-го корпуса и неудачи у Сент-Амана, все протекало почти без трений, но теперь начались чрезвычайные затруднения, порожденные не столько противником, качество войск которого было невысоким, сколько своеобразными местными условиями провинции Перш. В труде германского генерального штаба говорится по этому поводу следующее: «Теперь армия вступила на... местность, состоящую частью из небольших плоскогорий, частью из сменяющих их горных хребтов, которые нередко достигают относительной высоты [1] в 200 футов и выше... Вся местность густо покрыта возделанными полями старинной культуры, виноградниками, фруктовыми садами и огородами. Деревни состоят преимущественно из нескольких отдельно расположенных, солидно отстроенных хуторов, между которыми лежат замки, окруженные обширными парками и рощами. При существующем в этой местности сильном дроблении земельной собственности, изгороди, валы и рвы окружают каждое владение. Таким образом, везде образуются рубежи и отдельные пункты, где даже посредственные войска за хорошими закрытиями могут оказать сопротивление. Правда, здесь французы не могли использовать дальнобойность ружей Шаспо, зато митральезы были в своей сфере и в дефиле становились опасным оружием. Атакующий... должен был отказаться от планомерного развертывания больших масс, особенно от развертывания артиллерии. В боях под Ле-Маном она редко исчислялась батареями, а по большей части лишь взводами и отдельными орудиями».

7 дивизий Фридриха Карла, двигаясь по этой неудобной для наступления местности против центральной позиции французов у Ле-Мана, могли большей частью пользоваться только четырьмя главными дорогами. Однако, и по ним можно было подвигаться лишь медленно и с большими усилиями, так как французы произвели многочисленные разрушения, и, сверх того, наступила гололедица. В общем, приходилось избегать направления немецких колонн по проселочным дорогам. Они были плохи и еще более испорчены гололедицей, а окрестное население, прямо-таки подталкиваемое характером местности к партизанской войне, волновалось.

Только эти естественные препятствия, но не французы являлись 8 января тормозом для немцев. Французы вели бой лишь малочисленными арьергардами, которые на повозках отвозились назад от обороняемых рубежей. Двигаясь на Ле-Ман, 13-й корпус в этот день дошел до Ля-Ферте — Бернара, 3-й корпус — до Булуара, 18-я дивизия позади его — до Сен-Кале. 10-й корпус достиг Ля-Шартра на

[1] Т. е. высоты над окружающей местностью, а не над уровнем моря.

р. Луар. Каждая из 3 колонн отделялась от соседней интервалом в один большой переход; поперечными путями, как сказано, было трудно пользоваться. В своей главной квартире в Сен-Кале Фридрих Карл сделал запись относительно конечной стратегической цели своей экспедиции. Он не верил, чтобы Шанзи оказал ему сопротивление у Ле-Мана, а полагал, что неприятель отойдет на правый берег р. Сарты. Тогда принц с 3-м и 10-м корпусами хотел также перейти через Сарту, в то время как 13-й корпус и 18-я дивизия остались бы на левом берегу реки. Однако, эти маневры не означали, что принц надеялся произвести охват неприятельской армии. Имея 7 дивизий против 10 с лишком неприятельских [1], он считал свои силы для этого недостаточными. Он поставил себе только задачу посредством маневров заставить Шанзи уйти от Ле-Мана; конечно, Мольтке ожидал от него большего, так как написал Мантейфелю, что Фридрих Карл снабжен для своего наступления «вполне достаточными силами».

В противоположность герцогу Мекленбургскому, который, желая сберечь силы войск, часто двигался слишком медленно, принц Фридрих Карл имел обыкновение назначить такие отдаленные цели марша, что палка нередко перегибалась в другую сторону. Это относится также и к приказу по армии на 9 января. 13-й корпус должен был от Ля-Ферте — Бернара перейти к Монфору, т. е., считая по прямой линии, сделать 24 *км* при гололедице, к которой присоединились еще снегопад и густой туман. Цель марша, поставленная двигавшемуся в центре 3-му корпусу была достижима, зато 29 *км* (по прямой), преодоление которых требовалось от 10-го корпуса, представляли явно неосуществимую задачу. Ген. Фойхтс-Рец должен был передвинуться, от Ля-Шартра на р. Луар до Паринье-л'Эвека. Что касается сопротивления дивизии Барри из состава 16-го французского корпуса, то оно было сломлено у Шаэня и Брива с небольшими жертвами, причем эта дивизия была оттеснена на Жюпиль; тем не менее, командир 10-го корпуса сделал по этому поводу такую запись: «Этот марш был одним из самых трудных, которые я когда-либо совершал, потому что наступивший внезапно сильный мороз покрыл шоссе гладким, как зеркало, льдом, так что лошади, не имевшие острых шипов на подковах, едва могли итти, на каждом шагу скользили и часто падали». Достать немедленно острые шипы было нельзя, так как корпус был отделен от своего обоза. Вследствие этого сам командир корпуса должен был сойти с лошади и ехать на передке; его штаб шел пешком.

Движение происходило по узкой долине между высокими крутыми горами; каждая упавшая лошадь задерживала колонну. Вне шоссе итти было совсем невозможно. Корпусной артиллерии с ее конными батареями приходилось вести особенно отчаянную борьбу с коварством местности и погоды. Уже в полдень Фойхтс-Рец решился отправить корпусную артиллерию, под прикрытием кавалерии и двух батальонов, обратно в Ля-Шартр на р. Луар; на другой день она должна была попытаться пройти в Паринье-л'Эвек по лучшей дороге через Вансэ. После полудня командир корпуса приказал даже, чтобы все остальные войска также повернули назад и направились по пути через Вансэ. Его дивизионная артиллерия в снежную метель не могла

[1] 16-й и 17-й корпуса имели, как обыкновенно, по 3 дивизии; 21-й корпус насчитывал теперь 4 дивизии и, кроме того, корпусный резерв силой в одну бригаду; зато дивизия Каму была расформирована.

различить своих целей, и подавленный всеми этими тяжелыми впечатлениями Фойхтс-Рец счел невозможным проложить себе путь через теснину Сен-Пьер-ля-Лоруэ, где проходила дорога от Брива на Паринье-л'Эвек. Мы видели, что против 10-го корпуса была всего одна французская дивизия. Она была уже основательно потрясена легким боевым соприкосновением с немцами, и те части ее, которые еще не были оттеснены к западу, к вечеру очистили 10-му корпусу путь в Паринье-л'Эвек. После этого Фойхтс-Рец отменил свой приказ, который, в случае исполнения его, значительно замедлил бы прибытие левого крыла армии к Ле-Ману.

Правое крыло армии прошло из назначенных ему 24 *км* только 10, хотя французская дивизия Руссо находилась уже в таком беспорядке, что часть пехоты — 400 чел. — положила оружие. При Арденэ, где дивизия Пари 17-го французского корпуса сначала оказала несколько более упорное сопротивление, так что один бранденбургский полк потерял 5—6% своего состава, 3-й германский корпус взял 1 000 нераненых пленных. В конце концов, французы и у Арденэ также отступили в большом беспорядке. До сих пор из $10^1/_2$ дивизий Шанзи сражались 5; от предписанных им фланговых атак они скоро перешли к обороне, и их моральное состояние было уже достаточно плохо. Этого не заметил принц Фридрих Карл в своей главной квартире в Булуаре, как и Фойхтс-Рец не распознал внутренней слабости неприятеля при Сен-Пьер-ля-Лоруэ. Так как природа страны и неблагоприятная погода сильно задерживали немцев, то французам, несмотря на невысокие боевые качества их войск, незачем было для своего спасения слишком быстро отступать; командование 2-й армии объясняло этот медленный темп упорством, которого более не ожидали от противника. Ведь нельзя было требовать, чтобы германские генералы сумели различать давление, производимое на их войска враждебными людьми и враждебной природой. Во всяком случае, принц теперь отказался от ложного мнения, что Шанзи не примет сражения по эту сторону Сарты. Вечером, имея донесение из 10-го корпуса, что Фойхтс-Рец хочет повернуть назад и пойти другой дорогой (это решение было), Фридрих Карл записал в свой дневник: «Сопротивление французов день ото дня становится упорнее. Войска видимо улучшаются... В общем, не могу скрыть, что и я начинаю чувствовать утомление от этой войны. Вполне понятно, что слишком большое духовное, а иногда и физическое напряжение не может слишком долго продолжаться».

Вызвать такое настроение в германских вождях и войсках именно и было целью стратегии Гамбетты и Фрейсинэ. Потерпев неудачу со своей довольно необдуманной стратегией сокрушения, они теперь хотели испробовать стратегию измора. Гамбетта писал Шанзи: «Вы нанесли тяжелые потери мекленбуржцам (17-й дивизии); баварцы более не существуют. Остальная армия испытывает уже беспокойство и усталость. Нам нужно только продолжать, чтобы с пустыми руками вымести эти орды с нашей земли». Действуя в духе верховного командования в Бордо, Федерб применял на р. Халлю и при Бапоме стратегию измора, причем он, правда, давал сражения, но не довел их до конца, считая это опасным для своих необученных войск. Так же хотел поступить и Шанзи при Ле-Мане. Он полагал, что после четырех- или пятидневного сражения Фридрих Карл будет истощен. Затем он надеялся, что одновременно Бурбаки изнурит Вердера, а 19-й кор-

пус в Нормандии и 25-й корпус в Бурже станут боеспособными, так что 2-я Луарская армия сможет двинуться на Париж при общей благоприятной обстановке.

Если бы это осуществилось, то королевская главная квартира в Версале отнюдь не блистала бы, как образец согласия и стойкости. Конечно, Мольтке оставался непоколебимым, но Бисмарк и Роон упорно продолжали подкапываться под него. Даже такой уверенный и смелый стратег, как Блюменталь, иной раз, наблюдая приступы уныния у короля и наследного принца, испытывал сомнения в счастливом продолжении кампании. В тот же день 9 января, когда принц Фридрих Карл письменно признавался в своем утомлении войной, начальник штаба кронпринца отметил в своем дневнике: «Сегодня утром я, к сожалению, застал принца в очень пессимистическом настроении; он говорил о мире во что бы то ни стало и о возвращении завоеванной территории, даже Лотарингии и Эльзаса...; это ужасно. Что же произойдет, если счастье на короткое время нам изменит (конечно, случай очень неправдоподобный). Тогда только обнаружится, кто по-настоящему мужественный человек. Нужно призвать к оружию всех, вплоть до последнего солдата ландвера, чтобы победить Францию и вместе с тем революцию»[1]. К этому Блюменталь добавил пророчество: «Позорный мир и революция в Германии тесно между собою связаны».

Ввиду противоречий между характерами и настроениями лиц, находившихся в королевской главной квартире, что угрожало Мольтке падением, последний после конечной победы, отклоняя преувеличенные похвалы победителям, высказал мысль, что победители не подверглись ведь самому серьезному испытанию — несчастью.

Обратимся от Версаля к Ле-Ману, местопребыванию главной квартиры 2-й Луарской армии. Вечером 9 января Шанзи отдал приказ, чтобы 10 января дивизия Депланка (17-го корпуса) посредством ночного марша перешла в Паринье-л'Эвек. Командование 2-й германской армии считало, что 10-й корпус вечером 9 января будет в Паринье-л'Эвеке, но Фойхтс-Рец дошел только до Сен-Пьер-ля-Лоруэ. Значит, если бы 10 января 3-й германский корпус и позади него 18-я дивизия двинулись на Ле-Ман, удаленный всего на один переход от Арденэ, то они имели бы на фланге и в тылу свежую французскую дивизию. Тем не менее, 10 января Фридрих Карл упорно продолжал марш в центре неприятельского расположения. Сеть дорог позволяла здесь 3-му корпусу наступать 4 колоннами, по бригаде в каждой. Левофланговая колонна двигалась на Паринье-л'Эвек, правая на Сент-Юбер; интервал между ними составлял более мили по прямой У Рюодена, Шеф-Резон-Шато и Шанже произошли бои. С французской стороны, кроме Депланка, атаковали еще Жофруа и Пари, но 2 последние дивизии уже так сильно пострадали при Азэ, Мазанже и Арденэ, что вскоре разложились. Наоборот, дивизия Депланка сражалась так упорно, что один германский полк потерял 10% рядового состава, а один батальон даже 20% рядового состава и 9 чел. из своего немногочисленного офицерского состава. Непогода затрудняла действия не одним немцам. В деревне Паринье-л'Эвек французы могли установить орудия лишь после того, как жители посыпали песком и золой обледенелые улицы и скаты. В конце концов, 3-й корпус

[1] Весьма характерное признание. — *Ред.*

преодолел сопротивление Депланка и достиг р. Юин, взяв 5 000 нераненых пленных.

10-й германский корпус и 10 января еще не дошел до Паринье-л'Эвека, куда, по расчетам командования 2-й армии, он должен был прибыть уже 9-го числа; он остановился на бивак у Гран-Люсе, причем находившаяся перед ним французская дивизия Барри отошла от Жюпиля к Экомой. Следовательно, центр германской армии, в распоряжении которого была хорошая главная дорога на Ле-Ман, далеко опередил левую колонну. Относительно правой колонны припомним, что ей также была поставлена невозможная для марша задача; вечером 9 января она дошла только до Со (Sceaux) вместо Монфора. Распоряжения принца на 10 января предписывали 13-му корпусу передвинуться к Савинье-л'Эвеку на правом берегу р. Юин. Значит, герцог должен был не продолжать наступления прямо на Ле-Ман, а сначала свернуть вправо. Этим движением Фридрих Карл намеревался отрезать противнику, относительно которого теперь предполагалось, что он будет обороняться по эту сторону Сарты, путь отступления на север. Но от Со до Савинье-л'Эвека 22 *км* по прямой; следовательно, от герцога Мекленбургского требовалась 10 января такая же неосуществимая дальность перехода, как и 9 января. В селениях жителям было приказано вскопать промерзшую почву, покрыв ее песком, золой и соломой. Густой туман покрывал местность и увеличивал число задержек на марше.

К востоку от Монфора против немцев выступила свежая дивизия Колена (21-го корпуса). Как показывают списки потерь 13-го германского корпуса, этот бой был столь же незначителен, как и большинство столкновений обеих армий во время похода на Ле-Ман; тем не менее, все германские войсковые части переоценивали боевую силу противника, они не отделяли колоссальных потерь на походе, причиняемых временем года и местностью, от потерь убитыми и ранеными и приписывали таяние полков упорному сопротивлению французов. Между тем, моральное состояние последних уже 10 января, в первый день сражения при Ле-Мане, пало так низко, что повсюду позади фронта кавалерия была вынуждена преграждать пути дезертирам. В городе Ле-Ман дезертиров задерживал, наряду с жандармерией, также выставленный горожанами полк национальной гвардии. Вечером Шанзи отдал следующий приказ по армии: «Беглецов следует возвращать на позиции и задерживать в первых стрелковых линиях. Их надлежит расстреливать, если они попытаются бежать... Главнокомандующий, в случае повторения бегства, не остановится перед приказом сломать мосты позади позиции, чтобы добиться обороны до последней крайности».

Так плохо было народное ополчение, с которым должна была сражаться отличная армия Фридриха Карла, прошедшая школу трехлетней службы. Немцы имели все-таки 7 дивизий против 10½. Несмотря на это, Фридрих Карл был измучен духовно и до некоторой степени физически. Насколько же тогда были измучены войска? Однако, железные узлы дисциплины связывали их и поддерживали их боеспособность.

В результате событий, 10 января 3-й корпус стал биваком между Сент-Юбером и Шанже; 13-й корпус — между Коннере и Бейле, сделав вместо назначенных 22 *км* самое большее 8 *км;* 10-й корпус — у Гран-Люсе. Центр германской армии выдавался вперед относительно

правого крыла на 14 *км*, относительно левого — на 19 *км* по прямой. Теоретически германский боевой порядок, в котором зияли две огромные бреши, был неудовлетворителен и легкомыслен до последней степени; практически же он не вызывал опасений. Из 9½ французских дивизий[1] 6 уже побывали в огне и настолько пострадали, что в них угасла последняя искра наступательной силы. Фридрих Карл располагал в центре, кроме 3-го корпуса, еще 18-й дивизией; об эти силы, судя по опыту, должен был разбиться удар 4 республиканских дивизий, даже если бы они и не выдохлись.

Вечером 10 января принц Фридрих Карл не имел известий от герцога Мекленбургского и думал, что тот находится гораздо ближе к Савинье-л'Эвеку, чем это было в действительности. Он приказал 13-му корпусу 11 января двигаться к Ле-Ману; кроме того, Фридриху Францу поручалось прервать железнодорожное сообщение этого города с Нормандией, а если возможно, то и с Бретанью. Как раньше правая колонна, так теперь и левая получили указание не итти прямо на Ле-Ман, а забрать дальше в сторону. Вместо того чтобы от Гран-Люсе двигаться вперед на Паринье-л'Эвек, Фойхтс-Рец должен был сначала сделать небольшой переход влево; затем ему следовало итти через Мюльзанн на Ле-Ман. Вследствие этих распоряжений 10-й корпус выходил на дорогу и в район железнодорожного пути, который связывал Ле-Ман с Туром. Эти операции отрезали 2-й Луарской армии отступление на левом берегу Сарты как на север, так и на юг. Но 10-й, 13-й корпуса должны были попытаться перенести свои действия и на правый берег Сарты: первый — посредством перерыва железной дороги Ле-Ман — Анжер; второй — произведя разрушения железнодорожного полотна Ле-Ман — Лаваль, ведущего в Бретань.

Так как нужно было выждать подхода фланговых колонн, то приказ по армии на 11 января дал 3-му корпусу лишь задачу разведать позиции французской армии; затем 12 января должна была последовать атака этих позиций соединенными силами 2-й армии.

Приказ о выдвижении влево был получен в 10-м корпусе еще ночью, и утром 11 января войска выступили по трудным, занесенным снегом проселочным дорогам, но при прекрасной погоде. Впереди и сзади ганноверцев двигались французские массы, также стремившиеся к Ле-Ману. Это были 3 дивизии, которые накануне в окрестностях Паринье-л'Эвек потерпели поражение от 3-го корпуса, и еще одна дивизия, которая еще раньше была оттеснена 10-м корпусом на Жюпиль[2]. К ним нужно добавить бригаду дивизии Куртена. Мы оставили последнюю в лесу Вильпорше[3]; теперь Куртен пытался отвести половину своей пехоты также к Ле-Ману. Не обращая внимания на все эти неприятельские части, Фойхтс-Рец двигался на Мюльзанн, которого достиг около 5 час. вечера, предполагая стать там биваком.

Между тем в главной квартире принца Фридриха Карла в Сент-Юбере наступил тяжелый моральный кризис. Утром 11 января принц, наконец, узнал, что накануне Фридрих Франц продвинулся едва на 8 *км* вперед. Герцог добавил к этому, что, вероятно, и на следующий день он достигнет Савинье-л'Эвека только после тяжелого боя. В 13-м

[1] Дивизия Куртена тут не принимается в расчет (см. стр. 369). Зато Шанзи получил в подкрепление бригаду из учебного лагеря Конли, северо-западнее Ле-Мана.

[2] Ср. стр. 373.

[3] Ср. о нем стр. 369.

корпусе видели главную причину плохого развития операции не в природных условиях, а в противнике. Боеспособность последнего настолько переоценивалась, что 17-я и 22-я дивизии для обеспечения себя от внезапного нападения укрепили, преимущественно саперами, занятые вечером 10 января позиции. Под впечатлением плохих вестей из главной квартиры великого герцога в Конере Фридрих Карл проникся убеждением, что центр не может ждать подхода фланговых колонн, а должен фронтальной атакой облегчить положение герцога Мекленбургского. Советники принца были в отчаянии. Начальник штаба 3-го корпуса полковник Фойхтс-Рец [1] находил позицию Шанзи более грозной, чем Шпихернские высоты. Командир 3-го корпуса Альвенслебен, смелость которого нам известна по сражению при Вионвиле, соглашался со своим начальником штаба. Оба командира бранденбургских дивизий указывали на то, что в батальонах, под знаменами, в среднем, немногим более чем по 250 чел. Штиле был совершенно беспомощен. Фронтальную атаку центра он также считал бесспорно неприемлемой, но, с другой стороны, признавал, что без этого фланговые корпуса не продвинутся вперед. При таких условиях начальнику штаба 2-й армии оставалось лишь предложить принцу отказаться от экспедиции и начать отступление. Однако, и это было легче посоветовать, чем выполнить. Если вследствие утомления войск батальоны потеряли более половины того состава, в котором перешли р. Луар, то сколько из этих отсталых удалось бы собрать при движении назад? Можно ли было, имея позади себя одержавшую победу неприятельскую армию, спасти артиллерию и обозы от франктиреров? Принц справедливо ответил на эти вопросы отрицательно, но все-таки продолжал настаивать на опрометчивом, безнадежном наступлении изолированного центра. Конечно, он отдавал себе отчет в том, что такие кровопролитные действия требовались от войск, которые уже сражались два дня и большую часть двух ночей. Несмотря на это, принц, внушал себе, что его бранденбуржцы выполняют задачу «с напряжением последних сил».

Фридрих Карл усугубил эту ошибку еще второй ошибкой, которая была столь же велика, если не больше. Около полудня (11 января) он послал в Мюльзанн инструкцию в двух экземплярах, причем один из ординарцев достиг цели очень скоро — в 4 часа 45 мин. пополудни. Принц сообщал командиру 10-го корпуса, что неприятель стоит на левом берегу р. Юин против него самого и на правом берегу — против великого герцога Мекленбургского; стало быть, 10-му корпусу незачем итти дальше на Ле-Ман, а нужно как можно скорее появиться на поле сражения.

Итак, командующий 2-й армией хотел отменить охватывающее движение 10-го корпуса. Фойхтс-Рец и Каприви совещались. Уже давно они слышали канонаду в направлении Сент-Юбера. Если бы корпус свернул туда, то он имел бы неприятеля с обоих флангов вместо фронта и тыла, как прежде. В уклонении немцев от прямого пути на Ле-Ман французы могли увидеть своего рода отступление и втянуть 10-й корпус в бой при неблагоприятных для него условиях. Еще важнее было, что короткий зимний день уже приходил к концу. Вследствие этого биограф Фридриха Карла говорит: «Расчет пространства и времени мог показать, что 11 января еще не успело бы

[1] Ср. о нем стр. 131.

сказаться воздействие 10-го корпуса (у Сент-Юбера). Но 12 января и при продолжении марша в прежнем направлении корпус должен был нанести удар во фланг неприятелю, притом гораздо решительнее».

В расчетах пространства и времени Фридрих Карл показал себя очень слабым уже перед сражением при Вионвиле[1]. С приведенным заключением его биографа можно согласиться, но с оговоркой, что слова «гораздо решительнее» должны быть заменены более резкой формулировкой. Ее нам дает сам Фойхтс-Рец. В «Feldzugsbriefe» (Походные письма) сказано, что если бы 10-й корпус исполнил приказ принца и вместе с центром армии приступил к фронтальной атаке, то, вероятно, было бы потеряно по меньшей мере 6 000 — 8 000 чел. На 60 батальонов по 250 чел. составило бы около 50% рядового состава. Иначе говоря, чисто фронтальная атака — с 10-м корпусом или без него — была бессмыслицей. «Переход Шанзи в наступление, — замечает Фойхтс-Рец, — принес бы величайшие опасности нашим слабым, изнуренным двум корпусам, двигавшимся в продолжение шести дней без регулярного довольствия»[2].

Едва ли можно сомневаться в том, что такой хороший генерал, как Шанзи, даже со своими посредственными войсками сумел бы после уничтожения половины наступающих немцев произвести энергичную контратаку. Ведь Шанзи, который вел этот поход в духе стратегической обороны, постоянно внушал подчиненным генералам, что тактически операции должны вестись наступательно. В попытках следовать этому указанию Шанзи не было недостатка, хотя почти во всех боях на один германский корпус приходилась лишь одна французская дивизия.

Благодаря тому, что командование 10-го корпуса приняло на себя ответственность за продолжение флангового марша левой колонны вопреки приказанию принца двигаться против фронта французской позиции, 2-я германская армия и вообще немцы избежали страшной опасности. Принц Фридрих Карл и ген. Вердер были весьма различные натуры, но боевые события 11 января при Ле-Мане и 9 января при Виллерсекселе были похожи друг на друга постольку, поскольку в обоих критических положениях управление германскими войсками находилось в ненадежных руках. Как будто напрашивается вывод, что в случае поражения немцев при Виллерсекселе и Ле-Мане и при крайне напряженном моральном состоянии в главной квартире в Версале война все еще могла принять благоприятный для Франции оборот, и другой вывод, что в этом был виноват Мольтке, против которого справедливо выступали Бисмарк и Роон и который, заблуждаясь относительно движения Бурбаки, опоздал усилить немецкие войска в Бургундии, но зато затратил силы в столь же ненужной, как и трудной экспедиции в Перш. Еще резче судит о стратегии Мольтке на рубеже 1870 — 1871 гг. Леокур: «Нет более очевидного доказательства в пользу того, что генералу Мольтке, при всех его крупных достоинствах — знании войны, работоспособности, необычайной силе воли, — все-таки нехватало некоторых высших качеств, необходимых для полководца, и особенно той специальной способности, которая позволяет полководцу заглядывать в карты против-

[1] Ср. стр. 116 в связи со стр. 110—111.

[2] Фойхтс-Рец не вспоминает тут о 18-й дивизии, которая, естественно, находилась в таком же положении.

ника. Он был несравненный начальник генерального штаба, но остается позади великих и даже второразрядных генералов».

Итак, по мнению известного французского критика, Мольтке был своего рода Бертье, о котором Наполеон на острове св. Елены сказал (выше я уже раз приводил это изречение): «Бертье ворона, из которой я сделал орла». Развенчивание Мольтке Леокуром я приведу в качестве курьеза. Что касается оперативной посредственности Фридриха Карла, Штиле и Вердера, то, говоря о стратегии Мольтке в 1866 г., я уже высказал мнение, что действительно хороший план войны может блестяще оправдаться даже и тогда, когда частные начальники сделают ряд значительных ошибок[1]. Это отнюдь не означает, что ошибки частных начальников всегда можно исправить.

Наступательный замысел Фридриха Карла был настолько абсурден, что и Альвенслебен также пытался, по возможности, помешать его выполнению, затягивая часами начало боя и затем ведя его без особой энергии. В боях между селениями Шампань и Ле-Тертр из 12 полков Альвенслебена и Манштейна только 4 понесли значительные потери, в среднем, 15%[2]. Один батальон потерял почти всех офицеров. Этим было приобретено много чести, но мало пространства, хотя в бою, протекавшем с переменным успехом, потрясенная французская дивизия Пари хлынула к мосту у Ивре-л'Эвек и была вынуждена к новому наступлению только тем, что из этого дефиле на пехоту были направлены две митральезы.

Вряд ли нужны были кровавые жертвы 3-го корпуса и 18-й дивизии — около 800 чел., — чтобы помочь 13-му корпусу. Последний потерял в первый день сражения при Ле-Мане 52 чел., а во второй день, когда против него опять была только дивизия Колена — 140 чел. Окруженный со всех сторон неприятелем 10-й корпус не требовал никакой поддержки. Его командование отказалось от квартир, которые предполагало занять в окрестностях Мюльзанна, и чрезвычайно утомленные войска должны были еще вечером 11 января двигаться дальше. В 3 *км* впереди Ле-Мана, у кирпичного завода, они наткнулись на бригаду ген. Лаланда[3]. «Многочисленные рвы и валы давали закрытие его стрелкам, — говорится в труде прусского генерального штаба, — отдельные рощи и дворы служили опорными пунктами обороны». Но защитники принадлежали к национальной гвардии, которая была не только недостаточно обучена, но и плохо вооружена. При таких условиях немцам удалось 11 января около 8 час. 30 мин. вечера утвердиться на местности около кирпичного завода. Один вестфальский полк потерял при этом 47 чел.: такой ценой Фойхтс-Рец и Каприви купили важный оперативный пункт, который, по мнению Шанзи, перейдя в руки немцев, угрожал с фланга всей позиции. Французский полководец располагал теперь только 2 свежими дивизиями — одной 16-го корпуса и другой 21-го корпуса; он полагал, что они ему понадобятся при отступлении, которое было предписано начать в 8 час. утра 12 января и совершить в медленном темпе. Примерно, около этого же времени Фридрих Карл отдал приказ по армии на этот день. Он основывался на решении продолжать фронтальную атаку. 10-й корпус, самостоятельные распоряжения которого еще не были известны принцу, должен был атаковать левее 3-го кор-

[1] Ср. т. I, стр. 559—560 (русск. пер.— т. V, стр. 389—390).
[2] Считая полк только в 750 чел.
[3] Ср. о ней стр. 374, примечание 1.

пуса, 18-я дивизия — правее его. Возобновленные возражения генералов не имели успеха. Решающее влияние на тактику принца, в которой, по справедливому замечанию Леокура, была похвальна одна лишь энергия, опять-таки оказали донесения 13-го корпуса. Герцог 11 января не только не дошел до Савинье-л'Эвек, но и вообще едва продвинулся вперед, выражая сомнение, чтобы при упорном сопротивлении неприятеля ему удалось достигнуть этого пункта даже 12 января. Фридрих Карл приказал герцогу для преодоления этого сопротивления разделить силы и обойти Савинье-л'Эвек одной дивизией по направлению на Баллон.

В 8 час. утра, когда свежая дивизия 16-го французского корпуса энергично атаковала левое крыло 3-го корпуса и у Ле-Тертра причинила бранденбургскому полку 15% потерь, Фридрих Карл не подозревал, что неприятель ведет арьергардный бой. Принц ожидал с нетерпением вступления в дело 10-го корпуса. В труде германского генерального штаба сказано: «Вообще особенностью похода на Ле-Ман было то, что бои большей частью начинались поздно утром... Однако, суровое время года делало неподходящим расположение на биваке. Войска должны были искать крова и находили его обыкновенно лишь на далеком расстоянии позади поля сражения. Там выдавались патроны и варилась скудная пища. Таким образом, войска могли собраться на другой день только поздно, и их силы расходовались вдвойне». К этим естественным препятствиям, на которые наталкивался марш 10-го корпуса, присоединялись еще искусственные препятствия, — французы взорвали мосты на нижнем течении р. Юин. Правда, в сильные бои французы здесь больше не ввязывались; только один германский полк, брауншвейгский, потерял 44 чел. по списку потерь, который относился и к предыдущему дню. Все-таки было уже 2 часа пополудни, когда несколько батарей смогли выехать между кирпичным заводом и Понлье и открыть огонь по Ле-Ману. Однако, вследствие пасмурной погоды стрельбу приходилось направлять по карте; погода мешала также и наступлению германской пехоты.

Тем временем дивизия 16-го французского корпуса, атаковавшая левое крыло Альвенслебена для прикрытия отступления главных сил, отошла по приказанию на Понлье. Бригада 3-го корпуса оттеснила французов, но в лесном бою ее перемешанные части пришлось сначала приводить в порядок. Кроме того, войскам было роздано мясо в первый раз за три дня. В 1 час 30 мин. снова началось движение на Ле-Ман, и вскоре у Шмен-о-Беф бранденбуржцы и ганноверцы вошли в тесное соприкосновение.

Не зная этого оборота дел, принц Фридрих Карл, которому казалось, что его оставила и левофланговая колонна, начал сомневаться в правильности своего наступательного решения. Мужество не вернулось к нему и тогда, когда в 1 час 30 мин. было получено донесение герцога об отступлении французов. Фридрих Франц добавил к этому, что он выполнит предписанное движение на Баллон с целью отрезать неприятелю отступление на север. Ничто не является столь показательным для перемены взглядов принца Фридриха Карла, как то, что теперь он отменил это распоряжение. Он отдал его тогда, когда решился возобновить 12 января фронтальную атаку, не удавшуюся накануне. При условии, что противник занят на своем фронте, 13-й корпус мог, по мнению принца, отважиться на разделение сил

в тылу французов. Но после того как принц отказался от фронтальной атаки, он уже более не думал, чтобы герцог мог безнаказанно выполнить этот маневр. Донесению Фридриха Франца об отступлении неприятеля Фридрих Карл не верил, потому что еще за несколько часов до этого он на участке своих собственных действий пережил энергичную атаку французской дивизии у Ле-Тертра. В 4 часа 30 мин. пополудни 12 января, потеряв надежду, что 10-й корпус в этот день прибудет к фронту французской позиции, принц отдал приказ по армии, согласно которому на 13 января назначалась дневка. Принца побудило к этой приостановке действий то обстоятельство, что он ничего не знал и не слышал о 10-м корпусе. Если даже во фланговых корпусах, двигавшихся медленнее центра, силы изменили, то Штиле и Альвенслебен были вполне правы, рисуя самую мрачную картину материального и морального состояния недоедавшего 3-го корпуса, к которому, при гололедице на дорогах, не доходили повозки с продовольствием. После того как 13 января была бы приведена в порядок продовольственная часть, 10-й корпус расположился бы рядом с 3-м корпусом, а 13-й корпус прибыл бы в Савинье-л'Эвек в тылу противника, командующий 2-й армией хотел 14 января возобновить наступление. Было ясно, что неприятель, простояв так долго на месте, подвергался опасности быть прижатым к р. Сарте. Однако, вечером 12 января принц Фридрих Карл еще так мало знал о победе, одержанной для него 10-м корпусом, что считал Шанзи слишком опьяненным успехом, чтобы действительно удерживаться. В дневнике принца сказано, что 14 января нужно опять перейти в наступление, но возможно, что неприятель окажет немцам услугу и сам произведет атаку.

Прежде чем приказ по армии от 4 час. 30 мин. 12 января был отправлен, пришло донесение Альвенслебена, посланное из Шанже в 3 часа 15 мин., о том, что 10-й и 3-й корпуса вступили в Понлье и обстреливают Ле-Ман. В дневнике Фридриха Карла мы читаем: «Все это с войсками, которые он (Альвенслебен) за несколько часов до этого так печально изображал». Принц приписывал победу своей собственной тактике фронтального удара. Затем, прибыв в 8 час. в свою главную квартиру, замок Арденэ, он узнал, что 10-й и 3-й корпуса в 4 часа с боем вступили в Ле-Ман и взяли город. Донесения 9-го и 13-го корпусов подтверждали отступление неприятельской армии. «В Сент-Юбере я предсказывал это Штиле, который промолчал». Если Фридрих Карл поздравил ген. Фойхтс-Ретца со взятием Ле-Мана, произведенным «с свойственной ему решительной энергией», то это не противоречило мнению о внутренней связи событий, составленному принцем непосредственно после сражения и позволявшему ему считать истинным победителем себя самого. Ведь он был далеко не свободен от тщеславия. Однако, позже, узнав о происшедшем в действительности, он преодолел свою слабость и отдал должное истине, записав в своем дневнике: «Прибытие 10-го корпуса по дороге из Мюльзанна было неожиданным и решающим».

Придя к убеждению, что Шанзи будет держаться, командование 2-й армии приказало фланговым корпусам произвести охваты справа и слева, что должно было обратить Ле-Ман в решительное сражение. Приказ 10-му корпусу — примкнуть к 3-му корпусу — отвергал эту идею, но ею снова проникнуты телеграфные приказания, которые в 9 час. вечера 12 января были отправлены всем 4 корпусным коман-

дирам. В то время как Манштейн с 18-й дивизией должен был занять Ле-Ман, 10-му корпусу предписывалось перейти р. Сарту и следовать за неприятелем по правому берегу. Левее Сарты должен был итти за французами 3-й корпус. В самом благоприятном положении для преследования находился 13-й корпус, так как французы, в большей своей части, отходили на Алансон. В течение 12 января герцог, в то время как у Сент-Юбера о нем еще очень беспокоились, достиг раньше отступавших французов Монфора, где, по неисполненному операционному плану командования 2-й армии, он должен был стать биваком еще 9 января. 22-я дивизия протянулась до Силле-ле-Филиппа близ дороги, ведущей от Савинье-л'Эвек на Баллон. Хотя Шанзи в 8 час. утра подчеркивал войсковым частям необходимость отступать медленно и в порядке, к вечеру у Силле-ле-Филиппа (после того как 13-му корпусу уже достались в других пунктах 1 000 пленных и большие запасы продовольствия) французы потерпели первый разгром значительного размера: в сомкнутом строю полдюжины или более батальонов 21-го корпуса, который отходил здесь на Баллон, положили оружие, так что 3 000 французов попали в плен. Сопротивление, которое они раньше оказали, стоило двум тюрингенским полкам около 8% рядового состава.

13-й корпус получил приказание перейти ниже Ле-Мана на правый берег Сарты, по которому должен был преследовать также 10-й корпус, позади 13-го. Соответственно этому дивизия Трескова 13 января перешла реку у Невиля, предварительно заняв Савинье-л'Эвек. Дивизия Виттиха дошла до Баллона, тогда как со стороны французов 21-й корпус перешел Сарту у Ля-Гверша и Бомона. Двигавшиеся позади немцы захватили близ Бомона 1 400 чел. из 21-го корпуса, потеряв при этом всего 9 чел. Вообще только 3 дивизии корпуса остались вместе; 4-я дивизия, состоявшая из бретонской национальной гвардии, самовольно ушла на родину.

Таким образом, преследование, осуществленное 13-м корпусом, дважды дало прекрасные результаты: при Силле-ле-Филиппе и при Бомоне. Еще 15 января, когда продолжалось движение на Алансон, корпус забирал по пути рассеявшиеся группы французов. Между тем преследование со стороны 3-го корпуса не было выполнено, а преследование французов 10-м корпусом, по числу введенных в дело сил, было существенно ограничено, ибо Штиле противился. Вследствие численной слабости батальонов он хотел преследовать не целыми корпусами, а только смешанными отрядами, так как местность, пересеченная оградами, почти исключала употребление артиллерии, а грунтовые дороги при наступившей оттепели сделались непригодными. Последний аргумент был опровергнут практикой. Кавалерия, которую при наступлении на Ле-Ман нельзя было использовать из-за мороза, теперь при преследовании могла очень хорошо действовать. Штиле и принц пришли к компромиссу, на основании которого 13-й корпус вел преследование, 3-й корпус оставался на месте, а из 10-го корпуса преследовали только два отряда всех родов войск, к которым принадлежали 7 батальонов. Следовательно, от войск не требовалось крайнего напряжения сил, и вследствие этого Ле-Ман не превратился в решительное сражение, как это проектировал принц и как это действительно могло произойти при том расположении, которое занимали оба фланговых корпуса армии.

К неприятному удивлению Фридриха Карла, 16-й французский корпус отнюдь не разбежался, когда отряд Шмидта (4 батальона с приданными частями) 13 января атаковал его арьергард у Л'Арша. Только многочисленные оставленные повозки и брошенные ружья свидетельствовали о беспорядочности его отступления. Шмидт имел 14 января второй арьергардный бой при Шассиле на ручье Вегр, где французская пехота встретила преследующих частым огнем. Командир 16-го корпуса написал Шанзи относительно боя у Шассиле: «Некоторые полки оказали сильное сопротивление; другие, притом большинство, разбежались. Давка в толпе бегущих была невообразимая, они валили всадников, преграждавших им дорогу; они были глухи к голосам офицеров. Двух беглецов убили, но этот пример не произвел впечатления на других».

Как ни плохо было моральное состояние 16-го корпуса, все-таки это были 2 дивизии[1], которые не могли быть разогнаны 3 батальонами. Отступление армии Шанзи шло на Лаваль, т. е. по направлению в Бретань. Каждый из 3 корпусов пользовался особой дорогой. 17-й корпус двигался через укрепленный учебный лагерь Конли, который вместе с богатыми запасами был отдан немцам. Начальник второго преследующего отряда полковник Леман, известный нам по сражению при Вионвиле, захватил, между прочим, в Конли столько ружейных патронов, что для такой армии, как у Шанзи, их хватило бы, примерно, на один день большого сражения. Но 15 января у Силле-ле-Гильома Леман натолкнулся на 21-й корпус, шедший от Бомона на Лаваль и сознавший свою численную силу по сравнению с горстью преследующих. Один немецкий батальон, который в густом утреннем тумане смело наступал на неприятельские массы, потерял $^1/_5$ своего состава, в том числе и пленных. Признав, что французы опять приобрели некоторую стойкость и что с ними не справиться, Леман отошел к Конли. Этот небольшой, но совершенно неожиданный контрудар так сильно повлиял на командование 2-й армии, что оно выдвинуло 18-ю дивизию к Конли.

Так как отряд Шмидта, продвинувшийся в этот день до Эрва, нашел позади этого ручья 16-й и 17-й корпуса также в относительно восстановленном порядке, то и тут преследование закончилось 16 января, после того как оно было вынесено вперед до Сульже-ле-Брюана — в одном небольшом переходе от Лаваля. Отряд Лемана, под впечатлением испытанной накануне чувствительной неудачи, не отважился продвинуться так далеко, но все-таки последовал, опираясь на 18-ю дивизию, за отступавшим 21-м корпусом вновь до Силле-ле-Гильома. Оба отряда вместе взяли 3 000 пленных.

Сражение при Ле-Мане (считая и бои, послужившие завязкой для этого сражения) дало немцам 16 000 нераненых пленных; пять дней преследования принесли еще 9 000 пленных[2]. Однако, ни эти 25 000 чел., ни 6 000 убитых и раненых, ни захваченное военное имущество не дают верного представления о поражении французов. Оно будет полным лишь тогда, когда мы примем во внимание 5 000 чел. рассеявшихся. Вместе с ними Шанзи потерял 80 000 чел., по

[1] Дивизия Куртена (см. стр. 374) уклонилась от столкновения с немецкими колоннами, повернув на юг.

[2] Фридрих Карл приказал преследовать только вечером 12 января. Однако, наступление 13-го корпуса в течение этого дня было уже преследованием. Ввиду этого я присчитал пленных, взятых войсками герцога 12 января.

крайней мере на первое время. Так как он перед сражением, считая нестроевых, едва ли имел более 12 000 чел., то следует признать, что над 16-м, 17-м и 21-м корпусами разразилась катастрофа, подобная той, которая постигла 15-й корпус под Орлеаном. Все же принц 16 января записал в свой дневник, что плоды преследования его не удовлетворяют: «Когда видишь, что после таких поражений... неприятель первую ночь оставался в одной миле отсюда (от Ле-Мана), у Шаффура, и остается теперь, вместо того чтобы разбежаться..., что убыль в 30 000 чел. для него ничего не значит, так как для пополнения ее он тотчас же имеет в своем распоряжении 50 000 чел. из Ренна и т. д., тогда как наши потери в 3 000 чел. пока еще не пополнены...»

Эти наблюдения Фридриха Карла были более чем верны. Особенно потери немцев в офицерах, столь пугавшие Роона, были и при Ле-Мане несоразмерно велики. На 3 200 убитых и раненых солдат должно было бы приходиться только 60 офицеров, а между тем выбыло из строя 200. Что касается упругости сопротивления французов, то достаточно напомнить хотя бы о 15-м корпусе, высадка которого в Бургундии была окончена 16 января, одновременно с прекращением преследования к западу от Ле-Мана. Этот корпус снова имел несоразмерно большую численность, как перед своим разгромом у Орлеана. Все же ему потребовалось для своего восстановления шесть недель, и Шанзи, наверное, нужно было много времени, чтобы собрать рассеявшихся людей и вообще реорганизовать свои войска. В этом смысле Мольтке написал Штиле, выражая надежду, что трудные семидневные операции 2-й армии парализовали на несколько недель армию Шанзи.

3-й корпус остался в Ле-Мане, 13-й корпус стоял в Алансоне, 10-й корпус двигался вслед за обоими своими преследовавшими отрядами до Сен-Дени-д'Орк, тогда как бригада, оставленная у Сент-Амана и Вандома[1], 19 января заняла Тур, взятие которого 20 декабря не удалось 10-му корпусу, понесшему при этом чувствительные потери. 18-я дивизия двинулась от Конли обратно в Орлеан, чтобы там соединиться с другой дивизией 9-го корпуса (25-й гессенской), после того как один гессенский пехотный полк, стоявший со вспомогательными войсками в Бриаре, с довольно большим трудом, хотя и без значительных потерь, отошел перед превосходными силами французов к Узуэ-на-Луаре. Несмотря на этот удавшийся удар, положение 25-го французского корпуса было опаснее, чем прежде, потому что даже энергия Гамбетты не могла более пополнить запасные части офицерами, унтерофицерами и военным имуществом, что было безусловно необходимо для выставления корпуса, хоть сколько-нибудь способного к операциям. Мольтке не мог точно знать, сколь мало французские силы на Луаре (после выступления Бурбаки) были способны к развертыванию; вследствие этого, после поспешного ухода гессенцев из Бриара, он дал указание Штиле сосредоточить весь 9-й корпус в Орлеане. Он написал ему, что тогда, по крайней мере, в случае наступления противника от Бриара и Жина на Монтаржи, можно будет выделить одну дивизию. Эти не слишком розовые мысли начальника германского генерального штаба были вызваны сражением при Мон-Валерьене, о котором я расскажу дальше.

[1] Ср. стр. 369.

На основании всего известного нам мы можем с достаточной определенностью утверждать, что если бы Мольтке имел ясное представление об определенных планах противника, то он не предпринял бы похода в Перш, вызвавшего большие потери и стратегически не являвшегося безусловной необходимостью. Но ошибки великих полководцев часто в самих себе несут свое исправление. Почти полное уничтожение Луарской армии стоило принесенных жертв, хотя, к сожалению, ядро ее сохранилось. Насколько, благодаря сражению при Ле-Мане, положение немцев улучшилось, видно из того, что Мольтке перевел 13-й корпус из Алансона в Руан. Для перехода в новый пункт назначения ему понадобилось продолжительное время: с 18 по 25 января. Перед выступлением герцога Мольтке написал Гебену (командовавшему 1-й армией вместо отозванного Мантейфеля), что он еще до прибытия 13-го корпуса может притянуть 1-й корпус к Сомме. Руан можно очистить, «не причиняя этим крупного вреда общему ходу операций, что, конечно, может произойти, если противнику удастся одержать победу на Сомме». Следовательно, германское верховное командование находило удержание Руана хотя и очень важным, но не жизненно необходимым; несмотря на это, после разгрома 2-й Луарской армии оно чувствовало себя достаточно сильным, чтобы для этой цели послать целый корпус, тогда как перед сражением при Ле-Мане часто не оказывалось войск даже для удовлетворения самых настоятельных потребностей.

Глава XIV

Сражение на реке Лизен (15—17 января). Сражение при Сен-Кантене и у Мон-Валерьена (19 января). Обстрел и капитуляция Парижа (5 и 28 января). Переход Восточной армии в Швейцарию (1 февраля). Перемирие и мир (28 января и 1 марта)

Существовал, повидимому, еще один театр войны, на котором немцы располагали совершенно недостаточными силами: Бургундский. Но в армии Бурбаки широко распространился беспорядок, который вообще господствовал и в других армиях республики. В частности, перевозка 15-го корпуса в Клерваль происходила при столь тяжелых лишениях для войск, что последние прибывали в долину р. Дуб в состоянии глубочайшей деморализации. При таких условиях, когда к тому же температура по ночам понижалась до —19°Ц, корпус провел в пути целых 12 дней.

В сопоставлении с временем, которое неоднократно затрачивалось для перевозки частей 1-го германского корпуса на участке железной

дороги Руан — Амьен[1], это был всего лишь небольшой срок, но лишения, которые пруссаки переносили благодаря своей дисциплине, влияли разлагающим образом на французских ополченцев.

При высадке 15-го корпуса в Клервале войска не находили на этой маленькой станции ни платформ, ни запасных путей и вообще ничего необходимого для массовых перевозок. Между тем, в Клервале нужно было также нагружать обозные повозки, которые оттуда по плохим проселочным дорогам подвозили продовольствие всей Восточной армии.

Мы видели, какие трудности возникли для 10-го корпуса при марше на Ле-Ман вследствие отсутствия острых шипов для лошадиных подков. В конце концов, 10-й корпус сумел выйти из этого положения, хотя наступление сильно замедлилось; но обоз Бурбаки с лошадьми, ослабленными железнодорожной перевозкой, оказался совершенно несостоятельным. Между тем снабжение Восточной армии должно было всецело основываться на магазинной системе, так как не считали возможным поручать реквизиции войскам, склонным к дезертирству. Французское верховное командование горько жаловалось на то, что немцы умеют жить средствами страны, французы же к этому оказываются неспособными. Тем не менее, мяса на французских биваках было еще достаточно, но вместо хлеба солдатам приходилось давать только муку (предоставляя им делать из нее что угодно), а так называемые petits vivres (сахар, кофе, табак) совершенно отсутствовали, хотя позади фронта, как сказано, их расходовали расточительно.

Огромное запоздание в прибытии 15-го корпуса позволило Вердеру основательно укрепить позицию на р. Лизен. Так как замерзшая речка не представляла препятствия перед фронтом, то саперы освободили ее ото льда, а 15 января, когда Бурбаки, наконец, атаковал, саперы были распределены вдоль речки, чтобы взламывать лед, когда он образовывался.

Вердер старался до некоторой степени усилить свои войска тем, что притянул 37 позиционных орудий от Бельфора, но все-таки на 500—600 шагов фронта приходилось только одно орудие. К тому же большую часть тяжелых орудий Вердер поставил на южном участке своей позиции, где он ошибочно ожидал главной атаки противника. Так как левое крыло немцев было обеспечено нижним течением р. Аллен и р. Дуб и расположенным на скале замком Монбельяр, а дальше, до Деля на швейцарской границе, также обладало большой оборонительной силой, то Вердер приписывал французскому полководцу весьма ошибочную тактику. Это вызывалось недооценкой с его стороны подвижности Восточной армии. Такая недооценка тем более поражает, что раньше он переоценивал французов и вообще принял сражение лишь по приказанию Мольтке. Теперь он впал в другую крайность и отдал свои распоряжения в ложном предположении, что Бурбаки может произвести свою главную атаку только в непосредственной близости от железной дороги и станции Клерваль. Вердер поставил на левом фланге не только осадные орудия, но и резерв. Мольтке в Версале понимал обстановку лучше, чем Вердер на месте! Мольтке особенно настойчиво указывал командованию 14-го корпуса, чтобы оно обратило внимание именно на обеспечение

[1] См. стр. 345 и 350.

правого крыла, к которому неприятель может удобно подойти по шоссе Люр-Роншан — Бельфор.

Вердер, вероятно, внушил себе мысль, что французы атакуют правым крылом, потому что его собственное правое крыло было слабым пунктом германского расположения. Тут р. Лизен протекает по лугам в виде незначительного ручья, и баденцы при Шенебье и Фрайе не находили себе опоры на местности. То, что Вердер протянул свой боевой порядок до этих мест, оказалось вполне целесообразным и было смелым решением. От Фрайе до Монбельяра по прямой около 18 *км*; этот участок был занят приблизительно 23 000 чел. германской пехоты. Это составляет на 1 *м* немного более 1½ чел. Во французской же пехоте приходилось 5 чел. на 1 *м*.

Не думая, чтобы немцы отважились встретить его в столь тонких линиях, Бурбаки искал их правое крыло у Мон-Водуа. Вероятно, тут также действовало самовнушение. План сражения французского полководца заключался в том, чтобы дивизией Кремера и 18-м корпусом охватить правое крыло немцев, тогда как 20-й, 24-й и 15-й корпуса (считая слева направо) должны были произвести фронтальную атаку. При зависимости французских войск от железной дороги Бурбаки должен был желать, чтобы ему не пришлось слишком далеко передвигать на север 18-й корпус. Вследствие этого его мнение о расположении немцев превратилось в картину, которую нарисовало ему его желание.

Итак, в ночь с 14 на 15 января дивизия Кремера начала движение от Люра, чтобы на следующее утро у Шажея обойти Мон-Водуа. Правее дивизии Кремера 18-й корпус ген. Билло (который командовал им еще при Бон-ля-Роланде)[1] должен был также охватить высокий и скалистый пункт Мон-Водуа. В сильный мороз, при ясной погоде, корпус выступил утром 15 января из Ломона и Моффана и должен был, как и дивизия Кремера, двигаться по дорогам, либо скользким от гололедицы, либо занесенным глубоким снегом. В суровой местности Юры войскам Бурбаки пришлось переносить еще бо́льшие невзгоды, чем 2-й армии в Перше. При таких условиях 18-й корпус и дивизия Кремера только между 12 и 2 час. пополудни развернулись против Шажея. Французская атака не удалась, так как была произведена с недостаточной энергией. Парализующим образом подействовал на французов вид германских линий, простиравшихся на север далеко за Шажей

Так как ошибочно направленный охватывающий маневр левого крыла в этот день уже нельзя было исправить, то центр и правое крыло французов не предприняли намеченного фронтального наступления. Только кое-где произошли небольшие французские атаки, которые не могли дать результатов, хотя бы уже вследствие недостаточной артиллерийской подготовки. Сила артиллерии Восточной армии в точности неизвестна; Бурбаки имел по меньшей мере 336 орудий против 144 орудий Вердера. Как плоха была французская артиллерия, показывает судьба батальона савойских мобилей и маршевого батальона зуавов 15-го корпуса, которые атаковали Пти-Бетонкур, но должны были спасаться на окруженном каменной стеной кладбище этого селения, потому что собственные батареи не смогли их

[1] Ср. стр. 280.

защитить от уничтожающего огня немцев. Неудавшееся наступление стоило обоим батальонам 30 — 40% их состава.

Чистая оборона против огромного превосходства сил при всяких условиях является трудной тактикой. Выдвинутые вперед войска Вердера получили приказание оказать французам самое упорное сопротивление. Честно исполняя эту обязанность, два батальона восточно-прусской ландверной бригады также понесли потери в 30 — 40%, когда 15-й французский корпус перешел в наступление из лесов у фермы Мон-Шеви и Сент-Сюзанна.

Бурбаки приказал на 16 января, чтобы Билло и Кремер растянулись дальше влево соответственно протяжению германских линий. Длина последних импонировала ему в такой мере, что он теперь определял силу германской пехоты немногим меньше собственной. Бурбаки получил многочисленные известия о том, что оба корпуса Мантейфеля двигаются ему в тыл; особенно определенно высказывал это префект департамента Кот-д'Ор. Однако, из Бордо сообщали другое. Делегация соглашалась с начальником штаба Гарибальди Бордоном, который из Дижона (корпус Гарибальди передвинулся туда из Отэна) доносил, что Кот-д'Ор и горы Морван безопасны. Фрейсинэ инструктировал в этом смысле Бурбаки. Он телеграфировал, что Мантейфель останется для прикрытия германских сообщений в Шомоне или пойдет в Нанси.

Вследствие этого Бурбаки, хотя он вообще был пессимистом, теперь с некоторой уверенностью смотрел на дальнейший ход сражения. Упомянутая атака савойцев и зуавов показала, что, несмотря на мороз и голод, в войсках, по крайней мере местами, сохранялся порыв. Тем не менее, в ночь на 16 января только очень немногие французские генералы решились расположить свои части по квартирам, как были расположены все немецкие войска, за исключением лишь сторожевого охранения. На биваках при 18°Ц физические силы и желание сражаться в войсковых частях значительно понижались.

Только 16 января в 2 часа 30 мин. пополудни левому крылу Восточной армии удалось, наконец, приступить к охвату противника. Дивизия Кремера и одна дивизия Билло вытеснили 2 баденских батальона из Шенебье и Фрайе и последовали за ними через лес, пока остатки баденцев (почти половина их растерялась) заняли позицию у высоко расположенной мельницы Ружо. Последняя находилась в четырех с лишком километрах (по прямой) от Бельфора. Близ этой мельницы, а также в Фрайе и Шенебье вечером 16 января стояла дивизия Пенхоа (18-го корпуса), угрожая с тыла и фланга всему расположению Вердера. Но для действительности охвата необходима была одновременная фронтальная атака. Вследствие усталости и нежелания войск фронтальная атака по всей линии не удалась. Только в районе Пти-Бетонкур опять произошел довольно значительный бой. Части 15-го корпуса (больше дивизии) произвели после полудня энергичную контратаку. 6 батальонов устремились на Пти-Бетонкур и Бетонкур, но, встреченные убийственным частым огнем, поспешили вернуться к лесам, из которых начали наступление. Другой бригаде так плохо помогала ее артиллерия, что пехота под германским гранатным огнем не успела даже развернуться. Снег был густо покрыт павшими, что отняло у остальных частей корпуса мужество для дальнейшего наступления.

Если 24-й и 20-й корпуса вообще ничего не делали, то этому, безусловно, способствовала колоссальная переоценка численности немцев, которую мы находим в словах, сказанных полководцем. По той же причине обе дивизии 18-го корпуса, находившиеся левее 20-го, не атаковали Люц и Шажей, и Билло даже боялся за безопасность своего левого фланга. Взятие французами Шенебье и Фрайе не успокоило его в этом отношении, и он приказал Кремеру отойти к лесу Де-ля-Тюр. Тут он стоял позади 18-го корпуса, из которого только дивизия Пенхоа оставалась в Шенебье и Фрайе. Подобно тому как Билло казалось, что он не может сосредоточить достаточного числа войск для обеспечения себя от наступления, которого якобы хотел Вердер (это желание было мнимым), так и его сосед справа, командир 20-го корпуса ген. Клиншан, сумел уже в первый день сражения склонить Бурбаки на подтягивание армейского резерва. Клиншан полагал, что последний ему необходим, так как охватывающий маневр Билло обнажает его левый фланг.

Не только командующему Восточной армией, но и всем ее командирам нехватало уверенности и инициативы; конечно, такое душевное состояние зависело в одинаковой мере и от путаной обстановки и от самих личностей. Правда, 187 французских батальонов планомерно охватили 46 германских с их правого фланга, но затем неуклюжая масса наступающего лежала, как колода. Все же Вердеру представлялось настоятельной необходимостью взять обратно Фрайе и особенно Шенебье — ключ позиции на р. Лизен. 17 января, еще до рассвета, так что кое-где германские войска обстреливали друг друга, Шенебье был атакован 8 баденскими и прусскими батальонами (Фрайе французы оставили без боя). Они были взяты частью с фронта, частью из резерва, а один батальон даже из войск, осаждавших Бельфор, комендант которого после появления своих соотечественников у Фрайе приказал произвести салют из пушек. В Шенебье находились только 13 батальонов дивизии Пенхоа, которая не получила помощи ни от 18-го корпуса, ни от дивизии Кремера. Но и предоставленная своим собственным силам, она удержала деревню. Ведь мы знаем, что войска республики при обороне действовали недурно. Защитники Шенебье извлекли большую пользу из своих митральез. Так как митральезы впервые появились в этой войне, то немцы поражались, видя, что это оружие косило сразу много людей. После атак, продолжавшихся до 3 час. пополудни, причем один прусский батальон потерял 20%, а один баденский даже 50%, немцы поняли, что они слишком слабы для этой задачи, и отступили к Фрайе.

Если главные силы французов не оказали дивизии Пенхоа никакой непосредственной поддержки, то они пытались подать ей косвенную помощь, хотя и без всякой энергии. В 15-м корпусе 10 батальонов опять перешли в наступление, но эта атака замерла уже в германском артиллерийском огне, который французские артиллеристы не сумели отвлечь от своей пехоты. В 24-м, 20-м и 18-м корпусах слабость действия собственной артиллерии, по сравнению с неприятельской, была столь очевидна, что пехота, уже приготовившаяся к штурму позиции на р. Лизен, от него отказалась.

Несмотря на это, французам на деле удалось осуществить то, чего теоретически никак нельзя было ожидать: охват противника без одновременной фронтальной атаки. Практика смогла уличить

теорию во лжи, вследствие того что между численностью враждебных армий не было нормального соотношения. Бурбаки стоило лишь продвинуться влево, чтобы сделать позицию Вердера непригодной для обороны и освободить Бельфор, который, повидимому, с полным основанием произвел салютационную стрельбу. После такого захождения своих войск Бурбаки мог бы хвалиться действительно крупной победой, не только тактической, но и стратегической. Тогда Вердеру оставалось бы лишь исполнить то, чего он желал еще перед сражением, а именно: оставив осадный парк под Бельфором, расположиться поперек Эльзаса. Этим самым германские сообщения в Лотарингии были бы открыты для нападения Восточной армии. При продолжающейся слабости этапных войск сообщения германской армии оставались чрезвычайно чувствительными. Мольтке был вне себя, когда около этого времени мост через Мозель у Туля на Марнской железной дороге был взорван франктирерами. Он настойчиво потребовал от этапного командования в Лотарингии массового сбора в этом районе рабочих и повозок для наискорейшего исправления сделанного повреждения. Вместе с тем на прилегающие округа была наложена, в виде штрафа, контрибуция в 10 млн. франков. Ее должны были собрать прибывающие 10 ландверных батальонов.

Так как повсюду на этапах просили о присылке ландвера, то представлялось сомнительным, чтобы эта карательная экспедиция могла быть действительно проведена.

Марнская дорога, при помощи ветки через Витри — Блем, была также базисом обоих корпусов Мантейфеля, двигавшихся против Восточной армии. Вполне возможно, что в случае победы Бурбаки исполнилась бы надежда Фрейсинэ[1], и один из этих корпусов для прикрытия Марнской дороги направился бы в окрестности Туль — Нанси, тогда как другой остался бы близ Шомона. К западу от этого города, в районе рек Ионны и Луэн, франктиреры до такой степени мешали железнодорожным перевозкам для 2-й и 3-й армий, что, с одной стороны, бригада 3-й армии, а с другой,— силы 25-й дивизии[2] двинулись на Оксер — Кламеси, чтобы перехватить банды.

Самым действительным средством для обеспечения Марнской железной дороги и ее южных веток было бы движение Мантейфеля против Восточной армии, но этот маневр едва ли можно было принимать в расчет в случае поражения Вердера. Ведь Мантейфель имел только 4½ дивизии, а Бурбаки — 15 дивизий! Мы сейчас увидим, что в этот момент не только южный, но и северный комплекс железных дорог, на которые опиралось германское вторжение, находился в опасности. Федерб бросился там на Сен-Кантен, угрожая тем рельсовым путям, которые вследствие только что открывшегося движения на участке Мезьер — Лонгюйон[3] приобрели особую важность для снабжения 1-й и Маасской армий. Одновременно из Парижа была произведена вылазка, вынудившая блокадную армию еще раз дать сражение. Поистине, в дни провозглашения Германской империи военная обстановка, сложившаяся не без крупных стратегических промахов Мольтке, несмотря на победу при Ле-Мане, была еще достаточно серьезной, и страшная раздражительность Бисмарка против Мольтке является несправедливой, но понятной.

[1] Ср. стр. 386.
[2] Ср. стр. 381.
[3] Ср. стр. 269.

17 января, около 3 час. пополудни, тотчас же после окончательной неудачи германских атак на Шенебье, Бурбаки имел близ Шажея совещание с Билло и начальниками обеих дивизий 18-го корпуса, стоявших на фронте. Бурбаки потребовал, чтобы обе дивизии перешли в Шенебье. Расстояние от мест расположения их в Шажее и Льюце до Шенебье составляло всего около 5 *км* по прямой, но начальники 18-го корпуса заявили, что этот участок увеличит затруднения по доставке продовольствия, чего не выдержат и без того уже голодающие и окоченевшие от мороза войска. Это опасение произвело сильнейшее впечатление на Бурбаки и подало повод к другому опасению. Если армия заходила влево и, значит, ослабляла свое правое крыло, то неприятель мог от Монбельяра броситься на это крыло, не встретив в ненадежных войсках энергичного сопротивления. Тогда французская армия потеряла бы сообщение со станцией Клерваль и железной дорогой, к которой она, за неимением маломальски достаточного обоза, была форменным образом привязана.

Отказ Бурбаки схватить победу, висевшую перед его протянутой рукой, объясняется тем, что войска больше не желали и не могли сражаться и, кроме того, отсутствовал полководец, который мог бы увлечь их на совершение того, что казалось невозможным. Из 100 000—110 000 бойцов Бурбаки потерял лишь 7 000. Часто высказываемое мнение, будто он, опасаясь приближения Мантейфеля, решил считать сражение проигранным и отойти к Безансону, не выдерживает критики, так как это мнение основывается на тех чувствах, которые возбудил в Бурбаки уже позднейший ход событий. 17 января 7-й и 2-й германские корпуса стояли к югу от Лангра, имея главные силы у Протуа, Ланжо и Ис-на-Тиле, в пяти—шести переходах от Шажея на р. Лизен. Правда, расположение Мантейфеля у Лангра угрожало Восточной армии с тылу, но на очень большом расстоянии, а Восточная армия, находясь между Мантейфелем и Вердером, располагала зато преимуществами внутренних операционных линий. Она занимала это выгодное положение со 187 батальонами против 118. При этом с германской стороны сосчитаны также 15 батальонов, стоявших под Бельфором, которые можно было использовать для полевых операций лишь в случае снятия осады этой чрезвычайно важной крепости и оставления осадного парка гарнизону. Разумеется, это не принималось в соображение, и потому соотношение между германской Южной и французской Восточной армиями составляло 103 батальона против 187. Если Бурбаки хотел разделить силы, то он мог двинуться со 100 батальонами против 56 батальонов Мантейфеля и оставить 87 батальонов против 46 батальонов Вердера, наступательный дух которых едва ли мог быть приподнят поспешным очищением Дижона и отнюдь не блестящим ходом боев при Виллерсекселе и на р. Лизен. Впрочем, Бурбаки, в случае разделения своих сил, имел бы против себя у Вердера не 46, а только 39 батальонов, так как Мольтке настаивал на том, чтобы, кроме исключительных обстоятельств, вся 1-я резервная дивизия оставалась под Бельфором.

Добавим к этому, что Мантейфель не мог игнорировать Лангра, способный комендант которого имел 15 000 гарнизона, и не забудем, наконец, Гарибальди. Последний уже доставил много хлопот 14-му корпусу [1], не говоря о германских этапных войсках. Теперь Гари-

[1] Ср. стр. 266, 294, 306, 335.

бальди обратил важный Дижон в укрепленный лагерь. Если Бурбаки взял у него дивизию Кремера, то взамен ее прибыла дивизия Пелисье.

С внешней стороны положение Бурбаки все-таки было еще блестящим, когда он, вследствие морального крушения своей армии, 18 января начал отступление. Казалось, еще более выгодные перспективы были у Федерба, который теперь также бросился на германские сообщения, стараясь выйти у Ля-Фера на вновь пущенную железнодорожную линию Мезьер — Париж. Перед Бурбаки он имел преимущества в обеспеченном отступлении к крепостям на бельгийской границе. Северная армия была усилена еще одной бригадой и насчитывала 71 батальон. Гебен, в качестве преемника Мантейфеля, имел всего 43 батальона, так как герцог Мекленбургский еще не прибыл в Руан, и потому было решено использовать на Сомме только половину 1-го корпуса. Следовательно, на этой реке французы имели такое же большое превосходство сил, как и на Саоне, если там считать вместе Вердера и Мантейфеля [1].

Маленькая армия Гебена стояла на Сомме между Брэ и Руазелем; германский полководец не мог прикрыть вместе с Амьеном и железную дорогу, которая вела от цепи французских крепостей (от Камбрэ) на Ля-Фер; только одна кавалерийская дивизия с приданной ей небольшой пехотной частью стояла у Сен-Кантена. Ввиду этого Мольтке решил теперь выполнить то, что он намеревался сделать еще после сражения при Бапоме, а именно — 1-ю армию усилить за счет Маасской. Он послал одну бригаду по железной дороге на Ля-Фер и сообщил Гебену, что, в случае необходимости, он выделит еще вторую бригаду для прикрытия этого пункта. Однако, грозовая туча, стоявшая над Камбрэ, разразилась раньше прибытия войск 4-го корпуса.

17 января, следовательно в последний день сражения на р. Лизен и в то время, когда на западе происходило преследование разбитого Шанзи, Гебен установил, как бесспорный факт, наступление Северной армии на Ля-Фер. Раньше Гебен писал Мольтке, что если французы пойдут на Сен-Кантен, то со своей позиции близ Перонна он ударит им во фланг. Соглашаясь с этим, Мольтке в своем ответе указал на «фланг наступления — Комбль», которым, наряду с отличной оборонительной позицией за Соммой, может воспользоваться 1-я армия.

Соответственно этому первой мыслью Гебена было двинуться в тыл походным колоннам Северной армии, чтобы и эту французскую армию оттеснить к бельгийской границе. Однако, в конце концов, сочтя более целесообразным непосредственно прикрыть сообщения армии, осаждавшей Париж, он двинулся, подобно французам, на Ля-Фер. Затем, узнав, что последние еще не дошли до Уазы, а только приближаются к Сен-Кантену, Гебен также избрал этот город целью своего марша. 18 января, к югу от Соммы, 21 батальон германской армии шел на Жюсси, где разветвлялись пути на Ля-Фер и Сен-Кантен; это было правое крыло Гебена. Другие войска в составе 21 батальона двигались в качестве левого крыла севернее реки прямо на Сен-Кантен. Эти батальоны получили директиву обязательно ата-

[1] Для последующего — см. схему на стр. 394.

ковать противника в случае его движения на юг, где он приближался к Ля-Феру и угрожал с фланга правому крылу 1-й армии на марше. Наоборот, при остановке французов левое германское крыло должно было тоже остановиться и ограничиться разведкой, в случае же отступления французов — следовать за ними, не атакуя их.

Напряженность положения заключалась в том, что немецкое правое крыло вклинилось между войсками Федерба и Ля-Фером, левое же крыло все-таки не последовало за этим движением, а взяло направление на правое крыло французов, чтобы отрезать последнее от Камбрэ. Таким образом, между обоими крыльями 1-й армии образовался интервал более 10 *км* по прямой линии.

В 10 час. 30 мин. утра авангард левого германского крыла наткнулся у Тертри на арьергард Северной армии. Здесь и у Пейльи начались, в результате атаки германского левого крыла, бои, продолжавшиеся весь день. В этих боях один прусский полк потерял 15% своего состава; тем не менее, эта стратегическая цель была достигнута: противник был задержан. Насколько опасно было разделение обоих германских крыльев, видно из следующих цифр. Как сказано, левое крыло Гебена насчитывало 21 батальон, против которых Федерб развернул не менее 50 батальонов. Но из них Федерб ввел в бой только 14, остальные же служили только для связывания левого германского крыла, чтобы Северная армия еще в этот день могла достигнуть Сен-Кантена. Согласно плану она должна была дойти до Сисси и Муа, которые лежат уже на Уазе. Таким образом, для бега на перегонки, который производили Федерб и Гебен, имея целью Ля-Фер, Федерб получил «фору» в 11 *км* (по прямой).

Фрейсинэ никогда не мог думать, чтобы французам удалось посредством чисто маневренной стратегии без сражений утвердиться на коммуникационных линиях блокадной армии. Ведь на р. Лизен дело уже дошло до сражения, конечно, не в том «оборонительно-наступательном» виде, который предусматривался новым французским операционным планом и своеобразием этой армии; наоборот, Бурбаки должен был решиться на чистое наступление и при этом потерпел неудачу, как Орель-де-Палладин при Бон-ля-Роланде и Луаньи — Пупри, Шанзи при Божанси и Федерб при Бапоме. О последнем мы не знаем, разыграл ли бы он оборонительно-наступательное сражение, если бы ему удалось достигнуть Уазы. Во всяком случае, после того как Северная армия была расположена у Сен-Кантена таким образом, что левое германское крыло находилось столь же близко от Камбрэ, как правое французское, Федерб уже больше не думал о наступлении в каком бы то ни было виде. Но он не ограничивался также и мыслью об обеспеченном отступлении. Если бы он этим удовольствовался, то действия между Сен-Кантеном и Камбрэ не стоили бы ни кровавых жертв при Тертри — Пейльи, ни утомительных маршей по плохим, обледенелым проселочным дорогам. Следовательно, Федерб, недурной полководец, не хотел, как сказано, отступать без боя, но хотел сражаться чисто оборонительно. Принудив немцев атаковать занятый его армией Сен-Кантен, он надеялся сослужить службу принятой в Бордо стратегии измора.

Около 10 час. утра 19 января оба германские крыла атаковали противника, расположенного к западу и югу от Сен-Кантена. Началась упорная борьба за населенные пункты, сахарные заводы, леса,

высоты с ветряными мельницами и железнодорожную насыпь на линии Ля-Фер — Сен-Кантен. До 1 часа пополудни атакующие имели успех; потом обороняющиеся произвели сильную контратаку и установили боевое равновесие к северу и югу от канала Кроза.

Левое крыло Гебена насчитывало 20, правое — только 15 батальонов [1]. Само по себе это было правильно — сделать крыло, действовавшее близ пути отступления французов, сильнее, потому что оно должно было не только одержать победу, но и использовать ее. Однако и другое крыло, которое также должно было одержать победу, не могло быть настолько слабым, чтобы неприятель мог его опрокинуть. Все же такая опасность угрожала. При отбитой атаке на Контескур один познанский батальон растаял до половины. При отражении французской контратаки один рейнский пехотный полк потерял треть того состава, который находился на поле сражения [2].

Большие силы, назначенные Гебеном для действий на пути отступления французов, показывают, что он отнюдь не переоценивал желание Федерба наступать, но, конечно, он не мог определенно знать, что противник настроился в оперативном смысле на чистую оборону. Гебен должен был только считаться с возможностью, что Федерб, несмотря на все, сделает попытку к прорыву на Ля-Фер. Ощущение, что его правое крыло может оказаться слишком слабым, окрепло в Гебене, когда в 11 час. утра в своей стоянке в Рупи он услышал сильную канонаду,— правда, справа, но не слева. Он отправил резерв — 3 батальона 1-го корпуса — из Рупи вправо. Вследствие этого силы обеих сторон распределились следующим образом: севернее канала Кроза германских батальонов 20, французских 43 [3]; южнее канала — германских батальонов 18, французских 28.

Таким образом, силы, насколько возможно сосредоточенные, обеспечивали французскому полководцу отступление. Тут Леокур в своей критике обрушивается на Гебена. Соглашаясь признать за Мольтке некоторые второразрядные способности, Леокур доходит относительно Гебена до утверждения, что этот полководец не имел ни малейшего представления о тактике и стратегии, даже ни тени какой-либо идеи, иначе в сражении при Сен-Кантене он попытался бы отрезать французам путь на Камбрэ. Для того чтобы действительно выяснить истину, нужно совершенно перевернуть легкомысленный тезис Леокура: непонятая им идея плана сражения, автором которого был Гебен, заключалась в том, что германский полководец оставил в центре своего боевого порядка интервал, чтобы крылья могли раскинуться достаточно широко для прегражденния пути на Ля-Фер и для угрозы пути в Камбрэ. Идеальным решением было бы запереть также и путь в Камбрэ, но приходилось считаться с действительностью, а силы Гебена были ограничены.

В истории встречается мало сражений, которые были бы выиграны при чистой обороне. Это неизбежно вытекает из самой природы этой формы боя, потому что, в конце концов, атакующий где-нибудь

[1] Обе цифры — за вычетом выделенных войск. На стр. 391 при сравнении германских и французских сил при Тертри и Пейльи эти войска не были исключены, потому что недоставало надежных сведений относительно выделенных французских войск.

[2] Половина полка находилась в Амьене и Аме.

[3] Разумеется, без возможности привести в известность выделения войск на французской стороне. Все-таки они не много бы изменили в той картине, которую я даю читателю.

да прорвется, при условии, что обороняющийся, ограничиваясь бессистемными короткими контрударами, останется оперативно бездеятельным. При чистой обороне были выиграны, между прочим, сражения на р. Лизен и на р. Черной[1],—победы, которые объясняются особым стечением обстоятельств. При Сен-Кантене Федерб уже с самого начала не питал никакой надежды на победу; он сражался лишь за то, чтобы истощенный неприятель не мог преградить ему отступления.

Влияние численной слабости немцев смягчалось тем, что она не распространялась на вспомогательные роды войск: против 99 французских орудий Гебен имел 161, против 5 эскадронов — целых 48. Одна бригада прусской кавалерии появилась в тылу Северной армии у Белленглиза, где стоял обоз 23-го корпуса. Пехотное прикрытие обоза отразило кавалерию, но появление ее на шоссе Сен-Кантен — Камбрэ не могло не вызвать сильного беспокойства у командования 23-го корпуса. Что касается превосходства германской артиллерии, то оно могло сказаться только постепенно. Во время описанного выше первого периода боя левое германское крыло сосредоточило на высотах западнее Файе, на старой Римской дороге, батарею из 28 орудий, но стрелки бригады Иснара, состоявшей из маршевых и небольшого числа полевых войск, заставили эту артиллерию отойти на находившуюся позади позицию.

Иначе сложились дела во второй период сражения. Германский резерв двинулся от Рупи на Гран-Серокур, где Федерб оставил мосты неповрежденными для марша на Ля-Фер. Тут немцы перешли Сомму и канал Кроза и атаковали французов, стоявших к югу от Сен-Кантена, во фланг, причем у взятого теперь Контескура они выставили батарею в 30 орудий. Последние обстреливали левое крыло неприятеля, у которого между 2 час. 15 мин. и 3 час. был отнят важнейший опорный пункт южнее Сен-Кантена — сахарный завод Грюжи. В этот бой, в котором французы все продолжали драться с жаром, вступили 2—3 прусских эскадрона, причем они смяли стрелковые цепи и распространили смятение далеко за пределы атакованного участка.

На всем поле сражения французы производили многочисленные и сильные контрудары, однако эти отдельные удары служили лишь обороне и потому оставались оперативно бесплодными. Французская тактика была столь несложна и численность сражавшихся армий так мала[2] (сравнительно с условиями современной войны), что из Рупи можно было хорошо наблюдать за ходом сражения и руководить им. Гебен сбил фланговым ударом 22-й корпус южнее Соммы и 23-й к северу от реки. Последний маневр был выполнен вторым резервом также в 3 батальона, который Гебен выделил из своего левого крыла и сосредоточил у Рупи. Этот второй резерв взял Эпин-де-Даллон на дороге Ам — Сен-Кантен, и фланговый удар его распространился

[1] Т. I, стр. 152 (русск. пер.— т. V, стр. 113).

[2] Приводимую французами цифру в 40 000 бойцов Федерба я считаю правильной; названные же в труде германского генерального штаба 33 000 бойцов Гебена, по моему мнению, подлежат уменьшению до 25 000. Вообще создается впечатление, что труд германского генерального штаба обнаруживает известное внутреннее сопротивление полному признанию факта таяния кадров — психологически вполне понятное явление. При желании узнать, как невелико было во время кампании действительное число наличных бойцов, нужно обратиться к другим источникам, что мы и делали много раз в нашем описании.

дальше, до другой дороги, ведущей из Сави в Сен-Кантен. Тут сосредоточена была мощная германская батарея из 48 орудий, которая в 4 часа заставила 23-й корпус укрыться в предместье Сен-Мартин.

Здесь, как и в предместье Исль, южнее Соммы и канала Кроза, были выстроены баррикады. Первый резерв не встретил в предместье Исль значительного сопротивления, но захватил лишь небольшую добычу, так как 22-й корпус уже отступил по постоянному мосту, бывшему в его распоряжении. Наоборот, второй резерв не смог взять сильно занятые баррикады, строения и сады предместья Сен-Мартин даже и тогда, когда подошли другие войска германского левого крыла. Но около 5 час. 30 мин. первый резерв вторгся в Сен-Кантен и атаковал защитников предместья Сен-Мартин с тыла. Таким образом, 23-й корпус, получивший приказ Федерба об отступлении слишком поздно, попал в клещи между первым и вторым резервами Гебена, причем половина французов положила оружие.

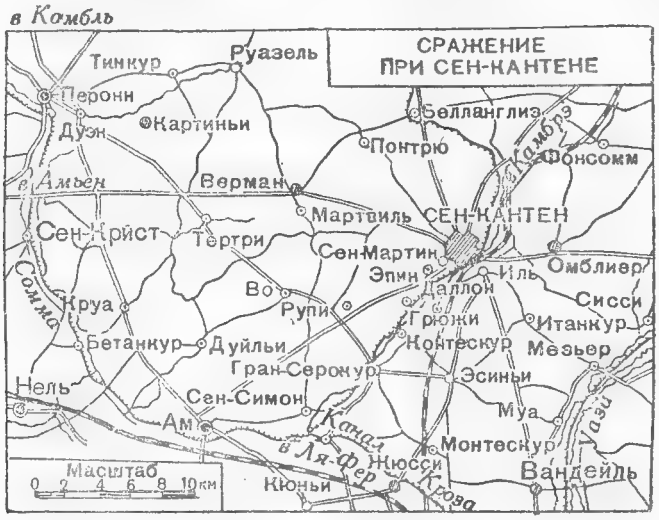


Схема 11.

Это были 2 бригады; всего Федерб имел 10. Спасшиеся 8 бригад оторвались от немцев посредством ночного марша; немцы не преследовали, заняв Сен-Кантен только с наступлением темноты. Германская кавалерия также не преследовала. Попытки 12-й (саксонской) кавалерийской дивизии вступить в сражение были быстро сведены на-нет огнем 2 французских батальонов; прусская кавалерийская бригада у Белленглиза также не сделала ничего существенного. Этот род войск годился еще только для разведки. В столкновении с неприятельской пехотой кавалерия могла достигнуть успеха лишь при исключительно благоприятных условиях, как это было при фланговом ударе правого германского крыла.

Так совершилось отступление Северной армии к крепостям, при котором 38 *км* по прямой до окрестностей Камбрэ и Мобежа было пройдено в один переход с потерей только 1 000 отсталыми. Припомним, что Шанзи после сражения при Ле-Мане насчитывал 50 000 разбежавшихся. Но ведь его преследовали пять дней. Хотя с Федербом это и не могло случиться, тем не менее за свое наступление против германских сообщений он заплатил довольно дорого, потеряв 14 000 из 40 000 бойцов. Победители потеряли более 8% своего боевого со-

става, самое большее 2 000 чел., в том числе около 100 офицеров вместо 40, что соответствовало бы числу убитых и раненых солдат. Пришлось вызвать на фронт последний прусский батальон; Федерб достаточно затруднил задачу своему противнику.

Теперь внутренняя структура Северной армии была так сильно потрясена, что представлялось возможным приступить к осаде Камбрэ и других северных крепостей, если бы в распоряжении была позиционная артиллерия. Но Бисмарк и Роон заставили начальника германского генерального штаба сосредоточить тяжелые орудия под Парижем. Вследствие этого исчезла возможность окончательно ликвидировать Северную армию. В словах Мольтке чувствуется неудовлетворенность, когда он писал Штиле, что после германских побед при Сен-Кантене и на р. Лизен Федерб и Бурбаки удалены от блокадной линии первый на 25 и второй на 40 миль. Это обеспечивает «от беспокойства... по крайней мере на ближайшее время».

Эти строки были написаны под впечатлением крупного наступления, которое предприняли французские силы в Париже[1]. Оно произошло в день сражения при Сен-Кантене, через семь недель после наступления при Вильере и спустя четыре недели после не получившей развития вылазки у Ле-Бурже: Ле-Бурже лежит севернее, Вильер — восточнее Парижа; новое поле сражения находилось к западу от города у подошвы форта Мон-Валерьен. В сражении у Вильера участвовало 95 французских батальонов; в сражении при Мон-Валерьене, при приблизительно одинаковой силе блокадной армии (200 батальонов), было выставлено и брошено на один пункт не менее чем 180 батальонов. При Вильере сражались исключительно войска 2-й французской армии, созданной[2] специально для действий в открытом поле. Но 2-я армия насчитывала только 111 батальонов, значит не могла дать тех масс, которые были нужны на этот раз.

При описании попытки прорыва у Ле-Бурже я показал, что 2-я армия не обладала больше моральными свойствами полевой армии, поскольку они вообще когда-либо были ей присущи. Ввиду этого понятна мысль взять недоставшие батальоны от двух других армий, обязанность которых пока состояла лишь в охране крепостных верков и в удержании в повиновении революционных элементов. В столкновении у Ле-Бурже одна дивизия 3-й армии при атаке на деревню Стен выказала известную наступательную силу[3]; также и среди 1-й армии, т. е. национальной гвардии, теперь, когда войска простояли под ружьем четыре месяца, можно было отважиться сделать отбор для полевой службы. Соответственно этому новая полевая армия была составлена, с одной стороны, из 90 батальонов национальной гвардии, и, с другой — из 90 батальонов полевых войск и мобилей. Боевую силу национальной гвардии определяют в 42 000 чел. Следовательно, это была лишь небольшая часть тех 343 000 чел. различных формирований, которые находились в Париже. Среди полевых войск и мобилей также произошло заслуживающее внимания изменение в том смысле, что многие батальоны, потерявшие на холодных биваках у Вильера свою энергию[4], были заменены частями 3-й армии.

[1] См. схему окрестностей Парижа, стр. 239.
[2] Относительно организации сил в Париже ср. стр. 248.
[3] См. стр. 343.
[4] Ср. стр. 289—290.

Конечно, нужен был большой оптимизм, чтобы надеяться, будто батальоны национальной гвардии, ведомые на убой, окажутся пригодными. Трошю, Дюкро, Винуа этого ни в коем случае не думали, но общественное мнение столицы требовало последнего усилия. За неделю — с 12 по 18 декабря — было уже 2 728 смертных случаев вместо 854, представлявших среднюю мирную норму[1]; во вторую половину января это число повысилось до 4 700. Вообще за время осады умерло 64 000 чел. вместо 22 000 чел. за такой же период перед войной. Цифры детской смертности составляли 19 000 вместо 6 000; следовательно, относительный рост детской смертности был только немного выше роста смертности взрослых, но все же детская смертность оказывала большое влияние на моральное состояние[2]. Накануне сражения при Мон-Валерьене появились, наконец, хлебные карточки, и началась выпечка военного хлеба с большой примесью картофельной и гороховой муки.

Перед сражением при Вильере переходы через Марну, которые по плану должны были быть готовы утром 29 ноября, были окончены только 30 ноября в 2 часа пополудни. Вследствие этого наступление французов началось с опозданием от 24 до 30 часов[3]. Для вылазки у Мон-Валерьена мосты, по которым нужно было перейти с французской стороны, находились не впереди, а позади фронта, у Асньера и Нейльи. По этим постоянным мостам в течение 18 января должны были пройти 90 000 чел. пехоты с северного и восточного фронтов на полуостров Женвилье. Принимая во внимание большую массу французской пехоты, к которой присоединилось 30 батарей, можно сказать, что движение в район развертывания и продвижение вперед из-за Мон-Валерьена для завязки сражения совершились хотя и не совсем по плану, но все-таки довольно гладко. В 7 час. утра 19 января комендант форта Мон-Валерьен подал условленный сигнал для атаки. Эта атака обрушилась на стоявший тут 5-й германский корпус со всей силой удавшейся внезапности[4]; еще в 8 час. 15 мин. утра с обоих наблюдательных пунктов ген. Кирхбаху могли сообщить только «густой туман». Значит, на этот раз, когда Трошю командовал лично, французы так провели свою подготовку, что с самого начала сражения получили значительное моральное преимущество. Все же это преимущество было очень условным, потому что в результате скрещивания на марше батарей, которые были запряжены плохо кормленными лошадьми и поэтому вязли в размокшей почве, большинство французских генералов должно было отказаться от подготовки атаки хорошо укрепленных позиций 5-го корпуса артиллерийским огнем.

15 батальонов левого крыла под командованием Винуа и 24 батальона центра под командованием Бельмара поднимались уже на высоты Монрету и Гарш, когда между 9 час. и 9 час. 30 мин., как раз еще во-время, 7 батальонов 9-й германской дивизии собрались между Сен-Клу и овчарней. В этот последний передовой пункт бросилась одна рота егерей, тогда как 5 французских батальонов и отделение сапер с замечательным пренебрежением к смерти пытались

[1] См. стр. 342.
[2] Там же.
[3] Ср. стр. 283.
[4] О первой вылазке защитников Парижа, которая также обрушилась на V корпус, ср. стр. 238.

взорвать каменные стены, что, однако, не удалось, потому что динамит замерз и не дал взрыва.

Правое французское крыло под командованием Дюкро не имело перед немцами преимущества внезапности, потому что тут французам более или менее удалось продвинуть вперед орудия, и Дюкро, не желая отказаться от подготовки пехотной атаки артиллерийским огнем, атаковал на час позже Бельмара и Винуа. Однако, батареи правого французского крыла произвели незначительное впечатление на 6 батальонов 10-й германской дивизии, которые развернулись между Мальмезоном и рощей Бузенваль. В 10 час. 30 мин. они были атакованы 48 французскими батальонами. Следовательно, все поле сражения представляло собой зрелище борьбы 14 германских батальонов [1] с 87 французскими батальонами. 12 германских батальонов и почти 100 французских пока удерживались позади.

Значительно благоприятнее для немцев было численное соотношение выдвинутой с обеих сторон артиллерии. Правда, 5-й германский корпус держал почти половину своих батарей в резерве, но зато у Шату и Лувесьенна стали на позиции орудия гвардейской ландверной дивизии. Кронпринц Прусский, уже довольно сильно измотанный [2], как почти вся королевская главная квартира, притянул их «на всякий случай» из их стоянки Сен-Жермен в Версаль, находившийся в тылу поля сражения. Одна гвардейская резервная батарея вела бой с новшеством военной техники — бронированным поездом, который не выдержал и ушел назад; когда же он опять рискнул выдвинуться, то понес еще бо́льшие повреждения и потери, так как у Карьера попал под огонь 4 батарей, посланных 4-м корпусом, по приказанию кронпринца Саксонского, на помощь 5-му корпусу.

В общей сложности 15 германских батарей перестреливались с 30 французскими, которые выдвинулись до кирпичного завода, Фульеза и Рюэйля, но нигде не смогли привлечь на себя весь огонь германской артиллерии. Наоборот, по всему фронту гранаты немецкой артиллерии поражали французские пехотные массы. От Сены до Сены, от Сен-Клу до Мальмезона фронт имел ширину всего 5 *км*. Так как из местности позади Мон-Валерьена французы выдвинули 90 000 чел. пехоты, то в среднем, на 1 *км* приходилось 14 ружей, и большинство ружей Шаспо едва ли можно было использовать. Подобно русским в Крымскую войну и австрийцам в 1866 г., французская республиканская пехота применяла ударную тактику [3], потому что она столь же мало, как и они, умела маневрировать. Не только французские бойцы на фронте своим глубоким построением представляли мишень для германской артиллерии, но и в резерве Дюкро, ожидавшем между Рюэйлем и Нантером своего вступления в бой, батареи Маасской армии, стоявшие у Карьера, проводили глубокие борозды. В заметках Блюменталя мы читаем: «Это было настоящее сражение или, вернее, избиение с помощью нашей хорошо расположенной артиллерии».

---

[1] В 11 час. один батальон 21-й дивизии пришел на помощь 9-й дивизии. 21-я дивизия (11-го корпуса), как и 22-я дивизия, подчинялась герцогу Мекленбургскому.

[2] Ср. выше, стр. 372.

[3] Ср. стр. 27, 30, 51, 54, 155, 222, 260.

При Вильере французов тоже можно было упрекнуть в «злоупотреблении густыми строями»[1], но там, по крайней мере, они имели хорошую основную оперативную идею: охват правого германского крыла. В сражении при Мон-Валерьене Трошю никак не мог применить столь искусную тактику, потому что вследствие обстрела с Монт-Аврона французы потеряли единственную местность, на которой могла маневрировать выходящая из Парижа армия[2]. Правда, после очищения марнского полуострова Сен-Мор, сенский полуостров Женвилье еще представлял для французов местность, на которой их массы, не тревожимые германской артиллерией, могли развернуться, но как только армия оставляла позади себя прикрытие форта Мон-Валерьен, прекращалась для нее и свобода маневрирования. Вылазка южнее этого форта была уже с самого начала заклеймена проклятием оперативной бесплодности. Оба фланга 5-го корпуса примыкали к Сене, тогда как вюртембергские, саксонские и померанские части у Вильера хотя и упирались левым флангом в Марну, но на правом фланге не были прикрыты от охвата. При Мон-Валерьене французы должны были ограничиться фронтальными атаками. Хотя на 1-м приходилось едва три германских защитника, эту тонкую цепь нельзя было разорвать чисто лобовыми атаками. Германская пехота расположилась на укрепленных высотах, за каменными стенами парков, в забаррикадированных замках, отдельных дворах и селениях, а также в стрелковых окопах.

Из всех этих отличных опорных пунктов обороны французы были встречены ружейным и орудийным огнем, который действовал тем губительнее, что атакующие в своей тактике следовали принципу: «пуля дура, штык молодец».

На левом крыле и в центре армии, производившей вылазку, к полудню наступление окончательно ослабело и продолжался только огневой бой на месте; наоборот, правое крыло в 2 часа пополудни еще раз произвело атаку, для которой Дюкро назначил 35 свежих батальонов. Как утром перед овчарней, так теперь в парке Мальмезон саперы пытались взорвать каменную стену, но опять-таки тщетно, причем храбрые люди, числом одиннадцать, были все убиты. Следовательно, 6 рот инженерных войск, имевшиеся в Париже[3], чего-нибудь стоили. Добрая воля часто встречалась и в пехоте, но прорвать только посредством этой воли и массы прусскую цепь было делом безнадежным. Хлынувшие на немцев 35 свежих батальонов Дюкро под огнем 6 прусских батальонов подошли на дистанцию до 200 шагов, но затем начался отлив. Отступление под частым огнем пруссаков сопровождалось особенно большими потерями. Правда, офицеры не потеряли спокойствия, но их старания поддержать порядок среди солдат мало приносили пользы.

Дюкро пал духом и с 3 час. дня подготовлял отступление. Главнокомандующий Трошю находился в это время в центре. Ввиду перестрелки, в которую давно уже выродился бой в центре и на левом крыле, Трошю, как и его подчиненный на правом крыле, потерял всякую веру в успех прорыва. Все же лишь после 5 час. 30 мин. Трошю отдал Бельмару и Винуа приказ об отступлении.

---

[1] См. стр. 283.
[2] См. стр. 343—344.
[3] См. стр. 282.

14 германских батальонов отбили атаку 122 французских[1]. Оба командира дивизий 5-го германского корпуса держали еще нетронутыми в резерве более 10 батальонов и, кроме того, 6 батарей из 14. Потери германских частей, принимавших активное участие в бою, составляли 10%, потери французов 6—7%. Следовательно, с французской стороны сражались без подъема духа, что отвечало невыгодному в оперативном отношении характеру местности. Национальная гвардия, из которой лишь отборная часть была включена в полевую армию, сражалась, по отзыву Блюменталя, совсем хорошо, но ее потери все-таки были значительно меньше убыли полевых войск и мобилей — явление, не представляющее ничего удивительного. Это вытекает также и из волнений, которые произошли через несколько дней после сражения при Мон-Валерьене в 2 батальонах национальной гвардии, ибо мы видели, что после сражения при Вильере полевые войска и мобили волновались в гораздо большем размере. Точно так же при отступлении 19 января несколько батальонов мобилей разбежалось, стреляя в воздух, с криками: «La paix! La paix!» (мира! мира!). Конечно, новшеством в волнениях национальной гвардии является революционный импульс, который впервые за время осады привел к кровопролитию. Все же правительство одержало победу. Запретив две газеты и распустив революционные клубы, оно сохранило власть.

Авторитет правительства, пострадавший от недостатка продовольствия, был уже и без того до некоторой степени восстановлен начавшимся в 8 час. 30 мин. утра 5 января артиллерийским обстрелом южной части города, потому что эти действия, навязанные Бисмарком начальнику германского генерального штаба, не дали ни до сражения при Мон-Валерьене, ни после него никаких стратегических результатов. Осаждающие стреляли из 98 орудий; форты Исси, Ванв, Монруж и соответствующая часть городского вала (протяжением около одной мили) отвечали из 402 тяжелых орудий. Однако, вследствие того что германская артиллерия имела более крупные калибры и занимала командующие высоты у Шатильона, немцам удалось настолько успешно обработать форты Исси и Ванв, что хотя на них и не было серьезных разрушений, но через несколько дней они лишь слабо отвечали. Форт Монруж совсем не удалось привести к молчанию, так же как и городской вал, составлявший основу парижских укреплений.

Что касается бомбардировки внутренней части города, то снаряды вообще долетали только до мостов, соединявших меньшую (южную) часть Парижа с обширными северными кварталами. Стош писал: «Туман в высшей степени коварен и лишь редко, около полудня, допускает сносное прицеливание. Но чем больше паузы, тем больше времени имеют французы для исправления повреждений и тем чаще должны мы начинать сначала. Однако, несмотря на туман, голод увеличивается».

За все время бомбардировки пострадало 400 чел. из гражданского населения. Немецкая осадная артиллерия и крепостные саперы потеряли 428 офицеров и солдат. Эти бесполезные потери произвели тем более тягостное впечатление на Блюменталя и других высших

[1] Откомандированные — эквивалент 2 батальонов на немецкой стороне — не вычтены из этой цифры, так как числа откомандированных во французской армии нельзя установить.

начальников, что осадные артиллеристы и крепостные саперы насчитывали в своих рядах 50—85% женатых[1]. Насколько пострадали от огня германских позиционных орудий военные защитники крепостных укреплений, нам неизвестно, но между потерями личного состава и потерями материальной части должно существовать известное соотношение. Теперь мы уже знаем, что южные форты не испытали интенсивного повреждения. Посетив после падения Парижа форты Исси, Ванв и Монруж, Блюменталь отметил в своем дневнике: «Все форты еще в очень хорошем состоянии и хорошо вооружены, так что они могли бы держаться еще несколько месяцев... Я убежден, как и прежде, что эти форты... можно взять только правильной атакой, а для этого нам нехватало орудий и снарядов... Судя по тому, что происходило в действительности, мы могли бы еще стрелять целые месяцы и, вероятно, были бы принуждены к молчанию имевшимися в несметном количестве неприятельскими орудиями. Для длительного продолжения бомбардировки нехватало 24-фунтовых орудий, потому что находящиеся здесь... стали негодными».

Последнее обстоятельство объясняется неумелостью личного состава. Соответственно духу, господствовавшему в прусском генеральном штабе, внимание военного министерства в Берлине, в мирное время, было обращено преимущественно на живые силы вероятного противника; крепостной войной пренебрегали. Вследствие этого тяжелая артиллерия не стояла на должной высоте. Уже под Страсбургом офицеры и унтерофицеры не умели надлежащим образом обращаться с орудиями, так что большая часть их была испорчена. Вследствие этого военное министерство мобилизовало для осады Парижа 66 чел. из артиллерийской испытательной комиссии в надежде, что эти опытные люди успешно повлияют на сбережение орудий. Однако, результат оказался не особенно благоприятным, так как к концу бомбардировки Парижа, которая продолжалась всего три недели, причем мало-по-малу были выдвинуты на фронт 303 орудия, 49 из них стали негодными в руках артиллеристов, тогда как лишь 13 орудий были подбиты неприятельскими снарядами. Тяжелые орудия, примененные против Монт-Аврона, после того как обстрел фортов Росни и Ножан постепенно прекратился, были перевезены с востока на север для образования между Ле-Бурже и Энгиенским прудом второго бомбардировочного фронта, прикрытого ручьем Морэ. 21 января 81 германское орудие было готово к открытию огня, и 143 французских орудия отвечали им. Они стояли в фортах Ля-Бриш, Дубль, Конронн и Восточном (De l'Est), все три[2] — вокруг Сен-Дени, где начались пожары. Форты Сен-Дени не пользовались поддержкой городского вала (подобно восточным), почему были вынуждены вскоре к прекращению огня и не были обеспечены от штурма. Однако, взятие фортов Сен-Дени не открыло бы возможности успешного обстрела северной части Парижа, так как французы имели в излучине Сены у Женвилье очень сильную оборонительную позицию.

Короче говоря, кровавый дилетантизм бомбардировки завел осаждающих в стратегический тупик, душный воздух которого 18 января тяготел над провозглашением империи в Версале. К этому времени

[1] Ср. стр. 333.

[2] Автором названы не три, а четыре форта. — *Ред.*

обстрел продолжался уже две недели, и снарядов могло хватить лишь на три недели с небольшим. Если бы до этого Париж не удалось принудить к сдаче голодом и если бы бомбардировку пришлось прекратить, то во всей Европе, безусловно, создалось бы впечатление (которого после Кулмье еще удалось благополучно избежать), будто немцам нанесен чувствительный контрудар. Приблизительно в одно время с бомбардировкой Парижа открылась в Лондоне конференция о Черном море. Последняя собралась по инициативе Пруссии, и Бисмарк надеялся, что она освободит его от кошмара превращения германо-французской войны в общеевропейский пожар. Но на такой благоприятный исход канцлер Северогерманского союза, несмотря на ослепительную церемонию в Зеркальном зале, мог рассчитывать лишь в том случае, если военные операции и дальше будут развиваться гладко и если бомбардировка Парижа не приведет, употребляя выражение короля, к фиаско [1].

На Бургундском театре войны, где знание Мольтке могло свободно определять ход событий, тем временем подготовлялся, несмотря на грубые ошибки Мантейфеля, новый блестящий триумф германского оружия. Бурбаки 18 января отступал от р. Лизен к Безансону; до этого я довел свой рассказ. Мантейфель принял командование над Южной армией 12 января, в период между боями при Виллерсекселе и на р. Лизен; у него, как и у Вердера, создалось впечатление, будто 14-й корпус находится в самом тяжелом положении. Из этого Мантейфель сделал вывод, что он должен оказать ему непосредственную помощь. 2-й и 7-й корпуса были расположены между Нойером и Шатильоном. Путь отсюда к р. Лизен шел через Везуль, пересекая особенно трудно проходимую часть Лангрского плато; самый Лангр был занят многочисленным и энергичным противником. Однако, прежде всего марш через Лангр и Везуль был стратегической ошибкой. Настоящей целью марша для Мантейфеля, которую он, конечно, выбрал бы, если бы рядом с ним в качестве стратегического ментора еще стоял Гебен, был район между Долем и Арк-э-Сенаном, так как здесь перерезались сообщения Восточной армии с ее базой — Лионом [2].

К этим железнодорожным узлам вели хорошие дороги через Дижон, откуда войска Мантейфеля могли без особой потери времени изгнать Гарибальди. Железная дорога Жуаньи — Шатильон была бы для них отличным базисом, правда, не совсем обеспеченным. Выше я рассказывал, как франктиреры беспокоили район р. Ионны, так что от 2-й и 3-й армий пришлось выслать против них значительные силы. Отряды франктиреров были рассеяны, но 25 января 25-й французский корпус, двигаясь от Невера, напал на железнодорожный мост у Бриенона через р. Армансон и на другой — между Бриеноном и Жуаньи, разрушив их так, что участок железной дороги Жуаньи — Шатильон, по которому только что с трудом было открыто сообщение [3], снова сделался непроездным до 9 февраля, т. е. долго спустя после заключения перемирия. Одновременно Шатильону угрожали высланные из Лангра подвижные колонны. Правда, войска Южной армии опять заставили французов укрыться в Лангре, но 28 января части, вышедшие из этой крепости, напали у Протуа на 3 германские

[1] См. стр. 332.
[2] Ср. стр. 257, 308.
[3] См. стр. 328.

роты, которые потеряли $^1/_5$ рядового состава и должны были бросить обоз, предварительно застрелив лошадей.

Эти факты упреждают мой рассказ, но условия, которые в них отражаются, существовали уже тогда, когда Мантейфель обсуждал операционный план в своей главной квартире в Шатильоне. Повидимому, желание вполне обеспечить свои сообщения и побудило его, главным образом, отказаться от движения через Дижон. Конечно, сначала положение при марше мимо Лангра было не лучше, но тут, как мы увидим, представлялось средство, по крайней мере в близком будущем, создать безупречную базу. Итак, 14 января Мантейфель выступил по направлению на Везуль. Войска могли пользоваться только проселочными дорогами, которые пересекались ручьями. Их глубокие долины нужно было переходить по крутым скатам, что еще затруднялось гололедицей. 18 января Мантейфель сосредоточился между Исом на р. Тиль и Шамплитом южнее Лангра. Суровая возвышенность с густыми лесами осталась позади пруссаков, которые, несмотря на изорванную обувь у солдат и на отсутствие острых шипов на конских подковах, при тумане, буре, гололедице и при 14° мороза по Цельсию, вполне сохранили свою боевую силу, тогда как французская Восточная армия, при тех же климатических и местных условиях, совершенно утратила дисциплину и подверглась внутреннему разложению. Правда, войска Бурбаки большей частью голодали, а Мантейфель приказал обоим корпусным командирам кормить людей особенно обильно; в письме к Цастрову и Франзецкому он категорически принимал на себя ответственность за все нужные меры. Но уже такой чрезвычайный оборот достаточно освещает тот факт, что на этом театре войны не одни только французы испытывали затруднения в подвозе продовольствия. Повидимому, прусскому интендантству не удалось вполне удовлетворять желания командующего армией, тем более что сообщения обоих корпусов находились под сильной угрозой со стороны Гарибальди. Ведь 2-й корпус, который с 3-й армией стоял под Парижем, для своего снабжения пользовался железной дорогой Жуаньи — Шатильон, тогда как 7-му корпусу продовольствие подвозилось по железной дороге Шомон — Витри соответственно тому, что он был выделен из 1-й армии.

Ричиотти Гарибальди все еще держался в окрестностях Шатильона[1], где находился большой германский магазин. Германская рота, производившая реквизицию в селении Бенье-ле-Жюиф, южнее Шатильона, подверглась нападению итальянских партизан и была прогнана. К юго-западу от Лангра гарибальдийцы также уничтожили обозный парк. Труд германского генерального штаба говорит: «При дальнейшем продвижении армии эти условия могли только ухудшиться». Вследствие этого Мантейфель после потери транспорта применил средство, которое он имел в виду еще при отказе от наступления через Дижон, а именно: перемещение своих этапных путей из Средней в Восточную Францию. Он отказался переводить через плато многочисленные обозы 7-го корпуса, стоявшие еще к северо-востоку от Шатильона. Им было приказано двигаться влево в Лотарингию. Шатильон был заменен Эпиналем. 19 января, когда Южная армия продвинулась до Отрея и Дампьера, одна подвижная колонна пыталась у Сен-Лу установить тесное соприкосновение с лотарингскими

[1] Ср. стр. 266.

этапными войсками. Однако, она их еще не нашла, и устройство новой этапной дороги продолжалось до 24 января — восемь дней после оставления старой. Это привело к чувствительному расстройству в операциях, но еще тяжелее было утомление войск на проселочных дорогах плоскогорья. Выше я говорил[1]: «Фридрих Карл, Фридрих Франц и ген. Вердер, — все трое вели войну больше сапогами, чем ружьями; они действовали не в духе Мольтке и вообще плохо». К числу полководцев, которым недоставало стратегического предвидения и которые поэтому напрасно тратили силы войск, принадлежал и командующий Южной армией. Однако, нужно остерегаться слишком резкой критики Мантейфеля, а также и Фридриха Карла. Требовалась стратегическая отвага, чтобы, имея этапные пути в Средней Франции, наступать через Дижон. Мольтке тоже не знал, насколько плохи были обе дивизии 25-го французского корпуса. Ведь озабоченный тем, чтобы французы еще раз не перешли в наступление от Луары к Парижу, он дал указание Штиле сосредоточить весь 9-й корпус в Орлеане[2].

Мантейфель был связан телеграфом с Вердером и вечером 18 января узнал о счастливом исходе сражения на р. Лизен. Только теперь он предпринял то, что в его положении было с самого начала единственной задачей, достойной полководца,— он свернул на Доль. Упомянутый выше марш на Отрей и Дампьер представлял уже первый этап на новом направлении. Оставив позади себя Лангрское плато, армия теперь вступила в район Мон-Фосиль (Monts Faucilles)[3], который также был беден и редко населен. Расстроенные условия подвоза все еще очень сказывались, хотя мы знаем, что немцы, в противоположность французам, умели жить средствами страны, поскольку последняя их могла дать.

В общем, в Бордо были хорошо осведомлены о передвижениях Мантейфеля, но, естественно, должно было пройти некоторое время, пока делегация узнала, что Южная армия переменила направление. Так, 19 января Фрейсинэ телеграфировал Бурбаки, что неприятель держится далеко от Грая, где нужно было переходить Саону при движении к железнодорожным узлам; неприятель находится, вероятно, на марше в Везуль. Фрейсинэ советовал Бурбаки оставить достаточно сил между крепостями Безансон и Оксонн, чтобы, имея перед фронтом р. Оньон, связать корпуса Мантейфеля. Главные силы Луарской армии следует тогда отвести назад к Луаре, на что будет достаточно шести дней.

Мантейфель и Вердер имели вместе 7½ дивизий. Оставив против них такое же число дивизий, Бурбаки должен был перевезти по железной дороге 7½ дивизий. По Фрейсинэ, это можно было сделать в шесть дней, но для такого предположения требовался большой оптимизм, потому что перевозка от Луары в Бургундию 4 дивизий 15-го корпуса потребовала двенадцать дней, а перевозка 6 дивизий 18-го и 20-го корпусов — все же десять дней. Еще фантастичнее этого проекта перевозки были те оперативные мысли, с которыми носился Фрейсинэ. Бурбаки должен был присоединить к себе в Невере 25-й корпус (который никогда не сделался боеспособным), после

[1] Стр. 321.
[2] Ср. стр. 382.
[3] Холмы, соединяющие Вогезы с Лангрским плато. — *Ред.*

чего, через Оксер, Труа и Шалон, т. е. с прорывом германских этапных дорог, итти все далее на север, пока он не протянет руку Федербу.

Фрейсинэ строил эти воздушные замки 19 января, как раз в тот день, когда Федерб потерпел у Сен-Кантена поражение от Гебена. Бурбаки согласился принципиально с ходом мыслей Фрейсинэ, про которого мы знаем, что в стратегических делах он не терпел противоречий со стороны генералов; командующий армией оставил за собой лишь право обсудить с властями в Бордо подробности операции. Возможно, что он внутренне возмущался теми идеями, с которыми там носились, но пока подчинился. Бесконечно важнее было то, что Бурбаки поверил сообщению Фрейсинэ, будто силы Мантейфеля все еще продолжают свой марш на Везуль. Перемещение германских этапных дорог на восток как бы подтверждало это сообщение. Вследствие этого Бурбаки не отошел до позиции Безансон — Оксонн, которая прикрывала жизненные пункты Доль, Арк-э-Сенан и господствующий над ними Кинже, а дошел только до Клерваля и Бом-ле-Дама. При таком расположении селение Кинже оставалось неприкрытым на его левом фланге. Для его защиты командующий Восточной армией приказал лишь коменданту Безансона разрушить мосты через Саону и Оньон. Однако, комендант не имел для этого ни взрывчатых веществ, ни сапер[1].

Фрейсинэ дал Бурбаки ложную информацию, но зато верный совет, поскольку Восточная армия, став на позиции Безансон — Оксонн, имела бы позади себя Кинже и оба других жизненно важных пункта. Значит, мысли Фрейсинэ были направлены на обе возможности: они предусматривали наступление Мантейфеля как через Везуль, так и через Грай. Бурбаки, которому приходилось размышлять о стратегических ходах не вдали от выстрелов, подобно Фрейсинэ, а, наоборот, в сфере опасности, оказался недостаточно гибким умственно, чтобы обдумать все возможности. Он счел доказанным, что неприятель будет продолжать наступление в раз избранном направлении, хотя с точки зрения германского командования оно более не имело смысла. Но если Мантейфель так плохо управлял, то Бурбаки и при медленном отходе (без чего он считал трудным поддерживать порядок в войсках) имел бы немцев перед фронтом, а не во фланговом положении, угрожавшем охватом. Если Бурбаки предполагал, что Мантейфель в Везуле, то это была мечта, соответствовавшая его желанию.

Точно так же и распоряжение Бурбаки о сосредоточении в Боме и Клервале восьмидневного запаса продовольствия являлось плодом воображения. Интендант Восточной армии столь же мало мог это исполнить, как комендант Безансона произвести указанные ему разрушения мостов. Для обеспечения возможности таких дел Гамбетте нужно было быть администратором вроде Наполеона I, который на вершине своих успехов, в 1807 г. в Восточной Пруссии, по данным его «Военной корреспонденции», самым компетентным образом занимался деталями обороны рейнских крепостей. После огромных ко-

[1] Комендант Безансона имел только 9 батальонов, «едва умевших держать ружья». В эти дни, получив еще 9 других батальонов из Лиона, он безотлагательно отправил это ценное, прекрасно снаряженное подкрепление обратно, по той причине, что солдаты имели ружья Энфильда, а у него не было патронов для этого оружия. Из Ле-Мана Шанзи послал 7 совершенно необученных батальонов в Южную Францию (см. стр. 319).

личественных достижений Гамбетты у Мольтке и у короля родилось опасение, не может ли во Франции вторично образоваться нечто подобное классическому времени бонапартизма. Исторические воспоминания тяжело давят как на выдающихся, так и на обыкновенных людей.

Еще 19 января германские авангарды заняли три постоянных моста у Грая и Апремона, а также железнодорожный мост западнее Френа, который был найден в полной сохранности, после того как разрушенная раньше мостовая арка была восстановлена французами, «travaillant pour le roi de Prusse» [1]. Глубокая, шириной в 60 *м* Саона, по которой шел лед, могла бы представить серьезное препятствие при спешном наступлении против Кинже, и потому пруссаки были очень довольны тем, что четыре постоянных моста остались неповрежденными. У Севе, где французам удалось разрушить канатный мост, прусские саперы навели через Саону военный мост длиною в 57 *м*. Однако, вследствие глубины реки его удалось устроить лишь для кавалерии и пехоты. Ночью из-за льда пришлось даже разобрать этот мост, и 20 января постройка моста была начата почти совершенно заново.

В этот день и на следующий день 2-й и 7-й корпуса перешли по пяти названным мостам через Саону, продвинулись главными силами до Муассея и Марнэ и овладели тремя мостами через р. Оньон у Марнэ, Пина и Этюза; французы смогли разрушить эти мосты лишь настолько, что они все же остались проходимыми для отдельных пехотинцев и вообще вскоре были восстановлены. Четвертый мост был наведен саперами у Пема, и оттуда авангард 2-го корпуса дошел до Доля на р. Дуб. Этим самым он стал уже у базиса французской армии, потому что в Доле разветвлялись западная дорога к Луаре и одна двухколейная дорога из обеих южных дорог, которые вели на Лион.

Когда Бурбаки, который после сражения на р. Лизен простоял четыре дня близ места боя, получил это ошеломляющее известие, то он сделал все возможное, чтобы, по крайней мере, спасти одноколейную дорогу на Лион, тем более что телеграмма Фрейсинэ, теперь тоже понявшего обстановку, напоминала ему об опасности окружения. Еще ночью Бурбаки выслал одну дивизию, приказав перевезти пехоту по железной дороге. Командир дивизии получил инструкцию во что бы то ни стало занять Кинже и Арк-э-Сенан, а также всеми силами помешать разрушению железнодорожного моста через р. Лу (Loue) [2]. Главные силы армии следовали тоже ночным маршем. Таким образом, обе армии стремились к решительному пункту, причем для французской это была скачка на жизнь или смерть.

Во время этого кризиса Восточная армия испытала чувствительную неудачу. Мантейфель, озабоченный тем, что ему приходилось вклиниться между Бурбаки и Гарибальди, занимавшим Дижон, не удовольствовался наблюдением за последним, а приказал его атаковать, хотя и слишком слабыми силами: всего одной из 9 бригад 2-го и 7-го корпусов. Гарибальди сильно укрепился в городе, но оттуда не двигался. Французская дивизия Пеллисье, приданная итальянцам вместо дивизии Кремера, состояла из одной национальной гвар-

[1] Работавшими на прусского короля (известная поговорка).— *Ред.*
[2] Приток р. Дуб.— *Ред.*

дии и чувствовала себя настолько небоеспособной что отошла к Бому. Однако, 17 000 партизан было достаточно, чтобы 21 и 23 января отбить атаки 3 000 пруссаков. Последние потеряли $^1/_5$ рядового состава, но Гарибальди, отряды которого совершенно не имели наступательной силы, не извлек из своей победы никаких оперативных результатов. После этого он держался столь же пассивно, как и прежде.

Успокоенный тем, что Гарибальди сильно атакован, Мантейфель, в то время как в тылу его происходили бои у Дижона, продолжал свое наступление на Кинже. После того как реки Саона и Оньон были перейдены еще в период с 19 по 21 января и войска Мантейфеля в последний день уже переправились у Доля через р. Дуб, 22 января были взяты четыре постоянных моста на р. Дуб, близ Дампьера[1]. Найдя их неповрежденными, немцы были тем более довольны, что понтонный парк 7-го корпуса еще только ожидался из Эпиналя, а имевшийся легкий мостовой парк был недостаточен для наведения моста через реку шириной от 80 до 120 *м*.

На 23 января 2-му корпусу было приказано оставаться у Доля; 7-му корпусу — одной дивизией достигнуть железнодорожного моста через р. Лу близ Кинже. Таким образом, 23 января должно было сделаться решительным днем.

Из французской пехоты, которую следовало перебросить в Кинже по железной дороге, могла быть перевезена туда только одна бригада, потому что нехватало подвижного состава. Эта бригада прибыла в Кинже в ночь с 22 на 23 января, т. е. раньше немцев, но последний поезд, подходивший на рассвете 23 января, был уже встречен гранатами германской конной артиллерии. Затем, когда появились головные части германской пехоты, французская бригада отступила в полнейшем беспорядке, закупорив дорогу своей артиллерии. Почти треть французов сдалась немцам, все остальное хлынуло к Безансону, в направлении на главные силы. Остаток дивизии, приближавшийся к Кинже походным порядком, был вовлечен в это бегство, так что инструкция, полученная командиром дивизии от Бурбаки — защищать железнодорожный мост до последней возможности, — оказалась совершенно невыполнимой. Впрочем, если бы дивизия 15-го французского корпуса действительно отбросила дивизию 7-го германского корпуса, то это также не принесло бы пользы, потому что дело заключалось не столько в головных частях обеих армий, сколько в расстоянии их главных сил от железнодорожных узлов. Другая дивизия 7-го германского корпуса стояла у Дампьера, 2-й корпус у Доля, тогда как Восточная армия только что достигла Безансона. Следовательно, немцы отрезывали французов от железных дорог; между тем, французские войска, как мы знаем, могли оперировать только вдоль железных дорог. Выше я говорил о бесполезной трате сил, которой Мантейфель подверг свои войска, когда повел их в восточном направлении через Лангрское плато. Затем, избрав правильное южное направление, он действительно выиграл операцию сапогами. Труд германского генерального штаба подчеркивает, что Мантейфель и после перехода через плато 18 января и перемены цели марша должен был потребовать от обоих корпусов величайших усилий и лишений и имел к тому возможности. В другом положении

[1] Не смешивать с одноименным пунктом на Салоне близ Саоны. См. выше, стр. 402.

находился противник, войска которого были непослушны, и вот Бурбаки старался себе внушить, что немцы наверняка придут через Везуль, а не через Доль. Этот самообман позволил ему для морального укрепления армии продержать ее на месте в продолжение четырех дней.

Несмотря на это, после своего отступления к Безансону армия Бурбаки состояла только из неуправляемых толп, тем более, что отрезывание начало уже вредно влиять на снабжение. Мы знаем дикие сцены, которые разыгрывались при перевозке 1-й Луарской армии от Невера к бургундским станциям вследствие неравномерного обеспечения войск продовольствием со стороны интендантских чиновников. Теперь они повторились близ Безансона в еще бо́льших размерах. Голодающие солдаты штурмовали вагоны с продовольствием. Так как солдаты, часть которых не имела шинелей, жестоко страдали от холода, то они зажигали костры даже из предметов военного снаряжения. Несмотря на это, на железнодорожных станциях, где теснились дезертиры, находили трупы замерзших.

Мы видели, что в этой горной войне на долю 2-го и 7-го германских корпусов выпало также не мало усилий и лишений. Справедливо утверждает Леокур, что главная причина внутреннего разложения Восточной армии заключалась не в голоде, редкой населенности и непроходимости Юры, а в отсутствии дисциплины. Но даже во главе таких войск Бурбаки не подвергся бы непосредственной опасности, если бы, согласно требованию Фрейсинэ, он своевременно занял позицию между Безансоном и Оксонном, имея железнодорожные узлы позади себя. Мы неоднократно видели, что народное ополчение упорно защищало укрепленные позиции, столь же упорно, как и гарибальдийцы. Бурбаки располагал 187 батальонами, Мантейфель имел только 96, включая и силы Вердера, который приближался к Бому, впрочем весьма осторожно. Однако, Восточная армия была теперь еще менее пригодна к наступлению, чем при Виллерсекселе и на р. Лизен. На военном совете 24 января Бурбаки поставил своим генералам вопрос: способна ли армия наступлением в направлении на Дампьер и Доль проложить себе путь к позиции, на которой ее левое крыло примыкало бы к Оксонну? После того как военный совет ответил на этот вопрос отрицательно, оставалось лишь единственное средство: вернуться к тому, без чего армия едва могла обойтись несколько дней[1] — к железной дороге. Нужно было двигаться на Понтарлье, откуда шла железная дорога в Лион. Но Понтарлье находился у самой швейцарской границы. После того как генералы приняли неизбежное решение относительно этой перемены позиций, по всему офицерскому корпусу Восточной армии, сверху донизу, как огонь по проводу, распространился крик ужаса: «Мы идем ко второму Седану!»

Под Парижем день 23 января тоже сделался решительным днем. Жюль Фавр явился в королевскую главную квартиру для ведения переговоров о капитуляции. Правда, в Париже еще оставалось хлеба на двенадцать дней и можно было использовать для продовольствия 22 000 лошадей, так что, при ежедневном расходе в 800 лошадей, мяса хватило бы даже на месяц. Но военный хлеб был уже так плох, что нельзя было увеличивать примесь суррогатов. Кроме того, если

[1] Ср. стр. 244, 251, 313.

бы перед капитуляцией были съедены последние ломти, то затяжной голод мог перейти в острый, потому что победитель даже при наибольшей готовности был бы в состоянии лишь постепенно подвезти продовольствие, нужное для огромных людских масс. Впрочем, с Парижем дело обстояло совсем иначе, чем с Мецом, где Базен, при рациональной борьбе с голодом, мог бы изменить военную обстановку в пользу Франции[1]. Без сдачи Парижа и трехнедельного перемирия, которое, однако, не распространялось на департаменты Дуб, Юра и Кот-д'Ор, переход Восточной армии на швейцарскую территорию все-таки был неизбежен. Правда, французы стояли ближе к Понтарлье, чем Южная армия, но эта разница в пользу Бурбаки с избытком уравновешивалась более строгой дисциплиной и способностью к походным движениям на стороне немцев. Сапогами французы не могли выиграть у немцев оборонительную позицию у Понтарлье, а восстановить посредством наступления железнодорожную связь с Лионом было с такими войсками немыслимо. В ночь с 25 на 26 января Бурбаки телеграфировал в Бордо, что если неприятель не будет атакован с тыла, то Восточная армия погибнет. Позади Мантейфеля находились неспособный к действиям 25-й корпус на Луаре и вооруженные силы в Париже, которые со времени сражения у Мон-Валерьена оставили всякую мысль об оказании помощи французским войскам в провинциях и начальники которых 28 января подали голос за капитуляцию и перемирие.

В отчаянии Бурбаки выстрелил в себя из револьвера, но рана уже через несколько дней оказалась неопасной. При преследовании Южной армией отступавших в Швейцарию французов один померанский полк проявил большую энергию. По ту сторону Понтарлье у Ля-Клюза, где укрепленный замок Жу полностью господствует над долиной р. Дуб, столпились в занесенной снегом местности французские обозы. Немцы не имели никакого реального интереса брать пленных; как мы видели, их было и без того слишком много, — и представлялось целесообразным построить Восточной армии золотые мосты в прекрасную Швейцарию, где она была бы в полной сохранности. Но честолюбие увлекло пруссаков в атаку против французской пехоты, прикрывавшей обоз. Пользуясь местными условиями, последняя произвела энергичную контратаку, и прусский полк потерял в бесполезном бою $^1/_5$ рядового состава и почти половину офицеров. При существовавшей обстановке 1 600 пленных и 400 захваченных повозок не были утешением в этой ненужной потере.

Поскольку французы, перешедшие 1 февраля границу, не побросали свои ружья еще раньше на французской земле, они с радостью сложили их в Швейцарии. Один очевидец рассказывает: «Вид масс, вступавших в Швейцарию, производил неизгладимое впечатление. Они не имели даже никакой видимости регулярных войск. Офицеры не командовали. Они шли в деревянных башмаках, в туфлях, среди солдат, у которых ноги были обмотаны лоскутьями форменной одежды... Можно было слышать все наши диалекты — начиная от древнего наречия басков до эльзасского наречия и до арабского языка наших стрелков».

Довольно много кавалерии ушло по горным тропам в Лион; туда ушли также 1½ дивизии пехоты и некоторое число небольших

[1] Ср. стр. 305.

пеших команд. Если считать силы спасшейся пехоты ровно в 2 дивизии, то Франция потеряла вследствие катастрофы Восточной армии 13 дивизий. Около 9 дивизий полевой армии капитулировали в Париже [1], так что Франция в этот катастрофический день 23 января лишилась 22 дивизий. Она сохранила 23 дивизии, в том числе 10 дивизий Шанзи у Лаваля [2], которые после катастрофы у Ле-Мана посетил Гамбетта, и они опять были приведены в порядок. После поражения Северной армии у Сен-Кантена Гамбетта появился также в лагере Федерба, чтобы в этих 5 дивизиях пополнить кадры и вообще лично провести все нужные меры. Кроме того, республика располагала еще 25-м корпусом на Луаре, о котором уже неоднократно говорилось, что состояние его 2 дивизий не нуждается в характеристике. На Луаре во время перемирия был сформирован еще 26-й корпус, и в Нормандии стоял 19-й корпус [3] на полуострове Карентан, а также не имевший номера корпус из Гавра.

Все эти корпуса имели только по 2 дивизии, так что, следовательно, полевые армии республики во время перемирия состоят в общей сложности из 23 дивизий. Немцы имели 38 дивизий [4], с которыми они до 23 января боролись против 45 дивизий. В апогее борьбы немцев против республики, в конце ноября и начале декабря 1870 г., решительные действия в поле были проведены 31 германской дивизией против 32½ французских дивизий [5]. Таким образом, с момента падения Парижа и катастрофы у Понтарлье немцы опять располагали большим численным превосходством, утраченным после провозглашения Французской республики. К этому присоединялось еще качественное превосходство немцев, которое было значительно больше проявленного в сражениях на Луаре. Общественное мнение Франции окончательно отчаялось в способности правительства повернуть военное счастье. Среди глубочайшего уныния огромного большинства французов, особенно носивших оружие, в случае, если бы даже меньшинство, сплотившееся вокруг Гамбетты, все-таки настояло на продолжении войны, Мольтке был теперь достаточно силен, чтобы осуществить свою мысль (зародившуюся еще в начале декабря) о движении армии на Лион. Это повело бы к росту революционных сил во всей стране. Кроме того, приближение германской армии к границе Италии было жестом крупного дипломатического значения, так как итальянские политики вместе с Бейстом и Гладстоном питали надежду вмешаться в пользу Франции.

Однако, национальное собрание, избранное во время перемирия и открытое в Бордо, похоронило надежду на франко-австро-итальяно-английскую коалицию. У друзей Франции в европейских кабинетах создалось впечатление, что это государство едва ли еще дееспособно в качестве союзника. Правда, от них не могло ускользнуть, что и германская армия была значительно ослаблена, но зато она импонировала с внешней стороны. К тому же она имела опору в нетронутых вооруженных силах России. Дружба между Пруссией и царской империей была главной причиной того, что французское

[1] Считая только 2-ю армию, хотя 3-я и 1-я армии у Мон-Валерьена также вступили в полевое сражение.
[2] Ср. стр. 381.
[3] Ср. стр. 324.
[4] Включая гвардейскую ландверную дивизию.
[5] Ср. стр. 276 и 306.

национальное собрание не нашло союзников и должно было заключить мир. Эта война тоже была выиграна не одними только военными средствами!

Когда нервирующие события 1870—1871 гг. стали достоянием истории, немцы, гордые своими победами в эту войну, потеряли способность чувствовать то состояние внутренней и внешней слабости, которое развивалось в них параллельно с моральным и материальным разложением французских армий. Известная доля ответственности за это лежит на Мольтке. Составителям труда германского генерального штаба о войне 1870—1871 гг. он дал указание, чтобы престиж армии отнюдь не подрывался. Вообще труд германского генерального штаба передал последующим поколениям германских стратегов ложное учение, которое хотя и не высказывается, но читается между строк, а именно — что с немецкими войсками можно сделать все, решительно все. Преемники Мольтке (автор имеет ввиду Шлиффена и его школу. — Р е д.), насильно внушили себе веру, находящуюся в вопиющем противоречии с каждой страницей моего исторического повествования, — будто Францию можно побороть в т е ч е н и е н е с к о л ь к и х н е д е л ь (!). Это была явная невозможность во всех случаях, независимо от того, кто занимал место Гельмута Мольтке — блестящая личность или солидная фигура средних способностей. Именно от такого пренебрежения к историческому опыту и реальным условиям народной жизни, а вовсе не от устранимых отдельных ошибок и несчастных случайностей потерпел крушение Марнский поход немцев в 1914 г.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

Август, принц Вюртембергский, ошибочная тактика при Сен-Прива — 167—168.

Австрия, состояние вопроса о реорганизации армии летом 1870 г.— 13, 14, 20; мобилизация — 13; выступление Австрии могло бы представить серьезную опасность для Пруссии — 330.

Азэ, бой при,— 368.

Альберт, кронпринц Саксонский, при Гравелоте — 147—148, 155; захождение его войск вправо — 169 и сл.; у Бомона — 206 и сл.; у Седана — 213 и сл.; под Парижем — 286 и сл.

Альбрехт, прусский принц, командир одной из кавалерийских дивизий, преследует Мак-Магона после сражения при Верте — 86.

Альбрехт, сын прусского принца Альбрехта, у Бапома — 347 и сл.

Альбрехт, эрцгерцог, о развертывании пруссаков — 26—27.

Альвенслебен, Константин, командир 3-го германского корпуса, при Шпихерне — 44—45; при Вионвиле — 115, 124, 134—135; при Гравелоте — 161, 164, 167; при Лемане — 375, 377.

Ам, внезапное нападение французов— 325.

Арденэ, бой при,— 371.

Армейская группа великого герцога Мекленбургского — 261, 263, 266, 267, 271, 281, 309, 313, 316, 327, 357.

Артенэ, бой при,— 244.

Артиллерия, прусская и французская— 24; германская при Гравелоте — 157—158; Седан — день успехов германской артиллерии — 226—227; прусская крепостная артиллерия — 334; недостатки французской артиллерии на р. Лизен — 385 и сл.; превосходство прусской артиллерии в сражении при Мон-Валерьене — 397; недостаточность германской осадной артиллерии — 400.

Б.

Баварцы, военные порядки и действия при Верте — 76; фланговая атака при Варнифоре — 202; при Базейле — 222, 229, 230; поражение при Балане — 229—230; при Кулмье — 262; при Вильпионе — 287; тяжелые потери при Божанси — 315; недостаточная дисциплина — 315; отвод сильно потрясенного 1-го корпуса назад от Луары к Парижу — 327.

Баден, великое герцогство; проект французского вторжения в Баден — 189, 353; контрмеры Мольтке — 365.

Баденцы — 242, 294—295; в бою при Нюи — 351; при Виллерсекселе — 363—364; на р. Лизен — 385.

Базен, французский маршал; при Шпихерне — 49 и сл.; выдвижение его— 96—97; стремление наступать — 98, 123; отношение к французскому генеральному штабу — 108—109; отступление от Меца — 109; личная храбрость при Вионвиле — 125, 126; шансы его при Вионвиле — 140; переоценка своего успеха при Вионвиле — 142—143; его стратегия измора — 143, 175; разумные соображения перед Гравелотом — 146; была ли возможность уйти от Меца — 181; замысел сражения 31 августа — 217—218; его посредственность — 219; заключительная характеристика — 321.

Банье, бой при,— 246.

Бапом, сражение при,— 347.

Бельфор, осада — 256, 353, 360, 364—365.

Билло, командир корпуса при Бон-ля-Роланде — 279—280; на р. Лизен — 385 и сл.

Бисмарк, не понимает Мольтке — 140; стратегические взгляды — 235; страшное раздражение против Мольтке — 388; взгляды на право войны — 324; решительное выступление за артиллерийский обстрел Парижа — 329 и сл.; Бисмарк и французские военнопленные — 331; его невысокое мнение о германском генералитете — 339; стремление, по политическим причинам, оставить военнопленных во Франции — 339—340; стремление подорвать положение Мольтке — 372.

Бич, французская крепость, место расположения магазина — 28, 60—61.

Блюменталь, начальник штаба прусского кронпринца, его приказ по армии от 5 августа — 64, 65; после победы при Верте его нервы не выдерживают — 84; несмотря на это, старается устроить Мак-Магону Канны — 88; раздражение против Мольтке — 90; принадлежит ли ему или Мольтке первенство мысли о захождении против Мак-Магона — 186; ошибочные диспозиции для движения на северо-восток — 198—199; Блюменталь против бомбардировки Парижа — 330 и сл.

Божанси, сражение при,— 310.

Бозе, командир 11-го корпуса, при Верте — 69 и сл., 227.

Бомон, сражение при,— 201 и сл.

Бон-ла-Роланд, сражение при,— 281.

Боннемен, французский кавалерийский генерал, уничтожение его дивизии при Верте — 79.

Ботмер, баварский генерал, при Верте — 65 и сл.

Бранденштейн, офицер генерального штаба, его миссия при Коломбей-Нуйльи — 102; при Гравелоте — 164—165.

Бри, бой при,— 285 и сл.

Бриан, французский генерал — 324; успешное прикрытие Гавра — 324, 325.

Бриар, бой при,— 354.

Бурбаки, французский генерал — 270; на Луаре — 301; командующий 1-й Луарской армией — 310—311; стремление отступать до Лиона — 312; мнение Мольтке о Бурбаки — 358; его стратегическое бессилие в отношении Фрейсинэ — 358; силы Бурбаки против Вердера — 363, 365; на р. Лизен — 385 и сл.; его предположения — 404; военный совет — 407; покушение на самоубийство — 408.

Бурж, его стратегическое значение — 258, 261, 307—308, 310 и сл., 322.

В.

Вальдерзее, граф, поручение к Фридриху Карлу — 273; письменный доклад королю об обстановке на Луаре — 277.

Вальтер, генерал-майор, начальник авангарда 5-го корпуса при Верте — 67.

Вандом-Данзе, бой при,— 355—356; неудача немцев при Вандоме — 368—369.

Ведель, гибель его бригады при Вионвиле — 134.

Вейсенбург, важный пункт, место расположения французских магазинов 27—28; столкновение при Вейсенбурге — 39, 40, 60.

Верден, взятие его — 257—258.

Вердер, командир 14-го корпуса — 242; недовольство Мольтке Вердером — 255, 323; экспедиция Вердера против Отэна — 294—295; ошибки управления — 308; нерешительность в действиях против Бурбаки — 355, 357; при Виллерсекселе — 363—364; ошибочные тактические диспозиции на р. Лизен — 384; медлительность после сражения на р. Лизен — 407.

Верт, сражение при,— 57 и сл. 290.

Виллер-Бретоннэ, стычка при,— 277 и прим. 2, 278.

Виллерсексель, стычка при,— 363—364.

Вильгельм I, его отношение к Мольтке, Роону и Бисмарку — 140—141, при Могадоре (Гравелоте) — 164; оперативные ошибки — 165—166; пессимизм — 267; отношение к игольчатому ружью и тактике пехоты — 25, 273 — 275; решается на артиллерийский обстрел Парижа — 332; упадок духа в январе 1871 г.— 372.

Вильгельм, герцог Мекленбургский, начальник отряда при Вандоме — 368—369.

Вильер, сражение при, — 283—284, 288—291.

Вильпион, бой при,— 287.

Вимпфен, французский генерал, командующий армией при Седане — 223, 225—226.

Винтерфельдт, офицер прусского генерального штаба, при Гравелоте — 155—156, 162.

Винуа, французский генерал, его отступление от Мезьера на Париж — 235; в Париже — 248; при Вильере — 282—283; при Эпинэ — 288; при Ле-Бурже — 343; в сражении при Мон-Валерьене — 396 и сл.

Вионвиль, сражение при,— 113 и сл.; величайшее кавалерийское сражение войны — 136.

Виттих, прусский командир дивизии, при Пупри — 300; при Божанси — 310, 314; во время преследования Шанзи после сражения при Ле-Мане — 380.

Военнопленные французы, обращение с ними — 339—340.

Вьерзон, французские главные военные заводы — 312—313.

Вюртембержцы, слабая способность пехоты к передвижениям при атаке Фрешвейлера — 81; при Вильере — 283 и сл.; в сражении при Мон-Валерьене — 398.

Г.

Гамбетта — 245; в Туре — 248; меняющиеся операционные планы — 270, 371; при Луарской армии — 314, 320; его недостатки как военного министра — 358—359, 404—405; недостаток материальных средств — 382; в лагере Федерба — 409; стремление продолжать войну и после падения Парижа — 409.

Ганке, майор, оперативное доверенное лицо Блюменталя при Верте — 68.

Гарибальди, Джузеппе, причиняемые им немцам беспокойства — 265—266, 294, 295, 386, 389—390, 402; бесполезная победа при Дижоне — 405—406.

Гарибальди, Риччиотти — 266, 402.

Гартман, баварский генерал, при Верте — 65.

Гебен, прусский генерал, при Шпихерне — 45; при Гравелоте — 157, 159—160; Гебен как стратегический ментор Мантейфеля — 277—278; Гебен о Шалонском лагере — 290; о реквизициях у населения — 323—324; на р. Халлю — 344 и сл.; при Бапоме — 347; при Сен-Кантене — 390 и сл.; критика Леокура относительно Гебена — 392.

Генеральный штаб, прусский и французский — 23; опасные выводы германского генерального штаба из военных событий 1870—1871 гг.— 410; труд германского генерального штаба о войне 1870—1871 гг.— 164, 166, 410.

Глюмер, прусский командир дивизии, при Шпихерне — 43, 45—46.

Гогенлоэ, принц, артиллерийский генерал — 158.

Гольц, фон-дер, генерал-майор, при Шпихерне решает дело — 46; захват инициативы при Коломбей-Нуйльи — 103, 104.

Герсдорф, прусский командир корпуса — 227.

Гравелот, сражение при,— 144 и сл., 233.

Гребен, прусский кавалерийский генерал — 347—348.

Гренье, французский командир дивизии: ответственность за поражение при Шпихерне — 57—62.

Гюне, офицер разведывательной службы при Вионвиле — 114.

Д.

Данфер, защитник Бельфора — 365.

Диденгофен, взятие его — 268.

Дисциплинарные роты французские, их боевая сила при Азэ-Мазанже — 368.

Дуэ Абель, командир дивизии — см. Вейсенбург.

Дуэ, Феликс, французский командир корпуса — 38; в дни перед сражением при Бомоне — 197 и сл.; при Седане — 227 и сл.

Дюкро, французский полководец, при Верте — 59, прим.; подвергается внезапному нападению при Туртероне — 192; принимает главное командование под Седаном — 222—223; в Париже — 248; при Вильере — 282 и сл.; подчиненный угрожает ему оружием — 341;

падение наступательной силы его армии — 352; в сражении при Мон-Валерьене — 396—397.

Е.

Евгения, императрица и регентша — 92.

Ж.

Железные дороги, французские — 14 и сл.; разрушения и недостаток подвижного состава после перехода их в руки немцев — 243, 265, 294, 326, 328, 329, 333, 350, 359, 360, 388; перевозка Луарской армии в Бургундию — 369, 384, 388—389; первое в Европе военное вторжение, базирующееся на железные дороги — 267; германские железные дороги — 19.

Жизор, внезапное нападение при,— 324.

Жорес, французский командир корпуса — 249, 310.

З.

Зуавы, отборная французская пехота — 58, 69, 83; папские зуавы, успешные действия их при Луаньи — 300.

И.

Игольчатое ружье — 25, 152, 207, 273.

К.

Кавалерия, германская и французская — 25; использование германской кавалерии Мольтке — 41; французская кавалерия по оценке Мак-Магона — 79; неподвижность германских кавалерийских дивизий — 145; устарелое применение германской кавалерии — 180; превосходство ее над французской — 194; кавалерийские атаки в сражениях как замедляющий фактор — 208; плохое огнестрельное оружие германской кавалерии — 241; ее боевые успехи при Луаньи — 299.

Камеке, прусский командир дивизии при Шпихерне — 42 и сл.

Камо, французский командир дивизии — 309, 324.

Кандидатура на испанский престол и ее значение для начала военных событий — 21.

Канробер, французский маршал, переброска его 6-го корпуса из Шалона в Мец — 93—94; при Вионвиле — 124; ошибки при Гравелоте — 172; при Нуасвиле — 219, 220.

Каприви, начальник штаба германского 10-го корпуса; его оперативная проницательность при Вионвиле — 126, 130 и сл., сопротивление разделению 10-го корпуса накануне Бон-ля-Роланда — 279; его заслуги — 321, 328; решительное выступление при Ле-Мане — 375—376.

Кирхбах, командир 5-го германского корпуса, при Верте — 68; в сражении при Мон-Валерьене — 396 и сл.

Коломбей-Нуйльи, сражение при, — 120.

Консейль-Дюмениль, французский командир дивизии, при Верте — 83; при Варнифоре — 202.

Кремер, французский командир дивизии — 295; при Нюи — 351; в Дижоне — 360; на р. Лизен — 365, 385 и сл.

Круза, французский командир корпуса, при Бон-ля-Роланде — 280.

Кулмье, стычка при,— 262.

Куммер, прусский генерал — 348—349.

Куртен, французский командир дивизии — 368 и сл., 374.

Л.

Ладоншан, бой при,— 254.

Лан, капитуляция и взрыв порохового склада — 240.

Лангр — 296, 308, 354, 389, 401—402.

Ландвер — 12, 241—242; его недостаточность и слабость — 294, 330, 335 и сл., 364—365, 388; потери на р. Лизен — 386.

Лартиг, французский командир дивизии, при Верте — 73.

Лебеф, начальник французского генерального штаба, заблуждения относительно германского развертывания — 31; отношение Наполеона III к нему — 39; упразднение должности начальника генерального штаба — 96—97; Лебеф как командир корпуса при Нуасвиле — 220—221.

Лебрен, французский генерал и автор мемуаров — 39; как командир корпуса—

194; при Бомоне — 207; при Седане — 223 и сл.

Ле-Бурже, бои при,— 246—247, 342.

Леваль, полковник, начальник французской разведывательной службы — 26—27.

Лейсе, граф, мэр гор. Рейхсгофена — 59, прим.

Леман, германский полковник, при Вионвиле — 127, 128, 130; при Силле-Ле-Гильом — 381.

Леокур — см. Мольтке и Гебен.

Ле-Тертр, у Ле-Мана, бои при,— 378.

Лигниц, прусский генерал — 329.

Лизен, река, столкновения — 365 и сл.; сражение — 383 и сл.

Линкер, офицер разведывательной службы при Вионвиле — 114.

Лион, после Парижа первая крепость Франции — 307.

Луаньи, сражение при,— 298, 299.

Луарская армия (французская) — 249; ее арсеналы — 252; при Бон-ля-Роланде — 281; при Луаньи — 298—299; оставление Орлеана — 303; плохое санитарное состояние в лагере у Ле-Мана — 329; перевозка в Бургундию — 354—355; трудности и отсутствие дисциплины — 383—384, 389, 406—407; катастрофа при Понтарлье — 408—409.

Лямиро, французский командир корпуса, самовольное выступление из Меца — 111; близ Тронвильского кустарника (Вионвиль) — 133; при Нуасвиле— 219—220.

Ляпассе, французский командир бригады корпуса Фальи — 48, 60, 162.

Ля-Фер, взятие его — 268; во время похода на Сомму — 325.

М.

Маасская армия Альберта Саксонского — 176; при Нуаре — 193—194; при Бомоне — 196, 204; при Седане — 213 и сл.; под Парижем — 236 и сл.

Мазанж, бой при,— 368.

Мак-Магон, его силы в Эльзасе — 28—29; мысли накануне сражения под Вертом — 40; переписка с Фальи в Биче — 58 и сл.; управление войсками при Верте — 73, 76; движение из Шалона в Реймс — 177—178; на походе из Ретеля в Мец — 182 и сл.; не хочет двигаться на Мец — 188—189; была ли 29 августа возможность атаковать — 195—196; причины отступления к Седану — 209—210; его колебания — 212; оттеснение его к бельгийской границе — 213; самовнушение — 214; ранение при Седане — 222.

Максау, место переправы французов через Рейн — 27.

Максимилиансау, место переправы французов через Рейн — 27.

Мальмезон, бой при,— 246.

Мантейфель, командир 1-го германского корпуса при Коломбей-Нуйльи — 102—103; Мантейфель и Штейнмец в этом сражении — 105; на р. Сомме — 277—278; занятие Руана — 324; критика Мольтке относительно распыления его сил — 346, 350; Мантейфель во главе Южной армии — 401; бесполезное утомление войск — 403.

Манштейн, командир 9-го германского корпуса, атака на Мезон-Бланш (Вионвиль) — 136 и сл., 160; при Гравелоте— 151—152; под Орлеаном — 304; к югу от Луары — 305; назначение его для действий против Блуа и Буржа — 310—311.

Марнская железная дорога, основная германская коммуникационная линия с малой пропускной способностью — 243, 294, 326, 388.

Мезьер, осада — 268, 269, 325, 334.

Менг, бой при,— 309.

Мец, обложение — 176; осада — 252 и сл.; капитуляция — 255—256.

Митральезы — 24, 44, 152—153, 387.

Мишель, французский кавалерийский генерал, уничтожение его бригады при Верте — 77.

Мобили — 13, 21, 236, 248, 288—289, 301, 346, 347, 365, 385, 395, 399; местные формирования — 308.

Мобилизация германская и французская — 14, 26.

Мобилизованные во французскую армию — 319.

Мольтке, оперативные планы — 11 и сл.; использование кавалерии — 41; стремление к решительному сражению по образцу Кениггреца — 32, 64, 90; изменение оперативного плана — 94; стремление оттеснить противника

к Люксембургу — 122; переход через Мозель и роль Мольтке — 139; основная линия военного искусства Мольтке — 173; уязвимая тактика его при Гравелоте — 154—155, 174—175; дурное настроение после сражения — 175; Мольтке — считается с уходом Базена из Меца — 184; захождение против Мак-Магона — 186—187; гибкость военного искусства Мольтке — 196—197; различные ошибки перед сражением при Бомоне — 199—200; замысел сражения перед Седаном — 216; диспозиции, составленные вечером накануне сражения у Седана, не оправдывают возлагавшихся надежд — 224; Мольтке как один из виновников неудачи баварцев — 230; его преждевременный оптимизм — 258; перемена настроения — 264; неуверенность и нервность — 267; отрицательное отношение к осаде Парижа с помощью артиллерии — 260, 329—330, 332; потеря стратегической инициативы — 270; переход на Луаре к обороне — 273 и сл.; приспособление к психике Фридриха Карла—276; при Вильере—285; Мольтке побуждает Фридриха Карла к наступлению на Луаре — 287; обсуждение после неудачи при Бри и Шампиньи возможности снятия осады Парижа — 288—289, 322; планы войны на два фронта после 1871 г.— 273, 293; Мольтке и франктиреры — 296—297; возмущение стратегией Фридриха Карла — 297; взвешивание возможностей марша на Лион — 307; Мольтке требует от Фридриха Карла наступления на Бурж— 307; его военное искусство связано и встречает препятствия — 313; подавленное настроение в декабре 1870 г.— 320; смелость стратегии Мольтке — 322; различные виды обороны — 322—323; критика методов управления Вердера — 323; спор с Рооном по поводу ландвера — 335 и сл.; роковая ошибка у Монт-Аврона — 343; заблуждение относительно местонахождения Луарской армии — 355—356; приказ о прикрытии осады Бельфора посредством сражения — 365; письмо Штиле о серьезности кризиса в январе 1871 г.— 366; нападки Леонкура на Мольтке — 376—377; Мольтке чувствует себя неудовлетворенным еще после побед на р. Лизен и при Сен-Кантене — 395.

Монмеди, взятие его,— 269.

Монт-Аврон — 283, 288, 343.

Морская пехота, французская — 177, 234, 303.

Моссион, бригадный командир корпуса Фальи — 60.

Н.

Наполеон III, прибытие в Мец — 19; оперативный план — 27, 30; каменная болезнь — 30, 39; мысли об обстановке до первых сражений — 37—38; изменение оперативного плана после первых сражений — 91 и сл.; влияние внутреннего политического положения в стране на его стратегию — 99; Наполеон III покидает Рейнскую армию — 123; не хочет двигать Шалонскую армию на Мец — 188—189; его бессилие — 190; во время переезда по железной дороге в Седан — 211; капитуляция — 231—232.

Национальная гвардия — 248, 346, 373, 377, 380, 395—396, 399, 405.

Нейбрейзах, падение его — 256.

Ниэль, организатор французской армии — 21.

Ножан, уличный бой в городе — 244.

Нуар, бой при,— 194.

Нуасвиль, сражение при,— 218.

Нюи, бой при,— 315.

О.

Обоз, превосходство германского над французским — 251, 252, 333, 361; плачевное состояние обоза Луарской армии — 360, 408.

Огневая дисциплина у пруссаков и баварцев при Верте — 84; у баварцев при Седане — 230; при Луаньи — 299; при Божанси — 310.

Оливье, председатель французского совета министров, вмешивается в стратегию — 91.

Орель-де-Палладин, французский полководец — 259—260, 263; за оборонительно-наступательную стратегию—270, 293.

Офицерский корпус, германский и французский — 22.

П.

Паликао, французский военный министр, самовнушение — 179; незрелые

стратегические идеи и его ответственность за катастрофу Мак-Магона — 189—190.

Париж, обложение города — 236; можно ли было взять его внезапным нападением — 238; осада и бомбардировка — 242—243; 260—261, 330 и сл., 395, 399 и сл., голод и лишения в Париже — 341—342, 396; капитуляция — 408.

Паск, бой при,— 294.

Пейльи, бой при,— 391.

Перемирие — 408.

Перонн, осада — 346—347, 349—350.

Перш, особенности местности — 369.

Побережье Германии, расположение там войск — 12.

Подбельский, офицер разведывательной службы при Вионвиле — 114, 128.

Подевиль, ружье — 67.

Понтарлье, катастрофа близ,— 407—409.

Почтовые голуби — 248, 269, 342.

Пупри, сражение при,— 300.

Р.

Развертывание немцев — 30 и сл.; французов — 27.

Революционные организации в Лионе — 249, в Сен-Кантене — 341.

Резервные офицеры, прусские — 74.

Рейнская армия — 29; трудности ее отступления от Меца — 108—109, 189—190.

Роон, борьба за новое ружье и реформы в тактике — 25, 273, 275; против стратегии Мольтке — 140—141, 234—235; за бомбардировку Парижа — 332; спор с Мольтке по поводу ландвера — 335 и сл.; стремление поместить взятых в Седане и в Меце пленных в Шалонском лагере — 339; старания подорвать положение Мольтке — 372.

С.

Самюэль, капитан французской разведывательной службы — 26.

Седан, сражение при,— 222 и сл.

Сент-Авольд, важный пункт, где расположены были французские магазины — 28.

Сен-Мор, полуостров, образуемый р. Сеной близ Парижа — 343—344.

Сен-Прива — 168.

Сент-Юбер, бой при,— 375—376.

Стефан, баварский командир дивизии, решительный удар при Верте — 81—82.

Стоффель, полковник, французский военный представитель в Берлине — 22, 27; его поступок в Реймсе — 179.

Стош, германский штабной офицер — 272; при Луаньи-Пупри — 301; конфликты с Фридрихом Карлом — 309 и сл.; заслуги Стоша — 321; оценка общей обстановки в конце декабря — 329, 334—335; в Версале — 357.

Страсбург, осада и капитуляция — 241.

Стратегия измора, примененная французами — 144, 175, 346, 371, 391, 393.

Строевой устав прусский — 25, 274.

Стен (под Парижем), бой при — 343.

Суассон, капитуляция — 250—251.

Т.

Тактика пехоты, германская и французская — 22, 25, 74—75, 273—274, 283—284.

Тактика французов при Верте — 73—74.

Танн, фон-дер, баварский генерал, при Верте — 72, прим. 76; при Седане — 217, 222, 229—230; взятие Орлеана — 245.

Тертри, бой при,— 391.

Тресков, генерал-майор, командующий войсками, осаждавшими Бельфор,— 357.

Тресков, прусский генерал-лейтенант, командир дивизии при Луаньи — 300; под Орлеаном — 304; при Менге и Божанси — 309; во время преследования Шанзи после сражения при Ле-Мане — 380.

Трошю, французский генерал — 91; главнокомандующий войсками в Париже — 237, 246, 248, 269, 285, 342—343, 396.

Тур, резиденция Гамбетты и Фрейсинэ — 248—249; взятие немцами — 382.

Тьер, круговая поездка по европейским правительствам — 236.

Тюркосы, отборная французская пехота — 58, 69, 83.

Ф.

Фавр, Жюль, французский министр иностранных дел — 236; отсутствие точных данных о запасах в Париже — 293; переговоры о капитуляции — 407.

Фальи, французский командир корпуса — 40; Фальи и Мак-Магон перед сражением при Верте — 58 и сл.; медлительность Фальи в день сражения при Верте — 81—82, 88; отказ от движения в Мец — 94; его медлительность при марше Мак-Магона на Мец — 191; при Бомоне — 40 и сл.

Фарр, французский генерал — 277—278.

Федерб, французский генерал — 325—326; на р. Халлю — 344—345; при Бапоме — 348—349, 391; не великий, но дельный полководец — 350; его тактика измора — 371, 393; при Сен-Кантене — 390 и сл.

Фойхтс-Рец, Константин, командир 10-го корпуса, при Вионвиле — 116, 127—128, 131—132, 134; под Мецом — 256; при Бон-ля-Роланде — 279; утомление войной — 319; отрыв его от своего обоза в Перше — 368—369; операции в Перше — 370 и сл.; под Ле-Маном — 374—375.

Фойхтс-Рец, полковник, начальник штаба 3-го корпуса, при Вионвиле — 131—132, 134, прим.; под Ле-Маном — 375.

Форбах, местоположение важного французского магазина — 28.

Франзецкий, командир 2-го корпуса при Гравелоте — 166; под Мецом — 256; при Бри и Шампиньи — 285—288; операции против Бурбаки — 402 и сл.

Франктиреры (вольные стрелки) — 240—241, 243—244, 251, 267—268, 271, 273, 281—282, 296, 330, 388, 401.

Фрейсинэ — 249, 263; руководитель по всем стратегическим вопросам в Туре и Бордо — 358; его несостоятельность — 358; перемена его стратегии — 293, 371; фантастические инструкции, данные им Бурбаки — 403—404.

Фрешвейлер, бой при,— 67, 68, 81.

Фридрих Вильгельм, кронпринц прусский, командующий 3-й армией, его намерения при Верте — 66; при Седане — 224 и сл.; упадок духа в январе 1871 г.— 372.

Фридрих Карл, принц: при Вионвиле — 116 и сл.; его образ мышления и военные качества — 118, 135 и сл.; под Гравелотом Фридрих Карл заставляет гвардию и саксонцев поменяться местами — 147; он не понимает Мольтке — 150; замысел сражения при Гравелоте — 151; ошибочная тактика — 167 и сл.; под Мецом — 252 и сл.; марш к Луаре — 256—257; о достижениях Гамбетты — 271; о франктирерах — 282; ошибки после Бон-ля-Роланда—281—282; Мольтке побуждает его к наступлению — 287; перекрестные и поперечные марши на Луаре—297, 346; движение на Орлеан—302; вина за беспрепятственное отступление Шанзи — 316; нерешительность на Луаре — 318; бесполезное напряжение сил войск — 321, 327, 370, 373; неудавшееся предприятие против Тура — 327; план операции в Перше — 370, 372—373, 379—380; усталость от войны — 371; тяжелый моральный кризис в его штабе перед Ле-Маном — 374—375.

Фридрих Франц, великий герцог Мекленбургский — 261; Мольтке им недоволен — 266—267, 271—272; под Орлеаном — 303; при Божанси в затруднительном положении — 313—314; перекрестные и поперечные марши — 321; командир 13-го корпуса — 357; неповоротливость — 368; в походе против Шанзи у Ле-Мана — 368 и сл., 378.

Фроссар, французский полководец — 30, 32—33, 91; при Шпихерне — 41 и сл., 46—47, 54; поражение при Вионвиле — 125; при Нуасвиле — 219.

Фьерек, французский генерал — 267.

Х.

Хай, бой при,— 282—283.

Халлю, сражение на реке — 344.

Хениг, военный писатель — 127, 133, прим. и 134.

Хенрио — см. Лан.

Хиндерсин, генерал-инспектор прусской артиллерии — 24, 158; о бомбардировке Парижа — 332—333.

Ц.

Цастров, командир 7-го корпуса, при Шпихерне — 35—36, 44—45; при Коломбей-Нуйльи — 102 и сл.; при Гравелоте — 160—161; на р. Ионне — 353 и сл.

Ш.

Шаллемель-Лякур, префект департамента Роны — 307.

Шалонская армия — 183 и сл.

Шампиньи, бой при,— 285—286, 288—289.

Шанзи, французский генерал, при Луаньи-Пупри — 299 и сл.; оттеснение его от Орлеана — 301—302; выступление на первый план — 309; отказ от продолжения наступления у Божанси — 313; при Вандом-Данзе — 356; оборона Перша — 370 и сл.; тактика измора при Ле-Мане — 371; угрозы собственным войскам — 373; военные качества — 376.

Шартр, кровопролитный бой — 246.

Шаспо, ружье — 25, 44; превосходство его над игольчатым ружьем — 71, 152, 273 и сл.

Шатильон (перед Парижем), бой при,— 238.

Шатильон-Жуаньи, важная железнодорожная линия — 328—329.

Шевильи (перед Парижем), бой при,— 243.

Шлетштадт, падение крепости — 256.

Шпихерн, сражение при,— 41 и сл.

Штейнмец, самовольные действия — 32—33, 42; несправедливый упрек ему — 100; его дурное настроение при Коломбей-Нуйльи — 104—105; взаимоотношение с подчиненными — 112—113; неразумные приказы при Гравелоте — 159; удаление с фронта — 176.

Штиле, начальник штаба Фридриха Карла, при Вионвиле — 116; расхождение во мнениях с Мольтке — 118; выпад Фридриха Карла против Штилле — 120; промахи после взятия Орлеана — 305; план наступления на Бурж — 310—311; стремление атаковать при Вандоме — 318; беспомощность у Ле-Мана — 375; оперативная посредственность — 377; после сражения при Ле-Мане Штиле противится преследованию — 380.

Э.

Эпинэ (у Сен-Дени), бой при,— 288, 293.

Этапные линии германские, план французского нападения на них — 270, 353, 402.

Эш, полковник, оперативное доверенное лицо Блюменталя при Верте — 68.

Ю.

Южная армия, образование ее — 360.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

		Стр.
Глава I.	Операционные планы и стратегическое развертывание армий противников. Бой у Вейсенбурга (4 августа 1870 г.)	11
Глава II.	Сражение при Шпихерне (6 августа 1870 г.)	41
Глава III.	Сражение при Верте (6 августа 1870 г.)	57
Глава IV.	Отступление французов на Мец. Сражение при Коломбей—Нуйльи (14 августа 1870 г.)	89
Глава V.	Сражение при Вионвиле (16 августа 1870 г.)	113
Глава VI.	Сражение при Гравелоте (18 августа 1870 г.)	144

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

(Продолжение)

Глава VII.	Поход Мак-Магона на Мец и захождение Мольтке вправо . .	174
Глава VIII.	Сражение при Бомоне, Нуасвиле и Седане (30 августа — 1 сентября 1870 г.)	201
Глава IX.	От блокады Парижа до капитуляции Базена (19 сентября — 27 октября 1870 г.)	233
Глава X.	Контрудар у Кулмье (9 ноября 1870 г.). Победы при Бон-ля-Роланде (28 ноября) и Вильере (30 ноября — 3 декабря)	259

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

(Окончание)

Глава XI.	Победа при Луаньи — Пупри (2 декабря). Прорыв Фридриха Карла через Луарскую армию (5 декабря). Его победа у Божанси (8—10 декабря) и отступление от Луара. Затишье в германских полевых операциях	292

Глава XII. Разногласия в королевской главной квартире. Проблема размещения французских военнопленных 32
Глава XIII. Попытка вылазки из Ле-Бурже (21 декабря). Сражение на р. Халлю (23 декабря). Сражение при Бапоме (3 января 1871 г.). Бои у Нюи (18 декабря 1870 г.). Стычка у Виллерсекселя (9 января 1871 г.). Сражение при Ле-Мане (10—12 января). 341
Глава XIV. Сражение на р. Лизен (15—17 января). Сражение при Сен-Кантене и у Мон-Валерьена (19 января). Обстрел и капитуляция Парижа (5 и 28 января). Переход Восточной армии в Швейцарию (1 февраля). Перемирие и мир (28 января и 1 марта) . . . 383
Предметно-именной указатель 411

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор старший политрук *Большаков*
Технические редакторы *Бабочкин* и *Моисеенко*
Корректоры *Пятигорская* и *Кольчинская*

Сдано в производство 22.3.38
Подписано к печати 22.9.38
Формат бумаги 72×110/16
Объем 26,5 печ. л. + 1 вкл. 0,25 печ. л., 34,75 авт. л.
В бумажном листе 109.120 знаков.

Уполн. Главлита № Г—9828
Издательский № 182. Заказ № 185.

Цена книги 6 р. 50 к., переплета 1 р. 50 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

★

Цена 3 руб.